Проф. Ал. Билимовичъ.

КЪ ВОПРОСУ

О РАСЦѢНКѢ ХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ БЛАГЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Теорія потребностей. Понятіе субъективной цѣнности, цѣны и объективной мѣновой цѣнности.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, 6.
1914.

Пров. 1959

„Пров 38"

др.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.

Оттискъ изъ „Университетскихъ Извѣстій" за 1914 г.

БИБЛИОТЕКА
...ЧЕСКОЙ

439
32

330
Б 61

Посвящается памяти

дорогого учителя

Дмитрія Ивановича

Тихно.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Работа длиннаго ряда экономистовъ надъ теоріей расцѣнки, полная отрицаній одними авторами того, что сдѣлано другими, и кажущаяся подчасъ безплодной, на самомъ дѣлѣ обнаруживаетъ несомнѣнную преемственность экономической мысли. Независимо отъ воли отдѣльныхъ изслѣдователей работа эта является сложнымъ сотрудничествомъ разныхъ школъ и направленій въ изученіи условій расцѣнки хозяйственныхъ благъ. Мысль о связи цѣнности вещей съ ихъ полезностью, вновь возродившаяся въ теоріи предѣльной полезности,—съ одной стороны; подмѣченный фактъ зависимости цѣнности отъ условій производства—съ другой; наконецъ, старая теорія спроса и предложенія, пытавшаяся соединить различные факторы цѣнности, — съ третьей стороны. Все это взаимно дополняющія другъ друга доли истины, найденныя отдѣльными борющимися направленіями. Новѣйшія примирительныя теоріи цѣнности заняты именно объединеніемъ элементовъ, выдвинутыхъ отдѣльными ученіями, и построеніемъ изъ разрозненныхъ частей цѣльнаго, органически связаннаго механизма расцѣнки.

Работа примирительныхъ теорій, однако, еще далеко не закончена. Очень многое остается спорнымъ и недостаточно выясненнымъ, иное пока совершенно не привлекало къ себѣ вниманія изслѣдователей. Этимъ мы оправдываемъ опубликованіе настоящаго труда.

Особое вниманіе обращено нами на потребности и роль ихъ въ процессѣ расцѣнки. Въ виду этого теоріи потребностей посвящена отдѣльная глава, составляющая почти половину выпускаемаго нынѣ тома.

Другою чертою, характеризующей нашу работу, является использованіе результатовъ, добытыхъ сторонниками теоріи предѣльной полезности и всею той литературной волной, которая поднята трудами этихъ теоретиковъ. Одновременно съ этимъ мы широко пользуемся идеями и построеніями экономистовъ-математиковъ.

При этомъ руководящей нитью всего нашего разсужденія является стремленіе избѣгнуть той односторонности, которою грѣшатъ, какъ чисто-субъективныя, такъ и чисто-объективныя теоріи цѣнности. Слѣдуя примѣру авторовъ, уже ранѣе руководившихся такимъ стремленіемъ, мы пытаемся построить теоретическую схему расцѣнки, учитывающую въ должной мѣрѣ оба момента: субъективный и объективный.

Желаніе облечь свое построеніе въ форму возможно болѣе точныхъ схемъ роднитъ насъ съ экономистами математической школы. Но мы рѣзко расходимся съ ними въ вопросѣ объ измѣримости интенсивности потребностей, равно какъ величинъ полезности и субъективной цѣнности. Нами показано, что вопреки мнѣнію большинства экономистовъ-математиковъ эти величины не измѣримы, а только сравнимы. Поэтому въ нашихъ схемахъ вездѣ при пользованіи этими величинами числа выброшены и оставлены лишь обозначенія соотношеній „больше“ и „меньше“. Рѣшеніе вопроса объ измѣримости указанныхъ величинъ и возможности выражать ихъ числомъ позволило намъ попутно прійти къ нѣкоторымъ выводамъ относительно примѣненія математическаго метода въ экономической наукѣ. Выводы эти изложены нами въ особомъ приложеніи къ первой главѣ.

Наконецъ, нами вновь пересмотрѣны основныя понятія, относящіяся къ ученію о расцѣнкѣ. Сдѣлано это въ виду того, что по поводу нѣкоторыхъ изъ этихъ понятій до сихъ поръ ведутся споры; кромѣ того въ послѣднее время въ этой области появились новыя теченія, въ которыхъ необходимо разобраться.

Въ настоящее время мы выпускаемъ первую часть нашего труда. Помимо введенія она содержитъ теорію потребностей и двѣ терминологическія главы. Изложеніе самого механизма расцѣнки въ эту часть не вошло. Мы рѣшились, несмотря на это, выпустить первую часть отдѣльной книгой, потому что она представляетъ совершенно отдѣльную и въ извѣстномъ смыслѣ законченную теоретическую работу. Работа эта носитъ подготовительный харак-

теръ, она расчищаетъ почву для построенія механизма расцѣнки и не зависитъ отъ того или иного воззрѣнія на законы расцѣнки, изложеніе которыхъ войдетъ во вторую часть работы. Впрочемъ, основныя наши схемы и главные выводы подготовляемой къ печати второй части кратко изложены нами на страницахъ „Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung“ въ статьѣ „Zur Frage der Bewertung der wirtschaftlichen Güter“ (20. Bd. 1911. стр. 623 и слѣд.). Правда, кое-что изъ написаннаго въ этой статьѣ измѣнено нами при дальнѣйшемъ изученіи вопроса Между прочимъ выброшены изъ скалъ потребностей тѣ остатки чиселъ, которые еще сохранены въ названной статьѣ. Но сущность нашего взгляда на механизмъ образованія субъективной цѣнности и цѣнъ изъ этой статьи вполнѣ ясна.

Обратимъ вниманіе еще на слѣдующее. Книга наша изобилуетъ литературными указаніями, въ ней приведено много выбранныхъ мѣстъ изъ различныхъ авторовъ. Объясняется это прежде всего тѣмъ, что многое изъ приводимаго нами очень мало извѣстно; подобранныя цитаты избавятъ другихъ отъ необходимости перечитывать обширную литературу. Кромѣ того, приводя чужія мнѣнія, мы хотѣли показать, что̀ взято нами у другихъ авторовъ, что̀ навѣяно работами другихъ и что̀ привнесено лично нами. Ко многому, впрочемъ, высказанному ранѣе другими, мы пришли самостоятельно. Читатель, знакомый съ литературой вопроса, узнаетъ это по исходнымъ точкамъ нашего разсужденія, по методу, по характеру нѣкоторыхъ выводовъ, наконецъ, по способу изложенія. Лишь позже болѣе подробное изученіе литературы показало намъ, что наша мысль часто шла по тому же руслу, по которому уже раньше направлялись мысли ряда экономистовъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ мы старались указать этихъ авторовъ и подкрѣпить ссылками на нихъ свое разсужденіе.

Но всѣ литературныя указанія, всѣ выдержки и разборъ отдѣльныхъ авторовъ вынесены нами въ примѣчанія. Текстъ или носитъ чисто-догматическій характеръ или посвященъ разбору болѣе общихъ мнѣній, высказанныхъ чаще всего цѣлою группою ученыхъ. Благодаря такому расположенію матеріала читатель, не интересующійся деталями, можетъ познакомиться со всѣмъ ходомъ нашего разсужденія и со всѣми полученными выводами, прочтя только текстъ и опустивъ примѣчанія.

Авторъ.

Оглавленіе

стр

Предисловіе . . . . . v.

Оглавленіе . . . . . ix.

Введеніе 3

§ 1 Область изслѣдованія 3

§ 2 Планъ изслѣдованія 9

§ 3 Постановка проблемы и методъ работы . . . . 11.

Глава I. Теорія потребностей . . . . . 30.

§ 4. Потребности исходная точка хозяйства . . . . . 30.

§ 5. Исторія ученія о потребностяхъ . . . . . 38.

§ 6. Понятіе потребности . . . . . 42.

§ 7. Скала потребностей . . . . . 50.

§ 8 Скала потребностей познается, какъ данный фактъ. 53.

§ 9. Ученіе о потребностяхъ не касается гедонизма . . 59.

§ 10. Количественная сравнимость потребностей . . . . 62.

§ 11. Первый законъ *Gossen*'а . . . . . 74.

§ 12. Нѣкоторыя другія свойства потребностей . . . 79.

§ 13. Второй законъ *Gossen*'а . . . . . 88.

§ 14. Измѣримость потребностей 101

§ 15. Скала потребностей безъ чиселъ . . . . . 116.

§ 16. Несравнимость потребностей нѣсколькихъ лицъ . . 125.

§ 17 Познаніе скалъ потребностей . . . . . 129.

Приложеніе къ I главѣ Замѣчанія о примѣненіи математическаго метода въ экономической наукѣ . . . . 165.

Глава II. Полезность, благо, субъективная цѣнность . . . . . 192.

§ 18. Полезность . . . . . 192.

§ 19. Благо . . . . . 195.

стр.

§ 20. Хозяйственное благо . . . . . 197.
§ 21 Цѣнность . . . . . 210.
§ 22. Психологическая природа субъективной цѣнности . 212.
§ 23. Виды субъективной цѣнности . . . . . 218.
§ 24 Полезность и субъективная цѣнность . . . . . 226.
§ 25. Субъективная цѣнность и предѣльная полезность . 229.
§ 26. Скала потребностей, скала полезности и скала субъективной цѣнности . . . . . 241.
§ 27. Роль субъективной цѣнности 248
Глава III. Цѣна и объективная мѣновая цѣнность . . . . 257.
§ 28. Цѣна . . . . . 257.
§ 29. Виды цѣны . . . . . 266.
§ 30. Объективная мѣновая цѣнность Различныя опредѣленія ея . . . . . 272.
§ 31. Критика обычнаго пониманія объективной мѣновой цѣнности . . . . . 279.
§ 32. Анализъ понятія объективной мѣновой цѣнности. . 289.
§ 33. Измѣреніе объективной мѣновой цѣнности . . . . 296.
Списокъ авторовъ и указатель литературы . . . . . 307.
Замѣченныя ошибки и главнѣйшія опечатки 332

ВВЕДЕНІЕ.

Mit Recht ist der Wert der Cerberus genannt worden, der vor den Hallen der Nationalökonomie stehe

R. Stolzmann Die soziale Kategorie in der Volkswirtschaftslehre. 1896. стр 16

§ 1. Область изслѣдованія.

Предметъ настоящей работы—изслѣдованіе явленій расцѣнки, происходящихъ въ сферѣ хозяйственной жизни.

Явленія эти очень разнообразны. Главная форма. въ которой проявляются они въ настоящее время—это рыночная расцѣнка или, что то же. установленіе цѣнъ. Въ этой формѣ расцѣнка тѣсно связана съ фактомъ обмѣна между хозяйствами, т. е. взаимной передачей объектовъ изъ однихъ хозяйствъ въ другія [1]). Поэтому теоретическій

---

[1]) Обмѣнъ въ этомъ смыслѣ, какъ сдѣлка человѣка съ человѣкомъ и простая передача благъ, существенно отличается отъ производства, являющагося сдѣлкой человѣка съ природой и представляющаго матеріальное превращеніе благъ. См объ этомъ: *A Voigt.* „Der ökonomische Wert der Guter" въ Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft 48 Bd 1892, стр 220; *M. Naumann* Die Lehre vom Wert. 1893, стр. 26; *V. Pareto.* Cours d'économie politique. I 1896, стр. 19, *V. Furlan.* „Wirtschaftliches Gleichgewicht (Mathematische Darstellung)" въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften 3. Aufl. VIII. Bd. 1911, стр 827. Но обмѣнъ можетъ быть понятъ и шире, нежели обмѣнъ между хозяйствами Подъ нимъ можно понимать всякую замѣну благъ или, какъ говоритъ *G Simmel,* всякое „пожертвованіе въ цѣляхъ полученія выигрыша" (Philosophie des Geldes 1900, стр. 56). При такомъ широкомъ пониманіи обмѣна всю хозяйственную дѣятельность можно разсматривать, какъ видъ обмѣна. Это и дѣлаетъ *Simmel,* когда говоритъ: „всякое

анализъ рыночной расцѣнки является тѣмъ самымъ анализомъ процесса обмѣна въ его различныхъ формахъ.

Рыночная расцѣнка и обмѣнъ—явленія, мѣняющіяся въ исторіи. Еще болѣе подвержена исторической смѣнѣ современная форма обмѣна и рыночныхъ расцѣнокъ, покоющаяся на институтѣ частной собственности и опредѣленномъ законодательствѣ о гражданскихъ сдѣлкахъ Это неизбѣжно отражается и на самой теоріи современной рыночной расцѣнки. Теорія эта покоится на опредѣленныхъ историческихъ предпосылкахъ и отвѣчаетъ дѣйствительности лишь до тѣхъ поръ. пока существуютъ эти предпосылки [1]).

Но явленія расцѣнки хозяйственныхъ благъ шире сферы обмѣна. Расцѣнка происходитъ и въ натуральномъ, изолированномъ хозяйствѣ, не знающемъ обмѣна съ другими хозяйствами [2]). Въ этомъ хозяйствѣ она происходитъ къ тому же въ болѣе простой и непосредственной формѣ образованія субъективной цѣнности. Но этого мало. Такая субъективная расцѣнка благъ отдѣльными хозяйствами, какъ мы увидимъ во второй части нашей работы, играетъ существенную роль и

хозяйство есть взаимодѣйствіе, и именно въ специфическомъ смыслѣ его, т е. въ смыслѣ связаннаго съ пожертвованіями обмѣна' (тамъ же, стр. 34). Лишь съ этой точки зрѣнія можно и производство разсматривать, какъ частный случай обмѣна, что и дѣлаетъ, напримѣръ, *J. Schumpeter* (Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalokonomie 1908, стр. 50). Мы вездѣ понимаемъ обмѣнъ въ узкомъ смыслѣ, какъ обмѣнъ между хозяйствами.

[1]) Объ историческомъ и неизмѣнномъ въ расцѣнкѣ и теоріяхъ расцѣнки см. *A. Graziani* Storia critica della teoria del valore in Italia. 1889, стр. 173—7.

[2]) Объ основныхъ принципахъ расцѣнки *J B. Clark* говоритъ, что они: „такъ же приложимы къ хозяйственной дѣятельности обитателя безлюднаго острова, вродѣ Крузо, какъ и къ хозяйственной дѣятельности цивилизованнаго общества. Правда, Крузо не встрѣчаетъ надобности измѣрять цѣнности съ цѣлью обмѣна, но у него имѣются другія основанія для ихъ измѣренія. Онъ заинтересованъ въ томъ, чтобы экономно использовать свои трудъ, а для этого онъ долженъ избѣгать приложенія слишкомъ большого количества труда' въ одномъ занятіи и слишкомъ малаго въ другомъ (Essentials of economic theory. 1909, стр. 41—2). Если, поэтому, *А. Миклашевскій* говоритъ, что чувство цѣнности безъ обмѣна и возникнуть не могло, ибо оно продуктъ сравненія, а сравненіе есть ничто иное, какъ актъ мѣны или возможности замѣны одного продукта другимъ (Обмѣнъ и экономическая политика. 1904, стр 71), то это вѣрно лишь для указаннаго выше широкаго значенія обмѣна, а не для обмѣна между хозяйствами. Въ такомъ же общемъ смыслѣ говоритъ *Simmel*, что „Безъ цѣны.. нельзя прійти къ цѣнности“ (Philosophie des Geldes, стр. 47). Но онъ самъ прибавляетъ: „безъ цѣны въ широкомъ значеніи этого слова“, когда подъ нею понимается все, что отдается за объектъ, т е. „тягость ожиданія, трудность отыскиванія, затрата рабочей силы, отказъ отъ удовлетворенія другихъ желаній“ (тамъ же).

въ современномъ мѣновомъ хозяйствѣ при установленіи мѣновыхъ отношеній. Вотъ почему субъективная расцѣнка благъ отдѣльными хозяйствами не только должна быть включена въ общую теорію расцѣнки, но съ нея необходимо начинать изложеніе этой теоріи [1]).

[1]) О значеніи субъективной расцѣнки говорятъ всѣ представители австрійской школы, начиная съ *C. Menger*'а, *F. Wieser*'а и *E. v. Böhm-Bawerk*'а Расцѣнкѣ въ изолированномъ хозяйствѣ посвящаетъ специальную работу *J. v. Komorzynski*, высказывающійся въ предисловіи за то, что „къ рѣшенію проблемы цѣнности должно стремиться путемъ тщательнаго наблюденія явленій, происходящихъ внутри отдѣльнаго хозяйства" (Der Werth in der isolierten Wirthschaft. 1889) О методологическомъ значеніи изученія расцѣнки въ изолированномъ хозяйствѣ правильно замѣчаетъ *O. Kraus*, что идти такимъ путемъ—это значитъ: „слѣдуя указанію *Descartes*'а, идти отъ простѣйшаго къ болѣе сложному" (Das Bedürfnis. Ein Eintrag zur beschreibenden Psychologie. 1884, стр 91). При такомъ пониманіи изолированнаго хозяйства, разсматриваемаго не какъ историческое хозяйство, а какъ искусственно построенный для цѣлей абстрактнаго изслѣдованія простѣйшій теоретическій случай, падаютъ всѣ многочисленные упреки въ оперированіи съ „робинзонадами" и въ „неисторичности" послѣднихъ. Ср неудачныя остроты *Вл. Войтинскаго* (Рынокъ и цѣны Теорія потребленія рынка и рыночныхъ цѣнъ 1906, стр. 38). О томъ, что „расцѣнка беретъ свое начало въ отдѣльномъ хозяйствѣ", говоритъ и новѣйшій изслѣдователь *B. Rost* (Die Wert- und Preistheorie mit Berücksichtigung ihrer dogmengeschichtlichen Entwickelung 1908, стр 180) Противъ распространенія теоріи расцѣнки хозяйственныхъ благъ на явленія цѣнности въ изолированномъ хозяйствѣ сдѣланы, однако, многочисленныя возраженія Среди другихъ авторовъ возражаютъ *K. Diehl* и *A. Ammon*. Первый считаетъ, что „Задача теоріи цѣнности можетъ состоять лишь въ объясненіи образованія цѣнности и цѣнъ при частнохозяйственномъ капиталистическомъ строѣ, теорія эта должна объяснить только послѣднія причины, опредѣляющія образованіе цѣны" (Sozialwissenschaftliche Erläuterungen zu David Ricardo's Grundgesetze der Volkswirtschaft und Besteuerung. I. 1905, стр 77). Вмѣсто этого, говоритъ онъ, теорія цѣнности становится „прикладной психологіей". Точно такъ же *Ammon* находитъ, что „народно-хозяйственное разсмотрѣніе начинается лишь тамъ, гдѣ выступаютъ опредѣленныя соціальныя отношенія, которыя мы .. можемъ обозначить, какъ соціальныя мѣновыя отношенія или отношенія цѣнъ" (Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie 1911, стр. 238—9) По поводу этихъ попытокъ съузить область теоріи расцѣнки надо замѣтить, что теоретическія схемы, хотя и не *народно*-хозяйственныя, разъ онѣ относятся къ хозяйственнымъ явленіямъ, имѣютъ полное право на существованіе въ экономической наукѣ. Еслиже онѣ при этомъ облегчаютъ пониманіе общественно-хозяйственныхъ явленій, то онѣ являются весьма важными. А, упрекая экономистовъ въ психологизмѣ, нельзя забывать, что анализъ субъективной расцѣнки представляетъ не общую, а специально *хозяйственную* психологію, которая въ значительной своей части можетъ быть отнесена къ вѣдѣнію экономическои науки. Во всякомъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока этой хозяйственной психологіи не разработаетъ съ необходимой для пониманія хозяйственныхъ явленій детальностью и конкретностью общая психологія, вопросами хозяйственной психологіи поневолѣ приходится заниматься экономисту О соотношеніи между психологіей и экономической наукой мы говоримъ подробнѣе въ I главѣ.

И въ другомъ отношеніи мы широко понимаемъ общую теорію расцѣнки. Она, по нашему мнѣнію, обнимаетъ, какъ расцѣнку продуктовъ, такъ и расцѣнку факторовъ производства, равно какъ расцѣнку участія послѣднихъ въ хозяйственномъ процессѣ. Иными словами, теорія эта на ряду съ обмѣномъ обнимаетъ и образованіе доходовъ или то, что обычно называется распредѣленіемъ, если только послѣднее происходитъ черезъ посредство механизма рыночной расцѣнки. При наличности послѣдняго условія каждый доходъ представляетъ цѣну, платимую на рынкѣ за пользованіе соотвѣтственнымъ факторомъ производства или опредѣленнымъ сочетаніемъ нѣсколькихъ факторовъ. Ученіе объ образованіи доходовъ тогда оказывается частнымъ случаемъ общей теоріи расцѣнки [1]).

---

[1]) Такъ смотритъ на ученіе о распредѣленіи большинство экономистовъ Тѣсную связь теоріи цѣнности съ теоріей распредѣленія особенно подчеркнули представители теоріи спроса и предложенія, позже *C. Menger* и его школа, а также экономисты-математики. *C Menger* говоритъ по этому поводу: „ всѣ явленія цѣнности, какимъ-бы благъ они ни касались, одной и той же природы, и цѣнность въ смыслѣ ея мѣры во всѣхъ случаяхъ регулируется одними и тѣми же принципами А такъ какъ.. цѣна благъ есть слѣдствіе ихъ цѣнности для хозяйствующихъ людей и величина первой при всѣхъ обстоятельствахъ находитъ свой регулирующій принципъ также въ послѣдней, то ясно, что и земельная рента, процентъ на капиталъ и заработная плата регулируются согласно одинаковымъ общимъ положеніямъ“ (Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. Erster, allgemeiner Theil. 1871, стр. 143) *E v. Bohm-Bawerk* высказывается въ томъ же смыслѣ: „Ученіе о цѣнности лежитъ, такъ сказать, въ центрѣ всей политико-экономической теоріи. Почти всѣ важныя и трудныя проблемы, а особенно большіе вопросы о распредѣленіи дохода, земельной рентѣ, заработной платѣ и прибыли на капиталъ, имѣютъ свои корни въ этомъ ученіи“ („Grundzüge der Theorie des wirtschaftlichen Guterwerts“ въ Jahrbucher für Nationalokonomie und Statistik N. F. XIII 1886, стр. 8). О томъ же говоритъ онъ въ „Positive Theorie des Capitals“ (2 Aufl. 1902, стр. 242—8), хотя объясненіе процента вліяніемъ времени существенно отклоняетъ *Bohm-Bawerk*'а отъ его основной точки зрѣнія на цѣнность. На эту непослѣдовательность *Bohm-Bawerk*'а указываетъ между прочимъ *K Oldenberg*. „Для объясненія прибыли на капиталъ, пишетъ онъ, придуманъ цѣлый рядъ противорѣчивыхъ теорій, которыя нашли искуснаго историка въ лицѣ Bohm-Bawerk'а. Будь какая-либо изъ этихъ теорій правильна, теорія производительности или эксплоатаціи или др., она давала бы для высоты прибыли также единый масштабъ, и прибыль тѣмъ самымъ въ основѣ отличалась бы по своему строенію отъ продажной цѣны, ибо послѣдняя, какъ мы видѣли, не вызывается единой причиной, а представляетъ результатъ компромисса, равнодѣйствующую уравненія предложенія и спроса. По моему мнѣнію этого различія нѣтъ, и прибыль на капиталъ также должна быть объяснена, какъ продуктъ компромисса, по строенію своему весьма схожій съ продажной цѣной“ („Zur Preistheorie“ въ Festgaben für A.Wagner. 1905, стр. 277). *Oldenberg* пытается, поэтому, примѣнить общій механизмъ расцѣнки въ

Оплата факторовъ производства представляетъ, однако, значительныя особенности, раньше всего въ виду особенностей тѣхъ законовъ, которымъ подчиняется возстановленіе и измѣненіе находящагося въ распоряженіи народнаго хозяйства запаса этихъ факторовъ. При

видѣ теоріи спроса и предложенія къ ученію о распредѣленіи Такъ же смотритъ на вопросъ *N G. Pierson*. „Тотъ фактъ, говоритъ онъ, что изслѣдованіе обмѣна является также и изслѣдованіемъ распредѣленія дохода, становится для насъ еще яснѣе, когда мы вспомнимъ, что услуги такъ же, какъ и товары имѣютъ мѣновую цѣнность“ (Principles of economics Translated from the dutch by A. Wotzel. Vol. I. 1902, стр 76). Такого же мнѣнія *J. A. Hobson* (The economics of distribution. 1900, стр. V). Изъ экономистовъ-математиковъ особенно опредѣленно высказывается въ этомъ же смыслѣ *G. Cassel* По его мнѣнію, „Не существуетъ никакой особой проблемы распредѣленія; то, что называется ею, есть только одна сторона общей проблемы образованія цѣны. .“ („Die Produktionskostentheorie Ricardo's und die ersten Aufgaben der theoretischen Volkswirtschaftslehre“ въ Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. Bd. 57. 1901, стр 91). Для математика Edgeworth'a: „Распредѣленіе—видъ обмѣна, при которомъ продуктъ раздѣляется между сторонами, участвовавшими въ его производствѣ“ („The theory of distribution“ въ Quarterly Journal of Economics. Vol. XVIII. February. 1904, стр 159). „Общіе законы обмѣна, говоритъ онъ, одинаково вѣрны и для.... распредѣленія“ (тамъ же, стр. 161). Такого же мнѣнія въ общемъ держатся и новѣйшіе американскіе экономисты Что касается самаго крупнаго изъ нихъ, *J. B. Clark*'а, то его ученіе о соотношеніи между обмѣномъ и распредѣленіемъ очень своеобразно (см. The distribution of wealth 1899, гл. II). Онъ разсматриваетъ ихъ, какъ части проблемы производства, но проводитъ между обмѣномъ и распредѣленіемъ слѣдующее различіе. Производство благъ распадается на группы, напримѣръ, на производство хлѣба, стали и пр. Каждая группа распадается на подгруппы, напримѣръ, группа хлѣба распадается на производство пшеницы, муки, печенаго хлѣба и пр. Распаденіе общественнаго дохода на части, достающіяся каждой группѣ и подгруппѣ, *Clark* называетъ „групповымъ распредѣленіемъ“ (стр. 13). Оно опредѣляется рыночными цѣнами продуктовъ каждой группы и подгруппы. „Групповое распредѣленіе, говоритъ онъ,—это предварительное раздѣленіе общественнаго дохода; оно имѣетъ дѣло съ отраслями промысловой дѣятельности въ ихъ цѣломъ. Отдѣльныя части этого первичнаго раздѣленія общественнаго дохода зависятъ отъ (рыночныхъ) цѣнъ разнаго рода благъ“ (тамъ же) Анализъ этого распредѣленія совпадаетъ съ задачей теоріи цѣнности. „Теорія цѣнности и теорія группового распредѣленія одна и та же“ (стр. 24). Распредѣленіе же въ обычномъ смыслѣ этого слова—это для *Clark*'а вопросъ о томъ, какая часть дохода подгруппы достается рабочему и какая капиталисту. Это—„конечная часть распредѣленія“, „конечное подраздѣленіе общественнаго дохода“ (стр. 14—5). Оно, *по Clark*'у, не зависитъ отъ *рыночныхъ* цѣнъ (стр. 14). Но рыночныя цѣны въ статикѣ хозяйства совпадаютъ съ нормальными цѣнами, устанавливающимися на томъ уровнѣ, при которомъ „трудъ и капиталъ производятъ и получаютъ въ каждой отрасли столько же, какъ и въ другой“ (стр. 16). Этимъ „групповое распредѣленіе“ связано для *Clark*'а съ „конечнымъ распредѣленіемъ“, а слѣдовательно, цѣны тѣмъ самымъ для него сливаются въ

этомъ каждый факторъ обладаетъ иными особенностями. Вотъ почему съ точки зрѣнія системы экономической теоріи вполнѣ цѣлесообразно выдѣлять ученіе о доходахъ въ особую часть, и въ ней отдѣльно разсматривать каждый видъ доходовъ. Но, если взять самое основное въ образованіи доходовъ, то оно окажется общимъ съ основами процесса рыночной расцѣнки товаровъ.

одинъ общій механизмъ съ тѣмъ, что обычно называется распредѣленіемъ. Другіе американскіе авторы болѣе опредѣленно высказываются по разсматриваемому нами вопросу. Такъ, *F. Fetter* въ параграфѣ „Заработная плата, какъ примѣръ общаго закона цѣнности" ясно становится на точку зрѣнія, что распредѣленіе происходитъ по тѣмъ же законамъ, что и расцѣнка благъ (The principles of economics with applications to practical problems. 1904, стр 211—4) Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Законъ ренты въ существенномъ пунктѣ и въ принципѣ одинаковъ съ закономъ заработной платы. Онъ является общимъ закономъ цѣнности, приложеннымъ къ частному виду объектовъ, удовлетворяющихъ человѣческія потребности" (тамъ же, стр. 420). Ту же точку зрѣнія встрѣчаемъ у *E. R. Seligman*'а (Principles of economics with special reference to american conditions 2-d ed 1906, стр 264—5) и у *T. N. Carver*'а Послѣдній дѣлитъ экономическую теорію всего на три части: производство, потребленіе и расцѣнку (valuation). Распредѣленіе онъ разсматриваетъ, какъ частный случай расцѣнки При этомъ онъ слѣдующимъ образомъ группируетъ предметы расцѣнки („The place of the theory of value in economics" въ Quarterly Journal of Economics Vol XVII. November 1902, стр. 186; а также The distribution of wealth. 1908, стр. XIII)

расцѣнка
- благъ
  - потребительныхъ,
  - производительныхъ
    - земли и силъ природы,
    - капитала,
    - рабочихъ (только при рабствѣ),
- услугъ
  - земли и силъ природы (рента),
  - капитала (прибыль на капиталъ),
  - рабочихъ (заработная плата),
  - предпринимателей (предпринимательская прибыль).

Обращаемъ вниманіе на то, что распредѣленіе по этой схемѣ является расцѣнкой не самихъ факторовъ производства, а ихъ услугъ (services). Къ перечисленнымъ экономистамъ можно присоединить и автора новаго французскаго курса, *A. Landry*. „Такъ какъ, читаемъ мы у него, доходы обыкновенно получаются при помощи обмѣна, то теорія обмѣна даетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность понять и то, какъ происходитъ распредѣленіе богатствъ" (Manuel d'économique. 1908, стр. 493; ср. также стр. 577). Наконецъ, *J. Schumpeter* также разсматриваетъ доходы, какъ „цѣны" производственныхъ благъ, выводя цѣнность ихъ изъ цѣнности благъ потребительныхъ или, какъ онъ самъ выражается, „базируя теорію распредѣленія на кривыхъ цѣнности" (Wesen, стр. 237; см. также „Bemerkungen über das Zurechnungsproblem" въ Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. Bd. 18. 1909, стр. 112).

Такому сближенію теорiи доходовъ съ общей теоріей расцѣнки слѣдуютъ, однако, не всѣ экономисты. Уже у англійскихъ классиковъ мы встрѣчаемъ зачатки иного взгляда. Въ послѣднее же время противъ сближенія этихъ двухъ теорій горячо выступила такъ называемая «соціальная» теорія распредѣленія, противополагающая соціальную проблему распредѣленія экономической проблемѣ мѣновой цѣнности. Разборъ этой теорiи и всѣхъ вообще возраженій противъ защищаемой нами точки зрѣнія мы откладываемъ до второй части работы. Тамъ же будетъ изложена нами подробно и вся относящаяся къ этому вопросу критическая литература. Разборъ указаннаго взгляда здѣсь, до изложенія самаго механизма расцѣнки, былъ бы и менѣе понятенъ, и менѣе доказателенъ.

§ 2. Планъ изслѣдованія.

Естественнымъ планомъ изслѣдованія является слѣдующій:

I случай—расцѣнка въ изолированномъ хозяйствѣ (субъективная цѣнность),

II случай—расцѣнка въ мѣновомъ хозяйствѣ (цѣна)

Второй случай въ свою очередь распадается на:

1—расцѣнка при обмѣнѣ между двумя хозяйствами (двусторонняя монополія),

2—расцѣнка при обмѣнѣ между однимъ хозяйствомъ на одной сторонѣ и нѣсколькими на другой (односторонняя монополія),

3—расцѣнка при обмѣнѣ между нѣсколькими хозяйствами на каждой сторонѣ (двусторонняя конкурренція) [1]).

---

[1]) Такой порядокъ указанъ уже *C. Menger*'омъ, разсматривающимъ случаи 1) изолированнаго обмѣна, 2) монополи и 3) двусторонней конкурренціи (Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, глава V). То же расположеніе матеріала удержано *E. Böhm-Bawerk*'омъ („Grundzüge" въ Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik 1886). Ср. также *R. Zuckerkandl.* Zur Theorie des Preises mit besonderer Berücksichtigung der geschichtlichen Entwicklung der Lehre 1889, стр. 377 и сл. *G. Sulzer* (Die wirtschaftlichen Grundgesetze in der Gegenwartsphase ihrer Entwicklung. 1895) даетъ слѣдующую схему случаевъ расцѣнки: 1) законы изолированнаго хозяйства, исключительно потребительнаго, 2) законы изолированнаго хозяйства, занятаго производствомъ, 3) законы мѣнового хозяйства, исключительно

При этомъ для каждаго изъ указанныхъ случаевъ мы разсматриваемъ въ порядкѣ наростающей сложности расцѣнку слѣдующихъ видовъ благъ:

а) блага невоспроизводимыя,

б) блага воспроизводимыя.

Послѣднія блага раздѣляются нами на

α) воспроизводимыя однимъ факторомъ,

β) воспроизводимыя нѣсколькими факторами [1]).

Одновременно съ расцѣнкой воспроизводимыхъ благъ разбирается расцѣнка факторовъ производства и участія ихъ въ хозяйственномъ процессѣ.

Однако, раньше разсмотрѣнія всѣхъ этихъ случаевъ расцѣнки, мы должны выполнить двѣ подготовительныя работы. Первая вытекаетъ изъ той роли, которую играютъ въ процессѣ расцѣнки человѣческія потребности; вторая—изъ тѣхъ споровъ, которые ведутся въ наукѣ до нашихъ дней по поводу понятій блага, полезности, цѣнности и цѣны. Вотъ почему первую часть работы мы посвятимъ ученію о потребностяхъ и вопросамъ терминологіи. Лишь послѣ разрѣшенія

потребительнаго и 4) законы мѣнового хозяйства, занятаго производствомъ Экономистъ-математикъ *F Y E* (*Edgeworth*) различаетъ двустороннюю монополію, одностороннюю монополію и двустороннюю конкурренцію („Exchange, Value" въ „Dictionary of pol Economy" R. H. J. Palgrave V. I, стр. 759—62). Другой математикъ, *V. Pareto*, даетъ иное дѣленіе случаевъ обмѣна. Онъ различаетъ слѣдующіе типы: I типъ—когда совершающій сдѣлку не думаетъ воздѣйствовать на цѣну (обычныя мелкія покупки), и II типъ—когда совершающій сдѣлку желаетъ воздѣйствовать на цѣну (покупки крупными биржевыми дѣятелями, продажи монополистами) (Manuel d'économie politique. 1909, стр. 164—7) Кромѣ того, *Pareto* упоминаетъ еще о III типѣ хозяйственныхъ отношеній—объ отношеніяхъ въ коллективистическомъ обществѣ (стр. 167). Но наше вниманіе, поскольку мы заняты обмѣномъ, сосредоточено исключительно на типичныхъ для современнаго хозяйственнаго строя индивидуалистическихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ, поэтому III типа Pareto мы не будемъ касаться. Различіе же между его I и II типами частью сводится на различіе между нашими случаями II. 2 и II. 3, при чемъ сдѣлки, вродѣ покупокъ крупными биржевыми дѣятелями, окажутся промежуточными между этими случаями (неполная монополія).

[1]) *F. Wieser* различаетъ такіе виды расцѣнокъ: 1) расцѣнка благъ при данномъ запасѣ ихъ, 2) расцѣнка благъ, воспроизводимыхъ каждое своимъ особымъ факторомъ производства и 3) расцѣнка благъ, воспроизводимыхъ совмѣстно нѣсколькими факторами производства (Der natürliche Wert. 1889, стр. 126—39, 139—70 и 170—9). Ср. также схему *Sulzer'*а, указанную въ предыдущемъ примѣчаніи.

всѣхъ этихъ вопросовъ мы перейдемъ во второй части къ самому механизму расцѣнки.

Здѣсь же, во «Введеніи», еще рядъ замѣчаній относительно постановки проблемы и метода.

§ 3. Постановка проблемы и методъ работы.

Что касается самой постановки вопроса о расцѣнкѣ, то въ настоящей работѣ мы заняты исключительно *теоріей* расцѣнки. Употребляя терминологію *Windelband*'а и его послѣдователей, можемъ сказать, что мы заняты *номографіей* расцѣнокъ, т. е. ученіемъ о нихъ, какъ родовомъ явленіи. *Идіографію* расцѣнокъ, т. е. ученіе о нихъ, какъ явленіяхъ частныхъ, единичныхъ, оставляемъ въ сторонѣ [1]). Этимъ мы вовсе не хотимъ ни отрицать, ни умалять значенія идіографіи въ области ученія о расцѣнкѣ. Изученіе исторіи цѣнъ, статистики и географіи ихъ, изслѣдованіе конкретныхъ взаимоотношеній между цѣнами и конкретной связи цѣнъ съ различными элементами спроса и предложенія, равно какъ анализъ обстановки обмѣна, обычаевъ рынка, психологіи рыночныхъ дѣятелей и пр. представляется намъ и въ высокой степени важнымъ, и очень интереснымъ. Мы просто въ настоящей работѣ не заняты этой второй частью ученія о расцѣнкѣ.

Задачу теоретическаго (номографическаго) знанія вообще мы видимъ, однако, не въ одномъ познаніи наиболѣе общаго въ явленіяхъ. И у идіографіи, и у теоріи объектъ одинъ и тотъ же—явленія жизни. И конечная цѣль одна и та же—познать эти явленія; при чемъ идеаломъ для обѣихъ является познаніе явленій во всей ихъ полнотѣ. Но идеалъ этотъ для обѣихъ отраслей знанія одинаково недостижимъ. Поэтому, какъ идіографія, такъ и теорія поневолѣ должны охватывать

---

[1]) Для этихъ двухъ видовъ знанія *C. Menger* употребляетъ термины: „историческое“ и „теоретическое“ знаніе (Изслѣдованія о методахъ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности. Рус. пер. 1894, стр. 1—5). *Windelband* вводитъ для обозначенія ихъ термины: „идіографическій“ и „номотетическій“ (см *Г. Риккертъ*. Границы естественно-научнаго образованія понятій. Рус. пер 1904, стр. 261—2). *Rickert* неудачно съ этою же цѣлью говоритъ объ „историческихъ“ и „естественно-научныхъ“ понятіяхъ (указ соч., стр. 250—63). Наконецъ, *А. А. Чупровъ*, воспринимая терминологію *Windelband*'а, говоритъ о наукахъ „идіографическихъ“ и „номографическихъ“, сохраняя терминъ „номотетическій“ для наукъ, предписывающихъ законы (Очерки по теоріи статистики. 1909, стр. 7—8).

лишь часть явленія. Различіе же между ними лежитъ въ слѣдующемъ. Идіографію интересуетъ всякое явленіе, какъ нѣчто индивидуальное; для нея единичное важно само по себѣ. Въ виду невозможности описать всѣ стороны явленія она также останавливается на болѣе общемъ, опуская безчисленное множество частностей [1]). Но и то самое общее, что познаетъ идіографія, она познаетъ и описываетъ, какъ единичное. Въ этомъ отличительная черта идіографическаго знанія. Иная задача теоріи. Она также стремится познать все явленіе. Но для нея каждая самая мелкая частность является проявленіемъ родового, дѣйствіемъ общихъ причинъ. Поэтому задачу свою теорія видитъ въ построеніи такой схемы, въ которую уложилось бы каждое явленіе, подобное изучаемому, и въ выведеніи каждаго явленія изъ той или иной группы общихъ причинъ. При этомъ, не будучи въ состояніи сразу уложить въ свою схему все явленіе, теорія обычно начинаетъ съ наиболѣе общаго, прежде всего характеризующаго явленіе, и выводитъ это общее изъ вызывающихъ его причинъ Затѣмъ она вноситъ дополненія въ полученную такимъ образомъ схему, выводя ихъ изъ другихъ причинъ. Постепенно увеличивая число учтенныхъ причинъ, она все болѣе приближаетъ построенную ею схему къ дѣйствительному очертанію явленія. Съ другой стороны, она стремится свести отдѣльныя группы причинъ къ болѣе общимъ причинамъ. Законченное теоретическое зданіе рисуется намъ въ видѣ схемы, въ которую укладывается безъ остатка все разнообразіе жизни и въ которой все это разнообразіе сведено къ дѣйствію наиболѣе общихъ причинъ. Съ обоихъ концовъ эта схема не завершена, и лишь небольшой вырѣзокъ изъ нея, обрѣзанный съ обѣихъ сторонъ, представляетъ и, вѣроятно, всегда будетъ представлять теоретическое знаніе человѣка.

Въ настоящей же работѣ мы еще болѣе съуживаемъ свою задачу и занимаемся построеніемъ лишь той части теоріи расцѣнки, которая дала бы самую общую схему послѣдней, учитывающую дѣйствіе однѣхъ главнѣйшихъ причинъ. Поступаемъ мы такъ потому, что до настоящаго времени, несмотря на громадную важность ученія о расцѣнкѣ для всей теоріи хозяйства, многія самыя общія, наиболѣе принципіальныя части этого ученія недостаточно выяснены, не приведены въ строгую систему и являются предметомъ незамиренныхъ

[1]) Въ выборѣ изъ массы частностей болѣе важнаго, и только въ этомъ выборѣ, состоитъ, по нашему мнѣнію, то внесеніе „цѣли“ въ историческое знаніе, о которомъ говоритъ *Rickert* (Границы, гл. IV).

научныхъ споровъ. Само собою разумѣется, что такое ограниченіе задачи нисколько не устраняетъ для будущаго возможности пополненія схемы путемъ учета опущенныхъ въ ней силъ и вліяній. И по мѣрѣ того, какъ будетъ появляться возможность ввести эти дополненія, теорія расцѣнки не должна уклоняться отъ нихъ. Въ этомъ смыслѣ желательны и цѣнны всѣ наблюденія надъ дополнительными условіями и всѣ попытки теоретическаго учета ихъ. И, поскольку идіографія (исторія, статистика, простое описаніе хозяйственной современности) помогаетъ этой цѣли, т. е. даетъ указанія на наличность дополнительныхъ условій, весьма цѣнно пополненіе теоріи расцѣнки при помощи идіографіи [1]).

Такой путь предопредѣляетъ уже выборъ метода въ смыслѣ примѣненія индукціи или дедукціи для сведенія явленій къ ихъ причинамъ. Но чтобы насъ правильно поняли, сдѣлаемъ слѣдующее разъясненіе [2]). Теорія можетъ работать любымъ методомъ, можетъ и сочетать оба одновременно. Она въ состояніи отправляться отъ установленныхъ еще очень конкретныхъ типовъ и при помощи индуктивныхъ умозаключеній постепенно добираться до болѣе общихъ причинъ. Но она въ состояніи идти и отъ болѣе общихъ причинъ, выводя изъ нихъ конкретные типы явленій. Идеальное завершеніе теоретическаго знанія представляется намъ такимъ, при которомъ человѣческая мысль могла бы отъ послѣдней индивидуальности путемъ индукціи подняться до самыхъ общихъ конечныхъ причинъ и отъ этихъ причинъ путемъ дедукціи спуститься до послѣдней частности. До такого завершенія человѣческому знанію безконечно далеко. Но оно, подобно людямъ, строющимъ тоннель, идетъ къ нему, работая въ двухъ направленіяхъ при помощи указанныхъ двухъ методовъ. При этомъ, однако, въ различныхъ отдѣлахъ научной работы и въ разныя эпохи ея можетъ получать преобладаніе то методъ индукціи, то дедукція. Послѣдней надо отдать преимущество тамъ, гдѣ вслѣдствіе массы взаимно связанныхъ условій примѣненіе методовъ индукціи крайне затруднительно, гдѣ, кромѣ того, простое наблюденіе или индуктивныя

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ можетъ быть принято замѣчаніе *O. v. Zwiedineck'a*, что „номотетическому мышленію именно въ теоріи цѣны, которая должна дать ключъ къ пониманію столь обширной области общественныхъ событій, обязано протянуть руку мышленіе идіографическое“ („Kritisches und positives zur Preislehre“ въ Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 64 Bd. 1908, стр. 595).

[2]) Подробно останавливаться на вопросѣ объ индукціи и дедукціи считаемъ излишнимъ.

умозаключенія выяснили уже основныя дѣйствующія силы и условія, среди которыхъ протекаютъ явленія, наконецъ, тамъ, гдѣ задачей теоретическаго изслѣдованія ставится общая схема явленій, охватывающая дѣйствіе однихъ основныхъ условій и силъ. Такую задачу, какъ сказано выше, ставимъ себѣ мы. Вмѣстѣ съ тѣмъ явленія расцѣнки, особенно рыночной, представляютъ собою какъ разъ ту сферу хозяйственной жизни, въ которой наиболѣе ясно выступаютъ нѣсколько установленныхъ уже основныхъ условій и силъ. Наконецъ, примѣненіе къ анализу расцѣнокъ индуктивнаго метода, предполагающаго изолированіе отдѣльныхъ причинъ, очень трудно вслѣдствіе обилія привходящихъ вліяній и связанности между собою различныхъ сторонъ общественной жизни. Вотъ почему, не отвергая нигдѣ помощи данныхъ наблюденія и индуктивныхъ умозаключеній, мы пользуемся при построеніи нашей схемы расцѣнокъ главнымъ образомъ дедуктивнымъ методомъ. Въ этомъ насъ укрѣпляетъ еще и то, что всѣ главные успѣхи теоріи расцѣнки добыты были дедуктивнымъ путемъ (англійскіе классики, теоретики предѣльной полезности, экономисты-математики); наоборотъ, свыше 50 лѣтъ работы исторической школы для этого вопроса оказались почти безплодными.

Однако, со стороны представителей исторической школы до сихъ поръ не умолкаютъ указанія на то, что теоретическое познаніе, и особенно дедуктивное, затрудняется въ хозяйственной жизни измѣняемостью экономическихъ явленій во времени. На это мы должны самымъ рѣшительнымъ образомъ замѣтить, что указанное выше различіе между теоріей и идіографіей сохраняетъ полную силу и для тѣхъ явленій, которыя, подобно событіямъ хозяйственной жизни, подлежатъ исторической смѣнѣ. А, слѣдовательно, и по отношенію къ нимъ возможно, какъ идіографическое, такъ и теоретическое познаніе. Историческая смѣна явленій требуетъ только введенія нѣкоторыхъ измѣненій въ это познаніе. Измѣненія эти состоятъ въ томъ, что основныя причины, изъ которыхъ теорія выводитъ данное явленіе, не остаются неизмѣнными, а должны быть измѣняемы для каждой новой исторической эпохи. Самое же построеніе теоретическихъ схемъ для каждой эпохи производится такъ же, какъ и для явленій, не подчиненныхъ исторической смѣнѣ. Такимъ образомъ, на ряду съ идіографіей, дающей описаніе смѣняющагося явленія и самаго процесса этой смѣны, какъ индивидуальнаго историческаго факта, получается теоретическая схема, состоящая изъ типовъ, выведенныхъ каждый изъ вызывающей его группы при-

чинъ. Причины эти являются для теоріи историческими данными, онѣ познаются, какъ фактъ. Правда, теорія стремится и эти причины свести къ новымъ, болѣе общимъ, обусловливающимъ самую историческую смѣну явленій. Отысканіе такихъ причинъ дало бы законы развитія явленій. Зная эти причины, теоретикъ безъ помощи исторіи могъ бы показать, какъ, когда и при какихъ условіяхъ одно явленіе должно перейти въ другое. Однако, такіе законы не только не вскрыты до сихъ поръ, но многіе авторы сомнѣваются въ томъ, что они вообще могутъ быть найдены[1]). Но отсутствіе общихъ законовъ хозяйственнаго развитія нисколько не устраняетъ возможности построенія теоретическихъ схемъ важнѣйшихъ явленій для каждаго даннаго историческаго момента И для этого нѣтъ нужды непосредственно выводить эти явленія изъ предшествующихъ. Достаточно установить путемъ наблюденія или историческаго изслѣдованія основныя дѣйствующія причины того или иного момента (напр., существованіе частной собственности, отсутствіе таксъ, господство свободной конкурренціи или наличность монополій синдикатовъ). Изъ нихъ уже сама собою вытекаетъ теоретическая схема явленій даннаго момента.

Эти разъясненія даютъ намъ возможность разобраться еще въ одномъ вопросѣ, довольно часто подымаемомъ въ литературѣ. Мы говоримъ о ссылкѣ нѣкоторыхъ теоретиковъ цѣнности на то, что всякая нынѣшняя расцѣнка опредѣляется предыдущими расцѣнками, и, слѣдовательно, всякое теоретическое объясненіе расцѣнокъ неизбѣжно превращается въ историческое прослѣживаніе непрерывной цѣпи ихъ[2]). Выше мы видѣли, что теорія какъ разъ не требуетъ учета предыду-

---

[1]) Напр., *A. Wagner.* Grundlegung der politischen Oekonomie 3. Aufl I. 1892 стр. 238—40

[2]) Такъ, *G. Schmoller* пишетъ. „... всякое образованіе цѣнности сводится на болѣе раннія опредѣляющія ее причины; схватить начальное во всѣхъ чувствахъ цѣнности и сужденіяхъ о ней, какъ это пытаются сдѣлать не въ мѣру остроумные теоретики цѣнности, такъ же невозможно, какъ невозможно выяснить начало созданія міра, или государства, или человѣка“ (Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre II. 1904, стр. 159) *O. v Zwiedineck* подчеркиваетъ, что на каждую цѣну вліяетъ „вчерашняя рыночная цѣна“ („Kritisches und positives“... въ Zeitschrift f. d. ges. Stwiss 65 Bd 1909, стр. 83—4). Прежнія цѣны, говоритъ онъ, вліяютъ и на хозяйственный планъ потребителя, и на разсчеты производителя А, такъ какъ все это сказывается на объясняемыхъ цѣнахъ, то въ области теоріи цѣнъ необходимо „историческое объясненіе“ (тамъ же, стр. 91—2) Ср *E. von Philippovich* (Grundriss der politischen Oekonomie. I. Bd. 8. Aufl. 1909, стр. 221—2).

шихъ расцѣнокъ. Теоретическое объясненіе расцѣнокъ и обмѣна состоитъ въ томъ, чтобы показать, какъ при данныхъ въ опредѣленный моментъ хозяйственныхъ условіяхъ складываются субъективныя расцѣнки, хозяйственные планы потребителей и разсчеты производителей, а черезъ нихъ и цѣны. При этомъ въ число данныхъ условій рыночныя цѣны не должны входить. Лишь тогда теорія расцѣнки построена правильно. Всякое обращеніе къ предыдущимъ цѣнамъ является вращеніемъ въ кругу. Во второй части работы мы увидимъ, что такое построеніе теоріи расцѣнки вполнѣ возможно.

Необходима, однако, одна оговорка. «Вчерашняя цѣна» не можетъ быть вполнѣ игнорируема теоріей. Но не потому, что расцѣнка представляетъ явленіе, измѣняющееся во времени, а потому, что вслѣдствіе косности человѣческой психики, расцѣнки подчинены закону инерціи. Цѣна устанавливается не на томъ уровнѣ, на которомъ она установилась бы подъ вліяніемъ условій даннаго момента. Она отклоняется отъ этого уровня вслѣдствіе «инерціи обмѣна». Послѣдняя гонитъ цѣну вверхъ, если до того цѣна повышалась, внизъ—если она понижалась, ослабляетъ отклоненіе отъ прежняго уровня, если цѣна передъ тѣмъ долго держалась на одной высотѣ. И чѣмъ менѣе подвижно вообще хозяйство, тѣмъ сильнѣе дѣйствіе инерціи, тѣмъ могущественнѣе вліяніе привычки къ старой цѣнѣ [1]). Учетъ этого влія-

---

[1]) Значеніе привычки отмѣчаетъ *G Schmoller*: „Часто говорятъ, что прежде привычка управляла цѣнами, а теперь это дѣлаетъ конкурренція. Но и теперь еще имѣетъ большую силу привычка и склонность держаться установившихся платъ“ (Grundriss II стр 110). О косности цѣнъ и роли привычки говоритъ *J. Schumpeter* (Wesen, стр. 190). Но особенно подробно останавливается на „законѣ инерціи обмѣна“ *O. v. Zwiedineck* („Kritisches und positives“.. въ Zeitschrift f. d g. Stwiss. 65. Bd. 1909, стр 83—4). Прежняя цѣна, пишетъ онъ, не только скалярная величина, т. е величина опредѣленнаго размѣра, она, кромѣ того, имѣетъ опредѣленное направленіе. Если измѣненія спроса и предложенія стремятся повысить или понизить цѣну, то старая цѣна вліяетъ въ смыслѣ сохраненія прежняго уровня. Равнодѣйствующей этихъ двухъ силъ и является дѣйствительная цѣна (тамъ же, стр 96). Это совершенно правильное и цѣнное замѣчаніе. *Zwiedineck* только ошибочно считаетъ, что вліяніе инерціи всегда направлено на сохраненіе прежней цѣны, т. е. какъ бы представляетъ силу, всегда приложенную въ горизонтальномъ направленіи. На самомъ дѣлѣ прежняя цѣна, согласно съ общимъ закономъ инерціи, лишь въ частномъ случаѣ стремится сохранить старый уровень цѣны, вообще же ея дѣйствіе направлено на сохраненіе движенія цѣны въ томъ направленіи, въ которомъ она двигалась до того. Поэтому, если, напр., цѣна передъ тѣмъ повышалась, то инерція скажется въ стремленіи цѣны къ

нія весьма важенъ, особенно для пониманія явленій кризисовъ. И правильно, что въ виду этого вліянія прежнихъ цѣнъ однѣхъ условій даннаго момента для построенія цѣны мало, какъ правильно и то, что характеръ этого вліянія долженъ быть изученъ отдѣльно. При этомъ, пока онъ не сведенъ къ какимъ-либо основнымъ законамъ и не выведенъ изъ общихъ причинъ, онъ можетъ быть данъ только идіографическими дисциплинами.

Но, признавая всю важность указаннаго закона инерціи, не можемъ не отмѣтить, что все же это лишь одно изъ второстепенныхъ отклоняющихъ условій. Общая теорія расцѣнки можетъ игнорировать его, пока не законченъ анализъ болѣе важныхъ условій. Вотъ почему въ дальнѣйшемъ изложеніи теоріи мы вездѣ предполагаемъ, что цѣны вполнѣ подвижны, что каждое измѣненіе опредѣляющихъ условій сейчасъ же измѣняетъ полностью въ соотвѣтственной мѣрѣ цѣны.

Точно также мы вездѣ принимаемъ, что всѣ факторы производства и самое производство вполнѣ подвижны, что не существуетъ никакого задерживающаго экономическаго «тренія». На самомъ дѣлѣ и это условіе, конечно, не осуществлено въ полной мѣрѣ, и изученіе географическихъ и иныхъ различій въ цѣнахъ товаровъ и расцѣнкахъ факторовъ производства можетъ дать очень много свѣдѣній для пополненія въ этомъ пунктѣ абстрактной теоріи. Такъ, уже съ перваго взгляда бросается въ глаза, что готовые товары болѣе подвижны, нежели факторы производства. Поэтому расцѣнка товаровъ, за вычетомъ издержекъ транспорта и пошлинъ, подлежитъ большему уравненію, чѣмъ расцѣнка факторовъ производства. А изъ послѣднихъ капиталъ болѣе подвиженъ, нежели человѣческій трудъ [1]). Поэтому процентъ на капиталъ подлежитъ большему уравненію, чѣмъ заработная плата. Это

дальнѣйшему повышенію. Этимъ объясняется то, что иногда измѣнившіяся условія спроса и предложенія тянутъ уже цѣну внизъ, а она все еще продолжаетъ повышаться. И обратно Для *Zwiedineck*'а такіе случаи невозможны. А между тѣмъ они очень многое объясняютъ въ явленіяхъ кризисовъ.

[1]) *J B Clark* говоритъ по этому поводу, что, если капиталъ напоминаетъ воду или иную жидкость, то трудъ „скорѣе напоминаетъ смолу или другое вязкое вещество, которое медленно течетъ и требуетъ долгаго времени для того, чтобы выравнять мѣстныя неправильности поверхности" (Essentials, стр. 194). При этомъ въ Западной Европѣ, въ большей части Сѣв. Америки, въ Японіи и въ наиболѣе колонизованныхъ частяхъ Австраліи трудъ болѣе подвиженъ, чѣмъ въ остальномъ мірѣ (тамъ же, стр. 195)

различіе особенно важно для теоріи доходовъ. Помимо недостаточной подвижности, обусловливаемой свойствами самихъ хозяйствующихъ людей не мало препятствій для передвиженія товаровъ и факторовъ производства устанавливаетъ общественная власть. Таковы, на первомъ планѣ, таможенныя законодательства различныхъ государствъ, задерживающія ввозъ иностранныхъ товаровъ и покровительствующія туземному производству Таковы различныя ограниченія въ сферѣ земельнаго и промышленнаго законодательства, диктуемыя государству экономическими, политическими и національными соображеніями.

Далѣе, мы исходимъ изъ предположенія полнаго знанія всѣми участниками обмѣна условій рынка и достаточной энергіи въ преслѣдованіи своихъ цѣлей [1]). Вліяніе ошибокъ, недостаточной дѣловитости и хозяйственной энергіи довольно значительно [2]), учетъ его особенно важенъ для выясненія условій конкурренціи между разными классами и группами населенія, въ частности между разными національностями. Изученіе этихъ различій путемъ собиранія фактическихъ данныхъ представляетъ громадный интересъ. Но въ теоретическую схему расцѣнки они могутъ быть включены лишь послѣ того, какъ для этого собрано будетъ достаточное количество данныхъ, позволяющихъ учесть силу этихъ вліяній и уловить законы ихъ дѣйствія.

Затѣмъ. Поскольку дѣло идетъ о мѣновой расцѣнкѣ, при обмѣнѣ ли товаровъ или при образованіи доходовъ, теоретически возможны два вида ея, построенные по двумъ принципамъ: авторитативному и договорному [3]). При господствѣ перваго принципа мѣновая расцѣнка предписывается велѣніемъ той или иной общественной власти. Такова расцѣнка, устанавливаемая въ видѣ таксъ, тарифовъ и т. п. По второму принципу расцѣнка устанавливается на основаніи добровольнаго соглашенія обмѣнивающихся сторонъ. Такова расцѣнка, отливающаяся въ форму обыкновенныхъ рыночныхъ цѣнъ и свободно выговоренныхъ

---

[1]) См. *V. Furlan* „Wirtschaftliches Gleichgewicht“ Hwb. d Stwiss. VIII Bd, стр 826—7; *Zuckerkandl.* „Preis (Theorie)“ Hwb d. Stwiss 3 Aufl VI. Bd. 1910, стр. 1133.

[2]) Ср. *A. Nordenholz.* Theorie der gesellschaftlichen Produktion. 1902, стр 213

[3]) Ср. *A. Wagner* (Grundlegung. I, стр. 294—5 и 671—5). Онъ примѣняетъ эти два термина („autoritativ“ и „verkehrsmässig“ или „vertragsmässig“) къ формамъ пріобрѣтенія и распредѣленія хозяйственныхъ благъ. *E. v. Philippovich* употребляетъ для обозначенія тѣхъ же понятій термины: „общественно-хозяйственный“ и „частно-хозяйственный“ (Grundriss. I, стр. 12—17).

доходовъ. Будутъ эти цѣны монопольными или конкуррентными—это не мѣняетъ дѣла. Хотя таксы также до извѣстной степени приноравливаются къ тѣмъ расцѣнкамъ, которыя устанавливаются путемъ свободнаго соглашенія сторонъ, но велѣніе власти можетъ сильно отклонять ихъ отъ этихъ расцѣнокъ. Построить теоретическую схему таксъ пока не представляется возможнымъ въ виду массы разнообразныхъ мотивовъ и вліяній (воздѣйствія партій, различныхъ политическихъ и др. соображеній), отражающихся на дѣйствіяхъ общественной власти. Здѣсь познавательная дѣятельность можетъ проявляться пока въ видѣ собиранія фактическихъ данныхъ, ихъ сличенія и осторожныхъ обобщеній. Всю область таксъ мы, поэтому, оставляемъ въ сторонѣ при анализѣ мѣновой расцѣнки и занимаемся однѣми рыночными цѣнами [1]).

При этомъ, стремясь уловить и здѣсь лишь самое главное, мы при построеніи механизма рыночныхъ цѣнъ вездѣ отправляемся отъ положенія, что человѣкъ руководится въ обмѣнѣ и распредѣленіи только стремленіемъ къ возможно большей хозяйственной выгодѣ. На самомъ дѣлѣ на ряду съ этимъ мотивомъ дѣйствуютъ многочисленные другіе. чувство честолюбія, чувство долга и справедливости [2]). различныя политическія, художественныя, религіозныя и національныя соображенія, дружескія чувства и пр [3]). Особенно рѣзко сказывается вліяніе различныхъ нехозяйственныхъ мотивовъ на цѣнахъ, устанавливаемыхъ крупными монопольными предпріятіями и организаціями, напримѣръ. желѣзно-дорожными и пароходными компаніями, синдикатами, рабочими союзами, кооперативными организаціями и пр. Политика цѣнъ и заработныхъ платъ этихъ организацій привлекаетъ къ себѣ общественное вниманіе, на нихъ оказываютъ вліяніе правительство, партіи. заинтересованныя группы, общественное мнѣніе. Всѣ эти вліянія также проходятъ черезъ общій механизмъ рыночной расцѣнки. Но лишь послѣ того, какъ наблюденіе дастъ какія-либо точныя свѣдѣнія о силѣ и характерѣ этихъ вліяній, ихъ можно будетъ включить

---

[1]) *Zuckerkandl.* „Preis". Hwb d Stwiss VI, стр 1133.

[2]) *Lehr* Grundbegriffe und Grundlagen der Volkswirtschaft 1893, стр. 245.

[3]) *A. Nordenholz* Produktion., стр. 102—6 и 115—6 Онъ называетъ эти мотивы „гетерогенными" и замѣчаетъ, что человѣкъ въ общемъ стремится не къ максимуму одной экономической выгоды, а къ максимуму общаго благополучія, складывающагося изъ всѣхъ сторонъ жизни (тамъ же, стр. 125). *Zuckerkandl.* „Preis". Hwb d. Stwiss. VI, стр. 1133.

въ теоретическую схему этого механизма. Пока же мы въ состояніи построить лишь ту часть этой схемы, которая является результатомъ дѣйствія одного стремленія всѣхъ участниковъ къ достиженію наибольшей *непосредственной* хозяйственной выгоды въ обмѣнѣ [1]). Мы подчеркиваемъ слово «непосредственной». Дѣлаемъ это вотъ почему. Если альтруистическіе или какіе-либо другіе мотивы вліяютъ на потребности человѣка и его субъективную расцѣнку хозяйственныхъ благъ, въ самомъ же обмѣнѣ человѣкъ стремится къ наибольшей хозяйственной выгодѣ, то въ такомъ случаѣ всѣ указанные мотивы ничѣмъ не осложняютъ теоріи рыночной расцѣнки. Такъ, если какой-нибудь благотворитель покупаетъ партію дѣтской обуви для пріюта, то, хотя онъ покупаетъ ее не для себя, разъ онъ при этой покупкѣ такъ же стремится къ наиболѣе низкой цѣнѣ, какъ всякій обычный заказчикъ, его альтруизмъ ничѣмъ не нарушитъ общей теоретической схемы обмѣна. Воздѣйствіе альтруизма заканчивается въ данномъ случаѣ вліяніемъ на потребности и субъективныя расцѣнки. Рыночная же расцѣнка устанавливается, не смотря на участіе альтруиста, совершенно такъ же, какъ и въ томъ случаѣ, когда на рынкѣ выступаютъ одни эгоисты [2]). Это очень сильно сокращаетъ число отклоненій нашей схемы отъ дѣйствительности

Отклоненіями тогда будутъ только тѣ случаи, когда человѣкъ въ силу того или иного обстоятельства въ самомъ обмѣнѣ отказывается полностью или частично отъ возможной по условіямъ рынка хозяйственной выгоды. Напр., кто-либо покупаетъ за 1 рубль у глухонѣмого бездѣлушку, которую онъ никогда не купилъ бы за эту цѣну у

---

[1]) *Zuckerkandl.* „Preis". Hwb d Stwiss. VI, стр. 1133 *V. Pareto* указываетъ, что абстрактная экономическая теорія имѣетъ дѣло съ homo oekonomicus. „Съ такимъ же правомъ, пишетъ онъ, можно построить homo religiosus, homo ethicus, homo politicus, даже homo eroticus и т. д." („Anwendungen der Mathematik auf Nationalökonomie" въ Encyklopädie der mathematischen Wissenschaften Bd. I Heft 7 1902, стр. 1100) Въ реальномъ же человѣкѣ соединены всѣ эти стороны человѣческой природы.

[2]) На рыночной расцѣнкѣ такой альтруизмъ отразится лишь тѣмъ, что извѣстныя семьи получатъ безплатно часть благъ отъ благотворителя, а это повліяетъ на спросъ этихъ семействъ. Для учета этого вліянія бюджетная статистика могла бы отмѣчать, что̀ получено обслѣдуемыми семьями безплатно. Такія свѣдѣнія имѣли бы значеніе и для другихъ цѣлей. Напомнимъ, напримѣръ, о выдачѣ продовольственныхъ ссудъ нашимъ голодающимъ губерніямъ.

здороваго человѣка, или, наоборотъ, арестанты работаютъ по такой цѣнѣ, на которую не могъ бы согласиться обычный работникъ [1]).

Такого же рода отклоненія отъ хозяйственнаго принципа въ самомъ обмѣнѣ представляютъ не рѣдко розничныя цѣны. Помимо вліянія близости лавки, оказанія кредита и другихъ разныхъ мелкихъ услугъ со стороны розничнаго торговца, на нихъ сказывается сила привычки покупателя къ данной лавкѣ и нежеланіе торговаться при мелкихъ покупкахъ [2]). Къ этому присоединяется иное хозяйственное отношеніе людей къ тѣмъ покупкамъ и заказамъ. которые дѣлаются для удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей, нежели къ сдѣлкамъ. совершаемымъ съ промысловыми цѣлями Кто наблюдалъ какого-либо хозяйственнаго дѣятеля въ его рабочемъ кабинетѣ, когда онъ заключаетъ договоръ съ той или иной фирмой на поставку крупной партіи какого-либо товара и торгуется изъ за каждой $^1/_2$ копѣйки на пудѣ, и того же человѣка, когда онъ, не торгуясь, покупаетъ даже дорогіе предметы для своего личнаго потребленія—тотъ не могъ не замѣтить указаннаго различія. Мы, поэтому, въ дальнѣйшемъ предполагаемъ. что всѣ рыночныя расцѣнки устанавливаются такъ же, какъ устанавливаются оптовыя цѣны при промысловыхъ сдѣлкахъ.

Здѣсь же надо упомянуть о томъ отклоненіи отъ преслѣдованія наибольшей хозяйственной выгоды, которое вызывается особой «пси-

---

[1]) Недавно *O Neurath* предложилъ дать болѣе общую постановку проблемы перемѣщенія благъ изъ рукъ въ руки и разсмотрѣть не одинъ переходъ благъ путемъ обмѣна между эгоистами, но всѣ виды перемѣщенія благъ, куда вошли бы также. обмѣнъ между альтруистами, обмѣнъ, въ которомъ участвуютъ альтруисты и эгоисты, и даже случаи, когда блага переходятъ всякими иными способами, напримѣръ, путемъ кражи либо подарка („Nationalokonomie und Wertlehre, eine systematische Untersuchung“ въ Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. XX. Bd. 1911, I—II. Hefte, стр 70—1). Это, конечно, обобщеніе вопроса. И *Neurath* правъ, говоря, что: „Легальность образа дѣйствія, принимаемая иногда во вниманіе, есть юридическое, а не экономическое понятіе“ (тамъ же, стр 67). Но только всѣ эти случаи перемѣщенія благъ пока совершенно не доступны для теоріи, кромѣ, пожалуй, обмѣна между альтруистами, для построенія котораго можно было бы исходить изъ предположенія, что каждый участникъ стремится къ *наименьшей* выгодѣ. Такое построеніе, насколько мы знаемъ, сдѣлано было Pantaleoni, но курса его намъ не удалось достать. Надо, однако, сказать, что всѣ эти случаи представляютъ второстепенный интересъ для пониманія современной хозяйственной дѣйствительности. Общая теорія этой дѣйствительности можетъ пока спокойно оставить ихъ въ сторонѣ

[2]) См. *Zuckerkandl* „Preis“. Hwb. d Stwiss. VI, стр. 1140.

хологіей числа», выражающаго цѣну. Такъ, цѣны, особенно розничныя, обычно повышаются путемъ округленія ихъ, и на это покупатель не обращаетъ вниманія въ виду удобства круглаго числа. Иногда, наоборотъ, устанавливаются умышленно не круглыя цѣны, и ихъ особенно охотно уплачиваютъ, такъ какъ онѣ. 1) создаютъ иллюзію точности подсчета себѣ-стоимости и 2) кажутся гораздо меньше ближайшаго круглаго числа На этомъ, напримѣръ, построены такъ часто встрѣчающіяся въ окнахъ берлинскихъ магазиновъ надписи M. I ^{95} или M. 4 ^{95} вмѣсто M. 2 и M. 5 [1]). Но и отъ этого условія мы отвлекаемся въ нашемъ построеніи.

Затѣмъ, цѣна каждаго даннаго момента, напримѣръ, дневной биржевой курсъ, складывается подъ вліяніемъ не только условій этого момента, но и предполагаемыхъ будущихъ событій. Вліяніе это, поскольку оно не учтено уже въ потребностяхъ участниковъ обмѣна. является новымъ осложненіемъ. Къ нему со временемъ должна будетъ перейти теорія [2])

Далѣе, на цѣны каждаго рынка вліяютъ цѣны другихъ рынковъ, при чемъ вліяніе это можетъ принимать разную форму и быть самой различной степени. Учетъ этого взаимоотношенія рынковъ особенно важенъ для теоріи международнаго обмѣна. Однако, послѣдній представляетъ уже частный случай теоріи цѣнъ, и потому при построеніи общаго механизма расцѣнки мы оставляемъ его въ сторонѣ и беремъ вездѣ обмѣнъ на одномъ изолированномъ рынкѣ [3]).

---

[1]) Ср. *J Wolf* Nationalökonomie als exacte Wissenschaft Ein Grundriss 1908, стр 83.

[2]) *Zuckerkandl* Указ. соч, стр. 1133.

[3]) Теорія международнаго обмѣна, которои занимаются уже *D. Ricardo* (Начала политической экономіи, гл. VII. Пер. И. Зибера. 1882, стр 71—87) и *J. S Mill* (Основанія политической экономіи. Кн. Ш, гл. XVII, XVIII. Пер Е. Остроградской. 1896, стр. 516—44) привлекала впослѣдствіи спеціальное вниманіе многихъ экономистовъ. Математическую теорію международной торговли даетъ *F. Y. Edgeworth* („The theory of international values" въ The Economic Journal. Vol. IV. 1894, стр 35, 424, 606), иллюстрирующій свое изложеніе графическими изображеніями. См также *V. Pareto.* „Teoria matematica dei cambi forestieri" въ Giornale degli economisti (Serie II. Vol VIII. 1894, стр. 142—73), гдѣ дается приложеніе теоріи *Walras* къ международной торговлѣ, и „Teoria matematica del commercio internazionale" (тамъ же, vol. X. 1895, стр. 476—98), гдѣ разобрана указанная выше статья *Edgeworth*'а. Въ томъ же журналѣ, напр., за 1907 годъ, помѣщены и другія статьи на ту же тему

Наконецъ, въ послѣднее время все сильнѣе подчеркивается вліяніе на расцѣнку, особенно же на образованіе доходовъ «соціальныхъ» условій. Главное вниманіе обращаетъ на нихъ упомянутая нами въ § 1 «соціальная» теорія распредѣленія, понимающая подъ этими условіями преимущественно «отношенія соціальнаго неравенства» и «отношенія господства» однихъ общественныхъ классовъ надъ другими. Мы уже сказали, что въ цѣляхъ планомѣрности мы откладываемъ подробное изложеніе этой теоріи и ея разборъ до второй части нашей работы. Здѣсь, чтобы закончить рѣчь о постановкѣ проблемы расцѣнки, мы ограничимся слѣдующими замѣчаніями о соціальныхъ условіяхъ.

Понятіе «соціальнаго» условія въ томъ видѣ, какъ его употребляютъ авторы соціальной теоріи распредѣленія страдаетъ большой неопредѣленностью Но, если противополагать «соціальныя» условія «экономическимъ» и понимать подъ ними тѣ общественныя отношенія, которыя не носятъ непосредственнаго экономическаго характера. напримѣръ. политическій и правовой строй общества. нехозяйственную дѣятельность общественной власти, культурный уровень населенія, религіозныя, національныя и другія неэкономическія вліянія— то не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти условія весьма сильно вліяютъ на расцѣнку, особенно на оплату различныхъ факторовъ производства. И, благодаря росту финансоваго хозяйства, благодаря усиливающемуся вмѣшательству государственной власти въ самыя разнообразныя стороны частной хозяйственной дѣятельности, благодаря, наконецъ, развитію рабочихъ союзовъ и кооперативнаго движенія и объединенію цѣлыхъ отраслей промышленности, торговли, транспорта и кредита въ рукахъ монопольныхъ организацій—всѣ эти неэкономическія соціальныя вліянія сказываются на хозяйственной жизни теперь несравненно сильнѣе, чѣмъ еще очень недавно, въ эпоху торжества принциповъ экономическаго либерализма Съ каждымъ годомъ сила этихъ вліяній ростетъ. Конечно, теорія расцѣнки должна стремиться къ учету этихъ вліяній и включенію ихъ въ свои схемы. Нѣкоторыя наиболѣе основныя условія она уже и включаетъ. Таково, напримѣръ, включеніе современнаго правового строя путемъ введенія предпосылки существованія частной собственности на продукты и факторы производства, наличности господства частно-хозяйственнаго или договорнаго принципа обмѣна и образованія доходовъ, равно какъ существованія промышленныхъ и рабочихъ монопольныхъ организацій. О томъ, при какихъ условіяхъ возможно было бы включеніе въ теоретическую

схему нѣкоторыхъ другихъ нехозяйственныхъ условій, мы уже говорили выше. Добавимъ только, что если цѣлый рядъ условій этого рода пока не можетъ быть учтенъ, если мы въ дальнѣйшемъ даже сознательно отвлечемся отъ нихъ, чтобы изслѣдовать раньше дѣйствіе наиболѣе важныхъ экономическихъ вліяній, то это методологически будетъ совершенно правильно и не повлечетъ за собой ошибочности теоріи. Теорія будетъ правильна, но только не полна. Ничто, сказанное вѣрно относительно основныхъ силъ и условій, не потребуетъ измѣненія; оно потребуетъ только дополненія А это очень важное условіе для правильнаго поступательнаго развитія теоріи. И еще одно очень существенно. Всѣ эти нехозяйственныя условія вліяютъ на расцѣнку, поскольку она происходитъ на рынкѣ путемъ добровольныхъ сдѣлокъ, черезъ посредство одного и того же общаго экономическаго рыночнаго механизма. Государство-ли изъ политическихъ и національныхъ соображеній поддерживаетъ ту или иную отрасль производства или группу населенія рабочая ли организація изъ тѣхъ же политическихъ соображеній воздѣйствуетъ въ извѣстномъ направленіи на своихъ членовъ или на ту либо иную группу предпринимателей и пр и пр.—всѣ эти и подобныя имъ вліянія отразятся на цѣнахъ товаровъ или на высотѣ доходовъ только тогда, если вліяніе ихъ пройдетъ черезъ механизмъ рыночной расцѣнки и измѣнитъ элементы ~~ихъ~~ въ той или иной мѣрѣ. Общая же теорія расцѣнки какъ разъ занята построеніемъ этого общаго для всѣхъ случаевъ и для всѣхъ вліяній механизма. Отсюда ясно, какое громадное научное значеніе сохраняетъ эта общая теорія даже въ томъ случаѣ, если она пока не въ силахъ провести черезъ построенный ею механизмъ весьма и весьма многихъ силъ и воздѣйствій, пробѣгающихъ черезъ него въ реальной жизни.

При этомъ надо замѣтить, что тѣ отношенія господства и неравенства, которыя авторы «соціальной» теоріи распредѣленія называютъ «соціальными» условіями и противополагаютъ «экономическимъ», на самомъ дѣлѣ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ являются отношеніями экономическаго господства и экономическаго неравенства. Когда авторы указанной теоріи говорятъ о томъ, что на прибыли и заработной платѣ отражается соотношеніе силъ капиталистовъ и рабочихъ, у нихъ передъ глазами стоитъ именно имущественное неравенство этихъ классовъ и имущественная зависимость одного отъ другого. Когда эти авторы говорятъ, что рабочіе союзы увеличиваютъ мощь рабочаго класса и расцѣнка труда подымается, то прежде всего

здѣсь дѣло идетъ о чисто экономической разницѣ между положеніемъ человѣка, продающаго свою рабочую силу при наличности конкуррентовъ, и положеніемъ группы, создавшей для себя монополію на рынкѣ труда То же можно сказать о многихъ другихъ аналогичныхъ условіяхъ. Это значительно уменьшаетъ число неэкономическихъ общественныхъ условій, вліяющихъ на рыночныя расцѣнки.

Наконецъ, если подъ «соціальными» условіями понимать особый видъ экономическихъ отношеній, а именно отношенія экономическаго неравенства, то раньше всего непонятно, почему слово «соціальный» (= общественный) понимать въ такомъ узкомъ, специфическомъ смыслѣ. А затѣмъ мы не видимъ основаній выдѣлять отношенія неравенства въ особую категорію, такъ какъ цѣлый рядъ этихъ отношеній прекрасно поддается теоретическому учету и можетъ быть включенъ въ общую схему рыночной расцѣнки. Такъ, имущественное неравенство участниковъ можетъ быть учтено путемъ принятія за данное опредѣленнаго распредѣленія запасовъ факторовъ производства между отдѣльными хозяйствами. Вліяніе стачекъ, рабочихъ союзовъ и другихъ организацій поддается учету путемъ допущенія наличности монопольной расцѣнки труда цѣлой группы рабочихъ. Особое вліяніе хозяйственной необезпеченности рабочихъ по сравненію съ владѣющими классами и вытекающая отсюда необходимость продавать свою рабочую силу по всякой цѣнѣ могутъ быть разложены на ихъ составные элементы и тогда включены въ схему расцѣнки. Первымъ такимъ элементомъ явилось бы то, что единственное «имущество» рабочаго—его рабочая сила—для своего поддержанія требуетъ непрерывнаго притока хозяйственныхъ благъ въ руки рабочаго въ видѣ предметовъ потребленія его и его семьи. Наоборотъ, имущество капиталиста и землевладѣльца, кромѣ затратъ на храненіе и охрану, весьма часто никакихъ тратъ на поддержаніе не требуетъ. Вторымъ элементомъ явилось бы то, что у рабочаго имѣется для удовлетворенія всѣхъ его потребностей лишь небольшой запасъ рабочей силы и рабочаго времени, поэтому оставленіе непроданной даже незначительной доли этой силы и этого времени равнозначуще оставленію безъ удовлетворенія уже весьма интенсивныхъ и неотложныхъ потребностей рабочаго. Наоборотъ, у зажиточнаго капиталиста или землевладѣльца запасъ подлежащихъ отчужденію цѣнностей великъ. Поэтому оставленіе непроданной даже большой доли этого запаса равносильно отказу отъ удовлетворенія сравнительно мало интенсивныхъ потребностей. Къ этому всему

присоединяется, въ качествѣ дополнительнаго элемента, отмѣченная уже нами малая подвижность труда, создающая въ цѣломъ рядѣ мѣсть почти монопольное положеніе для покупателей труда. Всѣ эти элементы при наличности необходимыхъ данныхъ могли бы быть включены въ общую теоретическую схему расцѣнки Наконецъ, даже вліяніе такихъ условій, какъ развитіе самосознанія у рабочаго класса и связанное съ этимъ согласіе или нежеланіе его работать за опредѣленную плату, можетъ быть включено въ теоретическую схему при помощи введенія въ нее данной субъективной тягости труда для рабочаго и опредѣленной интенсивности потребностей послѣдняго въ разныхъ хозяйственныхъ благахъ. Эти субъективные моменты учитывались до сихъ поръ очень мало, а между тѣмъ черезъ нихъ на рыночную расцѣнку вообще. и въ частности на расцѣнку труда, вліяютъ самыя разнообразныя индивидуальныя и соціальныя условія, отражаясь затѣмъ на предлагаемомъ за данную плату количествѣ труда. Какъ это происходитъ, мы увидимъ во второй части.

Подобнымъ же образомъ могутъ быть включены въ общую схему расцѣнки такіе факты, какъ то, что, напримѣръ, воспроизведеніе рабочей силы или накопленіе капиталовъ подчинено инымъ законамъ, нежели воспроизведеніе другихъ объектовъ расцѣнки Для учета этого можно сперва принять число рабочихъ и количество капиталовъ за данныя, и тогда получится обычный случай расцѣнки невоспроизводимаго блага при данномъ запасѣ его. Далѣе можно учесть то обстоятельство, что количества рабочей силы и капитала не остаются безъ перемѣны, а измѣняются. Съ этою цѣлью для капитала или должно быть прямо дано измѣняющееся количество его, или построена предварительно дополнительная теорія накопленія. Что же касается рабочей силы, то воспроизведеніе и умноженіе ея представляетъ неэкономическій процессъ, поэтому экономическая теорія прямо должна получить отъ другой науки или мѣняющуюся численность населенія, или готовый законъ его роста. И тогда для теоріи расцѣнки это будутъ простые случаи расцѣнки благъ, запасъ которыхъ измѣняется даннымъ образомъ.

Конечно, для дѣйствительнаго учета всѣхъ перечисленныхъ условій необходимо много данныхъ. Собираніе ихъ составляетъ серьезную и высоко важную задачу. И лишь послѣ того, какъ экономическая наука возьметъ эти данныя готовыми у другихъ наукъ или найдетъ

сама, собравъ необходимый для этого фактическій матеріалъ, этотъ учетъ можетъ быть выполненъ. Но общая теорія расцѣнки можетъ не ожидать этого. Она можетъ принять всѣ необходимыя величины и условія за данныя, подмѣтивъ, быть можетъ, лишь самый основной ихъ характеръ, взять эти данныя произвольно—и, исходя изъ нихъ, построить общую теоретическую схему. Позже въ эту схему, вмѣсто произвольно взятыхъ данныхъ, могутъ быть подставлены реальныя величины, взятыя изъ дѣйствительной жизни.

Въ такой упрощенной, абстрактной формѣ строимъ мы въ дальнѣйшемъ общую теорію расцѣнки. Мы пытаемся въ ней найти формулировку для самаго существеннаго и основного. Если это будетъ выполнено правильно, нашей наукѣ откроетъ будетъ путь, можетъ быть и трудный, но не безнадежный, для постепеннаго пополненія построенной схемы и приданія ей все болѣе и болѣе конкретной формы. Мы не станемъ говорить о томъ, какое значеніе имѣетъ для теоріи всякій, самый ничтожный успѣхъ, всякое, самое незначительное прояснѣніе въ этой области Мы укажемъ лишь на тѣ новыя безпредѣльныя возможности въ практической жизни, надежду на которыя открываетъ всякій успѣхъ въ данной области Надежда эта касается не болѣе и не менѣе, какъ оріентированія въ висящей теперь надъ каждымъ хозяиномъ, непонятной и неумолимой силѣ рыночной цѣны, опредѣляющей каждый шагъ хозяина, обусловливающей каждую его хозяйственную радость и каждое горе.

Чтобы закончить этотъ параграфъ о постановкѣ проблемы и методѣ, надо хотя-бы самымъ краткимъ образомъ коснуться еще одного вопроса. Дѣло въ томъ, что въ новѣйшей литературѣ особенно подчеркивается различіе двухъ методовъ—индивидуалистическаго и соціально-органическаго. Дѣлаютъ это авторы «соціальной» теоріи распредѣленія Подробное изложеніе ихъ точки зрѣнія и на этотъ вопросъ мы дадимъ во второй части при общемъ разборѣ этой теоріи. Здѣсь укажемъ только, что подъ индивидуалистическимъ методомъ они понимаютъ методъ, отправляющійся отъ отдѣльныхъ хозяйствующихъ лицъ и отдѣльныхъ хозяйственныхъ сдѣлокъ; соціально-органическимъ же методомъ называютъ они методъ, при которомъ весь хозяйственный процессъ всего народнаго хозяйства разсматривается въ его цѣломъ. Авторы, примыкающіе къ упомянутой теоріи, какъ мы узнаемъ впослѣдствіи, и въ смыслѣ метода проводятъ различіе между проблемами обмѣна товаровъ и образованія доходовъ. Въ первой они

допускаютъ примѣненіе индивидуалистическаго метода, при рѣшеніи же второй требуютъ примѣненія метода соціально-органическаго.

Мы не видимъ въ данномъ случаѣ нужды въ рѣзкомъ разграниченіи примѣненія двухъ указанныхъ методовъ, а тѣмъ болѣе въ раздѣленіи по этимъ методамъ проблемъ обмѣна и образованія доходовъ. Въ современномъ индивидуалистическомъ народномъ хозяйствѣ и установленіе цѣны товаровъ, и образованіе доходовъ происходитъ черезъ мѣновыя сдѣлки между отдѣльными лицами. Для цѣнъ товаровъ этого никто не отрицаетъ, что же касается доходовъ, то и относительно ихъ нельзя сомнѣваться въ этомъ. Процессъ образованія доходовъ вовсе не происходитъ такъ, чтобы сначала продуктъ дѣлился между цѣлыми классами, а уже потомъ доли классовъ раздѣлялись между отдѣльными лицами. Наоборотъ, доходы сразу образуются въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, и «народный» доходъ—это лишь цѣлесообразное для нѣкоторыхъ случаевъ, но искусственно построенное понятіе[1]). Поэтому во всѣхъ частяхъ общей теоріи расцѣнки мы отправляемся отъ мотивовъ отдѣльныхъ участниковъ и сдѣлокъ между отдѣльными лицами или группами лицъ, когда послѣднія выступаютъ объединенно. Въ этомъ смыслѣ и въ теоріи обмѣна товаровъ, и въ теоріи доходовъ необходимо примѣненіе индивидуалистическаго метода. Но мы увидимъ во второй части, что и установленіе цѣнъ, и образованіе доходовъ можетъ быть выяснено только въ томъ случаѣ, если привлечь къ разсмотрѣнію всѣхъ участниковъ рынка и всѣ имѣющіеся въ ихъ распоряженіи товары и факторы производства. Такое привлеченіе обязательно, потому что расцѣнка всѣхъ

---

[1]) Что распредѣленіе происходитъ такъ, это признаетъ и авторъ, настаивающій на примѣненіи соціально-органическаго метода при рѣшеніи основныхъ вопросовъ распредѣленія—*Н Н Шапошниковъ* (Теорія цѣнности и распредѣленія 1912, стр 54). *П. Струве* идетъ дальше и считаетъ, что „самое понятіе распредѣленія есть методологическая фикція“ („Экономическая система М. И. Туганъ-Барановскаго“ въ Рус. Мысли 1910. I, стр. 126; ср. также стр. 121—2). Недавно съ отрицаніемъ самаго существованія „распредѣленія“ общественнаго дохода выступилъ *R. Liefmann* Нѣтъ распредѣленія, говоритъ онъ, существуютъ лишь отдѣльные доходы. „...теорія распредѣленія опрокидываетъ вверхъ ногами проблему выручки Тогда какъ въ дѣйствительности стремленіе отдѣльнаго хозяйствующаго лица къ выручкѣ естественно является руководящимъ моментомъ, приводящимъ въ движеніе весь мѣновой оборотъ, теорія эта исходитъ изъ искусственно построеннаго понятія общаго дохода или общей прибыли на капиталъ; этотъ общій доходъ или эта «общая выручка производства» затѣмъ будто-бы «распредѣляется»“ („Die Entstehung des Preises aus subjektiven Wertschätzungen. Grundlagen einer neuen Preistheorie“ въ Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. XXXIV Bd. 1912, стр. 433).

объектовъ взаимно обусловлена и представляетъ сложный механизмъ, всѣ части котораго связаны другъ съ другомъ. Въ этомъ смыслѣ для построенія теоріи расцѣнки необходимо, слѣдовательно, примѣненіе и соціально-органическаго метода. Идея этой связанности всѣхъ расцѣнокъ и построеніе общихъ схемъ для всѣхъ хозяйствъ даннаго народнаго хозяйства, взятыхъ вмѣстѣ, и всѣхъ запасовъ товаровъ и факторовъ производства является завоеваніемъ новѣйшаго развитія экономической теоріи, составляя заслугу главнымъ образомъ математической школы. Но если болѣе вдумчиво взглянуть на эти общія схемы съ точки зрѣнія исторіи науки, то и онѣ не покажутся чѣмъ-либо совершенно неизвѣстнымъ прежнимъ авторамъ. Невольно приходитъ на мысль знаменитая «tableau économique» F. Quesnay, только таблица эта представляла народное хозяйство въ видѣ единаго простого хозяйства, тогда какъ схемы новѣйшихъ экономистовъ-математиковъ правильно изображаютъ его въ видѣ системы цѣлаго ряда отдѣльныхъ хозяйствъ [1]). Но, повторяемъ: во первыхъ, примѣненіе такъ понимаемаго соціально-органическаго метода возможно только наряду съ индивидуалистическимъ и, во вторыхъ, оба эти метода одинаково должны быть примѣнены, какъ при объясненіи цѣнъ товаровъ, такъ и при выясненіи расцѣнки факторовъ производства и оплаты пользованія этими факторами.

---

[1]) По пути *Quesnay* идетъ рядъ русскихъ экономистовъ. О его таблицѣ говоритъ *М. И. Туганъ-Барановскій* (Основы политической экономіи. 2 изд. 1911). Ее же замѣтимъ въ схемахъ *П. Маслова* (Теорія народнаго хозяйства. Введеніе въ соціологію и политическую экономію. 1910, гл. XIV). Наконецъ, эта же таблица ясно проглядываетъ въ діаграммѣ производства и распредѣленія, данной *Н. Н. Шапошниковымъ* (Теорія цѣнности и распредѣленія, стр. 56).

ГЛАВА I.

Теорія потребностей.

> Niemand weiss, warum es so ist, aber es ist so, dass alles Lebende mit einer Reihe von Bedurfnissen geboren wird . Der Mensch macht hiervon am wenigsten eine Ausnahme
>
> *E. Engel.* Die Lebenskosten belgischer Arbeiter-Familien fruher und jetzt. (Bulletin de l'Institut International de Statistique. T. IX. 1895 1-re livraison, стр. 8)

§ 4. Потребности—исходная точка хозяйства

Въ основаніи процесса расцѣнки хозяйственныхъ благъ лежитъ одинъ фактъ, оказывающій вліяніе на направленіе всей вообще хозяйственной жизни. Это фактъ существованія у каждаго хозяйствующаго человѣка извѣстныхъ, ему присущихъ потребностей.

Важная направляющая роль потребностей въ хозяйственной дѣятельности отмѣчается большинствомъ современныхъ экономистовъ [1]).

---

[1]) Особое вниманіе обращено на роль потребностей основателями теоріи предѣльной полезности и ихъ послѣдователями. Изъ нихъ, напримѣръ, *E. v. Philippovich* говоритъ: „Потребности человѣка—исходный пунктъ его хозяйственной дѣятельности" (Grundriss der politischen Oekonomie. I. Bd. 8 Aufl. 1909, стр 3)' Онъ же отмѣчаетъ важную роль потребностей въ расцѣнкѣ благъ (тамъ же, стр. 7). „Правильное съ точки зрѣнія логики изложеніе хозяйственной дѣятельности, пишетъ *F. Fetter*, должно начинаться съ разсмотрѣнія природы желаній, такъ какъ задачей этой дѣятельности является удовлетвореніе желаній" (Principles, стр 9). „Пер-

Надо при этомъ указать, что исходной точкой хозяйства и основной направляющей силой его являются именно *потребности*. Это надо подчеркнуть потому, что имѣются авторы, выдвигающіе въ данномъ случаѣ не потребности, а *потребленіе* [1]). Мы признаемъ важное

вичный фактъ въ объясненіи цѣнности, говоритъ *H. Davenport*, это существованіе у человѣка потребностей и желаній" (Value and distribution 1908, стр 569). *W. Smart* пишетъ „Первое, что видитъ экономистъ въ человѣкѣ—это то, что онъ проявляетъ желанія по отношенію къ окружающему его внѣшнему міру Экономически человѣкъ есть комплексъ желаній " (An introduction to the theory of value 1910, стр 15). Авторъ спеціальной работы о потребностяхъ, *F. Cuhel*, предлагаетъ даже создать изъ ученія о потребностяхъ особую науку „Въ виду того, что ученіе о потребностяхъ, говоритъ онъ, весьма важно не только для экономики, но и для практическихъ наукъ, особенно для этики, очень вѣроятно, что впослѣдствіи оно разовьется въ самостоятельную науку, лежащую въ основѣ практическихъ наукъ Для этой науки очень подходящимъ было бы названіе *хрономія* (отъ *χρέος* = потребность)" (Zur Lehre von den Bedürfnissen Theoretische Untersuchungen uber das Grenzgebiet der Ökonomik und der Psychologie. 1907, стр 7). Авторъ другой работы о потребностяхъ, *L Brentano*, замѣчаетъ „Исходная точка всего хозяйства—потребность Человѣкъ ощущаетъ потребности Онѣ вызываютъ его хозяйственную дѣятельность. Ея цѣль—удовлетвореніе потребностей. Съ полнымъ правомъ, поэтому, можно сказать, теорія потребностей—это научная основа экономической науки" (Versuch einer Theorie der Bedurfnisse Sitzungsberichte der K. Bayerischen Akad. d Wiss Philosophisch-philologische und historische Klasse. Jhrg 1908. 10. Abhandl, стр 3). О потребностяхъ много говоритъ *Turde* („Les deux sens de la valeur" въ Revue psychologique. П. 1888, стр. 526—40 и 560—76). Онъ даже всю расцѣнку выводитъ изъ „желанія и вѣры" (тамъ же, стр. 532) Изъ болѣе старыхъ авторовъ, признававшихъ важную роль потребностей, надо отмѣтить *F. v. Hermann*'а и *A. Schaffle* Послѣдній считаетъ, что „Потребность—это высшая движущая сила всего народнаго хозяйства, гиря часового механизма процесса производства и сбыта. .." (Цит. по *D. Kalinoff*. David Ricardo und die Grenzwerttheorie. 1907. Zeitschrift fur die gesamte Staatswiss XXII Erganzungsheft, стр 15). Изъ русскихъ экономистовъ о потребностяхъ болѣе другихъ говоритъ *Д. И Пихно*. „. изслѣдованіе потребностей, пишетъ онъ, лежащихъ въ основѣ спроса, есть первый вопросъ, какъ при изученіи цѣны каждой вещи или услуги, такъ и при изслѣдованіи теоріи цѣнности вообще" (Законъ спроса и предложенія Къ теоріи цѣнности. 1886, стр. 13). При этомъ онъ спеціально отмѣчаетъ вліяніе потребностей на спросъ (тамъ же, стр 14—16).

[1]) Такъ, старый авторъ спеціальной работы о потребленіи, *R. S Moffat*, говоритъ о вліяніи на производство и распредѣленіе именно потребленія и упрекаетъ въ игнорированіи этого важнаго отдѣла (The economy of consumption: an omitted chapter in political economy 1878). О потребленіи же говоритъ *Лель:* „Объективное потребленіе въ его конкретномъ видѣ, при каждой общественной формѣ, даетъ настоящую и опредѣляющую норму для расширенія и качественнаго распредѣленія производства, такъ какъ послѣднее не является самоцѣлью, а лишь средствомъ для удовлетворенія потребностей" („Konsumtion, Allgemeine Verhält-

значеніе ученія о потребленіи, полагаемъ, что послѣднее еще слишкомъ мало изучено, что пока идетъ лишь собираніе сырого, разрозненнаго матеріала, о теоретической же разработкѣ этого матеріала еще почти нельзя говорить. Мы считаемъ, поэтому весьма цѣнными всѣ работы по потребленію. Но признаніе важности ученія о потребленіи не должно вводить въ заблужденіе. Потребленіе все-таки остается конечнымъ результатомъ хозяйственной дѣятельности, а не его исходной точкой. Таковой являются потребности. Само потребленіе есть слѣдствіе потребностей. Поэтому неправильно отождествлять потребленіе и потребности [1]). Такое отождествленіе и непосредствен-

---

nisse" въ Hwb. d. Stwiss 3. Aufl VI. Bd 1910, стр 117). Впрочемъ, въ другой своей статьѣ („Bedurfnis", тамъ же, II. Bd 1909, стр. 738) онъ потребность считаетъ „истинной движущей силой всего человѣческаго хозяйства" О потребленіи же вмѣсто потребностей говоритъ другой авторъ спеціальныхъ работъ о потребленіи—*S. N. Patten* Его „законы потребленія" представляютъ слѣдствія законовъ потребностей Напр., 1) законъ необходимости („каждая группа благъ, составляющихъ потребленіе лица, должна содержать всѣ элементы, необходимые для поддержанія жизни")—это слѣдствіе существованія абсолютно-необходимыхъ потребностей, 2) законъ разнообразія („возрастаніе потребленія одного блага понижаетъ предѣльную полезность", а „увеличеніе числа потребляемыхъ благъ сопровождается возрастаніемъ предѣльной полезности каждаго блага") или 3) законъ гармоніи („полезность блага зависитъ отъ группы тѣхъ благъ, вмѣстѣ съ которыми оно потребляется")—все это слѣдствія или даже прямо описанія извѣстныхъ свойствъ разныхъ потребностей, особенно ясно видно сказанное на 4-мъ законѣ—законѣ издержекъ („предметы потребляются, оцѣниваемые не по ихъ общей полезности, а только по избытку полезности надъ издержками"); этотъ законъ наглядно показываетъ, что исходить надо не изъ потребленія, а потребностей, такъ какъ указанный въ законѣ издержекъ порядокъ потребленія непосредственно вытекаетъ изъ потребностей+издержки производства или цѣны благъ; то же надо сказать о 5-мъ законѣ—законѣ группировки (потребленіе второстепенныхъ благъ приноравливается къ благамъ, доставляющимъ особенно сильное удовольствіе); это опять прямой результатъ свойства человѣческихъ потребностей (см. The theory of dynamic economics. Publications of the University of Pennsylvania Political economy and public law series № 11. 1892, стр. 41—2, а также „Die Bedeutung der Lehre vom Grenznutzen" въ Jahrbücher fur Nationalökonomie und Statistik. III. F. II. Bd. 1891, стр. 507—9). О „рѣшающей роли" потребленія и необходимости „перенесенія главнаго центра тяжести при изученіи хозяйства народа въ отдѣлъ четвертый, посвященный ученію о потребленіи .", т. е. вездѣ о потребленіи вмѣсто потребностей говоритъ *И. И. Георгіевскій* (Политическая экономія. 3 изд 1901, стр. 573 и слѣд.)

[1]) Такъ, напримѣръ, поступаетъ *Ф. А. Щербина*. Онъ вездѣ говоритъ о статистическомъ установленіи потребностей, тогда какъ на самомъ дѣлѣ устанавливаетъ потребленіе. Вездѣ говоритъ онъ объ „объемѣ потребностей", считаетъ даже, что „потребности.... допускаютъ точное измѣреніе и широкій учетъ, поскольку мо-

ное измѣреніе потребностей потребленіемъ ошибочно. Потребленіе— продуктъ не однѣхъ потребностей, а потребностей+средства хозяйства+цѣны потребляемыхъ благъ. Поэтому, если измѣняются цѣны товаровъ, то и размѣръ, и составъ потребленія претерпѣваетъ измѣненіе. Отсюда, однако, нельзя заключать, что измѣнились потребности человѣка; онѣ могли остаться неизмѣнными.

Правда, такъ какъ потребности до сихъ поръ не поддаются учету, то для опредѣленія предстоящаго спроса практическая жизнь пользуется размѣромъ и составомъ предыдущаго потребленія. Но, если такое пользованіе данными о потребленіи до извѣстной степени удовлетворяетъ цѣлямъ практической дѣятельности, то теоретически не представляется возможнымъ отправляться при объясненіи хозяйственныхъ явленій непосредственно отъ потребленія. Особенно справедливо это для теоріи расцѣнки, ибо само потребленіе, какъ мы отмѣтили, отчасти слѣдствіе расцѣнокъ и цѣнъ. Идя шагъ за шагомъ отъ поверхности хозяйственной жизни вглубь ея, къ основнымъ факторамъ, мы доходимъ, какъ до одной изъ конечныхъ точекъ этой жизни—до потребностей. Отъ нихъ, поэтому, и надо отправляться при теоретическомъ построеніи хозяйственныхъ явленій вообще, и въ частности явленій расцѣнки [1])

гутъ быть измѣрены матеріальныя средства, затрачиваемыя на удовлетвореніе той или другой потребности“ („Потребности, какъ предметъ научнаго изученія и бюджеты рабочихъ семей“ въ Народномъ Хозяйствѣ. 1900, V, стр. 7 и 33). Въ послѣдней фразѣ это смѣшеніе особенно наглядно

[2]) *W. Hasbach*, усиленно подчеркивающій значеніе изслѣдованія явленій, лежащихъ на сторонѣ спроса, и требующій даже перестройки въ этомъ направленіи экономической теоріи (Güterverzehrung und Güterhervorbringung. 1906, стр. IV и 6), говоритъ, однако, также все время о потребленіи. Хотя онъ понимаетъ, что спросъ вытекаетъ изъ потребностей, но потребленіе онъ считаетъ еще болѣе первичнымъ, потому что появленіе потребности предполагаетъ предыдущее потребленіе имѣющагося запаса. „Спросъ, говоритъ онъ, вытекаетъ изъ ощущенія настоящаго недостатка или изъ представленія объ ощущеніи будущаго недостатка. Онъ есть, такимъ образомъ, слѣдствіе дѣйствительнаго или ожидаемаго потребленія благъ. А если спросъ предполагаетъ настоящее или будущее потребленіе, го ученіе о потребленіи благъ должно составить исходную точку ученія объ общественномъ хозяйствѣ“ (тамъ-же, стр 7). Если считать, что потребленіе предшествуетъ появленію потребностей, то тогда неправильно останавливаться и на потребленіи. Потребленіе неизбѣжно требуетъ для подавляющей массы благъ предшествующаго производства ихъ. Начинать, слѣдовательно, надо было-бы съ производства. А противъ этого и возстаетъ *Hasbach*. Онъ говоритъ, напримѣръ: „Такъ какъ созданіе благъ въ общественномъ хозяйствѣ зависитъ отъ спроса, то ученіе

Однако, нѣкоторые авторы придерживаются того мнѣнія, что изученіе потребностей, рѣшеніе, напримѣръ, вопроса о свойствахъ потребностей, о паденіи ихъ силы по мѣрѣ удовлетворенія, объ измѣримости ихъ и проч., принадлежитъ психологіи, а не экономической наукѣ, ибо потребности не хозяйственныя явленія[1]). Недавно же *J Schumpeter* оспаривалъ право экономической науки говорить о потребностяхъ далѣе, какъ о движущей силѣ, и отправляться отъ нихъ. По его мнѣнію конечнымъ исходнымъ пунктомъ для экономики должна служить «скала цѣнъ спроса», т. е. скала тѣхъ цѣнъ, по которымъ данное лицо согласно купить различныя количества благъ. Такая скала представляетъ функцію цѣнности, и это все, что нужно знать экономисту[2]). Потребности, поэтому, излишни. Кромѣ того, о потребностяхъ мы можемъ заключить лишь на основаніи наблюденія надъ поступками человѣка или на основаніи внутренняго опыта[3]). Но первое не даетъ ничего новаго, а второй ненадеженъ. Въ виду этого «мы не должны исходить изъ теоріи потребностей, если хотимъ поступать вполнѣ правильно»[4]).

Что касается указанія на то, что потребности не составляютъ хозяйственныхъ явленій и потому ими не должна заниматься эконо-

---

о производствѣ благъ не можетъ предшествовать другимъ частямъ матеріала" Реальная хозяйственная жизнь представляетъ непрерывный круговоротъ: потребности, производство, потребленіе, опять потребности и т. д. Слѣдовательно, можно какъ-будто начинать изслѣдованіе съ любого пункта. Но, какъ, говоря о біологическомъ организмѣ, мы начинаемъ рѣчь съ рожденія, а не смерти, хотя біологическая жизнь есть непрерывный круговоротъ рожденія и смерти, такъ и начало хозяйственной жизни нельзя видѣть въ поглощеніи уже созданныхъ ею же продуктовъ Кромѣ того, и логически потребность *вовсе не предполагаетъ неизбѣжно* потребленія. Потребность можетъ быть и въ томъ, чего еще вовсе не было. И потому, если мы хотимъ дать теоретически законченную схему хозяйства, то мы должны поставить вопросъ такъ: вотъ люди, у нихъ еще нѣтъ никакихъ благъ, имѣются лишь 1) потребности и 2) извѣстныя средства для созданія нужныхъ благъ. Спрашивается: какъ они поведутъ свое хозяйство?

[1]) Такъ *W Lexis* говоритъ о законѣ падающаго удовлетворенія, что „весь этотъ вопросъ относится не къ наукѣ о хозяйствѣ, а къ психофизикѣ" („Konsumtion" Handw. d. Staatswiss. 3. Aufl. VI. Bd., стр 118). Точно также *K Diehl* считаетъ, что экономической наукѣ нѣтъ нужды изучать потребности, такъ какъ онѣ не хозяйственныя явленія, а „движущіе мотивы", которые должна изучать психологія (Sozialwissenschaftliche Erläuterungen zu David Ricardos Grundgesetze der Volkswirtschaft und Besteuerung. 1905. I, стр. 70)

[2]) Das Wesen und der Hauptinhalt, стр 64, 71—2.

[3]) Тамъ же, стр. 64—5.

[4]) Тамъ же, стр. 68—9.

мическая наука, то надо сказать слѣдующее. Экономическая наука въ массѣ случаевъ беретъ въ качествѣ исходныхъ положеній нехозяйственные факты. Такъ, тотъ фактъ, что машина работаетъ въ сельскомъ хозяйствѣ не круглый годъ, или то, что сельско-хозяйственныя операціи происходятъ не одновременно, а смѣняютъ другъ друга во времени—факты техническіе. Однако экономическая теорія отправляется отъ нихъ при рѣшеніи вопроса о формахъ предпріятій или раздѣленіи труда въ сельскомъ хозяйствѣ. Точно также теорія расцѣнки можетъ отправляться отъ факта потребностей, если ихъ даже и не считать хозяйственными явленіями. И она не можетъ объяснить явленій расцѣнки, не привлекши къ объясненію ихъ потребностей. При этомъ ей мало знать, что у людей существуютъ потребности, необходимо знать основныя свойства потребностей. Не менѣе важенъ отвѣтъ и на вопросъ объ измѣримости потребностей. Все это, несомнѣнно, вопросы, подлежащіе вѣдѣнію психологіи. И, если бы психологія давала на нихъ отвѣтъ, экономистъ прямо взялъ-бы соотвѣтствующія положенія этой науки и дѣлалъ изъ нихъ выводы. Но, если психологическая наука отвѣтовъ на нихъ не даетъ, то экономисту приходится заняться ими самому. Такъ поступили теоретики предѣльной полезности и многочисленные другіе авторы.

Рѣшительный отпоръ встрѣтила, поэтому, попытка *Schumpeter*'а выбросить потребности и отправляться прямо отъ «скалы цѣнъ спроса» [1]). Критики показали, что, отправляясь отъ потребностей, эко-

[1]) Такъ, *H. Mayer* въ своей рецензіи на цитированную выше книгу *Schumpeter*'а утверждаетъ, что экономисты, выводящіе цѣнность изъ потребностей, не дѣлаютъ никакихъ рискованныхъ экскурсовъ въ область психологіи. „Что люди, говоритъ онъ, имѣютъ потребности и стремятся ихъ удовлетворить, что отдѣльныя потребности выступаютъ въ видѣ конкретныхъ потребностей различной интенсивности, что скалы интенсивности отдѣльныхъ потребностей не однообразны, что по мѣрѣ удовлетворенія потребностей интенсивность дальнѣйшаго желанія убываетъ, что, наконецъ, люди въ такой мѣрѣ придаютъ значеніе вещамъ, признаннымъ ими пригодными для удовлетворенія ихъ потребностей, въ какой отъ обладанія этими вещами зависитъ удовлетвореніе болѣе сильной или слабой потребности—это почти все, что необходимо для выведенія принципа цѣнности. Но это все факты, доступные ежедневному опыту, и наблюдающему ихъ совершенно безразлично, принимаетъ-ли ихъ также и психологія за исходный пунктъ своего изслѣдованія или дѣлаетъ ихъ предметомъ своего анализа. Вопросы же о томъ, отвѣчаетъ или противорѣчитъ гипотезѣ свободной воли фактическое поведеніе людей, далѣе вопросъ о томъ, что въ свою очередь лежитъ въ основаніи самихъ потребностей и каковы физіологическіе процессы, совершающіеся при удовлетвореніи потребно-

номистъ часто вовсе не входитъ въ чуждую ему область психологіи и физіологіи. Если же онъ и входитъ въ нее, то не ставитъ себя въ зависимость отъ различныхъ спорныхъ психологическихъ или физіологическихъ теорій

стей—все это безразлично для обоснованія принципа цѣнности, и теорія предѣльной полезности никогда не входила въ это" („Eine neue Grundlegung" въ Zschr f. Volksw, Sozpol u Verw 1911, стр 199) Другой критикъ, *Fr. v Wieser*, по поводу стремленія *Schumpeter'a* отказаться отъ всякихъ психологическихъ данныхъ и въ томъ числѣ отъ потребностей, пишетъ слѣдующее: „Мы также желаемъ оставаться независимыми отъ психологическаго обоснованія теоріи воли или ученія о чувствахъ или чего либо другого Мы также не хотимъ связывать себя съ закономъ *Weber'a* и вообще хотимъ стоять совершенно самостоятельно по отношенію къ психологіи Мы отнюдь не входимъ въ ея анализъ основныхъ психическихъ явленій. Наоборотъ, мы ищемъ такого знанія, которое оставалось-бы въ силѣ, какія-бы основныя психическія явленія ни установила психологія. Если угодно, можно сказать, что мы являемся и желаемъ оставаться профанами въ области психологіи... Когда мы оперируемъ съ потребностями, мы занимаемся извѣстными явленіями, отчасти относящимися къ физіологіи, которыя всплываютъ въ сознаніи и изъ которыхъ вытекаютъ хозяйственныя дѣйствія. Но мы устанавливаемъ ихъ просто такъ, какъ находимъ въ сознаніи, равно какъ устанавливаемъ, какія дѣйствія вытекаютъ изъ нихъ при ихъ наступленіи, вовсе не спрашивая, на чемъ эти явленія покоются, почему они всплываютъ, вслѣдствіе какихъ болѣе глубоко залегающихъ процессовъ они вызываютъ хозяйственныя дѣйствія" („Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalokonomie (Kritische Glossen)" въ Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich. 35 Jahrg 1911, стр. 915). Это мѣсто даетъ ясное разграниченіе области и задачъ психологіи. съ одной стороны, и психологическаго направленія экономической науки, съ другой. Боязнь завязнуть въ чуждой экономисту области психологіи заставила *Schumpeter'a*, отвергнуть и психологическое направленіе и выбросить изъ посылокъ такіе психическіе факты, какъ потребность. Онъ старается ограничиться исключительно внѣшними фактами Но на это правильно замѣчаетъ *Wieser*. „его методъ принуждаетъ его обрѣзывать у своихъ результатовъ ихъ наиболѣе нѣжные и конечные психическіе корни, питающіе ихъ смыслъ" (тамъ же, стр 925) *Böhm-Bawerk* идетъ дальше въ отвѣтѣ на критику психологическаго направленія. Онъ не оспариваетъ того, что, говоря о потребностяхъ и субъективной цѣнности, экономическая теорія переходитъ границу, отдѣляющую ее отъ психологіи Но, по его мнѣнію, если между дисциплинами должно примѣняться раздѣленіе труда, то „научное раздѣленіе труда не можетъ существовать безъ соединенія труда" (Positive Theorie. 3 Aufl, стр. 322). И экономическая теорія не совершаетъ грѣха, если заходитъ въ смежную область, чтобы научное „объясненіе въ цѣломъ стало понятнѣе и убѣдительнѣе" (тамъ же, стр. 323). А этого нельзя достигнуть, не переходя границъ сосѣднихъ областей. Такой переходъ оправдывается еще тѣмъ, что психологія пока не разрѣшила необходимыхъ для экономической науки вопросовъ. Психологія даже сама начала ихъ разработку благодаря толчку, данному психологическимъ направленіемъ экономической науки (стр 323) „Мѣра перехода границы должна опредѣляться цѣлесообразностью и тактомъ" (стр 324).

Въ самомъ дѣлѣ, доводя анализъ хозяйственныхъ явленій до потребностей, мы только доводимъ до конца ихъ объясненіе, обрывая его въ той точкѣ, за которой дальнѣйшій анализъ принадлежитъ уже сосѣднимъ наукамъ. Остановить же этотъ анализъ раньше потребностей, напримѣръ, на явленіяхъ субъективной цѣнности или, какъ предлагаетъ *Schumpeter*, на «скалѣ цѣнъ спроса», принявъ ихъ за данныя—это значило бы оборвать объясненіе раньше его настоящей границы. Субъективная цѣнность и различныя ея проявленія, какъ мы увидимъ дальше, представляютъ хотя и психическія явленія, но явленія, конкретными формами которыхъ психологія, какъ общая наука о душевныхъ явленіяхъ, не занимается. Между тѣмъ понять существо субъективной цѣнности и ея формы можно только выводя ихъ изъ потребностей. Ясно, что экономисту остается одно—самому идти прямо отъ потребностей. Что же касается «скалы цѣнъ спроса», то это еще сложное хозяйственное явленіе, требующее объясненія и поддающееся объясненію. Оставлять его необъясненнымъ и принимать его за данное экономическая наука не имѣетъ права. Притомъ же для объясненія этой скалы на ряду съ другими условіями необходимо привлечь и потребности. И здѣсь, такимъ образомъ, экономисту надо отправляться отъ потребностей [1]). Замѣчаніе же, что у насъ нѣтъ возможности узнать что-либо надежное и новое о потребностяхъ, не вѣрно. Дальше мы увидимъ, что существуетъ возможность на основаніи поступковъ людей судить не только о существованіи потребностей, но и о ихъ силѣ, и въ этой области получить цѣлый рядъ новыхъ свѣдѣній, весьма важныхъ для объясненія явленій расцѣнки хозяйственныхъ благъ.

---

[1]) Что явленія расцѣнки, какъ и всѣ хозяйственныя явленія, становятся понятными лишь тогда, если дойти до ихъ исходнаго пункта, до толкающихъ на хозяйственную дѣятельность потребностей—это прекрасно видно на самомъ *Schumpeter'*ѣ Онъ самъ вездѣ въ концѣ концовъ думаетъ о потребностяхъ и отъ нихъ отправляется. Напримѣръ, на стр. 105 цитированной выше книги онъ пишетъ о функціи цѣнности: „Она, конечно, покоится на потребностяхъ индивидуума, насколько эти послѣднія проявляются въ обнаруженныхъ имъ расцѣнкахъ“ Въ болѣе позднѣй статьѣ, „Bemerkungen über das Zurechnungsproblem“ (Zschr. f. Volkswirt., Soz pol u. Verw. 18. Bd. 1909, стр 109), онъ ясно доходитъ до потребностей: „Скала полезности нашъ исходной пунктъ и вмѣстѣ съ находящимся въ чьемъ-либо обладаніи количествомъ блага даетъ его предѣльную полезность. Эта скала полезности представляетъ степени интенсивности потребности“.

§ 5. Исторія ученія о потребностяхъ [1]).

Изъ авторовъ, подвергающихъ подробной разработкѣ ученіе о потребностяхъ, надо раньше всего упомянуть о *Fr. B. W. v. Hermann*'ѣ [2]) Его ученіе о потребностяхъ и до настоящаго времени не потеряло интереса. Онъ даетъ опредѣленіе потребности, повторяемое экономистами до нашихъ дней. Онъ же развиваетъ цѣлое ученіе о видахъ потребностей. Но для его ученія типично, что главное вниманіе въ немъ удѣлено классификаціи потребностей, и притомъ классификаціи по родамъ и видамъ. Лишь вскользь касается онъ вопроса объ интенсивности потребностей. Сила потребности, говоритъ онъ, «сказывается въ чувствѣ напряженности и безпокойства, которыя вызываетъ она въ ощущающемъ ее лицѣ» [3]) Но такой субъективный масштабъ онъ считаетъ неточнымъ и предпочитаетъ объективный количественный масштабъ, а именно «количество годностей, необходимыхъ для удовлетворенія данной потребности». Вмѣстѣ съ тѣмъ, даже говоря объ интенсивности потребностей, онъ имѣетъ въ виду различные виды потребностей и совершенно не говоритъ еще о разной интенсивности отдѣльныхъ потребностей въ зависимости отъ степени насыщенія ихъ. Поэтому и классификація его исключительно *качественная* [4]). Преемникомъ *Hermann*'а является *W. Roscher* съ его дѣле-

---

[1]) О различныхъ направленіяхъ въ разработкѣ вопроса о потребностяхъ см. *Siegfried Kraus* Ein Beitrag zur Erkenntnis der sozialwissenschaftlichen Bedeutung des Bedurfnisses (Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie und Soziologie. XXX Jg. 1906, стр. 1—48)

[2]) Staatswirtschaftliche Untersuchungen 2 nach dem Tod des Verfassers erschienene Auflage. 1870, стр 5 и 78—103.

[3]) Указ соч., стр 80.

[4]) Онъ различаетъ (указ. соч, стр 98—9):

1) абсолютныя потребности
   a) личныя: въ утоленіи голода и жажды, въ защитѣ тѣла отъ непогоды, мороза и недостатка свѣта, въ поддержаніи общенія съ другими людьми, а также въ техникѣ—все ограниченное необходимымъ для поддержанія жизни,
   b) половыя и семейныя;
2) относительныя потребности:
   a) въ охранѣ, леченіи и развлеченіяхъ,
   b) въ научномъ и художественномъ образованіи, нравственномъ развитіи и религіозномъ воспитаніи,
   c) въ признаніи со стороны другихъ людей.

ніемъ потребностей на потребности естественныя, потребности приличія и потребности роскоши [1]), а также *A. Wagner*, воспринявшій опредѣленіе *Hermann*'а, но видоизмѣняющій его классификацію потребностей [2]).

Дальнѣйшее развитіе ученіе о потребностяхъ получило въ трудахъ представителей математической школы, равно какъ основателей теоріи предѣльной полезности, и раньше всего въ работѣ *C. Menger*'а [3]). Имъ оставлена старая точка зѣнія, придававшая особую важность дѣленію потребностей на роды и виды. Вниманіе его обращено на силу потребностей и расположеніе ихъ по этому признаку въ видѣ извѣстной скалы.

Работы представителей австрійской школы обострили интересъ къ вопросу о психологической природѣ потребностей. Результатомъ этого интереса явились работы *Oscar*'а *Kraus*'а [4]) и работа *Siegfried*'а *Kraus*'а [5]). Сюда же должна быть отнесена большая спеціальная работа о потребностяхъ *Fr. Čuhel*'я [6]). Книга *Čuhel*'я затрагиваетъ всѣ главнѣйшіе вопросы теоріи потребностей. Его анализъ только чрезмѣрно сложенъ, подчасъ даже страдаетъ ненужной вычурностью. Все же въ дальнѣйшемъ намъ во многихъ мѣстахъ придется считаться съ этимъ анализомъ. Вслѣдъ за книгой *Čuhel*'я появилась работа *L. Brentano* [7]). Работа эта подвергаетъ новому пересмотру вопросы, выдвинутые австрійской школой, напримѣръ, вопросъ о паденіи интенсивности потребностей. Но, съ другой стороны, на *Brentano* еще сильно сказывается вліяніе *Hermann*'а, *Wagner*'а и примыкающихъ къ нимъ экономистовъ. Его интересуетъ, поэтому, классификація потребностей

---

[1]) Это дѣленіе, какъ совершенно условное и произвольное, давно вызывало возраженія. Между прочимъ, его критикуетъ *G. Flatow* („Studie über den Wertbegriff" въ Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft 45. Bd. 1889, стр 261—4).

[2]) Онъ дѣлитъ потребности на:
1) внутреннія психическія и внѣшнія,
2) потребности существованія (первой и второй степени) и культурныя,
3) индивидуальныя и общественныя (Grundlegung der politischen Oekonomie. I Theil I Halbband. 3 Aufl. 1892, стр. 74 и 76)

[3]) Grundsätze der Volkswirtschaftslehre

[4]) Das Bedürfnis. Ein Beitrag zur beschreibenden Psychologie 1894

„Zur Lehre von den Bedürfnissen" въ Zeitschrift für Volksw., Sozialpol. und Verw. 17. Bd. 1908, стр 499—516.

[5]) „Ein Beitrag"..., см. выше.

[6]) Zur Lehre von den Bedürfnissen 1908

[7]) Versuch einer Theorie der Bedürfnisse. 1908.

по видамъ. Онъ даже строитъ качественную скалу потребностей, расположенныхъ въ порядкѣ важности ихъ въ среднемъ для людей [1]).

Надо отмѣтить еще работу о потребностяхъ *B. Gurewitsch*'а [2]). Книга эта посвящена главнымъ образомъ развитію потребностей. отличается она историко-описательнымъ характеромъ и почти полнымъ отсутствіемъ теоретической разработки вопроса, если не считать нѣ-

---

[1]) *Brentano* сначала дѣлитъ потребности на.

1. Физическія и духовныя.
2. Необходимыя (абсолютныя) и менѣе неотложныя (относительныя)
3. Непосредственныя и косвенныя (напр., въ землѣ, машинѣ).

Затѣмъ онъ отмѣчаетъ различіе порядка потребностей по ихъ интенсивности для разныхъ народовъ, классовъ и индивидуумовъ, но далѣе пытается построить среднюю для людей скалу потребностей или, какъ онъ говоритъ, найти тотъ порядокъ, въ какомъ идутъ потребности по „*дѣйствительному* чувству неудовольствія причиняемому *среднему* человѣку ихъ неудовлетвореніемъ" (указ соч., стр 12) Вотъ эта скала:

1. Потребности въ простомъ поддержаніи жизни и устраненіи крайней нужды (въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, покоѣ и отдыхѣ).
2. Половыя потребности
3. Потребность въ признаніи со стороны другихъ людей (стремленіе удержаться на извѣстномъ жизненномъ уровнѣ, стремленіе низшихъ классовъ подняться на верхнія соціальныя ступени, стремленіе къ господству и власти, съ одной стороны, и къ свободѣ— съ другой).
4. Потребность въ обезпеченіи благополучія послѣ смерти (религіозныя потребности).
5. Потребность въ развлеченіяхъ
6. Потребность въ обезпеченіи своего будущаго и будущаго близкихъ и друзей
7. Потребность во врачебной помощи.
8. Потребность въ чистотѣ.
9. Потребность въ научномъ и художественномъ образованіи
10. Потребность въ творчествѣ.
11. Альтруистическія потребности

По поводу этой скалы надо сказать, что 1) она произвольна; методъ отысканія послѣдовательности потребностей не указанъ, по всему видно, что эта послѣдовательность прямо взята наугадъ, не показано и то, для какого числа людей и какихъ людей выведена эта скала, въ качествѣ средней; послѣднее очень важно, такъ какъ о средней скалѣ потребностей надо говорить очень осторожно, ясно формулируя, что подъ этимъ понимается; въ изложенной же формѣ эта скала никакого научнаго значенія не имѣетъ, 2) схема построена качественная, по роду благъ; но важна еще схема по *количеству* благъ; эта сторона потребностей не включена въ скалу

[2]) Die Entwicklung der menschlichen Bedürfnisse und die soziale Gliederung der Gesellschaft (Schmollers Forschungen. XIX. 4). 1904.

котораго психологическаго анализа потребности. Затѣмъ можно указать на статью *W. Lexis*'а [1]). Авторъ даетъ опредѣленіе потребности, бѣгло касается классификаціи потребностей и дѣлаетъ рядъ интересныхъ критическихъ замѣчаній по поводу построенія количественной скалы потребностей. Эти замѣчанія намъ придется разбирать ше.

Изъ русскихъ экономистовъ удѣляли особенно много вниманія ученію о потребностяхъ два профессора Кіевскаго университета: *Н. Х. Буше* и ученикъ его, *Д. И Пихно*. У *Н. Х. Буше* вся вторая глава курса посвящена потребностямъ. Правда, при краткости этого курса она равна всего двумъ страницамъ. Но онъ ясно сознавалъ значеніе и недостаточное развитіе этого отдѣла экономической науки. Его интересовалъ и вопросъ о конкретныхъ формахъ потребностей, но отъ него не была скрыта трудность ихъ изученія [2]). Въ курсѣ *Д. И. Пихно* отдѣлъ о потребностяхъ изложенъ полнѣе, чѣмъ у кого-либо другого изъ русскихъ авторовъ, но занятъ этотъ отдѣлъ главнымъ образомъ классификаціей потребностей по ихъ родамъ и видамъ [3]). Что касается количественной стороны потребностей, то онъ

[1]) „Bedurfnis" въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften

[2]) „Очевидно пишетъ онъ, что естественная исторія потребностей относится къ любопытнѣйшимъ предметамъ изученія. Къ сожалѣнію, должно сознаться, что кромѣ небольшого числа матеріаловъ, по которымъ можно ознакомиться съ исторіей общественныхъ потребностей и при томъ по преимуществу государственныхъ, относящихся къ послѣднему столѣтію, предметъ этотъ почти не доступенъ для изслѣдованія по недостатку данныхъ и по невозможности сдѣлать тѣмъ изъ нихъ, которыя могутъ быть добыты, строгую научную оцѣнку. Изслѣдованія о матеріальной, умственной, нравственной и эстетической жизни народовъ, при обширнѣйшей начитанности и научности писателя, представляютъ не болѣе, какъ собраніе сырого, отрывочнаго, непригоднаго для разработки матеріала" (Основанія политической экономіи. 1870, стр. 17)

[3]) Онъ говоритъ о потребностяхъ (Основанія политической экономіи Вып. I. 1890, стр 32–8).

1) дѣйствительныхъ и мнимыхъ,
2) физическихъ и духовныхъ,
3) высшихъ и низшихъ,
4) частныхъ и общественныхъ,
5) общихъ и особенныхъ,
6) необходимыхъ, потребностяхъ удобства и роскоши,
7) неотложныхъ и отложныхъ,
8) нормальныхъ и чрезвычайныхъ,
9) постоянныхъ, періодическихъ и временныхъ,
10) настоящихъ, неудовлетворенныхъ прошлаго времени и будущихъ,
11) положительныхъ и отрицательныхъ.

различаетъ: 1) величину потребностей, т. е. количество и цѣнность средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія этихъ потребностей, и 2) степень настоятельности потребностей. Авторъ отмѣчаетъ субъективный характеръ послѣдней и мѣрою ея считаетъ «силу вызываемыхъ потребностью ощущеній, т. е. удовольствія отъ удовлетворенія потребностей и страданія отъ неудовлетворенности ихъ». Онъ признаетъ что «субъективная сила потребностей служитъ главнымъ образомъ стимуломъ хозяйственной дѣятельности»... Но тутъ же самъ указываетъ, что «эта мѣра разнообразна и довольно неопредѣленна вслѣдствіе разнообразія ощущеній и привычекъ у разныхъ лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ общественнымъ классамъ» [1]). Это все, что находимъ мы объ интенсивности потребностей; о расположеніи потребностей въ рядъ по степени ихъ интенсивности авторъ не говоритъ. Наконецъ, о потребностяхъ, и именно о количественной сторонѣ ихъ, говоритъ *Р. Оржешкій* [2]).

Послѣ этого историко-литературнаго обзора мы переходимъ къ дальнѣйшему изложенію теоріи потребностей.

Начнемъ съ опредѣленія потребности

§ 6. Понятіе потребности

Наиболѣе извѣстно опредѣленіе *Fr. v. Hermann*'а. Потребность, говоритъ онъ, это «чувство недостатка, соединенное со стремленіемъ устранить послѣдній» [3]). Это опредѣленіе повторено цѣлымъ рядомъ экономистовъ [4]). Такое опредѣленіе потребности, равно какъ примы-

[1]) Указ. соч., стр. 34—5

[2]) Полезность и цѣна. Политико-экономическій очеркъ 1895. стр. 9—13; Ученіе объ экономическомъ явленіи. Введеніе въ теорію цѣнности. 1903, стр. 258—308.

[3]) Staatswirtsch Untersuchungen, стр. 5.

[4]) *A Wagner* буквально повторяетъ опредѣленіе *Hermann*'а (Grundlegung. I Theil I. Halbband, стр. 73). Другіе авторы даютъ перифразъ его. Такъ, *E. Sax* пишетъ. потребность показываетъ намъ общую зависимость человѣка отъ вещей внѣшняго міра въ ея конкретной формѣ. Сознаніе этой зависимости обнаруживается въ человѣкѣ прежде всего въ видѣ чувства неудовольствія, а затѣмъ въ видѣ желанія обладать предметами, которые кажутся намъ способными устранить это неудовольствіе —(Die neuesten Fortschritte der nationalökonomischen Theorie. 1889, стр. 11). *J. Lehr* говоритъ: „Чувства недостаточности или отсутствія удовлетворенія, связанныя съ требованіемъ удовлетворить ихъ, мы называемъ потребностями“ (Die Grundbegriffe der Nationalökonomie. Zur Einführung in das Studium der Staatswissenschaften. 2. Aufl. herausgegeben von *M. v. Heckel*. 1901, стр. 51). Цитированный выше *O. Kraus* замѣчаетъ по

кающія къ нему, страдаютъ, однако, тѣмъ недостаткомъ, что они содержатъ въ себѣ одновременно два отличные другъ отъ друга элемента: ощущеніе недостатка и стремленіе устранить послѣдній[1]). Въ виду этого въ тѣхъ случаяхъ, когда возникаетъ вопросъ о силѣ потребности, приходится становиться въ тупикъ передъ тѣмъ, по силѣ котораго изъ этихъ двухъ элементовъ—ощущенія недостатка или стремленія устранить его—мѣрять силу потребности. Правда, есть много основаній считать, что у даннаго лица въ данный моментъ всякое болѣе сильное ощущеніе недостатка вызываетъ и болѣе сильное стремленіе устранить этотъ недостатокъ. Но, 1) мы не знаемъ, всегда-ли имѣетъ мѣсто полное соотвѣтствіе между ними, 2) потребность интересуетъ насъ исключительно, какъ стимулъ къ дѣятельности и 3) ощу-

---

поводу опредѣленія *Германа*, что „потребность—это стремленіе устранить не самый недостатокъ, а непріятное ощущеніе этого недостатка". Поэтому онъ самъ опредѣляетъ потребность такъ: „чувство неудовольствія, связанное со стремленіемъ устранить это чувство" (Bedürfnis, стр 10). Это измѣненіе, на нашъ взглядъ ненужная и, въ сущности, невѣрная тонкость. Невѣрная, потому что, когда, напримѣръ, человѣкъ ощущаетъ потребность въ ѣдѣ, его желаніе направлено на полученіе самой ѣды, а не на устраненіе непріятнаго чувства. Точно также по *Kraus*'у уничтоженіе и удовлетвореніе потребности совпадаютъ, тогда какъ это совершенно различныя вещи. *L. Brentano* выбираетъ средній путь и потребность опредѣляетъ, какъ „всякое ощущеніе неудовольствія, связанное со стремленіемъ устранить его путемъ уничтоженія вызывающаго это ощущеніе недостатка" (Theorie der Bedürfnisse, стр. 4). Два элемента потребности—ощущеніе недостатка и стремленіе устранить его—подчеркиваетъ и *J Wolf* „Потребность, говоритъ онъ, представляетъ двойное явленіе. На ряду съ „пожирающимъ" ощущеніемъ недостатка („пассивная функція", „отрицательное раздраженіе") въ ней содержится „толкающее" побужденіе дѣйствовать съ цѣлью устраненія этого недостатка („активная функція", „положительное раздраженіе") „(Nationalökonomie als exacte Wissenschaft. Ein Grundriss. 1908, стр. 5). Объ этихъ элементахъ говоритъ и *W. Lexis*. „Потребность, пишетъ онъ, есть субъективное ощущеніе недостатка и стремленіе къ непосредственному, достигаемому при помощи внѣшнихъ средствъ, личному удовлетворенію" („Bedürfnis" въ Handw d. Staatswiss. II. Bd., стр. 738). Тѣ же два элемента, хотя и крайне вычурно, включаетъ въ опредѣленіе потребности и *Fr. Oppenheimer*, считая ее: „чувствомъ нарушенія равновѣсія субстанціи (!) и энергіи организма и связаннымъ съ этимъ стремленіемъ устранить такое нарушеніе" (Theorie der reinen und politischen Ökonomie. 1910, стр. 14). Наконецъ, опредѣленіе *Германа* повторяетъ упомянутый выше русскій авторъ, *Д. И. Пихно*. „Потребность, говоритъ онъ, есть ощущеніе недостатка въ извѣстномъ средствѣ для данной цѣли и стремленіе устранить этотъ недостатокъ" (Основанія. I, стр 31).

[1]) *Siegfried Kraus* считаетъ, что въ потребности неразрывно слиты даже три самостоятельныхъ элемента: умственный—представленіе о чемъ-либо, чувственный—чувство неудовольствія и волевой—желаніе (Ein Beitrag...).

щеніе недостатка является причиной стремленія устранить его, а не рядомъ съ нимъ стоящій элементъ. Вслѣдствіе всего этого намъ кажется болѣе правильнымъ ввести въ опредѣленіе потребности слова «вытекающее изъ ощущенія недостатка стремленіе устранить этотъ недостатокъ». Эта сторона естественно не обращала на себя вниманія, пока вовсе не ставили вопроса о силѣ потребностей [1]).

[1]) Объ одномъ „стремленіи" говоритъ, однако, уже *И. Х. Буше*, опредѣляющій потребности, какъ „естественныя, врожденныя человѣку стремленія къ достиженію цѣлей личныхъ и общественныхъ" (Основанія, стр 6) Здѣсь только нельзя согласиться съ врожденностью, какъ необходимымъ качествомъ потребностей. Объ одномъ стремленіи, какъ условіи, опредѣляющемъ силу потребностей, говоритъ въ новой литературѣ *A Voigt* Потребность, пишетъ онъ, есть „вытекающее изъ недостатка, связанное всегда съ извѣстнымъ непріятнымъ чувствомъ, требованіе удовлетворенія" („Der Begriff der Dringlichkeit" въ Zeitschrift fur die gesamte Staatswissenschaft 47. Bd., 1891, стр. 372) Причинную связь между чувствомъ недостатка и стремленіемъ устранить послѣдній ясно отмѣчаетъ *M Naumann*: „Черезъ удовольствіе и неудовольствіе и почти одновременно съ ними пробуждается воля, стремленіе достигнуть удовольствія, избѣжать неудовольствія". Воля пробуждаетъ сознаніе Удовольствіе связывается съ извѣстной причиной, и тогда появляется стремленіе къ этой причинѣ Это стремленіе и есть потребность (Die Lehre vom Wert 1893, стр. 12—3). О психологической природѣ потребностей см также *Ch v. Ehrenfels* (System der Werttheorie. Bd. I. Allgemeine Werttheorie. Psychologie des Begehrens 1897, стр. 23 и „Werttheorie und Ethik" въ Vierteljahrsschrift fur wissenschaftliche Philosophie. Jg. VII 1893, стр 84—6). Стремленіе къ устраненію ощущаемаго недостатка считаетъ рѣшающимъ для хозяйственной жизни и *F. v. Wieser*, но онъ для этого стремленія вводитъ иное понятіе, отличное отъ понятія потребности. Онъ говоритъ по этому поводу: „Потребность и интересъ къ удовлетворенію потребности—это два существенно различные факта внутренней жизни Первая есть страданіе, пассивное состояніе, второй—это стремленіе, активное возбужденіе Имѣть потребность—это значитъ нуждаться въ удовлетвореніи, и отсутствіе его въ зависимости отъ силы ощущенія страданія нарушаетъ или поддержаніе организма или его благополучіе. Имѣть интересъ—это значитъ сознавать потребность и желать ея удовлетворенія. Можно имѣть потребность, не сознавая ея, т е. не отличая ее отъ другихъ потребностей, и не будучи увѣреннымъ въ особомъ характерѣ вызываемаго ею чувства. Въ способности опредѣлять свои потребности люди сдѣлали такіе же успѣхи, какъ и въ другихъ областяхъ". И дальше „Интересъ—это то, изъ чего непосредственно вытекаетъ цѣнность, потребность—болѣе отдаленный источникъ ея" (Uber den Ursprung und die Hauptgesetze des wirthschaftlichen Werthes. 1884, стр. 82 и 83). Мы должны замѣтить, что на нашъ взглядъ потребность уже содержитъ въ себѣ активный элементъ стремленія. Само по себѣ страданіе еще не потребность. Потребность есть страданіе, уже соединенное съ желаніемъ устранить его. Другими словами, по нашей терминологіи потребность представляетъ уже то, что *Wieser* обозначаетъ словомъ „интересъ". Это второе понятіе становится, такимъ образомъ, излишнимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ интересъ или потребность, вовсе не связаны непремѣнно съ яснымъ со-

Но при опредѣленіи потребности надо учесть еще слѣдующее. Человѣкъ испытываетъ потребности не только въ томъ, въ чемъ онъ ощущаетъ недостатокъ въ данное время. Человѣкъ предусмотрителенъ. Его предусмотрительность росла постепенно, достигла уже высокаго развитія и растетъ дальше [1]). Благодаря этому человѣкъ заботится не только о настоящемъ, но и о томъ, въ чемъ онъ почувствуетъ недостатокъ въ будущемъ, часто очень отдаленномъ. При этомъ время оказываетъ вліяніе на интенсивность чувства, вызываемаго этимъ будущимъ недостаткомъ [2]). Потребности, связанныя съ такимъ будущимъ недостаткомъ, обыкновенно называютъ *будущими* потребностями. Надо,

---

знаніемъ того, въ чемъ ощущается потребность Ежедневный опытъ говоритъ о существованіи массы неясныхъ желаній. не выясненныхъ потребностей. И тотъ прогрессъ, о которомъ говоритъ *Wieser*, состоитъ не въ превращеніи потребностей въ интересы, а въ болѣе отчетливомъ выясненіи своихъ интересовъ или потребностей. Къ *Wieser*'у примыкаетъ и *D Kalinoff*. „Несоотвѣтствіе, замѣчаетъ онъ, между предметами внѣшняго міра и цѣлесообразнымъ содержаніемъ душевной жизни или воли ощущается, какъ потребность", а „стремленіе приспособить устройство внѣшняго міра къ потребностямъ міра внутренняго будитъ желаніе"; это желаніе и толкаетъ человѣка на дѣйствія (David Ricardo und die Grenzwerttheorie. 1907, стр 2). Для насъ, какъ мы уже сказали, желаніе входитъ въ понятіе потребности. и входитъ, какъ основной элементъ, опредѣляющій силу потребности Ставить, поэтому, желаніе рядомъ съ потребностью нѣтъ никакой нужды Совершенно игнорируетъ элементъ стремленія и чрезмѣрно расширяетъ понятіе потребности *C. Trivero*. Потребность, по его мнѣнію, это „такое состояніе какого-бы то ни было существа, какъ надѣленнаго сознаніемъ, такъ и не надѣленнаго имъ (человѣка, животнаго, растенія, вещи), въ которомъ это существо не можетъ оставаться" (La teoria dei bisogni. 1900. Цит. по *B. Croce* „Sul principio economico" въ Giornale degli économisti. Serie II. Vol. 22. 1901, стр. 126)

[1]) Ср. по этому поводу *F Fetter*. Principles, стр. 44. „Характерной чертой пишетъ *E. v Bohm-Bawerk*, хорошаго цивилизованнаго хозяйства является то, что оно напередъ заботится объ удовлетвореніи потребностей и не доводитъ до полнаго расцвѣта то страданіе лишенія, къ которому повело-бы неудовлетвореніе ихъ. Мы приступаемъ къ приготовленію нашей пищи не тогда только, когда голодъ достигъ высшей точки его мучительности".. (Kapital und Kapitalzins 2. Abt Positive Theorie des Kapitals. 3. Aufl. 1912, стр 430). Не будь этого, добавляетъ онъ, „дѣятельная забота могла бы лишь плестись, прихрамывая съ ея запоздалыми безплодными средствами даннаго момента, за проявившимся уже недостаткомъ въ чемъ-либо, и мы влачили-бы со дня на день необезпеченное существованіе, нуждаясь сильнѣе, чѣмъ самые несчастные варвары" (тамъ-же стр. 431).

[2]) Мы не будемъ останавливаться на этомъ вліяніи времени. Отмѣтимъ лишь, что учетъ этого вліянія положенъ въ основу ученія *Bohm-Bawerk*'а о разной расцѣнкѣ настоящихъ и будущихъ благъ О вліяніи времени на интенсивность потребностей и связанную съ нею полезность будущихъ благъ говоритъ уже *St. Jevons* (The theory of political economy. 1871, стр 74—8). Ср. также *Р. Орженцкій*. Полезность и цѣна, стр 11

однако, сказать, что, поскольку потребность въ чемъ-либо, хотя-бы и для будущаго, испытывается теперь, и уже теперь служитъ стимуломъ, толкающимъ человѣка къ дѣятельности,—потребность эта является не будущею, а настоящею. Это настоящая потребность, но потребность въ чемъ-либо для будущаго или имѣть что-либо въ будущемъ [1]). Только къ такимъ потребностямъ не подходитъ обычное опредѣленіе потребности со словами: «ощущеніе недостатка въ чемъ-либо». Будущаго недостатка нельзя ощущать, сомнительно, чтобы его можно было предчувствовать [2]). Его можно лишь *предвидѣть*, и можно *представлять* себѣ тѣ непріятныя ощущенія, которыя будутъ тогда испытываться [3]). Точно также и «стремленіе» при такой потребности направлено не на *устраненіе* недостатка, ибо послѣдняго еще нѣтъ, а на предупрежденіе его.

Вотъ почему мы опредѣляемъ потребность такъ: *вытекающее изъ ощущенія или предвидѣнія недостатка въ чемъ-либо стремленіе устранить или предупредить этотъ недостатокъ* [4]).

---

[1]) Такъ смотритъ на будущія потребности *L. Brentano* (Theorie der Bedurfnisse, стр 9—10). О томъ-же говоритъ *O. Kraus* „Всякая воля, направленная на достиженіе будущаго удовольствія, есть наличная потребность“ (Bedurfnis, стр. 28).

[2]) Или „антиципировать“, какъвыражается *D Kalinoff* (Ricardo und Grenzwert theorie, стр. 15).

[3]) Вопросомъ о мотивировкѣ настоящихъ дѣйствій будущими потребностями подробно занимается *Bohm-Bawerk* въ новомъ изданіи своей работы о прибыли (Positive Theorie 3 Aufl. Excurs XI: „Betreffend die Motivierung gegenwärtiger Wirtschaftshandlungen durch künftige Bedürfnisse“, стр. *308—37*). Въ текстѣ онъ такъ формулируетъ свою точку зрѣнія на этотъ вопросъ: „Мы врядъ-ли обладаемъ, какъ это хотѣла признавать конструкція, излюбленная прежними психологами и экономистами, даромъ въ буквальномъ смыслѣ *предчувствовать* будущія чувства; мы обладаемъ, вѣроятнѣе, другимъ даромъ—ихъ себѣ напередъ *представлять*“ (тамъ-же, стр 429—30)

[4]) Упомянутый выше авторъ спеціальной монографіи о потребностяхъ, *Fr. Cuhel*, критически разбирая опредѣленія другихъ авторовъ (Zur Lehre von den Bedürfnissen, стр 76—95), разлагаетъ одно цѣльное понятіе потребности на 8 понятій: 3 координированныхъ и 5 другъ другу подчиненныхъ (тамъ-же стр. 37, 39, 49, 68—9, 71—5). Но эта классификація и придуманная для нея терминологія *Cuhel'я* до того вычурны, что мы считаемъ излишнимъ даже приводить ихъ. Къ тому же, если потребность понимать такъ, какъ разъяснено выше, т. е., какъ активное стремленіе къ полученію тѣхъ или иныхъ объектовъ, и при этомъ понимать ее конкретно, какъ стремленіе къ извѣстному количеству даннаго блага, то вся эта классификація теряетъ значеніе. Можетъ быть, для другихъ цѣлей она и полезна, но для экономической теоріи, въ особенности для построенія общей теоретической схемы расцѣнки, все это не нужно. Для этого вполнѣ достаточно одного простого по-

Всѣ потребности ощущаются отдѣльными лицами, слѣдовательно. онѣ субъективны и индивидуальны. Этого не опровергаетъ тотъ фактъ, что потребности возникаютъ у людей вслѣдствіе общественныхъ вліяній, равно какъ тотъ фактъ, что многія потребности существуютъ у значительнаго числа людей, иныя почти у всѣхъ [1]).

Поэтому и такъ называемыя «коллективныя» потребности представляютъ, строго говоря, также субъективныя потребности, ощущаемыя отдѣльными лицами, рѣшающими въ силу тѣхъ или иныхъ условій различные вопросы отъ имени даннаго общества или данной общественной группы. Отличіе «коллективныхъ» потребностей и ихъ объективный характеръ сказывается лишь въ томъ, что онѣ ощущаются людьми, не какъ частными лицами, а какъ членами и представителями общества, и ощущаются не ради себя лично, а ради общества, т. е. совокупности лицъ, составляющихъ данное общество или общественную группу [2]).

нятія „потребности“ Критическія замѣчанія по поводу основныхъ психологическихъ положеній *Cuhel'я* см. у *O. Kraus'а* („Zur Lehre von den Bedürfnissen“ въ Zeitschrift für Volkswirt, Sozialpol und Verw 17 Bd. 1908, стр 499—516)

[1]) Вслѣдствіе этого мы не видимъ нужды различать, какъ это дѣлаетъ *Cuhel* (указ. соч., стр 37), слѣдующія два понятія:

объективное желаніе—направленное на то, что совпадаетъ съ объективнымъ благополучіемъ лица, и

субъективное желаніе—направленное на то, что человѣкъ лишь считаетъ своимъ благополучіемъ

Для экономической науки интересно только субъективное желаніе, независимо отъ того, совпадаетъ оно съ объективнымъ благополучіемъ или нѣтъ.

Точно также излишне введеніе второго понятія „объективной потребности“, какъ это дѣлаетъ *W. Lexis*, говорящій слѣдующее· „Болѣе объективное значеніе пріобрѣтаетъ слово потребность, если оно выражаетъ не желанія опредѣленныхъ лицъ, а то, что извѣстныя вещи вообще представляютъ предметы, въ которыхъ нуждаются люди, и потому стоитъ заботиться о добываніи этихъ вещей“ („Bedürfnis“ въ Handwörterbuch der Staatswissenshaften. 3. Aufl 1909. II. Bd, стр. 738).

[2]) Природа „коллективныхъ“ потребностей разъяснена у *E. Sax'а*. Онъ подчеркиваетъ, что особенность этихъ потребностей лежитъ не въ томъ, *кто* ихъ ощущаетъ, а въ томъ, *какъ* ощущаютъ ихъ люди и *въ чемъ* состоитъ онѣ (Grundlegung der theoretischen Staatswissenschaft 1887, стр. 179 и 192) Недоразумѣніемъ, поэтому, является приводимое въ видѣ возраженія противъ субъективной расцѣнки замѣчаніе *O. v. Zwiedineck'а*, что ни о субъективной оцѣнкѣ, ни о субъективныхъ потребностяхъ нельзя говорить для всего, относящагося къ коллективному субъекту. Какъ можно, спрашиваетъ онъ, субъективно цѣнить или ощущать субъективную потребность въ постройкѣ государствомъ моста, дороги, военнаго судна, орудія, управляемаго аэростата и т п.? (Kritisches und Positives“... въ Zeitschrift

При этомъ потребности мы понимаемъ не въ общемъ смыслѣ, не въ смыслѣ общихъ запросовъ или общихъ желаній. Такіе общіе запросы и желанія существуютъ, играютъ важную роль вообще въ жизни, но непосредственно на опредѣленныхъ хозяйственыхъ дѣйствіяхъ они не сказываются. Мы понимаемъ, поэтому, потребности всегда въ частномъ, *конкретномъ* смыслѣ—какъ потребности въ такихъ-то благахъ или дѣйствіяхъ, такого-то качества, и для благъ, допускающихъ количественное измѣреніе, въ такихъ-то количествахъ этихъ благъ [1]). При такомъ пониманіи потребности становится излишнимъ вводить въ качествѣ основного другое понятіе, употребляемое обычно наряду съ потребностью, а именно понятіе количествъ благъ, нужныхъ для удовлетворенія потребностей (Bedarf). Для многихъ экономистовъ оно и есть конкретная форма потребности, въ которой проявляется послѣдняя [2]). Но, если потребность понимать въ видѣ по-

f d ges. Staatswiss. Bd 64 1908, стр. 615). Вопросъ рѣшается, если принять во вниманіе, что это потребность, направленная на интересы государства, но потребность, ощущаемая отдѣльными людьми, какъ представителями государства. Опредѣленно говоритъ объ этомъ *J. Schumpeter*: „только отдѣльные индивидуумы могутъ испытывать желанія Нѣкоторыя предположенія, касающіяся этихъ желаній и вліянія на ихъ интенсивность постепеннаго удовлетворенія, даютъ намъ наши кривыя полезности, имѣющія, поэтому, ясное значеніе только для отдѣльныхъ индивидуумовъ" („On the concept of social value" въ Quarterly Journal of Economics Vol XXIII. 1909. February, стр 214). Ср. *A. Bertolini* e *M. Pantaleoni* („Cenni sul concetto di massimi edonistici individuali e collettivi" въ Giornale degli economisti. Serie II. Vol. IV. 1892, стр. 294).

[1]) Слѣдовательно, потребность для насъ не родовое явленіе, а всегда конкретное (какъ выражается *Bohm-Bawerk*, не „Bedürfnisgattung", а „Bedürfnisregung"). За такое конкретное понятіе потребности высказался недавно *H. Mayer*. Онъ возражаетъ противъ того, чтобы считать одной потребностью, потребность въ извѣстныхъ предметахъ роскошной формы и въ тѣхъ-же предметахъ, но грубой формы. „Можетъ быть, говоритъ онъ, этого можно придерживаться съ физіологической или психологической точки зрѣнія. Но для экономіи это не имѣетъ никакого значенія Въ національной экономіи потребности подлежатъ разсмотрѣнію постольку, поскольку онѣ могутъ быть удовлетворены благами И одинаковыми являются для экономиста лишь потребности, удовлетворяемыя одинаковыми благами. Потребность, удовлетворяемая хлѣбомъ и простою печью, представляетъ собою нѣчто иное, чѣмъ потребность, удовлетворяемая устрицами или красивымъ каминомъ" („Eine neue Grundlegung der theoretischen Nationalökonomie" въ Zeitschrift für Volkswirt, Sozialpol. und Verw. 20 Bd 1911. стр. 191).

[2]) Такъ понимаетъ „Bedarf" *C. Menger* (Grundsätze, стр. 32). *D. Kalinoff*, считаетъ, что „Bedarf" есть „общественно-объективированная и связанная съ опредѣленнымъ родомъ благъ потребность" (Ricardo und Grenzwerttheorie, стр. 14).

требности въ опредѣленномъ количествѣ данныхъ благъ, то количество, необходимое для удовлетворенія этой потребности, уже входитъ въ понятіе потребности и сливается съ нимъ. Если-же подъ этимъ количествомъ понимать то количество, которое данное лицо хотѣло-бы имѣть, то его нельзя считать первичнымъ даннымъ для экономиста; оно производная величина, зависящая не только отъ потребностей лица, но и отъ запаса средствъ у него, равно какъ отъ цѣнъ или трудности производства благъ. Опредѣленіе его составляетъ уже задачу экономической теоріи.

Потребности, понимаемыя въ указанномъ выше конкретномъ смыслѣ, могутъ быть классифицируемы по тому, въ чемъ ощущается потребность. И при такой классификаціи изъ массы потребностей человѣка выдѣляется обширная группа потребностей во внѣшнихъ матеріальныхъ вещахъ и силахъ природы. Такія вещи и силы, какъ мы увидимъ это въ слѣдующей главѣ, въ томъ случаѣ, если запасъ ихъ не больше количества, необходимаго для полнаго удовлетворенія потребности въ нихъ, называются хозяйственными благами. Поэтому и потребности въ такихъ вещахъ и силахъ можно назвать *хозяйственными* потребностями. Остальныя потребности тогда составятъ потребности нехозяйственныя [1]).

---

[1]) Приведенное въ текстѣ опредѣленіе хозяйственныхъ потребностей находится въ согласіи съ замѣчаніемъ *D. Kalinoff*'а, что хозяйственная потребность направлена на *содержаніе* предметовъ и на *результатъ* трудовыхъ дѣйствій, тогда какъ этическая потребность направлена на мотивы дѣйствій и эстетическая—на чистую форму (Ricardo und Grenzwerttheorie, стр. 2). Недавно *A. Ammon* выступилъ съ возраженіемъ противъ возможности дѣлить потребности на хозяйственныя и нехозяйственныя по признаку ихъ матеріальности. Онъ говоритъ: „...допущеніе специфической потребности въ господствѣ надъ матеріей или надъ міромъ вещей совершенно произвольно, объективно не обосновано въ самихъ потребностяхъ. Послѣднія сами по себѣ не имѣютъ вообще никакого отношенія къ опредѣленному внѣшнему объекту, онѣ просто субъективное состояніе даннаго индивидуума, требующаго измѣненія (удовлетворенія). Какими средствами и какими внѣшними объектами создано будетъ это измѣненіе—это все равно. Удовлетворяется-ли потребность матеріальными или нематеріальными объектами, она остается одной и той же, совершенно одинаковой по своему роду. Ссылка при субъективномъ состояніи на опредѣленный внѣшній объектъ—это уже слѣдствіе акта рефлексіи. Это уже не сама потребность, а *отношеніе потребности* къ опредѣленному объекту. Такое, созданное рефлексіей, отношеніе обусловливаетъ затѣмъ стремленіе индивидуума къ полученію этого объекта, чтобы такимъ путемъ измѣнить свое состояніе или удовлетворить потребность. Такимъ образомъ, можно говорить о стремленіи человѣка къ господству надъ матеріей или міромъ вещей, но не существуетъ прямой

Хозяйственныя потребности и составляютъ ту психическую силу, которая непосредственно толкаетъ человѣка на хозяйственную дѣятельность. Часто, однако, говорятъ, что хозяйственная дѣятельность обнимаетъ удовлетвореніе не однѣхъ хозяйственныхъ (матеріальныхъ). а *всѣхъ* потребностей, но только матеріальными средствами, такъ какъ огромное количество нехозяйственныхъ потребностей удовлетворяется путемъ затраты на нихъ внѣшнихъ матеріальныхъ средствъ. Но при такомъ способѣ выраженія, потребность понимаютъ не въ указанномъ выше конкретномъ смыслѣ, а въ болѣе общемъ. Если перевести такую общую потребность на конкретный языкъ, то удовлетвореніе нематеріальной потребности матеріальными средствами отольется въ удовлетвореніе потребностей въ этихъ средствахъ. Такъ, напримѣръ, религіозная потребность не матеріальна, но, поскольку она удовлетворяется при помощи извѣстныхъ матеріальныхъ средствъ, она порождаетъ рядъ конкретныхъ матеріальныхъ потребностей: въ храмѣ, утвари, одеждахъ и пр. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ имѣть въ виду такія конкретныя матеріальныя или хозяйственныя потребности. Этимъ самымъ мы затронемъ всѣ потребности, понимаемыя въ общемъ смыслѣ, но лишь постольку, поскольку удовлетвореніе ихъ связано съ относительно рѣдкими внѣшними матеріальными вещами и силами. Лишь постольку потребности интересны съ хозяйственной точки зрѣнія и необходимы для объясненія важнѣйшихъ явленій расцѣнки хозяйственныхъ благъ.

§ 7. Скала потребностей.

Наиболѣе важнымъ фактомъ, который можно подмѣтить въ области потребностей, представляетъ существованіе у каждаго человѣка

потребности человѣка въ господствѣ надъ ними“ (Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalokonomie. 1911, стр. 371—2). Надо, однако, замѣтить, что во всякой ясно сознанной потребности всегда указано то, на что она направлена. Всякая опредѣленная потребность всегда представляетъ потребность въ чемъ-то. Это что-то можетъ быть болѣе или менѣе конкретно, отсюда различная степень конкретности потребностей. Напр., потребность въ пищѣ—въ мясѣ—въ гусѣ—въ ножкѣ гуся. И вотъ, если брать потребности въ достаточно конкретномъ видѣ, то это „что-то“ можно раздѣлить на матеріальные и нематеріальные объекты, и сообразно съ этимъ раздѣлить потребности на хозяйственныя и нехозяйственныя. *Ammon* говоритъ, что это будетъ уже не потребность, а „актъ рефлексіи“ и „стремленіе къ полученію объекта“. Будетъ-ли это „рефлексія“—это насъ мало интересуетъ Что же касается „стремленія“, то мы подъ потребностью и понимаемъ такое стремленіе.

ему присущей *скалы потребностей*. Подъ нею мы понимаемъ скалу, въ которой отдѣльныя потребности расположены въ опредѣленномъ порядкѣ по ихъ силѣ или интенсивности [1]). Не смотря на все качественное разнообразіе потребностей, онѣ, какъ мы увидимъ дальше, сравнимы другъ съ другомъ по ихъ силѣ или интенсивности. При этомъ подъ *силой или интенсивностью потребности* мы понимаемъ силу или интенсивность вытекающаго изъ ощущенія или предвидѣнія недостатка стремленія устранить или предупредить его. Для хозяйственныхъ потребностей это будетъ сила или интенсивность стремленія добыть извѣстныя хозяйственныя блага. По этому признаку потребности и могутъ быть расположены въ видѣ извѣстной скалы [2]).

---

[1]) Когда мы говоримъ, что у каждаго человѣка существуетъ скала потребностей, то къ этому отчасти приложимы слова, сказанныя *Fr. Wieser*'омъ объ интенсивности интереса: „. Я, конечно, не думаю, что онъ долженъ быть все время напряженъ и склоненъ къ обнаруженію; никто не держитъ непрерывно въ головѣ всѣ имущественные предметы, которые онъ считаетъ цѣнными. Но вѣдь мы говоримъ, что то или иное лицо обладаетъ знаніемъ, вовсе не желая этимъ сказать, что оно постоянно думаетъ о немъ.. Точно также, я полагаю, и наличность интереса должна быть признана тогда, если онъ всегда обнаруживаетъ свое дѣйствіе, когда для этого приходитъ время“ (Natürl. Wert, стр. 80—81)

[2]) Мысль о скалѣ потребностей встрѣчается уже у *Galiani* въ работѣ „Della moneta“ 1750 года. Онъ говоритъ: „Человѣкъ—это комплексъ страстей, которыя движутъ имъ съ неравной силой“ (Цит по *A Graziani*. Storia critica, стр. 100 – 1). Та же мысль лежитъ въ основѣ трудовъ всѣхъ экономистовъ-математиковъ. Она же положена въ основаніе теоріи австрійскихъ экономистовъ и ихъ послѣдователей Дальше мы говоримъ о скалѣ потребностей, построенной *C. Menger*'омъ Пока же отмѣтимъ, что о скалѣ потребностей ясно говоритъ *F. Wieser*: „Цѣнность потребностей имѣетъ степени“ (Ursprung, стр. 122) и въ другомъ мѣстѣ: „мы вездѣ будемъ предполагать ясно различимыя степени важности потребностей (тамъ же, стр. 125). Въ другомъ своемъ сочиненіи онъ также говоритъ о градаціи потребностей по ихъ важности и даже объ „убывающей скалѣ“ потребностей по этому признаку (Natürl. Wert, стр. 5 и 8—9). *E. Sax* пишетъ: „Всѣ ощущенія потребностей, какъ и вообще чувства, обладаютъ опредѣленной силою—интенсивностью, неравны они именно по своей силѣ, и человѣческая душа одарена способностью самымъ точнымъ образомъ различать силу разныхъ ощущеній“... (Fortschritte, стр. 12), и дальше: „Потребности образуютъ скалу по степени ихъ силы“ (тамъ же, стр. 24) Еще опредѣленнѣе говоритъ онъ о скалѣ потребностей въ другой своей работѣ „Всѣ потребности, безъ различія тѣхъ цѣлей, къ которымъ онѣ относятся, имѣютъ *tertium comparationis* въ чувствѣ, и потому обнаруживаютъ точную градацію ихъ силы: степени интенсивности. Измѣреніе потребностей путемъ единицы ощущенія представляетъ темный вопросъ, такъ какъ при нашихъ современныхъ знаніяхъ душевной жизни мы еще не далеко подвинулись въ ихъ точномъ измѣреніи. Но то, что человѣкъ производитъ такія измѣренія—это фактъ, не подле-

Но мысль о томъ, что потребности представляютъ скалу въ указанномъ выше смыслѣ, вызвала въ литературѣ много возраженій. Не

жащій сомнѣнію" (Grundlegung, стр 176). Объ измѣримости потребностей намъ придется говорить дальше, здѣсь намъ важно отмѣтить ясно выраженную мысль о существованіи „совершеннаго ряда потребностей по градаціи ихъ интенсивности", въ которомъ уже самыя малыя различія опредѣляютъ мѣсто каждой потребности. Понятіе интенсивности потребностей употребляетъ и *Ch. Gide*, называя ее степенью „желательности" вещей (désirabilité) и просто „степенью интенсивности разныхъ желаній" (Principes d'économie politique 10-me éd. 1906, стр 51 и 599—600). О томъ же говоритъ *Jno Fisher*, употребляя терминъ" intencity of desire" („Davenport's Value and Distribution" въ Journal of Political Economy, Vol. XVI. 1908 December, стр. 665). Что же касается *Fr Cuhel'я*, то онъ съ его страстью къ новымъ словамъ вводитъ для обозначенія силы потребности терминъ „Egenz", понимая подъ нимъ „обнаруживающуюся въ стремленіи къ благосостоянію величину двухъ измѣреній, зависящую отъ интенсивности стремленія къ удовлетворенію и отъ продолжительности подлежащаго осуществленію прироста благосостоянія" (Zur Lehre von den Bedürfnissen, стр. 176)

Наряду съ интенсивностью потребности *A. Voigt* употребляетъ понятіе *настоятельности* потребности Она выражаетъ зависимость интенсивности потребности отъ *времени* ея удовлетворенія и связана съ той *быстротой* (speedy) наступленія удовольствія, о которой среди другихъ качествъ удовольствій говоритъ *Bentham* „Подъ настоятельностью потребности, замѣчаетъ *Voigt*, мы понимаемъ величину, показывающую степень *нарастанія* чувства неудовольствія съ теченіемъ времени" („Der Begriff der Dringlichkeit" въ Zschr. f. d. ges. Staatswiss. 47. Bd. 1891, стр. 374). Потребность настоятельна, если неудовольствіе наростаетъ быстро, если же оно не мѣняется съ теченіемъ времени или даже падаетъ, то настоятельность равна 0 или даже величинѣ отрицательной Настоятельность есть, поэтому, отношеніе прироста неудовольствія ко времени этого прироста или, что то же, приростъ неудовольствія въ единицу времени (тамъ же, стр. 375).—Конечно, настоятельность потребностей не остается безъ вліянія на хозяйственную жизнь, такъ какъ она вліяетъ на порядокъ удовлетворенія потребностей Она должна быть, поэтому, учтена. Надо только сказать, что она представляетъ одно изъ условій, опредѣляющихъ интенсивность потребностей въ каждый данный моментъ. Въ виду этого вліяніе настоятельности можетъ быть еще учитываемо отдѣльно тогда, если дѣло идетъ о различныхъ моментахъ времени Для каждаго же даннаго момента мы включаемъ уже вліяніе настоятельности, когда беремъ данную интенсивность потребностей.

Точно также учтены уже въ интенсивности потребностей стремленія къ „продолжительности" удовлетворенія, „вѣрности наступленія" его, „плодовитости", т. е. способности порождать другія удовлетворенія, и „чистотѣ", т. е свободѣ отъ непріятныхъ послѣдствій—другими словами, всѣ тѣ свойства удовольствій, о которыхъ говоритъ *Bentham*. Интенсивность потребности, такимъ образомъ, содержитъ въ себѣ уже все то, что *Bentham* даетъ въ своемъ знаменитомъ перечнѣ свойствъ удовольствій: intense, long, certain, speedy, fruitful, pure (см. *J. Sh. Nicholson*. Principles of political economy. Vol. I. 1894, стр. 52. Ср. объ этомъ же *L. Brentano*. Theorie der Bedürfnisse, стр. 35 и *St. Jevons*. Theory, стр. 33—4).

мало споровъ ведется и по поводу отдѣльныхъ свойствъ этой скалы. Поэтому необходимъ рядъ разъясненій, замѣчаній и доказательствъ.

§ 8. Скала потребностей познается, какъ данный фактъ.

Въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ экономическая наука вправѣ принимать скалу потребностей за данную. Скала должна быть дана ей другими науками. Но пока ни одна наука ея не даетъ. Въ виду этого, какъ мы уже говорили въ § 4, экономистъ поневолѣ долженъ самъ узнавать эту скалу.

Однако, экономисту-теоретику совершенно достаточно установить самыя основныя свойства потребностей. Лишь въ томъ случаѣ, если-бы экономистъ пожелалъ рѣшать конкретныя задачи, онъ долженъ былъ-бы изучить и конкретные виды потребностей и конкретную интенсивность отдѣльныхъ потребностей, т. е. порядокъ ихъ въ общей скалѣ.

Но все это—какъ общія свойства, такъ и конкретный характеръ потребностей—экономистъ познаетъ, *какъ данный фактъ*. Причиннаго объясненія его онъ не касается. Рѣшеніе такихъ вопросовъ ученія о потребностяхъ, какъ вопросы о томъ, что создаетъ потребности, какъ произошли разныя потребности, почему такія, а не иныя, почему онѣ идутъ въ такомъ порядкѣ въ смыслѣ ихъ интенсивности—все это уже выходитъ за предѣлы экономической науки [1]). Это область физіологіи [2]), антропологіи, психологіи [3]), этнографіи и исторіи культуры.

Въ частности, двѣ сопредѣльныя науки—экономика и психологія—въ вопросѣ о потребностяхъ должны размежеваться слѣдующимъ обра-

---

[1]) Ср. *Fr Wieser* Ursprung, стр. 122 *G. Sulzer* говоритъ: намъ важны самыя потребности, а мотивы ихъ, ихъ психологическое основаніе, изслѣдованіе ихъ причинъ для экономической науки не важно Важно знать лишь самыя главныя свойства ихъ (Die wirtschaftlichen Grundgesetze, стр. 116).

[2]) *V. Pareto* говоритъ: „Почему люди любятъ спиртные напитки? Почему многіе изъ нихъ предпочитаютъ домашнее бордосское вино изъ выжимокъ (grands crus de Bordeaux à la piquette)? Это вопросы, которые будутъ разрѣшать физіологи, химики или другіе ученые. Наука о полезности (l'ophélimité) беретъ точкой отправленія самые факты“ (Cours I, стр. 4)

[3]) Попытку обрисовать образованіе и смѣну оцѣнокъ, а въ сущности человѣческихъ потребностей, равно какъ выяснить, почему потребности таковы, даетъ *Chr Ehrenfels* („Werththeorie und Ethik“ въ Vierteljahrsschrift f. wiss Philosophie und Soziologie. VII Jg. 1883, стр. 200—66). Этотъ же вопросъ затрагиваетъ въ связи съ критикой историческаго матеріализма S. Kraus („Beitrag.“ въ Vierteljahrsschr f wiss Philosophie und Soziologie XXX Jg. 1906, стр 6—16).

зомъ. Экономистъ не идетъ дальше познанія потребностей, какъ даннаго факта, равно какъ основныхъ свойствъ этого факта. Разложеніе же потребностей на простѣйшіе психическіе элементы, анализъ этихъ элементовъ и отысканіе причинъ потребностей — составляетъ уже предметъ психологіи [1]).

Любознательность экономиста можетъ побудить его, не ожидая результатовъ упомянутыхъ выше наукъ, самому заглянуть въ сосѣднія области. Такія попытки и дѣлаются [2]). Но это очевидный экскурсъ въ чужую область.

Лишь въ одномъ отношеніи здѣсь необходима помощь экономической науки. Дѣло въ томъ, что скала потребностей, являясь важнѣйшей движущей силой хозяйственной жизни, сама въ извѣстныхъ частяхъ продуктъ послѣдней [3]). Учетъ этого условія составитъ позд-

[1]) Именно такъ очерчиваетъ границу экономики и психологіи *Bohm-Bawerk*. Экономика, говоритъ онъ, изучаетъ важныя для нея психическія явленія, какъ данные факты, психологъ—объясняетъ, почему они таковы (Positive Theorie. 3 Aufl., стр. 324—9). *Ed. Kalenberg* о томъ же пишетъ: „Психологія также исходитъ изъ повседневныхъ психологическихъ фактовъ, какъ и національная экономія, только направленіе ихъ изслѣдованій прямо противоположно. А именно: тогда какъ психологія разлагаетъ «внутреннія переживанія повседневнаго опыта на психическіе или психофизическіе элементы (раздраженія, ощущенія, реакціи чувства и т. д.)», національная экономія пытается «понять приспособленіе *внѣшняго* поведенія человѣка къ совершенно опредѣленному роду *внѣ* его лежащихъ условій существованія»“ („Kritische Beleuchtung der modernen Wert-und Preistheorie“ въ Zschr. f d. ges. Staatswiss 68 Jg 1912. 3 Heft, стр. 429). *Kalenberg* цитируетъ здѣсь *Max Weber*'а „Die Grenznutzenlehre und das psychophisische Grundgesetz“ (Archiv f Sozwiss u Sozpol. XXVII 1908).

[2]) Напримѣръ, развитіемъ потребностей занимается работа *B. Gurewitsch*'а (Die Entwicklung der menschlishen Bedurfnisse.). Затѣмъ *A Landry* поднимаетъ вопросъ о происхожденіи потребностей и перечисляетъ источники ихъ (Manuel d'économique 1908, стр. 70—1 и 76—7)

[3]) *J. Lehr* приводитъ много примѣровъ вліянія на потребности населенія преобладающихъ занятій народа. Потребности въ молокѣ, маслѣ и сырѣ распространены тамъ, гдѣ развито скотоводство, потребность въ рыбѣ—въ районахъ рыболовства; по той же причинѣ у однихъ народовъ распространена потребность въ виноградномъ винѣ, у другихъ—въ водкѣ или пивѣ (Produktion und Konsumtion in der Volkswirtschaft. 1895, стр. 218). У *S N. Patten*'а собрано много фактовъ, доказывающихъ вліяніе производства на характеръ потребностей. Такъ, нерегулярное снабженіе пищею дикаря, говоритъ онъ, дѣлало изъ него человѣка съ очень большимъ аппетитомъ, современное же регулярное питаніе и сидячій образъ жизни ослабили аппетитъ. Разнообразіе пищи также вліяетъ на потребности. Далѣе онъ говоритъ о потребленіи сахара, и изъ его рѣчи видно, какъ измѣнилась потребность въ немъ, равно какъ и потребности въ овощахъ, фруктахъ и напиткахъ

нѣйшую задачу экономической теоріи. Вмѣсто данной скалы потребностей, ей придется положить въ основу своихъ построеній лишь тѣ элементы этой скалы, которые не зависятъ отъ хозяйства, выражать все остальное въ видѣ опредѣленныхъ зависимостей отъ хозяйственнаго состоянія общества и отдѣльныхъ лицъ [1]). Но мы пока допускаемъ по отношенію къ потребностямъ то же упрощеніе вопроса, какое дѣлаютъ всѣ экономисты, когда говорятъ о состояніи техники.

въ зависимости отъ развитія свеклосахарнаго производства. Не менѣе сильно, по его словамъ, вліяетъ на потребленіе состояніе повареннаго искусства Напримѣръ, различіе между американскимъ мяснымъ столомъ и нѣмецко-французскимъ овощнымъ онъ сводитъ въ значительной мѣрѣ къ неумѣнію приготовлять овощи въ Америкѣ (The consumption of wealth № 4 of the Publications of the University of Pennsylvania. Political economomy and public law series, стр 16, 20—2) *R Meyer* поднимаетъ вопросъ о томъ, новое ли благо вызываетъ появленіе потребности въ немъ или, наоборотъ, новыя потребности вызываютъ появленіе новыхъ благъ, и приходитъ къ выводу, что наблюдается и то, и другое („Die zunehmende Mannigfaltigkeit der Consumtion“ въ Zschrf. f. Volkswirt., Sozpol. u Verw. II Bd 1893, стр 391). Приведенные выше примѣры можно было-бы умножить по желанію Но, быть можетъ, однимъ изъ наиболѣе разительныхъ является возникновеніе потребности въ полетахъ послѣ изобрѣтенія летательныхъ аппаратовъ Въ настоящее время въ Берлинѣ, Парижѣ, Люцернѣ и др. городахъ сотни тѣхъ лицъ, у которыхъ еще недавно не было никакой потребности въ летаніи, вполнѣ серьезно взвѣшиваютъ, стоитъ-ли имъ дать 100—200 марокъ или франковъ за полетъ, такъ же, какъ рѣшаютъ вопросъ объ удовлетвореніи всякой другой потребности.

[1]) *S. Kraus* говоритъ по этому поводу: если даже понимать внѣшній міръ самымъ широкимъ образомъ, все-таки остается независимый отъ внѣшняго міра „теоретически чистый человѣческій индивидуумъ, какъ желающій и чувствующій субъектъ“. И въ потребностяхъ онъ признаетъ два элемента, независимые отъ внѣшняго міра: самое желаніе (неоформленное стремленіе) и чувство неудовлетворенности, и лишь третій элементъ (представленіе), придающій потребностямъ конкретную форму, составляетъ продуктъ внѣшнихъ условій (Beitrag..., стр 33, 38—9) А, слѣдовательно, при самой тѣсной связи между потребностями и внѣшнимъ міромъ, въ частности между потребностями и хозяйственной жизнью, потребности все-таки лишь отчасти продуктъ этого міра и этой жизни, другая часть ихъ лежитъ въ самомъ человѣкѣ. Поэтому нельзя согласиться съ протестомъ *C. Schmidt*'а противъ „психологизма въ политической экономіи“, покоющимся на указаніи, что человѣкъ частица единаго міра и подчиненъ общимъ законамъ („Die psychologische Richtung in der neueren Nationalökonomie“ въ Neue Zeit. Bd. X. I. 1891—1892, стр. 421), Такое подчиненіе не устраняетъ возможности отправляться отъ потребностей отдѣльныхъ лицъ. Потребности эти, конечно, слагаются по общимъ міровымъ законамъ, равно какъ по тѣмъ частнымъ проявленіямъ ихъ, которымъ подчинена физическая и психическая жизнь человѣка. Но это не уничтожаетъ того, что только черезъ потребности можно прійти къ пониманію хозяйственной дѣятельности.

Они вездѣ исходятъ изъ даннаго уровня техники и считаютъ экономическое изслѣдованіе законченнымъ, если оно доведено до техническихъ факторовъ. А, вѣдь, развитіе техники также до извѣстной степени продуктъ хозяйственныхъ условій. Точно также экономическое изслѣдованіе можно считать законченнымъ, если оно доведено до потребностей [1]).

Затѣмъ мы беремъ въ своемъ построеніи скалу потребностей въ той формѣ, какую она принимаетъ уже къ моменту самой расцѣнки, а при рыночномъ обмѣнѣ—къ моменту совершенія мѣновой сдѣлки. Этимъ мы оставляемъ за предѣлами нашего анализа тѣ измѣненія, которымъ подвергается скала потребностей подъ воздѣйствіемъ торговцевъ. Какъ велики эти измѣненія, знаетъ всякій, кто хоть разъ наблюдалъ толпу, окружающую странствующаго продавца. По мѣрѣ раскладыванія товара собравшіеся покупаютъ предметы, въ которыхъ они до того не чувствовали никакой потребности, нерѣдко совершенно «ненужныя» имъ вещи, т. е. вещи, не отвѣчающія постоянной обычной скалѣ потребностей данныхъ лицъ [2]). Такое же пробужденіе несуществовавшихъ до того потребностей, увеличеніе интенсивности однѣхъ, ослабленіе другихъ и прочія измѣненія въ скалахъ потребностей вызываетъ искусство продавцовъ въ магазинахъ, устройство заманчивыхъ витринъ, всевозможные виды рекламы и другія ухищренія современнаго рынка. Всѣ эти факторы, если не полностью, то въ значительной мѣрѣ также подлежатъ экономическому анализу. Но пока нѣтъ возможности выдѣлить вліяніе ихъ на скалу потребностей

---

[1]) Поэтому насъ совершенно не затрагиваетъ замѣчаніе *O. v Zwiedineck*'а, что скала потребностей „eminent historische kategorie“ („Kritisches und positives zur Preislehre“ въ Zschr. f. d. ges. Staatswiss. 65. Bd 1909, стр. 106), равно какъ его же указаніе на то, что наши представленія о цѣнности и наши потребности „являются продуктомъ воспитанія, изученія, результатомъ приспособленія“ (тамъ же, стр. 90).

[2]) Объ „ошибочныхъ“ покупкахъ говоритъ *В Войтинский* Онъ объясняетъ ошибки обманомъ, а затѣмъ вліяніемъ случайныхъ покупокъ (Рынокъ и цѣны. 1906, стр 125—6) Замѣчаніе относительно обмана совершенно правильно. Что же касается другихъ случаевъ „ошибокъ“, то въ этихъ случаяхъ совершеніе покупки и послѣдующее разочарованіе покупателя объясняется слѣдующимъ Реклама и другія рыночныя условія измѣнютъ на время обычную скалу потребностей лица, послѣ же покупки скала потребностей вновь принимаетъ обычную для этого лица форму, и тогда выступаетъ несоотвѣтствіе затратъ съ интенсивностью удовлетворенныхъ при ихъ помощи потребностей. Это несоотвѣтствіе и вызываетъ чувство разочарованія.

изъ вліянія другихъ условій. Задача будущаго — учесть дѣйствіе этихъ факторовъ. Для этого необходимо много наблюденій надъ жизнью рынка и психологіей покупателей и продавцовъ. Собираніе и разработку этихъ наблюденій едва начинаетъ экономическая наука [1]).

Поэтому въ дальнѣйшемъ мы вездѣ будемъ брать скалу потребностей прямо въ ея конечной формѣ, предполагая, что на нее оказала уже все свое дѣйствіе техника рынка.

Беря скалу потребностей въ этой формѣ и интересуясь ею только, какъ фактомъ, мы тѣмъ самымъ освобождаемся отъ одного часто дѣлаемаго упрека. Скалы потребностей, говорятъ критики, разсматриваются, какъ индивидуальныя явленія, изъ нихъ выводятъ затѣмъ индивидуальныя расцѣнки, которыми пользуются для дальнѣйшихъ построеній Между тѣмъ человѣческія потребности, равно какъ размѣщеніе ихъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ скалъ, въ большей своей части составляютъ продуктъ общественныхъ вліяній [2]).

---

[1]) Ср., напримѣръ, интересныя замѣчанія о вліяніи рекламы у *В Войтинскаго* (Рынокъ и цѣны, стр. 164—7). О томъ, какъ будитъ реклама несуществовавшія до того потребности, какъ заставляетъ покупать то, что до того было ненужно, какъ заглушаетъ голосъ разсудка, говоритъ *V. Mataja* („La reclame au point de vue économique et social" въ Revue d'économie politique. V. XXV. 1911, стр. 590) Онъ же разсматриваетъ различные „психологическіе" пріемы рекламы, употребляемые съ цѣлью обратить вниманіе на данные предметы и удержать ихъ въ памяти покупателей (тамъ же, стр. 594). Ср. также его книгу: Die Reklame. Eine Untersuchung uber Auskündigungswesen und Werbetätigkeit im Geschaftsleben 1910

[2]) Такъ, напримѣръ, *F. Lifschitz* упрекаетъ теоретиковъ предѣльной полезности въ томъ, что они отправляются отъ индивидуальныхъ потребностей и индивидуальныхъ расцѣнокъ. Вслѣдствіе этого они, по его словамъ, „сами не «психологичны». Они оставляютъ безъ разсмотрѣнія вопросъ объ отношеніяхъ между индивидуальной и социальной психологіей, а между тѣмъ это самое важное для проблемы цѣнности" (Zur Kritik der Böhm-Bawerk'schen Werttheorie. 1908, стр. 110) И дальше онъ говоритъ: „«Психологическая теорія цѣнности» *Bohm-Bawerk*'а менѣе всего состоятельна съ точки зрѣнія психологіи, ибо кажущіяся субъективными оцѣнки являются почти всецѣло объективными; теорія предѣльной полезности покоится на смѣшеніи субъективизма съ психологизмомъ" (тамъ же, стр. 111). Точно также *О. v. Zwiedineck* указываетъ на то, что субъективныя расцѣнки, а, слѣдовательно, и потребности, не индивидуальное, а „соціально-и исторически-обусловленное явленіе", и потому неправильно исходить изъ индивидуальныхъ потребностей и расцѣнокъ („Kritisches und positives zur Preislehre" въ Zschr. f. d. ges. Stwiss. 65. 1909, стр. 80—2). *E. H. Downey*, критикуя теорію предѣльной полезности, также замѣчаетъ, что на потребности и выборъ тѣхъ или иныхъ предметовъ у массы лицъ вліяютъ привычка и воздѣйствіе другихъ людей Легче, говоритъ онъ, слѣдовать привычкѣ, чѣмъ дѣлать разумный выборъ; легче зайти въ магазинъ и купить галстухъ по указанію

Не подлежитъ сомнѣнію, что потребности каждаго отдѣльнаго человѣка слагаются не только подъ вліяніемъ собственныхъ чувствъ и одного самостоятельнаго взвѣшиванія различныхъ условій даннымъ лицомъ. Конечно, на потребности каждаго человѣка вліяютъ обычаи, нравы, моральныя воззрѣнія общества, подражаніе другимъ, воздѣйствіе правового строя и другіе общественные факторы [1]). Конечно, цѣлый рядъ потребностей, а конкретная форма почти всѣхъ, даже самыхъ элементарныхъ потребностей, создаются обществомъ, а не отдѣльнымъ лицомъ. Но создаются они у отдѣльныхъ лицъ. Слѣдовательно, дальше дѣйствуютъ уже потребности отдѣльныхъ лицъ. И какъ-бы тираннически ни вліяли на людей обычаи и требованія общества, разъ подъ вліяніемъ ихъ сложились тѣ или иныя потребности, для хозяйственной жизни эти потребности ничѣмъ не отличаются отъ потребностей, самостоятельно зародившихся въ человѣкѣ. Кромѣ того, въ экономическомъ изслѣдованіи насъ совершенно не интересуетъ вопросъ о томъ, почему такъ сложились потребности лица. Желаетъ-ли

продавца, чѣмъ выбрать самому („The futility of marginal utility“ въ Journal of Pol Ec. 1910. April, стр. 255—6). Наконецъ, недавно *B. M. Anderson* упрекнулъ всю современную психологическую школу экономистовъ въ индивидуализмѣ и „монадизмѣ“ за то, что она исходитъ изъ потребностей и расцѣнокъ отдѣльныхъ лицъ. Философія, говоритъ онъ, проходила три ступени: догматизмъ, скептицизмъ и критицизмъ. Такія же ступени проходитъ соціальная философія. Теперешній индивидуализмъ и соціологическій монадизмъ—это ступень скептицизма На ней стоятъ *Jevons, Marshall, Pareto* Эта стадія должна смѣниться критицизмомъ—стадіей органической концепціи общества (Social value, стр. 59—71) Ибо „общественная организація нѣчто большее, чѣмъ механизмъ, и въ ней индивидуумъ одновременно и меньше и больше, чѣмъ самодовлѣющая монада“ (тамъ же, стр 71).

[1]) *J. Lehr* говоритъ: „хотя въ современныхъ культурныхъ государствахъ потребленіе вообще не ограничено законами, но оно не вполнѣ произвольно, т. е зависитъ не отъ одной индивидуальной склонности. Оно гораздо больше поддается внѣшнему вліянію, почти подчинено ему. Сами потребности часто пробуждаются, превращаются въ общераспространенныя или подавляются извнѣ рекламой, выставками въ окнахъ и пр. Чистый выборъ, при которомъ слѣдуютъ исключительно личнымъ склонностямъ внѣ всякой зависимости отъ какого-бы то ни было внѣшняго давленія, дѣйствуетъ только внутри извѣстныхъ границъ“ (Produktion und Konsumtion, стр. 209). Далѣе онъ говоритъ о вліяніи нравовъ, обычаевъ, а также о могучемъ вліяніи моды (стр. 209—21) Вліяніе на потребности измѣненія моральныхъ воззрѣній общества подчеркиваетъ *Simon N. Patten* („The economic causes of moral progress“ въ The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. III. 1892 September). О ростѣ и способахъ распространенія потребностей говоритъ *G Tarde* (Psychologie économique 1902. Vol. I, стр. 202—221, а также стр. 151—184).

лицо данной вещи по собственному влеченію или подъ вліяніемъ обычая, требованій общества или совѣтовъ какихъ-либо другихъ лицъ— это для насъ безразлично. Мы принимаемъ потребности за данныя [1]) или познаемъ, каковы онѣ, не рѣшая вопроса о происхожденіи и причинѣ ихъ, т. е. вопроса о томъ, кто сдѣлалъ ихъ таковыми, общество или индивидуумъ, обычай, законъ или собственное влеченіе и размышленіе данныхъ лицъ [2]).

§ 9. Ученіе о потребностяхъ не касается гедонизма.

Первые экономисты, говорившіе о потребностяхъ и скалѣ ихъ, всегда связывали съ ними понятіе удовольствія и неудовольствія. Удовлетвореніе потребности доставляетъ удовольствіе, неудовлетвореніе доставляетъ неудовольствіе. Къ первому человѣкъ стремится, второго избѣгаетъ. Такова гедонистическая точка зрѣнія этихъ экономистовъ [3]).

---

[1]) *J Schumpeter* говоритъ о потребностяхъ: „ихъ создаютъ общественныя вліянія, но для насъ онѣ данныя.., изъ которыхъ мы выводимъ свои теоремы“ („On the concept of social value“ въ Quarterly Journal of Economics Vol XXIII 1909. February стр 220).

[2]) *H. W. Stuart* пишетъ по этому поводу: „Когда экономистъ берется за обсужденіе субъективной оцѣнки, какъ фактора, опредѣляющаго мѣновую цѣнность благъ, онъ занятъ объектами желанія, какъ желаемыми предметами, а не теоріей происхожденія нашего интереса къ нимъ“ („The hedonistic interpretation of subjectiv value“ въ Journal of. Pol. Ec 1895. Dec., стр 71)

[3]) Въ такомъ смыслѣ говоритъ о потребностяхъ знаменитый *Hermann Heinrich Gossen* Книга его начинается словами: „Человѣкъ желаетъ того и видитъ цѣль своей жизни въ томъ, чтобы поднять на возможную высоту свое жизненное наслажденіе“ (Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs und der daraus fliessenden Regeln fur menschliches Handeln. Neue Ausgabe 1889, стр 1). Такъ же смотритъ *St. Jevons.* приводящій ученіе *Bentham'a* объ удовольствіи и его качествахъ и считающій, что для хозяйственной жизни важны не всѣ качества удовольствія, а лишь интенсивность и продолжительность его (Theory, стр. 33—7) Мысль объ удовольствіи вездѣ сквозитъ и у другихъ экономистовъ-математиковъ, равно какъ у большинства австрійскихъ экономистовъ. Недаромъ *Ch Gide* называетъ и математиковъ, и „психологовъ“-австрійцевъ „гедонистами“ (*Ch. Gide et Ch. Rist* Histoire des doctrines économiques depuis les physiocrates jusqu'à nos jours. 1909. Livre V. Chapitre I, стр. 592—623). Въ психологической литературѣ ту же точку зрѣнія на потребности и субъективную цѣнность защищаетъ *R. v. Schubert-Soldern* „Цѣнность, говоритъ онъ, покоится на удовольствіи, какъ отрицательная цѣнность на неудовольствіи. Все еще существуютъ философ желающіе отрицать это Но они не въ состояніи поставить на мѣсто удовольствія другой мотивъ, который не содержалъ-бы въ себѣ въ скрытой формѣ удовольствія“. (Das menschliche Gluck und die soziale Frage. Sonderabdruck aus der Zschr f. d. ges. Staatswiss. 1896. I—IV Heft mit Anmerkungen und Erganzungen. 1896, стр. 138).

На этой почвѣ появились критическія работы, отвергающія ученіе о скалѣ потребностей и опирающуюся на нее теорію цѣнности въ виду того, что основа ихъ—гедонизмъ—поколеблена современной психологіей [1]). Мы также полагаемъ, что гедонистическое ученіе под-

[1]) Такое возраженіе сдѣлали *Hadley* и *Taylor* (см *H W. Stuart* — Univ of Chicago—„The hedonistic interpretation of subjective value" въ The Journal of Polit. Ec Vol IV 1895. December, стр. 66). Противъ гедонистическаго обоснованія ученія о потребностяхъ и полезности возражаетъ еще *A. C. Pigou*. Кто стоитъ, пишетъ онъ, на точкѣ зрѣнія психологическаго гедонизма, для того полезность просто пропорціональна удовольствію, доставляемому благомъ или ожидаемому отъ блага Но, продолжаетъ онъ, сторонники идеализма, подобно *T. H. Green*'у (Prolegomena to ethiks. Bk II Ch I), и новѣйшіе утилитаристы, вродѣ *Sidgwick*'а (Method of ethiks. Bk II Ch. IV), правильно замѣчаютъ, что человѣкъ стремится не къ одному удовольствію, но и ко многому другому Если кто-либо рѣшаетъ задачу, онъ желаетъ не удовольствія отъ рѣшенія, а самого рѣшенія, если кто-либо играетъ, онъ желаетъ самаго выигрыша, а не удовольствія отъ него. А если мы желаемъ не одного удовольствія, то интенсивность нашихъ желаній и удовольствіе, ожидаемое отъ ихъ удовлетворенія, не обязательно пропорціональны другъ другу („Some remarks on utility" въ Economic Journal Vol. XIII 1903 March, стр. 67—8) Рѣшительно обрушивается на гедонистическое построеніе *E. H Downey* (Univ. of Missuri) Онъ говоритъ о полезности, но его слова въ равной мѣрѣ примѣнимы и къ потребностямъ. Теорія предѣльной полезности, пишетъ онъ, „не выдерживаетъ психологической критики, такъ какъ она по своему существу неизбѣжно гедонистична; человѣческій же духъ въ противоположность этому упорно не гедонистиченъ". („The futility of marginal utility" въ Journal of Pol Ec. Vol. XVIII 1910. April, стр. 253). Что теорія предѣльной полезности гедонистична, это *Downey* считаетъ яснымъ и не требующимъ подтвержденія цитатами. Въ подтвержденіе же того, что гедонизмъ поколебленъ критикой, онъ приводитъ длинный рядъ работъ по психологіи и этикѣ, оспаривающихъ гедонизмъ (тамъ же, стр. 254). Если же это такъ, то падаетъ вся теорія предѣльной полезности. А, слѣдовательно, и наше ученіе о потребностяхъ, добавимъ мы. Теорія эта не можетъ, говоритъ *Downey*, объяснить намъ выбора благъ людьми и обмѣна, такъ какъ предполагаетъ, что люди при выборѣ взвѣшиваютъ удовольствія. На самомъ же дѣлѣ, удовольствіе можетъ еще сопровождать полученіе желаемыхъ благъ, но не является цѣлью желанія (тамъ же, стр. 256—7). Что касается *Fr Cuhel*'я, то, по его мнѣнію, *объективно* истинною цѣлью стремленія является не удовольствіе, а то или иное объективное благо: напримѣръ, извѣстное количество пищи, поддерживающей жизнь. Но далѣе онъ признаетъ, что чувство удовольствія является спутникомъ объективнаго повышенія жизненной силы или наступленія равновѣсія въ организмѣ. Онъ цитируетъ *Jodl*'я, который говоритъ, что „удовольствіе и непріятность—это сторожа жизни и важнѣйшее условіе самосохраненія организма". Поэтому *субъективно* цѣлью стремленія человѣка является, по мнѣнію *Cuhel*'я, удовольствіе. И ошибка экономиста-гедониста не въ томъ, что онъ вообще говоритъ объ удовольствіи, а лишь въ томъ, что онъ смѣшиваетъ признакъ вещи съ самою вещью и „впадаетъ въ ту же ошибку, какъ тотъ, кто движеніе паровой машины видѣлъ бы во вращеніи регулятора, между

лежитъ большому сомнѣнію. Когда человѣкъ голоденъ, онъ стремится къ ѣдѣ, а не къ удовольствію отъ нея, онъ желаетъ одежды, жилья, а не удовольствія отъ нихъ. Ради удовольствія онъ желаетъ непосредственно только «предметовъ удовольствія и наслажденія». Но это лишь незначительная группа всѣхъ желаній и потребностей. Однако, подвергая сомнѣнію гедонистическое ученіе, мы должны замѣтить, что оно, въ сущности, совершенно не затрагиваетъ нашего ученія о потребностяхъ. Гедонизмъ ставитъ вопросъ: ради чего желаютъ люди разныхъ предметовъ? И отвѣчаетъ: ради удовольствія. Мы же, говоря о скалѣ потребностей, выражаемъ только, что люди такъ-то желаютъ этихъ предметовъ. Мы ставимъ только вопросъ: чего и какъ сильно желаютъ люди? А желаютъ они этихъ предметовъ ради полученія удовольствія или ради чего-либо иного—этого наше ученіе о скалѣ потребностей совершенно не касается. Слѣдовательно, оно не имѣетъ ничего общаго съ гедонистической и вообще съ какой-бы то ни было психологической теоріей. А потому критика гедонизма его нисколько не колеблетъ [1]).

тѣмъ какъ вращеніе это является лишь сигналомъ того, что движеніе машины происходитъ съ соотвѣтствующей быстротой" (Zur Lehre von den Bedürfnissen, стр. 27—9). Этотъ *субъективный* гедонизмъ, однако, также весьма сомнителенъ; по мнѣнію многихъ психологовъ даже субъективною цѣлью стремленія далеко не всегда является удовольствіе Экономисту, поэтому, рисковано связывать свои построенія и съ этой формой гедонизма. Дальше въ текстѣ показано, что этого и незачѣмъ дѣлать экономисту.

[1]) Такъ смотритъ на этотъ вопросъ *H. W Stuart* Гедонистическое ученіе онъ считаетъ ложнымъ Онъ отвергаетъ основное положеніе *Bentham'*а о томъ, что „природа поставила человѣческій родъ подъ управленіе двухъ верховныхъ властелиновъ—страданія и удовольствія,—и они одни опредѣляютъ, что мы должны и будемъ дѣлать („The hedonistic interpretation" въ Journal of Pol. Ec. 1895. Dec., стр. 64—5) Мы желаемъ, говоритъ онъ, не отвлеченнаго „удовольствія", а различныхъ конкретныхъ предметовъ (тамъ же, стр. 71—2). Но, вопреки *Hadley* и *Taylor'*у, онъ полагаетъ, что теорія субъективной цѣнности, какъ и ученіе о потребностяхъ, правильно излагаемыя, не связаны непремѣнно съ гедонизмомъ Въ своемъ резюме онъ ставитъ вопросъ: „дѣйствительно-ли австрійская теорія цѣнности такъ тѣсно связана съ гедонистической теоріей желанія, какъ признаетъ это съ другими авторами проф. *Hadley*" И отвѣчаетъ „Австрійская теорія цѣнности основана на принципѣ убывающей полезности. А этотъ принципъ, отождествляемый гедонизмомъ съ закономъ *Weber'*а, не только признанъ вполнѣ объяснимымъ безъ помощи гедонистической доктрины, но даже показано, что его почти нельзя объяснить путемъ подобныхъ гипотезъ. Можетъ быть вѣрно, что оба вышеупомянутые писателя новой школы (*Böhm-Bawerk* и *Wieser*), равно какъ и

§ 10. Количественная сравнимость потребностей

Хозяйственная жизнь ежедневно ставитъ людей передъ вопросомъ о томъ, что и въ какихъ количествахъ произвести или купить имъ, равно какъ передъ вопросомъ о томъ, какую сумму имѣющихся въ ихъ распоряженіи цѣнностей истратить на пріобрѣтеніе того или иного блага. Люди рѣшаютъ эти вопросы, соображаясь со своими потребностями. Каждый выполненный хозяйственный актъ представляетъ разрѣшеніе одного или нѣсколькихъ изъ этихъ вопросовъ. При этомъ самыя незначительныя измѣненія въ цѣнахъ товаровъ уже отражаются на размѣрахъ покупокъ и для большихъ массъ населенія даютъ крупныя колебанія потребляемыхъ количествъ. Наблюденіе всѣхъ этихъ фактовъ приводитъ къ выводу, что въ скалѣ потребностей каждаго человѣка интенсивность потребностей въ различныхъ количествахъ разныхъ благъ представляетъ рядъ со строго опредѣленнымъ порядкомъ членовъ.

Для иллюстраціи этого порядка основатели теоріи предѣльной полезности прибѣгаютъ къ ряду чиселъ, а экономисты-математики къ алгебраическимъ формуламъ [1]).

другіе, случайно употребляютъ гедонистическій языкъ Возможно, что нѣкоторые изъ этихъ писателей, дѣйствительно, вѣрятъ, подобно *Jevons'у*, что ихъ теорія цѣнности является слѣдствіемъ этой доктрины. Но какъ-бы ни стоялъ въ дѣйствительности вопросъ, наше заключеніе должно состоять въ томъ, что между экономикой и разсматриваемой психологической теоріей нѣтъ никакого реальнаго соотношенія (тамъ же стр. 78). Въ новомъ изданіи „Positive Theorie des Kapitales“ *Bohm-Bawerk* помѣстилъ спеціальное „Психологическое послѣсловіе къ теоріи цѣнности“ (стр 310 и слѣд.). Первая часть его посвящена вопросу: „Гедонизмъ и теорія цѣнности“ (стр 310—30) Въ ней онъ отвѣчаетъ на упреки въ гедонистичности его теоріи. Онъ говоритъ, что удовольствіе и страданіе самые частые движущіе мотивы, но не единственные. Въ этомъ смыслѣ права критика гедонизма Но свое понятіе „благополучія“ (Wohlfahrt, Wohlfahrtsgewinn) онъ считаетъ *шире* удовольствія. А кромѣ того: „правильность объясненія экономическихъ явленій изложенной теоріей цѣнности совершенно не зависитъ отъ того, будутъ ли извѣстныя фактическія психологическія предпосылки, на которыя опирается и въ виду ихъ реальности должно опираться это объясненіе, въ свою очередь объяснены психологіей въ ея спеціальной области утилитаристически или антиутилитаристически“ (стр. 311). Поэтому *Böhm-Bawerk* не находитъ нужнымъ мѣнять и установившуюся терминологію. хотя она и звучитъ гедонистически („Lust“ и „Unlust“) (см. стр. 318).

[1]) Всѣмъ хорошо извѣстна численная скала потребностей *C. Menger'а*, изложенная имъ на стр 93 его „Grundsätze der Volkswirtschaftslehre“. *Böhm-Bawerk*

Указанные выше поступки людей, быть можетъ, и даютъ основаніе предполагать существованіе у человѣка точнаго количественнаго отношенія между интенсивностью разныхъ потребностей. Однако, какъ мы увидимъ въ слѣдующихъ параграфахъ этой главы, на основаніи этихъ поступковъ мы еще не можемъ сказать вполнѣ увѣренно, что эти *точныя количественныя* отношенія существуютъ, равно какъ пока мы не можемъ добраться до нихъ и узнать ихъ. Поэтому численное выраженіе скалы потребностей можно допустить только, какъ *условное* обозначеніе порядка потребностей или какъ *иллюстрацію*, облегчающую представленіе скалы потребностей [1]).

Такъ, напримѣръ, скала потребностей становится очень наглядной, если ее представить себѣ въ видѣ такого ряда чиселъ:

A_1 — 100	B_1 — 95	C_1 — 90	D_1 — 85
A_2 — 80	B_2 — 75	C_2 — 70	D_2 — 65
A_3 — 60	B_3 — 55	C_3 — 50	D_3 — 45
A_4 — 40	B_4 — 35	C_4 — 30	D_4 — 25
A_5 — 20	B_5 — 15	C_5 — 10	D_5 — 5
. . .	. . . . .	. . . .	. . . . .
. . .	. . . . .	. . . . .	. . . . .

Здѣсь буквы A, B, C и D обозначаютъ различныя блага, значки 1, 2, 3, 4, 5....—послѣдовательныя количества каждаго блага въ его мѣрахъ измѣренія, числа же 100, 95, 90..... могли бы обозначать

воспроизводитъ скалу *Menger*'а съ нѣкоторыми измѣненіями („Grundzüge" въ Jahrbücher f Nök. u Stat. 1886, стр. 25). Онъ беретъ не только непрерывные ряды чиселъ—10, 9, 8, 7, 6.., но и прерывные ряды, напримѣръ,—7.. 4.. 1, 0 для мало дѣлимыхъ благъ, равно какъ ряды вродѣ—4.... 0 для совсѣмъ недѣлимыхъ благъ При этомъ *Böhm-Bawerk* различаетъ родъ потребности и отдѣльную конкретную потребность (Bedürfnisgattung и Bedurfnisregung) и обозначаетъ числами интенсивность отдѣльныхъ конкретныхъ потребностей (тамъ же, стр. 22). Ср. также *B. Rost* (Die Wert und Preistheorie, стр 180—1). Экономисты-математики для обозначенія скалы потребностей употребляютъ алгебраическія формулы, выражая интенсивность потребности въ различныхъ количествахъ каждаго блага въ видѣ опредѣленной функціи отъ этихъ количествъ

[1]) Такъ, условно, въ сущности говоря, употребляетъ числа и *C. Menger*. Онъ прямо говоритъ, что примѣняетъ ихъ „для того, чтобы получить въ цѣляхъ облегченія дальнѣйшихъ изслѣдованій численное выраженіе различныхъ величинъ" (Grundsätze, стр. 92) Точно также *Oskar Kraus* пишетъ: „допустимо обозначеніе одной цѣнности, напримѣръ, числомъ 10, другой числомъ 9, третьей—8, чтобы символически выразить предпочтительность" (Bedürfnis, стр. 91).

сравнительную интенсивность потребности въ соотвѣтствующемъ количествѣ каждаго блага. Слѣдовательно, числа эти показывали бы, что, напримѣръ, интенсивность потребности въ первой единицѣ A относится къ интенсивности потребности въ первой единицѣ B, какъ 100 : 95.

Но, какъ ни наглядна такая численная скала потребностей, какъ ни облегчаетъ она доказательство различныхъ положеній, мы для устраненія всякихъ недоразумѣній избѣгаемъ пользоваться числами даже въ качествѣ иллюстраціи. Экономическая теорія, думается намъ, должна найти въ себѣ рѣшимость отказаться отъ традиціоннаго пользованія въ этомъ случаѣ числами и ихъ алгебраическимъ обозначеніемъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ съ полной очевидностью доказано, что интенсивность потребностей и вытекающая изъ нея величина полезности и субъективной цѣнности поддаются численному выраженію. До настоящаго же времени не только не дано такого доказательства, но, наоборотъ, все говоритъ за то, что такое выраженіе, по крайней мѣрѣ при современномъ состояніи знанія, невозможно. Это подробно доказывается нами въ слѣдующихъ параграфахъ. Вмѣсто обычной численной скалы мы, поэтому, въ дальнѣйшемъ вездѣ беремъ скалу безъ чиселъ.

Но даже безъ чиселъ скала потребностей все же содержитъ въ себѣ количественный элементъ. Интенсивность различныхъ потребностей разсматривается въ ней, какъ величина, производится количественное сравненіе отдѣльныхъ потребностей. Между тѣмъ въ литературѣ имѣется немало рѣшительныхъ утвержденій, что самая мысль о количественной природѣ потребностей невѣрна и сведеніе качественныхъ различій потребностей на различія количественныя невозможно. Человѣческія потребности, говорятъ авторы этихъ утвержденій, настолько различны качественно, что онѣ вообще количественно не сравнимы. Разберемся въ этомъ мнѣніи. Оно имѣетъ принципіальное значеніе [1]). Его придерживаются очень многіе экономисты [2]).

[1]) Всѣмъ построеніямъ по теоріи цѣнности, говоритъ *U. Ricci*, должно предшествовать разрѣшеніе двухъ вопросовъ: 1) являются ли удовольствіе и неудовольствіе величинами? и 2) если да, то можно ли эти величины измѣрять? („La misurabilita del piacere e del dolore“ въ Giornale degli economisti Vol XXX. 1905, стр 16) Несмотря на гедонистическую форму выраженія, здѣсь правильно отмѣчена важность этихъ двухъ вопросовъ Въ настоящемъ и слѣдующихъ параграфахъ мы и рѣшаемъ ихъ для потребностей

[2]) Мысль о количественной несравнимости потребностей лежитъ въ основѣ уже того мѣста „Капитала“ *K. Marx'a*, гдѣ онъ выбрасываетъ изъ мѣнового отно-

Ссылка на качественное различіе потребностей не устраняетъ ихъ количественной сравнимости. Потребности наши, дѣйствительно, без-

---

шенія потребительную цѣнность товаровъ „Какъ потребительныя цѣнности, говоритъ онъ, товары прежде всего качественно различны, какъ мѣновыя цѣнности они могутъ различаться только по количеству и потому не содержатъ ни атома потребительной цѣнности“ (Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. I 2. Aufl. 1872, стр. 12). На тон же точкѣ зрѣнія стоитъ и *R. Schelwien*. „Если, говоритъ онъ, человѣкъ желаетъ опредѣлить цѣнность различныхъ потребительныхъ благъ и сравнить эти блага по цѣнности, то годность ихъ не даетъ ему для этого никакого масштаба, такъ какъ въ этомъ отношеніи различныя блага настолько же специфичны и несоизмѣримы, какъ и тѣ потребности, которымъ они удовлетворяютъ, и удовольствія, которыя они доставляютъ“ (Die Arbeit und ihr Recht Rechtlich volkswirtschaftliche Studien zur sozialen Frage 1882, стр. 198). Противъ этой мысли *Marx*'а возражаетъ уже *C. Knies* „Всѣ разнородныя потребительныя блага, пишетъ онъ, какъ потребительныя блага, представляютъ нѣчто общее. Удовлетворяя различныя потребности, разные виды благъ въ то же время, взятыя вмѣстѣ, удовлетворяютъ цѣлый данный кругъ человѣческихъ потребностей Именно поэтому различные *species* благъ содержатъ потребительную цѣнность *in genere*“ (Geld und Credit I. Abthl. Das Geld. Darlegung der Grundlehren von dem Gelde mit einer Vorerörterung uber das Kapital und die Uebertragung der Nutzungen 1873, стр. 124). Въ виду этого онъ слѣдующимъ образомъ оцѣниваетъ тотъ силлогизмъ, при помощи котораго *Marx* исключаетъ потребительную цѣнность: „Признаніе равенства разнородныхъ потребительныхъ цѣнностей можетъ быть объяснено только сведеніемъ ихъ на что-либо, имѣющее общую потребительную цѣнность. Уравненія мѣновой цѣнности не поддаются, какъ думаетъ *Marx*, объясненію при помощи отвлеченія отъ потребительной цѣнности, они могутъ быть объяснены только при помощи отвлеченія отъ видовыхъ различій потребительныхъ цѣнностей, не черезъ подстановку чего-либо посторонняго имъ, а только черезъ сведеніе ихъ къ родовой общности“ (тамъ же, стр 123—4). Эти мѣста книги *Knies*'а подготовили почву для признанія количественной сравнимости качественно различныхъ потребностей, такъ какъ сказанное имъ по поводу потребительной цѣнности можетъ быть перенесено на потребности. *Knies* только смѣшиваетъ сравнимость разныхъ потребительныхъ цѣнностей для одного и того же лица со сравнимостью этихъ цѣнностей для разныхъ лицъ Почти въ тѣхъ же словахъ, повидимому, навѣянныхъ *Knies*'омъ, говоритъ объ этомъ и ранній русскій критикъ *Marx*'а—*Б. Н. Чичеринъ*. „Если мы спросимъ: что есть общаго между двумя товарами, которые обмѣниваются? то всякій здравомыслящій человѣкъ навѣрное отвѣтитъ: то, что оба полезны; поэтому они и мѣняются Одному болѣе нужно одно, другому другое; но оба равно нужны. Если мы сдѣлаемъ отвлеченіе отъ различной ихъ пользы, то останется общій элементъ полезности, потребительная стоимость вообще Другого ничего мы этимъ умозаключеніемъ получить не можемъ. Отвлеченіе отъ частнаго даетъ намъ однородное съ нимъ общее, родовой признакъ видовъ, а не что-либо другое“ („Нѣмецкіе соціалисты. 2. Карлъ Марксъ“ въ „Сборникѣ государственныхъ знаній“ подъ ред. В. П. Безобразова. Томъ VI. 1878, стр. 4—5) И дальше онъ прямо говоритъ о количественномъ сравненіи полезностей: „Степенью полезности предмета опредѣ-

предѣльно различны качественно, но всѣ эти потребности нами ощущаются съ той или иной силой—въ этомъ лежитъ то общее, что

ляется и то, что покупатель готовъ за него дать; онъ дастъ больше за то, что ему нужнѣе, меньше за то, что ему менѣе нужно" (тамъ же, стр. 5) Здѣсь, однако, какъ и у *Knies'*а, не проведено различія между сравнимостью полезностей для разныхъ лицъ и для одного и того же лица. Второе цитированное мѣсто, впрочемъ, говоритъ о сравненіи разныхъ полезностей для одного и того же лица. Это мѣсто показываетъ также, что для *Чичерина* вопросъ о сравнимости полезностей есть вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о сравнимости силы потребностей. Замѣчанія эти остались надолго незамѣченными большинствомъ русскихъ экономистовъ. Еще въ 90-хъ годахъ глава московской школы—*А. И. Чупровъ*—въ своихъ лекціяхъ повторяетъ вслѣдъ за *Marx'*омъ, что о количественной сравнимости полезностей нельзя говорить, ибо обмѣнивающіеся предметы „не имѣютъ между собою ничего общаго" . „по своимъ физическимъ свойствамъ несоизмѣримы" (Политическая экономія 2-ое изд. подъ ред. В А Косинскаго 1907, стр 46). Въ новой западно-европейской литературѣ мысль о несравнимости потребностей и полезностей была рѣшительно оспорена *Bohm-Bawerk'*омъ. Повторяя слова *Knies'*а, онъ пишетъ: „.... при мѣновыхъ отношеніяхъ товаровъ отвлекаются отъ всякихъ спеціальныхъ видовыхъ различій, въ которыхъ могла-бы проявиться потребительная цѣнность товаровъ, т. е. отъ того, служитъ-ли товаръ для пищи, жилища или одежды и пр., но вовсе не отъ потребительной цѣнности вообще" (Теорія Карла Маркса и ея критика. Рус. пер. подъ ред. П. И Георгіевскаго. 1897, стр. 75). Авторъ говоритъ здѣсь о потребительной цѣнности, но слова эти въ такой же мѣрѣ относятся къ потребностямъ Точно также *H. Dietzel* отмѣчаетъ, что нельзя при обмѣнѣ абстрагироваться отъ потребительной цѣнности, и видитъ общее во всѣхъ предметахъ, обладающихъ этою цѣнностью, то, что „они всѣ приносятъ пользу" (Theoretische Sozialökonomik. I. Bd. 1895, стр. 287) Противъ этого послѣдователь *Marx'*а, *R. Hilferding*, возражаетъ, что отъ качественныхъ различій полезностей нельзя отвлечься, не отвлекаясь вообще отъ полезности Абстрагируясь отъ конкретной формы потребительной цѣнности, говоритъ онъ, „я абстрагируюсь для себя вообще отъ потребительной цѣнности, такъ какъ она существуетъ для меня только, какъ такая-то потребительная цѣнность въ данной ея конкретной формѣ" (Böhm-Bawerks Marx-Kritik Marx-Studien. Bd. I 1904, стр. 5). *Hilferding* не замѣчаетъ, что полезности можно разсматривать съ качественной стороны, но можно обращать вниманіе и на одну количественную сторону ихъ. Точно также и въ потребностяхъ насъ можетъ интересовать не само качество ихъ, а обусловленная качествомъ сила или интенсивность. Лишь въ этомъ смыслѣ можно понимать отвлеченіе отъ качественныхъ различій полезностей и потребностей, и тогда оно вовсе не означаетъ отвлеченія отъ полезности и потребности вообще Напомнимъ, что *Marx* и его послѣдователи прекрасно понимаютъ это, когда говорятъ о количественной сравнимости качественно различнаго труда. Тамъ они абстрагируются отъ качественныхъ различій труда, но отъ этого не исчезаетъ „трудъ вообще". Любопытно, что, поступая такъ съ трудомъ, *Marx* всецѣло подражаетъ *Hegel'*ю съ тою только разницей, что *Hegel* поступаетъ такъ не съ трудомъ, а именно съ потребностями, изъ которыхъ и выводитъ цѣнность благъ. Это интересное сопоставленіе *Hegel'*я и *Marx'*а сдѣлалъ не-

имѣется во всѣхъ, самыхъ различныхъ потребностяхъ. Удовлетворенію однѣхъ потребностей мы придаемъ бо́льшее значеніе, удовлетворенію другихъ—меньшее; для удовлетворенія однѣхъ мы готовы идти на бо́льшія жертвы, для удовлетворенія другихъ—на меньшія. Слѣдовательно, мы проводимъ количественное различіе между потребностями, количественно сравниваемъ ихъ. Сравниваемъ по ихъ интенсивности, по тому значенію, которое придаемъ ихъ удовлетворенію. Это не значитъ, что мы всѣ качественныя различія потребностей сводимъ къ количественнымъ. Возможно, что многія стороны потребностей и не сводимы на количественныя. Но мы разсматриваемъ потребности лишь, какъ толкающее человѣка на дѣятельность психическое переживаніе, ради котораго онъ идетъ на тѣ или иныя жертвы. И вотъ съ этой точки зрѣнія всѣ потребности надо признать сравнимыми количественно, если сравнимы тѣ жертвы, на которыя готовъ идти ради нихъ человѣкъ.

Новая волна возраженій противъ количественной сравнимости потребностей по ихъ интенсивности поднялась вслѣдъ за появленіемъ работъ теоретиковъ предѣльной полезности и экономистовъ-математиковъ. Возражающіе говорятъ главнымъ образомъ о полезности, но всѣ эти замѣчанія тѣмъ самымъ относятся и къ потребностямъ, такъ какъ полезность предмета вытекаетъ изъ потребности въ немъ. Нѣкоторые авторы, впрочемъ, прямо говорятъ о потребностяхъ. Возраженія сводятся къ указанію: 1) на разнородность потребностей и 2) на ихъ индивидуальность и измѣнчивость во времени[1]). Но болѣе внима-

---

давно *Ch. Cornelissen*. Онъ ссылается на §§ 63 и 196 „Философіи права“ *Hegel*'я и говоритъ слѣдующее: „Отмѣчая, что цѣнность вещи зависитъ отъ потребностей, которыя вещь удовлетворяетъ, *Hegel* говоритъ намъ, что при этомъ «абстрагируются» отъ спеціальныхъ качествъ и разсматриваютъ лишь общее качество. Частная потребность, которую удовлетворяетъ вещь, есть въ то же время *потребность вообще*, и именно въ виду такой общности эта потребность находитъ свое выраженіе въ цѣнности“ И далѣе *Cornélissen* прибавляетъ: „*Marx* же старается тѣмъ же діалектическимъ методомъ и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и его учитель, убѣдить насъ въ томъ, что въ процессѣ обмѣна абстрагируются не только отъ *специфической полезности* товаровъ, но и отъ ихъ *потребительной цѣнности вообще*. *Marx* даетъ намъ здѣсь теорію, ложность которой бросается въ глаза“ (Théorie de la valeur Réfutation des théories de Rodbertus, Karl Marx, Stanley Jevons et Böhm-Bawerk. 1903. стр. 122)

[1]) Изъ этихъ критиковъ надо особенно отмѣтить *Lexis*'а Въ статьѣ „Konsumtion“ онъ, оспаривая ученіе *Gossen*'а, говоритъ: „. . ни коимъ образомъ не мо-

тельное чтеніе авторовъ этихъ возраженій показываетъ, что сами они не могутъ не признать того факта, что люди все-таки сравниваютъ

жетъ быть сведена къ общей мѣрѣ интенсивность совершенно гетерогенныхъ удовлетвореній, напримѣръ, вызываемыхъ ѣдой и краснымъ платьемъ" (Hwb. d. Stwiss 3. Aufl VI. Bd, стр. 118—9). Однако, въ той же статьѣ *Lexis* дальше говоритъ, что при ограниченности дохода между различными предметами потребленія ведется какъ-бы „конкурренгная борьба, завершеніе которой приводитъ къ тому, что человѣкъ сообразно со своими средствами распредѣляетъ потребленіе наиболѣе соотвѣтственнымъ для данныхъ обстоятельствъ образомъ" (тамъ же, стр 119). Если же между отдѣльными предметами потребленія идетъ борьба, и одни изъ нихъ побѣждаются другими, то, очевидно, что при всей своей гетерогенности потребности въ этихъ предметахъ сравнимы Но далѣе. Въ другой статьѣ „Grenznutzen", въ которой *Lexis* даетъ суровую критику теоріи предѣльной полезности, онъ даже подробно выясняетъ, какъ происходитъ сравненіе разнородныхъ потребностей и ощущеній. Онъ пишетъ: „. при этихъ . сравненіяхъ сравниваются въ сущности не конкретныя ощущенія, а только *интенсивность волевыхъ напряженій* (Willensintensitaten), вызванныхъ этими пріятными и непріятными ощущеніями. Въ самомъ дѣлѣ, ощущенія удовольствія, доставляемыя, напримѣръ, мнѣ извѣстнымъ блюдомъ или стаканомъ вина, сами по себѣ совершенно гетерогенны и несравнимы, сравнима лишь интенсивность волевыхъ возбужденій, направленныхъ на полученіе или сохраненіе кушанья и напитка" (Hwb d. Stwiss 1 Aufl. 1. Supplementband. 1895, стр. 425; ср. также *Lexis* „Wert" въ Worterbuch der Volkswirtschaft. 2. Aufl. 1907. II Bd, стр. 1320—1). И все же въ недавно изданномъ курсѣ *Lexis* вновь говоритъ о несравнимости полезностей, а, слѣдовательно, и потребностей: „... полезность разныхъ родовъ благъ совершенно несравнима Полезности куска хлѣба и сюртука совершенно несоизмѣримы, даже если попытаться замѣнить не поддающуюся вычисленію оцѣнку отдѣльнаго лица средней оцѣнкой, выступающей въ обществѣ" (Allgemeine Volkswirtschaftslehre 1910, стр. 28—9). Но и въ этой работѣ дальше тотъ же *Lexis* опять признаетъ слѣдующее: „Правда, теоретически можно предсгавить себѣ случаи, когда человѣку пришлось бы выбирать между хлѣбомъ и сюртукомъ, а, слѣдовательно, и рѣшать, что кажется ему въ данный моментъ наиболѣе неотложнымъ Онъ взвѣшивалъ бы тогда бо́льшую или меньшую сравнительную полезность для себя этихъ двухъ предметовъ" (тамъ же, стр. 29) Значитъ, полезности все таки сравнимы. При этомъ надо принять во вниманіе, что случаи выбора между разными потребностями, въ виду ограниченности средствъ и неограниченности потребностей, не только теоретически мыслимы, но и имѣютъ мѣсто въ жизни каждаго человѣка почти при всѣхъ его хозяйственныхъ дѣйствіяхъ. Однако, у *Lexis*'а находимъ еще одно возраженіе Если человѣкъ и взвѣшиваетъ разныя полезности, то, замѣчаетъ *Lexis*, „такая оцѣнка имѣла бы значеніе только для этого лица и только въ этотъ моментъ" (тамъ же) Но дѣло въ томъ, что для насъ только и нужна сравнимость разныхъ потребностей для одного и того же лица въ каждый данный моментъ. Подобно *Lexis*'у и *K. Diehl* оспариваетъ количественную сравнимость потребностей по ихъ силѣ на томъ основаніи, что „потребности людей, какъ извѣстно, очень измѣнчивы; въ извѣстное время выступаютъ сильнѣе однѣ потребности, въ другое—другія: если въ одно время образо-

по силѣ самыя разнородныя потребности. Что же касается указанія этихъ авторовъ на индивидуальность и измѣнчивость потребностей, то такое указаніе не можетъ быть признано возраженіемъ противъ сравнимости потребностей. Утверждая, что потребности количественно сравнимы и располагаются въ видѣ опредѣленной скалы, мы говоримъ только о сравнимости ихъ для каждаго даннаго индивидуума въ данный моментъ.

Въ томъ, что наши потребности сравнимы по своей интенсивности, убѣждаетъ насъ наблюденіе надъ фактами сравниванія людьми самыхъ различныхъ потребностей при выборѣ предметовъ потребленія [1]). Что мы не ошибаемся, видно изъ слѣдующаго. Вотъ передъ

валась скала A, B, C, D, E, F, то въ другой разъ она можетъ принять видъ A, B, C, E, D, F; аналогичное происходитъ и съ конкретными возбужденіями потребностей, которыя также подвергаются колебаніямъ" (Sozialwissenschaftliche Erläuterungen. I, стр. 68) Оставляемъ пока безъ возраженія утвержденіе относительно такой измѣнчивости скалы человѣческихъ потребностей. Объ этомъ рѣчь впереди. Но пусть она такъ измѣнчива. Доказываетъ-ли это, что въ каждый данный моментъ у человѣка нѣтъ скалы, въ которой разныя потребности сопоставлены другъ съ другомъ по ихъ силѣ?

[1]) О такомъ сравненіи и выборѣ говоритъ цѣлый рядъ авторовъ Уже *Kant* съ большою ясностью указываетъ на нихъ. У *O. Gerlach*'а мы находимъ слѣдующую интересную ссылку на *Kant*'а. *Gerlach* цитируетъ стр. 23 „Kritik der praktischen Vernunft" (изданіе Hartenstein'а. 1867), гдѣ *Kant* утверждаетъ, что чувство удовольствія, сопровождающее представленіе о существованіи какого-либо предмета, постолько однородно, „посколько оно возбуждаетъ одну и ту же жизненную силу, обнаруживающуюся въ возможности желанія; въ этомъ отношеніи оно можетъ отличаться отъ всякаго другого мотива только степенью. Иначе, какъ возможно было бы количественное сравненіе двухъ мотивовъ, совершенно различныхъ по роду представленія и предпочтеніе того изъ нихъ, который сильнѣе возбуждаетъ возможность желанія?" (Uber die Bedingungen wirtschaftlicher Thatigkeit. Kritische Erörterungen zu den Wertlehren von Marx, Knies. Schäffle und Wieser. 1890, стр 59) И далѣе *Gerlach* приводитъ слѣдующіе иллюстрирующіе примѣры *Kant*'а: „вѣдь, одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ вернуть непрочтенной очень поучительную для него книгу, попавшую въ его руки всего одинъ разъ, ради того, чтобы не пропустить охоты; можетъ уйти во время какой-либо прекрасной рѣчи, чтобы не опоздать къ обѣду; оставить разумную бесѣду, въ другое время очень высоко цѣнимую имъ, чтобы сѣсть за карточный столъ; можетъ даже оттолкнуть бѣдняка, которому онъ обычно съ радостью помогъ-бы, только потому, что въ данную минуту у него какъ-разъ столько денегъ, сколько надо на покупку билета въ театръ" (*Kant*, стр. 24, см *Gerlach*. указ соч., стр. 65—6). Вслѣдъ за *Gerlach*'омъ эти мѣста приводитъ и *Туганъ-Барановскій* (Основы, стр. 56), соглашающійся съ мыслью *Kant*'а, что „возможность количественнаго сравненія различныхъ нашихъ влеченій вытекаетъ изъ самой природы нашей воли". Указаніе на то, что хозяйственный принципъ.

вами человѣкъ, истративший имѣвшіяся у него деньги на какіе-то товары A и B. Пусть число единицъ каждаго изъ этихъ пріобрѣтен-

---

т е. стремленіе къ возможному при данныхъ условіяхъ жизненному благополучію, неизбѣжно предполагаетъ количественную сравнимость потребностей, имѣется и у *Schaffle* (см. *Gerlach*, указ. соч., стр. 25). О томъ же говоритъ *E. Sax*. Онъ замѣчаетъ какъ величиною дѣйствія мы можемъ измѣрять силу причины, такъ на основаніи выбора мы можемъ судить о величинѣ цѣнности Если я A предпочелъ 2 B, то, слѣдовательно, цѣнность A для меня больше цѣнности 2 B (Grundlegung, стр 254). О количественной сравнимости самыхъ, повидимому, несравнимыхъ потребностей остроумно говоритъ англичанинъ *Ph H Wicksteed*. „Мы видимъ теперь достаточно ясно, что, хотя наша психологическая ариѳметика такъ мало развита, что самые простые примѣры умноженія или дѣленія удовольствій кажутся намъ невозможными и даже абсурдными, все же на самомъ дѣлѣ мы постоянно взвѣшиваемъ и сравниваемъ самыя разнородныя удовлетворенія и опредѣляемъ, которое изъ нихъ больше. Пользованіе, напримѣръ, свѣжимъ воздухомъ и дружбой, свѣжими яйцами и удобствами для занятій сравниваются нами одно съ другимъ, когда мы обсуждаемъ выгоды пребыванія въ Лондонѣ въ обществѣ друзей и пользованія Британскимъ Музеемъ или жизни въ деревнѣ съ ея свѣжимъ воздухомъ и свѣжими яйцами“ (The alphabet of economic science Part. I Elements of the theory of value and worth. 1888, стр. 52) На той же точкѣ зрѣнія стоитъ *J. Bonar*. „Каждый человѣкъ, говоритъ онъ, сознательно или безсознательно распредѣляетъ свои потребности въ видѣ извѣстной скалы по ихъ важности и рѣшаетъ, которая изъ нихъ должна быть удовлетворена раньше другихъ“ („The austrian economists and their view of value“ въ Quarterly Journal of Economics. Vol. III. 1888 October, стр 7) Выбрасывая изъ скалы *Menger*'а числа, онъ, напримѣръ, такъ рисуетъ себѣ скалу потребностей (стр. 8).

Степень	I. Пища	II. Одежда.	III Жилище	IV Куреніе.
Первая	Необходимая для жизни.			
Вторая	Необходимая для здоровья.	Первый костюмъ, необходимый.		
Третья	Пріятная.	Второй костюмъ. для приличія.	1 комната	
Четвертая	Доставляющая менѣе остро чувствуемое удовольствіе.	Третій костюмъ, желательный	2 комнаты	4 трубки въ день
Пятая	Доставляющая еще менѣе остро чувствуемое удовольствіе.	Четвертый костюмъ, не совсѣмъ излишній	3 комнаты	8 трубокъ въ день
Шестая	Насыщеніе	Пятый костюмъ, насыщеніе	4 комнаты, насыщеніе	Насыщеніе

ныхъ и потребленныхъ товаровъ будетъ 3 для A и 2 для B. Слѣдовательно, потребленіе этого лица равно 3 A + 2 B. Спрашивается, по-

---

Сравнимость потребностей и полезностей признаетъ и *H. Dietzel* („Die klassische Werttheorie und die Theorie vom Grenznutzen" въ Jahrbücher f. Nök. und Stat N F. XX. 1890. стр. 572). Точно также *A. Voigt*, горячо оспаривающій численную измѣримость потребностей и чувствъ удовольствія, все же признаетъ сравнимость ихъ. Онъ говоритъ: „. экономическая практика доказываетъ, что, если разныя чувства въ нѣкоторомъ отношеніи, быть можетъ, несравнимы, то въ отношеніи ихъ экономическаго содержанія они могутъ и должны быть сравниваемы Каждый день ставитъ насъ передъ необходимостью рѣшать, предпочесть ли намъ одно наслажденіе другому, если оба мы можемъ получить за ту же цѣну. Далее самыя различныя чувственныя и духовныя удовольствія имѣютъ нѣчто общее, дѣлающее ихъ сравнимыми другъ съ другомъ" („Der ökonomische Wert der Guter" въ Zeitschr. f. d. ges. Staatswiss. 48 Bd. 1892, стр. 200). Истинную причину количественной сравнимости чувствъ удовольствія и даже возможности принимать удовольствіе за положительную величину, а неудовольствіе за отрицательную, *Voigt* видитъ въ цѣли хозяйственной дѣятельности, т. е. въ стремленіи къ *maximum*'у благополучія (тамъ же, стр. 201). О сравнимости желаній говоритъ психологъ *Chr Ehrenfels*: „всѣхъ внѣшнихъ предметовъ мы желаемъ .. съ большей или меньшей интенсивностью" („Werththeorie und Ethik" въ Vierteljahrsschr. f wiss. Philosophie. Jahrg. VII. 1893, стр 89). *Cassel* признаетъ, что потребности сравнимы только черезъ посредство денегъ, но противъ этого возражаетъ *K Wicksell*, считающій, что мы ежеминутно производимъ сравненія и безъ всякихъ денегъ. Когда я предпочитаю, говоритъ онъ, сонъ, чтеніе или прогулку—я сравниваю эти разныя потребности („Zur Verteidigug der Grenznutzenlehre" въ Zeitschr. f. d ges Staatswiss Bd. 56 1900, стр 579). Въ этомъ разногласіи правъ *Wicksell*. Когда мы рѣшаемъ, какую потребность удовлетворить намъ на имѣющуюся у насъ сумму денегъ—это только одинъ изъ многихъ возможныхъ способовъ сравненія потребностей, способъ, самый распространенный въ хозяйственной жизни, но не единственный. Съ такимъ же успѣхомъ люди сравниваютъ потребности и путемъ сведенія ихъ на другія равныя пожертвованія, не связанныя съ деньгами, напримѣръ, на пожертвованія времени *Cuhel* также признаетъ потребности сравнимыми по ихъ силѣ. Что сила (Egenz) различныхъ потребностей неодинакова—это, по его мнѣнію, ясно уже a priori, иначе при столкновеніи потребностей воля не могла бы склоняться въ пользу какой-либо одной изъ нихъ. А такъ какъ воля постоянно склоняется то въ одну, то въ другую сторону—значитъ, однѣ потребности сравниваются съ другими и признаются болѣе сильными или болѣе слабыми (Zur Lehre von den Bedürfnissen, стр 178). Поэтому, заключаетъ *Cuhel*, на вопросъ, соизмѣримы ли потребности, если подъ этимъ понимать сравнимость ихъ, т е „возможность опредѣлять, какая изъ потребностей обладаетъ большею силою" - надо отвѣтить утвердительно (тамъ же, стр. 180). О чувствахъ удовольствія и неудовольствія, какъ о величинахъ, говоритъ *L Brentano* (Theorie der Bedürfnisse, стр. 4—5). Изъ русскихъ экономистовъ за количественную сравнимость чувствъ удовольствія и страданія высказывается *Р. Орженцкій* (Ученіе объ экономическомъ явленіи. Введеніе въ теорію цѣнности 1903, стр. 288—9)

чему этотъ человѣкъ выбралъ именно эти товары и въ этихъ количествахъ? Если онъ производилъ выборъ свободно и стремился къ наибольшей выгодѣ, то возможенъ одинъ отвѣтъ: потому что онъ руководился своими потребностями и удовлетворялъ наиболѣе интенсивныя изъ нихъ, взвѣшивая при этомъ цѣны различныхъ предметовъ и учитывая размѣръ имѣющейся у него суммы денегъ. А, если такъ—значитъ, онъ какъ-то сравнивалъ силу потребности въ разныхъ благахъ. Если же принять во вниманіе, что аналогичный выборъ потребляемыхъ благъ дѣлаетъ огромная масса людей и дѣлаетъ постоянно, то не подлежитъ сомнѣнію, что потребности людей количественно сравнимы по ихъ интенсивности. Интенсивность потребностей, слѣдовательно, есть величина сравнимая. И сравнительную величину интенсивности отдѣльныхъ потребностей мы можемъ опредѣленнымъ образомъ выразить.

Такъ, если каждая единица блага A и B стоитъ одну и ту же сумму денегъ, и данное лицо потребило

$$3\,A + 2\,B.$$

то я могу сказать, напримѣръ, что интенсивность потребности въ A_3, т. е. въ третьей единицѣ блага A, у даннаго лица больше интенсивности потребности въ B_3, или иначе

$$A_3 > B_3\ ^1).$$

Мы можемъ сказать это, потому что, будь для нашего лица $A_3 < B_3$, оно, руководясь хозяйственнымъ принципомъ, потребило бы не 3 A+2 B, а 2 A+3 B; точно также, будь для него $A_3 = B_3$, оно осталось бы въ нерѣшительности на подобіе Буриданова осла. Если же оно все-таки рѣшилось потребить 3 A+2 B, то, очевидно, какой то перевѣсъ оказался на сторонѣ потребности въ A_3. Было ли это сознательное, вполнѣ самостоятельное взвѣшиваніе, или такой выборъ продиктованъ лицу привычкой, условіями среды, рутиной—это безразлично. Это важно для выясненія причинъ того, почему у даннаго лица потребность въ A_3 больше потребности въ B_3, но не затрагиваетъ того, что $A_3 > B_3$.

---

[1]) Характеръ этого неравенства разъясненъ нами въ Приложеніи къ настоящей главѣ.

При помощи такихъ отношеній >и< всѣ потребности каждаго человѣка могутъ быть расположены въ извѣстномъ порядкѣ, въ видѣ опредѣленной скалы [1]). И несомнѣнно, что у людей имѣется какой-то критерій или масштабъ для сравненія потребностей и расположенія ихъ въ видѣ скалы [2]). То, что люди хозяйничаютъ, заставляетъ безъ всякаго колебанія признать фактъ такого сравненія. Безъ него немыслимо было бы ни производство, ни обмѣнъ, ни потребленіе, ни какой-либо иной хозяйственный актъ [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы уви-

[1]) О реальности такого представленія говоритъ *C. Menger*: „Различное значеніе, представляемое удовлетвореніемъ отдѣльныхъ конкретныхъ потребностей, какъ ни мало обращали до сихъ поръ вниманія изслѣдователи на разсматриваемыя здѣсь явленія, тѣмъ не менѣе не чуждо сознанію всякаго хозяйствующаго лица. Вездѣ, гдѣ только живутъ люди, на какой-бы ступени культурнаго развитія они не находились, мы можемъ наблюдать, какъ хозяйствующіе индивидуумы взвѣшиваютъ значеніе удовлетворенія различныхъ потребностей .. и результатомъ такого сравненія руководятся въ своей дѣятельности, направленной на возможно полное удовлетвореніе своихъ потребностей (хозяйство)“ (Grundsatze, стр. 94) О скалѣ желаній говоритъ *W. Smart* „Уже тотъ фактъ, что блага могутъ быть покупаемы по цѣнамъ отъ фартинга и выше, доказываетъ, что общество обладаетъ извѣстной классификаціей своихъ желаній Мы находимъ существованіе обмѣна во всѣхъ обществахъ, даже у самыхъ простѣйшихъ, а обмѣнъ предполагаетъ, что наши желанія всегда расположены въ видѣ извѣстной скалы“ (Introduction, стр 20) Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ добавляетъ: „...каждый человѣкъ, средства котораго .. болѣе ограничены, чѣмъ желанія,—а это въ дѣйствительности всегда бываетъ съ человѣческими существами,—имѣетъ въ умѣ скалу желаній, когда онъ распредѣляетъ свои расходы. Руководясь этой скалой, онъ удовлетворяетъ болѣе настоятельныя желанія и оставляетъ неудовлетворенными менѣе настоятельныя“ (тамъ же, стр. 23). *M. Naumann* говоритъ, что у каждаго человѣка существуетъ извѣстный порядокъ потребностей и далеко не вполнѣ произвольный, подобно термометру для тепла, у людей имѣется скала удовольствій и неудовольствій; если въ этой скалѣ величины не измѣримы, то все же онѣ сравнимы (Die Lehre vom Wert 1893, стр. 6—7 и 21).

[2]) *J. Schumpeter*, отправляясь сразу отъ цѣнности, вмѣсто потребности, говоритъ о такомъ масштабѣ: „Всякій, кто вообще дѣйствуетъ, располагаетъ, конечно, и масштабомъ для цѣнностей, иначе онъ никогда не могъ бы сдѣлать выбора между нѣсколькими возможностями“ (Wesen, стр. 113).

[3]) *E. v Bohm-Bawerk* по этому поводу замѣчаетъ: „Если бы наши потребности были дѣйствительно несоизмѣримыми (несравнимыми? А. Б.) величинами, то совершенно невозможна была бы всякая хозяйственная дѣятельность.. На самомъ же дѣлѣ мы ежедневно, ежечасно взвѣшиваемъ и оцѣниваемъ самыя субъективныя наши ощущенія и желанія“ („Grundzüge“ въ Jahrb f Nök u. St. 1886, стр. 47) И далѣе онъ прибавляетъ: хозяйственный принципъ признаютъ всѣ, а, вѣдь, онъ говоритъ о наибольшей пользѣ, слѣдовательно, мѣряетъ послѣднюю. А потому „самый фактъ существованія хозяйственной дѣятельности служитъ луч-

димъ во второй части нашей работы, одной сравнимости потребностей вполнѣ достаточно для объясненія хозяйственныхъ явленій. Ничего больше, кромѣ знанія того, какая потребность болѣе интенсивна, какая менѣе интенсивна, не надо для пониманія явленій производства, обмѣна, распредѣленія и потребленія.

§ 11. Первый законъ Gossen'a

Наблюденіе надъ потребностями дало возможность подмѣтить одно ясно выраженное, характерное свойство ихъ. Свойство это можно формулировать такъ: интенсивность потребности въ благѣ въ общемъ падаетъ по мѣрѣ увеличенія потребляемаго количества этого блага, или точнѣе—потребность въ послѣдующей единицѣ блага въ общемъ менѣе интенсивна, нежели въ предыдущей. Такая зависимость между интенсивностью потребности и количествомъ потребляемаго блага является наиболѣе частой и наиболѣе типичной.

Огромное число авторовъ даже обобщаютъ дѣйствіе этой зависимости и считаютъ закономъ падающей интенсивности потребностей общимъ закономъ, не допускающимъ изъятій. Законъ этотъ особенно ясно формулированъ былъ *Hermann Heinrich Gossen*'омъ, и потому *Wieser* называетъ его «закономъ насыщенія потребностей» или «закономъ *Gossen*'а»[1]). При этомъ въ отличіе отъ другого закона того же *Gossen*'а, о которомъ намъ придется говорить дальше, законъ этотъ названъ «первымъ закономъ *Gossen*'а»[2]).

шимъ доказательствомъ того, что наши пріятныя и непріятныя ощущенія не безусловно неспособны къ количественнымъ опредѣленіямъ. Даже *J. Hobson*, настроенный весьма скептически, все же признаетъ сравнимость потребностей. „Трудно понять, говоритъ онъ, какъ возможно привести къ общимъ выраженіямъ два удовольствія или двѣ ихъ оцѣнки такъ, чтобы измѣрить ихъ и рѣшить, которое изъ нихъ больше Но «экономистъ», конечно, правъ, когда онъ настаиваетъ на томъ, что такъ или иначе мы способны рѣшить этотъ вопросъ и что мы поступаемъ такъ во всѣхъ случаяхъ расходованія денегъ на различные предметы" (*Дж Гобсонъ* I. Теорія распредѣленія. II. Наука соціальнаго прогресса. Рус пер. 1903, стр 306).

[1]) См. Über den Ursprung, стр. 9 и статья „Grenznuthzen" въ Hwb d. Staatswiss. 3 Aufl. 1910. V. Bd, стр. 57.

[2]) Перечень авторовъ, признающихъ этотъ законъ, начиная съ Аристотеля, приведенъ у *P. Орженцкаго* (Ученіе объ экономическомъ явленіи, стр. 318—27). Списокъ этихъ авторовъ даетъ и *L. Brentano* (Theorie der Bedürfnisse, стр 45). *Oskar Kraus* подробно разсматриваетъ признаніе этого закона *Bentham*'омъ и называетъ его даже „аксіомой *Bentham*'а" (Zur Theorie des Wertes Eine Bentham-

Законъ падающей интенсивности потребностей весьма часто связываютъ съ психофизическимъ закономъ *Weber-Fechner*'а, по которому

Studie. 1902, стр. 41). Ср. также о *Bentham*'ѣ и *Daniel Bernulli* (Specimen theoriae novae de mensura sortis. 1738) у *R. Kaulla* (Die geschichtliche Entwicklung der modernen Werttheorien. 1906, стр 143—5). Что касается *H. Gossen*'а, то его формулировка указаннаго закона состоитъ изъ двухъ частей: 1. „Величина одного и того же наслажденія (Genusses), если мы непрерывно продолжаемъ доставлять его, постоянно уменьшается до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не наступаетъ насыщеніе" и 2. „Подобное уменьшеніе величины наслажденія наступаетъ также и тогда, если мы повторяемъ прежде доставленное наслажденіе; и не только въ томъ смыслѣ, что уменьшеніе наступаетъ при повторномъ доставленіи наслажденія, но уже въ началѣ величина его меньше; сокращается при повтореніи и продолжительность времени, въ теченіе котораго что-либо ощущается, какъ наслажденіе, раньше наступаетъ насыщеніе, и оба элемента, какъ начальная величина, такъ и продолжительность, уменьшаются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ быстрѣе наступаетъ повтореніе" (Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs, стр. 4—5). Дальше мы увидимъ, что и первое, и второе положеніе *Gossen*'а допускаетъ изъятія. О паденіи полезности съ увеличеніемъ количества потребляемаго блага говоритъ *St. Jevons* (Theory, стр. 55 и 62—3), причемъ онъ ссылается уже на *Senior*'а, *Banfield*'а и *Jennings*'а (тамъ же, стр. 63—5). Точно также *L. Walras* признаетъ непрерывное убываніе интенсивности потребностей (Eléments d'économie politique pure ou théorie de la richesse sociale. 4 ed. 1900, стр. 75); въ другомъ мѣстѣ онъ выражаетъ это слѣдующими словами „интенсивность послѣдней удовлетворенной потребности есть убывающая функція отъ количества потребленнаго товара" (тамъ же, стр. 466). Современный англійскій экономистъ-математикъ *F. Y. Edgeworth* принимаетъ, какъ постулатъ, что интенсивность потребности и полезность всегда убываютъ (Mathematical psychics. An essay on the applications of mathematics to the moral sciences 1881, стр 61). Онъ ссылается при этомъ на математиковъ, логиковъ, психологовъ и экономистовъ (тамъ же, стр. 61—2). То же признаніе общаго закона падающей настоятельности потребностей мы находимъ у *C. Menger*'а (Grundsätze, стр. 92—3) и у *Fr. Wieser*'а. Послѣдній отмѣчаетъ важное значеніе „закона насыщенія потребностей" (Gesetz der Bedürfnissättigung) и замѣчаетъ, что это общій законъ, „дѣйствующій для всѣхъ возбужденій, начиная съ голода и кончая любовью" (Über den Ursprung, стр 9). Въ статьѣ „Grenznutzen" онъ добавляетъ, „скала насыщенія потребностей очень не одинакова, для физическихъ потребностей она иная, чѣмъ для духовныхъ, періодическія потребности обнаруживаютъ отличія отъ постоянныхъ, но законъ насыщенія потребностей общъ, и во всѣхъ случаяхъ можно дойти до пресыщенія, при которомъ стремленіе къ чему-либо превращается въ противоположное чувство—въ желаніе избавиться отъ чего-либо и въ отвращеніе" (Hwb. d. Stwiss. 3. Aufl. 1910 V. Bd., стр. 57). Недавно рѣшительную защиту встрѣтилъ этотъ законъ со стороны *L. Brentano*. Законъ паденія интенсивности потребностей, по его словамъ, примѣнимъ, какъ къ физическимъ, такъ и къ духовнымъ потребностямъ; безграничность послѣднихъ состоитъ лишь въ томъ, что число и качество новыхъ потребностей не имѣетъ предѣла; но каждая старая потребность въ благахъ прежняго качества, насытима; удовольствіе отъ удовлетворенія ея падаетъ. При этомъ, такъ какъ даже физическія потребности

ощущеніе ростетъ медленнѣе (какъ логариомъ) раздраженія [1]). Нельзя, однако, не признать, что въ данномъ случаѣ трудно говорить даже о нѣкоторой очень отдаленной аналогіи. Никакого совпаденія съ логариѳмическимъ закономъ *Weber-Fechner*'а для паденія интенсивности потребностей установить нельзя, хотя-бы уже потому, что о точномъ измѣреніи потребностей, какъ мы увидимъ это дальше, нельзя пока говорить. Но кромѣ того, интенсивность потребностей то немногими скачками падаетъ до 0, то это паденіе разлагается на очень много ступеней [2]). Такое несовпаденіе не представляетъ ничего неожиданнаго, если принять во вниманіе различіе между тѣмъ, къ чему относится законъ *Weber*'а, и человѣческими потребностями. Первый говоритъ объ ощущеніи, которому предшествуетъ *внѣшнее* раздраженіе, потребности же могутъ возникать безъ всякаго внѣшняго раздраженія [3]).

человѣка проникнуты психическими рефлексами, то законъ падающей интенсивности потребностей дѣйствуетъ у человѣка особенно сильно; физическое пресыщеніе осложняется у человѣка психическими рефлексами (скука!) (Theorie der Bedürfnisse)

[1]) См *R. Kaulla* Die geschichtliche Entwicklung der modernen Werttheorien. стр. 248. Къ соціальной и экономической жизни законъ *Weber-Fechner*'а впервые, если не ошибаемся, приложенъ былъ *Fr. Lange* во 2-мъ изданіи его „Die Arbeiterfrage“ (1870; рус. пер. съ 3 изд. 1899, стр 88—9). Отсюда и *М Туганъ-Барановскій* заимствовалъ сопоставленіе закона падающей интенсивности потребностей и вытекающей изъ него падающей полезности съ психофизическимъ закономъ („Ученіе о предѣльной полезности хозяйственныхъ благъ, какъ причинѣ ихъ цѣнности“ въ Юридич Вѣстн. 1890, октябрь, стр. 213—4). Въ послѣднее время онъ, не отрицая связи между закономъ *Weber*'а и паденіемъ полезности благъ, высказался, однако, за то, что не паденіе полезности есть частный случай психофизическаго закона *Weber*'а, а, наоборотъ, этотъ послѣдній является частнымъ проявленіемъ общихъ процессовъ оцѣнки, въ силу которыхъ наше сознаніе, созданное естественнымъ подборомъ, все ниже расцѣниваетъ каждое послѣдующее ощущеніе, какъ менѣе необходимое для жизни (Основы, стр. 43—4) На аналогіи съ закономъ *Weber-Fechner*'а настаиваетъ и *L. Brentano*

[2]) О несоотвѣтствіи между паденіемъ интенсивности потребностей и логариѳмическимъ закономъ *Weber*'а говоритъ *Р. Орженцкій* (Ученіе объ экономическомъ явленіи, стр 327). Отрицаетъ соотвѣтствіе между ними и *Fr. Čuhel* (Zur Lehre von den Bedürfnissen, стр. 240 и 256—7). Правильности самого закона *Weber*'а, равно какъ вообще возможности выражать ощущенія математическими формулами мы не касаемся, хотя въ психологической литературѣ сдѣлано по этому поводу много критическихъ замѣчаній. См. *Ebbinghaus.* (*Г. Эббингаузъ*) Основы психологіи. Рус пер. 1911 Т. I. Вып 2, стр. 77—102.

[3]) На это различіе указываетъ въ очень интересной замѣткѣ *Max Weber* („Die Grenznutzenlehre und das «psychophysische Grundgesetz» въ Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik 27. Bd. 1908, стр. 546—58). Еще раньше на различіе между двумя разбираемыми законами указалъ русскій авторъ *В К. Дмитріевъ.*

Сама всеобщность закона падающей интенсивности потребностей въ настоящее время оспорена. Рядъ авторовъ указываетъ на то, что интенсивность потребности во многихъ благахъ для первыхъ количествъ мала или почти равна 0, затѣмъ она возрастаетъ, достигаетъ *maximum*'а и лишь для дальнѣйшихъ количествъ начинаетъ падать, опускаясь въ концѣ концовъ опять до 0. Это объясняется тѣмъ, что нѣкоторыя блага лишь въ опредѣленныхъ количествахъ могутъ удовлетворять извѣстныя спеціальныя потребности. Точно также лишь опредѣленныя количества нѣкоторыхъ благъ могутъ принести всю ту выгоду, которую ожидаетъ отъ нихъ лицо и ради которой оно ихъ желаетъ пріобрѣсти. Такъ, напримѣръ, потребность въ первомъ аршинѣ матеріи или очень мала или совершенно отсутствуетъ, почти такъ же ничтожна потребность въ слѣдующихъ аршинахъ, пока ихъ недостаточно для костюма; затѣмъ потребность въ послѣднемъ аршинѣ, необходимомъ для костюма, очень велика; а далѣе потребность въ слѣдующихъ аршинахъ рѣзко падаетъ. Всѣ эти факты требуютъ внесенія поправки въ общій законъ падающей интенсивности потребностей въ томъ смыслѣ, что дѣйствіе этого закона часто сказывается, лишь начиная съ извѣстныхъ количествъ благъ и обнаруживаетъ перерывы [1]).

Законъ *Fechner*'а, замѣчаетъ онъ, относится къ „чисто объективному (безъ всякой чувственной окраски) ощущенію", законъ же падающей полезности относится къ „чувству удовольствія" (Экономическіе очерки. Ч I. 1904, стр. 137). Въ этомъ замѣчаніи, однако, помимо гедонистической точки зрѣнія, нельзя считать правильнымъ признаніе ощущенія чѣмъ-то чисто объективнымъ, потому что во всѣхъ нашихъ ощущеніяхъ всегда много субъективнаго.

[1]) Эту поправку вносятъ: *J. Lehr* (Grundbegriffe, стр 139), *G Sulzer* (Die wirtschaftlichen Grundgesetze, стр 83—100), *W. Lexis* („Bedürfnis" въ HwB d. Stwiss. 3, Aufl 1909. II Bd, стр 739 и Allgemeine Volkswirtschaftslehre 1910, стр. 30) и *A Marshall*. Послѣдній приводитъ слѣдующіе примѣры возрастанія интенсивности потребностей: потребность въ 10-мъ кускѣ обоевъ слабѣе, чѣмъ въ 12-мъ, если для оклейки комнаты нужно 12 кусковъ; потребность въ очень короткомъ концертѣ или однодневномъ отдыхѣ можетъ быть меньше, чѣмъ въ удлиненіи ихъ въ 2 раза (Principles of economics. Vol I. Third edition. 1895, стр. 169). Такую же поправку вноситъ *F. Fetter* (Principles of economics, стр. 22) Подробно этого вопроса касается *U. Ricci* („Curve crescenti di ofelimità elementare e di domanda" въ Giornale degli economisti Vol XXIX 1904, стр. 112—38). Это не мѣшаетъ, однако, всѣмъ этимъ авторамъ признавать, что за этими и другими рѣдкими исключеніями въ общемъ дѣйствуетъ законъ падающей интенсивности потребностей въ предметахъ и связанной съ потребностями полезности предметовъ („the law of diminishing utility" или „of decreasing gratification", какъ его называетъ *Fetter*) Законъ этотъ, по словамъ *Ricci*, аналогиченъ закону убывающаго плодо-

Кромѣ того сдѣланы были указанія на то, что повторное удовлетвореніе извѣстной потребности нерѣдко влечетъ за собою не ослабленіе, а усиленіе данной потребности [1]). Фактъ этотъ, однако, не колеблетъ закона падающей интенсивности потребностей, такъ какъ законъ этотъ относится къ потребностямъ одного и того же лица, взятымъ въ одинъ опредѣленный моментъ времени, и предполагаетъ неизмѣнность въ теченіе этого момента вкусовъ, характера и потребностей разсматриваемаго лица. При указываемомъ же усиленіи потребностей берутся или разные люди, или одинъ и тотъ же человѣкъ, но въ разные моменты времени, съ измѣнившимися вкусами и потребностями [2])

родія почвы. Какъ тамъ встрѣчаются исключенія, показывающія, что данная затрата не использовала всего плодородія, и потому новая дастъ непропорціонально высокую выручку, такъ имѣются исключенія и въ области потребностей. Но эти исключенія лишь подтверждаютъ общее правило (указ. статья, стр. 137—8).

[1]) Сюда относится ссылка многихъ авторовъ на извѣстное житейское наблюденіе, отлившееся во французскую поговорку „l'appétit vient en mangeant", ссылка на то, что отощавшій человѣкъ слабѣе чувствуетъ потребность въ ѣдѣ, чѣмъ питавшійся регулярно, что потребность въ алкоголѣ и табакѣ у привычныхъ алкоголиковъ и курильщиковъ сильнѣе, чѣмъ у начинающихъ, что потребность въ удобной квартирѣ не ослабляется съ теченіемъ времени, а увеличивается, что потребность въ серьезной музыкѣ растетъ, когда мы ее часто слушаемъ, равно какъ ссылка на то, что извѣстныя количества мяса, хлѣба, молока, соли съѣдаются въ общемъ ежедневно съ одинаковымъ, а не падающимъ удовольствіемъ. Эти возраженія сдѣланы были *Valenti*, повторены они въ русской литературѣ *В. Ф. Залѣ-скимъ* (Ученіе о происхожденіи прибыли на капиталъ. Отд. 1. Ученіе о цѣнности. Вып. II. Часть критическая. 1893, стр. 133—4). При этомъ для *Залѣскаго* указанные факты совершенно опровергаютъ законъ падающей интенсивности потребностей и всю построенную на немъ теорію предѣльной полезности. На тѣ же факты указываетъ *R. v Schubert-Soldern* (Das menschliche Glück und die soziale Frage, стр. 166) и *U. Ricci* („Curve crescenti" въ Giornale d. ec. 1904, стр. 115—8), но эти авторы далеки отъ того вывода, какой дѣлаетъ *Залѣскій*.

[2]) Такъ, берутъ человѣка отощавшаго и нормально питающагося, берутъ потребность въ возбудителяхъ у даннаго лица въ первый періодъ куренія или употребленія алкоголя и потребность въ нихъ въ болѣе позднее время, послѣ того какъ постоянное введеніе возбудителей измѣнило человѣка и его потребности. См. объ этомъ *A. Marshall* (Principles, стр. 169). Аргументацію *Marshall'я* повторяетъ *Н. Шапошниковъ* (Теорія цѣнности и распредѣленія, стр. 14). *F. Cuhel* считаетъ, что въ такихъ случаяхъ наростаніе интенсивности потребности съ теченіемъ времени вызывается присоединеніемъ къ одной потребности въ данномъ благѣ новыхъ потребностей въ томъ же благѣ, отчего общая потребность въ немъ можетъ не ослабѣвать, а до извѣстнаго предѣла усиливаться (Zur Lehre von den Bedürfnissen, стр. 258—64). Такъ какъ измѣненіе потребностей съ теченіемъ времени является уже динамическимъ процессомъ, то правъ *S. Patten*, признающій положеніе о томъ, что „добавочныя части какого-либо блага даютъ потребителю меньше удов-

Надо, впрочемъ, сказать, что нѣтъ основаній отрицать возможности существованія потребностей неутолимыхъ, интенсивность которыхъ возрастаетъ, несмотря на увеличеніе количества блага, не только въ началѣ, но и позже [1]). Но такія потребности являются столь рѣдкими исключеніями, что въ общемъ теоретическомъ разсужденіи мы можемъ лишь въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ считаться съ ними. Всѣ же основные вопросы можно разсматривать, предполагая типичную форму потребностей, подчиненную дѣйствію «перваго закона *Gossen*'а».

§ 12. Нѣкоторыя другія свойства потребностей

Скала потребностей требуетъ еще слѣдующихъ разъясненій.

I. Каждую потребность мы понимаемъ, какъ конкретную потребность въ благахъ опредѣленнаго вида и качества. Поэтому потребности въ благахъ даже одного вида, но разнаго качества, мы считаемъ отдѣльными потребностями, обладающими каждая своею особою интенсивностью. То же надо сказать и относительно конкуррирующихъ потребностей, т. е. потребностей въ благахъ, могущихъ болѣе или менѣе полно замѣнять другъ друга (напримѣръ говядина и рыба, желѣзная дорога и пароходъ, электрическое, газовое и другое освѣщеніе и т. п.). При этомъ въ томъ случаѣ, еслибы извѣстное количество блага одного качества полностью замѣ-

---

летворенія, чѣмъ первыя части", вѣрнымъ только для статики хозяйства (Dynamic economics, стр 44). Отмѣченные факты, поэтому, колеблютъ не первое изъ приведенныхъ выше положеній *Gossen*'а, а лишь второе. Важнымъ же для насъ въ настоящемъ случаѣ является именно первое положеніе.

[1]) Такова, напримѣръ, ненасытная жажда денегъ (auri sacra fames) у скупца, собирающаго деньги ради нихъ самихъ. Прибавимъ, однако, здѣсь, что потребность въ деньгахъ не какъ въ таковыхъ, а какъ въ средствѣ для пріобрѣтенія другихъ благъ, вполнѣ подчиняется общему закону падающей интенсивности Отличіе денегъ состоитъ лишь въ болѣе медленномъ паденіи интенсивности потребности въ нихъ. Объясняется это, какъ правильно замѣчаетъ *Ch Gide*, „тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что деньги единственный видъ богатства, обладающій свойствомъ удовлетворять не одну опредѣленную потребность, а всѣ возможныя потребности; поэтому денегъ люди перестаютъ желать лишь тогда, если удовлетворены всѣ ихъ потребности, а это отодвигаетъ предѣлъ почти до безконечности" (Principes, стр. 43) Другимъ примѣромъ неутолимой потребности была бы потребность въ какихъ-либо предметахъ коллекціонера, собирающаго одни и тѣ же предметы въ возможно большемъ числѣ. Наконецъ, постоянно наростающей можетъ быть альтруистическая потребность въ оказаніи помощи ближнимъ. См. *H. Dietzel* („Klassische Werttheorie" въ Jahrb. f. Nök u. St. 1890, стр. 573) и *F Cuhel* (Zur Lehre von den Bedurfnissen, стр. 239).

няло для даннаго лица другое количество того же блага иного качества, потребности въ этихъ количествахъ благъ разнаго качества занимали-бы одно и то же мѣсто въ скалѣ потребностей этого лица. Такъ, еслибы 1 фунтъ перваго сорта какого-либо блага вполнѣ замѣнялъ 2 фунта второго сорта, и всѣ остальныя различія этихъ сортовъ не имѣли-бы значенія для лица, то потребности въ 1 фунтѣ перваго и 2 фунтахъ второго сорта занимали-бы въ скалѣ потребностей одно и то же мѣсто. Точно также, еслибы для даннаго лица 100 пуд. каменнаго угля вполнѣ замѣняли 250 пуд. дровъ, то потребности въ этихъ количествахъ разнаго топлива обладали-бы одной и той же интенсивностью. Надо только сказать, что такіе случаи полной замѣны и полнаго безразличія по отношенію ко всѣмъ особенностямъ разныхъ сортовъ благъ и разныхъ видовъ благъ рѣдки Для предметовъ непосредственнаго или личнаго потребленія такіе случаи почти невозможны, такъ какъ каждый сортъ блага. каждое отдѣльное конкуррирующее благо, помимо основного свойства, всегда обладаетъ тѣми или иными дополнительными свойствами, вслѣдствіе которыхъ потребность въ этомъ благѣ отличается по интенсивности отъ потребностей въ другихъ благахъ и другихъ сортахъ Каждая такая потребность занимаетъ особое мѣсто въ скалѣ потребностей [1])

II. Въ скалу потребностей входятъ лишь потребности въ предметахъ непосредственнаго или личнаго потребленія. потребности въ благахъ высшаго порядка, обслуживающихъ то, что называется техническимъ или промысловымъ потребленіемъ [2]), въ скалѣ потребностей, въ сущности говоря, не фигурируютъ. Онѣ прямо выводятся изъ потребностей въ предметахъ непосредственнаго потребленія. Напримѣръ, потребность въ домѣ занимаетъ такое-то мѣсто въ скалѣ моихъ потребностей; отсюда уже вытекаетъ мѣсто потребности въ опредѣленномъ количествѣ кирпича, извести, дерева и проч. Но сплошь и ря-

---

[1]) *C Menger* говоритъ по этому поводу слѣдующее: „равныя количества различныхъ по качеству благъ могутъ удовлетворять человѣческія потребности различнымъ образомъ или въ количественномъ или въ качественномъ отношеніи“ Въ первомъ случаѣ прямо большее количество худшихъ благъ равно меньшему количеству лучшихъ, во второмъ—въ скалѣ потребностей имѣется значеніе благъ каждаго качества (Grundsatze, стр. 115, 116—7).

[2]) Ср *W. Lexis* „Die volkswirtschaftliche Konsumtion“ въ Handbuch der politischen Oekonomie, herausgegeben von *G. Schönberg*. 4. Aufl 1896. I. Bd., стр 795).

домъ въ благахъ высшаго порядка также содержится извѣстный элементъ непосредственнаго потребленія. Мы часто относимся неодинаково къ разнымъ свойствамъ этихъ благъ. Тогда это субъективное отношеніе опредѣленнымъ образомъ отражается въ скалѣ потребностей. Напримѣръ, предпринимателю нравятся конюшни и сараи, крытые сѣрой черепицей, или такой-то фасадъ завода, или же онъ разсчитываетъ, что публикѣ будетъ нравиться такая-то отдѣлка помѣщенія банка, конторы, магазина и пр. Такъ даже въ сухую разсчетливую промысловую дѣятельность врывается субъективный элементъ, источникъ котораго лежитъ въ скалахъ потребностей людей. Учитывать это важно для пониманія многихъ явленій хозяйственной жизни. Въ нашемъ теоретическомъ построеніи мы, однако, вездѣ отвлекаемся отъ этого осложненія и вездѣ принимаемъ, что потребности въ благахъ высшаго порядка въ скалѣ потребностей отдѣльно не фигурируютъ, а непосредственно вытекаютъ изъ потребностей въ предметахъ личнаго потребленія.

Ш. По поводу предметовъ разнаго качества сдѣлано еще цѣнное наблюденіе американскимъ экономистомъ *J. B. Clark*'омъ. Онъ самъ относитъ его къ полезности и цѣнности предметовъ, но по существу своему оно должно быть отнесено къ потребностямъ въ предметахъ. *Clark* обращаетъ вниманіе на блага высшаго качества и подмѣчаетъ, что они расцѣниваются людьми, не какъ цѣльныя блага, а какъ собраніе нѣсколькихъ полезностей [1]). Для иллюстраціи своей мысли

[1]) „Богатство, какъ таковое, пишетъ *Clark*, употребляется ли оно для потребленія или для производства, можетъ быть разложено въ рядъ приращеній въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были бы выбраны потребителемъ, если бы они были куплены каждое въ отдѣльное время" (Distribution, стр. 217). „Это, добавляетъ онъ, рядъ воображаемый, такъ какъ такія приращенія нельзя отдѣлить и купить отдѣльно" (тамъ же). Тѣмъ не менѣе разложеніе въ такой рядъ играетъ весьма важную роль. Въ игнорированіи ея *Clark* видитъ ошибку обычнаго ученія о предѣльной полезности. Онъ согласенъ съ тѣмъ, что цѣнность устанавливается въ зависимости отъ предѣльной полезности, но: „Товары рѣдко включаются цѣликомъ въ предѣльныя, т. е устанавливающія цѣну, приращенія потребительнаго богатства.. Большинство товаровъ оказываетъ одновременно нѣсколько различныхъ услугъ. Вещь такого рода слѣдуетъ разсматривать, какъ связку различныхъ полезностей, сплетенныхъ вмѣстѣ тѣмъ, что онѣ заключены въ одномъ общемъ матеріальномъ предметѣ.... На дѣйствительномъ рынкѣ эти полезности измѣряются отдѣльно и цѣнность предмета является результатомъ всѣхъ этихъ измѣреній" (указ соч., стр. 228—9). При этомъ только одна изъ полезностей, составляющихъ товаръ, является настоящей предѣльной полезностью. Остальныя полезности пред-

Clark беретъ слѣдующій примѣръ. Нѣкто держитъ для своего развлеченія изящную лодку. Такая лодка представляетъ сложный предметъ, состоящій изъ цѣлаго ряда полезностей. Эти полезности располагаются слѣдующимъ образомъ въ порядкѣ ихъ важности.

«1 Способность держать человѣка на водѣ. Такимъ качествомъ обладаетъ и сухое дерево.

2. Способность перевезти человѣка черезъ глубокое водное пространство Ту же услугу можетъ оказать и гладкое бревно.

3 Способность доставить сухое и удобное помѣщеніе и сдѣлать возможной перевозку вещей. Это могъ бы выполнить простой челнокъ (dugout).

4. Способность быстро передвигаться и благополучно справляться съ волнами. Хорошо сдѣланная парусная лодка можетъ выполнить это.

5. Способность удовлетворять вкусу владѣльца. Ею обладаетъ изящно построенное судно, соотвѣтственнымъ образомъ раскрашенное и снаряженное»[1]).

Богатый человѣкъ, покупающій такую лодку, согласился бы, быть можетъ, заплатить за нее до 1000 долларовъ, если бы онъ измѣрялъ по своей индивидуальной расцѣнкѣ всѣ перечисленныя полезности лодки. Способность держать на водѣ онъ могъ бы цѣнить, напримѣръ, въ 500 долларовъ, способность перевозить въ 300. сухое помѣщеніе и возможность перевозить вещи въ 100, быстроту въ 75 и внѣшній видъ въ 25 долларовъ. Если бы этотъ покупатель былъ предѣльнымъ покупателемъ и продавалась лодка по оцѣнкѣ ея, взятой въ цѣломъ, то, говоритъ *Clark*, цѣна лодки была бы равна 1000 долларовъ. На самомъ же дѣлѣ такая лодка можетъ продаваться за 75 долларовъ. Объясняется это тѣмъ, что лишь послѣднее (5) качество лодки оцѣнивается по предѣльной оцѣнкѣ богатаго покупателя изящной лодки. Лишь оно, поэтому, является предѣльной полезностью этой лодки.

мета *Clark* называетъ „внутри-предѣльными“ (intra-marginal) Онѣ для потребителя благъ высокаго качества являются значительно болѣе высокими полезностями и не оказываютъ вліянія на цѣну предмета „Только тогда, заключаетъ *Clark*, если принципъ предѣльной полезности примѣняется отдѣльно къ каждой полезности онъ можетъ имѣть значеніе при опредѣленіи цѣнности этихъ товаровъ на дѣйствительномъ рынкѣ“ (тамъ же, стр. 229).

[1]) Distribution, стр. 238—9.

Другія качества оцѣниваются по предѣльнымъ оцѣнкамъ менѣе зажиточныхъ покупателей. Такъ, четвертое качество цѣнится по оцѣнкѣ предѣльнаго покупателя лодки, обладающей всего четырьмя качествами. Такая оцѣнка можетъ быть, напримѣръ, равна всего 20 долларамъ. Третье качество цѣнится по оцѣнкѣ предѣльнаго покупателя лодки, обладающей всего тремя качествами. Оцѣнка эта составляетъ, напримѣръ, 15 долларовъ. Точно также предѣльная оцѣнка 2-го и 1-го качества равна, напримѣръ, 10 и 5 долларамъ. Такимъ образомъ, при расцѣнкѣ благъ, обладающихъ нѣсколькими полезностями, каждая изъ этихъ полезностей расцѣнивается отдѣльно [1]). Этотъ законъ разложенія благъ высшаго качества на рядъ полезностей и отдѣльной расцѣнки каждой полезности получилъ названіе «закона *Clark*'а» [2]). Законъ этотъ занимаетъ, на нашъ взглядъ, такое же мѣсто въ области ученія о полезности, какое въ ученіи *D. Ricardo* о поземельной рентѣ занимаетъ третій случай дифференціальной ренты, а именно, ренты отъ

---

[1]) Изложенное ученіе *Clark* повторяетъ въ позднѣйшей работѣ (Essentials, стр. 101—113). „Предметъ, говоритъ онъ здѣсь, составленный изъ нѣсколькихъ полезностей, расцѣнивается совершенно такимъ путемъ, какимъ получаетъ свою оцѣнку собраніе разныхъ благъ. Полезности эти расцѣниваются отдѣльно“ (стр 103). Для примѣра онъ беретъ пальто. Модное пальто совмѣщаетъ въ себѣ:

1) простое пальто, защищающее насъ отъ холода,
2) особыя качества, получающіяся отъ лучшей матеріи,
3) то-же, получающееся отъ хорошей подкладки,
4) особое удовлетвореніе отъ моднаго покроя.

Если бы модное пальто оцѣнивалось цѣликомъ, то оцѣнка его была бы очень высока, такъ какъ покупающіе такое пальто богатые люди готовы были бы заплатить очень дорого за защиту ихъ отъ холода. Но каждое свойство этого пальто расцѣнивается отдѣльно Поэтому по расцѣнкѣ богатаго покупателя цѣнится лишь послѣднее свойство моднаго пальто

[2]) Такое названіе (*Clark's law*) даетъ ему *E. Seligman*, хотя онъ и не совсѣмъ ясно формулируетъ этотъ законъ. „.. предѣльная полезность, пишетъ онъ (а, слѣдовательно, и цѣнность), зависитъ не отъ товара, какъ цѣлаго, но отъ предѣльныхъ приращеній богатства въ товарѣ“ (Principles of economics, стр. 185). Для иллюстраціи этого закона *Seligman* беретъ автомобиль (тамъ же, стр. 186—7). Повторяетъ законъ *Clark*'а и *B. Anderson* (Social value, стр. 32—3) Подробно излагаетъ его въ русской литературѣ *Н. Шапошниковъ*, заимствуя примѣръ у *Seligman*'а (Теорія цѣнности и распредѣленія, стр. 20—24). Еще раньше, не называя *Clark*'а, говоритъ о томъ же *В. Войтинскій*. Онъ вводитъ, однако, ненужное понятіе „единицы“ сложнаго блага, понимая подъ единицей каждое свойство, покупаемое за единицу денегъ; такъ, напримѣръ, дорогой письменный столъ онъ разлагаетъ на 10 такихъ „единицъ“ (Рынокъ и цѣны, стр. 100—5)

первыхъ, наиболѣе выгодныхъ затратъ труда и капитала, вложенныхъ въ участокъ земли [1]). Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ австрійская школа говорила о самой низшей, «предѣльной», и болѣе высокихъ полезностяхъ *разныхъ* единицъ одного и того же блага. *Clark* говоритъ о низшей, «предѣльной», и болѣе высокихъ полезностяхъ *одной и той же* единицы блага. Какъ по *Ricardo* даже въ самый худшій, «предѣльный», участокъ можетъ быть вложено нѣсколько послѣдовательныхъ затратъ, дающихъ разныя издержки производства, и изъ этихъ издержекъ только самыя высокія, «предѣльныя», опредѣляютъ цѣну продукта, такъ по *Clark*'у послѣдняя, «предѣльная», единица блага высокаго качества имѣетъ свои высшія и самую низкую, «предѣльную», полезность. При этомъ, какъ видно изъ тѣхъ примѣровъ, которыми *Clark* и другіе авторы иллюстрируютъ этотъ законъ, онъ относится не только къ разнымъ сортамъ одного и того же блага, но и къ предметамъ совершенно различнымъ, если только они удовлетворяютъ одной общей групповой потребности.

Мы изложили законъ *Clark*'а въ настоящей главѣ, хотя онъ имѣетъ въ виду не потребности, а полезность и цѣнность. Сдѣлали мы это потому, что законъ этотъ относится прежде всего къ потребностямъ и весьма важенъ для ученія о потребностяхъ. Въ приложеніи къ послѣднимъ онъ можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: потребность въ благѣ высшаго качества представляетъ собою цѣлый рядъ потребностей въ отдѣльныхъ свойствахъ этого блага, съ особой для каждой изъ нихъ интенсивностью. Этимъ отмѣчается важное свойство потребностей. Оно сказывается на томъ порядкѣ, въ которомъ человѣкъ удовлетворяетъ свои потребности. Порядокъ этотъ будетъ одинъ въ томъ случаѣ, если человѣкъ всѣ составныя части потребности въ благѣ высокаго качества ощущаетъ отдѣльно, и другой, если потребность эта ощущается, какъ нѣчто цѣльное. Иллюстрировать нашу мысль можно слѣдующимъ примѣромъ. Пусть потребность какого-либо лица въ различныхъ экипажахъ идетъ, усиливаясь, въ такомъ порядкѣ: простая телѣга—фаэтонъ—автомобиль. Пусть, далѣе, телѣга стоитъ 100 руб., фаэтонъ—1000 руб. и автомобиль—5000 руб. Если бы потребность въ фаэтонѣ, совмѣщающемъ

---

[1]) *D. Ricardo.* Principles of political economy and taxation. Edited by *Gonner*. London. 1903, стр. 48—9 (рус пер *Н. Зибера* 1882 стр 31—2)

въ себѣ свойства телѣги и удобства фаэтона, ощущалась, какъ нѣчто цѣльное, или, если бы потребность въ автомобилѣ ощущалась, какъ цѣльная потребность, въ которой неразрывно соединены и потребность въ телѣгѣ и въ удобствѣ фаэтона и въ быстротѣ автомобиля, то люди сравнительно очень быстро переходили бы къ покупкѣ фаэтона и автомобиля. Такъ, представимъ себѣ, что за тѣ-же 5000 руб., которыя надо заплатить за автомобиль, можно выстроить дачный домъ, но потребность нашего лица въ этомъ домѣ нѣсколько слабѣе, нежели потребность въ автомобилѣ, взятая въ цѣломъ. Тогда при условіи, что потребности во всѣхъ свойствахъ автомобиля ощущаются нераздѣльно въ видѣ цѣльной потребности, наше лицо отдастъ предпочтеніе автомобилю. Иное, если потребности въ отдѣльныхъ свойствахъ автомобиля ощущаются отдѣльно. Такъ, предположимъ, что потребность въ автомобилѣ разлагается на слѣдующія части.

потребность въ простой телѣгѣ—удовлетвореніе ея стоитъ 100 руб..

потребность въ добавочныхъ качествахъ фаэтона—удовлетвореніе ея стоитъ 900 руб.,

потребность въ особыхъ добавочныхъ свойствахъ автомобиля—удовлетвореніе ея стоитъ 4000 руб.

При такихъ условіяхъ наше лицо сильно задумается надъ тѣмъ, платить ли ему за то небольшое добавочное удовлетвореніе, которое доставитъ ему автомобиль, значительную сумму въ 4000 руб., или же удовольствоваться фаэтономъ, но выстроить дачный домъ. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ при такомъ выборѣ совершенно ясна будетъ бо́льшая выгодность фаэтона + домъ, нежели автомобиля. Автомобиль при этихъ условіяхъ пріобрѣтается лишь тѣмъ, у кого потребность въ особыхъ *добавочныхъ* по сравненію съ фаэтономъ удобствахъ автомобиля. сопоставленная съ необходимою *добавочною* затратой, оказывается сильнѣе, нежели потребность въ другихъ предметахъ, которые можно купить за эту сумму. Конечно, при такихъ условіяхъ человѣкъ гораздо позже, при несравненно большемъ достаткѣ согласится перейти отъ фаэтона къ автомобилю. Наблюденіе надъ поведеніемъ людей вполнѣ подтверждаетъ это: люди именно такъ и поступаютъ. Законъ *Clark*'а, вскрывающій своеобразное свойство человѣческихъ потребностей, даетъ ключъ къ пониманію такого поведенія.

IV. Наконецъ, необходимо отмѣтить еще одно свойство человѣческихъ потребностей. Когда мы въ § 10 говорили о скалѣ потребностей, мы приняли, что интенсивность потребности въ каждомъ благѣ зависитъ лишь отъ количества одного этого блага. На самомъ дѣлѣ зависимость въ данномъ случаѣ сложнѣе. Потребность въ данномъ благѣ зависитъ не только отъ количества этого блага, но и отъ количествъ другихъ благъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что многія наши потребности мы ощущаемъ не независимо другъ отъ друга, а связанными въ извѣстныя группы или сочетанія [1]).

[1]) На эту связь впервые, если не ошибаемся, обратилъ вниманіе *J. v. Komorzynski*, отмѣтившій, что „всѣ блага, взятыя вмѣстѣ, такъ связаны другъ съ другомъ взаимными отношеніями, что они не могутъ быть противопоставлены отдѣльно или отдѣльными группами отдѣльнымъ потребностямъ, какъ средства для ихъ удовлетворенія, а только всѣ вмѣстѣ общему удовлетворенію потребностей, какъ средство для послѣдняго“ (Der Werth in der isolierten Wirthschaft, стр 4—5). Какъ видимъ, здѣсь даже преувеличена эта зависимость На этомъ и построено особое возраженіе *Komorzynski Menger*'у въ вопросѣ о цѣнности Позже на отмѣченную связь указали *W Lexis* и *A. Voigt*. *Lexis* говоритъ, что обычно принимаютъ, будто субъективная полезность (а, слѣдовательно, и потребность) есть функція только количества каждаго отдѣльнаго блага Но это не такъ, на нее вліяетъ весь комплексъ потребленія. „Если бы, пишетъ онъ, вообще субъективныя полезныя дѣйствія различныхъ благъ можно было выражать математически, то при такомъ выраженіи приходилось бы для каждаго лица пользоваться функціями многихъ перемѣнныхъ, а именно, количествъ и цѣнъ всѣхъ благъ, входящихъ въ составъ потребленія даннаго лица, равно какъ дохода этого лица“ („Grenznutzen“ въ Hwb. d. Stw. 1. Aufl. 1. Supplbd., стр. 429); *Voigt* замѣчаетъ: „Полезность блага для хозяйства (а, слѣдовательно, и потребность въ этомъ благѣ. *А. Б.*) зависитъ вообще не только отъ самого этого блага, а и отъ прочихъ благъ, уже имѣющихся въ распоряженіи хозяйства“ („Der ökonomische Wert“ въ Zschr f. d. ges. Stwiss. 48. Bd, стр. 209) Онъ употребляетъ для связанныхъ такимъ путемъ благъ особый терминъ, называя ихъ „экономической группой благъ“. О томъ же говоритъ *Ch Gide*, повторяя слѣдующія образныя слова *Tarde*'а „Благополучіе, преслѣдуемое хозяйственной дѣятельностью, состоитъ не изъ соло, а изъ хора потребностей, гармонично удовлетворяемыхъ“ (Principes, стр. 41) Такъ, обѣдъ требуетъ: стола, стула, салфетки, скатерти, стакановъ, ножей, вилокъ, а для максимума удовлетворенія—напримѣръ, на банкетахъ—цвѣтовъ, освѣщенія, хрусталя, туалетовъ, музыки и пр (тамъ же). *J. Fisher* даетъ этой зависимости математическую формулировку и говоритъ, что въ I части своей работы онъ для простоты принимаетъ полезность блага за функцію отъ количества одного этого блага; напримѣръ, U= =f(A). Но это только „первое приближеніе“, и потому далѣе онъ разсматриваетъ полезность, какъ функцію отъ количествъ всѣхъ благъ; напримѣръ, U=f(A, B, C...M) (Mathematical investigations in the theory of value and prices. Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences. Vol. IX Part 1. 1892, стр. 64). Ср также *V. Pareto* (Manuel, стр. 159). О такихъ же групповыхъ потребностяхъ

При этомъ зависимость между потребностями въ разныхъ благахъ можетъ быть двоякая: потребности могутъ усиливать или ослаблять другъ друга. Къ первому виду относится зависимость между потребностями въ массѣ тѣхъ благъ, которыя мы предпочитаемъ потреблять вмѣстѣ; возьмемъ, напримѣръ, супъ и соль; моя потребность въ соли усиливается при наличности супа и наоборотъ. Частнымъ случаемъ и крайней формой такихъ *гармоническихъ* потребностей являются потребности въ дополняющихъ другъ друга (комплементарныхъ) благахъ, которыя совершенно не нужны одни безъ другихъ; напримѣръ, потребности въ перѣ, чернилѣ и бумагѣ или въ печи и топливѣ. Ко второму виду зависимости относится зависимость между потребностями въ такихъ благахъ, совмѣстное потребленіе которыхъ намъ нежелательно; напримѣръ, чай и соль. Частнымъ случаемъ и крайней формой такихъ *антагонистичныхъ* потребностей являются потребности въ благахъ конкуррирующихъ и замѣняющихъ другъ друга (субституціонныхъ); напримѣръ, если я хочу носить дорогое пальто, то мнѣ

говоритъ *S. Patten*. Онъ пишетъ: „*Bentham* также (такъ же, какъ и *Jevons*) предполагаетъ, что каждое удовольствіе различно и что удовольствія и огорченія, сопровождающія каждый поступокъ, могутъ быть легко отдѣлены отъ послѣдствій всякаго другого поступка. Современные экономисты.. отрицаютъ это предположеніе. Блага, на которыя они указываютъ, потребляются группами, и полезность отдѣльныхъ предметовъ должна измѣряться въ той группѣ, часть которой они составляютъ“ („Cost and utility“ въ Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol III. 1893. January, стр 420) Съ групповымъ характеромъ многихъ потребностей *Patten* связываетъ тотъ извѣстный фактъ, на который обращаетъ вниманіе *Wieser* и другіе авторы, фактъ, что сумма цѣнностей членовъ группы, взятыхъ отдѣльно, больше цѣнности всей группы, взятой цѣликомъ Но объ этомъ во второй части работы Еще дальше идетъ *A. C. Pigou* Ссылаясь на *Cunyngham'a*, онъ говоритъ не только о вліяніи на полезность какого-либо блага запаса другихъ благъ у даннаго лица, но и о вліяніи на его полезность запаса даннаго блага у другихъ лицъ, особенно у ближайшихъ сосѣдей. По его мнѣнію полезность даннаго количества какого-либо блага для даннаго лица можетъ быть выражена такъ:

$$U = F\{Q_1, Q_2, Q_3, Q_4, K(ab)\}$$

При этомъ U есть полезность, Q_1—количество даннаго блага у взятаго лица, Q_2—количество дополнительныхъ благъ, Q_3—количества замѣняющихъ благъ, Q_4—количества всѣхъ другихъ благъ у того же лица, K(ab)—сумма запасовъ даннаго блага у сосѣдей, полученная путемъ учета запасовъ его у разныхъ лицъ (a) и степени близости этихъ лицъ къ данному лицу (b) („Some remarks on utility“ въ The Economic Journal. Vol III. 1893 March, стр 59—62)

не нужно дешевое, или, если у меня въ квартирѣ электричество, то мнѣ не нуженъ керосинъ [1]).

Въ дальнѣйшемъ мы будемъ, однако, исходить изъ упрощенной скалы потребностей, игнорируя въ цѣломъ рядѣ случаевъ указанную связь между отдѣльными потребностями. Лишь иногда мы принимаемъ ее во вниманіе; напримѣръ, при разсмотрѣніи потребностей въ дополняющихъ другъ друга благахъ. При такомъ упрощеніи скалы потребностей мы руководимся правиломъ, что теоретическое изслѣдованіе должно начинать съ простѣйшаго и лишь постепенно вводить осложняющія условія. Такимъ «первымъ приближеніемъ» къ дѣйствительности считаемъ мы скалу потребностей, гдѣ интенсивность потребности въ каждомъ благѣ зависитъ только отъ количества этого блага. Для пониманія самыхъ основныхъ явленій расцѣнки хозяйственныхъ благъ такой скалы потребностей достаточно [2]).

§ 13 Второй законъ Gossen'a.

Въ § 10 нами изложенъ способъ непосредственнаго убѣжденія въ количественной сравнимости потребностей по ихъ интенсивности. Способъ этотъ даетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность опредѣлять, какая потребность у даннаго лица въ данное время при данныхъ условіяхъ болѣе интенсивна и какая—менѣе.

[1]) Объ этихъ двухъ видахъ зависимости говорятъ *Pareto* (Manuel, стр. 251—2) и *Fisher*. Послѣдній даетъ даже графическія изображенія этихъ зависимостей (Mathematical investigations in the theory of value, стр. 70—1). Точно также *Patten*, излагая свой „законъ гармоніи" потребленія (см. выше стр 32), указываетъ на то, что гармоническая комбинація благъ повышаетъ полезность группы, дисгармоничная понижаетъ ее (Dynamic economics, стр 41—2).

[2]) Вотъ почему мы не можемъ согласиться со слѣдующимъ замѣчаніемъ *O Neurath'a*: „... вездѣ въ національной экономіи, гдѣ оперируютъ съ величинами удовольствія, надо принимать во вниманіе общее удовольствіе. Чтобы быть послѣдовательными, мы должны всегда оперировать съ цѣлыми системами и избѣгать говорить о цѣнности отдѣльныхъ предметовъ" („Nationalökonomie und Wertlehre, eine systematische Untersuchung" въ Zschr. f. Volksw., Sozpol u. Verw. XX. Bd. 1911, стр. 107). До чего такой пріемъ нецѣлесообразенъ—это видно изъ примѣра самого *Neurath'a*. Онъ беретъ только 6 благъ и притомъ только сочетанія этихъ благъ по два, и то получается сложнѣйшая таблица въ 3 страницы (109—111). Такъ какъ вычислять конкретно все равно пока мы ничего не въ состояніи, то такое усложненіе проблемы совершенно не нужно. Оно только лишаетъ изслѣдователя возможности прійти къ какимъ-либо яснымъ основнымъ выводамъ

Но отношенія $>$ и $<$ это все, что можно получить на основаніи наблюденія потребленія и выбора. Ничего больше мы выяснить не въ состояніи. Въ частности мы не можемъ этимъ путемъ установить *равенства* интенсивности двухъ или нѣсколькихъ потребностей. О равенствѣ силы потребностей мы могли бы заключить лишь въ томъ случаѣ, если бы лицо находилось въ колебаніи и не было въ состояніи произвести выбора [1]). Но мы этого колебанія уловить не можемъ. Наблюденіе надъ своимъ психическимъ состояніемъ или разспросы другихъ лицъ не даютъ возможности установить полнаго равенства влеченій. Наблюдая же составъ потребленія, какъ своего, такъ и другихъ людей, и опредѣляя на основаніи его силу потребностей, мы вездѣ имѣемъ дѣло съ уже совершившимся выборомъ. А разъ сдѣланъ выборъ, значитъ, одна потребность интенсивнѣе другой.

Точно также на основаніи состава потребленія еще ничего нельзя сказать относительно сравнительной интенсивности потребностей въ послѣднихъ потребленныхъ единицахъ разныхъ благъ. Такъ, если 1 A и 1 B стоитъ по 1 руб. и лицо потребило

$$3\ A + 2\ B.$$

то на основаніи этого, какъ мы уже говорили, можно сказать, что для этого лица $A_3 > B_3$ и $B_2 > A_4$. Но сказать, какъ относятся

---

[1]) Такой случай предполагаетъ *J. Fischer*, когда говоритъ, что полезность A единицъ одного блага равна для даннаго лица въ данное время полезности B единицъ другого блага, если лицо *не желаетъ* лишиться одного блага ради другого, аналогично тому, какъ двѣ противоположныя силы равны, если онѣ не измѣняютъ положенія тѣла (Mathematical investigations in the theory of value, стр. 12) Этотъ же случай беретъ *Pareto*, когда строитъ свои „линіи безразличія“ (Manuel, стр. 168). О немъ же говоритъ *Ricci*. Если, говоритъ онъ, человѣкъ колеблется, что ему выбрать, то мы говоримъ о безразличіи, и, слѣдовательно, два такихъ удовольствія равны. Если человѣкъ не можетъ сдѣлать выбора между a и b, и удовольствія, доставляемыя ими, обозначимъ черезъ Φ и Ψ, то мы можемъ сказать, что $\Phi = \Psi$ Если человѣкъ не можетъ сдѣлать выбора между a + b и c (напримѣръ, яблоко + персикъ или апельсинъ), то мы вправѣ сказать, что для этого человѣка $\Theta = \Phi + \Psi$ („La misurabilità del piacere“ въ Giorn d econ. Vol. XXX. 1905, стр. 29—30). Точно также *Cuhel*, пользуясь аналогіей съ вѣсами, замѣчаетъ, что если ни одна чашка вѣсовъ не падаетъ, то вѣсъ считаютъ одинаковымъ; то же самое и здѣсь—если воля не склоняется ни къ одной потребности, то ихъ сила равна (Zur Lehre von den Bedürfnissen, стр. 179).

другъ къ другу интенсивности потребностей въ послѣднихъ потребленныхъ единицахъ A и B, т. е. въ A_3 и B_2, на основаніи приведеннаго состава потребленія мы не въ состояніи. Потребность въ A_3 можетъ быть по силѣ равна потребности въ B_2, но можетъ быть сильнѣе, или слабѣе ея. Узнать послѣднее мы могли бы, наблюдая другой составъ потребленія того же лица. Такъ, если бы вслѣдствіе сокращенія средствъ это лицо потребило всего

$$2\ A + 2\ B,$$

то мы могли бы сказать, что $A_3 < B_2$, ибо, сжимая свои расходы, лицо предпочло отказаться отъ A_3, а не отъ B_2. Такимъ образомъ, разсмотрѣннымъ путемъ мы не можемъ установить *равенства* силы двухъ или нѣсколькихъ потребностей Это равенство можетъ имѣть мѣсто, но уловить его, поскольку мы пользуемся для этого наблюденіями надъ потребленіемъ людей, мы не можемъ. А между тѣмъ, сужденія на основаніи состава потребленія, это единственный доступный пока для насъ способъ узнавать сравнительную интенсивность потребностей. Если же все это такъ, то, слѣдовательно, мы пока нигдѣ не въ силахъ выйти за предѣлы отношеній $>$ и $<$ и добраться до отношеній $=$. Это положеніе, богатое многими выводами, о которыхъ рѣчь впереди.

Такое воззрѣніе идетъ въ разрѣзъ съ однимъ положеніемъ, давно выставленнымъ въ экономической литературѣ. Положеніе это впервые формулировано *Gossen*'омъ и получило отъ *Lexis*'а [1]), въ отличіе отъ разобраннаго нами въ § 11 перваго закона *Gossen*'а, названіе «второго закона *Gossen*'а». Сущность этого закона состоитъ въ слѣдующемъ. Человѣкъ, пользующійся свободой выбора и руководящійся стремленіемъ къ maximum'у удовлетворенія, распредѣлитъ свое потребленіе такъ, что *послѣднія* доли потребностей во всѣхъ благахъ, удовлетворяемыя при помощи одинаковыхъ затратъ, будутъ *равной* интенсивности [2]). Законъ этотъ съ замѣной послѣдней доли потребно-

---

[1]) „Grenznutzen“ въ Hwb. d. Stw 1. Aufl. 1. Supplbd.

[2]) *Gossen* формулируетъ этотъ законъ такъ: человѣкъ, которому предоставленъ свободный выборъ между нѣсколькими наслажденіями, но не имѣющій времени на пользованіе всѣми ими полностью, какъ бы ни были различны начальныя величины этихъ наслажденій, ради полученія *maximum*'а удовлетворенія распредѣлитъ разныя наслажденія такъ, „чтобы величина всѣхъ наслажденій въ тотъ моментъ, когда будетъ оборвано полученіе ихъ, была одинакова“ (Entwicklung

сти понятіемъ *предѣльной* полезности или другими аналогичными понятіями воспринятъ всѣми экономистами-математиками; на немъ построены всѣ уравненія въ ихъ экономическихъ системахъ [1]). При помощи второго закона *Gossen*'а экономисты-математики подходятъ между прочимъ и къ отысканію равенства потребностей, того равенства, къ которому, какъ мы видѣли, нельзя прійти при помощи непосредственнаго вывода изъ состава потребленія.

Такъ, напримѣръ, если этотъ законъ вѣренъ, то на основаніи потребленія какимъ-либо лицомъ

$$3\,A + 2\,B$$

der Gesetze des menschlichen Verkehrs, стр 12) Точно такое, говоритъ *Gossen* дальше, „человѣкъ такъ долженъ распредѣлять свое время и свои силы между доставленіемъ себѣ различныхъ наслажденій, чтобы цѣнность послѣдняго созданнаго атома каждаго наслажденія была равна той тягости, которая была бы причинена человѣку, если бы онъ создавалъ этотъ атомъ въ послѣдній моментъ развитія своей силы“ (тамъ же, стр 33) *Sulzer* (Die wirtschaftlichen Grundgesetze, стр. 106) приписываетъ установленіе этого закона *Jevons*'у, но, если отбросить введеніе въ этотъ законъ предѣльной полезности, то *Jevons* только повторяетъ сказанное много раньше *Gossen*'омъ

[1]) Такъ, *Jevons* всю свою теорію обмѣна строитъ на томъ, что предѣльныя полезности всѣхъ потребляемыхъ товаровъ для каждаго хозяйства прямо пропорціональны ихъ цѣнамъ *Walras* слѣдующимъ образомъ формулируетъ второй законъ *Gossen*'а: „Если даны на рынкѣ два товара, то максимальное удовлетвореніе потребностей или *maximum* дѣйствительной полезности имѣетъ мѣсто для каждаго владѣльца товара тогда, если отношеніе интенсивностей послѣднихъ удовлетворенныхъ потребностей или отношеніе ихъ рѣдкостей равно цѣнѣ“ (Éléments, стр. 82). Замѣтимъ, что терминъ „рѣдкость“ у *Walras* замѣняетъ терминъ „предѣльная полезность“. Но при этомъ *Walras* оговаривается, что изложенный законъ проявляетъ свое дѣйствіе лишь при непрерывности кривыхъ потребностей (тамъ же, стр 84—6). *W. Launhardt* также въ качествѣ основного положенія выставляетъ положеніе, что владѣлецъ „получаетъ *maximum* удовлетворенія тогда, если каждое благо, находящееся въ составѣ его имущества, обладаетъ равной Preiswurdigkeit“ (Mathematische Begründung der Volkswirtschaftlehre 1885, стр. 47—8). „Preiswürdigkeit“ обозначаетъ у него „частное отъ дѣленія предѣльной полезности (Nützligkeitsgrad) на цѣну единицы блага“ (тамъ же, стр. 17). Но *Launhardt* оговаривается, что установленіе такого „равновѣсія въ бюджетѣ“ при незначительномъ доходѣ не осуществимо. Бѣднякъ прежде всего тратитъ столько на пищу, сколько необходимо для жизни, не удовлетворяя вовсе многихъ другихъ потребностей (стр. 65). Русскіе экономисты-математики также признаютъ второй законъ *Gossen*'а; признаніе его находимъ у *В. К Дмитріева* (Экономическіе очерки. Серія 1-ая. 1904, стр. 127—8), его имѣетъ въ виду *Войтинскій* (Рынокъ и цѣны, стр 116, 120), его признаетъ *Шапошниковъ* (Теорія цѣнности и распредѣленія, стр. 7—8).

мы вправѣ сказать, что для этого лица $A_3 = B_2$, т. е. интенсивность потребности въ A_3 и въ B_2 одинакова. Открывается, такимъ образомъ, возможность устанавливать равенство двухъ и нѣсколькихъ потребностей.

Но противъ второго закона *Gossen*'а цѣлымъ рядомъ экономистовъ сдѣланы возраженія, съ которыми нельзя не считаться.

Возражающіе обращаютъ вниманіе на то, что этотъ законъ противорѣчитъ фактамъ. Люди, говорятъ эти авторы, вовсе не обрываютъ удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей на одинаковомъ уровнѣ интенсивности. Наоборотъ, болѣе элементарныя потребности люди удовлетворяютъ полностью, доходя до полнаго насыщенія, другія же потребности обрываютъ на очень высокой степени интенсивности. Кромѣ того, будь интенсивность послѣднихъ удовлетворенныхъ потребностей всегда одинакова, при *всякомъ* измѣненіи бюджета должно измѣняться потребленіе *всѣхъ* благъ: при увеличеніи бюджета потребленіе всѣхъ ихъ должно расширяться, при сокращеніи бюджета—*сжиматься*. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не происходитъ [1]).

[1]) Первымъ выступилъ съ критикой второго закона *Gossen*'а *Lexis*, сперва въ статьѣ „Grenznutzen" въ дополнительномъ томѣ къ 1 изданію Handw. d. Stw (1. Supplbd., стр. 427—8), потомъ въ статьѣ „Konsumtion" въ послѣдующемъ изданіи того же словаря. Въ этой послѣдней статьѣ онъ между прочимъ пишетъ: „Раньше всего положенію *Gossen*'а противорѣчитъ тотъ общеизвѣстный фактъ, что каждый человѣкъ, даже съ очень умѣреннымъ доходомъ, снабжаетъ себя однѣми благами или предметами потребленія, напримѣръ, хлѣбомъ, мясомъ, топливомъ, до полнаго удовлетворенія; по отношенію же къ другимъ благамъ онъ налагаетъ на себя болѣе или менѣе непріятно ощущаемыя ограниченія.. Если его доходъ увеличится, то... онъ позволитъ себѣ еще большее число видовъ потребленія довести до полнаго насыщенія, въ другихъ видахъ онъ дойдетъ до болѣе низкой предѣльной полезности и снабдитъ себя до извѣстной степени нѣкоторыми новыми предметами потребленія, которые раньше были для него недоступны. Точно также, если кто-либо потеряетъ, напримѣръ, половину своего дохода, составляющаго 10.000 марокъ, то онъ не измѣнитъ изъ за этого *всего* порядка потребленія, и обыкновенные предметы, необходимые для жизни, онъ будетъ продолжать потреблять до точки насыщенія" (Hwb d. Stw. 3 Aufl. 1910. VI Bd., стр. 119). О томъ же пишетъ *Wieser*: „Можно говорить о „хозяйственномъ уровнѣ", объ общемъ состояніи образа жизни, которое предписывается во всѣхъ отрасляхъ каждому бюджету особыми величинами потребностей хозяйства и находящимися въ его распоряженіи средствами. Но было-бы ошибкой—которую сдѣлали почти всѣ писатели, занимавшіеся этимъ предметомъ, и особенно *Jevons*—полагать, что во всѣхъ отрасляхъ расходовъ должна быть удержана совершенно равная степень удовлетворенія, равный уро-

Отмѣченное несоотвѣтствіе закона *Gossen*'а съ жизнью обусловливается тѣмъ, что очень многія человѣческія потребности и хозяйственныя блага недѣлимы или дѣлимы очень неполно. Вслѣдствіе этого интенсивность потребностей весьма часто падаетъ не непрерывно, а скачками, образуя большіе или меньшіе перерывы. Между тѣмъ о доведеніи удовлетворенія всѣхъ потребностей до одинаковаго уровня можно говорить лишь при полной дѣлимости. Для полученія одинаковаго уровня необходимы: 1) безконечная дѣлимость всѣхъ потребностей, т. е. такой ихъ характеръ, при которомъ потребность въ каждомъ слѣдующемъ безконечно маломъ количествѣ каждаго блага менѣе интенсивна, нежели потребность въ предыдущемъ такомъ же количествѣ этого блага, другими словами, необходимо, чтобы интенсивность каждой потребности была непрерывной функціей отъ количества потребляемаго блага, 2) полная дѣлимость хозяйственныхъ благъ, ибо сама потребность можетъ быть дробима, но если нельзя добыть долей благъ, то доведеніе всѣхъ потребностей до одинаковой интенсивности все равно окажется невозможнымъ. Лишь при наличности этихъ условій получится равный уровень удовлетворенія всѣхъ потребностей. Это равенство возможно только тогда, если хозяинъ находитъ смыслъ и въ состояніи расширять и сжимать удовлетвореніе каждой потребности на любую самую малую величину. Если этого нѣтъ — второй законъ *Gossen*'а не можетъ проявить своего дѣйствія. А этого именно нѣтъ [1]).

вень, равная предѣльная полезность. Это противорѣчитъ природѣ потребностей, которыя вовсе не имѣютъ однообразной скалы насыщенія; каждая потребность имѣетъ свою особую скалу. Если такъ понимать уровень бюджета, то каждое увеличеніе дохода, полученное кѣмъ-либо, должно равномѣрно отразиться на всѣхъ отрасляхъ его расходовъ въ видѣ соотвѣтственнаго расширенія ихъ" (Ursprung, стр. 13—4) Между тѣмъ этого въ дѣйствительности не происходитъ.

[1]) *Wicksteed* объясняетъ ошибочность второго закона *Gossen*'а тѣмъ, что. 1) реальныя блага не безконечно дѣлимы, и мы сплошь и рядомъ оказываемся передъ необходимостью купить еще *опредѣленное количество* блага или вовсе не покупать его, 2) наши духовные и тѣлесные органы способны различать лишь опредѣленные интервалы. Существуетъ, такимъ образомъ: 1) *minimum venale* и 2) *minimum sensibile* (Alphabet of economic science, стр. 128). Точно также *Lehr* говоритъ, что „существуетъ много вещей, для которыхъ вообще не можетъ быть рѣчи о непрерывности"; „кривыя полезности которыхъ приняли бы форму лѣстницы" (Grundbegriffe, стр. 170) *Voigt*, разбирая законъ *Gossen*'а, соглашается съ тѣмъ, что человѣкъ выбираетъ бо́льшія полезности, но это лишь при полной дѣ-

Однако, въ литературѣ имѣются попытки защитить второй законъ *Gossen*'а отъ приведенныхъ возраженій. Отмѣчено было, что за-

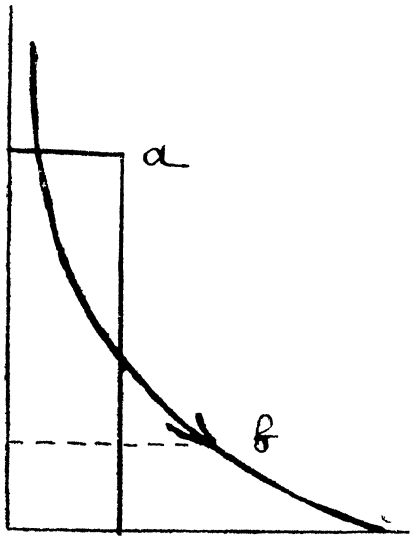
лимости благъ приведетъ къ равенству полезностей послѣднихъ долей Блага же часто вовсе недѣлимы. Въ этомъ онъ между прочимъ видитъ коренную ошибочность дифференціальныхъ уравненій *Jevons*'а („Der ökonomische Wert" въ Zschr. f. d ges. Stwiss. 48. Bd 1892, стр. 212—3). Особенно подробно останавливается на критикѣ второго закона *Gossen*'а *Cassel* Законъ этотъ, по его словамъ, покоится на двухъ предположеніяхъ. 1) что потребительныя блага безгранично дѣлимы и 2) что наши расцѣнки являются непрерывной функціей отъ обладаемаго количества блага. Оба эти предположенія ложны. Ложность перваго очевидна Если я хочу посѣтить друга, живущаго за 500 километровъ, то долженъ или сдѣлать все это разстояніе, или вовсе не посѣщать друга; въ ресторанѣ еще можно потребовать $^1|_2$ порціи, но, конечно, не $^1|_{1000}$ ея *Cassel* остроумно замѣчаетъ, что въ экономическую науку можно ввести понятіе „хозяйственнаго атома", т е. минимальной доли блага, могущей еще выступать въ качествѣ предмета обмѣна. Онъ полагаетъ, что ученіе о такихъ хозяйственныхъ атомахъ составило-бы полезный противовѣсъ теоріи, построенной на безпредѣльной дѣлимости благъ Не вѣрно и второе предположеніе. Такъ, напримѣръ: я готовъ заплатить за первую комнату 100 марокъ въ мѣсяцъ, но за вторую комнату уже всего 5 марокъ. Какъ видно, нѣтъ и рѣчи о непрерывности, и, если за комнату приходится платить 30 марокъ, то снята будетъ одна комната, и предѣльная полезность ея не будетъ равна цѣнѣ, а окажется много выше ея Но даже при дѣлимомъ благѣ потребность въ немъ нерѣдко полностью удовлетворена, и паденіе цѣны не влечетъ за собою измѣненія размѣра потребленія. Такъ, если лицу нужно въ годъ 10 килограммовъ сахара и оно готово потреблять его столько даже при цѣнѣ въ 2 марки за килограммъ, то пониженіе цѣны на 10 пфениговъ на килограммъ совершенно не отразится на размѣрѣ потребленія Слѣдовательно, о непрерывности функціи сплошь и рядомъ не можетъ быть и рѣчи. Въ виду всего этого *Cassel*, хотя онъ самъ прибѣгаетъ къ математическому методу, второй законъ *Gossen*'а считаетъ насиліемъ надъ фактами, производимымъ ради *ложнаго* примѣненія математики („Grundriss einer elementaren Preislehre" въ Zschr. f. d. ges. Stwiss 55. Bd 1899, стр. 415—8) Ср. также его замѣчанія въ „Die Produktionskostentheorie Ricardo's" (тамъ же, 57. Bd. 1901, стр 98). Критику эту, являющуюся дальнѣйшимъ развитіемъ возраженій *Lexis*'а, мы считаемъ по существу правильной. Надо только замѣтить, что, если часто причина ошибочности закона *Gossen*'а лежитъ въ недѣлимости благъ (напримѣръ, порціи въ ресторанѣ), то столь же часто эта причина лежитъ въ недѣлимости самихъ потребностей. Прерывность же функціональной зависимости между расцѣнкой и количествомъ блага не новая самостоятельная причина, а слѣдствіе недѣлимости потребностей. Приводимые *Lexis*'омъ и *Cassel*'емъ примѣры полнаго удовлетворенія однѣхъ потребностей въ то время, какъ другія удовлетворены далеко не полно—это часто ничто иное, какъ тѣ случаи, когда потребность въ извѣстномъ количествѣ даннаго блага очень интенсивна, а далѣе интенсивность ея сразу падаетъ до 0 или рѣзко опускается до самой незначительной степени Причина тогда лежитъ въ томъ, что потребности въ такихъ предметахъ за извѣстнымъ предѣломъ нельзя дѣлить на болѣе мелкія части, которыя дали бы дальнѣйшее постепенное паденіе интенсив-

конъ этотъ не теряетъ своего значенія въ случаѣ неполной дѣлимости потребностей и благъ. Въ этомъ случаѣ онъ указываетъ *направленіе*, въ которомъ идетъ распредѣленіе затратъ [1]). На это надо замѣтить, что для распредѣленія затратъ законъ *Gossen*'а вовсе не нуженъ, и *направленіе* этого распредѣленія диктуется отнюдь не имъ. Стремясь къ maximum'у удовлетворенія человѣкъ движется при распредѣленіи затратъ просто отъ потребностей болѣе интенсивныхъ къ потребностямъ менѣе интенсивнымъ, принимая во вниманіе размѣры затратъ, необходимыхъ для удовлетворенія потребностей Самое равенство *Gossen*'а получается уже какъ *слѣдствіе* такого движенія въ томъ частномъ и очень рѣдкомъ случаѣ, когда интенсивности всѣхъ потребностей, непрерывныя функціи отъ количества потребляемыхъ благъ и самыя блага безгранично дѣлимы. При прерывности же функцій и недѣлимости благъ законъ *Gossen*'а совершенно не указываетъ *направленія*, въ которомъ должно идти распредѣленіе затратъ. Возьмемъ, напримѣръ, одну потребность прерывную и другую непрерывную (см. чертежъ на стр. 96). Если удовлетвореніе прерывной оборвется на какомъ-либо уровнѣ (*a*), то это вовсе не значитъ, что удовлетвореніе непрерывной потребности выгодно приближать къ этому уровню. Наоборотъ, если у хозяйства будутъ средства, то ему будетъ выгодно подвигать удовлетвореніе этой потребности дальше. напримѣръ. до уровня (*b*). Другими словами, удовлетвореніе потребностей будетъ идти въ направленіи *отъ* равенства, а не *къ* равенству. Но даже, если оставить все это въ сторонѣ. все же

ности отъ высокой величины до 0 Наконецъ, недавно противъ закона *Gossen*'а высказался *H. Mayer*, возражающій *Schumpeter*'у, который на этомъ законѣ строитъ свои дифференціальныя уравненія Отмѣчая множество недѣлимыхъ благъ (энциклопедическій словарь, произведенія искусства, обувь, жилище), онъ говоритъ: „Дифференціальное исчисленіе, какъ извѣстно, имѣетъ дѣло только съ такими величинами, которыя допускаютъ безконечно малыя измѣненія; далѣе, оно предполагаетъ постоянство зависимости величинъ другъ отъ друга, т е. такой зависимости, при которой каждому, даже самому малому измѣненію одной величины соотвѣтствуетъ измѣненіе другой (зависимой) величины“ ... „Но оба эти условія отсутствуютъ въ области національной экономіи“ („Eine neue Grundlegung“ въ Zschr f. Volksw, Sozpol. u Verw. 20 Bd. 1911, стр 201—2).

[1]) Такое замѣчаніе дѣлаетъ *Шапошниковъ*, соглашающійся, что „принципъ равенства предѣльныхъ полезностей осуществляется въ полной мѣрѣ лишь при непрерывномъ характерѣ функціи полезности“, но признающій указанное въ текстѣ значеніе этого принципа и при прерывныхъ функціяхъ полезности (Теорія цѣнности и распредѣленія, стр 9)

остается главное, а именно, тотъ фактъ, что во всѣхъ случаяхъ прерывности потребностей и недѣлимости благъ, равенства послѣднихъ удовлетворенныхъ потребностей нѣтъ. Для насъ этотъ фактъ важенъ, такъ какъ, если онъ наблюдается, то нѣтъ возможности устанавливать равенства интенсивности потребностей и тѣмъ косвеннымъ путемъ, который какъ-будто открываетъ второй законъ *Gossen*'а.



Не такъ давно высказано было еще одно замѣчаніе въ защиту закона *Gossen*'а. Обращено было вниманіе на то, что даже недѣлимыя блага, благодаря наличности многихъ сортовъ ихъ, становятся дѣлимыми. Такъ, комнатная печь недѣлима, но существуетъ много сортовъ печей отъ самой простой желѣзной печи до роскошнаго камина; поэтому каждый можетъ выбрать себѣ такую печь, чтобы удовлетвореніе, получаемое отъ нея, по сравненію съ затратой на нее было равно удовлетворенію, доставляемому другими благами [1]). Это замѣчаніе также не устраняетъ возраженій, выставленныхъ противъ второго закона *Gossen*'а. Дѣло въ томъ, что очень многія блага бываютъ всего одного сорта, слѣдовательно, приведенное соображеніе не имѣетъ къ нимъ никакого отношенія. Кромѣ того, посколько на этотъ законъ опираются для доказательства возможности устанавливать равенство потребностей, нельзя упускать изъ виду, что законъ *Gossen*'а предполагаетъ состояніе идеальнаго равновѣсія всѣхъ расходовъ хозяйства, реальное же хозяйство въ каждый данный моментъ даетъ цѣлый рядъ самыхъ рѣзкихъ отклоненій отъ идеальной равномѣрности удовлетворенія всѣхъ потребностей [2]).

[1]) Замѣчаніе это сдѣлано *Schumpeter*'омъ („Zurechnungsproblem“ въ Zschr. f. Volksw., Sozpol u. Verw. 18. Bd 1909, стр. 129).

[2]) По поводу изложенной выше защиты закона *Gossen*'а *Schumpeter*'омъ съ нимъ полемизируетъ *Böhm-Bawerk*, не признающій равенства предѣльныхъ полезностей и предѣльныхъ потребностей. Онъ выдвигаетъ 3 возраженія: 1) если благо имѣетъ нѣсколько сортовъ, напримѣръ, печь имѣетъ 80 сортовъ цѣной отъ 20 до 100 флориновъ, и данное лицо купитъ печь, предположимъ, въ 71 флоринъ, то, можетъ

Однако, въ защиту второго закона *Gossen*'а экономисты-математики давно выставили еще одно соображеніе. Если функціи спроса и полезности прерывны для отдѣльныхъ хозяйствъ, то, чѣмъ большія массы хозяйствъ возьмемъ мы, тѣмъ болѣе дробимы спросъ и полезность, тѣмъ болѣе приближаются функціи къ непрерывнымъ [1]). При-

быть, послѣднее качество печи, покупаемое за послѣдніи 71-и флоринъ, будетъ обладать предѣльной полезностью, равной предѣльной полезности прочихъ благъ, покупаемыхъ за 1 флоринъ; но вся печь въ 71 флоринъ, какъ цѣльная единица „печь", будетъ обладать все же болѣе высокой предѣльной полезностью; 2) существуетъ много благъ, для которыхъ различіе сортовъ не играетъ никакой роли; напримѣръ, электрическій звонокъ для дверей, громоотводъ, научныя книги и пр.; здѣсь легко можетъ получиться неравенство предѣльныхъ полезностей; 3) колебанія въ производствѣ (неурожаи) и въ потребностяхъ (заболѣваніе) часто нарушаютъ равенство предѣльныхъ полезностей; „Равновѣсіе живого хозяйства, говоритъ *Bohm-Bawerk*, не можетъ быть уподоблено равновѣсію спокойно стоящаго человѣка; его должно сравнить съ равновѣсіемъ идущаго человѣка, который съ каждымъ шагомъ покидаетъ и теряетъ предыдущее положеніе равновѣсія, чтобы при ближайшемъ шагѣ вновь найти его и затѣмъ опять потерять" (Positive theorie. 3. Aufl. Exkurs VIII Betreffend den Wert von Produktivgütern und das Verhaltnis von Wert und Kosten, стр. *223—9*). Изъ этихъ трехъ возраженій, на нашъ взглядъ, лишь второе говоритъ о неправильности самого закона *Gossen*'а; третье указываетъ не на неправильность закона, а лишь на невозможность пользоваться этимъ статическимъ закономъ для установленія равенства предѣльныхъ потребностей; что же касается перваго возраженія, то оно является ничѣмъ инымъ, какъ привлеченіемъ къ данному вопросу закона *Clark*'а, и само по себѣ еще не колеблетъ закона *Gossen*'а; оно требовало-бы лишь внесенія въ него поправки въ томъ смыслѣ, что равны потребности не въ цѣлыхъ предѣльныхъ благахъ, а лишь въ предѣльныхъ свонствахъ этихъ благъ; такая поправка, правда, внесла бы новыя большія трудности въ пользованіе этимъ закономъ для установленія равенства потребностей; трудности эти состояли бы въ необходимости выдѣлять изъ сложнаго блага его высшія предѣльныя свойства; трудности эти, однако, сами по себѣ не явились бы абсолютно непреодолимыми.

[1]) Эту мысль впервые высказалъ *A. Cournot*, еще не имѣя въ виду закона *Gossen*'а. Онъ высказалъ ее по поводу зависимости между размѣромъ спроса и цѣной. Пусть, говоритъ онъ, функція F(p) выражаетъ зависимость спроса отъ цѣны p. Если число потребителей ограничено—эта функція прерывна. „Но чѣмъ обширнѣе рынокъ, чѣмъ разнообразнѣе комбинаціи потребностей, средствъ и даже капризовъ среди потребителей, тѣмъ болѣе F(p) приближается къ непрерывному измѣненію въ зависимости отъ p" (Recherches sur les principes mathématiques de la théorie des richesses. 1838, стр 52—3). Эту мысль воспринялъ *Jevons*. „Понятіе безконечно малыхъ количествъ пищи, пишетъ онъ, можетъ показаться абсурднымъ по отношенію къ отдѣльному индивидууму; но когда мы разсматриваемъ потребленіе цѣлыхъ націй, то можно свободно принять, что это потребленіе увеличивается или уменьшается на количества, которыя, говоря практически, безконечно

мѣнія это соображеніе къ потребностямъ, получимъ слѣдующее Если познавать соотношенія потребностей не для отдѣльныхъ лицъ, а путемъ статистики потребленія сразу для группъ людей, *условно* пріурочивая потребности къ цѣлой группѣ, то, чѣмъ большія группы возьмемъ мы, тѣмъ болѣе дробимы будутъ количества благъ и потребности, тѣмъ болѣе приближаются зависимости къ понятію непрерывной функціи. Такъ для отдѣльнаго хозяйства потребность въ піанино недѣлима: нужно 1 піанино, потребность въ немъ довольно интен-

---

малы по сравненію съ общимъ потребленіемъ" (Theory, стр 57). Или въ другомъ мѣстѣ: „ . отдѣльный индивидуумъ не измѣняетъ на безконечно малыя количества своего потребленія сахара, масла и яицъ изъ недѣли въ недѣлю вмѣстѣ съ каждымъ незначительнымъ измѣненіемъ цѣны. Онъ, вѣроятно, будетъ продолжать свое обычное потребленіе до тѣхъ поръ, пока что-либо не обратитъ его вниманія на повышеніе цѣны, и тогда онъ можетъ совершенно прекратить потребленіе этихъ предметовъ на нѣкоторое время. Но мы далѣе увидимъ, что общее потребленіе или, что то же, среднее потребленіе обширнаго общества измѣняется непрерывно съ большей или меньшей быстротой Самыя незначительныя стремленія обнаруживаютъ свое дѣйствіе на средней, взятой для широкаго круга лицъ" (тамъ же, стр. 89—90) О томъ же говоритъ *Marshall* Индивидуальныя кривыя спроса, замѣчаетъ онъ, падаютъ рѣзкими скачками Такъ, напримѣръ, небольшое пониженіе цѣны на шляпы или часы не заставитъ всѣхъ увеличить покупку часовъ или шляпъ. Иногда для отдѣльнаго лица вовсе нельзя построить таблицы спроса, напримѣръ, спроса на свадебный пирогъ или на услуги опытнаго врача. Но, какъ нездоровая осень, оставляя многихъ незатронутыми, повышаетъ въ общемъ смертность города, такъ и спросъ массы на благо всеобщаго потребленія будетъ неизмѣнно возрастать при каждомъ самомъ незначительномъ пониженіи цѣны (Principles, стр. 175). Болѣе общую постановку вопроса находимъ у *Pareto*. Онъ отмѣчаетъ трудности, съ которыми связано употребленіе прерывныхъ функцій и для упрощенія рекомендуетъ пользоваться непрерывными функціями, которыя къ тому же для большихъ массъ населенія даютъ незначительныя отклоненія отъ дѣйствительности Такъ, по его мнѣнію, оперировалъ съ непрерывными функціями *Newton* въ теоріи притяженія („Considerationi sui principi fondamentali dell'economia politica" въ Giornale d. ec. Serie II. Vol. IV 1892, стр. 502—8). Въ другой своей работѣ онъ соглашается съ *Cassel*'емъ, что о безконечной дѣлимости благъ и непрерывныхъ функціяхъ нельзя говорить для отдѣльныхъ лицъ. Но для экономической науки, имѣющей дѣло съ массами, это не важно Статистика, напримѣръ, считаетъ, что численность населенія есть функція времени, $f(t)$, и функція непрерывная, хотя число населенія всегда цѣлое число (Anwendungen der Mathematik, стр. 1001—2). Въ своемъ новомъ курсѣ *Pareto* вновь перечисляетъ выгоды безконечно малыхъ величинъ и считаетъ въ виду этого необходимымъ оперировать съ ними „Именно такъ поступаютъ во всѣхъ физическихъ и естественныхъ наукахъ. Знаютъ, что при этомъ дѣлаютъ ошибку; но ею можно пренебречь, если она незначительна по своей абсолютной величинѣ" (Manuel, стр. 173). За то же высказывается *Fisher* (Mathematical investigations, стр. 22)

сивна, но потребности во второмъ піанино вовсе нѣтъ. Если же взять очень много хозяйствъ, то окажется, что вся эта масса хозяйствъ при такой-то цѣнѣ купитъ, положимъ, 1000 штукъ піанино, при нѣсколько болѣе высокой цѣнѣ—990, затѣмъ при самыхъ небольшихъ повышеніяхъ цѣны—980, 970 и т. д. Отсюда можно заключить, что, если взять всю эту массу хозяйствъ въ цѣломъ и условно пріурочить къ ней потребность въ піанино, то интенсивность потребности всей этой массы хозяйствъ въ 1000-номъ піанино будетъ, предположимъ, такая-то, интенсивность потребности въ 990-омъ піанино—будетъ больше, въ 980-омъ—еще больше и т. д. Получается, такимъ образомъ, даже для потребности въ такомъ крупномъ и недѣлимомъ благѣ, какъ піанино, весьма далеко идущая дѣлимость и приближеніе къ непрерывности функціи.

Изложенное соображеніе весьма серьезно и несомнѣнно содержитъ въ себѣ долю истины. Все же оно не приводитъ къ тому, что намъ въ данномъ случаѣ наиболѣе важно—къ возможности устанавливать равенство потребностей. И не приводитъ вотъ почему:

1. Мы не знаемъ, какая масса хозяйствъ должна быть взята, чтобы получилось хотя приблизительное равенство всѣхъ послѣднихъ удовлетворенныхъ потребностей. Слѣдовательно, мы не можемъ съ увѣренностью заключить о томъ, что это равенство имѣется въ каждомъ данномъ случаѣ. Не можемъ мы опредѣлить и степени нашей ошибки, т. е. отклоненія отъ равенства.

2. Изложенное соображеніе экономистовъ-математиковъ имѣетъ еще значеніе для спроса и для зависимости между нимъ и цѣной, потому что при разсмотрѣніи спроса берется, дѣйствительно, масса хозяйствъ; напримѣръ, берутъ спросъ на хлѣбъ, желѣзо и другіе массовые предметы со стороны цѣлаго народнаго хозяйства. То же можно сказать иногда и относительно предложенія. Въ этихъ случаяхъ есть основанія предполагать непрерывную зависимость и даже пользоваться ею для различныхъ вычисленій. И замѣтимъ кстати, что болѣе осторожные авторы, когда они говорятъ о непрерывности, имѣютъ въ виду именно спросъ, а не потребности или полезности[1]). Что же касается потребностей, то, хотя онѣ также могутъ быть изучаемы путемъ статистики, но относящійся къ нимъ матеріалъ бюджетной статистики

[1]) О спросѣ говоритъ *Cournot*, какъ это видно изъ приведенной выше цитаты, о спросѣ же говоритъ *Marshall*.

охватываетъ. какъ мы увидимъ дальше, сравнительно небольшое число хозяйствъ: иногда десятки или сотни хозяйствъ, рѣдко нѣсколько тысячъ. Къ тому же для изученія потребностей даже нецѣлесообразно соединять слишкомъ большое число хозяйствъ въ одно цѣлое, такъ какъ тогда получаются среднія величины, совершенно не характеризующія потребностей тѣхъ различныхъ группъ, изъ которыхъ состоитъ обслѣдованная масса. При такихъ условіяхъ нельзя говорить о томъ числѣ хозяйствъ, при которомъ достигается хотя бы приблизительно полная дѣлимость потребностей и благъ. А если такъ, то второй законъ *Gossen*'а для весьма многихъ потребностей не проявитъ себя даже при статистическомъ обслѣдованіи.

3. Наконецъ, нельзя не напомнить еще объ одномъ. Если бы законъ этотъ и оказался при очень большомъ числѣ хозяйствъ въ той или иной части вѣрнымъ, все же выводовъ изъ него нельзя было бы примѣнять къ отдѣльнымъ хозяйствамъ, такъ какъ извѣстно, что законы большихъ чиселъ къ отдѣльнымъ случаямъ не приложимы [1]). Поэтому уже совсѣмъ страннымъ является пользованіе этимъ закономъ для объясненія случаевъ обмѣна между двумя или другимъ небольшимъ числомъ хозяйствъ, какъ это дѣлаютъ экономисты-математики. Мы во второй части нашей работы изслѣдуемъ расцѣнку благъ въ изолированномъ хозяйствѣ, а затѣмъ обмѣнъ между двумя, тремя и вообще немногими хозяйствами. Уже вслѣдствіе этого обстоятельства мы не считаемъ возможнымъ пользоваться закономъ *Gossen*'а.

Защитники его выдвигаютъ, однако, еще одно соображеніе. Если полной дѣлимости потребностей, полезностей и благъ нѣтъ, то допущеніе ея является просто извѣстной абстракціей. При этомъ такая абстракція не болѣе отклоняется отъ дѣйствительности, чѣмъ многія другія допущенія абстрактной теоріи, напримѣръ допущеніе полной подвижности труда и капитала и вытекающаго изъ нея стремленія заработной платы и прибыли къ одному уровню. Столь же необходимо и безопасно допущеніе полной дѣлимости благъ и непрерывности функцій полезности [2]). Мы думаемъ иначе. Никогда не слѣ-

[1]) См. объ этомъ у *Cassel*'я („Grundriss" въ Zsch. f. d. ges. Stwiss. 55. Bd. 1899, стр. 418—9).

[2]) Въ этомъ смыслѣ высказывается *Pareto*. Ошибка отъ допущенія безконечной дѣлимости благъ, говоритъ онъ, „меньше другихъ неизбѣжныхъ ошибокъ, а это дѣлаетъ безполезной погоню за точностью, все равно ускользающей вслѣдствіе

дуетъ вводить въ науку абстракцій больше, нежели это безусловно необходимо, такъ какъ цѣль теоріи все таки состоитъ въ объясненіи дѣйствительной жизни. Въ данномъ же случаѣ мы имѣемъ дѣло какъ разъ съ такой излишней абстракціей. Всѣ явленія расцѣнки, производства и обмѣна могутъ быть, какъ мы покажемъ это во второй части нашей работы, прекрасно поняты и выяснены при знаніи того, какія потребности болѣе и какія менѣе интенсивны; нигдѣ не чувствуется необходимости знать равенство потребностей. Отношенія же $>$ и $<$ могутъ быть познаны безъ всякаго привлеченія второго закона *Gossen*'а и указанной выше абстракціи. И если теоретической экономикѣ и безъ того приходится прибѣгать ко многимъ абстракціямъ и отвлекаться отъ ряда факторовъ, дѣйствіе которыхъ она пока не въ состояніи ни учесть, ни выразить (таково именно отвлеченіе отъ факторовъ, задерживающихъ полную подвижность труда и капитала), то нагроможденіе еще новой абстракціи, безъ которой можно обойтись, является совершенно нецѣлесообразнымъ. Къ тому же этимъ путемъ вводится вовсе не безобидная, а очень важная и опасная абстракція. Предположеніе полной дробимости и непрерывности функцій потребностей и благъ приводитъ къ ложному утвержденію о равенствѣ предѣльныхъ потребностей, удовлетворяемыхъ путемъ равныхъ затратъ; изъ этого вытекаетъ ложное представленіе объ измѣримости потребностей; отсюда ложное примѣненіе математическаго анализа, построеніе ложныхъ уравненій изъ неизмѣримыхъ величинъ. Строится цѣлая система, слишкомъ далеко уходящая отъ того, что происходитъ въ реальной хозяйственной жизни, и того, что можетъ быть получено, какъ логическій выводъ изъ наблюденій надъ этой жизнью.

Вотъ почему, повторяемъ, мы нигдѣ вторымъ закономъ *Gossen*'а и равенствомъ потребностей не пользуемся.

§ 14. Измѣримость потребностей.

Въ § 10 мы показали, что потребности количественно сравнимы по величинѣ ихъ интенсивности. Теперь посмотримъ, могутъ ли онѣ

другихъ условій" (Manuel, стр. 173). То же повторяетъ по поводу критики *Cassel*'я *Шаюшниковъ*. Указанную абстракцію онъ считаетъ неопасной, потому что все, „что вполнѣ справедливо лишь по отношенію непрерывныхъ функцій, то справедливо, какъ приближеніе, по отношенію къ функціямъ прерывнаго характера" (Теорія цѣнности и распредѣленія, стр. 9).

быть признаны величинами *измѣримыми*, допускающими приложеніе къ нимъ числа. Предыдущія разсужденія подготовили насъ къ рѣшенію этого вопроса.

При этомъ оговоримся, что подъ измѣримостью мы понимаемъ въ данномъ случаѣ не *практическую* возможность выполнить измѣреніе. Указаніе на отсутствіе такой возможности не является еще принципіальнымъ возраженіемъ. Если потребности теоретически измѣримы, то, хотя бы этого измѣренія фактически продѣлать мы не могли, мы имѣли бы право, не смущаясь этимъ, принять въ теоретическомъ изслѣдованіи потребности за измѣримыя величины, обозначить ихъ произвольными числами или буквами и строить на этихъ числахъ или буквенныхъ обозначеніяхъ свои разсужденія [1]). Возраженіемъ противъ измѣримости потребностей мы считаемъ, поэтому, лишь доказательство того, что потребности, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, даже *теоретически* неизмѣримы. Съ этой точки зрѣнія разсмотримъ доводы противъ измѣримости потребностей и за нее.

Цѣлый рядъ экономистовъ, не отрицая количественной сравнимости силы потребностей, считаетъ неприложимымъ къ нимъ понятіе числа. Большинство изъ этихъ авторовъ, правда, имѣетъ въ виду не потребности, а полезность и субъективную цѣнность, но сказанное ими въ полной мѣрѣ относится и къ потребностямъ.

Авторы эти прежде всего обращаютъ вниманіе на сложность и разнообразіе ощущеній, составляющихъ человѣческія желанія и субъективныя расцѣнки. Это исключаетъ примѣненіе къ нимъ точныхъ чиселъ [2]). Далѣе сдѣлано было указаніе на то, что потребности субъ-

---

[1]) Объ этомъ говоритъ *Böhm-Bawerk*; онъ называетъ такую теоретическую работу „das Theoretisieren mit unbekannten Grössen“ (Einige strittige Fragen der Capitalstheorie. Drei Abhandlungen. 1900, стр. 43) и признаетъ ее имѣющей полное право на существованіе. Ср. также *Voigt* („Der ökonomische Wert“ въ Zschr. f. d. ges. Stwiss. 48. Bd., стр. 195—6). *Pareto* по этому поводу замѣчаетъ: „не надо смѣшивать два вопроса весьма различные: о существованіи количества и о практическихъ способахъ его измѣренія. Разстоянія звѣздъ отъ земли—количества, которыя несомнѣнно существуютъ. А между тѣмъ лишь нѣкоторыя изъ нихъ были измѣрены, и притомъ очень несовершенно“ (Cours, стр. 8—9).

[2]) Однимъ изъ первыхъ авторовъ, высказавшихся въ этомъ смыслѣ, является *Fr. Jul. Neumann*. Онъ говоритъ: „Когда я, напримѣръ, говорю: этотъ подарокъ или это воспоминаніе для меня имѣетъ бо́льшую цѣнность, чѣмъ то, то уже вслѣдствіе разнообразія и измѣнчивости возникающихъ при этомъ ощущеній исключаются мѣра и измѣреніе. Хотѣть признавать въ такихъ случаяхъ за одной вещью цѣн-

ективны и постоянно мѣняются—потому никакого числового масштаба для нихъ нельзя выбрать [1]). Для другихъ авторовъ невозможность численнаго выраженія потребностей является слѣдствіемъ того, что онѣ душевныя явленія, которыя вообще вычисленію не поддаются [2]). Эти общія соображенія получаютъ бо́льшую опредѣленность

ность въ $1^1/_8$ или $1^1/_{15}$ раза бо́льшую, чѣмъ за другой, было бы такъ же неразумно, какъ, напримѣръ, находить одного молодого человѣка въ $1^1/_8$ раза любезнѣе или одну молодую даму въ $1^1/_{15}$ раза милѣе или умнѣе другой" („Wirtschaftliche Grundbegriffe" въ Handbuch der politischen Ökonomie herausgegeben von *G. Schonberg*. 4 Aufl. I. Bd. 1896 стр. 167—8. Мы цитируемъ это мѣсто по 4 изданію; впервые оно написано было еще въ началѣ 80-хъ гг) Такого же мнѣнія *Lexis*. „Можно говорить онъ, конечно сказать, что одно ощущеніе потребности... сильнѣе или слабѣе, чѣмъ другое, или что оно въ этотъ моментъ равно другому, такъ что для ощущающаго одинаково непріятно отказаться отъ одного и отъ другого удовлетворенія. Но существованіе различій въ степени ощущенія потребностей и при извѣстныхъ условіяхъ возможное уравненіе ихъ интенсивности не дѣлаетъ ихъ еще величинами, представляемыми количественно, и потому не даетъ права производить съ ними счетныя операціи" („Grenznutzen" въ Hwb d. Stwiss. 1 Aufl. 1. Supplmb. 1895, стр. 423). *Lexis* только не проводитъ различія между неравенствомъ потребностей и равенствомъ ихъ, тогда какъ различіе это играетъ столь существенную роль при рѣшеніи вопроса объ измѣримости потребностей.

[1]) Такъ, *G Eckstein* говоритъ: „подъ сравнительными расцѣнками удовлетворенія потребностей, обозначенными числами 10, 8, 6 и т. д нельзя понимать ничего опредѣленнаго, такъ какъ мы не имѣемъ никакого объективнаго масш для потребностей; субъективныя же расцѣнки естественно должны оставаться неустойчивыми и ненадежными въ виду зависимости ихъ отъ настроеній минуты; поэтому къ нимъ не приложимо установленіе цифровыхъ различій" („Die vierfache Wurzel des Satzes vom unzureichenden Grunde der Grenznutzenlehre. Eine Robinsonade" въ Neue Zeit. 20. Jg. 1902 II. Bd., стр. 816).

[2]) *W. Scharling*, напримѣръ, говоритъ: „Крупное значеніе субъективнаго пониманія цѣнности состоитъ именно въ установленіи того, что этотъ центральный пунктъ народнаго хозяйства относится къ наукѣ о *душѣ*,—а душевныя движенія не могутъ быть напередъ вычислены въ видѣ цифровыхъ выраженій" („Grenznutzentheorie und Grenzwertlehre. Fragmentarische Bemerkungen" въ Jahrb. f. Nök. u. St III. F. XXVII. Bd. 1904, стр. 19). Однако, тотъ же авторъ не отрицаетъ, что „отдѣльный субъектъ знаетъ въ каждый данный моментъ, въ какомъ порядкѣ онъ ставитъ тѣ блага, которыми онъ владѣетъ, равно какъ тѣ блага, которыя онъ желаетъ пріобрѣсти" (тамъ же). Другой критикъ, *Cornélissen* замѣчаетъ: „Мы считаемся съ тою же неустойчивостью и непостоянствомъ потребительной цѣнности, какою отличаются и впечатлѣнія человѣческой души, отъ которыхъ зависитъ эта цѣнность; поэтому мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ стать на сторону тѣхъ экономистовъ, которые заняты построеніемъ точныхъ схемъ и детальныхъ формулъ для личныхъ оцѣнокъ" (Théorie de la valeur, стр. 35). И далѣе: „мы не видимъ никакого средства подвергать измѣренію личныя потребности и выражать ихъ цифрами; нельзя, поэтому, придавать какую-либо научную цѣнность схемамъ, члены

въ изложеніи тѣхъ авторовъ, которые невозможность численнаго выраженія интенсивности потребностей выводятъ изъ того, что 1) для нея нельзя найти *единицы*, а 2) по отношенію къ потребностямъ можно говорить о величинахъ лишь въ смыслѣ величинъ *интенсивныхъ*. Первое условіе, по мнѣнію этихъ авторовъ, устраняетъ возможность измѣренія, потому что измѣреніе предполагаетъ наличность общей мѣры, взятой за единицу, и возможность составить измѣряемую величину изъ этой единицы. Между тѣмъ ни то, ни другое не существуетъ для потребностей. Второе условіе, по мнѣнію выдвигающихъ его писателей, обозначаетъ слѣдующее: интенсивныя величины — это величины, не допускающія отвѣта на вопросъ. «во сколько разъ одна изъ нихъ больше или меньше другой?» Онѣ допускаютъ отвѣтъ лишь на вопросъ: «больше или меньше та или другая изъ нихъ?» А потому числовое выраженіе не примѣнимо къ этимъ величинамъ [1]).

которыхъ даны намъ безъ какого-бы то ни было вида доказательства" (тамъ же, стр. 38). На томъ же основаніи *Bourguin* полагаетъ, что сила желанія есть величина, которая можетъ быть больше или меньше, но числомъ не можетъ быть выражена („De la mesure de la valeur" въ Revue d'éc. pol. X. 1895, стр. 230, 232).

[1]) Объ отсутствіи единицы говоритъ уже *Neumann*: „Совокупность фигурирующихъ тамъ и здѣсь ощущеній, желаній, интересовъ и т. д. нельзя свести къ какимъ-нибудь единицамъ, а, слѣдовательно, нельзя и выразить ихъ въ какихъ-либо мѣрахъ" („Die Begriffe Gut, Wert .." въ Handbuch der pol. Ök von *Schonberg*. 2. Aufl. 1885 Bd. I, стр. 159—60). Точно также *Wieser* по поводу потребностей и субъективныхъ цѣнностей говоритъ, что подобно прочимъ психическимъ явленіямъ „мы не можемъ мѣрять ихъ въ строгомъ смыслѣ этого слова или сводить ихъ на какую-либо единицу, не можемъ, поэтому, и устанавливать, во сколько разъ одна степень сильнѣе другой, сколько разъ одна кратна другой. Говоря, что понятіе единицы, кратности и числа не приложимо къ степенямъ силы внутреннихъ явленій, мы хотимъ сказать, что мы приписываемъ этимъ степенямъ только величину интенсивности, а „не экстенсивности, не числовую величину" (Uber den Ursprung, стр. 180—1. Мысль о томъ, что при потребностяхъ и полезностяхъ мы имѣемъ дѣло съ величинами, числомъ не выражаемыми, рѣзко подчеркиваютъ *J. Wolf* („Zur Lehre vom Wert" въ Zschr. f. d. des. Stwiss. 42. Bd. 1886, стр. 454) и *Voigt*. Послѣдній считаетъ ложными попытки „придавать экономическимъ величинамъ ту же природу, что и экстенсивнымъ, измѣримымъ единицами, величинамъ геометріи и механики". („Zahl und Maass in der Ökonomie Eine kritische Untersuchung der mathematischen Methode und der mathematischen Preistheorie" въ Zschr. f. d. ges. Stwiss. 49. Bd. 1893, стр. 584). Что измѣреніе психическихъ явленій невозможно, такъ какъ нельзя рѣшить, сколько разъ одно чувство укладывается въ другомъ, — это доказываетъ и итальянецъ *D. Berardi* („La legge del valore secondo la dottrina della utilità limite" въ giornale d. ec. Serie II Vol. XI, 1895, стр. 285—7). Затѣмъ *W Böhmert*, придавая большое значеніе работѣ *Jevons*'а, возстаетъ, однако,

Съ этими критически настроенными авторами полемизируютъ другіе экономисты. Они, утверждаютъ, что единица силы человѣческихъ

противъ допускаемаго этимъ экономистомъ математическаго выраженія психическихъ элементовъ. Такое выраженіе, по словамъ *Böhmert'*а, возможно только тогда, если эти элементы могутъ быть разложены на однѣ и тѣ же едини . „ олько тогда можетъ быть рѣчь объ измѣреніи; и, если хотятъ обращаться съ количественными отношеніями такъ же, какъ дѣлаютъ это математическія физическія науки, то раньше всего должна быть доказана возможность такого измѣренія... Простой фактъ, что воля въ одномъ случаѣ рѣшаетъ такъ, а въ другомъ иначе, еще ни въ коемъ случаѣ не доступенъ измѣренію такъ же, какъ невозможно измѣреніе одного факта, что вѣсы склоняются на опредѣленную сторону. Мѣрять мы можемъ только перевѣсъ и только тогда, если мы можемъ свести его къ единицамъ Поэтому, если мы .. не можемъ представить себѣ единицъ непріятности и удовольствія, то мы вообще должны отказаться отъ измѣренія даннаго явленія". („W. Stanley Jevons und seine Bedeutung für die Theorie der Volkswirtschaftslehre in England" въ Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich 15. Jrg 1891, стр. 743—4). Отсутствіе единицы и невозможность измѣренія интенсивности потребностей признаетъ и *Cuhel.* Проводя различіе между измѣреніемъ (Messen) и сравненіемъ (Vergleichung), онъ говоритъ: „Измѣримы только тѣ величины, для которыхъ существуетъ единица измѣренія, имѣющаяся въ столькихъ совершенно равныхъ и остающихся равными экземплярахъ, что изъ нихъ можетъ быть составлена величина, равная измѣряемой величинѣ" (Zur Lehre von den Bedürfnissen, стр. 187). Такъ, вѣсъ воды—величина измѣримая, потому что его можно составить изъ повтореннаго опредѣленное число разъ вѣса кубическаго сантиметра воды, и „вѣсъ одного cm^3 воды въ томъ же мѣстѣ во всякое время равенъ вѣсу *каждаго* другого cm^3 такой же воды" (тамъ же, стр. 190). Что же касается потребностей, то нельзя взять за единицу потребность въ извѣстномъ количествѣ какого-либо блага, потому что потребность въ другихъ такихъ же количествахъ этого блага не равна первой (тамъ же, стр. 191). Нельзя также составить данную потребность изъ нѣсколькихъ равныхъ потребностей въ разныхъ предметахъ, потому что найти для потребности въ дорогомъ предметѣ (напримѣръ, въ 100.000 кронъ) столько равныхъ потребностей въ разныхъ дешевыхъ предметахъ, чтобы составить изъ нихъ первую потребность—это потребовало бы столько времени и такъ трудно, что *практически* это не выполнимо" (тамъ же, стр. 193—5). Мы обращаемъ вниманіе на слово „практически", потому что оно, какъ увидимъ дальше, является слабымъ мѣстомъ аргументаціи *Cuhel'*я. Наоборотъ, требованіе возможности имѣть единицу измѣренія въ любомъ числѣ экземпляровъ мы считаемъ совершенно правильнымъ. Возраженіе противъ этого требованія *Böhm-Bawerk'*а въ томъ смыслѣ, что даже при самомъ точномъ измѣреніи этого не нужно, считаемъ недоразумѣніемъ. Чтобы измѣрить стержень въ 10 метровъ, говоритъ *Böhm-Bawerk*, не надо имѣть 10 метровъ, а нуженъ всего 1 экземпляръ метра, который накладываютъ 10 разъ (Positive Theorie des Kapitales. 3. Aufl., стр *287*) Это лишь игра словами, такъ какъ метръ всякій разъ при наложеніи фугурируетъ, какъ экземпляръ метра, и суть въ томъ, что при второмъ, третьемъ и любомъ наложеніи онъ остается равнымъ себѣ и покрываетъ равную часть стержня. Недавно *O. Neurath*, полемизируя съ *Schumpeter'*омъ, ссылающимся на производящіяся со

чувствъ и интенсивности потребностей можетъ быть получена, а потому возможно и измѣреніе ихъ, если не прямое, то косвенное—по ихъ результатамъ. Надо, впрочемъ, сказать, что всѣ эти попытки доказать измѣримость чувствъ и потребностей приходится признать неудавшимися [1]).

времени *Fechner*'а психологическія измѣренія (см. „Uber die mathematische Methode der theoretischen Okonomie" въ Zschr. f. Volksw., Sozpol. u. Verw. 15 Bd. 1906, стр. 34), вновь выступилъ противъ примѣненія числовыхъ величинъ къ психическимъ явленіямъ въ области экономической науки. Онъ говоритъ „Доказательства, приводимыя въ пользу такихъ величинъ въ высшей степени недостаточны и даже новѣйшій теоретикъ, касающійся этого вопроса, *Schumpeter*, въ рѣшительномъ мѣстѣ ограничивается нѣсколькими общими ссылками, указывая на психологическія измѣренія, теорію вѣроятности и современную психологію. Между тѣмъ всѣ они ничего не знаютъ объ этомъ предметѣ. Объ измѣреніи ощущеній до сихъ поръ еще нѣтъ и рѣчи. Мы можемъ только связывать рядъ сравнимыхъ между собою ощущеній съ рядомъ измѣримыхъ раздраженій. При этомъ всегда повторяется ошибка *Gossen*'а, который заявляетъ, что единица можетъ быть избираема произвольно, тогда какъ вопросъ вертится около того, можно ли вообще въ данномъ случаѣ мѣрять единицами" („Zur Theorie der Sozialwissenschaften" въ Jahrbuch f. Gesetzgb., Verw. u. Volksw. im D. R. 34. Jh. 1910, стр. 56). Изъ русскихъ авторовъ поднимаетъ разсматриваемый вопросъ и отрицательно относится къ числовому выраженію потребностей *Войтинскій*. Онъ замѣчаетъ по этому поводу: „хотя можно говорить, что одно желаніе сильнѣе или слабѣе, больше или меньше другого, но вопросъ о томъ, *во сколько разъ* одно желаніе сильнѣе другого, лишенъ всякаго смысла" (Рынокъ и цѣны, стр. 85). И дальше въ отличіе отъ другихъ авторовъ онъ прибавляетъ: такого вопроса нельзя ставить не потому, что нельзя найти *единицы* полезности, а потому, что „полезности товаровъ для даннаго субъекта отличаются другъ отъ друга лишь *интенсивностью*, а не экстенсивностью" (тамъ же, стр. 86), такъ какъ, „повторивъ *два* раза *слабое* чувство, мы не получимъ *одного—сильнаго*" (тамъ же, стр. 85).

[1]) Горячимъ защитникомъ измѣримости чувствъ является *Jevons*. Онъ говоритъ именно о косвенномъ измѣреніи ихъ: „Я далекъ отъ утвержденія, что мы будемъ имѣть когда-либо средства для непосредственнаго измѣренія чувствъ человѣческаго сердца. Единицу удовольствія или непріятности трудно даже представить себѣ; но именно общая сумма этихъ чувствъ непрерывно побуждаетъ насъ покупать и продавать, занимать и отдавать въ займы, работать и отдыхать, производить и потреблять; и по количественнымъ дѣйствіямъ чувствъ мы должны оцѣнивать ихъ относительныя величины. Мы такъ же мало можемъ узнать и измѣрить саму по себѣ силу тяжести, какъ измѣрить чувство; но подобно тому какъ мы измѣряемъ силу тяжести по ея дѣйствію при движеніи маятника, точно такъ же мы можемъ опредѣлить равенство или неравенство чувствъ на основаніи измѣняющихся рѣшеній человѣческаго ума" (Theory, стр. 13—4). Къ сожалѣнію, приходится возразить, что рѣшенія человѣческаго ума не даютъ намъ возможности добраться до измѣренія чувства. Все, доставляемое намъ такимъ косвеннымъ путемъ—это сравненіе, а не измѣреніе интенсивности чувствъ, а въ частности по-

Подводя итогъ ведшейся до сихъ поръ полемикѣ по вопросу объ измѣримости потребностей по ихъ интенсивности, мы со своей

требностей. О желаніи, какъ увеличивающейся, уменьшающейся и даже дѣлимой величинѣ говоритъ *Tarde* („La croyance et le désir. La possibilité de leur mesure" въ Revue philosophique 1880. Vol. 2. Цит. по *Ricci* „La misurabilità del piacere e del dolore" въ Giornale d ec. Vol. XXX. 1905, стр. 17—8). Точно также экономистъ-математикъ *Edgeworth* признаетъ удовольствіе измѣримымъ и даже даетъ опредѣленную „единицу экономическаго исчисленія" Такой единицей является для него „едва замѣтное приращеніе" (the just perceivable increment) чувства Всѣ такія приращенія онъ считаетъ равными. Хотя у человѣка еще недостаточно развито ощущеніе такихъ равныхъ приращеній. но ихъ можно, по его мнѣнію, принять за *единицу;* и онъ называетъ ихъ „атомами удовольствія" (Mathematical psychics, стр. 7—8). Здѣсь сдѣлана другая ошибка. ибо едва замѣтныя приращенія чувства совершенно произвольно сочтены равными. О невозможности принимать едва замѣтныя ощущенія за равныя говоритъ между прочимъ *Хр Зигвартъ* (Логика. Т. II. Вып. 1-й. Рус. пер. 1908, стр 88—9) Вовсе неубѣдительнымъ является построенный по этому поводу софизмъ, повторяемый *Ricci*. Софизмъ состоитъ въ слѣдующемъ: каждое *едва* ощутимое удовольствіе равно другъ другу, такъ какъ, если одно изъ нихъ больше другого, напримѣръ, $\triangle_1 u > \triangle_2 u$, то, значитъ, $\triangle_1 u$ уже не едва ощутимо (указ соч., стр. 22—3). Для правильности такого разсужденія надо, однако, раньше доказать, что человѣкъ для всѣхъ видовъ чувствъ начинаетъ замѣчать равныя приращенія. О едва замѣтныхъ приращеніяхъ чувствъ, какъ о единицѣ, говоритъ и русскій авторъ, проф. *Орженцкій*. Отмѣтивъ, что „измѣримости .. для чувства на практикѣ не существуетъ", ибо „мы не можемъ одно чувство уложить въ другомъ извѣстное число разъ", показавъ, что возможно только сравненіе чувствъ, онъ строитъ рядъ, въ которомъ разныя положительныя и отрицательныя чувства располагаются въ порядкѣ ихъ силы по обѣ стороны нулевой точки (Ученіе объ экономическомъ явленіи, стр 293, 301—2). Но далѣе онъ говоритъ: „Если бы мы могли допустить. что всѣ едва замѣтныя разницы, по которымъ мы мысленно располагаемъ всѣ чувства въ рядъ, равны между собою, то мы получили бы масштабъ, посредствомъ котораго возможно было бы измѣреніе чувствъ Первое, едва замѣтно отличное отъ нуля чувство, равнялось бы едва замѣтной разницѣ или единицѣ; второе, едва замѣтно отличное отъ перваго,— первому плюсъ единица, т. е. двумъ и т. д." (тамъ же, стр. 306). Правда, *Орженцкій* самъ прибавляетъ вслѣдъ за этимъ, что изъ едва замѣтной разницы не выработалось масштаба для измѣренія чувствъ, тѣмъ не менѣе далѣе онъ пишетъ: „Однако, не трудно видѣть, что вытекающее изъ количественной сравнимости расположеніе всѣхъ чувствъ въ идеальный рядъ по возрастающей величинѣ допускаетъ возможность того или иного масштаба и измѣренія чувственнаго ряда въ единицахъ масштаба, или въ единицѣ чувства, соотвѣтствующаго единицѣ масштаба" (тамъ же, стр. 307). И за такую единицу масштаба онъ принимаетъ единицу денегъ. Считая цѣнность каждой денежной единицы равной цѣнности предѣльной единицы ихъ, онъ видитъ въ количествѣ денежныхъ единицъ, на которое люди согласны обмѣнивать блага, мѣру субъективныхъ цѣнностей, а, слѣдовательно, и чувствъ, по крайней мѣрѣ въ области экономическихъ явленій (тамъ же, стр. 317 и слѣд.). По этому поводу надо сказать, что уже раньше *Cassel* рекомен-

стороны должны высказать слѣдующее. Чего либо столь страннаго, какъ это находятъ нѣкоторые авторы, смѣющіеся надъ попытками дать

довалъ воспользоваться деньгами въ качествѣ единицы для измѣренія полезности, субъективной цѣнности и интенсивности потребностей. Онъ упрекаетъ теоретиковъ предѣльной полезности и математиковъ въ томъ, что они не имѣютъ единицы для измѣренія полезности. Онъ соглашается съ тѣмъ, что ни полезности, ни цѣнности, ни потребностей мы не можемъ мѣрять прямо, какъ не можемъ прямо мѣрять и электричества, но замѣчаетъ, что мы можемъ мѣрять ихъ косвенно, выражая ихъ въ денежныхъ расцѣнкахъ („Grundriss" въ Zschr. f d ges Stwiss. 55. Bd. 1899, стр. 399—402 и 404). Нѣсколькими страницами выше онъ пишетъ о деньгахъ, какъ о вполнѣ достаточномъ мѣрилѣ: если я за одно благо готовъ заплатить въ крайнемъ случаѣ 20 марокъ, а за другое только 10, то это доказываетъ, что для меня первое благо въ два раза важнѣе второго (тамъ же, стр 397) Къ деньгамъ прибѣгаетъ и *Fisher*. Онъ считаетъ возможнымъ принять за единицу полезности полезность любого предѣльнаго количества любого блага для даннаго лица въ данное время; особенно же пригодна, по его мнѣнію, для этой цѣли *полезность предѣльнаго доллара*. *Fisher* даже изобрѣтаетъ для этой единицы полезности особое названіе „*util*" (Mathematical investigations, стр. 18). Деньгами же желаетъ мѣрять „величину жертвы" *Войтинскій* (Рынокъ и цѣны, стр 87). Всѣ эти попытки принять за единицу субъективныхъ ощущеній деньги совершенно неприемлемы, потому что субъективное значеніе послѣдовательныхъ денежныхъ единицъ не одинаково. Напримѣръ, субъективная тягость пожертвованія 2 рублей вовсе не равна тягости пожертвованія 1 рубля, взятой два раза. Между количествомъ денегъ и силой психическаго переживанія нѣтъ пропорціональности. Нельзя признать правильнымъ и замѣчаніе *Böhm-Bawerk*'а, что деньгами можно мѣрять интенсивность потребностей, потому что предѣльная полезность денегъ убываетъ гораздо слабѣе, чѣмъ предѣльная полезность другихъ благъ (Positive Theorie. 3. Aufl, стр. 335—6). Различіе между деньгами и другими благами въ этомъ отношеніи, несомнѣнно, существуетъ, и *Bohm-Bawerk* правильно объясняетъ его тѣмъ, что каждое благо удовлетворяетъ лишь одну или нѣсколько потребностей, тогда какъ при помощи денегъ удовлетворяются всѣ потребности. Естественно, что интенсивность потребностей во всѣхъ прочихъ благахъ падаетъ быстрѣе, чѣмъ интенсивность потребности въ деньгахъ Но отсюда еще не слѣдуетъ, что паденія для денегъ вовсе нѣтъ, не слѣдуетъ даже того, что „для человѣка, хотя на половину зажиточнаго, цѣнность запаса въ 50 гульденовъ почти не отличается или даже совершенно не отличается отъ взятой 50 разъ цѣнности одного гульдена" (тамъ же, стр. 336). Что послѣднее не вѣрно, можно грубо, но все же почувствовать, представивъ себѣ слѣдующій примѣръ Возьмите человѣка, имѣющаго 45.000 гульденовъ и живущаго на $^{6}/_{0}$ съ этого капитала. Считая $4^{1}/_{0}$, мы получимъ 1800 гульденовъ въ годъ или 150 гульденовъ въ мѣсяцъ. Для этого человѣка пожертвовать на какую-либо благотворительную цѣль 50 гульденовъ, внося ихъ по 1 гульдену въ недѣлю, будетъ гораздо легче, чѣмъ уплатить ихъ сразу въ теченіе 1 мѣсяца. По мнѣнію же *Böhm-Bawerk*'а это „почти или совершенно одно и то же" Это утвержденіе *Böhm-Bawerk*'а упускаетъ изъ виду и такое интересное, отнюдь не маловажное хозяйственное явленіе, какъ продажа „въ разсрочку"; а между тѣмъ явленіе это въ значительной мѣрѣ покоится на неравенствѣ цѣнности послѣ овательныхъ денеж-

числовое выраженіе полезностямъ и потребностямъ, мы въ такихъ попыткахъ вовсе не видимъ, если обозначать числами интенсивность

ныхъ единицъ для хозяйствующихъ людей. Правъ, поэтому *Nicholson*, иронически замѣчающій, что еслибы субъективное значеніе послѣдовательныхъ денежныхъ единицъ было одинаково, мы имѣли-бы въ деньгахъ тотъ «*hedonimeter*» (измѣритель удовольствія), о которомъ напрасно мечтали философы со времени *Платона* (Principles. I, стр. 53). Точно также неудачна попытка *Bohm-Bawerk*'а доказать измѣримость потребностей и удовольствія, возможность опредѣлять, „во сколько разъ одно изъ нихъ больше другого", при помощи примѣра съ мальчикомъ, который за 7 сливъ не отдаетъ 1 яблока, а за 8 сливъ отдаетъ „Что проявляется, спрашиваетъ *Bohm-Bawerk*, въ этомъ образѣ дѣйствія, какъ не выраженное въ цифрахъ рѣшеніе, что удовольствіе отъ одного яблока выше удовольствія, получаемаго отъ одной сливы, болѣе чѣмъ въ семь, но менѣе, чѣмъ въ восемь разъ?" („Grundzüge въ Jahrb. f. Nök u St. 1886, стр 49). Такъ же, по его мнѣнію, измѣряютъ удовольствія и взрослые въ обмѣнѣ. На основаніи примѣра *Bohm-Bawerk*'а можно, однако, сказать лишь, что потребность въ 8 сливахъ больше, чѣмъ потребность въ 1 яблокѣ, а послѣдняя больше, чѣмъ потребность въ 7 сливахъ. Но нельзя сказать, какъ это дѣлаетъ *Bohm-Bawerk*, что между потребностями существуетъ такое отношеніе:

(потр. въ 1 сливѣ $\times$ 8) $>$ потр. въ 1 яблокѣ $>$ (потр. въ 1 сливѣ $\times$ 7)

Этого сказать нельзя, потому что по ученію самого *Bohm-Bawerk*'а потребность въ послѣдовательныхъ сливахъ и цѣнность ихъ не одинакова. Аналогичный примѣръ приводитъ *Wicksell*, защищая *Bohm-Bawerk*'а отъ упрековъ *Cassel*'я („Zur Verteidigung der Grenznutzenlehre" въ Zschr. f. d. ges. Stwiss. 56. Bd. 1900, стр. 579). Приведенный примѣръ *Böhm Bawerk*'а имѣетъ въ виду *Cuhel*, когда онъ говоритъ, что и этимъ косвеннымъ путемъ нельзя измѣрять потребностей, потому что „не существуетъ такой единицы силы потребностей, которая оставалась-бы неизмѣнной при образованіи изъ нея произвольно большой многократной величины" (Zur Lehre von den Bedürfnissen, стр 192). Такъ, говоритъ онъ, если потребность въ 1 яблокѣ = потребности въ 15 сливахъ, то изъ этого нельзя еще вывести, что потребность въ 1 яблокѣ = потребности въ 1 сливѣ $\times$ 15, такъ какъ потребность въ каждой слѣдующей сливѣ иная (тамъ-же, стр. 192—3). Поэтому, если яблоко для мальчика такъ же пріятно, какъ 8 сливъ, то это не значитъ, что яблоко въ 8 разъ пріятнѣе 1 сливы. Изъ того, что $E_8 = e_1 + e_2 + e_3 + e_4 + e_5 + e_6 + e_7 + e_8$, нельзя вывести, что $E_8 = 8e$, такъ какъ $e_1 > e_2 > e_3 > e_4 > e_5 > e_6 > e_7 > e_8$ (стр 197—8) Указанную трудность понимаетъ и *E Broda*. Для того, пишетъ онъ, чтобы сказать, что въ психологіи $a + a$ не всегда равно $2a$, не надо быть ученымъ психологомъ. Для равенства оцѣнки необходимо одинаковое психическое состояніе. Между тѣмъ при совмѣстной оцѣнкѣ $a + a$, оно иное, чѣмъ при оцѣнкѣ каждаго a порознь („Die Lösungen des Zurechnungsproblems" въ Zschr. f. Volksw., Sozpol. u. Verw. XX. Bd. 1911, стр. 357—8). Но *Broda* думаетъ обойти это затрудненіе тѣмъ, что онъ беретъ не данный запасъ благъ, въ которомъ каждая слѣдующая единица имѣетъ иное значеніе, а постоянно пополняющійся запасъ, въ которомъ нѣсколько разъ взятая *послѣдняя* единица имѣетъ всякій разъ одно и то же значеніе При помощи такого пріема, по его мнѣнію, можно мѣрять

потребностей и величину тѣхъ пожертвованій, на которыя готовъ идти человѣкъ ради удовлетворенія этихъ потребностей. Нѣтъ ничего стран-

---

субъективныя цѣнности и потребности, сопоставляя данное благо съ нѣсколькими единицами другого блага изъ такого постоянно пополняющагося запаса. Напримѣръ, потребности въ 2, 3, 4 . чашкахъ кофе, выпиваемыхъ сразу въ одинъ день послѣ обѣда, не будутъ равны потребности въ 1 чашкѣ, умноженной на 2, 3, 4.. Но потребность въ 1 чашкѣ кофе каждый день приблизительно одинакова, и потому извѣстнымъ числомъ такихъ потребностей въ 1 чашкѣ можно измѣрять другія потребности (тамъ же, стр. 399—400). Этотъ же пріемъ употребляетъ *Böhm-Bawerk* въ своей полемикѣ съ *Cuhel*'емъ. По поводу приведеннаго выше возраженія *Cuhel*'я относительно примѣра съ мальчикомъ *Bohm-Bawerk* въ новомъ изданіи „Positive Theorie des Kapitales" замѣчаетъ слѣдующее. Если взять случай, когда мальчикъ ѣстъ сливы не сразу всѣ одну за другой, а черезъ извѣстные промежутки времени, въ теченіе которыхъ уже перестаетъ дѣйствовать законъ *Gossen*'а, то потребность въ каждой сливѣ будетъ одинакова. Такой случай, по словамъ *Bohm-Bawerk*'а, не представляетъ ничего экзотическаго. Когда хозяйка покупаетъ пакетъ кофе въ 5 кило, она не думаетъ, что все это кофе будетъ выпито сразу, она взвѣшиваетъ удовлетвореніе, которое будутъ доставлять въ теченіе долгаго времени многія чашки кофе А, слѣдовательно, получается возможность узнать, во сколько разъ одна потребность интенсивнѣе другой (Exkurs X Betreffend die „Messbarkeit" von Gefühlsgrössen, стр. *281—2*). По поводу такого пріема измѣренія надо прежде всего сказать, что, признавая различіе въ расцѣнкѣ настоящихъ и будущихъ благъ, *Bohm-Bawerk* уже въ силу одного этого не можетъ считать равно интенсивными потребности въ разныхъ чашкахъ кофе, которыя будутъ выпиты во время, различно отстоящее отъ времени покупки кофе. А затѣмъ вообще нѣтъ никакихъ основаній потребность въ извѣстномъ благѣ считать неизмѣнной во времени. Поэтому обходъ изложенной выше трудности, предлагаемый *Broda* и *Böhm-Bawerk*'омъ,—обходъ при помощи пополняющагося запаса благъ—наталкивается на другую трудность. Наконецъ, по поводу аргументаціи *Bohm-Bawerk*'а надо замѣтить, что, даже допустивъ неизмѣнность потребности мальчика въ 1 сливѣ, мы все же не въ состояніи были бы узнать, *во сколько разъ* потребность въ 1 яблокѣ больше потребности въ 1 сливѣ. Для этого необходимо установленіе отношенія *равенства*, напримѣръ:

потр. въ 1 яблокѣ = 8 потребностямъ въ 1 сливѣ.

Мы же видѣли въ предыдущемъ параграфѣ, что устанавливать мы можемъ лишь отношенія:

потр. въ 1 яблокѣ $\gtrless$ 8 потребностей въ 1 сливѣ.

Но путемъ такихъ *неравенствъ* нельзя узнать, во сколько разъ одна потребность больше другой. Игнорированіе этого обстоятельства дѣлаетъ неубѣдительными и всѣ тѣ мѣста Exkurs'а X., равно какъ вновь прибавленнаго въ текстѣ отдѣла „Wertgrösse und Gefühlsgrössen" (Positive Theorie, стр. 331—40), гдѣ *Böhm-Bawerk* возражаетъ *Cuhel*'ю по поводу необходимости для измѣренія наличности равенства единицъ. *Böhm-Bawerk* говоритъ, что полное равенство единицъ вовсе не обязательно для измѣренія. Когда мы мѣряемъ на глазомѣръ высоту домовъ и гово-

наго въ томъ, напримѣръ, что человѣкъ въ два раза сильнѣе желаетъ какой-либо картины, чѣмъ новой сюртучной пары, и готовъ идти ради пріобрѣтенія первой на жертвы въ два раза большія.

Не служитъ для насъ безусловнымъ доказательствомъ невозможности устанавливать числовыя отношенія между отдѣльными членами скалъ потребностей и то обстоятельство, что въ практической хозяйственной дѣятельности никто изъ людей не пользуется въ сферѣ потребностей числами и даже не подозрѣваетъ о возможности установить для нихъ какія-либо числовыя величины. Возможно, что соотношенія потребностей только не отливаются пока въ сознаніи человѣка въ форму количественныхъ отношеній, выразимыхъ числомъ. Когда человѣкъ ходитъ, въ его сознаніи нѣтъ никакихъ чиселъ, а

римъ, во сколько разъ одинъ выше другого, мы равныхъ единицъ не имѣемъ, у насъ имѣется въ умѣ лишь приблизительное представленіе о единицѣ; когда офицеръ мѣряетъ разстояніе шагами солдатъ, и притомъ разныхъ солдатъ, единица измѣренія завѣдомо не точна; но мы и въ этихъ случаяхъ говоримъ объ *измѣреніи*. Можетъ быть, это лишь приблизительное измѣреніе, можетъ быть, къ нему надо прилагать не слово „messen", а слово „schätzen"—все же это операція одного порядка съ измѣреніемъ На это надо возразить, что при измѣреніи на глазомѣръ или шагами мы все-таки, хотя-бы приблизительно, знаемъ *предѣлъ* измѣненія нашей единицы. Офицеръ, напримѣръ, можетъ сказать, что шагъ солдатъ колеблется въ такихъ-то границахъ, и можетъ измѣрить эти границы. Относительно же потребностей такого предѣла неточности мы установить не можемъ. А кромѣ того, и это мы особенно подчеркиваемъ, когда офицеръ мѣряетъ разстояніе шагами, онъ въ результатѣ получаетъ, что это разстояніе *равно*, напримѣръ, 200 или 300 шагамъ. Для потребностей же мы такого *равенства* не наблюдаемъ. Все, что мы узнаемъ,—это отношеніе $>$ или $<$. При такихъ условіяхъ мы даже приблизительно, на глазъ, не въ состояніи сказать, *во сколько разъ* одна потребность интенсивнѣе другой. Тѣмъ же недостаткомъ страдаетъ и аргументація самого *Cuhel'я*. Разбирая измѣреніе потребностей путемъ нахожденія нѣсколькихъ равныхъ потребностей въ разныхъ предметахъ, дающихъ въ общей сложности измѣряемую потребность, онъ, какъ мы это видѣли выше, говоритъ, что такое измѣреніе лишь *практически* не выполнимо, потому что трудно подчасъ найти достаточное число равныхъ потребностей. Такую ссылку на практическую невыполнимость *Böhm-Bawerk* правильно отбрасываетъ, указывая, что намъ вовсе не нужна конкретная, практическая измѣримость (Positive Theorie, стр. *286*). Однако, дѣло въ томъ, что вслѣдствіе невозможности устанавливать равенство потребностей, мы не можемъ установить равенства нѣсколькихъ потребностей въ разныхъ благахъ; не можемъ, слѣдовательно, получить суммы равныхъ потребностей и, кромѣ того, не можемъ установить равенства между этой суммой и измѣряемой потребностью. Въ этомъ лежитъ причина того, что способъ измѣренія потребностей, предложенный *Cuhel'емъ*, не примѣнимъ не только практически, но и теоретически.

между тѣмъ анатомія и физіологія показали, что процессъ ходьбы можетъ быть сведенъ на количественно выразимыя механическія явленія Такъ же безсознательно, можетъ быть, пользуется человѣкъ и заложенной въ немъ количественной скалой потребностей. При этомъ на поверхность сознанія всплываетъ лишь результатъ сравненія этихъ количествъ въ формѣ словъ. «хочу того, а не этого», «хочу того гораздо больше, чѣмъ этого». «по такой-то цѣнѣ куплю скорѣе то, чѣмъ это» и т. д. И то, что люди разбираются въ самыхъ сложныхъ случаяхъ, взвѣшиваютъ самыя незначительныя величины, даетъ нѣкоторое основаніе для догадки, что у людей на самомъ дѣлѣ имѣются скалы потребностей, допускающія числовое выраженіе [1]).

Но о существованіи количественныхъ соотношеній интенсивности потребностей, соотношеній, допускающихъ числовое выраженіе, мы можемъ только догадываться. Убѣдиться въ немъ и доказать возможность такого выраженія мы не въ состояніи. И не только практически, но и теоретически мы не въ состояніи построить того спо-

[1]) *Bohm-Bawerk*, признавая, что люди производятъ сопоставленія и подсчеты потребностей и выгодъ, говоритъ, что эти подсчеты облегчаются слѣдующимъ: 1) благодаря непрерывному упражненію мы стали удивительными виртуозами въ этомъ дѣлѣ; 2) мелочная точность въ большинствѣ случаевъ намъ не нужна, она даже невыгодна; мы считаемся съ общимъ результатомъ нашего хозяйства; утверждать, что, разъ мы игнорируемъ мелочи, значитъ, мы вообще не руководимся подсчетомъ потребностей—это, говоритъ *Bohm-Bawerk*, равносильно утвержденію, что „перестаютъ руководствоваться высотой ртутнаго столба, если градусы термометра не читаютъ съ помощью ноніуса по десятымъ и сотымъ долямъ“; 3) намъ помогаетъ память, т. е. прежде составленныя оцѣнки и прежніе планы хозяйства; 4) мы пользуемся примѣромъ другихъ людей, находящихся въ сходныхъ съ нами положеніяхъ и принимаемъ во вниманіе установившіеся обычаи; 5) благодаря раздѣленію труда намъ не надо пробѣгать умомъ всѣ стадіи производства, каждый учитываетъ лишь ту стадію, въ которой занятъ онъ, соображается съ цѣнами, и это даетъ ему все необходимое для разсчетовъ („Grundzüge“ въ Jahrb. f. Nök. u. St. 1886, стр. 74—7). *Edgeworth* добавляетъ, что способность точно учитывать свои чувства постепенно развивалась у людей и продолжаетъ развиваться дальше, подобно способности къ другимъ измѣреніямъ (Mathematical psychiks., стр. 100). О томъ-же говоритъ *Jevons*; когда-то, по его словамъ, люди не могли мѣрять и того, что мы измѣряемъ теперь (Theory., стр. 8—11) Точно также *Schubert-Soldern* замѣчаетъ, что масштабъ для измѣренія психическихъ оцѣнокъ вырабатывается лишь постепенно; у некультурнаго человѣка, у ребенка, у насъ въ крайніе, необычные моменты жизни—нѣтъ точнаго масштаба; онъ вырабатывается лишь позже и сначала только для обыкновенныхъ случаевъ (Das menschliche Glück, стр 137—8).

собa при помощи котораго можно было-бы опредѣлять точныя количественныя отношенія. Наблюденія надъ жизнью и логическіе выводы изъ нихъ не позволяютъ пока намъ говорить, что интенсивность одной потребности *во столько-то разъ* или *на столько-то* больше или меньш интенсивности другой. Вслѣдствіе этого мы не можемъ измѣрять интенсивность потребностей и выражать ее числомъ. Будучи количественно *сравнимыми*, потребности остаются для насъ пока совершенно *неизмѣримыми* [1]).

И неизмѣримость ихъ происходитъ не отъ того, что, какъ это полагаютъ многочисленные писатели, мы не можемъ найти *единицы* интенсивности потребностей. За единицу мы могли бы взять интенсивность любой потребности. Потребности неизмѣримы потому, что такой выбранной единицей мы въ данномъ случаѣ не можемъ воспользоваться для измѣренія потребностей, для перехода къ счету, числу и числовымъ операціямъ. А не можемъ сдѣлать этого мы потому, что:

1) потребность есть психическое переживаніе. и интенсивность ея—величина психическая, психическія же переживанія или вовсе не могутъ быть повторены нѣсколько разъ, или же, если они и могутъ быть повторены, то величина ихъ интенсивности при присоединеніи къ данному переживанію слѣдующихъ такихъ же переживаній не можетъ быть признана остающейся неизмѣнной; въ силу этого, принявъ интенсивность какого-либо психическаго переживанія за единицу, мы не можемъ повторять эту единицу нѣсколько разъ съ соблюденіемъ условія, что величина выбранной единицы остается при этомъ неизмѣнной, подобно тому какъ остается неизмѣнной величина аршина или фунта, принятая нами за единицу длины и вѣса, независимо отъ того, сколько бы разъ мы ни повторили накладываніе аршина или подвѣшиваніе фунта;

2) до сихъ поръ, какъ это показано нами, мы не въ состояніи ни прямо, ни косвенно устанавливать равенства интенсивности потребностей.

Вслѣдствіе этого мы по отношенію къ потребностямъ находимся въ слѣдующемъ положеніи.

---

[1]) *H. Poincaré* измѣримыми называетъ тѣ величины, относительно которыхъ мы знаемъ не только то, что „одна изъ этихъ величинъ больше другой“, но и то, что „одна изъ нихъ въ два или три раза больше“ (La science et l'hypothèse 1908, стр 41)

Мы не въ состояніи опредѣлять, *на сколько* интенсивность одной потребности больше или меньше другой. Мы не можемъ получить отношенія въ родѣ

$$A_1 = B_1 + C_1,$$

которое говоритъ, что у даннаго лица потребность въ первой единицѣ какого-то блага A равна потребности въ первой единицѣ другого блага B, сложенной съ потребностью въ первой единицѣ третьяго блага C. Мы можемъ узнавать только отношенія въ родѣ:

$$A_1 \gtrless B_1 + C_1$$

Другими словами, мы не можемъ опредѣлять *суммы*, т. е. совмѣстнаго дѣйствія двухъ или нѣсколькихъ потребностей.

Тотно также мы не можемъ узнавать отношеніи въ родѣ

$$A_1 - B_1 = C_1;$$

мы въ состояніи опредѣлять только отношенія въ родѣ:

$$A_1 - B_1 \gtrless C_1,$$

слѣдовательно, мы не можемъ опредѣлять *разности* двухъ потребностей, т. е. силы совмѣстнаго дѣйствія удовлетворенія одной потребности и отказа отъ другой.

Мы не въ состояніи опредѣлять, *во сколько разъ* одна потребность больше или меньше другой. Не можемъ этого опредѣлить мы потому, что не въ состояніи изъ потребности, взятой за единицу, составить новую потребность, кратную по своей интенсивности единицѣ, равно какъ не въ состояніи разложить данную потребность на части, равныя по своей интенсивности потребности, взятой за единицу. Положимъ, напримѣръ, что $A_1 = 1$, т. е. примемъ за единицу интенсивность потребности даннаго лица въ данный моментъ въ первой единицѣ блага A. Составить изъ этой единицы потребность, кратную единицѣ, какъ это мы дѣлаемъ, напримѣръ, при измѣреніи длины, составляя изъ аршина сажень, мы не въ состояніи

Кратную потребность нельзя составить путемъ присоединенія потребностей въ другихъ *первыхъ* единицахъ блага A, потому что *первая* единица блага A только одна. Нельзя составить потребность, кратную по интенсивности единицѣ, и путемъ присоединенія потреб-

постеи въ слѣдующихъ единицахъ того же блага, т. е. въ A_2, A_3..., такъ какъ интенсивность этихъ потребностей въ силу перваго закона *Gossen*'а не равна интенсивности потребности въ A_1. Наконецъ, нельзя составить кратную потребность путемъ присоединенія къ потребности въ A_1 потребностей въ извѣстныхъ количествахъ другихъ благъ: B, C. D. . Это невозможно, потому что для этого нужны потребности, *равныя* по своей интенсивности нашей единицѣ, а такого равенства мы устанавливать не въ состояніи. Такъ же невозможенъ и обратный процессъ разложенія потребностей на равныя части. Потребности въ смыслѣ составленія ихъ интенсивности изъ равныхъ частей и раздѣленія на равныя части являются пока *неразложимыми* психическими переживаніями. А потому ни *умножать*, ни *дѣлить* потребностей мы не можемъ.

Если же принять во вниманіе, что счетъ, число, измѣреніе предполагаютъ разложеніе величинъ на равныя части (единицы) и составленіе величинъ изъ равныхъ частей[1]), то изъ полученнаго выше слѣдуетъ, что ни измѣреніе, ни численное выраженіе интенсивности потребностей, ни счетъ ихъ, ни числовыя операціи съ ними невозможны Въ самомъ дѣлѣ, когда я говорю, напримѣръ, что $a=3b$, то это значитъ, что $a=b+b+b$. А это предполагаетъ: 1) возможность повторить величину (b) нѣсколько разъ, при чемъ величина эта во всѣхъ случаяхъ такого повторенія остается *равной* самой себѣ и 2) наличность *равенства* между суммой нѣсколько разъ повторенныхъ величинъ (b) и другой величиной (a). Но ни перваго, ни второго условія для потребностей нѣтъ. По крайней мѣрѣ мы не можемъ до сихъ

[1]) Что число и счетъ предполагаютъ такое составленіе величинъ изъ единицы, видно изъ слѣдующихъ опредѣленій. „Число—это.. соединеніе того, что положено, какъ равное" (*Г Грассманъ* „Чистая математика и ученіе о протяженности" въ „Новыя идеи въ математикѣ" Сборн № 1 Математика. Методъ, проблемы и значеніе ея. 1913, стр. 71) или „Считать вещи—это значитъ разсматривать ихъ, какъ однородныя, соединять ихъ въ умѣ и прибавлять къ нимъ другія отдѣльныя вещи, также разсматриваемыя, какъ однородныя".. „Результатъ счета называется числомъ" (*H Schubert*. „Grundlagen der Arithmetik" въ Encyklopadie der mathematischen Wissenschaften I. Bd, стр 1—2 и 3). *Зигвартъ* прямо говоритъ, что всякое число есть „множество" Логика Т. II. Вып. 1-й Рус пер. 1908. стр. 42) *J v. Kries* по поводу измѣренія говоритъ „Повсюду измѣреніе покоится на установленіи равенства между нетождественнымъ" („Uber die Messung intensiver Grossen und uber das sogenannte psychophysische Gesetz" въ Vierteljahrsschrift fur wissenschaftliche Philosophie VI Jahrg 1882, стр. 258—9)

поръ даже представить себѣ такой обстановки, при которой эти условія могли бы быть получены.

Вотъ почему потребности, по нашему мнѣнію, не измѣримы, а только сравнимы по ихъ интенсивности.

Въ виду этого мы даже для иллюстраціи не будемъ пользоваться численной скалой потребностей. Все наше теоретическое построеніе и всѣ доказательства мы проводимъ въ дальнѣйшемъ, пользуясь скалой потребностей безъ измѣримыхъ величинъ и безъ чиселъ.

§ 15. Скала потребностей безъ чиселъ.

Если мы не можемъ сказать, во сколько разъ интенсивность однѣхъ потребностей больше интенсивности другихъ, то мы въ состояніи сказать, что интенсивность однѣхъ потребностей больше, а интенсивность другихъ меньше. Если, напримѣръ, мы не можемъ сказать, что интенсивность потребности даннаго лица въ A_1 относится къ интенсивности его потребности въ B_1, какъ 100 къ 95, то мы сплошь и рядомъ можемъ установить, что потребность его въ A_1 больше потребности въ B_1. Если даже отрицать возможность рѣчи о томъ, будто кто-либо желаетъ, напримѣръ, картины въ 2 или $2^1/_2$ раза больше, чѣмъ новаго костюма, то мы не выйдемъ за предѣлы ежедневнаго наблюденія, которое каждый можетъ провѣрить на себѣ и на другихъ, если скажемъ, что это лицо желаетъ картины больше, нежели того или иного предмета одежды.

Поэтому, не будучи въ правѣ писать численную скалу потребностей, мы можемъ выражать ее въ видѣ ряда неравенствъ. Напримѣръ, скала потребностей, приведенная нами на стр. 63, можетъ быть въ ея проетѣйшей формѣ изображена такъ:

$$A_1>B_1>C_1>D_1>A_2>B_2>C_2>D_2>A_3>B_3>C_3>D_3>....$$

Этимъ мы обозначаемъ, что потребность даннаго лица въ данное время въ первой единицѣ какого-то блага A интенсивнѣе потребности въ первой единицѣ какого-то блага B, эта послѣдняя интенсивнѣе потребности въ первой единицѣ какого-то блага C и т. д. [1]).

[1]) Мы вездѣ для упрощенія обозначаемъ однѣми и тѣми же буквами, какъ самыя блага, такъ и интенсивность потребностей въ этихъ благахъ. Въ виду объясненія въ текстѣ словами почти всѣхъ буквенныхъ выраженій такое упрощенное

Въ такой скалѣ имѣется только *порядокъ* потребностей по ихъ интенсивности [1]). Къ мысли о скалѣ потребностей, въ которой от-

обозначеніе не можетъ вызвать недоразумѣній. Желающіе могутъ обозначать буквами лишь самыя блага, а интенсивность потребностей въ этихъ благахъ буквами, взятыми въ скобки, напримѣръ: (A_1), (B_1), (C_1) и т. д.

[1]) Впервые о порядковой скалѣ потребностей опредѣленно говоритъ *Voigt*. Онъ пишетъ: „Въ согласіи съ основными представленіями о сущности числа, выработанными въ новѣйшее время математикой, мы видимъ первичную форму числа въ порядковомъ, а не количественномъ числѣ“ („Zahl und Mass“. въ Zschr. f. d. ges. Stwiss Bd 49. 1893, стр. 583). Расположеніе объектовъ въ извѣстномъ порядкѣ въ рядъ по ихъ величинѣ онъ, поэтому, считаетъ примитивнымъ видомъ измѣренія Въ видѣ примѣра онъ приводитъ измѣреніе твердости минераловъ путемъ расположенія ихъ въ извѣстный рядъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ одинъ минералъ рѣжетъ другой (скала *Mohs*'а) Если даже обозначить при этомъ порядокъ минераловъ числами, то все же нельзя сказать, что, напримѣръ, минералъ 4 въ два раза тверже минерала 2 (тамъ же). То же имѣетъ мѣсто и при всѣхъ психофизическихъ измѣреніяхъ Они, по мнѣнію *Voigt*'а, представляютъ только расположеніе ощущеній въ извѣстномъ субъективномъ порядкѣ по ихъ интенсивности (тамъ же) „Очевидно, что и элементарныя экономическія величины, удовольствіе и неудовольствіе, полезность, желаніе, способны лишь къ такому субъективному расположенію въ извѣстномъ порядкѣ“ (тамъ же, стр 583—4). Все измѣреніе ихъ состоитъ только въ опредѣленіи того мѣста, которое занимаетъ каждое изъ нихъ въ ряду однородныхъ величинъ. По поводу этихъ цѣнныхъ замѣчаній *Voigt*'а мы должны только замѣтить, что такое расположеніе величинъ въ извѣстномъ порядкѣ нѣтъ основанія называть *измѣреніемъ*, въ данномъ случаѣ правильно говорить только о *сравненіи* Именно такъ смотритъ *Cuhel* Вслѣдъ за *Voigt*'омъ онъ также говоритъ о порядковыхъ числахъ Онъ также считаетъ, что, для обозначенія интенсивности потребностей, можно даже употреблять числа, но числа эти будутъ обозначать только порядокъ потребностей по степени ихъ интенсивности. 1-ая, 2-ая, 3-ья и т. д. Однако, такой способъ выраженія интенсивности потребностей онъ называетъ не *измѣреніемъ*, а *скалированіемъ* (skalieren) (Zur Lehre von den Bedürfnissen, стр. 199—200) Далѣе онъ даже пытается построить „идеальную“ скалу потребностей при помощи знака $>$ Но въ этой скалѣ онъ для выраженія силы потребностей беретъ денежную единицу (тамъ же, стр. 201—4). Замѣну чиселъ отношеніями $=$ $>$ и $<$ вводитъ *Neurath* („Nationalokonomie und Wertlehre“ въ Zschr. f Volksw, Sozpol. u Verw. 1911) Онъ замѣчаетъ, что изъ этихъ трехъ отношеній „можно вывести все, касающееся наиболѣе благопріятнаго порядка потребленія, а это все, что нужно австрійской школѣ“ (указ. соч. стр. 104). Въ другомъ мѣстѣ онъ прибавляетъ „Мы не должны забывать, что точныя отношенія возможны и между неизмѣримыми величинами; напримѣръ, существуютъ отношенія порядка и т д Все логическое счисленіе (Logikkalkul) служитъ примѣромъ того, на какое развитіе способны эти системы отношеній“ (тамъ же, стр. 51—3) Въ виду всего сказаннаго въ предыдущемъ параграфѣ мы полагаемъ только что вмѣстѣ съ числами *Neurath*'у слѣдуетъ отказаться и отъ отношенія $=$; къ тому же оно вовсе не нужно для опредѣленія наиболѣе благопріятнаго порядка потребленія

дѣльные члены являются только сравнимыми величинами, постепенно начинаютъ подходить даже представители математическаго направленія, оперировавшіе до сихъ поръ съ потребностями и полезностями, какъ съ точно измѣримыми величинами, поддающимися числовому выраженію [1])

[1]) Уже въ позднѣйшихъ изданіяхъ работы *Jevons*'а находимъ мѣсто, въ которомъ онъ говоритъ о томъ, что, если для чувствъ нельзя найти единицы, то зато возможно сравненіе чувствъ, и „умъ индивидуума является вѣсами, производящими какъ разъ такія сравненія, и судьею, постановляющимъ окончательное рѣшеніе относительно величины чувствъ" (La théorie de l'économie politique Франц пер. съ послѣдняго изд 1909, стр. 66—7). Къ изложенному выше взгляду *Voigt*'а примкнулъ недавно *Edgeworth* „Можетъ быть, пишетъ онъ, лучше сказать вмѣстѣ съ проф. *Voigt*'омъ, что единица не нужна, величины, подобныя полезности, измѣряются только *порядковыми* числами" („Appreciations of mathematical theories" въ The Economic Journal. Vol XVII 1907. June, стр. 222) Въ подтвержденіе взгляда *Voigt*'а на порядковое число, какъ на первичную форму числа онъ приводитъ слѣдующую справку изъ статьи проф. *Love* „Functions of real variables" въ „Encyclopaedia Britannica" (ed X, vol. 28). „способность чиселъ отвѣчать на вопросъ сколько (how many and how much)—другими словами, выражать результаты операціи счета и измѣренія—можетъ быть разсматриваема, какъ вторичное свойство, вытекающее изъ болѣе основного, выражающаго порядокъ" (тамъ же, стр 223) Такимъ образомъ, даже такой убѣжденный сторонникъ примѣненія математики въ политической экономіи, какимъ является *Edgeworth*, признаетъ въ настоящее время возможность говорить о потребностяхъ лишь 1-ая, 2-ая и т д. Но ярче всего отказъ отъ числового выраженія интенсивности потребностей и величины полезности сказался на работахъ ученика *Walras* и его многолѣтняго преемника по лозаннской каѳедрѣ —*Pareto*. Въ своемъ „Cours d'economie politique", напечатанномъ въ 1896—7 годахъ, онъ еще не отклоняется отъ обычнаго математическаго выраженія полезности или, какъ онъ называетъ ее, годности (ophélimite) предметовъ. Но уже въ 1900 году, какъ видно изъ статей въ „Giornale degli economisti" („Sunto di alcuni capitoli di un nuovo trattato di economia pura del Prof. *Pareto*" Serie II. Vol. XX. 1900, стр. 216—35 и 511—49) онъ отказывается отъ измѣримости полезности, даже совсѣмъ выбрасываетъ понятіе полезности. Всю теорію обмѣна, по сколько дѣло идетъ о вліяніи субъективнаго элемента, онъ строитъ на порядкѣ предпочтеній индивидуума, на указаніи выбора, который тотъ можетъ дѣлать" (указ. соч., стр. 523) Подсчетъ полезности, удовольствій и неудовольствій (calcolo di piacere e pena) онъ называетъ метафизикой и замѣняетъ его *выборомъ* (scelta), который является фактомъ, поддающимся непосредственному наблюденію (тамъ же, стр. 217, 221). Такой выборъ, говоритъ *Pareto*, мы наблюдаемъ вездѣ Если воробью дать зерно хлѣба и зерно песка—онъ выберетъ первое, если человѣку дать золотую монету и камешекъ—онъ выберетъ первую. Для экономической науки важны именно эти выборы и ихъ содержаніе, такъ какъ на основаніи ихъ можно узнать, что предпочитаетъ человѣкъ (тамъ же, стр 219—20). При этомъ совершенно не интересно, почему человѣкъ отдаетъ предпочтеніе тому или иному предмету. Экономическая наука интересуется только *фактомъ* предпочтенія, сказывающагося

Употребляя въ написанной выше скалѣ потребностей, вмѣсто чиселъ, отношенія $>$ и $<$, мы *измѣреніе* замѣняемъ *сравненіемъ*.

въ выборѣ (стр. 222—3) Развивая далѣе теорію выбора, *Pareto* переходитъ къ понятію такъ называемыхъ „линій безразличія“ (linea d'indifferenza), заимствуя это понятіе изъ болѣе раннеи работы *Edgeworth*'а (стр. 516) Но ученіе о линіяхъ безразличія подробнѣе изложено въ его позднѣйшей статьѣ „Anwendungen der Mathematik auf Nationalokonomie“ (Encyklopädie der mat. Wissenschaften. Bd I. Heft 7. 1902) и въ новой законченной работѣ „Manuel d'économie politique“ (1909). Въ указанной статьѣ онъ говоритъ, что въ виду раздающихся споровъ относительно того, можно ли измѣрять полезность или интенсивность потребностей, онъ за исходную точку беретъ безразличіе или предпочтеніе при выборѣ. Имѣя таблицы выборовъ и таблицы препятствій, стоящихъ на пути къ выбору, можно объяснить всѣ хозяйственныя дѣйствія (указ. соч., стр. 1107—9) Таблицы выборовъ составляются такъ. Пусть данное лицо имѣетъ количество x_a блага A и x_b блага B. Пусть далѣе $x_a + dx_a$ блага A и $x_b + dx_b$ блага B представляетъ другую комбинацію, отличающуюся тѣмъ, что выборъ между нею и первой комбинаціей для даннаго лица безразличенъ Постепенно находя рядъ такихъ комбинацій, нанося ихъ графически въ видѣ точекъ и соединивъ эти точки, мы получимъ „кривую безразличія“ (Indifferenzkurve) Исходя изъ другихъ количествъ A и B, получимъ другую кривую безразличія, болѣе или менѣе выгодную, нежели первая Въ общемъ получается цѣлый рядъ близко лежащихъ кривыхъ безразличія (тамъ же, стр 1108). Обозначивъ каждую линію безразличія опредѣленнымъ показателемъ (Index) и соединивъ точки этихъ показателей, получимъ „линію предпочтенія“ (Vorzugslinie). Знаніе линій безразличія и предпочтенія еще не даетъ знанія величины полезности и интенсивности потребностей. Мы можемъ обозначить линіи безразличія числами, но эти числа могутъ быть выбраны произвольно, лишь бы они были: 1) равны для всѣхъ точекъ каждой линіи безразличія и 2) больше для предпочитаемыхъ при выборѣ комбинацій благъ. Но какъ при этомъ будутъ расти числа по линіямъ предпочтенія— это безразлично, и узнать этого на основаніи фактовъ выбора нельзя. Геометрически линіи безразличія и предпочтенія обрисовываютъ извѣстную поверхность, но, такъ какъ мы въ состояніи узнать лишь *порядокъ* линій безразличія, а не ихъ высоту, то можетъ существовать масса поверхностей съ одинаковыми градаціями линій безразличія. Какая на самомъ дѣлѣ соотвѣтствуетъ данному соотношенію полезностей или потребностей—этого нельзя опредѣлить Но, продолжаетъ *Pareto*, этого и не надо знать. Имѣя линіи безразличія, можно построить необходимыя уравненія и разрѣшить всѣ задачи экономической теоріи Строитъ эти уравненія онъ такъ Кривую безразличія можно выразить черезъ уравненіе,

$$F(x_a, x_b) = Z,$$

гдѣ x_a и x_b извѣстныя количества благъ A и B, а Z показатель линіи безразличія. Такъ какъ это линія безразличія, то Z для всѣхъ точекъ ея величина постоянная A, слѣдовательно, полный дифференціалъ ея равенъ 0, т. е

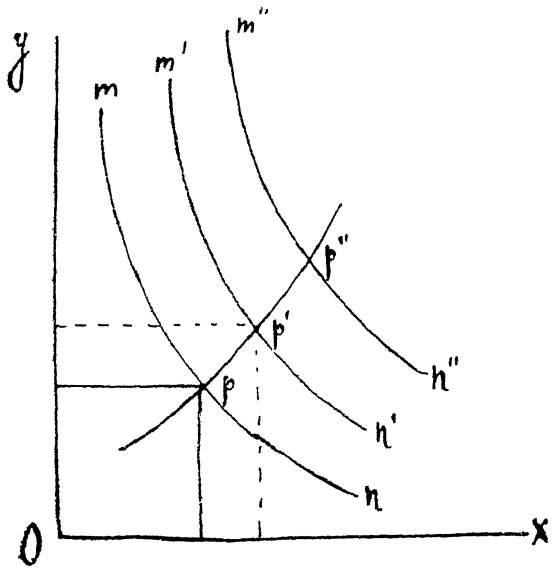
$$\frac{\partial F}{\partial x_a} dx_a + \frac{\partial F}{\partial x_b} dx_b = 0.$$

Тогда падаетъ требованіе наличности *единицы*, остающейся неизмѣнной при повтореніи ея нѣсколько разъ. Вмѣстѣ съ этимъ передъ такой

А это какъ разъ то уравненіе, которое всѣ экономисты-математики получали для равенства предѣльныхъ полезностей и клали въ основу своей экономической системы (тамъ же, стр. 1109—11). Въ „Manuel“ *Pareto* еще доступнѣе излагаетъ свою теорію выбора и линій безразличія (ligne ou courbe d'indifférence). Пусть мы знаемъ, говоритъ онъ, что для даннаго лица *безразлично* въ смыслѣ годности (ophélimité) обладаніе слѣдующими количествами килограммовъ хлѣба и вина:

хлѣба	$1,_6$	$1,_4$	$1,_2$	$1,_0$	$0,_8$	$0,_6$
+						
вина	$0,_7$	$0,_8$	$0,_9$	$1,_0$	$1,_4$	$1,_8$

Если всѣ эти комбинаціи количествъ хлѣба и вина одинаково выгодны для лица, то такое безразличіе можно обозначить графически (см. чертежъ). Линіи mn, m'n', m''n'' и будутъ линіями безразличія Разстоянія точекъ p, p', p'' отъ осей координатъ Ox и Oy обозначаютъ количества благъ A и B, а высота этихъ точекъ надъ плоскостью бумаги—величину годности, получаемой отъ совмѣстнаго потребленія этихъ количествъ благъ A и B. Линія безразличія является, такимъ образомъ, линіей, соединяющей точки равной высоты. Самый чертежъ напоминаетъ топографическую карту, а линіи безразличія—горизонтали этой карты. Каждой линіи безразличія соотвѣтствуетъ свой показатель (указ. соч., стр. 168—9). Линіи безразличія, говоритъ *Pareto*, мы познаемъ путемъ опыта. Для этого надо найти, напримѣръ, ту положительную величину, на которую надо увеличить количество одного блага, чтобы компенсировать уменьшеніе количества другого блага и т. д.; другими словами, надо найти такія комбинаціи, чтобы выборъ между ними былъ безразличенъ (тамъ же, стр. 168 и 542—3). При этомъ мы можемъ узнать лишь то, что одна линія расположена выше или ниже другой; узнаемъ это по тому, *предпочитаетъ* ли лицо данную комбинацію благъ другой комбинаціи или нѣтъ Такъ, напримѣръ, если 1 килогр. хлѣба + 1 килогр. вина даетъ точку p, а $1,_1$ килогр хлѣба + $1,_1$ килогр. вина даетъ точку p', и мы знаемъ, что p' лицо предпочитаетъ p, то мы говоримъ, что линія m'n' расположена выше линіи mn. Но, насколько она выше, этого мы не въ состояніи узнать, и намъ не надо этого знать (тамъ же, стр. 169—70 и 539—40) Если взять нѣсколько линій безразличія mn, m'n', m''n''... съ возрастающими показателями и соединить какія-либо точки



скалой неравенствъ смолкаютъ многочисленные упреки, сдѣланные по адресу точной числовой скалы. А между тѣмъ скалы потребностей,

---

ихъ p, p', p''... то получимъ линію предпочтенія. Къ этому *Pareto* добавляетъ: „Понятія линій безразличія и линій предпочтенія были введены въ науку проф. *F. Y Edgeworth*'омъ. Но онъ отправлялся отъ понятія *годности* (ophélimité), принимая ее за данную величину, и изъ нея выводилъ опредѣленіе этихъ линій. Мы повернули проблему. Мы показали, что можно прійти къ опредѣленію экономическаго равновѣсія, отправляясь отъ понятія линій безразличія, понятія, прямо даннаго опытомъ".. (тамъ же, стр. 540). Приходитъ онъ къ опредѣленію экономическаго равновѣсія, выражая каждую линію безразличія указаннымъ выше уравненіемъ, которое для упрощенія онъ обозначаетъ здѣсь въ формѣ (см стр 539).

$$f_1(x, y) = 0$$

При этомъ, какъ данное, такъ и всѣ другія уравненія, полученныя изъ кривыхъ безразличія, по словамъ *Pareto*, даже „не содержатъ ничего, отвѣчающаго годности (ophélimité) или ея показателямъ вся теорія экономическаго равновѣсія является, такимъ образомъ, независимой отъ понятій (экономической) *полезности*, потребительной цѣнности, годности (ophélimité)".. (тамъ же, стр. 543)

Эта „теорія выбора" создала уже цѣлую литературу въ рядахъ экономистовъ-математиковъ Ср. *U Ricci* („La misurabilita del piacere e del dolore" въ Giornale d. ec. Serie II. Vol XXX 1905, стр. 15—36); онъ воспринимаетъ линіи безразличія, хотя не отказывается отъ гедонистическаго пониманія ихъ. Наоборотъ, *G. de Ruggiero* видитъ главную заслугу *Pareto* въ исключеніи понятія полезности—этого продукта „научнаго мистицизма, являющагося самою пагубною формою мистицизма" („L'economia e la meccanica" въ Giornale d. ec Serie II. Vol XLII 1911, стр 218—47) Реформа эта, по мнѣнію *Ruggiero*, равносильна реформѣ *Hertz*'а, исключившему понятіе силы въ механикѣ, подобно тому какъ реформа *Walras* равносильна реформѣ *Lagrange*'а (тамъ же, стр 234—7). Примыкаетъ къ теоріи *Pareto* и математикъ *Furlan*, принимающій линіи безразличія; линіи эти, пишетъ онъ, даютъ намъ все, что можно узнать относительно величины полезности („Wirtschaftliches Gleichgewicht" въ Hwb. d. Stwiss 3. Aufl VIII. Bd., стр. 828). Точныхъ количественныхъ отношеній эти линіи, какъ и линіи предпочтенія, не даютъ; если, напримѣръ, мы имѣемъ 4 линіи безразличія съ падающими показателями, то величины полезностей, отвѣчающія этимъ показателямъ, могутъ быть $4 > 3 > 2 > 1$, но онѣ могутъ быть и $29 > 12 > 2 > 0$ (тамъ же, стр 827). Но точныхъ величинъ полезности, по *Furlan*'у, и не надо знать. См также *P Boven* (Les applications mathématiques à l'économie politique. 1912, стр 166—92)

По поводу этой интересной „теоріи выбора" мы должны сказать слѣдующее. Теорія эта является несомнѣннымъ шагомъ впередъ для математической школы. Но вовсе не тѣмъ, что она выбрасываетъ „полезность". Она ее. въ сущности, оставляетъ Не даромъ всѣ ея представители, и въ томъ числѣ самъ *Pareto*, вездѣ удерживаютъ полезность (ophélimité), лишь говоря, что ее можно и выбросить. Линія безразличія—это все же ничто иное, какъ линія равныхъ полезностей, или, сводя полезность къ потребности,—линія равныхъ по интенсивности потребностей Градація линіи безразличія—это градація потребностей въ различныхъ

выраженной рядомъ неравенствъ, какъ мы увидимъ во второй части нашей работы, вполнѣ достаточно для построенія теоріи хозяйственныхъ явленій, и въ частности явленій рыночной расцѣнки хозяйственныхъ благъ.

количествахъ разныхъ благъ A показатели (index) этихъ линій—показатели интенсивности потребностей Самый выборъ, о которомъ говоритъ *Pareto*,—лишь способъ опредѣленія сравнительной интенсивности потребностей. Ибо при свободномъ выборѣ человѣкъ при прочихъ равныхъ условіяхъ отдастъ предпочтеніе тому, въ чемъ потребность его болѣе интенсивна Заслуга разсматриваемой теоріи состоитъ въ другомъ Она отбрасываетъ точную измѣримость потребностей Вмѣсто точныхъ числовыхъ отношеній между показателями отдѣльныхъ линій безразличія она сохраняетъ только отношенія $>$ и . Въ этомъ, дѣйствительно, заключается шагъ впередъ. Этимъ шагомъ „теорія выбора" освобождается отъ значительной доли произвольности старой математической школы Но теорія эта, на нашъ взглядъ, не доходитъ до конца, а останавливается на половинѣ начатаго ею правильнаго пути. Ея слабой частью, пережиткомъ математической школы, являются именно линіи безразличія Полученіе такихъ линій предполагаетъ ничто иное, какъ установленіе *равенства* потребностей въ разныхъ количествахъ нѣсколькихъ благъ. Когда *Pareto* пишетъ, что $F(x_a, x_b) = Z$ и это Z есть величина постоянная, то это значитъ, что потребность въ однихъ количествахъ какихъ-либо благъ, напримѣръ, хлѣба и вина, равна потребности въ другихъ, третьихъ и т. д. количествахъ тѣхъ же благъ Между тѣмъ, какъ мы уже знаемъ, на основаніи наблюденія надъ потребленіемъ, и того выбора, о которомъ говоритъ *Pareto*, равенства потребностей установить нельзя. *Pareto* говоритъ, что линію безразличія надо находить опытнымъ путемъ: надо узнать, на сколько слѣдуетъ увеличить количество одного блага и уменьшить количество другого, чтобы выборъ былъ безразличенъ для лица Но раньше всего это не всегда можно сдѣлать потому, что для этого, какъ мы знаемъ, нужна безконечная дѣлимость благъ и потребностей А затѣмъ узнать полное безразличіе при выборѣ не только для другихъ лицъ, но и для самого себя, слишкомъ трудно. Для этого надо вскрыть ту глубоко спрятанную въ душѣ человѣка работу, которую представляетъ собою борьба разныхъ стремленій. Выяснить силу этихъ стремленій, пока они ни въ чемъ не проявились, нѣтъ возможности Проявиться же ясно и опредѣленно сила ихъ можетъ только въ фактѣ *выбора*. А разъ выборъ сдѣланъ, значитъ, чему-то отдано предпочтеніе Но тогда *равенства* уже нѣтъ, а имѣются лишь отношенія $>$ или $<$. Такимъ образомъ, мы на основаніи фактовъ выбора не въ состояніи устанавливать линій безразличія. А тогда падаютъ и приведенныя выше уравненія *Pareto*. Графически тогда, вмѣсто градаціи *линіи безразличія*, получается градація отдѣльныхъ *„точекъ различія"*, между значеніями которыхъ могутъ быть уловлены лишь отношенія неравенства. Скала линій безразличія превращается въ написанную нами въ текстѣ скалу потребностей, выраженную въ видѣ ряда неравенствъ Добавимъ, что, признавая возможность устанавливать линіи безразличія и отрицая возможность устанавливать точныя количественныя отношенія между различными потребностями и полезностями, *Pareto* до извѣстной степени противорѣчитъ самъ себѣ. Изъ возможности перваго, на нашъ взглядъ, въ цѣломъ рядѣ случаевъ вытекаетъ возможность вто-

Конечно, для такого объясненія мало скалы столь элементарной и простой, какъ написанная выше. Такъ, напримѣръ, часто хозяйствующему человѣку недостаточно знать лишь то, что

$$A_1 > B_1.$$

Этого достаточно, если одна единица блага A и блага B требуетъ для своего пріобрѣтенія или производства одной и той же затраты. Если же, напримѣръ, пріобрѣтеніе 1 единицы блага A требуетъ двойной затраты по сравненію съ пріобрѣтеніемъ 1 единицы блага B, тогда для опредѣленія хозяйственнаго поведенія лица надо еще знать, будетъ ли

$$A_1 > \text{или} < B_1 + B_2,$$

ибо въ такомъ случаѣ при выборѣ у лица будутъ бороться потребности въ одной единицѣ блага A и въ цѣлыхъ двухъ единицахъ

рого Такъ, предположимъ, что для какого-либо лица безразлично обладаніе x_a блага A, x_b блага B и x_c блага C, т е выборъ между ними даетъ линію безразличія Тогда

$$x_a = x_b = x_c.$$

Но, согласно ученію *Pareto*, мы можемъ найти другую линію безразличія съ болѣе высокимъ показателемъ, отдѣльныя точки которой будутъ отвѣчать, съ одной стороны, обладанію нѣкоторымъ количествомъ x_m какого-либо иного блага M, а съ другой—совмѣстному обладанію x_a, x_b и x_c Если эти точки лежатъ на одной линіи безразличія, другими словами, если лицо не можетъ отдать предпочтенія ни одному изъ видовъ благъ, то при условіи, что потребности въ благахъ A, B и C независимы другъ отъ друга, т е. таковы, что совмѣстное удовлетвореніе ихъ не вліяетъ на интенсивность каждой изъ нихъ въ отдѣльности, мы не только можемъ сказать, что въ смыслѣ интенсивности потребностей

$$x_m = x_a + x_b + x_c.$$

но, такъ какъ

$$x_a = x_b = x_c,$$

можемъ сказать, что

$$x_m = 3x_a.$$

Идя отъ линіи безразличія, мы пришли, такимъ образомъ, къ совершенно точному количественному отношенію между потребностью въ x_m блага M и потребностью въ x_a блага A, отношеніе это равно 3.1. Изъ этого ясно видно, что *Pareto* и его послѣдователи, допуская линіи безразличія, останавливаются на половинѣ дороги въ отрицаніи измѣримости интенсивности потребностей и признаніи одной сравнимости ихъ Доведенная же до своего логическаго конца мысль о неизмѣримости даетъ намъ ту скалу потребностей изъ однихъ неравенствъ, которая написана нами въ текстѣ.

блага B. Это будетъ происходить потому, что цѣною одной и той же затраты можно пріобрѣсти или одну единицу A или двѣ единицы B. Скала потребностей должна, поэтому, содержать достаточно полныя отношенія неравенства, чтобы человѣкъ и въ этомъ случаѣ въ состояніи былъ произвести выборъ. Точно также сплошь и рядомъ необходимо знать, будетъ ли

$$A_1 + A_2 > \text{или} < B_1 + B_2 + B_3;$$

это надо знать въ томъ случаѣ, если затраты на пріобрѣтеніе единицы A и B относятся другъ къ другу, какъ 3 : 2

Чѣмъ сложнѣе случай выбора и расцѣнки, тѣмъ полнѣе должна быть скала неравенствъ. Это и даетъ нѣкоторое основаніе предполагать, что у людей, по крайней мѣрѣ въ главныхъ частяхъ скалъ потребностей, имѣются точныя количественныя отношенія между интенсивностями отдѣльныхъ потребностей. Въ самомъ дѣлѣ, люди совершаютъ весьма сложныя хозяйственныя сдѣлки и нерѣдко реагируютъ своимъ поведеніемъ на самыя незначительныя колебанія затратъ, необходимыхъ для пріобрѣтенія благъ. Между тѣмъ для этого нужны самыя детальныя скалы потребностей, самыя детальныя отношенія $>$ и $<$. Всякое же пополненіе и всякая детализація скалы потребностей, выраженной неравенствами, приближаетъ ее къ скалѣ съ точными количественными отношеніями. Такъ, напримѣръ, если я знаю, что

$$A_1 > B_1,$$

то, предположивъ, что $A_1 = 100$, я могу, оставаясь въ предѣлахъ цѣлыхъ положительныхъ чиселъ, придавать B_1 значенія отъ 99 до 1. Если же я знаю, кромѣ того, что

$$A_1 < B_1 + B_2,$$

при чемъ

$$B_1 > B_2,$$

то, при томъ же значеніи A_1, значенія B_1 могутъ колебаться только въ предѣлахъ отъ 99 до 51, ибо уже при $B_1 = 50$ получаемъ, что B_2 не можетъ быть больше 49, а, слѣдовательно, $B_1 + B_2$ не можетъ быть больше 99, а это противорѣчитъ неравенству $A_1 < B_1 + B_2$. Такъ съ каждымъ болѣе детальнымъ неравенствомъ съуживаются предѣлы возможныхъ колебаній значеній. Конечно, это только приближаетъ къ точнымъ количественнымъ отношеніямъ, но не сливаетъ съ ними.

Это даетъ намъ основанія съ нѣкоторой вѣроятностью предполагать существованіе въ скалахъ человѣческихъ потребностей точныхъ количественныхъ отношеній между отдѣльными членами скалъ, но не позволяетъ намъ говорить о нихъ съ полной увѣренностью, и не даетъ возможности опредѣлять эти отношенія.

Все, что мы можемъ утверждать, какъ совершенно безспорное, и отъ чего мы можемъ отправляться въ нашихъ теоретическихъ построеніяхъ,—это все же только отношенія $>$ и $<$. Ими одними мы и пользуемся въ дальнѣйшемъ.

§ 16. Несравнимость потребностей нѣсколькихъ лицъ.

Скала потребностей показываетъ лишь относительное значеніе различныхъ потребностей одного и того же лица, мѣсто каждой изъ нихъ въ ряду другихъ потребностей этого лица. Поэтому на основаніи скалъ потребностей отдѣльныхъ лицъ еще нельзя сказать, въ какомъ отношеніи находится интенсивность потребностей однихъ лицъ къ интенсивности потребностей другихъ лицъ. Для этого необходимо сравненіе интенсивности потребностей разныхъ людей. Между тѣмъ единственный способъ сравненія потребностей, какъ мы уже знаемъ, это наблюденіе надъ явленіями выбора и предпочтенія. А этотъ способъ даетъ намъ возможность сравнивать только разныя потребности одного и того же лица. Сравнивать интенсивность потребностей разныхъ лицъ этимъ путемъ мы можемъ голько въ тѣхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, потребность въ данномъ предметѣ у одного лица существуетъ и обладаетъ болѣе или менѣе значительной интенсивностью, а у другого лица совершенно отсутствуетъ. Такъ, напримѣръ, когда одно лицо прилагаетъ значительныя старанія къ тому, чтобы достать какой-либо предметъ, а другое лицо, не смотря на свободу дѣйствій, отказывается взять этотъ предметъ, достающійся ему безъ всякихъ усилій и затратъ, увѣряя, что предметъ этотъ ему не нуженъ, то мы можемъ сказать, что потребность въ этомъ предметѣ у перваго лица интенсивнѣе, чѣмъ у второго лица. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда и одно и другое лицо ощущаютъ потребности въ данныхъ предметахъ, сравнить интенсивность этихъ потребностей и сказать, чья потребность болѣе интенсивна, мы, строго говоря, не имѣемъ никакой возможности [1]).

[1]) Такое сравненіе считаютъ возможнымъ лишь очень немногіе авторы. Такъ, сравнимость потребностей разныхъ лицъ, повидимому, допускаетъ *Wieser*, когда говоритъ объ „общественной предѣльной полезности“ („Grenznutzen“ въ

Если мы иногда въ обыденной жизни говоримъ о сравнительной силѣ потребностей разныхъ лицъ [1]), то, во-первыхъ, мы дѣлаемъ это лишь при очень рѣзко бросающемся въ глаза различіи отношенія людей къ предметамъ. А во-вторыхъ, и это особенно важно, когда мы сравниваемъ такимъ образомъ потребности разныхъ людей, мы просто на просто приравниваемъ всѣхъ этихъ людей къ себѣ и, ставя себя на ихъ мѣсто, равно какъ судя о чужихъ чувствахъ по ихъ внѣшнему проявленію, расцѣниваемъ приблизительно сравнительную степень интенсивности чувствъ разныхъ лицъ. Такъ, смѣющагося человѣка мы считаемъ испытывающимъ удовольствіе, плачущаго—переживающимъ страданіе, чувство едва улыбающагося считаемъ менѣе напряженнымъ, нежели чувство человѣка, прыгающаго отъ радости, и т. п. Однако, въ виду большого несходства людей и неодинаковаго внѣшняго проявленія ими своихъ чувствъ, полной увѣренности въ правильности такихъ сравненій не можетъ быть даже при рѣзко выраженныхъ различіяхъ. Въ массѣ же менѣе рѣзкихъ случаевъ оказывается совершенно невозможнымъ сравнивать ощущенія разныхъ лицъ, вслѣдствіе отсутствія какого-либо точнаго общаго основанія для такого сравненія [2]).

Hwb. d. Stw 3 A. V. Bd.) О томъ же говоритъ *A. C Pigou*, считая, что устанавливаемая имъ единица полезности *„util“* (т. е. полезность незначительнаго прироста даннаго блага при данныхъ условіяхъ общаго состава потребленія для произвольно выбраннаго лица) „можетъ служить единицей для измѣренія желаній различныхъ индивидуумовъ“ („Some remarks on utility“ въ The Ec. Journal. Vol. XIII March 1903 стр. 64) Никакихъ доказательствъ въ пользу возможности такого измѣренія онъ, однако, не приводитъ. Какъ съ величинами, сравнимыми для разныхъ лицъ, оперируетъ съ полезностями, а значитъ, и съ потребностями. *Clark* (напримѣръ, Distribution, стр. 387 и сл.), равно какъ его послѣдователь *Seligman* (Principles of economics, стр. 179—80). Отсюда они выводятъ свое понятіе *соціальной* предѣльной полезности, играющее важную роль въ ихъ экономической системѣ. Ими, однако, не показано, какъ измѣрять полезности для разныхъ лицъ. То же надо сказать о понятіи соціальнаго желанія, употребляемомъ *Cornélissen*'омъ (Théorie de la valeur, стр. 109). Такъ же неопредѣльно и понятіе „соціальной потребительной цѣнности“, какъ потребительной цѣнности „для людей вообще, въ среднихъ условіяхъ ихъ существованія“, выводимое *Залѣскимъ* (Ученіе о цѣнности. I, стр. 10).

[1]) *Neurath*, опираясь на это, говоритъ: если и не существуетъ никакой общей мѣры для сравненія чувствъ разныхъ лицъ, то и безъ такой общей мѣры все таки можно иногда сказать, что „одному человѣку, испытывающему боль, хуже, чѣмъ другому, испытывающему удовольствіе“ („Nationalokonomie und Werttehre“ въ Zschr f. Volksw, Sozpol u Verw XX Bd. 1911, стр 55). И дальше онъ приводитъ таблицы, построенныя на предположеніи такой сравнимости чувствъ разныхъ лицъ.

[2]) Въ виду этого надо признать совершенно недопустимыми выраженія въ родѣ того, которое, напримѣръ, употребляетъ *Шапошниковъ*, говорящій: „Два

Говорить о разныхъ людяхъ, что у одного изъ нихъ потребность въ данномъ предметѣ больше, у другого меньше. можно только въ томъ смыслѣ, что эта потребность занимаетъ у перваго лица въ скалѣ потребностей болѣе высокое мѣсто, нежели у второго. Но и при этомъ мы сравниваемъ лишь *относительную* интенсивность разныхъ потребностей у разныхъ лицъ, не будучи въ состояніи сравнить *абсолютную* величину интенсивности однѣхъ и тѣхъ же потребностей у этихъ лицъ [1]).

Нельзя, конечно, согласиться и съ тѣмъ. что интенсивность потребностей разныхъ лицъ можно сравнивать при помощи денегъ, т. е. той суммы денегъ, которую эти лица согласны заплатить за удовлетвореніе тѣхъ или иныхъ потребностей. Это невозможно потому, что мы не имѣемъ средствъ для сравненія субъективной тягости для разныхъ лицъ затраты равныхъ денежныхъ суммъ [2]).

человѣка, для которыхъ данный предметъ обладаетъ совершенно одинаковой полезностью“ .. (Теорія цѣнности и распредѣленія, стр 7).

[1]) Объ этомъ говоритъ *Орженикій*: „..теоретически сравненіе чувствъ разныхъ лицъ между собою невозможно Практически однако мы его производимъ. При этомъ мы исходимъ изъ постулата о сходствѣ человѣческой природы... Мы легко можемъ построить таблицу цѣнностей для одного лица и таблицу цѣнностей для другого лица, и найти, что одни и тѣ же объекты расположены въ этихъ таблицахъ не въ одинаковомъ порядкѣ; на основаніи этого можно сказать, что скряга любитъ деньги больше, чѣмъ удовольствія, которыя могутъ быть куплены за деньги, а мотъ больше любитъ удовольствія, чѣмъ деньги; но чтобы отъ этого утвержденія перейти къ утвержденію, что скряга любитъ деньги больше, чѣмъ мотъ, надо пройти черезъ положеніе, что въ какомъ-либо случаѣ одинаковыя чувства двухъ лицъ находятся между собою въ такомъ же отношеніи, какъ два чувства одного и того же лица На практикѣ мы такъ и поступаемъ, но теоретически подобное утвержденіе не можетъ быть обосновано“ (Ученіе объ экономическомъ явленіи, стр. 321)

[2]) Поэтому нельзя признать правильнымъ разсужденіе *Cassel'я* Онъ сначала говоритъ, что „интенсивность потребностей лица А и лица В невозможно сравнивать“ („Grundriss“ въ Zschr f d ges. Stwiss. 55 Bd., стр 397) Но дальше онъ допускаетъ ничѣмъ не обоснованную фикцію, что „потребности А и В обладаютъ одинаковой интенсивностью, если только оба лица цѣнятъ эти потребности въ одну марку“ (тамъ же, стр 397—8) На возраженіе, что субъективная цѣнность денегъ для разныхъ лицъ не одинакова, онъ отвѣчаетъ. что субъективная длина времени также не одинакова, но всѣ мы мѣряемъ время одинаковой объективной величиной—угломъ, на который земля поворачивается вокругъ своей оси. „Безъ сомнѣнія, говоритъ онъ, это неслыханно искусственное *artificium*. Но, какъ велико было его практическое значеніе, я думаю, этого здѣсь нѣтъ нужды доказывать“ (тамъ же, стр 405). На это надо въ свою очередь отвѣтить, что угломъ поворота

Вотъ почему мы должны признать, что потребности разныхъ лицъ несравнимы [1]).

Но для объясненія явленій расцѣнки въ современной хозяйственной жизни, и въ частности для пониманія явленій современнаго обмѣна, какъ мы увидимъ дальше, и не нужна сравнимость потребностей разныхъ лицъ. При всякой расцѣнкѣ и обмѣнѣ каждый человѣкъ сравниваетъ только интенсивность однѣхъ своихъ потребностей съ интенсивностью другихъ своихъ же потребностей. Результатомъ этого сравненія онъ и руководится въ своихъ хозяйственныхъ поступкахъ. Интенсивность своихъ потребностей съ интенсивностью

земли вокругъ своей оси мы мѣряемъ совсѣмъ не наши *субъективныя* ощущенія времени И для того случая, когда важны были бы именно субъективныя ощущенія, оказалось бы совершенно неподходящимъ допущеніе, что эти переживанія одинаковы, разъ одинаковъ уголъ поворота земли вокругъ своей оси. Для насъ же, когда мы заводимъ рѣчь о потребностяхъ, важны именно субъективныя ощущенія. Деньгами ихъ измѣрять нельзя Деньгами при извѣстныхъ условіяхъ удобно измѣряется объективная мѣновая цѣнность И тогда роль денегъ аналогична роли объективнаго мѣрила времени

[1]) *Jevons* о сравненіи величины чувствъ одного человѣка съ величиной чувствъ другого говоритъ: „Я не вижу никакого средства, которое позволило бы сдѣлать такое сравненіе“ (La Théorie de l'ёc. pol. фр. пер. 1909, стр 68) О томъ же говорятъ другіе представители математическаго направленія; напримѣръ: *Launhardt* (Mathematische Begrundung der Volkswirtschaftslehre, стр 19) и *Pareto* (Cours I, стр. 21) О невозможности свести къ общей мѣрѣ стремленія разныхъ лицъ къ одной и той же вещи говоритъ и *Wickstead* (The alphabet of economic science, I, стр 68). Такого же мнѣнія держатся американцы *Ch. A. Tuttle* („The wealth concept A study in economic theory“ въ Annals of Amerikan Academy of Political and Social Science. Vol I. April. 1891, стр. 629) и *Davenport* Послѣдній полемизируетъ съ *Böhm-Bawerk*'омъ, отмѣчая, что потребность и полезность не абсолютная, а относительная величина (Value and distribution, стр. 299). Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ. „. посколько дѣло идетъ о скалахъ потребностей, мы никогда не можемъ выйти за предѣлы индивидуума. Построеніе кривыхъ полезности и подсчетъ полезности для цѣлаго общества невозможны, если не допустить нѣкотораго героическаго предположенія — необходимаго, повидимому, для соціализма,— что всѣ люди схожи другъ съ другомъ, или во всякомъ случаѣ, что на различія между ними можно или должно не обращать вниманія. Объясняется это тѣмъ, что для различныхъ индивидуумовъ не можетъ быть произведено сравненіе полезностей ни количественное, ни качественное“ (тамъ же, стр 536) Такъ же смотритъ *Cuhel* Потребности разныхъ лицъ, по его мнѣнію, ни прямо, ни косвенно не сравнимы (Zur Lehre von den Bedürfnissen, стр 210—1). *Gide* по этому же поводу замѣчаетъ: „для желаній одного и другого лица нѣтъ никакой общей мѣры, *no bridge*, какъ говорятъ англійскіе гедонисты. нѣтъ моста“ (*Ch. Gide* et *Ch Rist*. Histoire des doctrines economiques. стр 610)

потребностей другихъ лицъ онъ при этомъ не сравниваетъ такое сравненіе ему не нужно [1]).

Трудность, вытекающая изъ невозможности сравненія интенсивности потребностей разныхъ лицъ, имѣетъ значеніе лишь въ области народно-хозяйственной политики, напримѣръ, при взиманіи государственною властью тѣхъ или иныхъ хозяйственныхъ благъ у отдѣльныхъ лицъ и распредѣленіи этихъ благъ между отдѣльными лицами по авторитативному принципу. На эту же трудность натолкнулось бы соціалистическое хозяйство при распредѣленіи общаго продукта, напримѣръ, согласно принципу Готской соціалъ-демократической программы. «каждому по его разумнымъ потребностямъ». Хозяйственная политика обходитъ въ настоящее время отмѣченную трудность при помощи различныхъ грубыхъ масштабовъ и допущенія различныхъ фикцій [2]).

§ 17 Познаніе скалъ потребностей.

Сказанное нами въ предыдущихъ §§ устраняетъ сомнѣніе въ томъ, что у каждаго человѣка въ каждый данный моментъ существуетъ присущая ему скала потребностей. Если это такъ, то невольно встаетъ вопросъ, нельзя ли какимъ-либо способомъ добраться до этихъ скалъ и познать ихъ, т. е. опредѣлить сравнительную интенсивность отдѣльныхъ потребностей?

[1]) *Jevons* пишетъ по этому поводу: „Если бы мы даже могли сравнивать чувства различныхъ людей, намъ не пришлось бы этого дѣлать, потому что въ психикѣ каждаго даннаго человѣка одна движущая сила сравнивается съ другими движущими силами психики того же человѣка, но никогда она не сравнивается съ движущими силами психики другихъ людей“ (La theorie de l'ec. pol фр. пер., стр. 69). О томъ же говорятъ *Fisher* (Mathematical Investigations, стр 86) и *Davenport* (Value and distribution, стр 299); то же признаетъ *Cuhel* (Zur Lehre von den Bedürfnissen, стр. 211); ср. также *Дмитріевъ* (Экономическіе очерки, стр 132—3).

[2]) „Изъ невозможности сравнивать положительную и отрицательную силу стремленій отдѣльныхъ лицъ, пишетъ по этому поводу *Cuhel*, для науки о хозяйствѣ вырастутъ крупныя затрудненія лишь тогда, если она когда-либо включитъ въ кругъ своего разсмотрѣнія и тѣ коммунистическія хозяйства, въ которыхъ сообща произведенный продуктъ будетъ распредѣляться между отдѣльными членами коммунистическихъ общинъ согласно силѣ положительныхъ потребностей въ употребленіи благъ, а сообща выполняемый трудъ—согласно силѣ отрицательныхъ потребностей въ выполненіи этого труда“ (Zur Lehre von den Bedürfnissen, стр 214).

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть слѣдующій. Никакого прямого способа для познанія скалъ потребностей мы не имѣемъ. Ни непосредственное наблюденіе надъ самимъ собою, ни опросъ другихъ людей, кромѣ самыхъ рѣдкихъ исключительныхъ случаевъ, не дастъ намъ даже отдѣльныхъ частей скалъ потребностей. Не дастъ онъ ихъ потому, что никто изъ насъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ той массѣ различныхъ чувствъ и сложныхъ переживаній, которыя опредѣляютъ порядокъ отдѣльныхъ потребностей и укладываютъ ихъ въ извѣстную скалу. Нельзя опредѣлить скалу потребностей и тѣмъ путемъ, который рекомендуютъ нѣкоторые экономисты, а именно путемъ опроса людей относительно того, какую сумму денегъ готовы они заплатить за такой-то и такой-то предметъ [1]). Во-первыхъ, такой опросъ не далъ бы удовлетворительныхъ отвѣтовъ; люди знаютъ, за сколько они покупаютъ вещи, но они далеко не всегда въ состояніи сказать, сколько *maximum* они согласны заплатить за каждую вещь. Полученные отвѣты врядъ ли можно было бы разсматривать, какъ дѣйствительное выраженіе сравнительной интентенсивности различныхъ потребностей. Во-вторыхъ, знаніе того, сколько денегъ готово въ крайнемъ случаѣ заплатить лицо за разныя вещи, еще вовсе не отвѣчаетъ на вопросъ о потребностяхъ. Вспомнимъ то, что намъ приходилось уже говорить о деньгахъ, какъ мѣрилѣ потребностей. Нельзя упускать изъ виду, что денежная расцѣнка вещей, которую показали бы опрашиваемыя лица, помимо потребностей зависитъ еще отъ запаса денегъ у даннаго лица и отъ цѣнъ другихъ вещей, покупаемыхъ этимъ лицомъ. Такъ, при увеличеніи запаса денегъ увеличится и та сумма, какую лицо готово заплатить за вещь, хотя въ скалѣ потребностей этого лица можетъ не произойти никакихъ измѣненій. То же будетъ наблюдаться при измѣненіи цѣнъ различныхъ предметовъ, входящихъ въ составъ потребленія лица.

Для познанія скалъ потребностей у насъ остается вслѣдствіе этого только одинъ путь. Мы дальше увидимъ, что и на этомъ пути приходится наталкиваться на много различныхъ трудностей. Мы не беремся даже рѣшать вопроса о томъ, удастся ли практическимъ пріемамъ въ близкомъ будущемъ побороть всѣ эти трудности Но это единственный теоретически возможный путь.

---

[1]) См *Cassel* („Grundriss“ въ Zschr. f. d ges. Stwiss 55 Bd 1899, стр. 405)

Поэтому мы все-таки опишемъ его.

Путь этотъ состоитъ въ наблюденіи надъ тѣмъ, что *выбралъ* человѣкъ для своего потребленія[1]), и въ обратномъ умозаключеніи отъ состава потребленія при данной стоимости благъ, а въ денежномъ хозяйствѣ при данныхъ денежныхъ цѣнахъ благъ, къ потребностямъ лица. При этомъ въ основѣ такого обратнаго умозаключенія лежитъ предположеніе, что человѣкъ производитъ выборъ предметовъ потребленія свободно. Если это условіе выполнено, тогда фактъ выбора даетъ право заключить, что потребность лица въ выбранномъ предметѣ болѣе интенсивна, нежели въ отвергнутомъ, если только пріобрѣтеніе обоихъ предметовъ требуетъ *равныхъ* пожертвованій[2]).

[1]) Выборъ, говоритъ *Ricci*,—это нашъ гедоніскопъ (*edonimetro*, т. е. указатель удовольствія) грубый, если хотите, но цѣнный для насъ, такъ какъ другого мы не имѣемъ" („La misurabilità del piacere a del dolore" въ Giornale d. ec. Vol. XXX. 1905, стр. 36).

[2]) Попытку опредѣлять интенсивность потребностей или величину „наслажденія" на основаніи данныхъ о потребленіи мы встрѣчаемъ уже у *Gossen*'а (Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs, стр. 121—8). О томъ же говорятъ *Jevons* (Theory, стр. 109—13, 140—2) и другіе экономисты-математики. Но всѣ они при этомъ отправляются отъ разобраннаго нами выше второго закона *Gossen*'а. Вопросомъ о соотношеніи между потребленіемъ и потребностями занятъ также *Patten* (Consumption of wealth стр. 18—9). Важность „теоріи потребленія" для опредѣленія функцій спроса отмѣчаетъ *Cassel* („Grundriss" въ Zsch. f. d. ges. Stwiss. 55. Bd. 1899, стр. 415). О зависимости потребленія отъ цѣнъ товаровъ и потребностей говоритъ *Apelt* (Die Konsumtion der wichtigsten Kulturländer der letzten Jahrzehnte, 1899, стр. 10—1). Упомянутый выше *Ricci* по поводу описаннаго въ текстѣ умозаключенія говоритъ, что лучшимъ критеріемъ, при помощи котораго можно сравнивать удовольствія и неудовольствія, является критерій *выбора*. „Представимъ себѣ, говоритъ онъ, чистаго гедониста, поставленнаго передъ альтернативой получить опредѣленное количество одного изъ двухъ благъ: b блага (B) или c блага (C); напримѣръ, одно яблоко или одинъ персикъ. Если человѣкъ выберетъ яблоко, то при предположеніи, что онъ преслѣдовалъ только цѣли увеличенія удовольствія, можно сказать, что яблоко доставляетъ ему большее удовольствіе. Такимъ путемъ отъ видимаго дѣйствія—выбора—мы восходимъ къ опредѣляющему мотиву—желанію получить болѣе интенсивное удовольствіе. Мы пользуемся при этомъ хорошо извѣстнымъ общимъ принципомъ, что причины измѣряются по ихъ дѣйствіямъ" (La misurabilità, стр. 28). Если выбросить изъ этого мѣста гедоническую точку зрѣнія и замѣнить стремленіе къ *удовольствію* просто *потребностью*, то получимъ достаточно правильное описаніе умозаключенія отъ потребленія къ потребностямъ. *Cuhel*, касаясь того же вопроса, говоритъ, что „рѣшенія нашей воли образуютъ наилучшее изъ тѣхъ вспомогательныхъ средствъ, которыми мы пока располагаемъ для того, чтобы узнавать, какая изъ двухъ данныхъ потребностей обладаетъ большею силой" (Zur Lehre von den Bedürfnissen, стр. 178—9). „Этотъ пріемъ, замѣчаетъ онъ, совершенно аналогиченъ тому, которымъ

Разсмотримъ эти умозаключенія. Возьмемъ сначала простѣйшій случай и предположимъ, что единица всѣхъ благъ стоитъ одну и ту же сумму. Пусть, напримѣръ, какое-либо лицо, обладавшее 100 рублями, потребило при цѣнѣ каждаго блага въ 10 рублей слѣдующія количества различныхъ благъ

$$3A + 3B + 2C + 2D$$

Этимъ мы обозначаемъ, что лицо потребило три какія-то единицы блага A, три единицы блага B, двѣ единицы блага C и двѣ единицы блага D. Каждое благо при этомъ измѣрено любыми, свойственными ему въ хозяйственномъ оборотѣ единицами (пудами, фунтами, аршинами, ведрами и т. д.)

Изъ приведеннаго состава потребленія мы въ правѣ вывести, что у нашего лица потребность въ A_3, т. е. въ третьей единицѣ блага A была въ моментъ выбора интенсивнѣе, нежели потребность въ B_4, или въ C_3, или D_3. Мы можемъ сказать это, потому что, разъ выборъ былъ свободенъ и на единицу каждаго блага надо было истратить одну и ту же сумму денегъ, то предпочтеніе, отданное лицомъ удовлетворенію потребности въ A_3, ясно говоритъ о большей интенсивности этой потребности. Если бы потребность въ A_3 была слабѣе потребности въ B_4, наше лицо потребило бы не 3A+3B, а 2A+4B, наконецъ, если бы потребности въ A_3 и B_4 были одинаково интенсивны, то продпочтеніе, отданное A_3 передъ B_4, было бы невозможно [1]). Такъ же можно доказать, что при написанномъ выше составѣ потребленія интенсивность потребности въ A_3 не можетъ быть меньше или равна интенсивности потребностей въ C_3 или въ D_3. Но этого мало. Приведенное потребленіе даетъ намъ право заключить, что, напримѣръ, потребность въ A_3 интенсивнѣе, нежели потребности во всѣхъ другихъ, непотребленныхъ нашимъ лицомъ благахъ, единица которыхъ стоитъ также не болѣе 10 рублей. Если бы это было не такъ, если бы, предположимъ, потребность въ какомъ-либо благѣ E_1 была интенсивнѣе, чѣмъ въ A_3, тогда, очевидно, наше лицо потребило бы не 3A, а 2A+1E

примѣняется, когда ложатъ два тѣла на чашки вѣсовъ и говорятъ, что то изъ тѣлъ, которое заставляетъ чашку опускаться, обладаетъ большимъ вѣсомъ“ (тамъ же, стр 179).

[1]) Ср стр. 72.

Выводы относительно потребностей даннаго лица, которыя мы можемъ сдѣлать на основаніи приведеннаго состава его потребленія, могутъ быть выражены въ видѣ слѣдующихъ неравенствъ:

$$A_3 > \left|\begin{matrix} B_4 \\ C_3 \\ D_3 \\ E_1 \\ \cdots \end{matrix}\right. \qquad B_3 > \left|\begin{matrix} A_4 \\ C_3 \\ D_3 \\ E_1 \\ \cdots \end{matrix}\right. \qquad C_2 > \left|\begin{matrix} A_4 \\ B_4 \\ D_3 \\ E_1 \\ \cdots \end{matrix}\right. \qquad D_2 > \left|\begin{matrix} A_4 \\ B_4 \\ C_3 \\ E_1 \\ \cdots \end{matrix}\right.$$

Это значитъ, что потребность въ третьей единицѣ блага A интенсивнѣе потребности въ четвертой единицѣ блага B, интенсивнѣе потребности въ третьей единицѣ блага C, или третьей единицѣ блага D, или первой единицѣ блага E и т. д.

При этомъ необходимо одно дополнительное замѣчаніе. Изъ приведеннаго выше состава потребленія еще не вытекаетъ непосредственно, что и

$$A_3 > A_4 \quad , \quad B_3 > B_4 \quad , \quad C_2 > C_3 \quad , \quad D_2 > D_3,$$

т. е. что потребность въ послѣдней потребленной единицѣ каждаго блага интенсивнѣе, нежели потребность въ первой непотребленной единицѣ того же блага. Другими словами, еще не вытекаетъ само собой то паденіе интенсивности потребностей, которое отмѣчается первымъ закономъ *Gossen*'а. Интенсивность первыхъ неудовлетворенныхъ потребностей можетъ быть равна интенсивности послѣднихъ удовлетворенныхъ и даже превышать ее. Но, если внимательнѣе вглядѣться въ характеръ потребленія, то обнаруживается слѣдующее любопытное обстоятельство. Не только большій размѣръ интенсивности потребности въ непотребленной единицѣ по сравненію съ интенсивностью потребности въ послѣдней потребленной единицѣ, но даже ихъ равенство мыслимо только для потребности въ какомъ-либо *одномъ* изъ всѣхъ благъ, входящихъ въ потребленіе даннаго лица. Уже для потребностей въ двухъ благахъ такое равенство невозможно. Такъ, пусть сразу будутъ равны интенсивности слѣдующихъ потребностей.

$$A_3 = A_4 \quad \text{и} \quad B_3 = B_4.$$

Тогда потребленіе 3A + 3B неизбѣжно предполагало бы, что и потребность въ A_3 равна потребности въ B_3, т. е. $A_3 = B_3$, потому что,

будь $A_3 > B_3$, наше лицо потребило бы не $3A + 3B$, а $4A + 2B$; наоборотъ, будь $A_3 < B_3$, потреблено было бы не $3A + 3B$, а $2A + 4B$. Если же $A_3 = B_3$, то получаются четыре потребности равной интенсивности.

$$A_3 = A_4 = B_3 = B_4.$$

Но тогда наше лицо не могло бы выбрать и удовлетворить изъ этихъ четырехъ равныхъ потребностей двѣ, и именно потребности въ A_3 и B_3. А оно такой выборъ сдѣлало. Значитъ, одновременно не можетъ существовать двухъ равенствъ потребностей:

$$A_3 = A_4 \quad \text{и} \quad B_3 = B_4.$$

Можетъ быть лишь одно изъ двухъ: или $A_3 = A_4$, или $B_3 = B_4$, т. е. даже *равенство* потребностей въ послѣдней потребленной и первой непотребленной единицахъ возможно только для *одного* блага. Уже это одно показываетъ, какое рѣдкое исключеніе должно представлять нарушеніе перваго закона *Gossen*'а. Но можно пойти еще дальше. Если для всѣхъ благъ, кромѣ какого-то одного, интенсивность потребности въ первыхъ непотребленныхъ единицахъ меньше, нежели интенсивность потребности въ послѣднихъ потребленныхъ единицахъ, то въ тѣхъ случаяхъ, когда число различныхъ потребляемыхъ благъ велико, лишь при наличности особыхъ, совершенно исключительныхъ условій имѣется основаніе предполагать нарушеніе перваго закона *Gossen*'а даже для *одного* какого-либо блага. Этому не противорѣчитъ указанный нами при разборѣ закона *Gossen*'а фактъ существованія такихъ потребностей, интенсивность которыхъ для первыхъ небольшихъ количествъ потребляемыхъ благъ не падаетъ, а наростаетъ и лишь за извѣстнымъ предѣломъ обнаруживаетъ паденіе. Если бы интенсивность такой потребности росла и дальше, такая неутолимая растущая потребность вытѣснила бы всѣ другія потребности; а если бы такихъ потребностей было нѣсколько, то изъ нихъ вытѣснила бы всѣ другія та, интенсивность которой росла бы быстрѣе всего. Вытѣсненіе сказалось бы на потребленіи въ томъ, что всѣ средства лица, ощущающаго такую потребность, были бы затрачены на удовлетвореніе именно этой потребности. Таково потребленіе «скупого рыцаря», къ нему приближается потребленіе ясно выраженнаго алкоголика. Если же этого нѣтъ, если мы видимъ въ составѣ потреб-

ленія цѣлый рядъ различныхъ благъ—а таково именно обычное потребленіе людей—,то надо сдѣлать слѣдующій выводъ: если даже въ скалѣ потребностей этихъ людей и имѣются потребности, интенсивность которыхъ до извѣстнаго предѣла не падаетъ, а растетъ, то разнообразіе потребленія указываетъ, что удовлетвореніе этихъ потребностей доведено у такихъ лицъ до той границы, за которой настоятельность ихъ уже начинаетъ падать. А разъ все это такъ, то мы *съ очень малою вѣроятностью ошибки* можемъ къ написаннымъ выше неравенствамъ присоединить еще неравенства:

$$A_3 > A_4 \ , \ B_3 > B_4 \ , \ C_2 > C_3 \ , \ D_2 > D_3.$$

Тогда всѣ полученныя неравенства мы можемъ объединить въ одно сложное неравенство:

$$\begin{array}{|l|c|l|} \hline \ldots & & \\ A_3 & & A_4 \\ B_3 & & B_4 \\ C_2 & > & C_3 \\ D_2 & & D_3 \\ & & E_1 \\ & & \ldots \\ \hline \end{array}$$

Такъ, зная составъ потребленія и цѣны товаровъ, можно вскрыть уголокъ скалы потребностей даннаго лица.

Но этотъ уголокъ представляетъ собою вмѣстѣ съ тѣмъ все, что мы въ состояніи сказать о потребностяхъ лица на основаніи приведеннаго выше потребленія. Дѣлать изъ него тѣ дальнѣйшіе выводы, которые пытались дѣлать нѣкоторые экономисты, мы считаемъ невозможнымъ. Въ томъ числѣ невозможенъ и выводъ, разобранный нами § 13 подъ названіемъ« *второго* закона *Gossen*'а». Лишь въ томъ случаѣ, если бы потребности въ благахъ A, B, C. и D были непрерывными функціями отъ потребляемыхъ количествъ этихъ благъ. если бы самыя блага эти были безконечно дѣлимы и, наконецъ, если бы взятыя нами единицы благъ были безконечно малыми—лишь при наличности такихъ условій мы имѣли бы проявленіе дѣйствія второго закона *Gossen*'а. При этомъ въ данномъ случаѣ, въ виду равенства цѣнъ всѣхъ благъ, законъ этотъ проявился бы въ *равенствѣ*

интенсивностей потребностей въ послѣднихъ потребленныхъ единицахъ всѣхъ благъ, т. е. получилось бы, что [1]):

$$A_3 = B_3 = C_2 = D_2.$$

Не считаемъ нужнымъ повторять сказанное нами раньше о томъ, почему мы не имѣемъ права предполагать наличности перечисленныхъ выше условій. Вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ и возможность писать указанныя выше равенства. Мы отмѣчали, однако, уже, что экономическая теорія и не нуждается въ этихъ равенствахъ.

Продолжимъ нашъ анализъ.

Наблюдая измѣненіе состава потребленія даннаго лица при измѣненіи величины его бюджета, можно вскрыть дальнѣйшія части скалы потребностей. Такъ, предположимъ, что намъ извѣстенъ составъ потребленія нашего лица не только при бюджетѣ въ 100 руб., но и при сокращеніи бюджета до 70 руб., равно какъ при расширеніи его до 130 руб. Пусть, напримѣръ, при той же цѣнѣ единицы каждаго блага въ этихъ трехъ случаяхъ наше лицо потребитъ слѣдующія количества разныхъ благъ [2]):

при 70 руб. — $2A + 2B + 2C + 1D$,
при 100 руб. — $3A + 3B + 2C + 2D$,
при 130 руб. — $3A + 3B + 3C + 3D + 1E$.

---

[1]) При этомъ въ такомъ случаѣ уже и для потребности въ *одномъ* какомъ-либо благѣ невозможно нарушеніе *перваго* закона *Gossen*'а. Въ самомъ дѣлѣ, будь, напримѣръ, потребность въ A_4 даже не интенсивнѣе, а только равна по интенсивности потребности въ A_3, все же мы имѣли бы тогда пять равныхъ по своей интенсивности потребностей:

$$A_3 = B_3 = C_2 = D_2 = A_4$$

Если же изъ этихъ пяти потребностей лицо все же выбрало для удовлетворенія первыя четыре, то очевидно, что ихъ интенсивность выше. А значитъ: $A_3 > A_4$. Это намъ объясняетъ, почему экономисты-математики принимали, какъ постулатъ, непрерывное убываніе интенсивности *всѣхъ* потребностей съ увеличеніемъ потребляемыхъ количествъ благъ.

[2]) Если интенсивность потребности непрерывная функція и блага безконечно дѣлимы, то написанныя въ текстѣ измѣненія состава потребленія невозможны. Расширеніе потребленія и сокращеніе его тогда должно касаться всѣхъ благъ, а не только нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ этомъ, какъ мы уже знаемъ, сказывается рѣзкое несовпаденіе предпосылки непрерывности функцій и дѣлимости потребностей и благъ съ фактами дѣйствительной хозяйственной жизни.

Въ силу выше сказаннаго мы можемъ изъ этихъ трехъ составовъ потребленія сдѣлать слѣдующіе выводы относительно потребностей даннаго лица:

....			....			....					
A_2		A_3	A_3		A_4	A_3		A_4			
B_2	>	B_3	B_3	>	B_4	B_3	>	B_4			
C_2		C_3	C_2		C_3	C_3		C_4			
D_1		D_2	D_2		D_3	D_3		D_4			
		E_1			E_1	E_1		E_2			
		....			....			....			

Сводя эти неравенства въ одинъ рядъ, получаемъ:

....											
A_2		A_3						A_4			
B_2	>	B_3	>		>		>	B_4			
C_2				C_3				C_4			
D_1		D_2		D_3				D_4			
				E_1				E_2			
								....			

Передъ нами открылся значительно большій вырѣзокъ изъ скалы потребностей даннаго лица. И чѣмъ больше сдѣлано наблюденій надъ измѣненіями состава потребленія при увеличеніи и уменьшеніи бюджета, тѣмъ болѣе широкую область скалы потребностей можно познать излагаемымъ способомъ. А чѣмъ больше наблюдаемъ мы составовъ потребленія, лежащихъ въ промежуткѣ между двумя крайними, тѣмъ на большее число отдѣльныхъ неравенствъ распадаются сложныя неравенства, и тѣмъ полнѣе вытягивается вскрытая часть скалы потребностей въ ленту простыхъ неравенствъ.

До сихъ поръ мы разсматривали простѣйшій случай, когда цѣны всѣхъ благъ одинаковы. На самомъ дѣлѣ онѣ различны. Это обстоятельство осложняетъ познаніе скалы потребностей, такъ какъ различіе цѣнъ вліяетъ на составъ потребленія и при обратномъ умозаключеніи отъ потребленія къ потребностямъ надо учитывать это вліяніе [1]).

[1]) Объ этомъ вліяніи говоритъ *Patten*: „Несомнѣнно, желаніе благополучія всегда является важнымъ элементомъ, опредѣляющимъ потребленіе, но послѣднее до такой степени видоизмѣняется подъ вліяніемъ многихъ другихъ элементовъ,

Но вмѣстѣ съ тѣмъ это обстоятельство даетъ намъ новые факты для познанія потребностей

Возьмемъ слѣдующій примѣръ. Предположимъ, что какое-то лицо имѣетъ 100 рублей и цѣны единицъ благъ таковы.

1A — 20 руб.
1B — 10 руб.
1C — 5 руб.

Представимъ себѣ, что при этихъ цѣнахъ данное лицо потребляетъ слѣдующія количества благъ:

$$3A + 3B + 2C.$$

При взятыхъ цѣнахъ затрата на 1A = затратѣ на 2B = затратѣ на 1B + 2C = затратѣ на 4C.

А потому на основаніи приведеннаго выше состава потребленія мы можемъ сказать, что для даннаго лица:

$$A_3 > \begin{cases} B_4 + B_5 \\ B_4 + C_3 + C_4 \\ C_3 + C_4 + C_5 + C_6 \end{cases}$$

Мы можемъ сказать это, потому что, какъ на покупку A_3, такъ и на покупку любой изъ трехъ группъ благъ, составляющихъ вторую часть неравенства, надо затратить одну и туже сумму денегъ, 20 рублей, т. е. принести одну и ту же жертву. И если данное лицо вы-

---

что въ общемъ нашего потребленія нельзя вывести изъ одной интенсивности нашихъ желаній. Экономисты слишкомъ часто забываютъ, что трудность производства благъ оказываетъ вліяніе на порядокъ ихъ потребленія. Мы производимъ, чтобы потреблять, но то, что мы желаемъ потреблять, въ значительной мѣрѣ опредѣляется стоимостью производства" (Consumption of wealth, стр V) *Patten* замѣчаетъ, что существуетъ два порядка, въ которыхъ человѣкъ выбираетъ предметы потребленія: 1) *естественный*, складывающійся подъ вліяніемъ однихъ конечныхъ психологическихъ условій, дѣлающихъ потребленіе однихъ благъ пріятнѣе потребленія другихъ, 2) *экономическій*, при которомъ естественное желаніе предметовъ измѣняется подъ вліяніемъ стоимости ихъ производства (тамъ же, стр 18—9). Наше потребленіе слѣдовало бы первому порядку лишь при равной стоимости производства всѣхъ благъ. При разной же стоимости „люди при выборѣ предметовъ руководятся отношеніемъ издержекъ ихъ производства къ ихъ полезности" (тамъ же, стр. 19).

брало все же A_3, то, очевидно, потребность его въ A_3 въ этотъ моментъ была интенсивнѣе, нежели въ приведенныхъ группахъ другихъ благъ.

Точно также мы можемъ сказать, что

$$B_3 > C_3 + C_4.$$

Съ другой стороны, мы можемъ сказать, что

$$\left.\begin{matrix} B_2 + B_3 \\ B_3 + C_1 + C_2 \end{matrix}\right\} > A_4$$

Опять таки основанія для такого вывода тѣ, что, напримѣръ, на покупку $B_2 + B_3$ надо было затратить 20 руб., но за эти же 20 руб. можно было купить слѣдующую единицу блага **А**, т. е. A_4; и если лицо предпочло купить $B_2 + B_3$, т. е. потребить $3A + 3B$, а не $4A + 1B$, то мы имѣемъ право сказать, что потребность его въ $B_2 + B_3$ больше, нежели въ A_4.

Точно также можно сказать, что

$$C_1 + C_2 > B_4.$$

Таковы тѣ выводы относительно потребностей взятаго нами лица, которыя можно сдѣлать на основаніи приведеннаго выше состава потребленія и данныхъ цѣнъ благъ. Если при этомъ наблюдать измѣненіе состава потребленія при измѣненіи бюджета и при колебаніяхъ цѣнъ, то открывается цѣлая новая сфера возможныхъ умозаключеній, позволяющихъ познать новыя части скалъ потребностей.

Въ поясненіе прибавимъ къ сказанному, что при разной стоимости благъ сравненіе потребностей въ нихъ возможно только путемъ сопоставленія потребности въ единицѣ дорогого блага съ потребностью въ рядѣ единицъ благъ болѣе дешевыхъ, общая сумма которыхъ даетъ равную затрату на ихъ пріобрѣтеніе. Такъ, напримѣръ, выше мы сравнивали потребность въ одной единицѣ блага **А** и въ двухъ единицахъ блага **В** или четырехъ единицахъ блага **С**, стоющихъ вмѣстѣ 20 руб. Производить сравненіе инымъ способомъ, а именно получать равное пожертвованіе путемъ дѣленія дорогихъ благъ на части, не представляется возможнымъ. Такъ, изъ приведеннаго въ нашемъ примѣрѣ состава потребленія и написанныхъ выше цѣнъ товаровъ нельзя, сведя всѣ затраты къ 5 рублямъ, получить, что

$$^1/_4 A_3 > ^1/_2 B_4$$

или

$$^1/_4 A_3 > C_3$$

или

$$^1/_2 B_3 > C_3$$

Такія сопоставленія внесли бы значительное упрощеніе въ выраженіе скалъ потребностей. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ мы получили бы при такомъ пріемѣ слѣдующее обобщающее сложное неравенство [1]):

$$\begin{matrix} ^1/_4 A_3 \\ ^1/_2 B_3 \\ C_2 \end{matrix} > \begin{matrix} ^1/_4 A_4 \\ ^1/_2 B_4 \\ C_3 \end{matrix}$$

Но дѣлать такихъ выводовъ нельзя, потому что 1) блага А и В и потребности въ нихъ могутъ быть недѣлимы, тогда не можетъ быть рѣчи о потребностяхъ въ $^1/_2$ и $^1/_4$ единицы блага А или блага В, 2) если даже блага и потребности дѣлимы, то, согласно первому закону *Gossen*'а, потребности въ разныхъ половинахъ и четвертяхъ единицъ того или иного блага не одинаковы по своей интенсивности. Слѣдовательно, лишь потребности въ *послѣднихъ потребленныхъ* половинахъ, четвертяхъ и другихъ доляхъ единицъ того или иного блага могутъ быть сравниваемы съ потребностями въ *первыхъ непотребленныхъ* доляхъ другихъ благъ, и только относительно ихъ можно дѣлать тѣ или иные выводы. Въ виду всего этого мы нигдѣ не беремъ долей единицъ дорогихъ благъ и уравниваемъ жертвы при помощи соединенія нѣсколькихъ единицъ болѣе дешевыхъ благъ. Этотъ путь отвѣчаетъ и дѣйствительному поведенію хозяйствующихъ людей. Такъ, тотъ типичный нѣмецкій крестьянинъ, который, по словамъ *Böhm-Bawerk*'а, при нежеланіи истратить на что-либо 20 гульденовъ говорилъ, что на эти деньги онъ можетъ выпить цѣлыхъ 200 кружекъ пива, или интеллигентный человѣкъ, говорящій въ такомъ случаѣ, что на эти деньги онъ можетъ 10 разъ сходить въ театръ, продѣлываютъ какъ разъ такое сопоставленіе и взвѣшиваніе потребностей: они приводятъ ихъ къ равнымъ пожертвованіямъ путемъ соединенія нѣсколькихъ единицъ дешевыхъ благъ.

---

[1]) Къ такому выраженію скалы потребностей прибѣгали мы въ нашей статьѣ („Zur Frage der Bewertung der wirtschaftlichen Güter“ въ Zsch. f Volksw., Sozpol. u Verw Bd. 1911, стр 636).

Такъ же, какъ и въ случаѣ съ равными цѣнами, при различіи цѣнъ потребляемыхъ благъ мы можемъ устанавливать для потребностей на основаніи состава потребленія только отношенія $>$ и $<$. Равенства интенсивности потребностей мы и здѣсь познавать не въ состояніи. Однако, если и въ данномъ случаѣ предположить безграничную дѣлимость благъ и потребностей, если кромѣ того взять для каждаго блага безконечно малыя единицы, то хозяйственный разсчетъ и здѣсь заставитъ человѣка такъ распредѣлить свое потребленіе, чтобы интенсивность потребностей въ тѣхъ послѣднихъ потребленныхъ доляхъ единицъ всѣхъ благъ, которыя могутъ быть пріобрѣтены съ помощью одинаковыхъ затратъ, была одна и та же. Слѣдовательно, въ нашемъ примѣрѣ при наличности перечисленныхъ условій можно было бы сказать, что

$$^1/_4 \, A_3 = {}^1/_2 \, B_3 = C_2$$

или

$$A_3 : B_3 : C_2 = 4 : 2 : 1.$$

Но и цѣны единицъ этихъ благъ относятся другъ къ другу, какъ $4 : 2 : 1$. Мы пришли бы, такимъ образомъ, къ теоремѣ экономистовъ-математиковъ, по которой интенсивность потребности въ послѣднихъ потребленныхъ безконечно малыхъ единицахъ благъ прямо пропорціональна цѣнѣ этихъ благъ. Эта теорема является ничѣмъ инымъ, какъ дальнѣйшимъ примѣненіемъ второго закона *Gossen*'а. Ту же мысль другіе экономисты выражаютъ словами: «предѣльныя полезности» потребленныхъ благъ пропорціональны ихъ цѣнамъ. Въ § 13 нами оспорены тѣ предположенія, при соблюденіи которыхъ справедливъ второй законъ *Gossen*'а, а, слѣдовательно, могутъ имѣть мѣсто и написанныя выше равенства и пропорціи. Вотъ почему мы не считаемъ возможнымъ получать такіе выводы изъ составовъ потребленія и пользоваться ими для познанія скалъ потребностей.

Таковъ тотъ единственный способъ познанія скалъ потребностей, который представляется теоретически возможнымъ для изслѣдователя этой области.

Описанный способъ наталкивается, однако, на много препятствій и требуетъ многихъ оговорокъ. О нихъ мы и скажемъ, чтобы ясно показать, чего можно ждать отъ него и чего требуетъ его примѣненіе.

1. Раньше всего этотъ способъ умозаключенiй отъ потребленiя къ потребностямъ даетъ возможность познать порядокъ только тѣхъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ можетъ быть сведено къ равнымъ пожертвованiямъ. Если на такія пожертвованія нельзя свести удовлетвореніе потребностей—невозможно и сравненіе потребностей по ихъ интенсивности. Это ограниченіе не имѣетъ, однако, важнаго значенія для хозяйственной жизни, такъ какъ удовлетвореніе относящихся къ ней потребностей сводится обычно къ общимъ пожертвованiямъ въ видѣ затраты труда или въ видѣ затраты и примѣненія другихъ факторовъ производства, а въ настоящее время для подавляющей массы потребностей общее пожертвованіе выражается въ *равныхъ* суммахъ всеобщаго хозяйственнаго эквивалента—денегъ.

2. Изложеннымъ выше способомъ можно вскрыть лишь отдѣльныя части скалъ потребностей, проявляющіяся при обычныхъ условіяхъ жизни и при незначительныхъ колебанiяхъ бюджетовъ хозяйствъ и цѣнъ товаровъ. Всей скалы потребностей, всѣхъ ея верхнихъ и нижнихъ краевъ этимъ способомъ вскрыть нѣтъ почти никакой возможности. Для этого надо было бы наблюдать потребленіе людей, начиная съ состоянiя крайней нужды, лишенія самаго необходимаго, напримѣръ, жажды и голода въ осажденномъ городѣ, и кончая состояніемъ полнаго изобилія средствъ, позволяющаго этимъ же людямъ удовлетворить всѣ наименѣе интенсивныя свои потребности. Вмѣсто этого мы обычно можемъ наблюдать только небольшія отклоненія потребленія каждаго человѣка въ обѣ стороны отъ обычнаго для этого лица уровня. Это, конечно, дефектъ описаннаго способа. Но, указывая на этотъ недостатокъ, нельзя не замѣтить, что тщательное наблюденіе надъ колебаніями потребленія даже при такихъ условіяхъ можетъ вскрыть цѣлый рядъ членовъ скалы потребностей. А кромѣ того самое знаніе потребностей экономисту и хозяйничающимъ людямъ нужно было бы не для разрѣшенія необычныхъ случаевъ, а для объясненія обычныхъ явленій хозяйственной жизни. Поэтому намъ и не нужно знаніе всей скалы потребностей со всѣми ея крайними частями; въ большинствѣ случаевъ вполнѣ достаточно знанія однихъ среднихъ членовъ скалъ [1]).

---

[1]) Ср. *Jevons* (Theory, стр 61), *Launhardt* (Mathematische Begrundung, стр. 11—2); аналогичное сказанному въ текстѣ говоритъ по поводу скалы спроса *Marshall* (Principles, стр 208—9) Насъ не пугаетъ, поэтому, замѣчаніе *Lehr'a* о томъ, что узнать порядокъ потребностей людей въ нѣкоторыхъ наиболѣе необходимыхъ

3. Описанный способъ примѣнимъ лишь къ тѣмъ потребностямъ, которыя могутъ быть удовлетворены при помощи средствъ, доступныхъ вообще данному лицу, ибо только между этими потребностями человѣкъ можетъ дѣлать выборъ. Поэтому нѣтъ возможности опредѣлить сравнительную интенсивность потребностей лица въ такихъ предметахъ, которые стоятъ дороже всей суммы средствъ, находящихся въ его распоряженіи. Такъ, напримѣръ, ничего нельзя сказать о силѣ потребности какого-либо бѣднаго чиновника въ автомобилѣ. Изъ того, что онъ не купилъ себѣ автомобиля, еще нельзя заключить о слабости его потребности въ немъ, потому что при самой интенсивной потребности онъ все же *не смогъ бы* купить его. Впрочемъ, такія неосуществимыя желанія не играютъ значительной роли въ хозяйственной жизни. Въ виду этого незнаніе того мѣста, какое занимаютъ они въ скалахъ потребностей, врядъ ли составляло бы важный пробѣлъ. Опредѣлить же, какія потребности оказываются превышающими средства лица, не представляетъ большой трудности при знаніи бюджета изучаемаго лица и цѣнъ товаровъ.

4. Изъ § 12 мы знаемъ, что интенсивность потребности въ извѣстномъ предметѣ зависитъ не только отъ уже потребленнаго или пріобрѣтаемаго вновь количества этого предмета, но и отъ обладанія другими предметами. Поэтому, когда мы имѣемъ при цѣнѣ каждаго предмета въ 10 руб. разсмотрѣнное нами выше потребленіе

$$3A + 3B + 2C + 2D,$$

вещехъ мы не можемъ Онъ говоритъ. „Но при этомъ все же невозможно классифицировать эти вещи, такъ какъ именно онѣ всѣ необходимы и ни одна изъ нихъ не является болѣе нужной, чѣмъ другая Мы нуждаемся въ пищѣ и питьѣ, но точно такъ же нуждаемся въ воздухѣ, жильѣ и согрѣваніи. Только въ отдѣльныхъ случаяхъ выступаетъ та или иная изъ этихъ потребностей съ большею силой и настоятельностью“ (Grundbegriffe, стр. 164). По поводу этихъ словъ надо сказать слѣдующее. Можетъ быть интенсивность потребности въ извѣстныхъ количествахъ всѣхъ этихъ благъ и одинакова, тогда мы никогда и не смогли бы уловить различія въ ней, но тогда это отсутствіе различій не нарушало бы и полноты построенной скалы потребностей. Если же потребности въ этихъ крайне необходимыхъ благахъ все-таки обнаруживаютъ нѣкоторую градацію интенсивности, но эта градація лежитъ за предѣлами досяганія для описаннаго способа, то нѣтъ сомнѣнія, что построенная скала потребностей будетъ неполной она не отразитъ порядка крайнихъ членовъ. Но врядъ ли такой пробѣлъ имѣлъ бы какое-либо серьезное значеніе для тѣхъ цѣлей, ради которыхъ важно было бы знать скалы человѣческихъ потребностей.

то, строго говоря, изъ этого еще нельзя вывести, что для даннаго лица *вообще* $A_3 > B_4$ или $A_3 > C_3$ и т. д. Этого нельзя сказать съ полной увѣренностью, потому что, быть можетъ, соотношеніе между потребностями въ благахъ A, B и C таково только при наличности, напримѣръ, обладанія 2D. Такъ, если A—каменный уголь, C—одежда, а D—печь, приспособленная для угля, то возможно, что у лица потребность въ добавочномъ количествѣ угля A_3 интенсивнѣе потребности въ добавочномъ костюмѣ C_3, т. е. $A_3 > C_3$, только при наличности двухъ печей, 2D, а безъ нихъ потребность въ A_3 была бы менѣе интенсивна, нежели въ добавочномъ костюмѣ C_3. Въ § 12 мы говорили, что при построеніи общей теоретической схемы расцѣнки можно отвлечься отъ этого осложняющаго условія. Но при познаніи конкретныхъ скалъ потребностей такое отвлеченіе не всегда возможно, иногда это условіе необходимо имѣть въ виду. Всѣ наши выводы изъ потребленія должны тогда принять слѣдующую болѣе осторожную форму. такая-то потребность больше или меньше другой *при потребленіи такихъ-то другихъ предметовъ въ такихъ-то количествахъ*[1]). Лишь для независящихъ другъ отъ друга потребностей эта оговорка была бы ненужной. Отмѣченное обстоятельство вноситъ усложненіе въ познаніе скалъ потребностей. Но такъ построенныя скалы, въ связи съ изученіемъ измѣненія интенсивности потребностей въ однихъ благахъ при измѣненіи потребленія другихъ благъ, дали бы въ высокой мѣрѣ интересныя фактическія свѣдѣнія о зависимости, существующей между потребностями въ разныхъ благахъ.

5. Частный случай указаннаго въ предыдущемъ пунктѣ осложненія представляютъ собою потребности въ благахъ высшаго качества. Какъ показано нами было при разсмотрѣніи закона *Clark*'а (§ 12), блага эти уже содержатъ въ себѣ болѣе простыя блага, удовлетворяющія ту же родовую потребность Изъ этого вытекаетъ своеобразная трудность для обратнаго умозаключенія отъ потребленія къ потребностямъ.

Для иллюстраціи возьмемъ слѣдующій примѣръ. Нѣкто имѣетъ извѣстную сумму денегъ для найма квартиры и заказа обѣда, положимъ, 40 руб. въ мѣсяцъ. Предположимъ далѣе, что простой обѣдъ

---

[1]) Такая оговорка выразила бы то свойство потребностей, которое экономисты-математики обозначаютъ словами, что потребности являются функціями не одной, а многихъ перемѣнныхъ.

(A) стоитъ 10 руб. въ мѣсяцъ, а лучшій обѣдъ (B)—20 руб.; затѣмъ, простая комната (C) стоитъ 10 руб. въ мѣсяцъ, а лучшая (D)—20 руб. Если при этихъ условіяхъ наше лицо истратитъ свои 40 руб. на наемъ лучшей комнаты и заказъ лучшаго обѣда, т. е. если его потребленіе будетъ

$$1B + 1D,$$

то на основаніи этого состава потребленія и написанныхъ выше цѣнъ благъ A, B, C и D мы могли бы сказать, что у нашего лица потребности въ этихъ благахъ относятся другъ къ другу такъ.

$$\left.\begin{matrix} B_1 \\ D_1 \end{matrix}\right| > A_1 + C_1$$

Мы могли бы сказать это, потому что и $1B$, и $1D$ стоятъ каждое по 20 руб., а каждое $1A$ и $1C$ по 10 руб., т. е. сумма послѣднихъ также стоитъ 20 руб. Если же лицо выбрало все-таки B_1 и D_1, то, очевидно, потребность его въ каждомъ изъ этихъ благъ интенсивнѣе, чѣмъ въ суммѣ первыхъ единицъ A и C. Но такое заключеніе было бы ошибочно, оно обозначало бы, что у нашего лица потребность въ одной лучшей комнатѣ или въ одномъ лучшемъ обѣдѣ сильнѣе, нежели въ простомъ обѣдѣ и простой комнатѣ, взятыхъ вмѣстѣ. Другими словами, получалось бы, что этотъ человѣкъ предпочитаетъ имѣть одинъ лучшій обѣдъ и не имѣть вовсе квартиры, чѣмъ ѣсть простой обѣдъ, но имѣть все-таки и квартиру, или же, что тотъ же человѣкъ предпочитаетъ жить въ болѣе дорогой комнатѣ и вовсе не обѣдать, чѣмъ жить въ простой комнатѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обѣдать. Ошибочность этихъ выводовъ бросается въ глаза.

Объясняется ошибка тѣмъ, что потребности въ благахъ высшаго качества (лучшій обѣдъ и лучшая комната) мы разсматривали, какъ независящія отъ потребностей въ благахъ низшаго качества (простой обѣдъ и простая комната). При такомъ разсмотрѣніи упускается изъ виду, что, потребляя лучшій обѣдъ (B), мы тѣмъ самымъ уже потребляемъ простой обѣдъ (A) и, нанимая лучшую комнату (D), мы тѣмъ самымъ уже удовлетворяемъ нашу потребность въ простой комнатѣ (C). Поэтому потребленіе B_1 дѣлаетъ уже ненужнымъ потребленіе A_1, и потребленіе D_1—ненужнымъ потребленіе C_1. Здѣсь именно сказывается то свойство потребностей и благъ, которое подмѣчено *Clark*'омъ. Если, согласно закону *Clark*'а, мы взглянемъ на блага

высшаго качества, какъ на соединеніе благъ низшаго качества съ особыми свойствами болѣе высокаго качества, то ясно обнаружится зависимость между потребностями во взятыхъ нами благахъ A и B, равно какъ между потребностями въ благахъ C и D. Такъ, лучшій обѣдъ (B) представляетъ собою простой обѣдъ (A) и еще извѣстное добавленіе въ качествѣ и количествѣ (a), т. е.

$$B = A + a$$

Точно также лучшая комната (D) есть простая комната (C) и еще извѣстное добавленіе въ размѣрѣ и качествѣ (c), т. е.

$$D = C + c.$$

Если при этомъ каждая единица благъ A и C, равно какъ каждая прибавка a и c стоятъ по 10 рублей, то цѣна единицы B и D остается попрежнему равной 20 руб. Взятое нами лицо можетъ тогда истратить свои 40 рублей на потребленіе $1B + 1D$, хотя потребности его будутъ идти въ такомъ порядкѣ: интенсивнѣе всего потребность въ первомъ простомъ обѣдѣ и первой простой комнатѣ, затѣмъ идутъ потребности въ добавочныхъ качествахъ лучшаго стола и лучшей комнаты и, наконецъ, еще менѣе интенсивна, можетъ быть, даже совершенно отсутствуетъ потребность во второмъ простомъ обѣдѣ и второй простой комнатѣ. Согласно принятому нами обозначенію эту градацію потребностей можно выразить слѣдующимъ образомъ:

$$\left|\begin{matrix} A_1 \\ C_1 \end{matrix}\right| > \left|\begin{matrix} a_1 \\ c_1 \end{matrix}\right| > \left|\begin{matrix} A_2 \\ C_2 \end{matrix}\right|$$

При такой скалѣ потребностей человѣкъ, имѣя 40 руб., истратитъ по 10 руб. на удовлетвореніе четырехъ первыхъ потребностей и потребитъ:

$$1A + 1C + 1a + 1c.$$

Но $A + a$ есть ничто иное, какъ B, а $C + c$ ничто иное, какъ D; слѣдовательно, его потребленіе составитъ

$$1B + 1D.$$

Однако, какъ видно изъ написанной выше скалы потребностей,

$$A_1 + C_1 > A_1 + a_1,$$

такъ какъ $C_1 > a_1$; и

$$A_1 + C_1 > C_1 + c_1,$$

такъ какъ $A_1 > c_1$. А такъ какъ $A + a = B$ и $C + c = D$, то мы можемъ сказать, что

$$A_1 + C_1 > \left| \begin{matrix} B_1 \\ D_1 \end{matrix} \right.$$

Это и есть правильное изображеніе потребностей взятаго нами лица. Обращаемъ вниманіе на то, что это выводъ совершенно обратный тому, который получается, если не принять во вниманіе свойствъ благъ высшаго качества.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что при познаніи скалъ потребностей на основаніи состава потребленія надо всегда слѣдить за тѣмъ, не содержатъ ли уже въ себѣ блага высшаго качества благъ низшаго качества. Это легко замѣтить, если блага разнаго качества относятся къ одному и тому же виду благъ; напримѣръ: комната простая и комната лучшая, товаръ второго сорта и тотъ же товаръ перваго сорта. Если же замѣщающія другъ друга блага по виду своему весьма мало похожи, то для познанія потребностей описываемымъ способомъ необходимо предварительное ознакомленіе съ сортами, видами и родами благъ. Замѣчаніе это имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что расширеніе потребленія направляется не только въ сторону увеличенія количества уже потребляемыхъ благъ или включенія въ потребленіе совершенно новыхъ предметовъ, но въ еще большей мѣрѣ въ сторону замѣны простыхъ благъ благами высшаго качества[1]). Это обстоятельство, однако, усложняетъ познаніе потребностей, но не исключаетъ самой возможности этого познанія.

6. Одно изъ самыхъ серьезныхъ препятствій, на которое приходится наталкиваться при познаніи скалъ потребностей, состоитъ въ необходимости соблюдать слѣдующее условіе. Различныя части скалъ потребностей познаются, какъ мы видѣли, при помощи наблюденія

[1]) *Clark* по этому поводу говоритъ: „При тщательномъ изложеніи закона цѣнности должно быть обращено вниманіе на то, что при возрастаніи дохода происходитъ не непрерывное количественное возрастаніе потребленія всѣхъ тѣхъ предметовъ, которыми люди снабжали себя раньше. Нѣкоторые предметы никогда не потребляются въ двойномъ количествѣ“ (Distribution, стр. 213) Они замѣняются предметами высшаго сорта.

измѣненій потребленія при измѣненіи бюджета и цѣнъ. Но на основаніи такихъ измѣненій потребленія можно узнавать новыя части скалы потребностей только *при томъ условіи, что сама скала потребностей осталась при этомъ неизмѣнной*, а измѣненіе потребленія является слѣдствіемъ колебанія бюджета или цѣнъ. Отсюда вытекаетъ требованіе брать составы потребленія, отдѣленные другъ отъ друга такими періодами времени, за которые измѣненіе бюджета или цѣнъ товаровъ не успѣло бы вызвать сколько-нибудь замѣтной перемѣны въ самой скалѣ потребностей. Иначе нельзя поручиться за то, что вскрыты будутъ части *одной и той же* скалы потребностей. Соблюденіе этого условія на практикѣ вещь трудная[1]). Во всякомъ случаѣ на него должно быть обращено серьезное вниманіе при практическихъ попыткахъ изученія потребностей.

---

[1]) Разсматриваемое препятствіе отмѣчаетъ *Marshall*, разбирая вопросъ о построеніи скалы спроса и зависимости послѣдняго отъ цѣнъ товаровъ. При такомъ построеніи такъ же, какъ и для скалъ потребностей, встаетъ часто трудно разрѣшимый вопросъ: измѣнился ли спросъ отъ колебанія цѣнъ или отъ измѣненія моды, вкуса, нравовъ, способовъ употребленія благъ (Principles, стр 185—6). Объ измѣненіи во времени вкусовъ, стремленій и желаній людей, какъ о трудности, съ которой приходится считаться экономической теоріи, и въ частности динамикѣ хозяйственной жизни, говоритъ также *Ricci* („Le misurabilità" въ Giorn. d. econ Vol XXX 1905, стр 32—3). *Войтинскій* старается обойти это препятствіе тѣмъ, что беретъ рядъ группъ бюджетовъ для лицъ разной зажиточности и разсматриваетъ эти бюджеты, какъ бюджеты *одного и того же* „средняго" потребителя, составленные имъ при разныхъ суммахъ дохода. Въ виду того, что число взятыхъ хозяйствъ для каждой группы значительно, индивидуальныя особенности потребителей, говоритъ *Войтинскій*, сокращаются другъ съ другомъ (Рынокъ и цѣны, стр 150) Но даже при достаточно большомъ числѣ хозяйствъ въ каждой группѣ нельзя разсматривать средніе бюджеты разныхъ группъ, какъ потребленіе одного и того же хозяйства при разныхъ суммахъ дохода. Въ самомъ дѣлѣ: развѣ потребленіе средняго обычнаго богатаго человѣка таково, какимъ было бы оно у средняго бѣдняка, въ руки котораго попала бы значительная сумма денегъ? Или же, развѣ потребленіе средняго обычнаго бѣдняка таково, какимъ является оно у обѣднѣвшаго средняго богача? И даже указаніе на то, что средній богачъ содержитъ въ себѣ не только обычныхъ богачей, но и случайно разбогатѣвшихъ людей, равно какъ средній бѣднякъ полученъ не изъ однихъ обычныхъ бѣдняковъ, но и изъ раззорившихся богачей, даже это указаніе не помогаетъ, потому что въ каждую группу входятъ эти различныя категоріи хозяйствъ въ далеко неодинаковыхъ пропорціяхъ Способъ *Войтинскаго* упускаетъ изъ виду, что даже у „среднихъ" хозяйствъ разной зажиточности не только различно по своему составу потребленіе, но и различны самыя скалы потребностей А въ этомъ и лежитъ вся трудность. Прибавимъ къ этому еще, что все построеніе *Войтинскаго* покоится на произвольномъ признаніи равенства предѣльныхъ полезностей всѣхъ потребляемыхъ товаровъ (тамъ же, стр 149).

7. Противъ попытокъ познать скалы потребностей нерѣдко возражаютъ, указывая на то, что скалы эти непрерывно мѣняются. До обѣда очень важна ѣда, послѣ обѣда потребность въ ней отодвигается, и на первый планъ выступаетъ потребность въ папиросѣ, прогулкѣ и т. д. Вѣчно колеблется и сдвигается скала человѣческихъ потребностей [1]).

Это указаніе на непрерывныя измѣненія въ порядкѣ интенсивности потребностей вѣрно. Скала потребностей, дѣйствительно, колеблется такъ же, какъ движется человѣческое тѣло и мѣняется душевное состояніе человѣка. Но раньше всего въ каждый данный моментъ у каждаго человѣка существуетъ опредѣленная скала потребностей. Этой скалой, равно какъ непрерывными сдвигами отдѣльныхъ членовъ ея направляются дѣйствія людей. Когда выдвигается потребность въ ѣдѣ, человѣкъ идетъ ѣсть; когда эта потребность удовлетворена, онъ встаетъ отъ стола и т. д. [2]). Кромѣ того самое колеба-

---

[1]) Это возраженіе дѣлаетъ *Lexis*, полемизируя съ австрійской школой Потребность въ ѣдѣ, говоритъ онъ, измѣняется раза 3 въ день, другія потребности мѣняются изо дня въ день, третьи, какъ, напримѣръ, потребность въ топливѣ, сильна зимой, а лѣтомъ совершенно отсутствуетъ („Grenznutzen“ въ Hwb. d. Stw 1. Aufl 1. Suplmbd, стр. 427). Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ по поводу потребностей. „Ихъ временная субъективная настоятельность подчинена непрерывнымъ сильнѣйшимъ колебаніямъ и благодаря своей измѣнчивости представляетъ интересъ скорѣе съ физіологической, чѣмъ съ экономической точки зрѣнія“ („Bedürfnis“ въ Hwb. d. Stw. 3 Aufl. II Bd., стр. 739) То же самое повторяетъ русскій изслѣдователь *Залѣскій*. По поводу скалы потребностей *Menger*'а онъ говоритъ. „..прошелъ моментъ и сейчасъ-же наступаетъ радикальная перемѣна въ расположеніи членовъ скалы. До обѣда человѣкъ на первомъ мѣстѣ горизонтальнаго ряда (I) ставитъ потребность въ пищѣ, на второмъ (II) въ питьѣ, на третьемъ (III) въ послѣобѣденномъ стаканѣ вина, на четвертомъ (IV) въ сигарѣ и т д . Но вдругъ обѣдающій подавился или отравился недоброкачественнымъ продуктомъ. На первомъ мѣстѣ встаетъ потребность во врачебной помощи, на второмъ потребность въ лекарствѣ, на третьемъ потребность въ покоѣ и т. д.. Картина скалы совершенно измѣняется Впрочемъ, даже и при нормальномъ теченіи событій такія измѣненія наступаютъ безпрерывно—сейчасъ я хочу ѣсть, поѣвши я хочу курить, покуривши я хочу спать, отдохнувши я хочу работать и т. д. и т. д (Ученіе о цѣнности. Вып. II, стр. 135).

[2]) По этому поводу *Scharling* замѣчаетъ слѣдующее (и его слова особенно интересны, такъ какъ онъ во многомъ расходится со строющими свою теорію на скалѣ потребностей экономистами австрійской школы): „Потребительная цѣнность совершенно индивидуальна и мгновенна, а потому крайне измѣнчива Но въ данный моментъ она вполнѣ точна и опредѣленна. Каждый могъ бы безъ труда установить опредѣленную скалу тѣхъ цѣнностей, которыя онъ приписываетъ въ дан-

ніе скалы потребностей изо дня въ день и даже отъ часа къ часу еще вовсе не является какимъ-либо непреодолимымъ препятствіемъ для познанія скалъ потребностей Послѣ обѣда, положимъ, человѣку не нужны мясо и хлѣбъ, но вечеромъ или на другой день потребность въ нихъ появляется вновь. Получается для извѣстнаго промежутка времени потребность въ опредѣленныхъ количествахъ мяса, хлѣба и другихъ предметовъ съ опредѣленной средней для этого промежутка времени интенсивностью. И вотъ, если взять данныя о составѣ потребленія и о цѣнахъ потребленныхъ благъ за извѣстное время, напримѣръ, за годъ, то на основаніи этихъ данныхъ можно было бы указаннымъ выше способомъ вскрыть ту или другую часть такой средней для цѣлаго года скалы потребностей даннаго лица [1]). Болѣе детальныя данныя, быть можетъ, позволили бы построить помѣсячныя скалы потребностей и показать, какъ колеблется по мѣсяцамъ интенсивность различныхъ потребностей. И этого, конечно, было бы достаточно для разрѣшенія всѣхъ важныхъ практическихъ вопросовъ. Наконецъ, по поводу разсматриваемаго возраженія нельзя не замѣ-

---

ный моментъ обладанію различными принадлежащими ему благами, и тотъ порядокъ, въ которомъ онъ охотнѣе согласился бы разстаться съ ними" („Werttheorien und Wertgesetz" въ Jahrb. f. Nök. u. Stat. XVI. 1888, стр 552—3).

[1]) О сглаживаніи случайности отдѣльныхъ покупокъ въ томъ случаѣ, если взятъ составъ потребленія за извѣстный промежутокъ времени, говоритъ и *Войтинскій* (Рынокъ и цѣны, стр. 133). Этимъ же мотивомъ вообще руководится бюджетная статистика, когда она беретъ потребленіе обслѣдуемыхъ лицъ за цѣлый годъ или хотя бы за мѣсяцъ. О возможности полученія „средней скалы интенсивности за годъ" пишетъ и *Lexis*, но онъ опасается, что „при этомъ сильно пострадаетъ непосредственное субъективное ощущеніе полезности благъ и оцѣнка ихъ предѣльной полезности" („Grenznutzen" въ Hwb. d. Stw. 1. Aufl. Suplmbd, стр. 427). Такое опасеніе въ данномъ случаѣ неосновательно. Говоря о познаніи на основаніи годового потребленія годовой скалы потребностей, мы вовсе не считаемъ, что человѣкъ заранѣе на цѣлый годъ учитываетъ свои потребности и согласно съ этимъ учетомъ распредѣляетъ свое потребленіе. Мы просто по средней линіи поведенія судимъ о средней силѣ мотивовъ. Мы ищемъ здѣсь какъ разъ то, о чемъ въ другой статьѣ говоритъ самъ *Lexis*: „Для хозяйства важно лишь то, какъ постоянно мѣняющаяся, проявляющаяся въ извѣстный моментъ субъективная потребность за опредѣленный болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени, напримѣръ, за годъ, суммируется въ постоянное до извѣстной степени, необходимое количество благъ (Bedarf), съ которымъ сообразуется затѣмъ и производство" („Bedürfnis" въ Hwb. d. Stw. 3. Aufl. II. Bd., стр. 739). *Lexis* только останавливается на количествѣ нужныхъ благъ (Bedarf), тогда какъ это количество должно быть само выведено изъ скалы потребностей.

тить, что, если бы въ области человѣческихъ потребностей не было извѣстной устойчивости, если бы самая смѣна ихъ не происходила въ извѣстной постепенности, то вообще была бы невозможна современная хозяйственная дѣятельность съ ея предпріятіями, разсчитанными на весьма продолжительное время, а, слѣдовательно, и на продолжительное существованіе тѣхъ или иныхъ потребностей, выступающихъ регулярно изъ года въ годъ съ опредѣленной интенсивностью въ видѣ потребностей въ опредѣленныхъ количествахъ благъ. Уже это одно говоритъ за то, что въ области потребностей несравненно больше правильности и закономѣрности, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ. А если такъ, то экономическая наука можетъ ставить своею задачей изученіе этой правильности и закономѣрности.

8. Другое возраженіе, еще чаще выдвигаемое противъ познанія потребностей, состоитъ въ указаніи на крайнюю индивидуальность послѣднихъ [1]).

Это указаніе также правильно. Скалы потребностей, дѣйствительно, крайне индивидуальны. Но изъ этого слѣдуетъ лишь, что скалы потребностей надо познавать при помощи статистики. Опредѣливъ при помощи бюджетной статистики среднее потребленіе извѣстной группы населенія, можно на основаніи его судить о потребностяхъ. Полученныя такимъ путемъ скалы потребностей представляли бы потребности, *условно пріуроченныя* къ цѣлой группѣ хозяйствъ. Эти скалы явились бы средними скалами потребностей лицъ, входящихъ въ каждую данную группу. Такими средними скалами можно было бы пользоваться такъ же, какъ пользуются всякими другими средними статистическими данными, какъ пользуются, напримѣръ, страховыя общества данными о средней смертности, полученными изъ крайне различныхъ индивидуальныхъ случаевъ смерти [2]).

---

[1]) См., напримѣръ, указанія *Lehr*'а на „разнообразіе личныхъ ощущеній“ (Grundbegriffe, стр. 164)

[2]) Мысль о привлеченіи статистики потребленія къ „измѣренію наслажденій“ высказана уже *Gossen*'омъ. Полученіе необходимыхъ для такого „измѣренія“ величинъ, относящихся къ „различнымъ сословіямъ человѣческаго общества“ является, по словамъ *Gossen*'а, даже „одной изъ важнѣйшихъ задачъ статистики“ (Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs, стр 128). О пользованіи съ той же цѣлью статистикой говоритъ и *Jevons*. „Я, пишетъ онъ, также не колеблясь могу сказать, что политическая экономія могла бы быть постепенно превращена въ точную науку, если бы только торговая статистика была полнѣе и совершеннѣе,

Надо только замѣтить, что, какъ всякая абстрактная средняя, такъ и средняя скала потребностей даетъ картину, тѣмъ болѣе сглаживающую индивидуальныя различія, чѣмъ больше масса индивидуальныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ получена эта средняя. А такъ какъ извѣстныя различія въ характерѣ потребностей разныхъ слоевъ населенія представляются весьма важными, то среднія скалы потребностей не должны все-таки сливать этихъ различій въ одну безцвѣтную массу. Для предупрежденія этого необходимо было бы отдѣльно изучать потребленіе различныхъ общественныхъ классовъ, какъ это, впрочемъ, и безъ того уже начинаетъ дѣлать бюджетная статистика[1]). И тогда, уловивъ при помощи статистики средніе типы потребленія для разныхъ общественныхъ классовъ, мы получили бы классификацію группъ общества по характеру ихъ потребностей, подобно тому, напримѣръ, какъ имѣемъ классификацію предпріятій по ихъ размѣрамъ или по внутреннему строенію[2]). Такая классификація людей по по-

---

чѣмъ въ настоящее время" (Theory, стр. 25). Необходимыя для этого данныя должны, по его мнѣнію, состоять изъ „подробныхъ перечней количествъ благъ находившихся въ обладаніи общества и потребленныхъ послѣднимъ, равно какъ изъ цѣнъ, по которымъ эти блага обмѣнивались" (тамъ же). О томъ же говорятъ другіе экономисты-математики *Schumpeter* формулируетъ этотъ пріемъ такъ: „мы можемъ разсматривать общій для цѣлой группы результатъ, вызываемый индивидуальными чувствами, какъ функцію «общаго чувства» (подобно астрономической гипотезѣ центральнаго солнца)" („Über die mathematische Methode" въ Zschr. f. Volksw., Sozpol. u. Verw. 15. Bd. 1906, стр 46) О значеніи среднихъ для цѣлыхъ группъ населенія бюджетовъ говоритъ и *Войтинскій* (Рынокъ и цѣны, стр 133).

[1]) Въ виду сказаннаго въ текстѣ нельзя полностью согласиться со слѣдующими словами *Joh Wernicke* „...наши чувства, потребности и пр имѣютъ субъективную окраску, но, подобно тому, какъ въ статистикѣ путемъ большого числа исключаютъ произвольное и устанавливаютъ извѣстное объективное общее дѣйствіе, такъ же, принявъ въ качествѣ субъекта потребностей весь народъ, какъ таковой, получаютъ достаточно прочную, объективную скалу потребностей; и тогда можно говорить о правильностяхъ въ этой области, даже о закономѣрностяхъ.." (Der objektive Wert und Preis. Grundlegung einer realen Wert- und Preislehre 1896. стр 14). Соглашаясь съ основною мыслью автора, мы должны, однако, признать нецѣлесообразнымъ опредѣленіе среднихъ потребностей для народа, взятаго въ цѣломъ. Индивидуальныя различія могутъ достаточно сгладиться и въ томъ случаѣ, если взять отдѣльныя среднія скалы потребностей для различныхъ общественныхъ классовъ. А между тѣмъ не будутъ погублены важныя характерныя черты потребностей отдѣльныхъ группъ населенія.

[2]) О значеніи изученія среднихъ бюджетовъ для разныхъ классовъ говоритъ и *Lexis*, не касающійся, впрочемъ, вопроса о возможности получить на основаніи такихъ бюджетовъ среднія скалы потребностей. „...для каждаго общественнаго и

требностямъ, быть можетъ, была бы однимъ изъ любопытнѣйшихъ раздѣленій людей. При этомъ можетъ обнаружиться еще одно свойство человѣческихъ потребностей, не бросающееся въ глаза при первомъ взглядѣ на нихъ. Какъ ни разнообразными кажутся намъ потребности, при научномъ изслѣдованіи ихъ могло бы оказаться, что въ общемъ въ нихъ гораздо больше однообразія, чѣмъ это принято думать. Общность физической природы людей, общность соціальной и технической обстановки, среди которой живутъ люди, неизбѣжно должны порождать извѣстную общность потребностей, по крайней мѣрѣ у лицъ, принадлежащихъ къ однимъ и тѣмъ же слоямъ населенія [1]). Всѣмъ хорошо извѣстны явленія моды, показывающія, какъ люди рабски копируютъ другъ друга до смѣшныхъ мелочей. Явленія эти обнаруживаютъ поразительное однообразіе потребностей даже

имущественнаго класса, пишетъ онъ, получается средній типъ домашняго хозяйства, который, какъ таковой, выступаетъ на фонѣ частныхъ хозяйствъ и становится важнымъ народно-хозяйственнымъ элементомъ. Эти типы домашняго хозяйства даютъ намъ дѣйствительныя отношенія потребленія въ раздѣленномъ на много членовъ обществѣ, они позволяютъ узнать, въ какой мѣрѣ и насколько успѣшно производство выполняетъ свою основную задачу—удовлетвореніе потребностей членовъ общества Типы эти устанавливаются при помощи такъ называемыхъ бюджетовъ домашнихъ хозяйствъ, которые со времени *Ducpétiaux* и *Le Play* стали однимъ изъ важнѣйшихъ вспомогательныхъ средствъ соціальнаго изслѣдованія“ („Haushaltung“ въ Hwb. d. Stw. 3 Aufl V Bd., стр. 408). О разныхъ типахъ людей по характеру ихъ потребностей (обыкновенный человѣкъ; алкоголикъ; молодой человѣкъ, стремящійся къ образованію) дѣлаетъ интересныя замѣчанія *R Meyer* („Zunehmende Mannigfaltigkeit der Consumtion“ въ Zschr. f. Volkw, Sozpol. u. Verw. II. Bd. 1893, стр. 402—10).

[1]) „Отношеніе людей къ благамъ не такъ различно, пишетъ *Zuckerkandl*, равенство людей въ физическомъ отношеніи обусловливаетъ одинаковое основное расположеніе круга потребностей. Большинство же людей вслѣдствіе недостатка денежныхъ средствъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, принуждены за небольшими исключеніями ограничиваться удовлетвореніемъ неотложныхъ потребностей. При этомъ такія потребности удовлетворяются одними и тѣми же видами благъ, которые можно получить, смотря по состоянію техники безъ какого-либо сложнаго выбора. Но и внѣ этого мы находимъ въ строеніи круга потребностей и въ выборѣ средствъ для ихъ удовлетворенія въ общемъ больше совпаденія, чѣмъ произвола. Если въ извѣстной мѣстности раздѣлить людей на группы по доходу, профессіи и сословію, то, не смотря на разнообразныя отклоненія, окажется, что порядокъ потребностей у лицъ каждой группы въ общемъ одинъ и тотъ же, и люди стремятся къ одинаковому образу жизни“ („Preis“ въ Hwb. d. Stw 3. Aufl. VI. Bd., стр. 1132).

среди самыхъ культурныхъ слоевъ населенія и въ сферѣ самыхъ утонченныхъ потребностей [1]).

Мы перечислили тѣ трудности, съ которыми связаны обратныя умозаключенія отъ состава потребленія къ потребностямъ, а, слѣдовательно, и познаніе скалъ потребностей при помощи такихъ умозаключеній. Мы не хотимъ преуменьшать значенія и серьезности этихъ многочисленныхъ трудностей. Мы не можемъ даже рѣшить напередъ, не окажутся ли всѣ эти трудности, взятыя вмѣстѣ, непреодолимымъ препятствіемъ для практическаго выполненія познанія скалъ потребностей. Мы знаемъ только, что описанный нами путь отъ потребленія къ потребностямъ является пока единственнымъ теоретически мыслимымъ способомъ познанія этихъ скалъ И знаемъ еще одно: если бы когда-либо научное изслѣдованіе, идя указаннымъ путемъ, преодолѣло эти трудности, то хотя нѣсколько была бы пріоткрыта завѣса, скрывающая отъ насъ основной стимулъ хозяйственной дѣятельности человѣка. Тогда индуктивнымъ путемъ, при помощи бюджетной статистики, были бы познаны нѣкоторыя, можетъ быть, очень важныя части скалъ потребностей. Этимъ статистика позвана была бы на новую, весьма цѣнную службу экономической наукѣ. Такое изслѣдованіе затронуло бы область, къ научному анализу которой пока почти не приступали. При удачной разработкѣ въ ней могло бы быть открыто много новыхъ важныхъ фактовъ. Быть можетъ, изслѣдователямъ удалось бы не только уловить характеръ потребностей, существующихъ въ извѣстный моментъ времени, но и подмѣтить то направленіе, въ которомъ идетъ ихъ смѣна и развитіе [2]).

---

[1]) Правъ, вѣроятно, оказался бы *Tarde* съ его ученіемъ о подражаніи и *Schmoller*, говорящій, что „ни въ чемъ не сказывается въ человѣкѣ въ такой мѣрѣ стадное животное, и нигдѣ не господствуетъ такъ надъ нимъ стремленіе къ подражанію, какъ въ области потребностей“ (Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre I. Teil 1900, стр 24).

[2]) О важности изученія потребленія особенно настойчиво говоритъ *Patten*, давшій рядъ интересныхъ изслѣдованій, относящихся къ этой области При этомъ, говоря о потребленіи, онъ, какъ это уже было отмѣчено нами раньше (см. стр. 32), въ сущности касается потребностей, но не проводитъ должнаго различія между потребленіемъ и потребностями. Многое, сказанное имъ о потребленіи, полностью относится къ потребностямъ. Такъ, упрекъ школѣ *Ricardo* въ томъ, что она отвлекла вниманіе экономистовъ отъ вліянія субъективныхъ фактовъ измѣненія потребленія, относится именно къ игнорированію этой школой роли потребностей (см. „Die Bedeutung der Lehre vom Grenznutzen“ въ Jahrb. f Nok. u. Stat. III. F.

Но для всего этого должна быть прежде всего улучшена ста-

II Bd 1891, стр 519) Далѣе онъ говоритъ: „Мы должны настолько же изучить законы потребленія, какъ и хорошо знакомые намъ законы производства. Надо предвидѣть, что каждое новое изслѣдованіе ихъ будетъ приводить къ измѣненію какого-либо основного предположенія нашей науки и тѣмъ самымъ къ измѣненію того или иного слѣдствія, разсматривавшагося до сихъ поръ, какъ аксіома" (тамъ же, стр. 534). Въ этой цитатѣ намъ также хочется замѣнить слово „потребленіе" словомъ „потребности". Къ потребностямъ, какъ уже показано нами, относятся отчасти и его „законы потребленія" (см. выше, стр. 32) Законы эти касаются, какъ статики, такъ и динамики потребностей Послѣдней касается, напримѣръ, его общій законъ динамики потребленія, по которому „общество прогрессируетъ, идя отъ простого, дорогого и негармоничнаго потребленія къ разнообразному, дешевому и гармоничному потребленію" (Dynamic economics, стр. 44). Особенно интересенъ „законъ разнообразія", по которому развитіе потребленія идетъ въ направленіи нарастанія разнообразія его, при чемъ возрастаніе числа потребляемыхъ благъ сопровождается возрастаніемъ предѣльной полезности каждаго блага, т. е. удовлетвореніе каждой потребности обрывается на болѣе высокой ступени (тамъ же, стр. 41). Этотъ законъ *Patten* иллюстрируетъ слѣдующей примѣрной схемой („Grenznutzen" въ Jahrb. f Nök. u. St., стр. 512):

	I	II	III	IV
	A B	A B C	A B C D	A B C D E
	6 6		8	
	5 5	6 6	7	8
	4 4	5 5 5	6 6 6 6	7 7 7
	3 3	4 4 4	5 5 5 5	6 6 6 6 6
	2 2	3 3 3	4 4 4 4	5 5 5 5 5
	1 1	2 2 2	3 3 3 3	4 4 4 4 4
Число единицъ благъ	12	14	17	19
Число единицъ удовольствія	42	54	81	104

Въ этой схемѣ I—IV обозначаютъ различныя хозяйственныя ступени. A—E различныя блага A—картофель, B—шерсть, C—пшеница, D—мясо и E—хлопокъ. 1, 2, 3 ... 8 число единицъ удовольствія, доставляемыхъ единицей каждаго блага. Добываніе каждой единицы блага требуетъ $^1/_2$ часа труда Тогда на I ступени работникъ броситъ работу послѣ 6 часовъ труда, потребитъ по 6 единицъ картофеля и шерсти, доведетъ предѣльную полезность каждаго блага до 1 и получитъ въ общемъ 42 единицы удовольствія. На II ступени введеніе въ потребленіе пшеницы заставитъ работать 7 часовъ. предѣльная полезность повысится до 2. а общая сумма полезности до 54. На III ступени включается въ составъ потребленія мясо, доставляющее высокое наслажденіе На IV—появляется хлопокъ, и кромѣ того употребленіе дрожжей повышаетъ удовольствіе, доставляемое пшеницею; здѣсь количество развиваемаго труда самое большое—$9^1/_2$ часовъ, предѣльная полезность подымается до 4. общая сумма удовлетворенія—до 104 единицъ. Такова схема *Patten*'а Мы привели ее, такъ какъ она представляетъ собою очень остроумное

тистика потребленія—эта важная и быстро развивающаяся отрасль хозяйственной статистики [1]).

построеніе. Нельзя, однако, не указать на рядъ недостатковъ ея, характерныхъ вообще для работъ *Patten*'а. Къ такимъ недостаткамъ, кромѣ нѣкоторой вычурности подбора благъ, относится: 1) гедонистическая точка зрѣнія, 2) численное выраженіе удовольствій и 3) выраженіе величины удовольствій для людей, находящихся на разныхъ хозяйственныхъ ступеняхъ, абсолютными числами; авторъ схемы, такимъ образомъ, игнорируетъ несравнимость степени удовлетворенія для разныхъ лицъ; между тѣмъ, если допустить, что вмѣстѣ съ переходомъ къ болѣе разнообразному потребленію у человѣка притупляется самая острота чувства удовлетворенія, то, вмѣсто повышенія „удовольствія" съ 42 единицъ до 104, общая сумма удовольствія можетъ не повыситься, а понизиться; это мы сплошь и рядомъ наблюдаемъ у пресыщенныхъ разнообразіемъ потребленія людей, поскольку объ этомъ можно грубо судить по внѣшнему выраженію психическихъ переживаній. Наконецъ, *Patten* не отличаетъ роста разнообразія потребленія отъ роста разнообразія самихъ потребностей. Съ этой точки зрѣнія „законъ разнообразія" подвергаетъ критикѣ *Meyer* Разнообразіе потребленія, говоритъ онъ, является отчасти слѣдствіемъ разнообразія потребностей, но не одного его; помимо измѣненія потребностей оно можетъ расти еще и отъ условій, лежащихъ внѣ потребностей, а именно отъ введенія новыхъ благъ въ народное хозяйство, отъ измѣненія въ издержкахъ производства благъ и отъ благосостоянія потребителей („Die zunehmende Mannigfaltigkeit der Consumtion" въ Zschr f. Volksw., Sozpol. u. Verw. II Bd. 1893 стр 388—418). Относительно новыхъ благъ надо, однако, замѣтить, что это условіе гораздо чаще вліяетъ на потребленіе только черезъ измѣненіе потребностей. Лишь тогда, если потребность въ этихъ благахъ существовала уже раньше, но не удовлетворялась за отсутствіемъ этихъ благъ, появленіе ихъ въ торговомъ оборотѣ можетъ повліять на потребленіе независимо отъ измѣненія потребностей Мы остановились нѣсколько подробнѣе на авторѣ, который, самъ того не замѣчая, очень близко подошелъ къ научному анализу человѣческихъ потребностей.

[1]) Краткую исторію статистики потребленія см у *Lexis*'а („Die volkswirtschaftliche Konsumtion" въ Handbuch der pol Oekonomie herausgegb v G. Schonberg 4. Aufl I. Bd. 1896, стр. 814—5) и *Bauer*'а („Konsumtion nach den Sozialklassen" въ Hwb. d. Stw 3 Aufl 1910. VI Bd., стд. 125—32). Ср также *G. Schnapper-Arndt* (Sozialstatistik. Vorlesungen uber Bevolkerungslehre, Wirtschafts- und Moralstatistik. 1908, стр. 369—409). Исторія бюджетныхъ изслѣдованій въ Россіи изложена у *Ф А. Щербины* (Крестьянскіе бюджеты 1900, стр. 1—50). Тамъ же очеркъ бюджетныхъ изслѣдованій въ иностранныхъ государствахъ (стр 50—69). О важности статистики потребленія для экономической науки *Marshall* говоритъ слѣдующее: 1) хотя *Ricardo* и его крупные послѣдователи интересовались главнымъ образомъ издержками производства, но они, по мнѣнію *Marshall*'я, также были убѣждены, „что условія спроса играютъ столь же важную роль въ опредѣленіи цѣнности, какъ и предложеніе", 2) стремленіе къ большей точности въ основныхъ предпосылкахъ побуждаетъ къ болѣе тщательному изученію спроса и предложенія, „хотя теорія спроса еще находится въ зародышѣ, все же уже видна возможность такого собиранія и расположенія статистическихъ данныхъ о потребленіи, что они будутъ освѣщать трудные вопросы, являющіеся очень важными для общественнаго благосостоянія" (Princip-

Чтобы статистика потребленія, или, какъ ее иначе называютъ, «бюджетная статистика», сообщала данныя, необходимыя для познанія потребностей, должно въ слѣдующемъ направленіи расширить ея программу.

1. Она должна охватывать потребленіе *всѣхъ классовъ* общества. а не однихъ бѣднѣйшихъ, которыми почти исключительно занята до сихъ поръ бюджетная статистика, преслѣдующая иныя задачи [1]).

---

les. I, стр 160, 161) У *Lexis*'а мы находимъ слѣдующее мѣсто, говорящее о значеніи статистики потребленія: „Было бы интересно опредѣлить потребленіе наиболѣе важныхъ благъ различными общественными классами, расположивъ эти классы по величинѣ ихъ дохода Тогда увидѣли бы, какъ у классовъ съ высшими доходами постепенно уменьшается душевое потребленіе наиболѣе обыденныхъ необходимыхъ предметовъ и замѣняется потребленіемъ предметовъ лучшаго качества; увидѣли бы, какъ, съ другой стороны, на извѣстной ступени появляются въ небольшихъ количествахъ предметы болѣе утонченныхъ наслажденій и какъ количества эти увеличиваются на каждой болѣе высокой ступени. Тогда показано было бы, какъ одна и та же общая потребность, напримѣръ, потребность въ питаніи, съ каждымъ переходомъ къ болѣе высокой ступени удовлетворяется все болѣе разнообразными средствами, благодаря чему доля, падающая на каждое отдѣльное средство, сокращается“ (Allgemeine Volkswirtschaftslehre, стр. 39). Но какъ мало пока развита статистика потребленія, это видно изъ слѣдующихъ словъ знаменитаго статистика *E Engel*'я: „Многое прошло; но я по прежнему нахожусь во власти опредѣленной идеи, а именно идеи, что изъ различныхъ объектовъ изученія политической экономіи и разныхъ отраслей статистики очень слабо разработано человѣческое потребленіе, между тѣмъ какъ оно заслуживаетъ наиболѣе совершенной разработки Ибо все, что люди дѣлаютъ, происходитъ ради потребленія и можетъ быть сведено къ точкѣ зрѣнія потребленія“. „Во всѣхъ культурныхъ государствахъ стараются время отъ времени возможно точно изслѣдовать, сколько люди удѣляютъ производству всякаго рода вѣсомыхъ и невѣсомыхъ благъ. Только что выполненная въ Германіи обширная профессіональная перепись служитъ новымъ доказательствомъ этого. Что же потребляется людьми столь различными по полу и возрасту, профессіи и занятію, рассѣ и мѣстожительству—это только теперь начинаютъ то здѣсь, то тамъ устанавливать цифровымъ путемъ“ (Die Lebenskosten belgischer Arbeiter-Familien fruher und jetzt. Ermittelt aus Familien-Haushaltsrechnungen und vergleichend zusammengestellt Bulletin de l'Institut internat. de stat. T IX 1895. 1-re livraison, стр. Ш).

[1]) Вотъ эти задачи по словамъ автора статьи „Workmen's Budgets“ въ Dictionary of political economy by *R. H. J. Palgrave* (London. 1899. Vol. Ш): „Первая задача—дать картину условій жизни рабочаго класса и сравнить его благосостояніе у разныхъ народовъ, равно какъ въ разное время въ одной и той же странѣ (прогрессъ рабочихъ классовъ). Второстепенная задача—доставить данныя для теоріи потребленія путемъ измѣренія сравнительной затраты на разные предметы, равно какъ путемъ измѣренія различій, вызываемыхъ разницей въ высотѣ дохода и размѣрахъ семьи. Практическое примѣненіе бюджетныхъ данныхъ можетъ быть сдѣ-

2. Бюджетная статистика должна давать *количества* отдѣльныхъ потребленныхъ благъ съ указаніемъ ихъ родовъ и сортовъ. Если мы возьмемъ нынѣшнія изданія по статистикѣ потребленія, то чаще всего найдемъ въ нихъ только денежныя суммы, израсходованныя на разныя блага. И то не на отдѣльныя блага, а на большія группы ихъ, въ которыя соединено иногда очень много благъ, часто совершенно чуждыхъ другъ другу. Выдѣлить отдѣльныя блага изъ этихъ группъ не представляется возможнымъ. Потребленныя количества или вовсе не показаны, или показаны только для очень немногихъ предметовъ, при чемъ опять таки даны общія количества для группъ, составленныхъ изъ цѣлаго ряда различныхъ благъ [1]).

лано при оцѣнкѣ тяжести обложенія разныхъ классовъ, при разрѣшеніи вопроса о возможности недопущенія женщинъ и дѣтей къ фабричной работѣ, при одобреніи мѣръ, принимаемыхъ для поощренія экономіи и сбереженій и т. д." (стр 676—7). Изъ этого мѣста видно, что помощь теоріи потребленія вообще признается второстепенной задачей нынѣшней бюджетной статистики Надо, однако, сказать, что въ настоящее время уже собираются данныя и о потребленіи зажиточныхъ классовъ. Въ качествѣ примѣра можно указать на нѣмецкое изданіе „Zwei Wirtschaftsrechnungen von Familien höherer Beamten (3. Sonderheft zum Reichs-Arbeitsblatte. Bearbeitet im Kaiserlichen Statistischen Amte. Abteilung fur Arbeitsstatistik. 1911).

[1]) Даже въ работахъ *F. Le Play* и его послѣдователей, примѣнявшихъ несовершенный, *анкетный* методъ, но детализировавшихъ задаваемые вопросы и сводившихъ полученные результаты въ подробныхъ монографіяхъ, мы все же встрѣчаемъ лишь очень мало расчлененныя классификаціи расходовъ. Такъ, *Le Play* даетъ слѣдующую классификацію·

I. Пища

Потребляемая дома:
- Хлѣбныя продукты.
- Жировыя вещества.
- Молочные продукты и яйца.
- Мясо и рыба.
- Овощи и фрукты
- Приправы и возбуждающія средства.
- Спиртные напитки.

Пища, потребляемая внѣ дома.

II. Жилище.

Наемъ помѣщенія и покупка мебели.
Починка мебели.
Отопленіе.
Освѣщеніе.

III. Одежда

Пріобрѣтеніе и починка платья и бѣлья.
Стирка платья и бѣлья.

3. Бюджетная статистика должна давать цѣны, по которымъ пріобрѣтали блага потребляющія ихъ хозяйства, или цѣны, по кото-

---

IV. Духовныя потребности, обученіе дѣтей, отдыхъ и уходъ за здоровьемъ.
Религія, оказаніе помощи ближнимъ и милостыня.
Обученіе дѣтей
Отдыхъ
Уходъ за здоровьемъ.
V. Расходы, касающіеся промысловъ, долговъ, налоговъ и страхованія
Домашніе промыслы.
Долги
Налоги.
Страхованіе.

(Les ouvriers européens; études sur les travaux, la vie domestique et la condition morale des populations ouvrières de l'Europe d'après les faits observés de 1812 à 1879. 2-me éd. T I. La méthode d'observation. 1879, стр 290—379). То же самое находимъ мы и въ синоптическихъ таблицахъ, объединяющихъ 100 бюджетовъ, опубликованныхъ, какъ самимъ *Le Play* въ приведенной выше работѣ, такъ и въ продолженномъ послѣ его смерти изданіи „Les ouvriers des deux mondes" основаннаго въ 1856 году „Société d'économie sociale" (см. *E. Cheysson* et *A. Toqué* Les budgets comparés des cent monographies de familles publiees d'après un cadre uniforme dans „Les ouvriers européens" et „Les ouvriers des deux mondes". Bulletin de l'Institut internat de stat. T. V. 1890, стр. 1—158 и приложенія. Эти таблицы приведены у *Щербины.* Крестьянскіе бюджеты, стр. 381—99). Расходы сгруппированы здѣсь по системѣ *Le Play* и даны въ денежныхъ суммахъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ основныхъ монографіяхъ даны очень подробныя свѣдѣнія о количествѣ и цѣнности отдѣльныхъ потребленныхъ предметовъ (см., напримѣръ, крестьянскій бюджетъ, составленный самимъ *Le Play* въ 1856 году Annexe № 3, стр 53 и слѣд.) Не даютъ пока необходимыхъ свѣдѣній о количествахъ отдѣльныхъ потребленныхъ товаровъ и статистическія обслѣдованія, произведенныя при помощи болѣе совершеннаго метода *расходныхъ книгъ.* Если мы возьмемъ даже позднѣйшую работу горячаго распространителя этого метода, *E Engel'я*, то все же увидимъ, что даваемая имъ классификація расходовъ состоитъ изъ 17 главныхъ группъ съ 9 дополнительными подгруппами (Die Lebenskosten, стр 9—10). Самъ *Engel* признаетъ, что въ нѣкоторыя изъ этихъ подраздѣленій входитъ слишкомъ много отдѣльныхъ предметовъ (тамъ же, стр 10). А въ „Приложеніи", гдѣ *Engel* используетъ бюджетныя изслѣдованія *Ducpétiaux* и *Le Play,* онъ пользуется еще болѣе сокращенной классификаціей, состоящей всего изъ 9 группъ (указ. соч. Anlage I, стр. 6). Мѣстами, впрочемъ, при анализѣ расходовъ на пищу, онъ даетъ и болѣе детальныя свѣдѣнія То же надо сказать о бюджетныхъ данныхъ, приведенныхъ въ работѣ *C. Hampke* (Das Ausgabebudget der Privatwirtschaften. 1888), выясняющаго вслѣдъ за *Engel'*емъ важное значеніе приходо-расходныхъ книгъ. Между тѣмъ самъ по себѣ методъ расходныхъ книгъ даетъ полную возможность получать количества отдѣльныхъ потребляемыхъ товаровъ Этого въ настоящее время требуетъ уже большинство авторовъ Такъ, напримѣръ, *C. Landolt* о записи расходовъ говоритъ: „Надо записывать . всѣ расходы съ точнымъ указаніемъ купленнаго количества. Надо отмѣчать: столько-то кило, литровъ, метровъ и т. д. та-

рымъ блага могли быть проданы, если въ потребленіе входили предметы, производимые въ собственномъ хозяйствѣ. Это условіе также

кого-то предмета за столько-то франковъ или сантимовъ" (Directions sur la manière de dresser les budgets d'ouvriers industriels et d'artisans Bulletin de l'Institut internat. de stat. T. VI. 1892. 2-me livraison, стр 293) Въ другой работѣ „Methode und Technik der Haushaltsstatistik (Nebst dem Budget einer St Galler Arbeiterfamilie etc). 1894" тотъ же *Landolt* высказывается за детальное описаніе всей жизненной обстановки семьи по образцу изслѣдованій *Le Play*, но требуетъ собиранія данныхъ не путемъ распросовъ, а, подобно *Engel*'ю, путемъ ежедневныхъ записей доходовъ и расходовъ При этомъ онъ говоритъ о желательности записи рода купленныхъ предметовъ, количества ихъ и платы за нихъ. Образецъ такой книги *Landolt* приводитъ на стр 25—8 Другой статистикъ потребленія, *G. Schnapper-Arndt*, высказываясь въ своей методологической работѣ за веденіе детальныхъ хозяйственныхъ книгъ, настаиваетъ на такомъ способѣ записей, при которомъ „никогда не забываютъ сдѣлать возможнымъ познаніе количествъ вещественныхъ благъ каждаго рода". „Знаніе благъ и ихъ количествъ, прибавляетъ онъ, является самымъ важнымъ" (Zur Theorie der Privatwirtschafts-Statistik. Bulletin de l'Institut internat. de stat. T XIII. 2-me livraison. 1902, стр 310) Лучшей является, по его мнѣнію, та классификація, „которая даетъ больше всего деталей и позволяетъ читателю раскладывать камешки, какъ онъ пожелаетъ" (тамъ же). О томъ же см его „Sozialstatistik" (стр. 405). Недостаточнымъ считаетъ „выраженіе потребленія голыми числами денежныхъ цѣнностей" и *K. Bücher* въ статьѣ, посвященной защитѣ „метода счетной книги" („Haushaltungsbudgets oder Wirtschaftsrechnungen?" въ Zschr f. d. ges. Staatswiss. 62. Jahrg. 1906, стр 689). Онъ также высказывается за необходимость „возможно болѣе точнаго подсчета количествъ потребленныхъ благъ"; въ концѣ въ видѣ напутствія статистикамъ онъ добавляетъ, что „въ заботливо веденныхъ домашнихъ хозяйственныхъ книгахъ зарытъ еще почти неисчерпаемый матеріалъ для точнаго экономическаго изслѣдованія" (тамъ же, стр. 700). Требованіе точнаго учета количества потребленныхъ благъ выставляетъ и *Bauer* („Die Konsumtion nach Sozialklassen" въ Hwb d. Stw. 3. Aufl. VI. Bd, стр. 128). За то же высказывается русскій статистикъ потребленія, *Ф. А Щербина*; при разработкѣ собранныхъ матеріаловъ, по его мнѣнію, необходимо, чтобы „свѣдѣнія были выражены въ абсолютныхъ цифрахъ, а не въ среднихъ или процентныхъ величинахъ", чтобы „абсолютныя цифры были проведены по количественнымъ признакамъ—числу случаевъ, линейнымъ измѣреніямъ и емкости, а также въ денежной оцѣнкѣ по стоимости", и чтобы, наконецъ, „всѣ эти дѣленія были установлены особо въ натуральной и особо въ денежной формѣ („Крестьянскіе бюджеты, стр. 82), Въ другомъ мѣстѣ онъ повторяетъ, что „весьма важно двойственное оформленіе проявленія потребностей—въ предметной ихъ формѣ и въ денежной оцѣнкѣ" (тамъ же, стр 98). Однако, требованіе это не выполнено при тѣхъ бюджетныхъ обслѣдованіяхъ, которыя произведены были въ Воронежской губерніи подъ руководствомъ *Щербины*. Даже бюджетныя таблицы, обнимающія статистическія данныя о бюджетахъ 230 типическихъ хозяйствъ, очень далеки отъ выполненія выставленнаго требованія. Здѣсь раньше всего въ очень многихъ графахъ соединено по нѣсколько разныхъ объектовъ потребленія Такъ, напримѣръ просо и пшено; подсолнухъ, горохъ и конопля; огородныя и садовыя овощи и

почти никогда не выполняется современной бюджетной статистикой. Общая статистика цѣнъ не заполняетъ этого пробѣла, потому что она

фрукты; молочные продукты; чай и сахаръ; топливо—солома, кизякъ и дрова; керосинъ и свѣчи; посуда; мебель; предметы комфорта; одежда, обувь и постельныя принадлежности. Для другихъ цѣлей, преслѣдуемыхъ бюджетной статистикой такія и даже болѣе широкія группы весьма цѣлесообразны, но для познанія скалъ потребностей необходимо еще большее разъединеніе потребляемыхъ вещей. Ихъ можно потомъ соединять въ группы, какъ угодно; но въ основныхъ матеріалахъ должны находиться болѣе детализированныя данныя А затѣмъ таблицы *Щербины* лишь для нѣкоторыхъ благъ, а именно для главныхъ предметовъ питанія, даютъ потребленныя количества. Всѣ остальныя свѣдѣнія даны только въ денежной формѣ. Такъ, не указаны количества уже для молочныхъ продуктовъ, чаю и сахару, и далѣе для топлива, мыла, керосина и свѣчей, дегтя, посуды, мебели, предметовъ комфорта, одежды, обуви и пр. (указ соч. Таблицы, стр. 1—201) То же надо сказать о новѣйшихъ нѣмецкихъ изслѣдованіяхъ (о состояніи бюджетной статистики въ Германіи см. *J Feig* „Statistik des Arbeitslohnes und Lebenshaltung. II. Statistik der Lebenshaltung" въ Die Statistik in Deutschland nach ihrem heutigen Stand Georg von Mayr bei der Feier seines 70. Geburtstages am 12. Februar 1911 als Ehrengabe dargebracht. Herausgegeben von *F. Zahn* 1911. II. Bd., стр. 812—26). Одно изъ такихъ изслѣдованій—это „320 Haushaltungsrechnungen von Metallarbeitern" (Bearbeitet und herausgegeben vom Vorstand des Deutschen Metallarbeiterverbandes. Stuttgart. 1909). Данныя его собраны путемъ раздачи приходо-расходныхъ книгъ, которыя велись въ теченіе цѣлаго года. Трудно сказать, заносились ли въ эти книги аккуратно потребленныя количества различныхъ благъ, но во всякомъ случаѣ обработкѣ количественныя данныя подвергнуты не были. Изданіе приводитъ лишь общія денежныя суммы и то для обширныхъ группъ расходовъ. Другое обслѣдованіе—это „Erhebung von Wirtschaftsrechnungen minderbemittelter Familien im Deutschen Reiche (Bearbeitet im Kaiserlichen Statistischen Amte. Abteilung für Arbeitsstatistik. 2. Sonderheft zum Reichs-Arbeitsblatte. Berlin. 1909) Оно также выполнено путемъ раздачи книгъ и обнимаетъ разработку 879 годовыхъ записей (см. стр 10—11*). Замѣчанія по поводу программы этого обслѣдованія см. у *Bücher*'а: „Zur Frage. Haushaltungsbugets oder Wirtschaftsrechnungen" въ Zschr f. d. ges. Staatswiss 63 Jahrg. 1907, стр. 142—53 (см объ этихъ двухъ обслѣдованіяхъ также *A. Lypschutz* „Das Budget des deutschen Arbeiters—eine Statistik des Elends". Neue Zeit 28. Jahrg 1910 №№ 32—3). Изъ приложеннаго формуляра для записей видно, что въ книги изо дня въ день хозяева должны были заносить всѣ отдѣльные покупки и платежи съ указаніемъ не только суммы уплаченныхъ денегъ, но и точнаго количества купленныхъ благъ въ штукахъ, литрахъ или фунтахъ. При этомъ инструкція предписывала: „отмѣчать отдѣльно каждый предметъ, хотя бы куплено было нѣсколько предметовъ вмѣстѣ. Для расходовъ, относящихся къ извѣстному времени, напримѣръ, для квартирной платы, налоговъ, покупки угля, картофеля и т. д.—показывать это время" (Erhebung, стр. 73*). Такимъ образомъ, основной матеріалъ долженъ былъ содержать свѣдѣнія о потребленныхъ количествахъ всѣхъ отдѣльныхъ благъ. Однако, при обработкѣ этого матеріала всѣ расходы сведены были въ 50 группъ, изъ которыхъ 26 относятся къ пищѣ. Это, конечно, сравнительно очень дробная группировка, и для нѣкоторыхъ

даетъ обычно оптовыя цѣны на крупныхъ рынкахъ. Для нашей же цѣли необходимы цѣны розничныя. Статистика этихъ цѣнъ развита пока очень слабо. Къ тому же въ данномъ случаѣ важно знаніе тѣхъ розничныхъ цѣнъ, по которымъ различныя блага поступали въ обслѣдуемыя хозяйства [1]). Особенно важно знаніе колебаній роз-

---

цѣлей вполнѣ достаточная. Но все же при ней получаются группы, составленныя изъ очень большого числа весьма разнообразныхъ предметовъ. Приведемъ слѣдующіе образцы: группа I 1: „Fleisch (auch Schinken, Speck, Fleischkonserven, Wild, Geflügel)"—здѣсь въ каждомъ словѣ соединенъ иногда цѣлый рядъ разныхъ благъ; или группа I. 5: „Schmalz, Margarine und andere Speisefette"; или I. 12: „Mehl (всякая!), Reis, Graupen und andere Mühlenfabrikate, Nudeln und dgl., Hülsenfrüchte (auch als Konserven)"; или, наконецъ, группа II 1: „Kleidung (auch Taschenuhren und Schmucksachen), Fusszeug (Anchaffung und Instandsetzeng), Nähmaterial (Garn, Knöpfe usw.)". При этомъ въ таблицахъ нигдѣ не приведено количество благъ. Уже въ свободномъ помѣсячномъ и годовомъ бланкѣ для отдѣльныхъ хозяйствъ (указ. соч., стр. 75—6 *) вопросы о количествахъ поставлены всего лишь для 10 важнѣйшихъ пищевыхъ группъ. Обработкѣ же и опубликованію даже эти данныя о потребленныхъ количествахъ подвергнуты не были Если необходимыхъ подробныхъ данныхъ о количествѣ потребленныхъ благъ не даютъ эти изслѣдованія, охватывающія сравнительно небольшое число хозяйствъ, то еще меньше могутъ служить для нашей цѣли тѣ массовыя обслѣдованія, которыя придерживаются *экстенсивнаго* метода, т. е. построены на полученіи отъ большого числа хозяйствъ свѣдѣній о доходахъ и главнѣйшихъ статьяхъ расходовъ. Таковы, напримѣръ, нѣкоторыя англійскія анкеты, затѣмъ американская анкета 1890 года, охватившая 5284 семейства, или 1903 года, собравшая свѣдѣнія для 25 400 семействъ („Workmen's Budgets" въ Dictionary of pol econ. by *Palgrave*. Vol. III. 1899, стр. 677). Таковы же, поскольку дѣло идетъ о данныхъ, относящихся къ расходамъ, „крестьянскіе бюджеты по массовымъ даннымъ", охватывающимъ громадное число хозяйствъ (176 821) Воронежской губерніи, приведенные въ книгѣ *Щербины* (Крестьянскіе бюджеты Таблицы, стр. 273—85). Совершенно не поставлены были вопросы о количествахъ потребляемыхъ благъ при анкетѣ, произведенной въ Петербургѣ въ 1908 году XII Отдѣломъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества Въ опросномъ листкѣ о бюджетѣ, разосланномъ рабочимъ, помѣщены были лишь вопросы. „сколько тратите" на такую-то группу благъ или на удовлетвореніе такого-то круга потребностей? См. *С. Н. Прокоповичъ*: „Бюджеты петербургскихъ рабочихъ". По даннымъ анкеты, произведенной XII (Содѣйствія Труду) Отдѣломъ И Р. Т. О (Оттискъ изъ „Записокъ И. Р. Т. О." Февраль, Мартъ, Апрѣль 1909 г."). 1909, стр. 3—4.

[1]) О недостаткахъ въ этомъ отношеніи бюджетной статистики, равно какъ о трудностяхъ регистраціи покупныхъ цѣнъ, говоритъ *Marshall* (Principles. I, стр. 188—92). Важность знанія розничныхъ цѣнъ отмѣчаетъ *Apelt*. Оптовыя цѣны, говоритъ онъ, сильно отъ нихъ отличаются; между первыми и вторыми лежатъ издержки транспорта, плата за храненіе и за магазины, оплата труда посредниковъ и пр (Die Konsumtion, стр. 17).

ничныхъ цѣнъ и связанныхъ съ ними измѣненій въ количествахъ потребляемыхъ благъ[1]).

Мы не закрываемъ глазъ на техническія трудности такой постановки бюджетной статистики, какая необходима для изложенной нами цѣли. Но такая статистика была бы интересна не для одного познанія скалъ потребностей. Данныя о размѣрѣ потребленія различныхъ благъ разными типами хозяйствъ и разными общественными классами отвѣтили бы на многіе другіе запросы экономической теоріи, народно-хозяйственной политики и частной хозяйственной дѣятельности. Знанія однѣхъ денежныхъ суммъ, израсходованныхъ на разныя группы предметовъ, даваемаго нынѣшнею бюджетною статистикой, для этого недостаточно. Недостаточны и тѣ средніе на душу размѣры потребленія различныхъ товаровъ, которые исчисляются въ настоящее время[2]).

Поэтому во всякомъ случаѣ желательно приложить старанія къ реформированію бюджетной статистики въ указанномъ направленіи. Пусть еще однимъ лишнимъ побудительнымъ мотивомъ къ такой реформѣ служитъ мысль о томъ, что этимъ путемъ, быть можетъ, когда-либо въ концѣ концовъ удастся подойти къ познанію хотя нѣкоторыхъ частей скалъ человѣческихъ потребностей, и тогда, то, чего пока не въ силахъ дать экономисту и, вѣроятно, долго еще не въ силахъ будетъ дать физіологія, психологія или какая-либо другая наука о человѣкѣ, можетъ быть, значительно раньше экономистъ отыщетъ самъ при помощи статистики потребленія.

Однако, какъ мы уже говорили, познаніе скалъ потребностей важно лишь для рѣшенія *конкретныхъ* вопросовъ. Если бы были по-

---

[1]) На эту задачу бюджетной статистики обращаетъ вниманіе и *Bauer* („Konsumtion“ въ Hwb d. Stw. 3. Aufl. VI. Bd, стр. 145).

[2]) Конечно, уже и эти душевыя количества имѣютъ большое значеніе. Они даютъ сравнительную картину потребленія въ разныхъ странахъ и показываютъ движеніе его во времени. Ср. *Apelt* (Die Konsumtion, стр 7 и 14—5). Но самъ *Apelt*, приводя эти количества, оговаривается, что данныя о душевомъ потребленіи недостаточны даже для того, чтобы составить себѣ ясное представленіе о размѣрахъ потребленія Число населенія и число дѣйствительныхъ потребителей далеко не совпадаютъ, значительное вліяніе оказываетъ возрастный составъ населенія (тамъ же, стр. 8—9). Объ этомъ же говоритъ *Lexis* („Konsumtion“ въ Hwb d Stw. 3. Aufl. VI. Bd., стр. 119). Особенно важны эти оговорки для предметовъ, потребляемыхъ лишь небольшою частью населенія.

знаны скалы потребностей и другіе основные факторы, вліяющіе на хозяйственную жизнь, экономистъ получилъ бы возможность, отправляясь отъ конкретныхъ значеній всѣхъ этихъ факторовъ, приходить къ конкретнымъ выводамъ въ области расцѣнки хозяйственныхъ благъ. Этимъ была бы оказана существенная помощь тому обратному пути для рѣшенія тѣхъ же конкретныхъ вопросовъ, при которомъ изслѣдователь идетъ отъ существующихъ фактовъ расцѣнки, напримѣръ, отъ существующихъ товарныхъ цѣнъ, къ познанію связи между ними и различными другими условіями хозяйственной жизни [1]). Совмѣстными усиліями этихъ направленій могли бы быть разрѣшены многіе изъ тѣхъ важныхъ конкретныхъ вопросовъ, отвѣта на которые тщетно пока ждетъ отъ экономической науки хозяйственная практика.

Но для общаго теоретическаго анализа хозяйственныхъ явленій, и въ частности для изслѣдованія общаго механизма расцѣнки хозяйственныхъ благъ, знаніе конкретныхъ скалъ потребностей не является необходимымъ. Такое изслѣдованіе можетъ исходить изъ условно выбранныхъ скалъ потребностей, принимая ихъ за данныя, вводя въ нихъ, напримѣръ, лишь одно эмпирически познанное свойство потребностей—свойство, выражаемое первымъ закономъ *Gossen*'а [2]).

Именно такъ поступаемъ мы во второй части нашей работы.

---

[1]) См. объ этомъ обратномъ пути, какъ пути для изученія динамики цѣнъ, *M. Lenoir*'а (Études sur la formation et le mouvement des prix. Thèse. 1913, стр. 63 и слѣд.).

[2]) Такой пріемъ мы встрѣчаемъ у всѣхъ теоретиковъ, включающихъ въ свои построенія потребность и полезность *Jevons*, отстаивая этотъ пріемъ, говоритъ даже, что „раньше, чѣмъ приниматься за изслѣдованіе фактовъ, мы должны обладать точными теоретическими знаніями“ (Theory, стр. 26). Ср. также *Cassel*'я, который замѣчаетъ по этому поводу, что недостаточность знанія конкретныхъ данныхъ о потребностяхъ и спросѣ „никоимъ образомъ не должна препятствовать намъ проникнуть въ общую связь процесса образованія цѣны: для этой цѣли достаточно принять необходимыя даты за данныя“ („Grundriss“ въ Zschr. f. d ges. Stwiss. 55 Bd. 1899, стр. 415).

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ I ГЛАВѢ.

Замѣчанія о примѣненіи математическаго метода въ экономической наукѣ.

Приведенный въ §§ 10 и 14 анализъ количественной сравнимости и измѣримости потребностей даетъ возможность опредѣленнѣе поставить и разрѣшить вопросъ о примѣнимости математическаго метода къ экономической наукѣ.

Уже давно дѣлаются попытки примѣнить этотъ методъ къ разрѣшенію различныхъ экономическихъ вопросовъ. Въ послѣднее время число авторовъ, пользующихся этимъ методомъ, быстро возрастаетъ. Когда-то экономисты-математики представляли рѣдкія исключенія. Теперь можно говорить уже о цѣлой обширной математической школѣ экономистовъ. Школа эта насчитываетъ въ своихъ рядахъ много крупныхъ именъ. Еще значительнѣе число такихъ авторовъ, которые, не примыкая къ этой школѣ, въ большей или меньшей мѣрѣ пользуются въ своихъ изслѣдованіяхъ математическимъ языкомъ [1]).

---

[1]) Краткое изложеніе работъ главнѣйшихъ представителей математическаго направленія, расположенныхъ въ историческомъ порядкѣ, находимъ въ книгѣ *P. Boven*'а: „Les applications mathématiques à l'économie politique. 1912“. Онъ раздѣляетъ экономистовъ-математиковъ на двѣ категоріи: 1) авторовъ, дающихъ теорію частичной взаимной зависимости, т. е зависимости, не охватывающей всей системы народно-хозяйственнаго процесса, и 2) авторовъ, теорія которыхъ охватываетъ общую взаимную зависимость экономическихъ явленій. Первую категорію онъ въ свою очередь дѣлить на двѣ группы: 1) авторовъ, употребляющихъ только математическіе символы, и 2) авторовъ, употребляющихъ не только символы, но и ма-

Проникновеніе математики въ экономическую теорію является лишь частнымъ проявленіемъ процесса обращенія къ математическому

тематическую логику. Къ первой группѣ онъ относитъ: *Jean Ceva* (1711) и *N.-F. Canard*'а (1811). Ко второй группѣ: *A.-N. Isnar*'а (1781), затѣмъ *A. Cournot* (1838), *Gossen*'а (1854) и *Jevons*'а (1871) Къ теоретикамъ, давшимъ теорію общей взаимной зависимости, онъ относитъ *L. Walras* (1874) и *Pareto* (1896). До послѣдняго времени французъ *A. Cournot* считался основателемъ математической школы. Ему принадлежитъ работа: „Recherches sur les principes mathématiques de la théorie des richesses. 1838". См. о немъ: *J. Fisher* („Cournot and mathematical economics" въ Quarterly Journal of Economics Vol. XII. Jannnary. 1898, стр. 119—38); здѣсь *Fisher* дѣлаетъ интересное замѣчаніе: „*Cournot* не могъ найти журнала для своихъ работъ, а въ настоящее время The Economic Journal, The Journal of the Royal Statistical Society, Giornale degli Economisti, Nationaloekonomisk Tidsskrift печатаютъ массу математическихъ работъ" (стр. 120); *Edgeworth* въ замѣткѣ по поводу англійскаго перевода *Cournot*, вышедшаго подъ редакціей *Fisher*'а, отмѣчая ошибки *Cournot*, говоритъ, что онъ „альфа, но не омега математической экономики. Это вестибюль, а не все зданіе" (The Economic Journal. Vol. VIII. 1898, стр. 114); біографію *Cournot* даетъ *H. Moore* („The personality of Antoine Augustin Cournot" въ Quart. Journ. of Econ. Vol. 19. 1905, стр. 370 и сл.). Другимъ наиболѣе крупнымъ представителемъ математическаго направленія является основатель „лозаннской школы" *Léon Walras*, авторъ „Eléments d'économie politique pure" (4 éd. 1900) и цѣлаго ряда другихъ работъ. См. о немъ: *J. Schumpeter* („Marie Esprit Léon Walras" въ Zschr. f. Volksw., Sozpol. u. Verw 19. Bd. 1910. Heft IV—V) и *E. A. Heber* („Die Lausanner Schule der politischen Oekonomie" въ Zschr. f. Sozialwissenschaft. N. F. I. Jahrg 1910 Heft 11). Среди нѣмецкихъ писателей родоначальникомъ математическаго направленія является *H. H. Gossen* (Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs. 1 изд. 1854, переиздано 1889). См. о немъ *L. Walras* („Un économiste inconnu Hermann Heinrich Gossen" въ Journal des économistes. 30 Vol. 4 série. 1885, стр 68—90) и *R. Liefmann* („Hermann Heinrich Gossen und seine Lehre. Zum hundertsten Wiederkehr seines Geburtstages am 7. September 1910" въ Jahrb. f. Nok. u. St. III. F. 40. Bd. 1910, стр. 483—98). Изъ другихъ нѣмецкихъ авторовъ, принадлежащихъ къ математической школѣ, надо упомянуть *W. Launhardt*'а (Mathematische Begründung der Volkswirtschaftslehre. 1885), *R. Auspitz*'а и *R. Lieben*'а (Untersuchungen uber die Theorie des Preises. 1889), отчасти *J. Lehr*'а (Grundbegriffe und Grundlagen der Volkswirtschaft. 1893; 2 изданіе 1901), затѣмъ *L. Bortkiewitsch*'а (см. его отзывъ о 2-мъ изд. „Éléments d'économie politique pure" *L. Walras* въ Revue d'éc. pol. IV Vol. 1890, стр. 80—6, или его статьи „Wertrechnung und Preisrechnung im Marx'schen System" въ Archiv f. Sozwiss. u. Sozpol. 23. Bd. 1906, стр. 1—50, и 25. Bd. 1907, стр. 10—51 и 445—88), *J. Schumpeter*'а („Über die mathematische Methode der theoretischen Ökonomie" въ Zschr. f. Volksw., Sozpol. u. Verw. 15. Bd. 1906, стр. 30—49, а также Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie. 1908) и *V. Furlan*'а („Wirtschaftliches Gleichgewicht. Mathematische Darstellung" въ Hwb. d. Stw. 3 Aufl. VIII Bd. 1911, стр 825—31). Въ Англіи извѣстны экономисты-математики: *W. St. Jevons* (The Theory of political economy. 1 изд. 1871), *F. Y. Edgeworth* (Mathematical psychics. 1881; ему же принадлежатъ много-

методу тѣхъ наукъ, которыя первоначально имъ не пользовались или пользовались въ очень слабой степени. Такой процессъ мы наблю-

---

численныя статьи по математической экономикѣ въ Giornale degli economisti, The Economic Journal, Dictionary of political economy *Palgrave*'a и пр.), *A. Marshall* (Principles of economics. Vol. I. 3 ed. 1895), *Ph. H. Wicksteed* (The alphabet of economic science Part I. 1888) и *H. Cunynghame* (A geometrical political economy. Being an elementary treatise on the method of explaining some of the theories of pure economic science by means of diagrams 1904). Изъ итальянцевъ работаютъ математическимъ методомъ: *Pantaleoni*, затѣмъ извѣстный ученикъ *Walras—V. Pareto* (Cours d'économie politique. I—II 1896—7, многочисленныя статьи въ Giornale degli economisti; статья „Anwendungen der Mathematik auf Nationalökonomie" въ Encyklopadie der mathematischen Wissenschaften. Bd. I. Heft. 7 1902; наконецъ, новый курсъ Manuel d'économie politique. Франц. пер 1909), далѣе, *U. Ricci* („La misurabilità del piacere e del dolore" въ Giornale d. econ. Serie II Vol. XXX. 1905, стр. 15—36), *G. de Ruggiero* („Economia e la meccanica" въ Giorn d econ. Serie II. Vol. XLII. 1911, стр. 218—47), *V. Volterra* („Les mathématiques dans les sciences biologiques et sociales" въ Revue du Mois 1906, № 1. и „L'economia matematica ed il nuovo manuale del Prof. Pareto" въ Giorn. d. econ Serie II. Vol. XXXII. 1906, стр 296—302), *L. Zoretti* („La méthode mathématique et les sciences sociales въ La Revue du Mois 1906, № 9), *L. Amoroso* („La theoria del'equilibrio economico secondo il Prof. Vilfredo Pareto" въ Giorn. d. econ. Serie II. Vol. XXXIX. 1909, стр 352—67; его же „L'applicazione della matematica alla economia politica" въ томъ же журналѣ, Vol. XL. 1910, стр. 57—63, и „L'applicazione della matematica allo studio dei fenomeni economici e sociali" въ томъ же журналѣ, Vol. XLII. 1911, стр. 349—70). *E. Barone* (Principi di economia politica. 1913). Изъ французскихъ авторовъ укажемъ на *E. Bouvier* (La méthode mathématique en économie politique 1901; то же въ Revue d'écon. pol. XV Vol. 1901, стр. 817, 1029), *H. Laurent* (Petit traité d'économie politique mathématique. Rédigé conformément aux précepts de l'école de Lausanne. 1902), *C. Colson* (Cours d economie politique 2-e éd. 1907), *M. Lenoir* (Études sur la formation et le mouvement des prix. 1913), отчасти *A. Landry* (Manuel d'économique. 1908). Въ скандинавскихъ государствахъ извѣстны: *K. Wicksell* (Über Wert, Kapital und Rente nach den neueren nationalökonomischen Theorien 1893) и *G. Cassel* („Grundriss einer elementaren Preislehre" въ Zschr. f. d. ges. Staatswiss. 55. Bd 1899, стр. 395—458). Въ Америкѣ: *Irving Fisher* (Mathematical investigations in the theory of value and prices 1892; его же Elementary principles of economics, 1911; см. также A brief introduction to the infinitesimal calculus designed especially to aid in reading mathematical econonomics and statistics 3 ed 1909). Въ Россіи къ математическому направленію принадлежатъ: *Р. Орженцкій* (Полезность и цѣна. 1895; его же. Ученіе объ экономическомъ явленіи. 1903), *Л. Винярскій* („Математическій методъ въ политической экономіи" въ Научномъ Обозрѣніи. 1897. XII, стр. 1—25; ср. его же: *Leon Winiarski* „Versuch einer sozialen Mechanik" въ Sozialistische Monatshefte. III. Bd. 1899, стр. 21—30, 434—45 и 566—71), *Н. Столяровъ* (Аналитическое доказательство предложенной М. Туганъ-Барановскимъ политико-экономической формулы: предѣльныя полезности свободно произведенныхъ продуктовъ пропорціональны ихъ трудовымъ стоимостямъ. 1901), *В. К. Дмитріевъ* (Экономическіе очерки. 1904), *В. Ф.*

даемъ не только въ области астрономіи, механики, физики, геодезіи, геофизики, но и въ химіи, физіологіи, біологіи, статистикѣ, въ психологіи (психо-физика) и даже философіи (математическая логика)[1]). Отсюда математика естественно проникаетъ въ соціологію и экономику[2]).

Аркольдъ (Политико-экономическіе этюды. 1904), *В. Войтинскій* (Рынокъ и цѣны. 1906) и *Н. Н. Шапошниковъ* (Теорія цѣнности и распредѣленія. 1912). См. также *B. Samsonoff* (Esquisse d'une théorie générale de la rente, suivie d'une critique des principales opinions émises sur le même sujet. 1912). Подробная библіографія математической литературы по экономическимъ вопросамъ составлена *Fisher*'омъ и приложена имъ къ англійскому переводу *A. Cournot* (Researches into the mathematical principles of the theory of wealth 1838. Translated by *N. T Bacon* with a bibliography of mathematical economics by *Irving Fisher*. 1897). Для роста значенія математическаго метода характернымъ является то, что новѣйшій трактатъ по исторіи политической экономіи—*Ch. Gide et Ch Rist.* Histoire des doctrines économiques depuis les physiocrates jusqu'à nos jours. 1909—уже удѣляетъ особое мѣсто „математической школѣ" (стр. 597—607). Еще болѣе показательно то, что математическая форма изслѣдованія хозяйственныхъ явленій нашла себѣ мѣсто въ новомъ изданіи „Handwörterbuch der Staatswissenschaften" (указанная выше статья *Furlan*'а).

[1]) См. *E. Bourlet* („La méthode mathématique" въ Revue d'éc. pol. 1901, стр. 818—9), *А. Принсгеймъ* („Цѣнность и мнимая не-цѣнность математики" въ „Новыя идеи въ математикѣ" Сборникъ № 1. 1913, стр. 143—6).

[2]) Цѣлый рядъ авторовъ пытается сблизить соціологію и экономику съ механикой и послѣ такого сближенія перестроить эти двѣ науки при помощи математическаго метода. См по этому поводу *L. Winiarski*, который соглашается съ тѣмъ, что экономическая теорія пользуется тѣмъ же понятіемъ равновѣсія, которымъ пользуется механика, и дѣлаетъ попытку показать, насколько это механическое понятіе приложимо къ соціальнымъ явленіямъ, лежащимъ внѣ экономической области („Versuch einer sozialen Mechanik" въ Sozialist. Monatshefte. 1899). См. далѣе работу румына *Sp. C. Haret* „Mécanique sociale" (1910), гдѣ авторъ послѣ популярнаго изложенія началъ анализа и механики пытается дать построеніе соціальной механики путемъ математическаго учета трехъ условій, опредѣляющихъ соціальную жизнь· экономическаго, интеллектуальнаго и моральнаго *G. de Ruggiero* также занятъ сближеніемъ экономики и механики Онъ полагаетъ, что между этими двумя науками существуетъ даже не аналогія, а полная тождественность или, говоря правильнѣе, отношеніе части къ цѣлому, такъ какъ сфера механики обширнѣе, а содержаніе экономической науки болѣе ограниченно. Кажущееся противорѣчіе между механикой, какъ наукой физической, и экономикой, какъ наукой о дѣйствіяхъ человѣка, онъ считаетъ несущественнымъ По мнѣнію *Ruggiero* тѣсная связь механики съ физикой объясняется лишь историческими условіями развитія механики („Economica e la meccanica" въ Giorn. d. econ. XLII 1911, стр. 244—5). Полную аналогію между экономикой и механикой проводитъ, наконецъ, *L. Amoroso* Подобно тому, пишетъ онъ, какъ механика беретъ идеальныя тѣла и системы, такъ экономика должна брать и беретъ *homo oekonomicus*;

Защитники примѣненія математическаго метода въ экономической наукѣ указываютъ на слѣдующія важныя преимущества этого метода:

1. Математическій языкъ даетъ ясную и строгую формулировку исходныхъ положеній. Такая точная формулировка приноситъ громадныя выгоды и служитъ важною гарантіей правильности научнаго построенія, хотя, конечно, нахожденія этихъ исходныхъ положеній и полноты ихъ математика сама по себѣ обезпечить не можетъ.

2. Изложеніе самаго разсужденія при употребленіи математическаго языка сжато и точно. Если даже математическій методъ не обладаетъ никакими особыми свойствами, предупреждающими возможность ошибокъ, то все же благодаря ему ошибки гораздо легче могутъ быть замѣчены [1]).

3. Математическая формулировка задачъ даетъ спеціальный способъ убѣждаться въ достаточности имѣющихся для рѣшенія поставленной задачи данныхъ, равно какъ позволяетъ убѣждаться въ томъ, что въ числѣ имѣющихся данныхъ нѣтъ излишнихъ, ненужныхъ для разрѣшенія задачи. Способъ этотъ состоитъ въ сопоставленіи числа неизвѣстныхъ съ числомъ уравненій и въ требованіи, чтобы число вторыхъ было равно числу первыхъ. Когда имѣющіяся данныя недостаточны для разрѣшенія задачи, не математикъ (ἀγεωμετρητὸς—какъ говоритъ *Edgeworth*) съ гораздо большимъ трудомъ покажетъ ихъ недостаточность и исправитъ дефектъ указаніемъ того, какія дополнительныя условія необходимы и достаточны для рѣшенія.

4. Математическій методъ облегчаетъ изображеніе взаимной связи, существующей между различными факторами, и способа совмѣстнаго дѣйствія этихъ факторовъ. Такъ, сторонники математическаго метода

какъ въ механикѣ говорятъ о силѣ, такъ въ экономикѣ—о полезности или годности, какъ въ механикѣ изслѣдуютъ живую силу и связи, такъ въ экономикѣ—систему равновѣсія („L'applicazione della matematica" въ Giorn d. econ. XLII 1911, стр. 362—3)

[1]) *Pareto* говоритъ, что, хотя до сихъ поръ математическая теорія хозяйственныхъ явленій не даетъ конкретныхъ количественныхъ результатовъ, но и нынѣшніе результаты ея цѣнны. „Можетъ быть, пишетъ онъ, позже, когда будутъ добыты данныя, придутъ къ количественнымъ результатамъ, теперь же результаты лишь качественные. Но и они привели уже къ построеніямъ, гораздо болѣе близкимъ къ хозяйственной дѣйствительности, чѣмъ построенія другихъ теорій. Математическія теоріи даютъ средство открыть многочисленныя ошибки и софизмы другихъ теорій" („Anwendungen der Mathematik" въ Encyklopadie der math. Wiss I Bd Heft 7, стр. 1101).

указываютъ на то, что благодаря этому методу впервые удалось изобразить сложный механизмъ совмѣстнаго дѣйствія различныхъ элементовъ спроса и предложенія; математическій же методъ помогъ разобраться въ такихъ вопросахъ, какъ взаимное вліяніе спроса на цѣны, а цѣнъ на спросъ, или вліяніе на цѣны издержекъ производства, а цѣнъ на эти послѣднія; до математиковъ изслѣдованіе такихъ взаимодѣйствій приводило теорію къ заколдованному кругу.

5. Наконецъ, математическій методъ открываетъ возможность дополнить качественный анализъ хозяйственныхъ явленій болѣе точнымъ количественнымъ анализомъ.

Все это, замѣчаютъ защитники математическаго метода, говоритъ за важность этого метода [1]).

Что касается круга вопросовъ, къ которымъ приложимъ математическій методъ, то экономисты-математики считаютъ послѣдній приложимымъ къ разрѣшенію всѣхъ вопросовъ экомической теоріи. При этомъ въ разныхъ отдѣлахъ экономической науки, при разрѣшеніи различныхъ вопросовъ они примѣняли различныя разновидности математическаго метода. Среди этихъ разновидностей рѣзко бросаются въ глаза двѣ группы методовъ:

1) методы большихъ чиселъ,

2) методы безконечно малыхъ величинъ.

Первые приложены въ видѣ теоріи вѣроятности и различныхъ способовъ математической обработки данныхъ хозяйственной статистики къ разсмотрѣнію многихъ конкретныхъ вопросовъ хозяйственной жизни. Таково, напримѣръ, примѣненіе математики къ изученію группировки людей по величинѣ богатства или размѣру доходовъ, къ изученію движенія цѣнъ, анализу колебаній спроса и предложенія и пр. Вторые методы приложены къ построенію абстрактной теоріи производства, обмѣна, расцѣнки фактовъ производства и пр., главнымъ образомъ, въ видѣ такъ называемой теоріи экономическаго равновѣсія. Надо,

---

[1]) См *Walras* (Éléments, стр XIX—XX и 172), *Edgeworth* (Mathematical psychics, стр. 3), *Marshall* (Principles, стр. XV), *Fisher* (Mathematical investigations, стр. 106—19), *Wicksell* (Über Wert, стр. VI—VII), *Bouvier* („La méthode mathematique" въ Revue d'éc. pol XV 1901, стр. 1041, 1045, 1049—52), *Pareto* („Anwendungen der Mathematik" въ Encykl. d. math. Wiss. I Bd. Heft 7., стр. 1094—120), *Schumpeter* (Über die mathematische Methode" въ Zschr. f. Volksw., Sozpol. u. Verw. 15. Bd. 1906, стр. 41—5), *Furlan* („Wirtschaftliches Gleichgewicht" въ Hwb. d. Stw. 3. Aufl. VIII. Bd. стр. 830—1).

впрочемъ, замѣтить, что не всѣ работы въ этой области прибѣгаютъ къ высшей математикѣ. Можно указать и такія работы, въ которыхъ примѣнена лишь элементарная математика. Особую разновидность математическаго метода представляетъ собою методъ геометрическій, т. е. пользованіе линіями, площадями и даже объемами для изображенія и изслѣдованія хозяйственныхъ явленій. Онъ примѣняется, какъ при обработкѣ большихъ чиселъ, добываемыхъ статистическимъ путемъ, такъ и при пользованіи безконечно малыми величинами въ области абстрактной теоріи [1]).

Однако, противъ примѣненія математическаго метода въ экономической наукѣ сдѣланъ многими авторами цѣлый рядъ возраженій. Возраженія эти можно свести къ слѣдующимъ:

---

[1]) См. *Amoroso* („L'applicazione della matematica" въ Giorn. d. econ. XLII. 1911, стр. 349 и сл.), *Furlan* („Wirtschaftliches Gleichgewicht" въ Hwb. d. Stw. VIII, стр. 825—6). *F. Y. E.* (*dgeworth*) („Mathematical method in political economy" въ Dictionary of pol. ec. *Palgrave*'a. Vol. II, стр 711—3; тамъ же статьи того же автора „Curves". Vol. I, стр. 473—4, и „Functions". Vol. II, стр. 167—9). О математическо-статистической разработкѣ экономическихъ вопросовъ говоритъ *Henry L. Moore*. Какъ на примѣры такой разработки онъ указываетъ на изслѣдованіе связи между цѣной хлѣба и урожаемъ (формула *Gregory King*'a!), на работы *Pareto* о зависимости спроса на предметы необходимости отъ распредѣленія доходовъ и о распредѣленіи богатства, на работу *Wagner*'a о статистикѣ народнаго дохода и народнаго имущества, на работы о заработной платѣ и др. Все это, по словамъ автора, то „статистическое восполненіе чистой экономики", отъ котораго надо ждать „дальнѣйшихъ плодотворныхъ идей и прочныхъ практическихъ результатовъ" („The statistical complement of pure economics" въ Quarterly Journal of Economics. Vol. XXIII, 1908. November, стр 33). Ср. *Pareto* („La legge della domanda" въ Giorn. d. econ. Serie II. Vol. X. 1895, стр. 59—69), *Fisher* (The equation of exchange. 1896—1910". 1911), *Lenoir* (Études sur la formation. Deuxième partie.). См. на русскомъ языкѣ: *Войтинскій* (Рынокъ и цѣны, стр. 331—6), а также *Е. Е. Слуцкій* (Теорія корреляціи и элементы ученія о кривыхъ распредѣленія. Пособіе къ изученію нѣкоторыхъ важнѣйшихъ методовъ современной статистики. 1912)

Геометрическимъ методомъ пользуется большинство экономистовъ-математиковъ, но преимущественно къ этому методу прибѣгаютъ: *Marshall* и *Cunynghame* въ Англіи, *Auspitz* и *Lieben* въ Германіи. См. также интересную новую работу съ широкимъ примѣненіемъ геометричаскаго метода: *Alfred Weber*. Uber den Standort der Industrien. I. Teil. Reine Theorie des Standorts. Min einem mathematischen Anhang v *G Pick*. 1909. Своеобразную попытку представляетъ построеніе *Fisher*'омъ даже особаго механическаго прибора для иллюстраціи взаимодѣйствія силъ, вліяющихъ на установленіе рыночнаго равновѣсія и образованіе цѣнъ (Mathematical investigations, стр 24—63, особенно 38). См. объ этомъ *E. Barone* („A proposito delle indagini del Fisher" въ Giorn d. econ. Serie II. Vol. VIII. 1894, стр. 428).

1. Примѣненіе этого метода требуетъ сочетанія въ одномъ лицѣ знанія математики и политической экономіи. Такое сочетаніе рѣдко. Экономисты недостаточно знакомы съ математикой, чаще всего они вовсе не знаютъ высшей математики. Математики не обладаютъ экономическими свѣдѣніями. Отсюда цѣлый рядъ ошибокъ и недостатковъ при примѣненіи математическаго метода къ наукѣ о хозяйствѣ.

Такое возраженіе нельзя считать принципіальнымъ. Если математическій методъ можетъ быть приложенъ и обѣщаетъ успѣшность болѣе глубокаго анализа хозяйственныхъ явленій, то изъ этого вытекаетъ лишь необходимость ознакомленія экономистовъ съ соотвѣтствующими отдѣлами математики. И именно ознакомленіе экономистовъ съ математикой, а не наоборотъ. Ибо даже при помощи математическаго метода можетъ разрабатывать экономическую науку въ качествѣ особой отрасли знанія только спеціалистъ въ этой области, т. е. экономистъ. Объясняется это тѣмъ, что преобладающій запасъ необходимыхъ свѣдѣній въ экономическомъ изслѣдованіи все же остается экономическимъ. Безъ знанія экономической литературы и ея исторіи, безъ знанія хозяйственной дѣйствительности въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, безъ знанія тѣхъ проблемъ, которыя ставитъ эта дѣйствительность экономической наукѣ—работать въ экономикѣ какимъ бы то ни было методомъ нѣтъ возможности.

2. Введеніе математической символики дѣлаетъ экономическія работы недоступными для широкой публики, а часто даже для экономистовъ-спеціалистовъ [1]).

Это также не возраженіе по существу. Если математика дѣйствительно необходима и обѣщаетъ новые результаты, то желаніе сдѣлать науку или отдѣльныя работы общедоступными должно отступить

---

[1]) Напримѣръ, такой крупный теоретикъ, какъ *Bohm-Bawerk*, сознается, что онъ „не во всѣхъ частяхъ могъ слѣдить за изложеніемъ столь выдающихся работъ, какими являются работы *Walras* или *Auspitz* и *Lieben*'а“ (Замѣтка о книгѣ *Wicksell*'я: Über Wert... въ Zschr. f. Volksw., Sozpol. u. Verw. III. Bd. 1894, стр. 164). По мнѣнію *Bohm-Bawerk*'а большая часть читающей публики отвѣтитъ тому, кто вмѣсто языка *A Smith*'а и *Mill*'я говоритъ математическими формулами, такъ же, какъ отвѣчали образованные римскіе юристы по поводу греческихъ изданій источниковъ права: *graeca sunt, non leguntur* (тамъ же, стр. 165). Другой экономистъ, самъ математикъ, *Cassel*, математическое изложеніе *Walras* называетъ „тяжеловѣснымъ аппаратомъ“, сдѣлавшимъ его работы для большого круга читателей „книгой за семью печатями“ („Grundriss“ въ Zschr. f. d. ges. Staatswiss. 1899, стр. 396).

на задній планъ [1]) Популяризація должна приспособиться къ этому и давать въ общедоступной формѣ только то, что въ такую форму можетъ быть облечено. Именно такъ поступаютъ физика и другія естественныя науки, примѣняющія математику. Конечно, все это справедливо лишь тогда, если математическій методъ необходимъ въ качествѣ метода изслѣдованія. Если же онъ является только способомъ изложенія и иллюстраціи, то приведенное выше возраженіе сохраняетъ полную силу. Получающееся вмѣсто упрощенія загроможденіе текста неудобочитаемыми формулами, несомнѣнно, говоритъ тогда противъ такого способа изложенія.

3. Все то цѣнное, что содержится въ трудахъ экономистовъ-математиковъ, можетъ быть получено и изложено и безъ математики [2]).

---

[1]) *Bouvier* правильно по этому поводу замѣчаетъ: а развѣ „Principia mathematica“ *Newton*'а очень популярны? („La méthode mathématique“ въ Revue d'éc. pol. 1901, стр. 1029—30).

[2]) *Voigt* о математической символикѣ пишетъ: „мы во всякомъ случаѣ можемъ пока безъ ущерба отказаться отъ символики—это дѣло вкуса... Всякій математическій анализъ переходитъ тѣ границы, которыя слѣдуетъ ему ставить. Онъ прокладываетъ такіе пути, по которымъ дѣйствительность не можетъ слѣдовать за нимъ На прочной почвѣ стоятъ лишь начало и конецъ аналитическаго разсмотрѣнія, если они вѣрны; связывающая же ихъ арка поднимается надъ этой почвой. Мы считаемъ аналитическія исчисленія въ экономикѣ допустимыми лишь тамъ, гдѣ они производятся и въ дѣйствительной жизни Гдѣ банкиръ или финансистъ прибѣгаетъ къ анализу, чтобы вычислить прибыль или выручку, тамъ и теоретикъ можетъ слѣдовать за ними; что сверхъ этого, то отъ лукаваго“ („Zahl und Mass in der Ökonomik“ въ Zschr. f d ges. Staatswiss 49. Bd 1893. стр 600). Съ такимъ представленіемъ о примѣненіи математическаго анализа нельзя, однако, согласиться. Всякій анализъ представляетъ разложеніе на части того, что въ жизни цѣльно. Можно говорить о томъ, что точное исчисленіе частей пока не нужно, можно ставить критеріемъ цѣлесообразности такого исчисленія возможность воспользоваться этимъ исчисленіемъ на практикѣ. Это все можно понять. Но возражать противъ математическаго анализа такъ, какъ возражаетъ *Voigt*, неправильно, ибо какъ разъ результатами этого анализа, если бы они оказались пріемлемыми, начала бы пользоваться сама жизнь. И какъ въ будущемъ воспользуются банкиръ и финансистъ математическимъ анализомъ нѣкоторыхъ областей экономической жизни—этого мы не знаемъ. *Ch Gide*, не отрицая значенія новыхъ мыслей, содержащихся въ работахъ *Cournot, Jevons*'а и *Walras*, пишетъ, однако: „но мы полагаемъ, что эти истины очень малымъ обязаны математикѣ и ничего не потеряли бы въ своей цѣнности и оригинальности, если бы онѣ были представлены въ формѣ обычнаго разсужденія“ („La théorie de l'économie politique de M. Stanley Jevons“ въ Journal des économistes. 4 serie. Vol. 16. 1881, стр. 183). *Gide* думаетъ даже, что путь къ этимъ истинамъ проложенъ былъ обычнымъ разсужденіемъ, придуманы онѣ были безъ математики, а ею лишь послѣ подтверждены Математическій языкъ онъ счи-

По этому поводу должно замѣтить слѣдующее. мы думаемъ, что все логическое содержаніе тѣхъ результатовъ въ области общей теоріи экономическихъ явленій, которые получены экономистами-математиками, дѣйствительно, можно было бы получить пользуясь обычной логикой и обычной рѣчью [1]). Но, вѣдь, и логическое содержаніе выводовъ другихъ наукъ также въ массѣ случаевъ можетъ быть выражено и даже доказано безъ математической символики. Однако, никто не оспариваетъ примѣненія въ этихъ наукахъ математики И объясняется это тѣмъ, что математическій языкъ часто представляетъ очень много удобствъ.

Надо кромѣ того сказать, что математическая символика еще не составляетъ главнаго содержанія математическаго метода. Существо этого метода состоитъ въ разсмотрѣніи явленій съ *количественной* стороны, въ обращеніи съ явленіями, какъ съ математическими величинами измѣримыми и выразимыми числомъ. По крайней мѣрѣ такова сущность этого метода въ формѣ обычнаго примѣненія его экономистами-математиками, т. е. въ формѣ ариѳметики, алгебры и геометріи. Разъ оперируютъ съ такими величинами—на лицо математика, хотя бы употребляли обычный языкъ и даже величины писали словами, а не математическими знаками. И только потому, что математическія выкладки являются языкомъ, особенно удобнымъ для расужденій объ указанныхъ выше величинахъ, въ тѣхъ наукахъ, гдѣ дѣло идетъ объ этихъ величинахъ, развилась математиче-

---

таетъ особымъ „кокетствомъ“ упомянутыхъ авторовъ, руководящихся дивизомъ: „odi profanum vulgus et arceo“ (тамъ же, стр. 191). Въ своемъ болѣе позднемъ произведеніи *Gide* высказывается менѣе рѣзко. Онъ самъ защищаетъ здѣсь экономистовъ-математиковъ отъ многихъ упрековъ. Однако, и здѣсь онъ не соглашается съ преувеличеніемъ значенія математическаго метода, сравненіемъ введенія его съ открытіями Коперника и Ньютона, и совѣтуетъ не злоупотреблять математическими выраженіями (*Gide et Rist.* Histoire des doctrines économiques, стр. 615—23) *François Simiand* по этому же поводу говоритъ: „Нельзя сдѣлать болѣе радикальнаго возраженія такъ называемой математической экономіи, какъ спросить ее, какое изъ установленныхъ ею положеній не было установлено или не могло бы быть установлено и формулировано экономіей при помощи обычнаго языка“ (La méthode positive en science économique. 1912, стр. 119).

[1]) Нельзя, поэтому, согласиться съ *Walras*, когда онъ утверждаетъ, что „изложеніе“ экономической теоріи еще можетъ быть сдѣлано обыкновеннымъ языкомъ, но „доказательство“ ея неизбѣжно требуетъ помощи математики (Éléments, стр. XIV). Ср. *Landry* (Manuel, стр. 56).

ская символика [1]). Вотъ почему на разбираемое возраженіе можно дать правильный отвѣтъ лишь послѣ разсмотрѣнія того:

1) приходится ли экономической наукѣ имѣть дѣло съ величинами, и

2) являются ли эти величины математическими въ указанномъ выше смыслѣ.

Этого мы коснемся дальше. Здѣсь же надо замѣтить, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда экономической наукѣ пришлось бы имѣть дѣло съ математическими величинами, она должна была бы прибѣгать къ математической символикѣ только тамъ, гдѣ послѣдняя дѣйствительно была бы необходима и представляла удобство. И мы думаемъ, что большинство экономистовъ-математиковъ явно злоупотребляетъ математическимъ языкомъ. Это вредно еще въ томъ отношеніи, что такимъ путемъ создается предубѣжденіе противъ примѣненія математики въ тѣхъ областяхъ экономической науки, гдѣ математика на самомъ дѣлѣ полезна и необходима [2]).

Съ этимъ связано слѣдующее возраженіе критиковъ математической школы.

4. Экономическая наука, говорятъ они, во всякомъ случаѣ должна довольствоваться элементарной математикой, высшая математика къ ней не приложима и ей не нужна [3]).

---

[1]) *Schumpeter* говоритъ по этому поводу: „Безъ математики вообще нельзя обойтись въ нашей области, даже самый энергичный противникъ ея примѣняетъ ее. Это происходитъ потому, что сужденія, элементы которыхъ представляютъ собою количества, являются математическими, все равно, выражаютъ ихъ символами или словами. Послѣднее совершенно безразлично: поскольку вещи такъ просты, что отношенія между ними нетрудно окинуть взоромъ, можно безъ затрудненія избѣжать символовъ.. Съ другой стороны, если хотѣть во что бы то ни стало, то можно и самый сложный математическій результатъ выразить словами; это даже сплошь и рядомъ встрѣчается въ физическихъ и математическихъ работахъ“ („Uber die mathematische Methode“ въ Zschr. f. Volksw., Sozpol. u. Verw. 1906, стр. 36).

[2]) См. *Landry* (Manuel, стр. 58) Ср также *Simiand* (La méthode positive, стр 150—2)

[3]) Это возраженіе дѣлаетъ *Cassel*, самъ принадлежащій къ экономистамъ-математикамъ, но считающій, что математическая школа ложно пользуется высшей математикой. Для экономики, по его мнѣнію, достаточно системы элементарныхъ уравненій, съ которыми каждый знакомъ уже на школьной скамьѣ. Примѣненіе исчисленія безконечно малыхъ покоится на ложномъ признаніи разобранныхъ нами выше положеній о неограниченной дѣлимости хозяйственныхъ благъ и непрерывности функцій („Grundriss“ въ Zschr. f. d. ges. Stwiss. 1899, стр. 397)

На это надо сказать, что, въ сущности говоря, принципіальной разницы между элементарной и высшей математикой нѣтъ [1]). Поэтому провести напередъ границу между отдѣлами математики и сказать, какіе можно и какихъ нельзя примѣнять вообще въ экономической наукѣ, не представляется возможнымъ. Однако, послѣ спеціальнаго разсмотрѣнія того или иного круга явленій или отдѣла той или иной науки можно сказать, что такіе-то, предположимъ, отдѣлы математики къ этимъ явленіямъ или въ этомъ отдѣлѣ примѣнить нельзя. Въ этомъ смыслѣ мы считаемъ серьезнымъ указаніе ряда экономистовъ на неприложимость въ извѣстныхъ отдѣлахъ экономической науки обычныхъ формъ дифференціальнаго исчисленія въ виду прерывности тѣхъ функцій, съ которыми въ этихъ отдѣлахъ приходится имѣть дѣло.

Но и помимо этого мы думаемъ, что при примѣненіи математики вообще экономисты должны самымъ строгимъ образомъ соблюдать выставленное выше требованіе: пользоваться математикой возможно болѣе экономно, употреблять, насколько возможно, простѣйшія формы ея.

Можно намѣтить слѣдующую градацію по сложности способовъ веденія и изложенія разсужденій о величинахъ [2]):

1. Обыкновенная рѣчь (ее употребляетъ большинство экономистовъ даже тогда, когда говорятъ о величинахъ).

2. Ариѳметика (ею пользовался *Ricardo*, теперь пользуются *Menger* и *Böhm-Bawerk*).

3. Геометрія (ее особенно широко примѣняютъ, напримѣръ, *Marshall*, *Auspitz* и *Lieben*, строя кривыя спроса и предложенія).

4. Элементарная алгебра (ею пользуется, напримѣръ, *Cassel*).

5. Высшая математика (ее примѣняютъ *Jevons*, *Walras*, *Pareto*).

И вотъ мы полагаемъ, что, даже помимо примѣнимости тѣхъ или иныхъ видовъ математики къ каждой данной проблемѣ, для каждаго перехода отъ простѣйшаго способа изложенія или разсужденія къ болѣе сложному должны быть доказаны необходимость и цѣлесообраз-

---

[1]) Правильно говоритъ *Schumpeter*: „Когда относятся отрицательно къ математическому методу, то имѣютъ въ виду главнымъ образомъ высшую математику". Но „нельзя ограничить примѣненіе математики элементарной математикой и объявить, что она необходима, а все дальнѣйшее отъ лукаваго. Между ними не существуетъ никакой принципіальной границы" („Über die math. Methode" въ Zsch. f. Volksw., Sozpol. u. Verw. 1906, стр. 36)

[2]) Ср. *Landry* (Manuel, стр. 56—7).

ность такого перехода. Должна быть показана невозможность доказать или изложить что-либо болѣе простымъ способомъ. Въ частности относительно алгебры можно сказать, что она, правда, даетъ доказательства общія для всѣхъ численныхъ значеній величинъ, тогда какъ ариѳметика разрѣшаетъ вопросы только для данныхъ чиселъ [1]). Но, такъ какъ общее доказательство при изслѣдованіи большинства вопросовъ экономической теоріи можетъ быть получено путемъ простыхъ логическихъ разсужденій, выраженныхъ обыкновенной рѣчью, то весьма часто неизмѣримо цѣлесообразнѣе, вмѣсто сложныхъ системъ уравненій съ дифференціалами и другими знаками высшей математики, удовольствоваться самыми элементарными алгебраическими или даже ариѳметическими примѣрами. Языкъ *Walras* вездѣ, гдѣ только можно, надо стремиться замѣнить болѣе понятнымъ языкомъ *Ricardo*, *Menger*'а и другихъ авторовъ, употреблявшихъ простѣйшія обозначенія [2]). Не надо забывать того, что результаты, добытые *Jevons*'омъ, *Walras* или *Marshall*'емъ, добыты ими вовсе не потому, что они пользовались высшей математикой. Кромѣ того правильно указываютъ, что при облеченіи экономическаго изслѣдованія въ форму сложнаго математическаго анализа очень часто за формулами и передѣлками теряется изъ виду дѣйствительная природа хозяйственныхъ отношеній и общее цѣльное представленіе о нихъ. Съ этимъ замѣчаніемъ, выдвигаемымъ даже людьми хорошо знакомыми съ математикой [3]), надо очень считаться. Отмѣченная въ немъ опасность увлеченія сложными системами уравненій нерѣдко парализуетъ многія изъ перечисленныхъ выше выгодъ математическаго метода. Можно привести примѣры того, какъ переполненіе работъ высшей математикой, соз-

---

[1]) Мы понимаемъ при этомъ ариѳметику и алгебру въ общеупотребительномъ смыслѣ: первую какъ дѣйствія надъ числами, вторую какъ дѣйствія надъ буквенными величинами, т. е. счисленіе съ *общими* числами, и ученіе объ уравненіяхъ. Дѣлаемъ эту оговорку, потому что въ настоящее время и счисленіе съ общими числами относятъ къ ариѳметикѣ.

[2]) Интересно, что какъ разъ за ариѳметику упрекаетъ *Menger*'а *Warlas*. Онъ пишетъ о *Menger*'ѣ: „Онъ слѣдуетъ дедуктивному методу, но остерегается примѣнять математическій методъ, хотя и пользуется, если не функціями и кривыми, то по крайней мѣрѣ ариѳметическими таблицами, чтобы выразить полезность или спросъ" (Éléments, стр. 172)

[3]) Напримѣръ, *Lexis* („Grenznutzen" въ Hwb. d. Stw. 1. Aufl. I. Spplbd., стр. 423).

давая видимость глубокой научности, приводило къ поразительной безплодности экономическаго изслѣдованія.

Чтобы закончить рѣчь о различныхъ формахъ математическаго метода, укажемъ на желательность замѣны алгебры геометріей, гдѣ такая замѣна возможна. Правда, геометрическія изображенія обычно игнорируютъ прерывность экономическихъ явленій; далѣе, они допускаютъ лишь три измѣренія и удобны только при двухъ измѣреніяхъ, поэтому они всегда порождаютъ соблазнъ такъ формулировать проблемы, чтобы въ нихъ встрѣчались лишь двѣ перемѣнныя величины [1]); наконецъ, графическія изображенія, если онѣ употребляются не какъ простая иллюстрація, допустимы только тогда, когда имѣются на лицо математическія величины. Но, гдѣ геометрическія фигуры (кривыя) примѣнимы, тамъ онѣ представляютъ громадныя удобства. Онѣ не требуютъ знанія высшей математики и исчисленія функцій, даютъ возможность гораздо легче получить тѣ же результаты, что получаются путемъ утомительныхъ алгебраическихъ выкладокъ, отличаются большой наглядностью, призываютъ на помощь уму пространственное представленіе (глазъ) [2]).

Повторяемъ, что всѣмъ сказаннымъ мы вовсе не хотимъ отрицать или умалять важности даже высшей математики въ тѣхъ отдѣлахъ экономической науки, въ которыхъ она оказалась бы возможной и полезной или необходимой.

Однако, противъ примѣненія въ политической экономіи всякой, въ томъ числѣ и элементарной математики, выдвинуты еще нѣкоторыя возраженія. Надо разобраться въ нихъ.

5. Хозяйственныя явленія, говорятъ критики, настолько сложны и разнообразны, въ нихъ дѣйствуетъ такъ много самыхъ различныхъ силъ, что о математическомъ учетѣ ихъ не можетъ быть и рѣчи. Поэтому всякое примѣненіе математики въ политической экономіи является простой игрой ума, не имѣющей никакого практическаго значенія [3]).

---

[1]) *Neurath* („Nationalökonomie und Wertlehre“ въ Zschr. f. Volksw., Sozpol u. Verw. 1911, стр. 78—9 и 80—1)

[2]) *Landry* (Manuel, стр. 58—9)

[3]) Это выраженіе особенно рѣзко выдвигаетъ *P. Leroy-Beaulieu*. Вся математическая школа, по его словамъ, не имѣетъ никакого научнаго основанія, ея результаты не могутъ имѣть никакого практическаго примѣненія; это игра ума, собраніе фикцій, лишенныхъ всякой реальности и противорѣчащихъ всему, про-

По поводу этого возраженія надо замѣтить, что на отмѣченную въ немъ сложность хозяйственныхъ явленій наталкивается не только

исходящему въ дѣйствительности; это умственное упражненіе, похожее на отысканіе мартингаловъ (удвоенныхъ ставокъ) для рулетки въ Монако. Онъ специально указываетъ при этомъ на „законъ подстановки“ (loi de substitution). Законъ этотъ является для *Leroy-Beaulieu* главнымъ доводомъ противъ примѣненія математики къ экономическимъ явленіямъ. Состоитъ „законъ постановки“ въ слѣдующемъ.

1. Подавляющее большинство предметовъ, способныхъ удовлетворять человѣческія потребности, имѣетъ то, что называется замѣстителями, т е. объекты, если и не совсѣмъ сходные, то нѣсколько аналогичные и могущіе, хотя бы и не въ той же мѣрѣ, удовлетворять ту же потребность“ (Traité théorique et pratique d'économie politique 3-e éd. Tome I. 1900, стр 86) Напримѣръ, для пшеницы замѣстителями являются: ячмень, картофель, овощи, косвенно даже сало и вино; для кофе—цикорій; для масла—маргаринъ; для овса—маисъ и разные другіе корма. Въ области одежды могутъ замѣщать другъ друга въ зависимости отъ цѣнъ: ленъ, хлопокъ, шерсть, джутъ, даже шелкъ и пр. Замѣстителями дровъ могутъ быть: каменный уголь, антрацитъ, лигнитъ, даже газъ и керосинъ (тамъ же, стр. 86—7). „Употребленіе замѣстителей, говоритъ *Leroy-Beaulieu*, чрезвычайно облегчаетъ достиженіе промышленностью и торговлей ловкости и гибкости, но оно абсолютно устраняетъ всѣ точные подсчеты и, слѣдовательно, всякое обращеніе къ математикѣ въ дѣлѣ предвидѣнія измѣненія цѣнъ при измѣненіяхъ спроса и предложенія. Говоря вообще законъ подстановки... является абсолютнымъ препятствіемъ для правильнаго примѣненія математики въ политической экономіи“ (стр 87).

2 Кромѣ того „потребности, даже не имѣющія, повидимому, никакого отношенія другъ къ другу, находятся въ постоянной борьбѣ между собою за перевѣсъ въ сердцѣ человѣка и за затрату на ихъ удовлетвореніе тѣхъ покупныхъ средствъ, которыми располагаетъ каждый данный человѣкъ“ (указ. соч., стр. 87—8). Въ качествѣ примѣра *Leroy-Beaulieu* приводитъ потребности въ покупкѣ картины и въ путешествіи Эти двѣ, совершенно несхожія другъ съ другомъ потребности могутъ конкуррировать въ бюджетѣ человѣка, и побѣда останется за той или другой въ зависимости отъ стоимости удовлетворенія каждой изъ нихъ.

Вотъ этотъ „двойной законъ подстановки, подстановки однѣхъ потребностей вмѣсто другихъ и однихъ продуктовъ вмѣсто другихъ, смѣется, по словамъ *Leroy-Beaulieu*. надъ мнимыми общими математическими законами цѣнъ“ (указ. соч, стр. 88). „Пользованіе математикой въ столь тонкомъ дѣлѣ, всѣ элементы котораго такъ трудно уловимы—это чистая химера, настоящій обманъ это въ чистой формѣ праздное любопытство ума, не ведущее ни къ какимъ реальнымъ результатамъ“. (стр. 88).

Въ томъ же смыслѣ высказывается по поводу примѣненія математики къ такимъ теоретическимъ проблемамъ, какъ проблема цѣны, и *Simiand*, относящійся, впрочемъ, вообще отрицательно къ абстрактному методу въ экономической теоріи (La méthode positive, стр. 102 и сл.). На сложность экономическихъ явленій, какъ на препятствіе къ примѣненію математическаго метода, указываетъ и

математическій методъ, но и вообще всякій абстрактный методъ экономической теоріи. Абстрактная теорія находитъ выходъ изъ этого затрудненія въ выдѣленіи главныхъ дѣйствующихъ силъ и изученіи ихъ обособленнаго дѣйствія. И, если это возможно, то теоретическій анализъ, упростивъ такимъ путемъ хозяйственныя явленія, можетъ примѣнить къ нимъ и математическій методъ. Для этого необходимо только одно условіе: выдѣленные абстрактной теоріей основные элементы и силы должны допускать математическое выраженіе. Если такое выраженіе возможно—возможно и примѣненіе математики, какой бы абстрактный характеръ это примѣненіе ни носило. Прибавимъ къ этому, что вообще для теоретическихъ выводовъ, и въ частности для выводовъ математическихъ, отнюдь не является опорочивающимъ признакомъ невозможность непосредственнаго практическаго примѣненія этихъ выводовъ. Выводы абстрактной теоріи далеко не всегда непосредственно примѣнимы практически. Значеніе ихъ достаточно выяснено *C. Menger*'омъ въ его общеизвѣстной методологической работѣ, и мы на этомъ не будемъ долго останавливаться. Если такая теорія даетъ анализъ главныхъ силъ и показываетъ, какъ дѣйствіе этихъ силъ создаетъ основныя формы хозяйственныхъ явленій, если она вскрываетъ схему хозяйственной жизни—то это такое важное пріобрѣтеніе въ области освоенія нашимъ умомъ многообразія хозяйственныхъ явленій, что называть его «чистой игрой ума», это значитъ не понимать задачъ и сущности теоретическаго знанія. И если бы теорія, пользующаяся математическимъ методомъ, дала хотя нѣкоторую возможность количественно учесть дѣйствіе этихъ силъ, даже въ самой абстрактной формѣ, дала возможность показать, каковъ характеръ взаимодѣйствія разныхъ по величинѣ силъ—то это было бы новое углубленіе теоретическаго анализа. Значеніе его не исчезало бы, если бы не могла быть опредѣлена конкретная величина этихъ силъ, если бы вслѣдствіе всего этого

Ed. Kalenberger. „Крайняя сложность, пишетъ онъ, и дифференцированность соціальной жизни съ ея безконечно многими взаимно суммирующимися и уничтожающими другъ друга силами не допускаетъ примѣненія столь чувствительнаго инструмента, какимъ является высшая математика. Она—ничто иное, какъ удивительно совершенно функціонирующая логика, и, по нашему мнѣнію, не можетъ быть призвана замѣнить нѣсколько болѣе грубую логику обыкновенныхъ теоретическихъ выводовъ; ибо именно предпосылки не выдерживаютъ этой чувствительности" („Kritische Beleuchtung der modernen Wert-und Preistheorie" въ Zschr. f. d. ges. Stwiss. 68. Jahrg. 1912, стр. 448—9).

теоретическіе выводы математиковъ были очень далеки отъ полнаго отображенія дѣйствительности и оказывались лишенными конкретнаго количественнаго содержанія [1]). Если вся проблема въ ея цѣломъ и непосильна, то это не значитъ, что надо отказаться и отъ разрѣшенія части ея. Притомъ же математическій методъ нисколько не закрывалъ бы возможности разрабатывать части науки, не поддающіяся математической формулировкѣ, всѣми другими методами, вплоть до простого наблюденія и описанія индивидуальныхъ хозяйственныхъ явленій съ самыми осторожными выводами изъ такихъ наблюденій [2]).

---

[1]) *Bouvier* говоритъ по этому поводу, что ни одна теоретическая наука, ни физическая, ни какая-либо другая, не въ состояніи учесть всего. „Допустимъ, что при современномъ состояніи знанія въ немъ существуютъ пробѣлы; это не основаніе для отказа отъ примѣненія даннаго метода; это мотивъ для того, чтобы попытаться усовершенствовать его и отыскивать формулы полныя и въ то же время ясныя“ („La méthode mathématique“ въ Revue d'éc. pol. 1901, стр 840). По поводу несовпаденія математическихъ выводовъ экономической теоріи съ дѣйствительностью *Bouvier* замѣчаетъ: алгебраическое исчисленіе настолько же отвѣчаетъ конкретнымъ экономическимъ явленіямъ, настолько оно отвѣчаетъ механическимъ явленіямъ въ области естествознанія, насколько геометрія отвѣчаетъ дѣйствительному состоянію тѣлъ въ природѣ, насколько законы астрономіи и географіи отвѣчаютъ дегалямъ формъ на поверхности земли. А, вѣдь, пользы всѣхъ этихъ наукъ не отрицаютъ (тамъ же, стр. 849). *Amoroso* по этому же поводу говоритъ, что: „трудность проблемы не основаніе для того, чтобы оставить математическую экономію“ („L'applicazione della matematica alla economia politica“ въ Giorn. d. econ. Vol. XL. 1910, стр. 63).

Въ частности, что касается „закона подстановки“, то онъ, дѣйствительно, является важнымъ и сильно усложняющимъ условіемъ, но и онъ можетъ быть учтенъ въ общемъ видѣ теоретическимъ анализомъ. Такой учетъ, какъ правильно говоритъ *Bouvier*, потребовалъ бы только введенія дополнительныхъ условій, что и сдѣлалъ, напримѣръ, *Pareto* („La méthode mathématique“ въ Revue d'èc. pol. 1901, стр. 833—7). Между прочимъ, замѣщеніе потребностей въ однихъ благахъ потребностями въ другихъ легко можетъ быть введено въ абстрактную скалу потребностей Напримѣръ, полная замѣстимость могла бы быть отмѣчена помѣщеніемъ потребностей въ замѣщающихъ другъ друга благахъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ скалы потребностей. Точно также замѣщеніе однихъ предметовъ другими въ области производства представляетъ собою существованіе для однихъ и тѣхъ же благъ нѣсколькихъ возможныхъ видовъ издержекъ производства. Это обстоятельство также можетъ быть введено въ общій теоретическій анализъ Во всемъ этомъ мы не видимъ тѣхъ принципіальныхъ препятствій для примѣненія къ экономической наукѣ математическаго метода, о которыхъ говоритъ *Leroy-Beaulieu*.

[2]) „Математическая экономія, пишетъ тотъ же *Amoroso*, не разрушаетъ экспериментальной экономіи, какъ математическая физика не разрушаетъ экспериментальной физики“ (указ. соч., стр. 59).

6. Нерѣдко примѣненіе математическаго метода считаютъ невозможнымъ потому, что въ хозяйственной жизни дѣйствуютъ многочисленные «неэкономическіе» факторы, парализующіе вліяніе хозяйственнаго разсчета.

По поводу такого возраженія надо замѣтить, что эти неэкономическіе факторы, дѣйствительно, нельзя выдѣлить при отысканіи эмпирическихъ законовъ хозяйственныхъ явленій; напримѣръ. при отысканіи эмпирическихъ законовъ колебанія цѣнъ, зависимости цѣнъ отъ размѣра производства и пр. Но, если въ этой области, не смотря на дѣйствіе неэкономическихъ факторовъ, подмѣчаются опредѣленныя эмпирическія правильности, если, слѣдовательно, дѣйствіе этихъ факторовъ также обнаруживаетъ извѣстную закономѣрность, то непонятно, какія возраженія можно привести противъ математической формулировки такихъ наблюденныхъ правильностей. Напримѣръ, если мы констатируемъ, что съ измѣненіемъ урожая цѣна хлѣба измѣняется такимъ-то образомъ, то почему недопустимо математическое выраженіе зависимости между этими двумя перемѣнными величинами? Можетъ быть, математическіе эмпирическіе законы хозяйственныхъ явленій могутъ быть лишь съ крайне ограниченной вѣроятностью распространяемы на не изученные еще случаи. Но таковы же эмпирическіе законы, и не носящіе математическаго характера. А если математическіе законы получены на основаніи значительно большаго числа наблюденій, то эти законы могутъ обладать даже большею приложимостью къ не изученнымъ случаямъ.

Что же касается абстрактной или, по терминологіи *C. Menger*'а, «точной» экономической теоріи, то она начинаетъ свои построенія съ предположенія, что «неэкономическіе» факторы отсутствуютъ. Слѣдовательно, къ этой начальной формѣ точной теоріи разбираемое возраженіе не относится. Правда, впослѣдствіи точная теорія должна включить въ свои схемы и неэкономическіе факторы. Но лишь тогда указанное возраженіе пріобрѣтетъ силу, и значеніе его опредѣлится тѣмъ, насколько къ факторамъ неэкономическимъ математика окажется менѣе приложимой, нежели къ факторамъ экономическимъ. Если же считать серьезнымъ возраженіемъ указаніе на опущеніе, хотя бы и временное, неэкономическихъ факторовъ, то это будетъ возраженіе не противъ математическаго метода, а противъ абстрактной экономической теоріи вообще. Это очень часто упускается изъ виду [1]).

[1]) Ср. по этому поводу *Schumpeter*'а („Uber die math. Methode“ въ Zschr. f. Volksw., Sozpol. u. Verw. 1906, стр. 33)

Переходимъ къ послѣднему возраженію. Въ виду всего сказаннаго по поводу предыдущихъ критическихъ замѣчаній, это возраженіе является наиболѣе существеннымъ.

7. Дѣйствующія въ хозяйственной жизни психическія переживанія и силы не являются математическими величинами, они неизмѣримы, не выразимы числомъ. А такъ какъ математическій методъ покоится на оперированіи съ явленіями, какъ съ измѣримыми величинами, выразимыми числомъ или символическимъ обозначеніемъ числа, такъ какъ въ возможности числовыхъ операцій лежитъ главная цѣнность математическаго мотода—то изъ этого слѣдуетъ, что математическій методъ, какъ методъ изслѣдованія, къ экономическимъ явленіямъ не приложимъ. Онъ не приложимъ къ нимъ, ибо среди тѣхъ силъ, подъ вліяніемъ которыхъ складываются экономическія явленія, одно изъ важныхъ мѣстъ занимаютъ психическія переживанія и силы [1]).

Разберемся въ этомъ возраженіи.

Хозяйственная жизнь слагается подъ вліяніемъ слѣдующихъ силъ или условій: внѣшней природы, физической природы человѣка и психической природы его. Силы и вещества внѣшней природы измѣримы и выразимы числомъ, то же надо сказать о силахъ и дѣйствіяхъ физическаго организма человѣка. Но психическія явленія, психическія переживанія и силы, чувства и стремленія человѣка, какъ мы показали это въ предыдущемъ изложеніи для человѣческихъ потребностей, неизмѣримы, числомъ не выразимы. Изъ этого на первый взглядъ должно слѣдовать, что не можетъ быть числовыхъ величинъ, а, значитъ, невозможно и примѣненіе математики во всѣхъ отдѣлахъ экономической науки, такъ какъ всѣ хозяйственныя явленія слагаются подъ дѣйствіемъ психическихъ силъ. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Не смотря на почти повсемѣстное дѣйствіе психическихъ силъ въ экономической области, хозяйственныя явленія могутъ быть раздѣлены на двѣ различныя группы:

1) явленія измѣримыя, допускающія примѣненіе числа и мѣры,

---

[1]) На „неизмѣримость“ полезности и субъективной цѣнности, какъ на причину неприложимости къ экономической наукѣ математики, указываетъ, между прочимъ, математикъ *Paul Painlevé* въ предисловіи къ французскому переводу работы *Jevons'a* (La théorie de l'économie politique, traduit par *H. E. Barrault* et *M. Alfassa* avec préface de *P. Painlevé*. 1909) См. объ этомъ *Simiand* (La méthode positive, стр. 103—118).

2) явленія неизмѣримыя, не допускающія примѣненія числа и мѣры [1]).

Къ первой группѣ относятся такія явленія, какъ размѣръ производства, величина спроса и предложенія, высота цѣнъ, размѣры потребленія и т. п. Хотя всѣ эти явленія представляютъ собою слѣдствія, между прочимъ, и психическихъ причинъ, которыя неизмѣримы, но сами эти явленія совершенно точно измѣримы, къ нимъ безусловно примѣнимы число и мѣра. Какъ происходитъ, что слѣдствіе неизмѣримой причины измѣримо—это мы увидимъ во второй части. Здѣсь для насъ достаточно лишь отмѣтить этотъ фактъ. Такъ, напримѣръ, величина спроса на тотъ или иной товаръ наряду съ другими условіями опредѣляется интенсивностью человѣческихъ потребностей. Эта интенсивность, какъ мы уже знаемъ, неизмѣрима, но самъ спросъ выражается въ такомъ-то числѣ пудовъ, фунтовъ или въ такомъ-то числѣ аршинъ товара, т. е. представляетъ величину вполнѣ измѣримую. То же надо сказать о размѣрѣ производства и предложенія товаровъ, о величинѣ денежныхъ цѣнъ и пр.

Всѣ такія явленія, поэтому, допускаютъ математическую формулировку; каждое изъ нихъ въ отдѣльности и взаимоотношенія между ними могутъ быть изслѣдуемы при помощи математическаго метода. Такъ, зависимость между спросомъ или предложеніемъ и цѣной товара можно выразить математической формулой и затѣмъ пользоваться при нѣкоторыхъ условіяхъ этой формулой для рѣшенія другихъ экономическихъ вопросовъ. Одно только надо замѣтить. Всякая такая величина и всякая подобная зависимость должна быть наблюдена и лишь выражена она можетъ быть математической формулой. Но ни эти величины, ни зависимость между ними не могутъ быть при помощи математическаго метода выведены изъ своихъ первичныхъ причинъ, такъ какъ при такомъ выведеніи и объясненіи мы натолкнулись бы на величины и отношенія, не поддающіяся математической обработкѣ. Другими словами, такія математическія формулы являются лишь эмпирическими законами. Такъ, сопоставляя наблюденныя цѣны какого-либо товара съ наблюденными же размѣрами спроса на этотъ

---

[1]) Съ изслѣдованіемъ этихъ двухъ группъ явленій связаны и два направленія въ математической школѣ политической экономіи. См. объ этомъ *Pareto* („Anwendungen der Mathematik“ въ Encyklopädie d. math. Wiss. Bd I. Heft 7, стр 1094 и сл.).

товаръ, можно облечь въ математическую формулу зависимость между этими двумя рядами величинъ. Но, переходя къ объясненію этой зависимости и стремясь вывести ее изъ дѣйствія первичныхъ силъ, мы доходимъ до потребностей. Послѣднія неизмѣримы, и это дѣлаетъ невозможнымъ примѣненіе къ такому объясненію математики, по крайней мѣрѣ въ ея обычной формѣ [1]).

---

[1]) Признаніе отправной точкой изслѣдованія эмпирической формулы спроса и отказъ отъ математическаго объясненія этой формулы является характерной чертой математической теоріи *Cournot* Онъ говоритъ· „Допустимъ, что годовой сбытъ или годовой спросъ D является для каждаго товара особой функціей F цѣны этого товара p Опредѣлить форму этой функціи, значило бы узнать то, что мы называемъ закономъ спроса и предложенія“ (Recherches, стр. 49—50). Но этотъ законъ зависитъ отъ многихъ „нравственныхъ“ и другихъ причинъ, „которыхъ нельзя ни перечислить, не измѣрить“. Таковы, по мнѣнію *Cournot* „характеръ полезности вещи, качества оказываемыхъ ею услугъ и доставляемыхъ удовольствій, привычки и нравы народа, средняя величина его богатства и скала, которую образуетъ распредѣленіе богатства между людьми“ (тамъ же, стр. 50). Вотъ почему *Cournot* отказывается отъ математическаго объясненія формы этой функціи. Для опредѣленія ея онъ предлагаетъ болѣе скромный пріемъ „Наблюденіе, говоритъ онъ, должно доставить средства къ построенію въ соотвѣтствующихъ предѣлахъ таблицы значеній D и p; затѣмъ можно при помощи извѣстныхъ методовъ интерполяціи или посредствомъ геометрическихъ пріемовъ построить эмпирическую формулу или начертить кривую, изображающую ту функцію, о которой идетъ рѣчь. Можно было бы довести разрѣшеніе такихъ задачъ до нахожденія числовыхъ значеній. Но, если бы даже эта цѣль никогда не была достигнута (вслѣдствіе трудности производства достаточно многочисленныхъ и достаточно точныхъ наблюденій, а также вслѣдствіе постоянно происходящихъ измѣненій, которымъ долженъ подвергаться законъ спроса въ странѣ, не дошедшей до стаціонарнаго состоянія), все же это не лишило бы нѣлесообразности пользованія неопредѣленными обозначеніями и введенія такого неизвѣстнаго закона спроса въ аналитическія построенія. Ибо извѣстно, что одну изъ самыхъ важныхъ задачъ аналила составляетъ именно выраженіе зависимостей между величинами, числовыя значенія и даже алгебраическія формы которыхъ нельзя опредѣлить. Съ одной стороны, неизвѣстныя функціи могутъ тѣмъ не менѣе обладать нѣкоторыми извѣстными свойствами и общими чертами.. Какъ несовершенными ни казались бы подобныя данныя, они могутъ, однако... привести къ общимъ зависимостямъ, трудно находимымъ безъ ихъ помощи... Съ другой стороны, анализъ, показывая, какія зависимости существуютъ между незвѣстными величинами, сводитъ число неизвѣстныхъ къ минимуму и служитъ руководствомъ для наблюдателя при выборѣ наблюденій, наиболѣе пригодныхъ для обнаруженія этихъ величинъ. Анализъ упорядочиваетъ статистическія данныя; онъ уменьшаетъ и въ то же время освѣщаетъ работу статистиковъ“ (Recherches, стр. 49—52). Точно также отъ спроса. принимаемаго за эмпирическое данное, отправляются въ своихъ математическихъ разсужденіяхъ *Marshall* и *Cassel*.

Ко второй группѣ относятся такія экономическія явленія, какъ самый механизмъ образованія состава производства, спроса, предложенія, цѣнъ и пр. подъ вліяніемъ дѣйствія психическихъ силъ. Теоретическое изслѣдованіе такихъ явленій состоитъ въ выведеніи производства, спроса, цѣнъ и пр. изъ психическихъ переживаній хозяйствующаго человѣка и тѣхъ объективныхъ условій, въ которыхъ этотъ человѣкъ находится. Такое изслѣдованіе представляетъ дальнѣйшій шагъ впередъ по сравненію съ установленіемъ изложенныхъ выше фактовъ и эмпирическихъ законовъ. Такъ, наблюденные факты и эмпирическіе законы спроса говорятъ лишь, что спросъ таковъ и связь его съ цѣной такова. Та же теоретическая работа, о которой мы теперь говоримъ, пытается отвѣтить на вопросы: почему спросъ таковъ и почему такова его связь съ цѣной? Отвѣтъ на эти вопросы отыскивается при помощи выведенія явленій спроса изъ первичныхъ условій, въ томъ числѣ изъ психическихъ переживаній и состояній [1]). Явленія, съ которыми приходится здѣсь имѣть дѣло, это—потребность, полезность, субъективная цѣнность, съ одной стороны, субъективная тягость труда—съ другой стороны. Всѣ эти явленія относятся къ психической жизни человѣка и всѣ они, какъ это показано нами подробно для потребностей, представляютъ величины только сравнимыя, но не измѣримыя.

Вотъ почему, по нашему мнѣнію, для этой группы экономическихъ явленій, но только для нея одной, вѣрно приведенное выше возраженіе. Такъ какъ потребности, полезности и субъективныя цѣнности неизмѣримы, то, дѣйствительно, къ операціямъ съ ними нельзя примѣнять математическаго метода, по крайней мѣрѣ всѣхъ тѣхъ математическихъ дѣйствій, которыя относятся къ измѣримымъ, выразимымъ числомъ и мѣрою величинамъ. Поэтому всякое построеніе, покоющееся на выраженіи потребности, удовольствія, наслажденія, полезности или субъективной цѣнности числомъ и вообще на призна-

---

[1]) Такими построеніями занимается все новѣйшее направленіе математической школы, родоначальникомъ котораго *Pareto* считаетъ *Dupuit*, автора работы: „De la mesure de l'utilité de travaux publics“ (1844). См. о немъ у *Дмитріева* (Экономическіе очерки, стр. 120—2). Къ этому направленію относятся *Gossen*, *Jevons*, *Walras*, *Launhardt*, *Edgewort*, самъ *Pareto*, *Fisher*, у насъ *Дмитріевъ* и пр. Сюда же должно быть отнесено ариѳметическое изложеніе ученія о субъективной цѣнности и образованіи изъ нея цѣны, которое мы встрѣчаемъ у *Menger*'а, *Wieser*'а, *Böhm-Bawerk*'а и другихъ представителей австрійской школы.

ніи ихъ измѣримыми математическими величинами—всякое такое построеніе надо признать неправильнымъ.

На это экономисты-математики обычно возражаютъ, что, если конкретное измѣреніе полезности или потребности невозможно, то такое измѣреніе и не нужно для теоретическаго анализа. Экономистъ-теоретикъ обозначаетъ величины ихъ тѣмъ или другимъ знакомъ и получаетъ изъ нихъ свои выводы, какъ получаетъ ихъ всякій математикъ [1]).

Такое замѣчаніе основано на смѣшеніи понятій. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о практически выполнимомъ или невыполнимомъ измѣреніи потребностей, полезностей и субъективныхъ цѣнностей. Съ практической неизмѣримостью можно было бы не считаться. Я, напримѣръ, не могу практически измѣрить количества производимаго въ мірѣ хлѣба или быстроты оборота монеты въ странѣ, но я знаю, что собранный урожай и время оборота монеты величины теоретически измѣримыя и выразимыя числомъ. Интенсивность же потребностей, равно какъ полезности предметовъ и ихъ субъективныя цѣнности не только практически, но и *теоретически* неизмѣримы. Поэтому не только практика, но и теорія не можетъ обращаться съ ними, какъ съ величинами измѣримыми [2]).

---

[1]) Такъ, напримѣръ, *Gossen* пишетъ: „Дѣйствительное изображеніе какого-либо наслажденія потребовало бы, очевидно, измѣренія его величины во всѣ моменты. Но это задача, разрѣшить которую до сихъ поръ еще не удалось. Едва ли даже когда-либо сознательно пробовали сдѣлать это. Но, вѣдь, и въ геометріи для того, чтобы составить себѣ вѣрное представленіе о какомъ-либо существующемъ на самомъ дѣлѣ пространствѣ надо измѣрить его во всѣхъ направленіяхъ Однако, такое измѣреніе не нужно для доказательства геометрическихъ теоремъ, для этого достаточно вывести изъ условій пространства возможность извѣстныхъ соотношеній между его частями. Такъ же точно и въ данномъ случаѣ нѣтъ необходимости въ дѣйствительномъ измѣреніи величины наслажденій для того, чтобы вывести теоремы, относящіяся къ наслажденію благами.. Въ геометріи найденныя такимъ образомъ положенія даютъ затѣмъ намъ возможность измѣрять пространство даже въ тѣхъ случаяхъ, когда прямое измѣреніе его навсегда осталось бы для насъ невозможнымъ—я имѣю въ виду измѣренія астрономовъ Такъ и въ данномъ случаѣ найденныя указаннымъ способомъ положенія дадутъ намъ позже возможность производить тѣ измѣренія наслажденій, для прямого выполненія которыхъ еще не найдено средства“ (Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs, стр 8 — 9). О томъ же говоритъ *Jevons* (Theory, стр. 6)

[2]) У *Jevons*'а имѣется еще одно мѣсто, посвященное разсматриваемому вопросу. Онъ пишетъ: „Что касается меня, то мнѣ кажется, что наша наука должна

Однако, если потребности и другія упомянутыя выше психическія понятія не являются величинами измѣримыми, то они все же величины, но только *сравнимыя* величины. Какъ мы показали выше для потребностей, онѣ могутъ быть больше и меньше, и мы даже можемъ устанавливать, какая потребность обладаетъ большею и какая меньшею интенсивностью. Отношенія «больше» и «меньше» обозначаются въ математикѣ знакомъ неравенства ($>$ и $<$). Его можно употреблять и намъ для обозначенія сравнимыхъ величинъ потребностей, полезностей и субъективныхъ цѣнностей. Но при этомъ нельзя забывать, что у насъ это неравество двухъ не измѣримыхъ, а только сравнимыхъ величинъ. Въ виду этого оно не представляетъ собою обычнаго математическаго неравенства въ полномъ смыслѣ этого слова. Къ нашимъ неравенствамъ не примѣнимо многое изъ того, что примѣнимо къ тѣмъ неравенствамъ, въ которыхъ фигурируютъ неравныя, но все же измѣримыя, выразимыя числомъ величины. Такъ, если выраженіе $A_1 > B_1$, представляетъ собою обычное математическое неравенство, то обѣ части его можно помножить или раздѣлить на одно и то же положительное число, и характеръ неравенства отъ этого не измѣнится. Если же тѣмъ же выраженіемъ $A_1 > B_1$ мы обозначаемъ, что интенсивность потребности въ первой единицѣ блага A больше, нежели интенсивность потребности въ первой единицѣ блага B, то, какъ мы уже показали въ своемъ мѣстѣ (см. стр. 114—5), ни умножать, ни дѣлить этихъ величинъ мы не можемъ, равно какъ не можемъ сказать, сохранился

быть математической просто потому, что она имѣетъ дѣло съ количествами... Обычные законы спроса и предложенія имѣютъ дѣло исключительно съ количествами спрашиваемыхъ и предлагаемыхъ благъ, показываютъ, какъ измѣняются эти количества въ связи съ цѣной. Уже въ силу этого факта законы эти являются математическими: экономисты не могутъ лишить эти законы ихъ сущности отнимая у нихъ названіе; съ такимъ же успѣхомъ они могли бы пытаться измѣнить красный цвѣтъ, назвавъ его синимъ. А выражены математическіе законы экономики словами или обычными символами x, y, z—это является случайностью или вопросомъ удобства. Самыя сложныя математическія проблемы могутъ быть выражены обычнымъ языкомъ, и ихъ рѣшеніе можетъ быть получено при помощи словъ" (Theory, стр. 4—5). Мы привели это мѣсто, чтобы показать, какъ смѣшиваются тѣ двѣ группы экономическихъ явленій, которыя раздѣлены нами въ текстѣ. Величина спроса и предложенія, дѣйствительно, измѣрима и потому допускаетъ математическую обработку. Но изъ этого не слѣдуетъ, что таковы же потребность и полезность, и что законы, имѣющіе съ ними дѣло, могутъ носить математическій характеръ. Этихъ двухъ областей не различалъ *Jevons*, какъ не различаютъ и другіе экономисты-математики. Этимъ, между прочимъ, объясняется

бы или измѣнился характеръ неравенства при такомъ умноженіи или дѣленіи. Въ этомъ ясно сказывается существенное отличіе сравнимыхъ психическихъ величинъ отъ величинъ измѣримыхъ. Мы обращаемъ на это вниманіе, такъ какъ указанный характеръ употребляемыхъ нами неравенствъ требуетъ очень осторожнаго обращенія съ ними въ смыслѣ производства какихъ-либо математическихъ дѣйствій.

Всѣмъ этимъ мы не хотимъ сказать, что къ разсматриваемымъ психическимъ величинамъ математика совершенно ни въ какомъ видѣ не приложима. Мы видѣли, что нѣкоторыя математическія обозначенія и операціи допустимы и для только сравнимыхъ величинъ. Возможно, что операціи съ неравенствами неизмѣримыхъ величинъ получатъ въ будущемъ развитіе. Наконецъ, возможно, что въ будущемъ потребности, полезности и субъективныя цѣнности тѣмъ или инымъ путемъ превращены будутъ въ величины измѣримыя. Но это все не устраняетъ того, что нынѣшняя обычная математика, ея обозначенія, дѣйствія и обычные пріемы математическаго метода къ этимъ явленіямъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, не примѣнимы. Не примѣнима къ нимъ ни ариѳметика съ ея числами и дѣйствіями надъ числами, ни алгебра съ буквенными обозначеніями чиселъ и уравненіями. Къ этимъ явленіямъ приложимо лишь обозначеніе неравенства, выражающаго операцію сравненія, выбора и нахожденіе *maximum*'а, какъ результата наиболѣе желательнаго для даннаго лица выбора [1])

часто неубѣдительность спора между сторонниками и противниками примѣненія математики въ политической экономіи. Противники возражаютъ, имѣя въ виду вторую группу экономическихъ явленій, а сторонники защищаются ссылками на возможность примѣнять математику къ явленіямъ первой группы. Если бы эти двѣ группы различали яснѣе, споръ о математическомъ методѣ былъ бы гораздо раньше и легче замиренъ

[1]) Цѣлый рядъ авторовъ, защищающихъ примѣненіе математическаго метода въ политической экономіи недостаточно различаютъ указанныя въ текстѣ особенности такихъ явленій, какъ потребность и полезность. Изъ того факта, что величина ихъ можетъ быть больше и меньше, они дѣлаютъ слишкомъ широкіе выводы о примѣнимости къ нимъ обычной математики. Такъ поступаетъ *Lehr*, хотя онъ и ставитъ извѣстныя границы приложенію математическаго метода (Grundbegriffe, стр. 31—3). Таково же мнѣніе *Bouvier* („La méthode mathématique" въ Revue d'éc. pol. 1901, стр. 831—2). *Edgeworth* говоритъ по этому же поводу слѣдующее: „примѣненіе математическаго метода не ограничено, какъ обычно предполагаютъ, тѣми предметами, для которыхъ можно получить числовыя данныя. Гдѣ имѣются данныя, хотя не *числовыя*, но *количественныя* (напримѣръ одно количество *больше* или *меньше* другого, количество *возрастаетъ* или *умень-*

Мы, однако, уже нѣсколько разъ говорили, а во второй части нашей работы мы покажемъ, что для пониманія хозяйственныхъ явле-

---

шается, оно *положительно* или *отрицательно*), гдѣ есть *максимумъ* или *минимумъ*—тамъ математическое разсужденіе возможно и можетъ быть необходимымъ" (Mathematical psychics, стр. 1—2). Такой математикѣ безъ чиселъ *Edgeworth* даетъ даже особое названіе. „*unnumerical mathematics*". Если этотъ терминъ понимать не въ смыслѣ математическихъ операцій съ величинами, которыя только практически не могутъ быть выражены числомъ, а въ смыслѣ математическихъ операцій съ величинами теоретически не выразимыми числомъ, то такой терминъ можно было бы удержать для математики, примѣнимой къ психическимъ факторамъ хозяйственной жизни Надо только сказать, что *Edgeworth* строитъ для этихъ факторовъ математическія теоріи, выходящія далеко за предѣлы того, что допустимо при знаніи однихъ отношеній неравенства указаннаго въ текстѣ характера. Такъ же широко понимаетъ эту „*unnumerical mathematics*" *Pareto* („Anwendungen der Mathematik" въ Encyklop d. math. Wiss. I. Heft 7., стр. 1099). Незаконны, между прочимъ, и уравненія, построенныя имъ на „линіяхъ безразличія". Они предполагаютъ отношенія равенства полезностей или состояніе безразличія, а мы вездѣ находимъ лишь отношенія неравенства или состояніе предпочтенія. Неправы, поэтому, и послѣдователи *Pareto*, строющіе на его „линіяхъ безразличія" примѣненіе математическаго метода къ изученію отмѣченной въ текстѣ второй группы хозяйственныхъ явленій. Ср. *Ruggiero* („L'economia e la meccanica" въ Giorn. d. econ. Vol. XLII. 1911, стр. 221—3). Къ этому же направленію близокъ *Schumpeter*. О разбираемыхъ нами психическихъ величинахъ онъ говоритъ слѣдующее: „Трудность измѣренія такихъ физически неуловимыхъ величинъ не препятствуетъ прежде всего разсматривать ихъ вообще, какъ величины Уже сужденіе «я этимъ событіемъ обрадованъ *больше*, чѣмъ тѣмъ» показываетъ, что это возможно. И если мы едва ли когда-либо будемъ въ состояніи установить численное отношеніе между двумя такими чувствами, то это ничего не измѣняетъ въ ихъ количественномъ характерѣ. Впрочемъ, внѣшній результатъ, который способно вызвать такое чувство, даетъ намъ даже масштабъ" („Über die math. Methode" въ Zschr. f. Volksw., Sozpol. u. Verw. 1906, стр 34). Къ тому же, прибавляетъ *Schumpeter*, если чиселъ нельзя получить, то „мы и не нуждаемся въ числовыхъ данныхъ. Если бы мы даже имѣли ихъ, мы все равно не могли бы употребить ихъ при разсмотрѣніи совершенно абстрактныхъ проблемъ. Мы имѣемъ дѣло съ количественными величинами, но это еще не означаетъ числовыхъ величинъ Самое важное представляетъ, во-первыхъ, знаніе о существованіи функціональныхъ зависимостей, и, во вторыхъ, знаніе возможно большаго числа свойствъ этихъ функцій. Если это имѣется, то возможно употребленіе алгебраическихъ выраженій даже тогда, если числовыхъ величинъ установить нельзя" (тамъ же стр. 37). Эти мѣста типичны для разсужденій подобнаго рода. Въ нихъ упускается, однако, изъ виду то, что мы ничего, кромѣ отношеній „больше" и „меньше", для разсматриваемыхъ психическихъ переживаній узнать не можемъ; никакого иного масштаба, кромѣ масштаба для опредѣленія отношеній „больше" и „меньше", не даютъ намъ и тѣ результаты, которые вызываются такими психическими переживаніями Изъ этого ясно, насколько необоснованы выводы *Schumpeter*'а изъ того факта, что потребности и субъективныя цѣнности могутъ быть *больше* или *меньше*. Непримѣнимость математики въ

ній и построенія теоретической схемы ихъ ничего больше относительно потребностей, полезности и субъективной цѣнности, кромѣ отношеній $>$ и $<$, и не надо знать. Всѣ явленія при этомъ объясняются вполнѣ удовлетворительно.

Говоря о непримѣнимости математическаго метода къ указаннымъ выше частямъ экономической теоріи, мы имѣемъ въ виду примѣненіе его въ качествѣ метода *изслѣдованія*, т. е. для нахожденія путемъ математическихъ дѣйствій новыхъ положеній, вытекающихъ именно изъ этихъ дѣйствій, и для доказательства этихъ положеній.

Но это не устраняетъ возможности пользоваться математическимъ методомъ въ качествѣ метода *изложенія*, т. е. для иллюстраціи хода разсужденія и добытыхъ результатовъ [1]). При этомъ, говоря вообще, для такой цѣли допустимы всѣ виды математики: ариѳметика, элементарная и высшая алгебра, геометрія. Но, разъ это методъ иллюстраціи, то цѣлесообразенъ онъ только тогда, если онъ дѣйствительно «освѣщаетъ» изложеніе, а не затрудняетъ его. Съ этой точки зрѣнія высшая алгебра представляется намъ весьма рѣдко цѣлесообразной; наиболѣе подходящими, какъ мы уже говорили, являются простые ариѳметическіе примѣры и геометрическія изображенія.

ея обычной формѣ къ этимъ явленіямъ объясняется вовсе не отсутствіемъ конкретныхъ числовыхъ данныхъ, а иной природой этихъ психическихъ величинъ. То же надо сказать по поводу возраженій *Amoroso* на упомянутыя выше замѣчанія *Painleve* о примѣненіи математики въ политической экономіи („L'applicazione della matematica allo studio dei fenomeni economici e sociali" въ Giorn. d. econ. 1911, стр. 365—7).

[1]) *Зигвартъ*, напримѣръ, считаетъ, что „...примѣненіе математики къ психологіи и перенесеніе математическихъ схемъ на психическую область исключается своеобразной природой этой послѣдней" (Логика. Т. II. Вып. I. Рус. пер. 1908, стр. 153). Но тѣмъ не менѣе онъ допускаетъ примѣненіе здѣсь математики въ „фигуральномъ" смыслѣ (тамъ же, стр. 171).

ГЛАВА II.

Полезность, благо, субъективная цѣнность.

§ 18. Полезность.

Наличность у того или иного лица потребности въ данномъ предметѣ, разсматриваемую, какъ свойство этого предмета, мы называемъ *конкретною полезностью* предмета для даннаго лица.

Полезность эта предполагаетъ: 1) признаніе человѣкомъ пригодности даннаго предмета для удовлетворенія данной потребности и 2) наличность у этого человѣка данной потребности въ данный моментъ. Понимаемая такъ полезность не является, поэтому, свойствомъ предмета, присущимъ ему, какъ таковому. Она лишь разсматривается, какъ свойство предмета, на самомъ же дѣлѣ она настолько же связана съ характеромъ предметовъ, какъ и со свойствами самихъ людей и ихъ потребностей [1]).

При этомъ признаніе или непризнаніе за даннымъ предметомъ полезности, понимаемой въ указанномъ выше смыслѣ, не связано ни съ моральной, ни съ гигіенической, ни съ какой-либо иной точкой зрѣнія. Разъ существуетъ потребность въ данномъ предметѣ, мы говоримъ, что онъ обладаетъ полезностью, хотя бы потребность эта

---

[1]) Эту мысль *Jevons* выражаетъ указаніемъ на то, что полезность есть лишь „извѣстное отношеніе предметовъ къ человѣческимъ потребностямъ“ (Theory, стр. 52). То же выражаетъ *Menger*, говоря объ „отношеніи, въ которомъ находятся нѣкоторые предметы къ человѣку“ (Grundsätze, стр. 3—4).

была самой безнравственной и самой вредной для здоровья человѣка [1]). Хотя такое употребленіе слова «полезность» не совсѣмъ совпадаетъ съ обычнымъ значеніемъ его, но употребленіе его въ указанномъ смыслѣ до того упрочилось въ экономической наукѣ, его условное значеніе до того ясно сознается всѣми, что никакихъ опасныхъ недоразумѣній отъ него не получается. Всякая замѣна его другимъ терминомъ представляла бы ненужное отклоненіе отъ общепринятаго научнаго словоупотребленія [2]).

---

[1]) „Въ экономической наукѣ, говоритъ по этому поводу *Jevons*, мы разсматриваемъ людей не такими, какими они должны быть, а такими, какими они есть“ (указ. соч., стр. 45—6).

[2]) Экономическая литература насчитываетъ не мало попытокъ замѣнить терминъ полезность какимъ-либо другимъ. Изъ русскихъ экономистовъ *Н. Бунге*, слѣдуя старымъ нѣмецкимъ писателямъ, употребляетъ вмѣсто слова „полезность“ терминъ „годность“. Полезность, говоритъ онъ, это способность приносить пользу человѣку; она вовсе не совпадаетъ со способностью удовлетворять потребности. „Коль скоро существуютъ потребности и есть средства для ихъ удовлетворенія, то въ хозяйственномъ смыслѣ не можетъ быть спора о годности этихъ средствъ; однако же изъ этого еще не слѣдуетъ, что означенныя средства полезны для человѣка. Потребность въ наркотическихъ средствахъ несомнѣнна, но можно-ли сказать, что опіумъ и гашишъ полезны для курильщиковъ—они только годны, какъ вещество для опьяненія“ (Основанія, стр. 20). За терминъ „годность“ (Brauchbarkeit) высказывается и *Scharling* („Werttheorien und Wertgesetz“ въ Jahrb. f. Nök. u. St. N. F. XVI. 1888, стр. 423). *Pareto* вмѣсто слова „полезность“ употребляетъ терминъ „пригодность“ (ophélimité отъ греческаго слова ὠφέλιμος). Такой терминъ, говоритъ *Pareto*, свободенъ отъ всякой моральной и иной расцѣнки (Cours, I, стр. 30; „Anwendungen der Mathematik“ въ Encyklopädie der math. Wiss. Bd. I. Heft 7., стр. 1102—3). *Ehrenfels* находитъ, что терминъ „полезность“ очень узокъ, онъ связанъ съ одними эгоистическими представленіями. Такъ, деньги, которыя я отдаю нищему *для меня* не полезны. Онъ предлагаетъ замѣнить слово „полезность“ терминомъ „Frommen“, обозначающимъ нѣчто вродѣ „годности“, одну часть котораго лишь составляетъ „полезность“ („zu nutz und fromm“) (System der Werttheorie. Bd. I, стр. 80). Этотъ терминъ, однако, такъ же, какъ и всѣ упомянутые выше, не привился. Къ тому же непонятно, почему я не могу считать предметъ полезнымъ *для меня* тѣмъ, что *я* могу оказать имъ помощь нуждающемуся, если только *у меня* есть потребность въ оказаніи такой помощи. *Gide* предлагаетъ замѣнить слово „полезность“ терминомъ „желательность“ (désirabilité) (Principes, стр. 59). За введеніе такого же термина (desirability) высказывается и *Fisher*. „Желательность, пишетъ онъ, менѣе вводила бы въ заблужденіе, нежели полезность, и противоположное ей понятіе—нежелательность (undesirability), повидимому, предпочтительнѣе, чѣмъ безполезность (dis-utility). «Полезность» является наслѣдіемъ *Bentham'a* и его теоріи удовольствій и страданій“ (Mathematical investigations, стр. 23; то же см. Elementary principles, стр. 260). Терминъ „желательность“, несомнѣнно, обладаетъ многими преимуществами. Но по русски онъ

Не будучи связана съ моральной и гигіенической оцѣнкой, полезность не зависитъ также и отъ объективной способности предмета удовлетворять извѣстную потребность. Мы называемъ предметъ обладающимъ полезностью, если только то лицо, о которомъ идетъ рѣчь, въ силу тѣхъ или иныхъ свойствъ предмета или другихъ условій признаетъ за предметомъ указанную способность. Правъ при этомъ человѣкъ или онъ заблуждается—это безразлично. Талисманъ для суевѣрнаго кочевника, снадобье знахаря для невѣжественнаго больного являются предметами, обладающими несомнѣнною полезностью.

Говоря о полезности, надо различать общую *родовую* полезность даннаго предмета, т. е. полезность, которую вообще предметъ можетъ имѣть для людей, и *конкретную* полезность, т. е. полезность, опредѣленнаго количества этого предмета для даннаго лица въ данное время. Какъ видно изъ даннаго на стр. 192 опредѣленія, мы вездѣ имѣемъ въ виду конкретную полезность [1]).

Величина конкретной полезности предмета, согласно данному выше опредѣленію ея, равна величинѣ интенсивности потребности даннаго лица въ этомъ предметѣ [2]). Вопросъ объ измѣреніи полезностей разрѣшается, поэтому, такъ же, какъ разрѣшенъ въ предыдущей главѣ вопросъ объ измѣримости потребностей. Полезности не измѣримы, а лишь количественно сравнимы. Точно также сравнимы только полезности разныхъ предметовъ для одного и того же лица,

---

звучитъ гораздо хуже, нежели по французски или англійски. Кромѣ того, мы сомнѣваемся, чтобы этотъ терминъ привился еще потому, что онъ слишкомъ сильно переноситъ вниманіе говорящаго на человѣка, ощущающаго потребности, тогда какъ терминъ „полезность“ больше отвѣчаетъ существующему у хозяйствующаго человѣка желанію объективировать свои потребности и обозначить нѣчто, кажущееся ему свойствомъ предмета.

[1]) Выдѣленіе понятія конкретной полезности составляетъ заслугу теоретиковъ предѣльной полезности. Надо, впрочемъ, сказать, что понятіе это, правда, не оказавшее тогда замѣтнаго вліянія на экономическую мысль, встрѣчается и у болѣе раннихъ авторовъ. *Дмитріевъ*, напримѣръ, показываетъ, что оно развито уже *Genovesi* въ 1750 году. (Экономическіе очерки, стр 107 и слѣд.). Понятіе конкретной полезности важно для разрѣшенія знаменитаго противорѣчія между потребительной и мѣновой цѣнностью вещей, арко формулированнаго *A. Smith*'омъ. Говоря о потребительной цѣнности, онъ имѣлъ въ виду именно родовую полезность (Ср. объ этомъ у *Дмитріева*, указ. соч., стр. 113—4).

[2]) „Желательность данныхъ благъ, говоритъ *Fisher*, въ данное время для даннаго индивидуума при данныхъ условіяхъ—есть сила или интенсивность его желанія этихъ благъ въ это время при этихъ условіяхъ“ (Elementary principles, стр. 260).

полезности же одного и того же предмета или разныхъ предметовъ для разныхъ лицъ несравнимы. Наконецъ, полезность предметовъ подчиняется тому же первому закону *Gossen*'а, которому, какъ мы видѣли, подчинена интенсивность потребностей въ предметахъ [1]).

§ 19. Благо.

Все то, что обладаетъ полезностью для даннаго лица, является для него *благомъ*. Такимъ образомъ, благомъ мы называемъ всякій предметъ, который данное лицо признаетъ пригоднымъ для удовлетворенія той или иной его потребности и въ которомъ это лицо ощущаетъ потребность въ данный моментъ [2]).

---

[1]) Нельзя поэтому согласиться съ *Зальскимъ*, когда онъ говоритъ: „... полезность блага не можетъ измѣниться съ измѣненіемъ величины потребляемыхъ и употребляемыхъ количествъ, такъ какъ полезность зависитъ отъ физическихъ свойствъ объекта, и, напримѣръ, 4 фунта хлѣба всегда сохраняютъ одинаковую полезность—насытить человѣка въ теченіе сутокъ, возъ дровъ всегда сохранитъ способность поддержать на извѣстной высотѣ температуру данной печи и т. д." (Ученіе о цѣнности Вып. II, стр. 134) Физическая способность первыхъ 4 фунтовъ хлѣба насыщать въ день голоднаго человѣка можетъ оставаться довольно постоянной. Но изъ этого не слѣдуетъ, что, напримѣръ, вторые 4 фунта хлѣба человѣку, уже имѣющему 4 фунта, такъ же нужны, какъ и первые 4 фунта. А такъ какъ величина полезности зависитъ отъ интенсивности потребности человѣка въ предметѣ, то ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать, что величина полезности предмета не можетъ измѣняться съ измѣненіемъ величины потребляемаго количества этого предмета. Ошибка *Зальскаго* объясняется тѣмъ, что онъ вмѣсто конкретной полезности предмета для даннаго лица беретъ родовую физическую полезность предметовъ для людей вообще. Такъ же неправъ и *А. И. Чупровъ*, когда онъ говоритъ о полезности: „Полезность благъ есть природное условіе, зависящее отъ постоянныхъ ихъ физическихъ свойствъ; она остается неизмѣнною отъ одного поколѣнія до другого"... (Политическая экономія, стр. 47). Здѣсь опять таки взята не конкретная полезность данныхъ предметовъ для данныхъ лицъ въ данное время. Поэтому, когда *Чупровъ* дальше прибавляетъ: „Между тѣмъ ежедневный опытъ показываетъ, что мѣновыя пропорціи товаровъ непрерывно мѣняются" (тамъ же), и изъ этого сопоставленія выводитъ, что величина мѣновой цѣнности товаровъ совершенно не зависитъ отъ ихъ полезности, то это не представляется убѣдительнымъ. То, что доводы, покоющіеся на такомъ пониманіи полезности, приводились однимъ изъ наиболѣе выдающихся русскихъ экономистовъ въ 90-хъ годахъ, т. е. 20 лѣтъ спустя послѣ появленія „Grundsätze" *C. Menger*'а,—является въ высокой мѣрѣ показательнымъ для тѣхъ путей, по которымъ шло развитіе русской экономической мысли.

[2]) См. *W. Roscher* (System der Volkswirtschaft. I. Bd. Grundlagen der Nationalökonomie. 24. verm. u. verb. Aufl., bearb. v. *R. Pohlmann*. 1906, стр. 2). *Menger*

Блага дѣлятъ на *основныя* и *производныя*. Первыя являются для человѣка благами сами по себѣ, вторыя—лишь какъ средства для достиженія другихъ благъ. Хозяйственныя блага при такомъ раздѣленіи относятъ обычно къ благамъ производнымъ [1]). На это надо сказать слѣдующее. Если благомъ самимъ по себѣ считать лишь то чувство удовлетворенія, которое получается отъ насыщенія потребностей, то все, являющееся средствомъ удовлетворенія нашихъ потребностей, будетъ благомъ производнымъ. При такомъ пониманіи, какъ блага, обычно причисляемыя къ хозяйственнымъ, напримѣръ, хлѣбъ, одежда, такъ и такія безспорно нехозяйственныя блага, какъ художественное произведеніе, сочувствіе друга, здоровье и пр., окажутся благами производными. Блага хозяйственныя составятъ тогда только часть группы производныхъ благъ. Но даже если благомъ самимъ по себѣ считать все то, что непосредственно доставляетъ намъ чувство удовлетворенія, что намъ нужно само по себѣ, то и тогда дѣленіе благъ на основныя и производныя не совпадетъ съ обычнымъ раздѣленіемъ благъ на нехозяйственныя и хозяйственныя. Такъ, упомянутыя выше нехозяйственныя блага могутъ нерѣдко оказаться благами производными; напримѣръ, здоровье для человѣка, который смотритъ на него, какъ на средство для выполненія извѣстнаго жизненнаго служенія, или художественное произведеніе, являющееся этюдомъ для созданія какой-либо большой картины или скульптурной группы. Съ другой стороны, обычныя хозяйственныя блага въ цѣломъ рядѣ случаевъ окажутся благами основными. Такъ, вкусная пища, удобная одежда, уютное жилье массѣ людей нужны сами по себѣ, ихъ желаютъ непосредственно ради того удовлетворенія, которое доставляютъ эти предметы. Они могутъ, такимъ образомъ, являться такою же са-

---

перечисляетъ слѣдующія 4 условія, дѣлающія предметъ благомъ: 1) человѣческая потребность, 2) свойства предмета, дѣлающія его годнымъ быть поставленнымъ въ причинную связь съ удовлетвореніемъ этой потребности, 3) познаніе человѣкомъ этой причинной связи и 4) возможность распоряжаться предметомъ для удовлетворенія потребности (Grundsätze, стр. 3). Ср: *Wieser* (Natürl. Wert, стр. 42—4) и его же статья „Gut“ (Hwb. d. Stw. 3. Aufl. V. Bd., стр. 205). Ср. также *Wagner* (Grundlegung. I. Theil. 1. Halbband., стр. 288—9).

[1]) Ср. *Böhm-Bawerk* (Rechte und Verhältnisse vom Standpunkte der volkswirtschaftlichen Güterlehre, стр. 13 и 21). *Kalinoff* обозначаетъ это различіе кантовскими терминами, называя основныя блага—благами an sich, а производныя—благами wozu (Ricardo und Grenzwerttheorie, стр. 11).

моцѣлью, какъ и нехозяйственныя блага. Слѣдовательно, и при такомъ пониманіи основныхъ и производныхъ благъ граница между ними не совпадаетъ съ дѣленіемъ благъ на хозяйственныя и нехозяйственныя. Хозяйственныя, какъ и нехозяйственныя блага могутъ быть и основными и производными [1]).

§ 20. Хозяйственное благо.

Среди благъ существуетъ группа, обладающая многими характерными признаками, играющая громадную роль въ жизни человѣка и потому издавна выдѣляемая въ его сознаніи—это группа *вещи*-

---

[1]) Въ связи съ этимъ можно замѣтить, что и отличительнымъ признакомъ хозяйственной дѣятельности нельзя считать ея *производный* характеръ. Нельзя, поэтому, согласиться съ *Туганъ-Барановскимъ*, когда онъ пишетъ: „хозяйственная дѣятельность самымъ рѣзкимъ образомъ отличается отъ игры, художественнаго творчества и, вообще, отъ всякой дѣятельности, которая является не средствомъ для чего-либо иного, а цѣлью въ себѣ. Если даже внѣшніе результаты дѣятельности одни и тѣ же, дѣятельность является хозяйственной или нѣтъ въ зависимости отъ того, есть ли она средство или цѣль“ (Основы. стр. 7). При такомъ пониманіи хозяйственной дѣятельности однимъ изъ признаковъ ея берется характеръ мотивовъ, руководящихъ дѣйствіями человѣка. Но, если стать на такую точку зрѣнія, то очень многіе виды дѣятельности, относимые всегда, и цѣлесообразно относимые, къ хозяйственной дѣятельности, окажутся нехозяйственными, разъ только они сами по себѣ доставляютъ удовольствіе выполняющему ихъ человѣку. Тогда, если столяръ любитъ свое дѣло и работаетъ потому, что это доставляетъ ему удовольствіе—онъ не хозяйничаетъ; если крестьянину, помѣщику, директору завода нравится занятіе хозяйствомъ—они не хозяйничаютъ; если финансистъ, биржевикъ ведетъ операціи потому, что ему нравится занятіе ими—ихъ операціи перестаютъ быть хозяйственными. И дальше надо пойти: если рабочему, привыкшему къ своей работѣ, первые 3—4 часа работы доставляютъ удовольствіе, а лишь дальнѣйшіе часы онъ работаетъ съ тягостью ради заработка, то лишь эти послѣдніе часы будутъ хозяйственной работой. Трудно даже перечислить всѣ послѣдствія, къ которымъ привело бы такое пониманіе хозяйственной дѣятельности. Намъ кажется несравненно болѣе цѣлесообразнымъ при опредѣленіи хозяйственной дѣятельности совсѣмъ не обращать вниманія на мотивы. Хозяйственная дѣятельность характеризуется на нашъ взглядъ не тѣмъ, *ради чего* она ведется, а тѣмъ, *на что* она непосредственно направлена. А ведется она при этомъ ради нея самой или нѣтъ—это не существенно для отграниченія хозяйственной стороны человѣческой жизни отъ другихъ сторонъ. Это важно при разсмотрѣніи мотивовъ хозяйственной дѣятельности И среди мотивовъ ея *Wagner*, напримѣръ, совершенно правильно указываетъ въ качествѣ 4-го эгоистическаго мотива „стремленіе къ дѣятельности и радость отъ дѣятельности, отъ труда, какъ такового“ (Grundlegung. I., стр. 87).

нихъ матеріальныхъ благъ. Она противоположна, съ одной стороны, нематеріальнымъ благамъ, съ другой стороны, хотя и матеріальнымъ, но внутреннимъ, составляющимъ часть самого человѣка, а не противополагаемой человѣку внѣшней природы (напримѣръ, здоровье, голосъ, физическая сила)[1]). То, что обычно называется хозяйственными благами, и что, на нашъ взглядъ, называется ими цѣлесообразно, относится именно къ этой выдѣленной группѣ благъ. Входятъ въ нее внѣшнія матеріальныя вещи, равно какъ внѣшнія матеріальныя силы (напримѣръ, сила электричества, вѣтра, падающей воды).

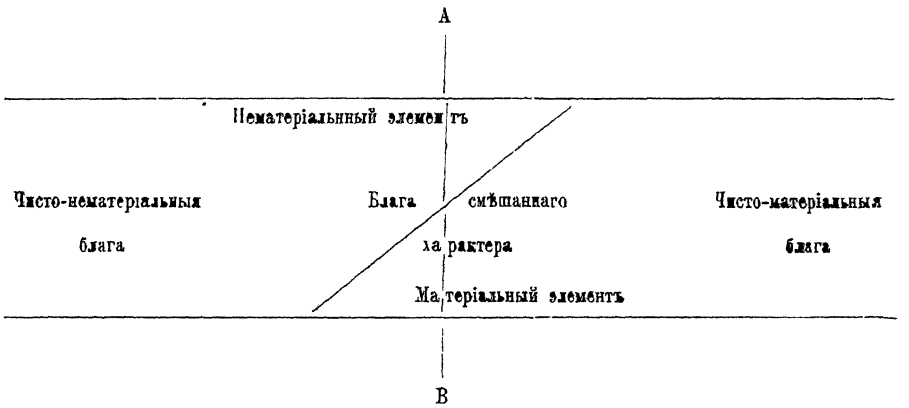
При этомъ, однако, понятіе матеріальной вещи требуетъ нѣкоторыхъ разъясненій. Картина знаменитаго художника, рукопись ученаго съ физической точки зрѣнія такая же матеріальная вещь, какъ и хлѣбъ, сукно, каменный уголь. Поэтому, говоря выше о матеріальныхъ благахъ, мы имѣемъ въ виду не эту физическую точку зрѣнія, а понимаемъ подъ матеріальнымъ благомъ—благо, содержаніе котораго заключается въ его *матеріальномъ веществѣ*, благо, которое нужно человѣку именно этимъ матеріальнымъ веществомъ. Наоборотъ, такія вещи, какъ художественное или научное произведеніе, являются лишь матеріальною формою извѣстной художественной или научной *идеи*, ихъ содержаніе состоитъ не въ ихъ матеріальномъ веществѣ, за этимъ веществомъ стоитъ нематеріальное содержаніе, ради котораго и нужны людямъ эти вещи. Такія вещи мы считаемъ благами нематеріальными и исключаемъ ихъ изъ сферы хозяйственныхъ благъ. Существо дѣла не мѣняется отъ того, что такія нематеріальныя вещи продаются, покупаются и расцѣниваются на деньги. Это не отнимаетъ у нихъ нехозяйственнаго характера. Сикстинская Мадонна Рафаэля не стала хозяйственною вещью потому, что она куплена Дрезденской картинной галлереей за извѣстную сумму денегъ. При покупкахъ и продажахъ подобныхъ вещей мы просто имѣемъ обмѣнъ нехозяйственныхъ благъ на блага хозяйственныя.

Говоря о раздѣленіи благъ на матеріальныя и нематеріальныя, надо имѣть въ виду еще слѣдующее. Въ жизни встрѣчаются не только чисто-матеріальныя и чисто-нематеріальныя блага. Между первыми и

---

[1]) „То, что кто-либо находитъ въ себѣ самомъ или производитъ внутри себя“, какъ говоритъ *Wagner* (Grundlegung. I, стр. 289).

вторыми лежитъ цѣлый рядъ промежуточныхъ видовъ съ постепеннымъ убываніемъ значенія матеріальной стороны и наростаніемъ значенія стороны нематеріальной. Никакой рѣзкой грани между сферой матеріальныхъ и нематеріальныхъ благъ въ виду этого провести нельзя. Нельзя, поэтому, рѣзко отграничить и хозяйственныя блага отъ нехозяйственныхъ. Если, напримѣръ, хлѣбъ является безспорно хозяйственнымъ благомъ, а художественная идея и даже вещественное выраженіе ея въ видѣ картины—благомъ нехозяйственнымъ, то какое-либо шитье или граверная работа будетъ чѣмъ-то среднимъ, совмѣщающимъ въ себѣ хозяйственный и нехозяйственный элементы. Съ такими благами люди поступаютъ такъ: если въ данномъ предметѣ преобладаетъ по своему значенію матеріальное вещество, они относятъ его къ матеріальнымъ благамъ и при наличности прочихъ свойствъ, характеризующихъ хозяйственныя блага, считаютъ его хозяйственнымъ благомъ; наоборотъ, если въ предметѣ преобладаетъ значеніе нематеріальнаго содержанія, они называютъ его нематеріальнымъ благомъ и считаютъ нехозяйственнымъ; а въ среднихъ случаяхъ всегда неизбѣжны колебанія. Это можно иллюстрировать слѣдующимъ графическимъ изображеніемъ.



Существуютъ, такимъ образомъ, чисто-нематеріальныя блага; напримѣръ: художественная или научная идея. Существуютъ, съ другой стороны, чисто-матеріальныя блага; напримѣръ: хлѣбъ, дрова. А между ними лежитъ обширная категорія благъ смѣшаннаго характера, въ которыхъ слиты нематеріальный и матеріальный элементы. При этомъ такія блага, какъ видно изъ чертежа, обнаруживаютъ извѣстную градацію въ смыслѣ убыванія одного элемента и наростанія другого. И

вотъ гдѣ-то въ этой области промежуточныхъ благъ человѣкъ проводитъ грань: линію АВ. По одну сторону ея лягутъ блага съ преобладаніемъ нематеріальнаго характера—человѣкъ называетъ ихъ нематеріальными и считаетъ нехозяйственными. По другую сторону расположатся блага съ преобладаніемъ матеріальнаго характера—человѣкъ относитъ ихъ къ матеріальнымъ благамъ, часть которыхъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, и составляетъ то, что называется хозяйственными благами. Такимъ образомъ. дѣленію благъ на матеріальныя и нематеріальныя, а въ связи съ этимъ на хозяйственныя и нехозяйственныя, не отвѣчаетъ въ жизни существованіе рѣзко отграниченныхъ группъ благъ. Въ этомъ отношеніи разсматриваемая классификація дѣлитъ общую участь со многими другими научными классификаціями. И это понятно, ибо въ реальной жизни рѣзкія границы очень рѣдки. Классификаціи—это всегда почти до извѣстной степени искусственно создаваемыя нами грани; это—нами разграфленныя сѣтки, черезъ которыя мы смотримъ на вещи, чтобы лучше оріентироваться въ окружающихъ насъ явленіяхъ.

Такъ должны быть охарактеризованы матеріальныя и нематеріальныя блага.

Но не всѣ даже внѣшнія матеріальныя блага относятся людьми къ хозяйственнымъ благамъ. Внѣшнія блага могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи.

Къ первой должны быть отнесены блага, находящіяся въ распоряженіи человѣка въ количествѣ, всегда съ избыткомъ удовлетворяющемъ всѣ потребности, относящіяся, какъ къ настоящему времени, такъ и къ предвидимому будущему. Такія блага получили названіе *свободныхъ* благъ. Потребность въ нихъ удевлетворяется свободно и неограниченно, человѣкъ не экономитъ на нихъ, не прилагаетъ къ затратѣ ихъ хозяйственнаго принципа, не заботится о нихъ. Онъ, поэтому, не называетъ ихъ хозяйственными благами[1]).

---

[1]) Нѣкоторые авторы отбрасываютъ вообще категорію свободныхъ благъ и говорятъ, что, если брать не данный предметъ вообще, какъ родовое понятіе, а конкретное количество его, то такъ называемое свободное благо не будетъ вовсе благомъ. Къ такому мнѣнію близко воззрѣніе *Lehr*'а (Grundbegriffe, стр. 185- 6), а также *Pierson*'а (Principles. I, стр 53). *В. Богровъ* по этому поводу говоритъ: „Съ нашей точки зрѣнія понятіе «нехозяйственнаго блага» представляетъ типическое contradictio in adjecto; та вещь, которая признана нами за благо, никакъ. не можетъ быть въ то же время «нехозяйственной»—она осуществляетъ конечную цѣль

Ко второй категоріи относятся блага, запасъ которыхъ меньше или едва равенъ тому количеству, которое необходимо для удовлетворенія всѣхъ потребностей въ немъ. Эти блага составляютъ главную массу благъ. Отъ каждой части ихъ зависитъ удовлетвореніе той или иной существующей потребности. Поэтому человѣкъ не относится безразлично къ растрачиванію этихъ благъ. Они являются предметомъ заботъ человѣка, онъ примѣняетъ къ нимъ хозяйственный принципъ. Такія *относительно рѣдкія* внѣшнія матеріальныя блага человѣкъ, заимствуя терминъ отъ корня, обозначающаго тотъ «домъ», въ которомъ первоначально собраны были эти блага, назвалъ хозяйственными благами [1] [2]).

При такомъ пониманіи хозяйственнаго блага мы становимся въ противорѣчіе съ представителями трудовой теоріи цѣнности и многими другими экономистами, которые приписываютъ благамъ хозяйственный характеръ не въ зависимости отъ ихъ относительной рѣдкости, а въ зависимости отъ того, являются ли они продуктами человѣческаго

хозяйственной дѣятельности, служа удовлетворенію нашихъ потребностей" (Критико-историческій очеркъ теоріи цѣнности. 1911, стр 18). Это совершенно ложная точка зрѣнія. Весь запасъ свободнаго блага, напримѣръ, воздуха, состоитъ изъ двухъ частей: 1) тѣхъ количествъ, которыя намъ нужны, и 2) тѣхъ количествъ, которыя намъ не нужны. Во второй части мы не испытываемъ потребности, эта часть, поэтому, не обладаетъ полезностью и не является благомъ. Но въ первой мы испытываемъ потребность, она обладаетъ полезностью и является благомъ. Однако, въ виду наличности второй, избыточной части запаса намъ не приходится экономить и на первой, такъ какъ она въ любую минуту можетъ быть пополнена на счетъ второй части. Вотъ почему первая часть является вещью полезной, т. е. благомъ, но не является хозяйственнымъ благомъ. Это и обозначается терминомъ „свободное" благо. Дальше мы увидимъ, что эта особенность свободнаго блага создаетъ характерное отношеніе къ нему человѣка въ процессѣ расцѣнки

[1]) Слово „хозяйство" происходитъ отъ древне-германскаго (или готскаго) слова *„hus"*, обозначавшаго *„домъ"*. Отъ этого слова произошло нынѣшнее нѣмецкое слово *„Haus"* (*Friedrich Kluge*. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 3. Abdruck. 1884). Отъ него же произошло пра-славянское *„хъыз"*, звучащее въ русскомъ словѣ *„хижина"*. Наконецъ, отъ него же (въ его краткой формѣ „hûs") происходитъ древне-русское *„хъз"*, позже перешедшее въ *„хоз"* и давшее слово *„хозяйство"*. Любопытно, что и греческое слово, обозначающее хозяйство и ставшее наиболѣе распространеннымъ названіемъ нашей науки, также связано съ понятіемъ *„дома"*: *„οἰκονομία"*—значитъ, какъ извѣстно, „управленіе *домомъ*".

[2]) Что хозяйственное благо отличается 1) полезностью и 2) относительной рѣдкостью, это опредѣленно высказано *Menger*'омъ (Grundsätze, стр. 51—3), за нимъ *Wieser*'омъ (Natürl. Wert, стр. 43—4) и *Böhm-Bawerk*'омъ (Grundzüge, стр. 13).

труда или нѣтъ [1]). Съ этимъ пониманіемъ хозяйственнаго блага нельзя согласиться, такъ какъ всѣ полезные и рѣдкіе предметы и силы, хотя бы они и не были созданы и даже не могли быть созданы трудомъ (земля, сила падающей воды и пр.), являются предметомъ самой интенсивной заботы хозяйствующихъ людей. Люди «хозяйничаютъ» съ ними, блага эти являются благами хозяйственными. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ хозяйственныя блага, дѣйствительно, являются продуктами труда. Это вѣрно. Но хозяйственный характеръ эти блага пріобрѣтаютъ не прямо вслѣдствіе того, что на нихъ затраченъ трудъ, а потому, что вслѣдствіе ограниченности запаса трудовой энергіи и рабочаго времени, запасъ продуктовъ труда также ограниченъ. Самый трудъ выступаетъ наряду съ хозяйственными благами потому, что онъ полезенъ и запасъ его ограниченъ. Будь у человѣка рабочей энергіи и рабочаго времени неограниченное количество, продукты труда не являлись бы хозяйственными благами. Затрата труда, такимъ образомъ, есть лишь частный случай, одна изъ причинъ болѣе общаго признака—относительной рѣдкости [2]).

Такъ понимаемъ мы хозяйственное благо [3]).

---

[1]) Не говоря о *Marx*'ѣ и его послѣдователяхъ, къ числу лицъ, придерживающихся такого взгляда, надо отнести, напримѣръ, *Nicholson*'а (Principles. I, стр. 26) и *Wagner*'а (Grundlegung I., стр. 290). Послѣдній, впрочемъ, хотя и называетъ хозяйственными благами тѣ, которыя добываются съ помощью труда, но къ хозяйственнымъ благамъ въ историко-правовомъ смыслѣ относитъ и полученныя безъ труда свободныя блага, перешедшія въ собственность отдѣльныхъ лицъ, напримѣръ, землю, нѣкоторыя дикія растенія (Theoretische Sozialökonomik oder allgemeine und theoretische Volkswirtschaftslehre. I. Abt. 1907, стр. 28).

[2]) Мысль, что не трудъ самъ по себѣ, а ограниченность запаса сообщаетъ благамъ хозяйственный характеръ, ясно подчеркнута *Menger*'омъ. Онъ говоритъ: „Опытъ учитъ насъ, что многочисленныя блага, на которыя вовсе не затрачено труда (напримѣръ, наносная земля, сила воды и т. д.), обладаютъ экономическимъ характеромъ вездѣ, гдѣ они предоставлены намъ въ количествѣ, не покрывающемъ нашей надобности въ нихъ; съ другой стороны, само по себѣ то обстоятельство, что предметъ является продуктомъ труда, не влечетъ за собою необходимо пріобрѣтенія предметомъ качества блага, не говоря уже объ экономическомъ характерѣ его Поэтому и затраченный на благо трудъ не можетъ быть критеріемъ экономическаго характера благъ; ясно, что его надо искать исключительно въ соотношеніи между надобностью въ благѣ и количествомъ, доступнымъ распоряженію“ (Grundsätze, стр. 61).

[3]) Недавно *Ammon* вмѣсто признаковъ „матеріальности“ и „рѣдкости“ предложилъ при отграниченіи категоріи хозяйственныхъ благъ положить въ основаніе

Внѣшнія матеріальныя относительно рѣдкія вещи и силы природы составляютъ то, что можетъ быть названо хозяйственными благами въ тѣсномъ смыслѣ слова. Съ кругомъ этихъ вещей и силъ совпадаетъ и кругъ тѣхъ потребностей, которыя могутъ быть названы хозяйственными потребностями въ тѣсномъ смыслѣ слова. Такъ опредѣлили мы хозяйственныя потребности въ предыдущей главѣ (стр. 49), чтобы не усложнять преждевременно нашего изложенія разборомъ контроверзы, относящейся къ вопросу объ объемѣ понятія хозяйственнаго блага. Здѣсь же мы должны замѣтить, что цѣлымъ рядомъ авторовъ понятіе хозяйственнаго блага расширяется. И, думается намъ, многое говоритъ за цѣлесообразность нѣкотораго его расширенія. Во всякомъ случаѣ на практикѣ наряду съ отмѣченнымъ выше понятіемъ хозяйственнаго блага въ тѣсномъ смыслѣ слова употребляется и болѣе широкое понятіе такого блага, которое включаетъ еще одну группу благъ. Мы имѣемъ въ виду включеніе въ категорію хозяйственныхъ благъ нѣкоторыхъ трудовыхъ дѣйствій человѣка [1]).

„то соціальное обстоятельство, обусловленное строемъ соціальнаго мѣнового оборота, что данные предметы являются объектами индивидуалистическихъ отношеній въ мѣновомъ оборотѣ (Objekte individualistischer Verkehrsbeziehungen)“ (Objekt und Grundbegriffe, стр. 283). За такое пониманіе хозяйственнаго блага *Ammon* высказывается потому, что „для національной экономіи важно не то, чѣмъ являются вещи по ихъ естественно-техническимъ свойствамъ, а то, какъ относятся къ нимъ люди въ соціальномъ мѣновомъ оборотѣ“ (тамъ же, стр. 315). Такое опредѣленіе хозяйственнаго блага, изрѣдка встрѣчавшееся уже и раньше въ экономической литературѣ, представляется намъ нецѣлесообразнымъ. Съ одной стороны, оно слишкомъ узко: 1) оно даетъ только историко-правовое понятіе хозяйственнаго блага, пригодное для современнаго мѣнового хозяйства, а не чисто-экономическое понятіе; хозяйственныхъ благъ изолированнаго хозяйства оно не обнимаетъ; 2) оно не обнимаетъ и всѣхъ хозяйственныхъ благъ современнаго мѣнового хозяйства; всѣ хозяйственныя блага, производимыя и потребляемыя внутри одного и того же хозяйства и не поступающія вслѣдствіе этого въ обмѣнъ, не являются при такомъ пониманіи хозяйственными; не являются ими и блага, изъятыя изъ обращенія (*res extra commercium*). Съ другой стороны, это опредѣленіе слишкомъ широко: оно обнимаетъ всѣ объекты индивидуалистическихъ отношеній въ соціальномъ оборотѣ; слѣдовательно, обнимаетъ все, относящееся къ индивидуалистическимъ соціальнымъ отношеніямъ, а не одно то, что относится къ хозяйственной сторонѣ этихъ отношеній Въ погонѣ за *соціальнымъ* характеромъ хозяйственнаго блага *Ammon* потерялъ его *хозяйственный* характеръ. Ср. по этому поводу: *Wagner* (Grundlegung. I., стр. 305—6) и *Neumann* („Grundbegriffe“ въ Handbuch d. pol. Ök. hrsggb. von *Schönberg*. I. Bd., стр. 149—50).

[1]) См. *Wagner* (Grundlegung. I., стр. 299—305, тамъ же подробный обзоръ литературы вопроса). Напротивъ, трудовыхъ дѣйствій не включаетъ въ число

Сама рабочая сила человѣка, какъ и его здоровье, составляетъ часть самого человѣка, является внутреннимъ, а не внѣшнимъ благомъ, и, по крайней мѣрѣ послѣ отмѣны института рабства, не можетъ быть отнесена къ хозяйственнымъ благамъ. Но отдѣльныя трудовыя дѣйствія составляютъ *внѣшнее* проявленіе силъ и способностей человѣка. Далѣе, среди всей массы этихъ дѣйствій можно подмѣтить особую группу ихъ, которую человѣкъ выдѣляетъ, которую цѣлесообразно выдѣлять и при научномъ анализѣ явленій. Эту группу составляютъ трудовыя дѣйствія, *непосредственно* направленныя на снабженіе людей внѣшними матеріальными вещами и силами природы. Такія дѣйствія въ отличіе отъ прочихъ можно назвать матеріальными или *хозяйственными* трудовыми дѣйствіями или *хозяйственнымъ трудомъ*.

Хозяйственный трудъ сплошь и рядомъ выступаетъ въ такой же роли, какъ и другія схожія съ ними внѣшнія матеріальныя блага, напримѣръ, работа силъ внѣшней природы. Особенно рѣзко сказывается это сходство, когда дѣло идетъ о частно-хозяйственной точкѣ зрѣнія и объ отношеніи извѣстныхъ лицъ къ хозяйственнымъ трудовымъ дѣйствіямъ другихъ лицъ. Правда, трудовыя дѣйствія людей, даже хозяйственныя, обнаруживаютъ не мало особенностей. Такъ какъ выполненіе этихъ дѣйствій неразрывно связано съ жизнью и самочувствіемъ выполняющаго ихъ человѣка, то къ затратѣ трудовыхъ дѣйствій человѣкъ относится иначе, нежели къ затратамъ внѣшнихъ матеріальныхъ вещей и силъ природы. Далѣе «владѣніе» трудовыми дѣйствіями рѣзко отличается отъ владѣнія вещами. Наконецъ, трудовыя дѣйствія воспроизводятся и потребляются иначе, нежели разобранныя выше хозяйственныя блага въ тѣсномъ смыслѣ слова. Однако, не смотря на всѣ эти отличія, возможность располагать хозяйственными трудовыми дѣйствіями составляетъ такой же

хозяйственныхъ благъ *Neumann* („Grundbegriffe“ въ Handbuch d. pol. Ök. *Schonberg*'а I, стр 149). Противъ включенія трудовыхъ дѣйствій въ число хозяйственныхъ благъ высказывается также *Philippovich*: „Хотя трудовыя дѣйствія и служатъ средствомъ для созданія благъ, но они не являются сами благами“ (Grundriss, I. 9. Aufl., стр. 6). Точно также *Wieser* говоритъ о трудѣ, что „онъ во многихъ отношеніяхъ выступаетъ въ качествѣ блага, но вообще благомъ не является“ („Gut“ въ Hwb. d. Stw. 3. Aufl. V. Bd., стр. 207). *Clark*, касаясь этого вопроса, замѣчаетъ, что личныя дарованія и трудъ „являются тѣмъ, что человѣкъ есть, а не тѣмъ, что онъ имѣетъ“ (The philosophy of wealth. Economic principles newly formulated. 1904, стр. 5). Поэтому онъ не причисляетъ ихъ къ „богатству“.

предметъ заботы хозяйствующаго человѣка, такъ же входитъ въ сферу его хозяйственной жизни, какъ и возможность располагать вещами и силами природы. Мы не говоримъ уже о томъ, что они являются столь же распространеннымъ объектомъ хозяйственной расцѣнки и въ частности расцѣнки рыночной, какъ внѣшнія матеріальныя вещи. Хотя расцѣнка ихъ и представляетъ рядъ важныхъ особенностей, но въ самомъ общемъ и основномъ схожа съ расцѣнкой вещей и подлежитъ общему научному разсмотрѣнію [1]). Въ виду всего этого мы считаемъ цѣлесообразнымъ наряду съ понятіемъ хозяйственнаго блага въ тѣсномъ смыслѣ слова установить понятіе хозяйственнаго блага въ широкомъ смыслѣ, обнимающее, какъ внѣшнія матеріальныя вещи и силы природы, такъ и хозяйственныя трудовыя дѣйствія человѣка. Въ связи съ этимъ можетъ быть расширено и понятіе хозяйственныхъ потребностей.

Вторымъ спорнымъ пунктомъ въ вопросѣ объ объемѣ понятія хозяйственнаго блага является вопросъ о присоединеніи къ хозяйственнымъ благамъ въ видѣ особой ихъ категоріи *правъ* и *отношеній*. По этому поводу надо раньше всего сказать, что рѣчь о нихъ, какъ о хозяйственныхъ благахъ можетъ возникать только по отношенію къ *хозяйственнымъ* (имущественнымъ) правамъ и отношеніямъ. Другія права и отношенія уже совершенно не могутъ быть относимы къ хозяйственнымъ благамъ. Но даже хозяйственныя права и отношенія только въ особомъ и очень ограниченномъ смыслѣ могутъ быть разсматриваемы въ качествѣ самостоятельныхъ благъ, существующихъ наряду съ благами - вещами. Дѣло въ томъ, что всякая вещь, какъ хозяйственное благо, въ современномъ хозяйствѣ предполагаетъ опредѣленное право на пользованіе ею. Поэтому считать права на вещи отдѣльными благами, существующими рядомъ съ самими вещами, это значитъ считать дважды или трижды одно и то же благо. Въ этомъ никто не сомнѣвается, когда дѣло идетъ о *полныхъ* правахъ на вещи, напримѣръ, о полномъ, неограниченномъ правѣ собственности. Никто

---

[1]) *Аттон* по этому поводу говоритъ. „Особенно же наиболѣе общая, важна и основная составная часть теоретической національной экономіи въ равной мѣрѣ приложима, какъ къ трудовымъ дѣйствіямъ, такъ и къ благамъ - вещамъ; этотъ фактъ окончательно исключаетъ принципіальное раздѣленіе благъ - вещей и трудовыхъ дѣйствій на двѣ существенно различныя основныя категоріи національной экономіи (Objekt und Grundbegriffe, стр. 264).

не считаетъ право собственности на домъ и купчую крѣпость на нее однимъ благомъ, а самый домъ другимъ благомъ. Наоборотъ, *частичныя* права на вещи нерѣдко разсматриваются, какъ самостоятельныя блага. Между тѣмъ съ экономической точки зрѣнія такія права являются ничѣмъ инымъ. какъ частями тѣхъ же благъ-вещей, пользованіе которыми раздѣлено *по содержанію*, или *по времени* между нѣсколькими лицами или группами лицъ. Такъ, при сервитутѣ имѣется не два блага. участокъ земли и право сервитутнаго пользованія, а одно благо - вещь: участокъ земли; но пользованіе имъ раздѣлено между собственникомъ и субъектомъ сервитутнаго права. Здѣсь экономическое пользованіе раздѣлено по содержанію. Въ другихъ случаяхъ частичныя права представляютъ раздѣлъ пользованія вещью по времени. Такъ, напримѣръ, при векселѣ пользованіе благомъ-вещью (извѣстнымъ количествомъ денегъ) раздѣлено между векселедателемъ и векселедержателемъ по времени: до наступленія срока платежа по векселю этою суммою денегъ пользуется первый, послѣ этого срока—второй. При банковомъ билетѣ пользованіе написанною на немъ суммою денегъ раздѣлено по времени между банкомъ и держателемъ банкноты: до предъявленія билета къ размѣну на звонкую монету этою суммой денегъ пользуется банкъ, послѣ предъявленія—владѣлецъ банкноты. То же справедливо и для размѣнныхъ бумажныхъ денегъ. При неразмѣнныхъ бумажныхъ деньгахъ отношенія сложнѣе, но здѣсь также пользованіе извѣстнымъ благомъ - вещью (опредѣленнымъ количествомъ золота или серебра) раздѣлено по времени между государствомъ и держателемъ кредитнаго билета: до того времени, пока государство возстановитъ размѣнъ и бумажныя деньги будутъ предъявлены къ обмѣну на монету, драгоцѣннымъ металломъ пользуется государство, послѣ этого времени—владѣлецъ кредитнаго билета. Наконецъ, такое «отношеніе», какъ фирма или кліентура представляетъ съ экономической точки зрѣнія ничто иное, какъ возможность полученія въ будущемъ извѣстныхъ выгодъ, т. е. поступленіе въ будущемъ извѣстныхъ количествъ благъ-вещей [1]).

---

[1]) Вопросъ этотъ разсмотрѣнъ въ спеціальной монографіи *Böhm-Bawerk*'a: Rechte und Verhältnisse vom Standpunkte der volkswirtschaftlichen Güterlehre 1881. Ср. также *Wieser* („Gut“ въ Hwb. d. Stw. 3 Aufl V. Bd., стр. 207). Иначе смотрятъ *Neumann* („Wirtschaftliche Grundbegriffe“ въ Handbuch d. pol. Ök v. *G. Schönberg*. 4 Aufl. 1. Bd., стр. 148—9) и *Wagner* (Grundlegung I., стр. 299—304).

Если сложить всѣ эти части, на которыя какъ бы раздѣлены по содержанію и по времени сами вещи, то получатся цѣльныя вещи со всѣми ихъ полезными свойствами, доступныя для пользованія во все время ихъ существованія. Такъ, если сложить данную сумму денегъ, находящуюся у должника до момента уплаты по векселю, съ такой же суммой, находящейся у кредитора послѣ оплаты векселя, то получается всего лишь одна сумма денегъ, но предоставленная для пользованія въ теченіе всего времени. Исчезновеніе всѣхъ подобныхъ частичныхъ правъ, какъ самостоятельныхъ хозяйственныхъ благъ и раствореніе ихъ въ благахъ - вещахъ совершенно ясно, если посмотрѣть на явленія съ точки зрѣнія всего народнаго хозяйства. Поэтому такія права и отношенія обыкновенно не считаютъ самостоятельными благами съ *народно-хозяйственной* точки зрѣнія. Однако, и для всего народнаго хозяйства признаютъ самостоятельными благами права, относящіяся къ другимъ народнымъ хозяйствамъ. Такъ, напримѣръ, самостоятельными благами для русскаго народнаго хозяйства считаютъ иностранные переводные векселя, находящіеся въ обладаніи Россіи. Мы думаемъ, что и этихъ правъ нѣтъ нужды считать самостоятельными благами. Тѣ иностранные векселя, которые имѣетъ Россія, представляютъ собою для нея обладаніе извѣстнымъ количествомъ благъ - вещей, начиная съ момента наступленія срока платежа по этимъ векселямъ

Но, какъ при подобныхъ отношеніяхъ между отдѣльными народными хозяйствами, такъ равно и при сношеніяхъ между собою отдѣльныхъ лицъ внутри народнаго хозяйства перечисленныя выше частичныя права на вещи часто до того отдѣлены отъ самыхъ вещей, что это даетъ поводъ при разсмотрѣніи явленій съ точки зрѣнія *частно-хозяйственной* видѣть въ указанныхъ правахъ совершенно самостоятельныя блага. Мы думаемъ, что и съ частно-хозяйственной точки зрѣнія права на вещи нельзя ставить рядомъ съ самими вещами. Если частное лицо, подводя балансъ своему имуществу, наряду съ домами, землей, машинами пишетъ ту сумму, на которую оно имѣетъ векселей, то это совершенно правильно, но при этомъ всегда указываются сроки векселей, а это равносильно указанію, что векселя равны извѣстной суммѣ, но не сейчасъ уже имѣющейся, а лишь ожидающейся въ хозяйствѣ къ указанному сроку. Такимъ образомъ, и съ частно-хозяйственной точки зрѣнія вексель не есть самостоятельное благо, отдѣльное отъ наличныхъ денегъ, а та же сумма

денегъ, которая пока находится въ рукахъ должника и лишь въ будущемъ окажется въ обладаніи даннаго хозяйства. Это есть, предположимъ, 1000 рублей *черезъ 3 мѣсяца*. Возможность учета не превращаетъ векселя въ самостоятельное благо. Учетъ даетъ лишь возможность *обмѣнять* 1000 рублей будущихъ на 985 рублей настоящихъ. Тогда у даннаго хозяйства будетъ *сейчасъ* благо въ 985 рублей + въ будущемъ выгода отъ этой суммы за 3 мѣсяца, а у того, кто векселъ учелъ, блага наличнаго пока не будетъ. а будутъ лишь 1000 рублей *черезъ 3 мѣсяца*. Такія *будущія* блага нельзя, однако, ставить наряду съ благами настоящими даже съ частно-хозяйственной точки зрѣнія.

Необходима, однако, одна существенная оговорка. Если ни съ народно-, ни съ частно-хозяйственной точки зрѣнія на права нельзя смотрѣть, какъ на самостоятельныя блага, существующія наряду съ благами - вещами, то это справедливо не для всѣхъ сторонъ хозяйственной жизни. Это справедливо для сферы потребленія и производства. Векселемъ нельзя удовлетворить потребности, это можно сдѣлать только благомъ - вещью; векселемъ нельзя производить, для этого надо раньше векселъ обмѣнять на блага - вещи или на трудовыя дѣйствія человѣка. Но существуетъ еще одна сторона хозяйственной жизни, въ которой не только для частнаго, но и для народнаго хозяйства «*права*», выступаютъ въ качествѣ самостоятельнаго блага. существующаго наряду съ благами - вещами. Такою стороною является область *обращенія*, и «права» фигурируютъ въ этой области въ роли самостоятельныхъ благъ, отливаясь въ форму *кредитныхъ платежныхъ средствъ*: процентныхъ бумагъ, векселей, банковыхъ билетовъ, бумажныхъ денегъ, чековъ. Всѣ эти кредитные документы въ сферѣ обмѣна выполняютъ такую же функцію, какъ и благо - вещь: звонкая монета. Хотя для производства и потребленія векселъ не есть самостоятельное благо, могущее обслуживать ихъ помимо благъ вещей, но для совершенія мѣновыхъ сдѣлокъ онъ является столь же пригоднымъ, какъ и звонкая монета, и въ массѣ сдѣлокъ замѣщаетъ монету.

Вотъ почему, если вообще права и отношенія мы не считаемъ самостоятельными хозяйственными благами, то въ области обращенія надо и съ частно-, и съ народно-хозяйственной точки зрѣнія наряду съ вещами, силами природы и трудомъ человѣка поставить въ качествѣ особаго хозяйственнаго блага кредитныя средства платежа.

Такъ очерчивается на нашъ взглядъ кругъ того, что можно назвать «хозяйственнымъ благомъ».

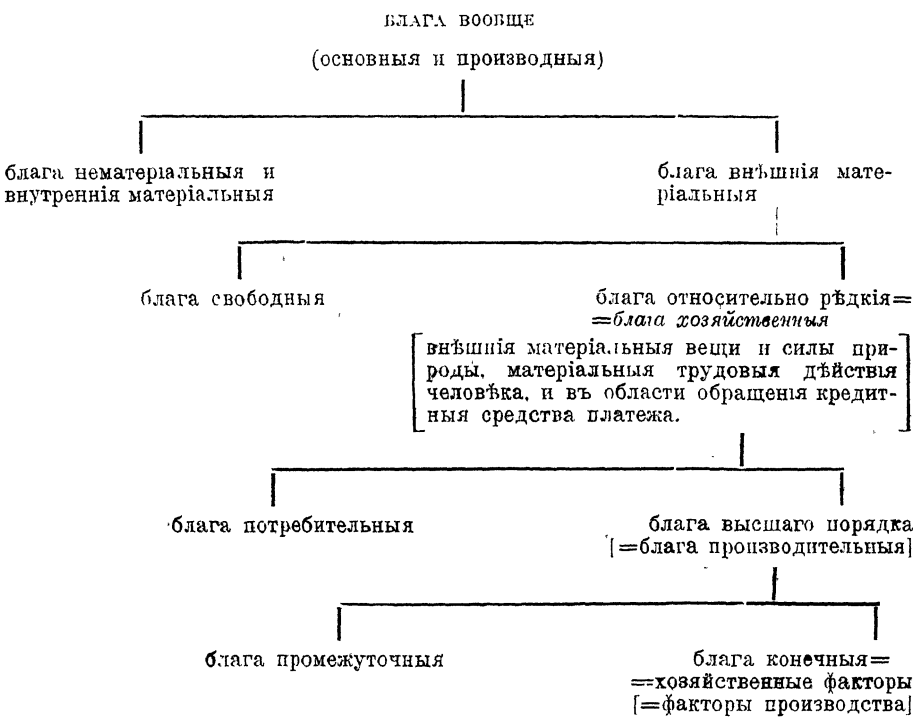
Въ заключеніе прибавимъ, что хозяйственныя блага, смотря по тому, нужны они сами по себѣ или являются средствомъ для полученія другихъ хозяйственныхъ благъ, могутъ быть раздѣлены на блага перваго порядка, или потребительныя, и блага высшихъ порядковъ, или, какъ ихъ недостаточно точно называютъ, блага производительныя [1]).

Тѣ хозяйственныя блага высшаго порядка, съ примѣненіемъ которыхъ въ конечномъ счетѣ причинно связано полученіе всѣхъ прочихъ хозяйственныхъ благъ, можно назвать хозяйственными *факторами* или, какъ ихъ недостаточно обще обозначаютъ, факторами производства.

Наша работа въ виду тѣснѣйшей связи, существующей между расцѣнкою потребительныхъ благъ и хозяйственныхъ факторовъ, въ дальнѣйшемъ обнимаетъ расцѣнку и первыхъ и вторыхъ.

Для большей ясности позволяемъ себѣ иллюстрировать все сказанное выше о разныхъ видахъ благъ и о мѣстѣ, занимаемомъ въ ряду ихъ благами хозяйственными, слѣдующей схемой (см. слѣд. стр.):

[1]) Дѣленіе благъ на блага 1-го, 2-го, 3-го и т. д. порядковъ подробно изложено у *Menger*'а (Grundsätze, гл I, § 2).



§ 21. Цѣнность.

Хозяйственныя блага, какъ показано въ предыдущемъ §, являются предметомъ человѣческой заботы. Имѣя эти блага, люди берегутъ ихъ, экономно тратятъ ихъ; не имѣя—стремятся пріобрѣсти ихъ. Въ такомъ поведеніи людей проявляется одинъ изъ видовъ того отношенія человѣка къ вещамъ, которое обозначается глаголомъ «*цѣнить*».

«Цѣнить»—это значитъ: придавать *значеніе* цѣнимому объекту, признавать *важность* его. Такое опредѣленіе не является обозначеніемъ *idem per idem* [1]), такъ какъ образныя слова «значеніе» и «важность» вскрываютъ сущность обозначаемаго ими явленія. Человѣкъ проводитъ различіе между предметами. Онъ какъ бы мысленно ставитъ «знакъ» («значеніе») на каждомъ изъ нихъ, опредѣляющій съ той или иной точки зрѣнія мѣсто его въ ряду другихъ предметовъ. Человѣкъ какъ бы «взвѣшиваетъ» («важность» отъ Wage) предметы и устанавливаетъ, который изъ нихъ съ данной точки зрѣнія вѣситъ больше.

Признаваемыя человѣкомъ значеніе или важность предмета, разсматриваемыя, какъ свойство самого предмета, называются *цѣнностью*

[1]) Какъ говоритъ, напримѣръ, *Ehrenfels* по поводу опредѣленія цѣнности *Menger*'омъ („Werttheorie und Ethik“ въ Vierteljahrsschrift für wiss Philosophie. VII, стр. 86).

его. Для сокращенія самые предметы, обладающіе цѣнностью, также называются *цѣнностями*.

Всякая цѣнность существуетъ въ сознаніи признающаго ее человѣка, она всегда предполагаетъ человѣка, является продуктомъ оцѣнивающей дѣятельности субъекта. Въ этомъ смыслѣ всякая цѣнность субъективна [1]). Но значеніе предмета можетъ быть понимаемо двояко— въ смыслѣ значенія его для того или иного *лица* и въ смыслѣ значенія его для той или иной *объективной цѣли*. Сообразно съ этимъ и цѣнность распадается на два вида: 1) цѣнность предмета для извѣстнаго лица и 2) цѣнность предмета для извѣстной цѣли. Первую называютъ *субъективной* цѣнностью. вторую—*объективной* [2]).

[1]) Ср. *W. M Urban* Valuation, its nature and laws being an introduction to the general theory of value 1909, стр. 17).

[2]) Различіе между субъективной и объективной цѣнностью проведено *Neumann*'омъ. См. его „Wirtschaftliche Grundbegriffe“ въ Handbuch d pol Ök. v. *G. Schönberg* (4. Aufl I. Bd., стр 151) и еще болѣе ранніе работы: „Zur Revision der Grundbegriffe“ (въ Zschr. f. d. ges. Stwiss. Jahrg 25 и 28. 1869 и 1872) и „Grundlagen der Volkswirtschaftslehre“ (I. 1889. Кар III). Это различіе воспринято было представителями австрійской школы. См.: *Böhm-Bawerk* („Grundzüge“ въ Jahrb f. Nök u. St 1886, стр. 4) и *Wieser* (Natürl. Wert, стр. 10). *Bohm-Bawerk* говоритъ: „Цѣнность въ субъективномъ смыслѣ есть то практическое значеніе, которое получаетъ благо для интересовъ даннаго субъекта..“, а „цѣнность въ объективномъ смыслѣ есть признанная способность блага приводить къ какому-либо внѣшнему результату“ („Wert“ въ Hwb. d. Stw. 3. Aufl 1911. VIII Bd., стр. 756) —

Подчеркивая крупное различіе, несомнѣнно существующее между этими двумя видами цѣнности, *Bohm-Bawerk* даже хотѣлъ бы обозначать ихъ разными терминами, а не однимъ словомъ „цѣнность“. Такъ, объективную мѣновую цѣнность онъ находитъ болѣе правильнымъ обозначать словами „мѣновая сила“ (Tauschkraft). Онъ не надѣется только, что новое обозначеніе будетъ принято („Grundzüge“, стр. 7—8) Точно также *Friedrich Gottl*, приведя рядъ расходящихся опредѣленій цѣнности, приходитъ къ выводу, что „цѣнность“ не представляетъ собою единаго понятія; когда говорятъ о разныхъ видахъ цѣнности, то имѣютъ дѣло не съ разновидностями одного общаго объекта, а съ разными объектами, для обозначенія которыхъ необходимы и разные термины (Der Wertgedanke, ein verhülltes Dogma der Nationalokonomie. Kritische Studien zur Selbstbestimmung des Forschers im Bereiche der sogenannten Wertlehre. 1897, стр. 53—9). Мы думаемъ, что въ смыслѣ „значенія“ или „важности“ предмета всѣ виды цѣнности имѣютъ нѣчто общее, и потому терминъ „цѣнность“ приложимъ одинаково хорошо и къ субъективной, и къ объективной цѣнности, чѣмъ, конечно, нисколько не стирается глубокое различіе, существующее между этими двумя видами цѣнности Не даромъ общимъ терминомъ „цѣнность“ большинство европейскихъ языковъ обозначаетъ оба вида цѣнности. Что касается насъ русскихъ, то для насъ терминъ „цѣнность“ тѣмъ болѣе пріемлемъ въ видѣ объединяющаго термина, что русскій языкъ не знаетъ даже другого корня для обозначенія „цѣны“ товара. Другіе языки имѣютъ для „цѣнности“ и „цѣны“ два корня: греческій—τιμή и ἀξία,

Разберемся сначала въ понятіи субъективной цѣнности, т. е. въ значеніи предметовъ для того или иного лица.

§ 22 Психологическая природа субъективной цѣнности

Вопроса о психологической природѣ субъективной цѣнности мы коснемся вскользь, лишь постолько, посколько рѣшеніе его важно для пониманія явленій расцѣнки въ хозяйственной области.

Здѣсь прежде всего встаетъ вопросъ о томъ, что проявляется въ субъективной цѣнности: *чувства*, вызываемыя предметами, или *желанія*, направленныя на предметы? Въ случаѣ отвѣта во второмъ смыслѣ цѣнность пріобрѣтаетъ волевой характеръ. Вопросъ этотъ, по нашему мнѣнію, долженъ быть разрѣшенъ слѣдующимъ образомъ. Различные предметы или представленія о нихъ вызываютъ у человѣка опредѣленныя чувства. Но уже самое различіе чувствъ, напримѣръ, дѣленіе ихъ на пріятныя и непріятныя, предполагаетъ извѣстную волевую дѣятельность. Не станемъ отрицать того, что эта волевая дѣятельность, связанная съ чувствами, можетъ быть, не всегда ясно проявляется въ видѣ желанія. Возможно, что иногда волѣ не приходится доходить до активнаго желанія. Тогда наше вниманіе можетъ привлекать къ себѣ главнымъ образомъ чувственная сторона; волевые процессы могутъ оставаться назамѣченными, и мы какъ бы переносимъ на предметы только наши чувства, въ зависимости отъ которыхъ мы приписываемъ объектамъ цѣнность. Но по отношенію къ хозяйственнымъ благамъ волевая дѣятельность, связанная съ чувствами, получаетъ болѣе полное развитіе въ видѣ ясно выраженнаго

латинскій, по крайней мѣрѣ въ болѣе позднее время—pretium и aestimatio (равно какъ глаголъ valere, откуда позже образовано было слово valor), французскій—prix и valeur, англійскій—price и value, нѣмецкій—Preis и Wert, польскій—cena и wartość. У насъ же имѣется лишь одинъ общій корень, отъ котораго происходятъ оба слова—цѣна и цѣнность. Филологическое происхожденіе этого корня видно изъ слѣдующей схемы:

индоевропейское *kopa* (возмездіе, плата)

греческое ποινή [оттуда же греческое τιμή]	латинское *poena* [оттуда русское заимствованное *пеня*]	литовское *kaina* [обозначающее „цѣна“]	древне-церковно славянское *цѣна*

Такимъ образомъ само слово „цѣнность“, обозначающее вмѣстѣ съ тѣмъ и субъективную цѣнность, выросло непосредственно изъ слова „цѣна“, родственнаго именно объективной мѣновой цѣнности

желанія обладать этими благами. Тогда при процессѣ расцѣнки на предметъ переносится нами не непосредственно чувство, а вызываемое имъ желаніе, и уже въ зависимости отъ этого желанія мы приписываемъ предметамъ цѣнность.

Для насъ этотъ результатъ важенъ въ виду слѣдующаго. Желаніе, направленное на вещь, представляетъ собою ничто иное, какъ потребность въ этой вещи. Слѣдовательно, субъективная цѣнность, по крайней мѣрѣ поскольку дѣло идетъ о хозяйственныхъ благахъ, есть выраженіе потребностей того или иного лица въ этихъ благахъ. А значитъ, и величина цѣнности ихъ находится въ соотвѣтствіи съ интенсивностью потребности въ нихъ. При этомъ цѣнность вещи для того, кто ея не имѣетъ и желаетъ пріобрѣсти, равна интенсивности ощущаемой въ это время потребности въ пріобрѣтеніи вещи; а цѣнность вещи для того, кто ее имѣетъ и рѣшаетъ вопросъ объ ея потребленіи или отчужденіи, равна интенсивности той потребности, которую по предположенію лица оно испытывало бы, если бы лишилось вещи, другими словами, равна интенсивности потребности въ сохраненіи вещи на будущее время [1]).

[1]) По затронутому въ текстѣ вопросу существуетъ въ настоящее время обширная литература, ведущая свое происхожденіе отъ работъ экономистовъ австрійской школы. Ученіе *Menger*'а о субъективной цѣнности, какъ о „значеніи, которое пріобрѣтаютъ для насъ конкретныя блага или количества благъ“ (Grundsätze, стр. 78), равно какъ ученіе *Wieser*'а о цѣнности, какъ „объективированномъ въ предметахъ“, „правильно связанномъ съ предметами интересѣ“ (Über den Ursprung, стр 20; Natürl Wert, стр 12—3), послужили толчкомъ для появленія ряда психологическихъ и философскихъ работъ См признаніе этого вліянія австрійской школы у *Josef Kreibig*'а (Psychologische Grundlegung eines Systems der Wert-Theorie. 1912, стр. 97—8). Родоначальникомъ этой психологической и философской литературы является *Alexius Meinong*, авторъ книги „Psychologisch-ethische Untersuchungen zur Wert-Theorie (1894)“. Хотя статьи *Ehrenfels*'а появились годомъ раньше книги *Meinong*'а, но *Ehrenfels* самъ оговаривается, что онъ писалъ ихъ уже будучи знакомъ съ лекціями *Meinong*'а (System der Wertttheorie. Bd. I, стр XV) *Meinong* раньше всего указываетъ на то, что цѣнность явленіе болѣе широкое, нежели та хозяйственная цѣнность, о которой говорятъ *Menger* и *Wieser* (Psychologisch-eth. Untersuchungen стр. 5—6). Далѣе, разсматривая природу цѣнности, *Meinong* приходитъ къ выводу, что цѣнность коренится не въ области потребностей и желаній. Мы не потому цѣнимъ вещи, что желаемъ ихъ, ибо желать того, что мы имѣемъ нельзя, а цѣнить можно (указ. соч., стр. 15). Цѣнность, по *Meinong*'у, коренится въ области чувства; она связана съ тѣмъ чувствомъ удовольствія, которое вызываетъ въ насъ наличность извѣстнаго предмета (тамъ же, стр. 16). Но чувство это и сама цѣнность могутъ и не совпадать по величинѣ. Напримѣръ, дружба какого-либо лица можетъ быть для меня безконечно цѣнна, а удовольствіе, получаемое отъ нея, можетъ быть очень слабо (*Meinong*. „Über Werthaltung und Wert“ въ Archiv

Потребность въ пріобрѣтеніи блага и потребность въ сохраненіи блага могутъ не совпадать по своей интенсивности. Иногда мы.

---

für systematische Philosophie. I Bd. 1895, стр. 329). Или, напримѣръ, удовольствіе, доставляемое полученіемъ письма отъ друга, можетъ быть много интенсивнѣе удовольствія, доставляемаго самой дружбой, хотя сама дружба болѣе цѣнна, нежели отдѣльное письмо (тамъ же, стр. 331—2) Поэтому цѣнность, по *Meinong*'у, еще не всякое чувство удовольствія. „Предметъ обладаетъ цѣнностью лишь постолько, поскольку онъ способенъ стать *дѣйствительнымъ* основаніемъ для чувства цѣнности у достаточно освѣдомленнаго нормальнаго лица“ (Psychologisch-eth Untersuchungen, стр 25). При этомъ такое чувство, по мнѣнію *Meinong*'а, всегда является результатомъ сужденія—„психологически оно отличается тѣмъ, что оно всегда указываетъ на утверждающее или отрицающее сужденіе, какъ на свою психическую причину“ (тамъ же, стр. 23—4). На той же точкѣ зрѣнія стоитъ *Naumann*, по мнѣнію котораго цѣнность связана съ чувствомъ, а именно со сравненіемъ двухъ состояній—съ благомъ и безъ блага, и сопоставленіемъ количествъ удовольствія при каждомъ изъ нихъ (Die Lehre vom Wert, стр 28). Къ ученію *Meinong*'а до извѣстной степени примыкаетъ и *Kreibig*. Онъ только замѣчаетъ. 1) что нормальность или ненормальность чувства, его основательность или ложность не имѣютъ значенія для цѣнности; ложно признаваемая цѣнность является такою же цѣнностью для ошибающагося, какъ истинная (отмѣтимъ, что эта поправка одинаково справедлива и для ученія—*Wieser*'а); 2) что сужденіе вовсе не представляетъ собою необходимаго условія цѣнности; правда, часто оцѣнка принимаетъ форму настоящаго законченнаго сужденія, но и тогда оно лишь параллельно чувству цѣнности, а не предшествуетъ ему, оно лишь коррелатъ чувства на умственной сторонѣ явленія расцѣнки (Psychologische Grundlegung, стр. 8, 13). Въ основномъ же, т е. въ томъ, что цѣнность коренится въ чувствѣ, *Kreibig* согласенъ съ *Meinong*'омъ. Подъ цѣнностью онъ понимаетъ „чувственное значеніе“ (тамъ же, стр 3) или, говоря подробнѣе, „значеніе, которое имѣетъ для субъекта извѣстное содержаніе изъ области ощущенія или мысли въ силу связаннаго съ нимъ непосредственно или ассоціативно актуальнаго или диспозиціоннаго чувства“ (тамъ же, стр. 12) При этомъ соотношеніе между чувствомъ, потребностью и цѣнностью, по его мнѣнію, таково интенсивность и продолжительность желанія, т. е. потребности, непосредственно зависитъ отъ интенсивности и продолжительности лежащаго въ основѣ ея чувства, которое опредѣляетъ также величину хозяйственной цѣнности объекта для ощущающаго потребность человѣка. Такимъ образомъ, въ основѣ цѣнности лежитъ чувство, но то же чувство лежитъ и въ основѣ потребности. Здѣсь *Kreibig* отклоняется отъ *Meinong*'а, для котораго желаніе или потребность является уже слѣдствіемъ цѣнности. Въ чувствѣ видитъ психологическое основаніе цѣнности *Urban*, но онъ признаетъ все-таки, что желаніе или играетъ роль при возникновеніи цѣнности, хотя и не всегда, какъ актуальное, а часто лишь, какъ возможное желаніе или расположеніе къ желанію. „Когда, пишетъ онъ, я думаю объ отсутствующемъ другѣ, я могу чувствовать его цѣнность для меня безъ всякаго, даже слабаго слѣда желанія непосредственнаго присутствія этого друга, хотя расположеніе къ такому желанію и является предпосылкой этого чувства“ (Valuation, its nature and laws, стр. 36). Въ русской литературѣ на точкѣ зрѣнія *Meinong*'а стоитъ *Орженцкій*. Цѣнность благъ, по его мнѣнію, опредѣляется чувствомъ, а

дѣйствительно, наблюдаемъ такое различіе интенсивности. Напримѣръ, ощущаютъ потребность въ какой-либо вещи и платятъ за нее 100

именно, чувствомъ удовольствія отъ обладанія благомъ или чувствомъ страданія отъ отсутствія блага (Ученіе объ экономическомъ явленіи, стр 251—3).

Иного мнѣнія держится *Ehrenfels* Вопреки *Meinong*'у онъ полагаетъ, что цѣнность коренится въ желаніи (волѣ). „Цѣнность, пишетъ онъ, есть неправильно объективированное рѣчью отношеніе вещи къ направленному на нее желанію человѣка", и „интенсивность, съ которой мы желаемъ вещей, равнозначуща величинѣ признаваемой нами за ними цѣнности" („Werththeorie und Ethik" въ Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. VII Jahrg, стр. 89) И послѣ критики *Meinong*'а онъ удерживаетъ это опредѣленіе субъективной цѣнности, онъ только дополняетъ его: 1) наряду съ „желаемъ" онъ прибавляетъ „желали бы, если бы лишились блага", этимъ *Ehrenfels* даетъ отвѣтъ на приведенное выше замѣчаніе *Meinong*'а о невозможности желать того. что мы уже имѣемъ; 2) онъ обращаетъ вниманіе на то, что чувства и желанія сливаются другъ съ другомъ и могутъ быть переведены одни въ другія („Von der Wertdefinition zum Motivationsgesetze" въ Archiv für systematische Philosophie. Bd II 1896, стр 104 и 106). Поэтому въ своей послѣдней работѣ *Ehrenfels* даетъ слѣдующее двойное опредѣленіе цѣнности: „Цѣнность есть отношеніе между объектомъ и субъектомъ, обозначающее, что субъектъ или дѣйствительно желаетъ объекта или желалъ бы его, если бы не былъ убѣжденъ въ его наличности—или, что ясное, живое и полное представленіе о наличности соотвѣтствующаго объекта вызываетъ у субъекта состояніе, расположенное на чувственной скалѣ неудовольствія-удовольствія выше, чѣмъ состояніе, вызываемое представленіемъ объ отсутствіи объекта. Величина цѣнности пропорціональна силѣ желанія, равно какъ разстоянію между обоими охарактеризованными выше чувственными состояніями" (System der Werttheorie. I, стр. 65). Этимъ двойнымъ опредѣленіемъ цѣнности *Ehrenfels* какъ-бы примиряетъ свою первоначальную точку зрѣнія съ точкой зрѣнія *Meinong*'а Примиряющаго взгляда держится также *H. Münsterberg* „Мы не видимъ, говоритъ онъ, существеннаго различія между опредѣленіемъ цѣнности, какъ желательности вещи, и опредѣленіемъ ея, какъ связи вещи съ чувствомъ удовольствія" (Philosophie der Werte Grundzüge einer Weltanschauung 1908, стр 25). И далѣе онъ приводитъ оговорки, которыя необходимо ввести и при первомъ, и при второмъ опредѣленіи Недавно *Anderson*, разбирая вопросъ о психологической природѣ цѣнности (Social value, стр. 93—114), высказался за то, что сущность цѣнности надо разсматривать не съ точки зрѣнія ея *структуры*, а съ точки зрѣнія *функціональной*. Съ этой послѣдней точки зрѣнія онъ опредѣляетъ цѣнность, какъ „количество мотиваціонной силы, власть надъ дѣйствіями человѣка, воплощенную въ объектѣ" (тамъ же, стр. 106). Такъ какъ мотиваціонной силой въ хозяйственной жизни являются потребности человѣка, то опредѣленіе *Anderson*'а только съ другой стороны подходитъ къ тому же волевому характеру цѣнности и связи ея съ потребностями. Въ русской литературѣ на волевой природѣ цѣнности настаиваетъ *Туганъ-Барановскій*, разсматривающій оцѣнку, „какъ одну изъ функцій именно воли" (Основы, стр. 38). Мы высказали въ текстѣ свой взглядъ на данный вопросъ. Здѣсь замѣтимъ только, что указываемое *Meinong*'омъ расхожденіе чувства и цѣнности представляется намъ скорѣе кажущимся. По крайней мѣрѣ

рублей. но, купивъ, почти тотчасъ охотно отдаютъ ее за 80 или 70 рублей, а то и дешевле. Въ такихъ случаяхъ въ зависимости отъ различной интенсивности потребностей различна и цѣнность: до пріобрѣтенія вещь цѣнится гораздо выше, нежели послѣ него. Но при современныхъ хозяйственныхъ условіяхъ, когда хозяйство ведется при далеко заведенномъ раздѣленіи труда, свое благо, отдаваемое при производствѣ или обмѣнѣ за новыя блага, весьма часто само по себѣ совершенно не нужно, потребность въ сохраненіи его ради него самого очень слаба и даже равна О (напримѣръ, потребность въ ситцѣ у владѣльца ситцевой фабрики, въ машинахъ у владѣльца машиностроительнаго завода и пр.). Въ виду этого при расцѣнкѣ хозяйственныхъ благъ весьма часто приходится принимать во вниманіе главнымъ образомъ интенсивность потребности въ пріобрѣтеніи благъ. Кромѣ того отмѣченное выше различіе между интенсивностью потребности въ пріобрѣтеніи и сохраненіи блага становится тѣмъ меньше, чѣмъ привычнѣе для человѣка данное благо. Для обычныхъ благъ, которыя человѣкъ часто имѣлъ, истрачивалъ, снова пріобрѣталъ, вновь истрачивалъ и т. д.— интенсивность обѣихъ потребностей должна быть почти одинакова. Это важно для насъ потому, что для объясненія явленій расцѣнки такихъ благъ—а они составляютъ большинство расцѣниваемыхъ хозяйственныхъ благъ—достаточно знать лишь одну скалу потребностей

въ томъ случаѣ, который приводитъ *Meinong*, мы не видимъ дѣйствительнаго расхожденія. Письму друга, говоритъ онъ, радуются больше, нежели самой дружбѣ хотя цѣнятъ послѣднюю выше письма. Здѣсь, думается намъ, на самомъ дѣлѣ имѣется не столько расхожденіе чувства и цѣнности, сколько различіе, какъ чувства, такъ и цѣнности въ разные моменты, при разномъ душевномъ состояніи. А именно, въ моментъ полученія письма, *отдавшись чувству*, связанному съ полученіемъ извѣстія отъ друга, не только радуются письму больше, чѣмъ самой дружбѣ, но и цѣнятъ его выше дружбы, если же *хорошо и спокойно вдумаются*, то не только цѣнятъ дружбу выше письма, но и связываютъ съ нею болѣе сильное и глубокое чувство. Точно также и въ примѣрѣ *Urban*'а, когда высоко цѣнятъ отсутствующаго друга, хотя вовсе не желаютъ въ этотъ моментъ его присутствія, мы не видимъ расхожденія желанія и цѣнности. Если, не смотря на то, что я вообще желаю присутствія своего друга, въ настоящій моментъ я этого присутствія по чему-либо, напримѣръ, изъ за того, чтобы не отрывать его отъ занятій, не желаю, то я и не цѣню его присутствія въ этотъ моментъ. Если же я въ то же время цѣню этого друга, то цѣню я не его присутствіе сейчасъ, а его расположеніе ко мнѣ, его существованіе вообще, хотя бы и вдали отъ меня, изъ за возможности совѣта, поддержки, утѣшенія. Но этого всего я въ то же время и желаю.

въ пріобрѣтеніи благъ, а не двѣ различныя—въ пріобрѣтеніи и сохраненіи ихъ [1]).

Итакъ, человѣкъ связываетъ съ извѣстными предметами удовлетвореніе своихъ потребностей, считаетъ его зависящимъ отъ наличности этихъ предметовъ. Вслѣдствіе этого важность потребностей переносится на предметы послѣдніе пріобрѣтаютъ для человѣка значеніе, становятся для него *цѣнными*. Такова психологическая природа субъективной цѣнности.

Являющаяся такой по своей психологической природѣ субъективная цѣнность разсматривается человѣкомъ, какъ свойство самой вещи. На самомъ же дѣлѣ она, какъ мы только что указали, есть лишь перенесеніе на вещь той потребности, которую человѣкъ испытываетъ въ этой вещи. Поэтому цѣнность въ весьма сильной степени зависитъ отъ характера потребностей оцѣнивающаго ее субъекта. Она можетъ быть даже въ извѣстной мѣрѣ оторванной отъ объективной природы предмета, признаваемаго цѣннымъ. Въ виду этого нельзя согласиться съ тѣми авторами, которые считаютъ, что цѣнность есть обоснованно и правильно приписываемое предмету значеніе, истинное значеніе предмета [2]). Фальшивая монета для принявшаго ее за настоящую имѣетъ ту же субъективную цѣнность, что и настоящая. Нельзя, однако, отрицать, что объективныя свойства вещей оказываютъ громадное вліяніе на признаніе за ними цѣнности. Даже фальшивая монета должна обладать извѣстными объективными свойствами (цвѣтъ, форма, рисунокъ), чтобы человѣкъ могъ обмануться и приписать ей цѣнность. Кромѣ

---

[1]) Этого вопроса вслѣдъ за *Meinong*'омъ касается въ русской литературѣ *Орженцкій*. Для него онъ отливается въ форму вопроса о томъ, что опредѣляетъ цѣнность блага, чувство удовольствія отъ обладанія благомъ или чувство страданія отъ отсутствія По мнѣнію *Орженцкаго* каждое изъ этихъ чувствъ стремится передать цѣнности свою величину. „Но такъ какъ цѣнность можетъ имѣть только одну величину, то между чувствами происходитъ конфликтъ Побѣждаетъ.. то, которое въ данный моментъ въ рѣшающей психикѣ наиболѣе интенсивно" (Ученіе объ экономическомъ явленіи, стр 253). Для насъ, какъ это видно изъ сказаннаго въ текстѣ, это вопросъ не о чувствахъ удовольствія и страданія, а о потребностяхъ въ пріобрѣтеніи и сохраненіи блага. Изъ сказаннаго нами ясно, когда каждая изъ этихъ двухъ потребностей опредѣляетъ величину цѣнности предмета, и когда весь этотъ вопросъ теряетъ свое значеніе.

[2]) Такого мнѣнія, какъ мы видѣли, держатся *Wieser* (Naturl. Wert, стр 13) и *Meinong* (Psychologisch-ethische Untersuchungen, стр. 25) См также *Otto Heyn* (Theorie des wirtschaftlichen Wertes I Der Begriff der Wertes 1899, стр 72)

того обычно, въ большинствѣ случаевъ человѣкъ цѣнитъ то, что ему дѣйствительно нужно для поддержанія и улучшенія жизни. Наконецъ, помимо природы самой вещи на цѣнность ея вліяютъ еще и другія внѣшнія объективныя условія, не лежащія въ самомъ оцѣнивающемъ субъектѣ; таковы, напримѣръ, условія производства вещи. Вотъ почему субъективная цѣнность, оставаясь субъективнымъ явленіемъ, слагается тѣмъ не менѣе подъ вліяніемъ не однихъ субъективныхъ моментовъ, но также подъ вліяніемъ моментовъ объективныхъ. Это очень важное обстоятельство, игнорированіе его влекло за собою много ошибокъ при объясненіи расцѣнки хозяйственныхъ благъ. Полностью оцѣнить значеніе этого обстоятельства намъ придется лишь въ дальнѣйшемъ. Здѣсь отмѣтимъ, что эта двойственность цѣнности вытекаетъ изъ самой природы ея.

§ 23. Виды субъективной цѣнности.

Предметъ можетъ обладать субъективной цѣностью или самъ по себѣ, какъ *цѣль*, или какъ *средство* для полученія другихъ цѣнностей. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ цѣнность *основную*, во второмъ—*производную* [1]).

Весьма многіе авторы считаютъ, что хозяйственныя цѣнности всегда производны [2]). Несомнѣнно, что въ массѣ случаевъ хозяй-

---

[1]) Различіе между основными и производными цѣнностями не совпадаетъ съ дѣленіемъ цѣнностей на *абсолютныя* и *условныя*. Поскольку мы разсматриваемъ цѣнность, какъ значеніе вещи, вытекающее изъ потребностей лица, постолько *всякая* цѣнность условна. Она обусловлена человѣческими потребностями. Измѣнятся потребности людей—и условныя цѣнности измѣнятся. См. *Munsterberg* (Philosophie der Werte, стр. 21—38). Существуютъ ли наряду съ условными цѣнностями цѣнности безусловныя, абсолютныя, и какія цѣнности могутъ быть отнесены къ этой категоріи—этого мы не станемъ разбирать. *Munsterberg* относитъ къ нимъ „истину, красоту, нравственность, прогрессъ, право и религію“ (указ. соч, стр. 37). Всѣ хозяйственныя цѣнности онъ считаетъ условными (стр. 24—5); но саму хозяйственную дѣятельность, само хозяйство и его развитіе онъ признаетъ абсолютными цѣнностями (стр 350—67)

[2]) Такъ, *Wieser* говоритъ, что хозяйственная цѣнность, какъ „любовь къ вещамъ“, въ отличіе отъ различныхъ чувствъ и влеченій, „при которыхъ въ сознаніи отсутствуютъ всякіе посторонніе мотивы“, возникаетъ „изъ интереса къ цѣлямъ, лежащимъ внѣ благъ“. Поэтому даже интересъ къ вещамъ, какъ таковымъ, не есть хозяйственная цѣнность. Напримѣръ, любовь къ природѣ поэта или натуралиста отлична отъ интереса къ ней хозяина (Natürl. Wert, стр. 35—6). Такого же мнѣнія держится *Bohm-Bawerk*, дѣля цѣнности на Eigenwert и Wirkungswert

ственныя цѣнности не являются самоцѣлью, а лишь средствомъ для достиженія другихъ цѣнностей. Но, какъ хозяйственное благо не всегда является производнымъ благомъ, такъ и хозяйственная цѣнность не всегда производна. Многія хозяйственныя блага цѣнны для насъ сами по себѣ, независимо отъ всякихъ другихъ цѣлей. Извѣстное жилье, одежда, предметы питанія представляютъ для людей нерѣдко цѣнность сами по себѣ, люди цѣнятъ ихъ безъ всякой мысли о какихъ-либо другихъ цѣляхъ. Съ другой стороны, многія нехозяйственныя цѣнности являются производными. Такова, напримѣръ, цѣнность какой-либо подготовительной научной или художественной работы. А если такъ, то производный характеръ нельзя считать отличительнымъ признакомъ хозяйственной цѣнности. Этотъ признакъ надо искать въ другомъ.

Субъективныя цѣнности дѣлятся на нематеріальныя и матеріальныя. Цѣнность нематеріальная — это значеніе предмета для нематеріальнаго благополучія субъекта, для удовлетворенія его потребностей въ нематеріальныхъ предметахъ. Цѣнность матеріальная — это значеніе предмета для матеріальнаго благополучія субъекта, для удовлетворенія его потребностей въ матеріальныхъ предметахъ. Послѣдняя въ свою очередь можно быть раздѣлена на внутреннюю и внѣшнюю. Внутреннюю матеріальную цѣнность представляетъ, напримѣръ, цѣнность здоровья. Внѣшняя матеріальная цѣнность—это *значеніе предмета для внѣшняго матеріальнаго благополучія лица.* Вотъ эта внѣшняя матеріальная цѣнность и можетъ быть признана *хозяйственной* субъективной цѣнностью [1])

и относя хозяйственную цѣнность къ послѣднимъ („Wert“ въ HwB d Stw. VIII. Bd., стр 756) *Kreibig* видитъ психологическое различіе между этими двумя видами цѣнности въ томъ, что при первой чувство удовольствія связано съ предметомъ непосредственно, а при второй—ассоціативно (Psychologische Grundlegung, стр. 12). *Туганъ-Барановскій*, исходя изъ изложенной нами выше при опредѣленіи хозяйственнаго блага точки зрѣнія (см стр 197), говоритъ: „Хозяйство имѣетъ дѣло лишь съ производными цѣнностями, ибо хозяйство не самоцѣль, а средство Продукты хозяйства цѣнны не сами по себѣ, а потому, что при ихъ помощи мы обезпечиваемъ себѣ полученіе какихъ-либо основныхъ цѣнностей“ (Основы, стр. 38—9).

[1]) *С. Франкъ* видитъ отличительную черту хозяйственной цѣнности предметовъ въ другомъ. Она, по его словамъ, связана съ желаніемъ подчинить ихъ своему господству, обладать ими“ (Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе. Критическій этюдъ. 1900, стр. 197). А это, говоритъ онъ, въ свою очередь связано со слѣ-

Выше мы видѣли, что блага бываютъ чисто нехозяйственныя, чисто-хозяйственныя и смѣшаннаго характера. Это различіе благъ отражается и на ихъ цѣнности. Блага чисто-нехозяйственныя не имѣютъ прямого значенія для матеріальнаго благополучія людей, ихъ *прямая* субъективная цѣнность можетъ быть только нехозяйственной. Такъ, напримѣръ, какая-либо художественная идея имѣетъ одну эстетическую прямую цѣнность. Наоборотъ, чисто-хозяйственныя блага лишены прямой нехозяйственной цѣнности. Они или вовсе не имѣютъ прямой цѣнности, или обладаютъ только хозяйственной прямою цѣнностью. Такъ, желѣзо не въ дѣлѣ не имѣетъ вовсе прямой цѣнности, а, напримѣръ, хлѣбъ имѣетъ лишь прямую хозяйственную цѣнность—значеніе для лица, какъ средства удовлетворенія его потребности въ пищѣ Что же касается благъ смѣшаннаго характера, то, въ виду наличности въ нихъ нематеріальнаго и матеріальнаго элементовъ, и цѣниться въ нихъ можетъ не одно матеріальное вещество, но и другія, нематеріальныя стороны ихъ. Такія блага могутъ обладать одновременно и нехозяйственной и хозяйственной прямою цѣнностью. Такъ, напримѣръ, дача въ красивой мѣстности имѣетъ и нехозяйственную цѣнность—значеніе для нашихъ эстетическихъ переживаній, и хозяйственную — значеніе для нашего матеріальнаго благополучія. Точно также извѣстный участокъ земли можемъ цѣниться нами, какъ сельско-хозяйственное уго-

---

дующею особенностью хозяйственной цѣнности: „Когда черезъ воздѣйствіе на насъ даннаго предмета можетъ быть удовлетворена только опредѣленная величина потребности, такъ что одно удовлетвореніе потребности исключаетъ или уменьшаетъ слѣдующее, то явленіе пріобрѣтаетъ для насъ цѣнность особаго оттѣнка, которую мы называемъ субъективной *хозяйственной цѣнностью* (тамъ же, стр 198). Поэтому нравственная цѣнность поступка или чувства и интеллектуальная цѣнность мысли не есть хозяйственная цѣнность, потому что она „не уменьшается оттого, что не одинъ, а много людей наслаждаются ими“ (тамъ же, стр. 199). По поводу этого критерія надо сказать, что онъ, дѣйствительно, часто является цѣлесообразнымъ. Но это объясняется, на нашъ взглядъ, совпаденіемъ его въ общемъ со внѣшнимъ матеріальнымъ характеромъ предметовъ, обладающихъ указаннымъ свойствомъ, и ограниченностью запаса этихъ предметовъ Отмѣченный *Франкомъ* признакъ, однако, не всегда является принадлежностью одной хозяйственной цѣнности. Такъ, напримѣръ, эстетическая цѣнность мотива исчезаетъ, когда его повторяютъ всѣ, интеллектуальная цѣнность мысли исчезаетъ, если ее высказали уже многіе, цѣнность любви женщины исчезаетъ, если она любитъ многихъ. Признакъ *Франка* во всѣхъ этихъ случаяхъ на лицо И все же, всѣ эти цѣнности не являются хозяйственными. Мы, поэтому, принимаемъ за отличительный признакъ хозяйственной цѣнности просто ея внѣшній матріальный характеръ.

діе, и тогда онъ имѣетъ хозяйственную цѣнность, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ можетъ цѣниться, какъ родовое гнѣздо, какъ цензъ для участія въ политическихъ выборахъ, и тогда онъ имѣетъ нехозяйственную цѣнность [1]).

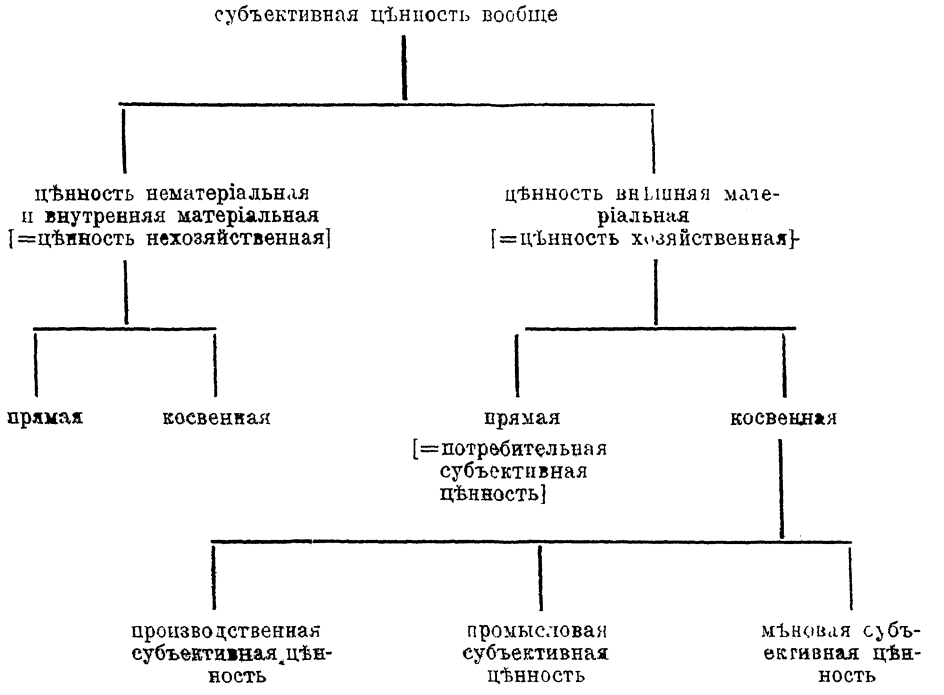
Но блага обладаютъ не одною прямою субъективной цѣнностью. Они могутъ имѣть и *косвенную* цѣнность. Различіе этихъ двухъ видовъ цѣнности лежитъ въ томъ способѣ, какимъ блага служатъ удовлетворенію нашихъ потребностей. Если благо удовлетворяетъ послѣднія непосредственно, мы говоримъ о прямой цѣнности этихъ благъ; если же при помощи блага лишь косвеннымъ путемъ достигается удовлетвореніе потребностей, тогда блага имѣютъ косвенное значеніе для нашего благополучія, и мы говоримъ объ ихъ косвенной цѣнности. Косвенная субъективная цѣнность также можетъ быть нехозяйственной и хозяйственной. Что касается хозяйственной цѣнности, то прямою здѣсь является цѣнность потребительная, т. е. значеніе блага для лица, какъ средства непосредственнаго удовлетворенія потребности въ томъ или иномъ внѣшнемъ матеріальномъ предметѣ. Такова цѣнность пищи, платья. Косвенная субъективная хозяйственная цѣнность бываетъ нѣсколькихъ видовъ: 1) производственная субъективная цѣнность, т. е. значеніе блага для лица, какъ средства производства другихъ хозяйственныхъ благъ; такова, напримѣръ, цѣнность машины, фабричнаго зданія; 2) промысловая субъективная цѣнность, т. е. значеніе блага для лица, какъ средства полученія извѣстнаго дохода, такова субъективная цѣнность сдаваемаго въ аренду земельнаго участка, отдаваемаго въ ссуду капитала, сдаваемаго въ наймы жилого дома; наконецъ, 3) мѣновая субъективная цѣнность, т. е. значеніе блага для лица, какъ средства пріобрѣтенія путемъ обмѣна другихъ хозяйственныхъ благъ; такова, напримѣръ, цѣнность товара для фабриканта или торговца [2]).

---

[1]) Такую нехозяйственную цѣнность представляетъ и цѣнность природы для поэта или натуралиста, о которой говоритъ *Wieser* (см. выше). Нехозяйственный характеръ ея лежитъ, однако, не въ томъ, что интересъ поэта и натуралиста направленъ на природу, какъ таковую а въ томъ, что онъ направленъ не на само *матеріальное вещество* природы. У поэта онъ направленъ на ту гармонію, которая проявляется въ формахъ вещества, у натуралиста на ту закономѣрность, которая проявляется въ природѣ.

[2]) *Menger* формулируетъ различіе между потребительною и мѣновою субъективною цѣнностью. какъ различіе между непосредственнымъ и косвеннымъ обез-

Все, сказанное о разныхъ видахъ субъективной цѣнности, и мѣсто, занимаемое въ ряду ихъ хозяйственной цѣнностью, можно иллюстрировать слѣдующей схемой.



При этомъ субъективныя цѣнности потребительная и производственная, согласно терминологіи *A. Wagner*'а, могутъ быть названы

печеніемъ удовлетворенія нашихъ потребностей (Grundsätze, стр. 216) *Wieser* называетъ субъективную мѣновую цѣнность „тою цѣнностью, которая приписывается благамъ въ силу имѣющагося въ виду мѣнового акта“ (Natürl. Wert, стр. 48). *Böhm-Bawerk* разсматриваетъ ее, какъ то значеніе, которое имѣетъ благо „благодаря своей способности обмѣниваться на другія блага“ („Grundzüge“ въ Jahrb f. Nök u. St. XIII. 1886, стр. 53) *Pierson* говоритъ, что обмѣнъ измѣняетъ нашу расцѣнку вещей: „цѣнность представляетъ *прямое* значеніе вещи для насъ; благодаря обмѣну вещи имѣютъ для насъ также *непрямое* значеніе“ (Principles стр. 70). „Въ обществѣ, гдѣ нѣтъ обмѣна, вещи оцѣниваются по прямому значенію ихъ для насъ.. или согласно ихъ предѣльной полезности. Въ обществѣ, устроенномъ подобно нынѣшнему, вещи часто оцѣниваются по ихъ *цѣнности въ обмѣнѣ*, т. е. по ихъ важности, какъ предметовъ торговли (указ. соч., стр. 71—2). Подробный анализъ субъективныхъ расцѣнокъ покупаемыхъ и продаваемыхъ благъ см у *Zuckerkandl*'я (Zur Theorie des Preises, стр. 315—51).

понятіями *чисто-экономическими*, приложимыми ко всякому правовому и хозяйственному строю, субъективныя же цѣнности промысловая и мѣновая—*историко-правовыми*, связанными, по крайней мѣрѣ цѣлымъ рядомъ своихъ сторонъ, съ основными чертами современнаго правового и экономическаго строя (мѣновое хозяйство, построенное на институтѣ частной собственности)[1]).

Различіе между чисто-нехозяйственными и чисто-хозяйственными благами вполнѣ ясное, пока дѣло идетъ о прямой цѣнности, значительно стирается, если перейти въ область косвенныхъ цѣнностей. Отсюда проистекаетъ много неясностей, какъ въ пониманіи природы хозяйственныхъ благъ, такъ и въ пониманіи самой субъективной цѣнности.

Косвенная субъективная цѣнность можетъ совпадать по своему характеру съ прямою. Она можетъ быть нехозяйственной у нехозяйственныхъ благъ и хозяйственной у хозяйственныхъ. Такъ, художественная идея можетъ цѣниться прямо, какъ источникъ эстетическаго наслажденія, но помимо этого она можетъ цѣниться косвенно, какъ условіе высшаго культурнаго развитія и облагораживанія даннаго лица Точно также хлѣбъ можетъ помимо непосредственной цѣнности, какъ средства питанія, имѣть для лица и косвенную цѣнность. какъ средство полученія въ обмѣнъ за него другихъ хозяйственныхъ благъ. Но косвенная цѣнность можетъ и не совпадать по своему характеру съ прямою. Она можетъ быть хозяйственною у нехозяйственныхъ благъ и нехозяйственною у хозяйственныхъ. Это обстоятельство и является осложняющимъ условіемъ. Такъ, напримѣръ, художественная идея можетъ быть сообщена кому-либо за извѣстную сумму хозяйственныхъ благъ и съ этой точки зрѣнія пріобрѣтаетъ косвенно хозяйственную цѣнность. Точно также хлѣбъ можетъ быть обмѣненъ на какія-либо нехозяйственныя блага и такимъ образомъ пріобрѣтаетъ нехозяйственную цѣнность. Блага смѣшаннаго характера также могутъ имѣть обѣ косвенныя цѣнности—нехозяйственную и хозяйственную. Напримѣръ, упомянутая выше дача въ живописной мѣстности, обладая двумя прямыми цѣнностями, можетъ въ то же время имѣть и двѣ косвенныя цѣнности: нехозяйственную—какъ мѣсто, способствующее, напримѣръ,

---

[1]) *Туганъ-Барановскій*, слѣдуя *Rodbertus*'у, называетъ эти два вида понятій логическими и историческими понятіями или категоріями (Основы, стр. 36—7)

художественному творчеству, и хозяйственную—какъ средство извлеченія дохода. Ради большей ясности приводимъ слѣдующую схему для четырехъ видовъ благъ, взявъ по одному примѣру для каждаго вида.

Виды субъективной цѣнности \ Виды благъ			Чисто нехозяйственное благо	Благо смѣшаннаго характера	Чисто-хозяйственныя блага	
					Потребит. благо	Производит. благо
			Художественная идея	Дача въ красивой мѣстности	Хлѣбъ	Желѣзо не въ дѣлѣ
Нехозяйственная цѣнность	Косвенная		значеніе для лица, какъ средства культурнаго развитія	значеніе для лица, какъ мѣста, способствующаго художественному творчеству	значеніе для лица, какъ средства полученія за него нехозяйственныхъ благъ	
	Прямая		значеніе для лица, какъ средства полученія эстетическаго наслажденія	значеніе для лица, какъ средства полученія эстетическаго наслажденія	нѣтъ	нѣтъ
Хозяйственная цѣнность	Прямая (потребительная)		нѣтъ	значеніе для лица, какъ средства удовлетворенія потребности въ жилищѣ	значеніе для лица, какъ средства удовлетворенія потребности въ пищѣ	нѣтъ
	Косвенная	Производственная	нѣтъ	нѣтъ	нѣтъ	значеніе для лица, какъ средства производства желѣзныхъ издѣлій
		Промысловая и мѣновая	значеніе для лица, какъ средства полученія хозяйственныхъ благъ	значеніе для лица, какъ средства извлеченія дохода	значеніе для лица, какъ средства полученія другихъ хозяйственныхъ благъ	

Таково соотношеніе разныхъ видовъ субъективной цѣнности для разныхъ видовъ благъ. Характерной особенностью чисто-нехозяйственныхъ благъ является отсутствіе у нихъ, какъ прямой—потребительной, такъ и косвенной—производственной хозяйственной цѣнности. Правда, отдаленнымъ путемъ и чисто-нехозяйственныя блага могутъ оказывать вліяніе на производство. Такъ, научныя завоеванія, повышеніе народнаго образованія и даже развитіе искусства, какъ извѣстно, отражаются на производствѣ хозяйственныхъ благъ. Въ этомъ смыслѣ и чисто-нехозяйственныя блага обладаютъ извѣстной производственной цѣнностью. Но это цѣнность очень отдаленная. Болѣе же или менѣе непосредственно эти блага могутъ обладать только промысловой или мѣновой хозяйственной цѣнностью. Столь же характерно для чисто-хозяйственныхъ благъ отсутствіе прямой нехозяйственной цѣнности. Наоборотъ, блага смѣшаннаго характера имѣютъ оба вида прямой цѣнности, и это типично для такихъ промежуточныхъ по своей природѣ благъ.

Несмотря на все различіе нехозяйственной и хозяйственной, прямой и косвенной цѣнности, всѣ эти виды субъективной цѣнности выступаютъ одинаково въ тотъ моментъ, когда человѣкъ рѣшается на жертвы ради пріобрѣтенія или же сохраненія тѣхъ или иныхъ благъ. Эта общность всѣхъ видовъ цѣнности ясно сказывается при установленіи рыночной расцѣнки благъ и совершеніи мѣновыхъ сдѣлокъ. Здѣсь изъ всѣхъ видовъ цѣнности образуется у каждаго лица для каждаго блага какъ бы общая субъективная цѣнность, величина которой опредѣляетъ величину тѣхъ жертвъ, на которыя готово идти лицо ради этого блага, причемъ особенной опредѣленности эта величина достигаетъ тогда, если жертвы выражаются въ однородныхъ внѣшнихъ матеріальныхъ предметахъ. При этомъ, если изъ нѣсколькихъ видовъ цѣнности одни не исключаютъ для одного и того же лица другихъ, то указанная общая субъективная цѣнность представляетъ собою соединеніе всѣхъ цѣнностей. Такъ, цѣнность дачи въ красивой мѣстности для лица, желающаго купить ее ради личнаго пользованія, представляетъ соединеніе прямой нехозяйственной и прямой хозяйственной цѣнности. Если покупатель художникъ, то для него къ этимъ двумъ видамъ цѣнности присоединяется еще отмѣченная выше косвенная нехозяйственная цѣнность. Если же изъ нѣсколькихъ видовъ цѣнности одни исключаютъ другіе, то бо́льшая цѣнность вытѣсняетъ меньшія, она является рѣшающей при расцѣнкѣ, величина ея опредѣляетъ величину тѣхъ жертвъ, на которыя согласно пойти

лицо ради блага, сравненіе этой величины съ величинами цѣнности другихъ благъ опредѣляетъ тотъ выборъ, подъ вліяніемъ котораго слагаются явленія обмѣна. Такъ, одинъ и тотъ же хлѣбъ не можетъ быть одновременно съѣденъ и проданъ однимъ и тѣмъ же лицомъ, поэтому лицу приходится выбирать между потребительной и мѣновой цѣнностью хлѣба, и рѣшающей при образованіи общей субъективной цѣнности является бо́льшая изъ нихъ. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ прямо отправляться отъ общей субъективной цѣнности, не разбираясь въ тѣхъ составныхъ частяхъ, изъ которыхъ она слагается. Но при этомъ надо замѣтить, что косвенная хозяйственная цѣнность, и раньше всего субъективная мѣновая цѣнность, не является самостоятельной цѣнностью. Источникъ ея коренится въ прямой хозяйственной, т. е. потребительной цѣнности, и нѣкоторыхъ объективныхъ условіяхъ хозяйственной жизни. Вотъ почему во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ субъективной цѣнностью, мы отправляемся отъ прямой субъективной цѣнности, непосредственно вытекающей изъ скалъ потребностей въ предметахъ личнаго потребленія.

§ 24. Полезность и субъективная цѣнность.

Изъ § 20 мы знаемъ, что внѣшнія матеріальныя блага дѣлятся на свободныя и хозяйственныя. Намъ остается выяснить отношеніе субъективной цѣнности къ этимъ двумъ категоріямъ благъ, чтобы этимъ путемъ пополнить анализъ существа субъективной цѣнности.

Субъективная цѣнность—это значеніе блага для удовлетворенія потребностей даннаго лица. Такое значеніе благо имѣетъ только тогда, если безъ этого блага данная потребность не будетъ удовлетворена, т. е. тогда, если удовлетвореніе потребности зависитъ отъ обладанія благомъ. Эта *зависимость* и является необходимымъ условіемъ для возникновенія цѣнности. Поэтому субъективную цѣнность правильно опредѣлить въ концѣ концовъ, какъ *значеніе*, которое имѣетъ данное благо для того или иного лица вслѣдствіе того, что отъ обладанія имъ *зависитъ* благополучіе этого лица, т. е. удовлетвореніе его потребностей. Хозяйственная же цѣнность тогда будетъ значеніемъ, которое благо имѣетъ вслѣдствіе того, что отъ обладанія имъ зависитъ внѣшнее матеріальное благополучіе лица, т. е. удовлетвореніе его потребностей во внѣшнихъ матеріальныхъ вещахъ,

силахъ и дѣйствіяхъ.[1]) А, слѣдовательно, и цѣнитъ человѣкъ блага соотвѣтственно интенсивности тѣхъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ зависитъ отъ обладанія этими благами[2]).

---

[1]) Хозяйственную цѣнность, какъ значеніе блага для даннаго лица, опредѣляетъ уже въ 1861 году *A. Schaffle* (Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirtschaft. 3 Aufl. 1873. I. Bd., стр. 162—3) Но у него цѣнность, въ видѣ потребительной цѣнности, еще сливается съ полезностью, представляя: „оцѣнку блага, какъ средства для полученія maximum'а удовлетворенія“ (тамъ же, стр. 162). Кромѣ того другой видъ хозяйственной цѣнности онъ опредѣляетъ, какъ балансъ между полезностью и издержками (тамъ же, стр. 163). Какъ значеніе предмета для извѣстнаго лица, опредѣляетъ хозяйственную цѣнность также *H. v. Mangoldt.* Онъ считаетъ ее „способностью предмета внѣшняго міра отвѣчать какой-либо изъ потребностей человѣка“ (Grundriss der Volkswirtschaftslehre. 2., nach dem Tode des Verfassers umgearbeitete Auflage. Bearbeitet von *F. Kleinwächter.* 1871, стр. 2) Слѣдовательно, онъ также еще не отличаетъ цѣнности отъ полезности (см. *Bohm-Bawerk.* „Grundzüge“ въ Jahrb. f. Nök. u. St XIII. 1886, стр. 11—2). *Roscher* опредѣляетъ хозяйственную цѣнность блага, какъ „то значеніе, которое оно имѣетъ для сознаваемыхъ хозяйствующимъ человѣкомъ цѣлей“ (System der Volkswirtschaft. I, стр. 9). Это уже въ нераскрытой формѣ то опредѣленіе, которое приведено нами въ текстѣ. Раскрытіе его выполнено основателемъ австрійской школы, *Menger*'омъ. Вотъ его классическое опредѣленіе субъективной цѣнности: „Цѣнность есть значеніе, которое пріобрѣтаютъ для насъ конкретныя блага или количества благъ вслѣдствіе того, что мы сознаемъ зависимость удовлетворенія своихъ потребностей отъ распоряженія этими благами“ (Grundsätze, стр. 78) При этомъ *Menger* подчеркиваетъ, что цѣнность не есть само удовлетвореніе потребностей, доставляемое благомъ, а *зависимость* этого удовлетворенія отъ блага Эта мысль повторена вслѣдъ за *Menger*'омъ *Wieser*'омъ. „Люди, пишетъ онъ, относятся къ благамъ, какъ эгоисты, которые цѣнятъ друга только въ нуждѣ, когда они нуждаются въ немъ. Поэтому въ ихъ глазахъ цѣнность пріобрѣтаютъ только хозяйственныя блага, отъ владѣнія которыми они, дѣйствительно, чувствуютъ зависящимъ удовлетвореніе своихъ потребностей („Grenznutzen“ въ Hwb. d. Stw. 3. Aufl. V. Bd. стр. 57). Опредѣленіе *Menger*'а воспринято и *Böhm-Bawerk*'омъ съ замѣной словъ „удовлетвореніе своихъ потребностей“ словами „свое благополучіе“ („Wert“ въ Hwb. d. Stw. 3. Aufl. VIII. Bd стр. 756—67; ср. „Grundzüge“, стр. 4. и Positive Theorie des Kapitales. 3 Aufl., стр. 213, 223). Ср. также *Philippovich* (Grundriss. I, стр. 214).

[2]) Мы связываемъ величину субъективной цѣнности только съ интенсивностью потребностей. По *Bentham*'у же, какъ мы уже знаемъ изъ главы I (см. стр. 52), на величину цѣнности вліяютъ слѣдующія качества удовольствія: 1) интенсивность его (intense), 2) продолжительность (long), 3) величина вѣроятности его наступленія (certain), 4) отдаленность наступленія его во времени (speedy), 5) распространеніе его на большее или меньшее число людей (extend), 6) плодовитость т. е. способность порождать новыя удовольствія (fruitful) и 7) чистота, т. е. отсутствіе примѣси непріятныхъ сторонъ и непріятныхъ послѣдствій (pure). См. *O. Kraus* (Zur Theorie des Wertes Eine Bentham-Studie, стр. 23—4). Всѣ эти свойства удовольствій, однако, лишь обусловливаютъ интенсивность той или иной.

Изъ приведеннаго опредѣленія субъективной цѣнности ясно различіе между цѣнностью и полезностью. Полезность можетъ быть налицо, т. е. въ предметѣ можетъ ощущаться потребность, наличность этой потребности можетъ разсматриваться, какъ свойство предмета, предметъ можетъ доставлять удовлетвореніе этой потребности. Но отъ предмета можетъ *не зависѣть* это удовлетвореніе, т. е. потеря предмета можетъ и не вызывать отсутствія удовлетворенія. Въ такомъ случаѣ, несмотря на наличность полезности, предметъ не обладаетъ цѣнностью. Такимъ образомъ, предметъ можетъ быть благомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не обладать цѣнностью. Это бываетъ тогда, если запасъ блага настолько великъ, что потерянная единица можетъ быть безпрепятственно замѣнена другою. Для возникновенія цѣнности къ полезности блага должна присоединиться ограниченность запаса, относительная рѣдкость блага [1]). Вотъ почему свободныя блага цѣнностью

потребности въ доставляющихъ удовольствія предметахъ. Поэтому всѣ эти свойства уже входятъ въ интенсивность потребности человѣка въ данномъ предметѣ, и говорить о нихъ отдѣльно нѣтъ нужды. Это, впрочемъ, не устраняетъ возможности дальнѣйшаго анализа и учета вліянія на расцѣнку благъ различныхъ свойствъ потребностей въ благахъ, напримѣръ, такихъ свойствъ, какъ вѣроятность полученія удовлетворенія потребности (учетъ риска!) или отдаленность наступленія его во времени (настоящія и будущія блага!).

[1]) Ср. *Böhm-Bawerk* („Grundzüge“ въ Jahrb. f. Nök. u. St. XIII. 1886, стр. 10—4; „Wert“ въ Hwb. d. Stw. 3. Aufl. VIII. Bd., стр. 766—7). *Wieser* пишетъ: „Идея цѣнности распространяется на блага только тогда, если послѣднія не могутъ быть доставлены въ количествѣ, удовлетворяющемъ весь возможный спросъ. Идея о значеніи собственности зарождается только при недостаткѣ“ (The theory of value. A reply to professor Macvane“ въ The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. II, 1892. March, стр. 615) *Georg Simmel* по тому же поводу говоритъ, что хозяйственная цѣнность внѣшнихъ предметовъ представляетъ собою объективированіе субъективной цѣнности путемъ „дистанцированія“ (Distanzierung), т. е. созданія разстоянія между предметомъ и пользующимся имъ субъектомъ (Philosophie des Geldes. 1900. стр. 20). А такое „дистанцированіе“ создается „рѣдкостью объекта, трудностью пріобрѣтенія его, необходимостью отказаться отъ него“ (тамъ же, стр. 25). Безъ этого цѣнность не объективируется, и мы не считаемъ объекты цѣнными. „Тривіальное наблюденіе, пишетъ онъ, что мы цѣнимъ правильно то, чѣмъ владѣемъ, лишь тогда, когда потеряли его, является только принявшимъ форму развитыхъ отношеній продолженіемъ общаго мотива расцѣнки, гласящаго: для того, чтобы предметъ самъ по себѣ пріобрѣлъ для насъ значеніе, представленіе ощущенія должно раньше путемъ трудностей и отказовъ быть отдѣлено отъ наивной связи съ предметомъ“ (тамъ же, стр. 25—6). Напротивъ, *A. Schor* не согласенъ съ введеніемъ двухъ условій: полезности и рѣдкости. „Когда, замѣчаетъ онъ, теорія предѣльнойполезности говорила о двухъ факторахъ, полезности и рѣдкости, то она, собствен-

не обладаютъ. Ея лишены даже тѣ количества этихъ благъ, которыя полезны для насъ, т. е. нужны для удовлетворенія потребностей.[1]) Цѣнностью, такимъ образомъ, обладаютъ только *хозяйственныя* блага, хотя полезными являются и блага свободныя. Въ этомъ сказывается первое и самое серьезное расхожденіе полезности и субъективной цѣнности.

§ 25. Субъективная цѣнность и предѣльная полезность.

Расхожденіе полезности блага и его субъективной цѣнности проявляется не только въ возможности полнаго отсутствія второй при наличности первой, какъ это мы видѣли для свободныхъ благъ. Оно сказывается также при наличности той и другой въ несовпаденіи величины цѣнности съ величиной полезности.

Въ самомъ дѣлѣ. Величина субъективной цѣнности, какъ мы уже знаемъ, равна интенсивности той потребности, удовлетвореніе которой зависитъ отъ обладанія даннымъ благомъ. Поэтому субъективная цѣнность блага, имѣющагося всего въ одномъ экземплярѣ,

---

но говоря, думала только объ одномъ факторѣ, а именно о количествѣ полезности. Полезность безъ количества есть только абстрактное понятіе, а не какая-либо реальность" („Kritik der Grenznutzentheorie" въ Jahrb. f Nök. u St III. F. XXIII. Bd. 1902, стр. 243). Полезность безъ количества, дѣйствительно, очень неопредѣленная абстракція. Но это не дѣлаетъ правильнымъ замѣчаніе *Schor*'а Такъ, напримѣръ высокая полезность для меня первой вдыхаемой частицы воздуха вполнѣ реальная и опредѣленная величина, и величина этой полезности не зависитъ отъ того, много или мало у меня другихъ частицъ воздуха. Цѣнность же этой первой частицы зависитъ отъ обилія или недостатка воздуха. Такимъ образомъ, одной величины полезности данной единицы блага все-таки недостаточно для опредѣленія его цѣнности.

[1]) Поэтому нельзя согласиться съ *Heinrich*'омъ *Cohn*'омъ, который говоритъ, что благо лишь постолько „благо", посколько оно обладаетъ цѣнностью, и что раньше устанавливается цѣнность предмета, а потомъ его признаютъ благомъ (Die subjektive Natur des Wertes. 1899, стр. 12—3) Нельзя признать правильнымъ и аналогичное замѣчаніе *Богрова* Онъ дѣлитъ свободныя блага на двѣ части: 1) ту которая намъ не нужна—она не является и благомъ, и 2) ту, которая нужна для потребленія—она является благомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ и цѣнностью, хотя объективной мѣновой цѣнности она не имѣетъ (Критико-историческій очеркъ, стр. 131) Въ виду этого, по мнѣнію *Богрова*, всякое благо уже тѣмъ самымъ обладаетъ субъективною цѣнностью (тамъ же, стр. 134). Это не вѣрно. Тѣ частицы воздуха которыя нужны мнѣ для дыханія, являются для меня благомъ, но цѣнностью не обладаютъ, потому что я всегда могу замѣнить ихъ другими частицами и, слѣдовательно, мое благополучіе отъ нихъ *не зависитъ*

равна его полезности, такъ какъ его полезность какъ разъ показываетъ, удовлетвореніе какой потребности зависитъ отъ обладанія этимъ благомъ. При этомъ, если благо способно удовлетворять различныя потребности, но альтернативно, то человѣкъ, имѣя всего одинъ экземпляръ блага, затрачиваетъ его на удовлетвореніе самой интенсивной потребности. А потому субъективная цѣнность такого блага равна самой большей возможной полезности его. Но возьмемъ случай, когда: 1) имѣется нѣсколько единицъ блага, 2) единицы эти тождественны и потому могутъ свободно замѣнять другъ друга; примемъ при этомъ во вниманіе, что 3) человѣкъ руководится хозяйственнымъ разсчетомъ, т. е. стремится тратить каждую единицу блага на удовлетвореніе наиболѣе настоятельной потребности [1]). При такихъ условіяхъ отъ *любой* единицы блага зависитъ удовлетвореніе одной и той же потребности, а именно той наименѣе интенсивной потребности, отъ удовлетворенія которой придется отказаться при потерѣ одной единицы блага. Ибо при потерѣ любой единицы человѣкъ такъ распредѣлитъ свое потребленіе, чтобы неудовлетворенной осталась по возможности наименѣе важная потребность. Таковой будетъ потребность, удовлетворяемая послѣдней единицей блага. При этомъ въ виду дѣйствія перваго закона *Gossen'*а обычно это будетъ *наименѣе* интенсивная потребность изъ удовлетворяемыхъ разными единицами даннаго блага. Но въ томъ случаѣ, когда интенсивность потребности въ каждой слѣдующей единицѣ больше, нежели въ предыдущей, опредѣлять цѣнность будетъ *наиболѣе* интенсивная потребность. Это объясняется тѣмъ, что въ этомъ случаѣ при потерѣ любой единицы блага сократится на 1 единицу запасъ его, и при самомъ строгомъ соблюденіи хозяйственнаго принципа придется отказаться отъ выгоды, доставляемой послѣднею, наиболѣе важною единицею блага.

Такимъ образомъ, при нѣсколькихъ единицахъ блага полезность разныхъ единицъ разная въ зависимости отъ различія ощущаемыхъ въ нихъ и удовлетворяемыхъ ими потребностей. Субъективная же цѣнность каждой единицы, взятой порознь при данномъ запасѣ блага, одинакова и равна полезности послѣдней единицы блага. Такъ, предположимъ, что скала потребностей даннаго лица въ благѣ А такова:

---

[1]) Эти предпосылки формулируетъ *Ehrenfels* (System der Werttheorie I, стр 84—6). Ср. также *Франкъ* (Теорія цѣнности Маркса, стр. 205—6).

$$A_1 > A_2 > A_3 > A_4 > A_5 \ldots$$

Тогда при запасѣ въ 4A полезность отдѣльныхъ единицъ A будетъ такова:

$$A_1 > A_2 > A_3 > A_4.$$

Субъективная же цѣнность каждой изъ четырехъ единицъ одинакова, другими словами, какъ цѣнности:

$$A_1 = A_2 = A_3 = A_4,$$

и цѣнность каждой единицы равна полезности послѣдней единицы, т. е. A_4. Ибо, потерявъ A_1, лицо не откажется отъ удовлетворенія наиболѣе важной потребности, а передвинетъ на мѣсто потерянной единицы — A_1 послѣднюю единицу — A_4, и неудовлетворенной останется лишь наименѣе важная потребность, которой отвѣчаетъ полезность A_4. Какъ видимъ, полезность и субъективная цѣнность совпадаютъ по величинѣ только для A_4; для всѣхъ другихъ единицъ онѣ расходятся.

Если полезность послѣдней единицы назвать, согласно терминологіи австрійской школы, *предѣльной полезностью* блага, то субъективная цѣнность каждой единицы блага, взятой порознь, *равна* предѣльной полезности его. Мы подчеркиваемъ слово «равна», чтобы оттѣнить здѣсь же, что субъективная цѣнность не опредѣляется въ конечномъ счетѣ предѣльной полезностью, а только равна ей. Предѣльная полезность сама лишь промежуточное звено, величину котораго опредѣляютъ другіе элементы, тѣмъ самымъ опредѣляющіе и величину субъективной цѣнности. Элементы эти разобраны будутъ нами во второй части работы.

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣйствуетъ первый законъ *Gossen*'а, предѣльная полезность, въ силу сказаннаго выше, есть *наименьшая* полезность единицы блага; въ тѣхъ же исключительныхъ случаяхъ, гдѣ законъ этотъ нарушается и полезность послѣдовательныхъ единицъ растетъ, тамъ предѣльная полезность есть *наибольшая* полезность единицы блага [1]).

[1]) Идея предѣльной полезности и установленіе связи ея съ величиной субъективной цѣнности, какъ показали историко-литературныя изысканія, встрѣчаются уже у *Daniel*'я *Bernulli* (Specimen Theorie novae de mensura sortis. 1738). См. о немъ у *Wieser*'а (Über den Ursprung, стр. IX) и *Kaulla* (Geschichtliche Entwick-

Предѣльная полезность есть ничто иное, какъ выраженіе того удовлетворенія потребностей, которое *зависитъ* отъ даннаго количе-

lung der modernen Werttheorien, стр. 145). Затѣмъ эта идея достаточно развита у неаполитанскаго аббата *Ferdinando Galiani* (Della moneta libri cinque 1750) См. о немъ у *Zuckerkandl'я* (Zur Theorie des Preises, стр. 49—53), у *Graziani* (Storia critica, стр. 97—111), у *A Dubois* („Les théories psychologiques de la valeur au XVIII-e siècle" въ Revue d'éc pol. Vol. XI. 1897, стр 851—7; тамъ же на стр. 917—30 данъ переводъ мѣста, относящагося къ ученію о цѣнности), см. также: *Дмитріевъ* (Экономическіе очерки, стр. 107—25) и *Hannan Robie Seval* (The theory of value before Adam Smith. Publications of the American Economic Association. III Series Vol. II. No 3 1901 стр. 91—6). Далѣе идутъ *Senior*, *Rossi*, французскій инженеръ *Dupuit* (La mesure de l'utilité des travaux publics, 1844, и L'utilité des voies de communication, 1849) (см. о немъ: *Дмитріевъ* указ. соч., и *Gide* et *Rist*. Histoire des doctrines économiques, стр. 601 и 607—8), равно какъ *G. de Molinari* (1851). Ученіе о полезности, какъ основѣ цѣнности, развивали также нѣмецкіе экономисты *Bruno Hildebrand* (Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft. 1848, стр. 318) и *Karl Knies* („Die nationalökonomische Lehre vom Wert" въ Zschr f. d ges. Stwiss. I. Bd. 1855, стр. 421—75) Ученіе ихъ изложено и разобрано у проф. *А. Мануилова* (Понятіе цѣнности по ученію экономистовъ классической школы 1901, стр. 7—13). Въ 1854 году теорію предѣльной полезности, правда, не совсѣмъ въ ея нынѣшней формѣ, развиваетъ *Gossen*. У него имѣется уже и названіе для предѣльной полезности или, какъ онъ выражается, цѣнности; „цѣнность послѣдняго атома" (Wert des letzten Atoms). Но этотъ авторъ, какъ извѣстно, остался надолго незамѣченнымъ. Идея предѣльной полезности получаетъ дальнѣйшее развитіе и пріобрѣтаетъ вліяніе на направленіе экономической мысли лишь съ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка, когда идею эту, хотя и въ разной формѣ, почти одновременно высказали: *Jevons* въ Англіи (въ 1871 году и даже уже въ статьяхъ 1862 года), *Menger* въ Австріи (въ 1871 г.), и *Walras* въ Швейцаріи (въ 1874 г.); а нѣсколько позже въ своеобразной формѣ *Clark* въ Америкѣ (Phylosophy of value 1881). См. *Wieser* (Uber den Ursprung, стр. IX—XI). Съ этого времени начинается рѣшительный поворотъ теоріи цѣнности въ сторону учета субъективныхъ моментовъ. Объ этомъ историкъ теоріи цѣнности *Kaulla* говоритъ: „если сравнить область дѣйствія основныхъ теченій настоящаго и прошедшаго времени, то тотчасъ бросается въ глаза различіе: сильный сдвигъ въ сторону субъективныхъ теорій цѣнности, особенно благодаря завоеваніямъ теоріи предѣльной полезности" (Geschichtliche Entwicklung, стр. 262). *Macfarlane* даже пытается объяснить этотъ сдвигъ измѣненіями, происшедшими въ самой хозяйственной жизни. Онъ пишетъ: „...весьма интересно отмѣтить, что обращеніе, не нашедшее себѣ въ 1854 году даже слушателей, въ 1871 году получило такое значеніе, что три экономиста, отдѣленныхъ другъ отъ друга большимъ пространствомъ, Джевонсъ, Вальрасъ и Менгеръ, провозгласивъ его, этимъ самымъ пріобрѣли себѣ славу. Возможно только одно объясненіе даннаго явленія. Госсенъ писалъ въ 1854 году, когда экономисты были еще связаны основной посылкой ортодоксальной политической экономіи, что товары, цѣнность которыхъ опредѣляется рѣдкостью, суть исключенія; а свободно воспроизводимыя блага—правило. Но къ 1871 году хозяйственныя условія настолько измѣнились, что экономисты вынуждены были признать крайнюю ошибочность этого предположенія, что и заставило ихъ искать

ства блага. При замѣнимости единицъ блага отъ каждой единицы зависитъ удовлетвореніе послѣдней, обычно наименѣе важной потребности, удовлетворяемой послѣднею единицею блага. Но въ томъ случаѣ, если эта послѣдняя единица способна удовлетворять альтернативно нѣсколько потребностей разной интенсивности, отъ послѣдней единицы зависитъ удовлетвореніе наиболѣе важной изъ этихъ потребностей.

такую теорію цѣнности, которая включала бы случай рѣдкихъ благъ" (*Ч. В. Макфэрленъ*. Критика теорій цѣнности и ученіе о рентѣ Переводъ съ англійскаго. 1907, стр. 10–1). Такой теоріей, по мнѣнію приведеннаго автора, явилась именно теорія предѣльной полезности. Мы думаемъ, однако, что явленія монополіи въ видѣ синдикатовъ и регулированія ими цѣнъ еще не стали столь распространенными къ 1871 году, чтобы въ нихъ можно было видѣть причину измѣненія воззрѣній въ вопросѣ о цѣнности. Причина, на нашъ взглядъ, лежитъ въ иномъ. Теорія предѣльной полезности, какъ обобщающая теорія, охватывающая расцѣнку всѣхъ, въ томъ числѣ и рѣдкихъ благъ, явилась, съ одной стороны, результатомъ стремленія болѣе зрѣлой теоретической мысли къ обобщающимъ построеніямъ, а съ другой стороны — она выросла, какъ протестъ противъ односторонніхъ объективныхъ теорій цѣнности, и особенно противъ трудовой теоріи *Marx*'а, доведшей слабыя стороны объективныхъ теорій до наибольшей рѣзкости и очевидности. Этимъ протестомъ противъ преувеличенія роли объективныхъ моментовъ объясняются и всѣ слабыя стороны теоріи предѣльной полезности въ области объясненія явленій рыночной расцѣнки. Во второй части мы увидимъ, что эти слабыя стороны состоятъ въ недостаточномъ учетѣ роли объективныхъ моментовъ.

Перечисленные выше родоначальники теоріи предѣльной полезности положили основу цѣлымъ школамъ Работы *Jevons*'а и *Walras* легли въ основаніе математическаго изложенія ученія о предѣльной полезности и цѣнности. *Jevons* употребляетъ для этого терминъ „конечная степень полезности" (final degree of utility), подъ которой онъ понимаетъ „степень полезности послѣдней или ближайшей возможной прибавки къ существующему запасу очень, вѣрнѣе, безконечно малаго количества" (Theory, стр. 61). Математическое выраженіе предѣльной полезности по *Jevons*'у таково· общая полезность всего запаса блага (total utility), обозначаемая буквой u, есть извѣстная функція отъ количества (x) блага, т. е

$$u = f(x);$$

предѣльная полезность, т. е полезность послѣдняго количества блага, будетъ $\frac{\triangle u}{\triangle x}$, гдѣ $\triangle$ u есть приростъ полезности, а $\triangle x$ приростъ количества блага; если взять безконечно малый приростъ количества блага, стремящійся въ предѣлѣ къ 0, то предѣльная полезность выразится въ видѣ $\frac{du}{dx}$, т. е. будетъ производной отъ u по x (указ. соч., стр. 60–1). *Walras* для обозначенія предѣльной полезности употребляетъ то терминъ „интенсивность послѣдней удовлетворенной потребности" (intensité du dernier besoin satisfait), то терминъ „рѣдкость" (rareté). Послѣдній онъ употребляетъ особенно часто, считая что терминъ этотъ обозначаетъ сочетаніе по-

Предѣльная полезность, поэтому, равна *наибольшей* полезности *послѣдней* (обычно *наименѣе* полезной) единицы блага. Такъ, напримѣръ,

лезности съ ограниченностью запаса и аналогиченъ понятію скорости въ механикѣ (Éléments стр. 21). Этотъ терминъ *Walras*, по его собственнымъ словамъ, заимствуетъ у *Burlamaqui*, *Genovesi*, *Senior*'а и своего отца—*Auguste*'а *Walras* (1838) (см. указ. соч., стр 168—9) Но терминъ этотъ крайне неудаченъ, ибо понятіе предѣльной полезности включаетъ рѣдкость лишь какъ одно изъ опредѣляющихъ условій; а потому называть предѣльную полезность рѣдкостью—это значитъ безъ нужды отклоняться отъ обычной рѣчи, въ которой слово „рѣдкость" имѣетъ вполнѣ опредѣленный иной смыслъ (см. *A. Beaujon* „A propos de la théorie du prix" въ Revue d'écon. pol. Vol. IV. 1890, стр 17). Математическое выраженіе предѣльной полезности перешло отъ *Jevons*'а и *Walras* къ *Edgeworth*'у. См. сличеніе формулъ всѣхъ этихъ трехъ математиковъ у *Pareto* („Considerationo sui principi fondamentali dell'economia politica pura" въ Giorn. d. econ. Serie II. Vol IV. 1892, стр 412—3). Далѣе математическую формулировку предѣльной полезности находимъ у *Launhardt*'а. Онъ говоритъ, что, если полезность блага (y) есть функція отъ его количества (x), т. е.

$$y = F(x),$$

то предѣльная полезность есть первая производная отъ полезности по количеству блага, т. е. она есть $F'(x)$, гдѣ

$$F'(x) = \frac{dy}{dx}$$

(Mathematische Begründung, стр. 15). То же говоритъ *Lehr* (Grundbegriffe, стр. 112). Позднѣйшій послѣдователь *Walras—Pareto*—для обозначенія предѣльной полезности употребляетъ подобно своему учителю не менѣе вычурный терминъ „элементарная годность" (l'ophélimité élémentaire), что обозначаетъ „отнесенную къ единицѣ годность" очень малаго количества экономическаго блага, прибавленнаго къ тому количеству, которымъ уже пользовались (Cours. I, стр 10). При этомъ онъ учитываетъ и то, что предѣльная полезность каждаго блага зависитъ не только отъ запаса этого блага, но и отъ запасовъ всѣхъ другихъ благъ. Поэтому, напримѣръ, полезность добавочнаго количества dx_a блага A онъ выражаетъ такъ:

$$\varphi_a(x_a, x_b \ldots)\, dx_a,$$

гдѣ x_a есть запасъ блага A, x_b—запасъ блага B и т. д., а dx_a безконечно малый приростъ запаса блага A. Предѣльная полезность блага A тогда будетъ:

$$\varphi_a(x_a, x_b \ldots)$$

(указ. соч, стр. 10). Изъ американцевъ надо отнести къ этой же группѣ *Fisher*'а, который въ послѣдней своей работѣ замѣняетъ терминъ предѣльная полезность терминомъ „marginal desirability". При этомъ онъ замѣчаетъ, что, когда говорятъ о „полезности послѣдней единицы", то это не значитъ, что думаютъ о конкретной послѣдней единицѣ, напримѣръ, о 10 мъ стулѣ, а лишь о „разницѣ между обладаніемъ 9 и 10 стульями" (Elementary principles, стр. 264).

Однако, сложная формулировка экономистовъ-математиковъ, далеко не безупречная въ смыслѣ приложенія математики и притомъ въ видѣ дифференціаль-

пусть послѣдовательныя единицы какого-либо блага A будутъ I, II, III.... пусть далѣе каждая изъ этихъ единицъ способна удовлетворять двѣ какія то потребности, которыя обозначимъ: I_1 и I_2, II_1 и II_2..., пусть, наконецъ, порядокъ этихъ потребностей по степени ихъ настоятельности таковъ:

$$I_1 > I_2 > II_1 > II_2 > III_1 > III_2 > \ldots$$

Если запасъ этого блага равенъ 3 единицамъ, то предѣльная полезность, а, слѣдовательно, и субъективная цѣнность каждой еди-

---

наго исчисленія - не могла способствовать широкому распространенію идеи предѣльной полезности. Идея предѣльной полезности, поэтому, навсегда связана съ именемъ другого автора, который изложилъ ее простыми обычными словами и сдѣлалъ достояніемъ каждаго, изучающаго экономическую науку. Этотъ авторъ— *C. Menger*. *Scharling*, напримѣръ, отмѣчаетъ ничтожное вліяніе на англійскую литературу теоріи цѣнности *Jevons*'а и громадное вліяніе *Menger*'а, *Wieser*'а и *Bohm-Bawerk*'а („Grenznutzentheorie" въ Jahrb. f. Nök. u St III. F. XXVII. 1904, стр. 3, 6) См. также о роли австрійскихъ экономистовъ въ развитіи теоріи предѣльной полезности у *Bohm-Bawerk*'а („The austrian economists" въ Annals of the American Academy of Pol. and Soc. Science. Vol. I. January. 1891, стр 36.). У *Menger*'а, однако, еще нѣтъ самаго термина „предѣльная полезность". Связь субъективной цѣнности съ предѣльной полезностью онъ формулируетъ такъ. „... въ каждомъ конкретномъ случаѣ отъ распоряженія опредѣленной частью находящагося у даннаго хозяйствующаго лица количества блага изъ числа потребностей, удовлетвореніе которыхъ обезпечено всѣмъ количествомъ блага, зависитъ удовлетвореніе только тѣхъ потребностей, которыя имѣютъ наименьшее значеніе для этого лица. И цѣнность части доступнаго распоряженію количества равна для этого лица значенію, которое имѣетъ для него доставляемое равнымъ количествомъ удовлетвореніе наименѣе важныхъ потребностей изъ тѣхъ, удовлетвореніе которыхъ еще обезпечено всѣмъ количествомъ" (Grundsätze, стр. 99). Терминъ „предѣльная полезность" (Grenznutzen) впервые вводитъ въ 1884 году *Wieser*, переведя на нѣмецкій языкъ англійскій терминъ *Jevons*'а (см. Natürl. Wert). Этотъ терминъ воспринимаетъ *Bohm-Bawerk*. Подъ предѣльной полезностью онъ понимаетъ „важность той конкретной потребности или части потребности, которая занимаетъ послѣднее мѣсто въ ряду потребностей, удовлетворяемыхъ всѣмъ наличнымъ запасомъ благъ даннаго рода" („Grundzüge" въ Jahrb. f. Nök. u. St. 1886, стр. 28—9) Въ другой своей статьѣ *Bohm-Bawerk* опредѣляетъ предѣльную полезность прямо, какъ полезность, доставляемую намъ *послѣднимъ* количествомъ блага, находящимся въ нашемъ распоряженіи („Wert" въ Hwb. d. Stw VIII. Bd., стр. 768). При этомъ онъ замѣчаетъ, что иногда эта полезность мѣряется тою потерею, которую приноситъ потеря блага, а иногда тѣмъ *приращеніемъ* выгоды, которая получается отъ приращенія блага. Но при обоихъ способахъ измѣренія величина цѣнности получается одна и та же, такъ какъ „и тѣмъ, и другимъ путемъ мы приходимъ къ одному и тому же результату" („Grundzüge", стр. 33). Этого вопроса *Böhm-Bawerk* вновь касается въ своей новѣйшей работѣ при разсмотрѣніи упрека, сдѣланнаго *Wieser*'омъ

ницы блага будетъ равна полезности наименѣе полезной единицы (Ш), но наибольшей полезности ея, т. е. полезности III_1. Такъ устраняется то кажущееся противорѣчіе, которое видятъ нѣкоторые авторы между *наибольшею* полезностью, по которой цѣнится всякое благо, и *наименьшею*, т. е. предѣльною полезностью [1]).

Оцѣнка по предѣльной полезности есть оцѣнка замѣнимаго блага по чужой, *подставной* полезности, по полезности другой единицы того-же блага, замѣняющей данную единицу Однако, эта замѣна можетъ распространяться не только на разныя единицы того же блага, но и на другія блага.

Такъ. если блага A, B и C могутъ замѣнять другъ друга, и скала потребностей въ этихъ благахъ будетъ такова:

$(A_1$ или B_1 или $C_1) > (A_2$ или B_2 или $C_2) > (A_3$ или B_3 или $C_3)$...,

если при этомъ хозяйство имѣетъ

$$1A + 1B + 1C,$$

то оно этими тремя единицами благъ удовлетворитъ три наиболѣе интенсивныя потребности. а именно: посредствомъ 1A—потребность въ A_1, посредствомъ 1B—потребность въ B_2, и посредствомъ 1C—потребность въ C_3. Субъективная же цѣнность каждаго изъ этихъ благъ будетъ одинакова и равна полезности C_3. Объясняется это

Menger'у, въ ошибочномъ опредѣленіи цѣнности комплементарныхъ благъ (Positive Theorie des Kapitales 3. Aufl. Exkurs VII, стр *180* и слѣд.). Здѣсь *Böhm-Bawerk* вновь высказывается за то, что оцѣнки по ущербу и по приращенію выгоды совпадаютъ (указ. соч., стр. *192*) Мы разсмотримъ вопросъ о расцѣнкѣ комплементарныхъ благъ во второй части. У *Menger*'а, *Wieser*'а и *Böhm-Bawerk*'а имѣются многочисленные послѣдователи, воспринявшіе понятіе предѣльной полезности.

Наконецъ, послѣднюю вѣтвь теоріи предѣльной полезности представляютъ американскіе экономисты, и раньше всего упомянутый выше *Clark* съ его терминомъ „marginal utility". Но у него недостаточно ясно, какъ мы увидимъ нѣсколько дальше, разграничены понятія полезности и субъективной цѣнности Изъ другихъ американцевъ надо упомянуть *Patten*'а, *Carver*'а, *Fetter*'а, *Seligman*'а. Всѣ они, по словамъ *Gide*'а, „со страстью культивируютъ предѣльную полезность" (*Gide* et *Rist*. Histoire des doctrines économiques, стр. 608).

[1]) См. объ этомъ: *Dietzel* (Theoretische Sozialökonomik, стр. 281) и *Франкъ* (Теорія цѣнности Маркса, стр. 205). Недаромъ *O. Kraus* пишетъ: „цѣнить по «предѣльной полезности»—это ничто иное, какъ цѣнить согласно хозяйственному принципу возможно большей выгоды и возможно меньшаго вреда" (Zur Theorie des Wertes, стр. 104).

тѣмъ, что, напримѣръ, при потерѣ А хозяйство не откажется отъ удовлетворенія потребности въ A_1, а замѣнитъ его С. Такимъ образомъ, предѣльной полезностью для блага А является полезность блага С.

Дальнѣйшее примѣненіе расцѣнки благъ по *подставной* полезности представляетъ расцѣнка благъ, замѣнимыхъ путемъ производства, и благъ, замѣнимыхъ путемъ обмѣна[1]).

Въ общемъ же связь субъективной цѣнности благъ съ тѣми полезностями, полученіе которыхъ *зависитъ* отъ этихъ благъ, можетъ принимать слѣдующую форму:

1. Благо незамѣнимо и имѣется въ одномъ экземплярѣ. Субъективная цѣнность его равна его наивысшей собственной полезности.

2. Благо незамѣнимо, но имѣется въ нѣсколькихъ, замѣняющихъ другъ друга экземплярахъ. Субъективная цѣнность каждой единицы его равна наивысшей полезности послѣдней единицы его, т. е. его собственной предѣльной полезности.

3. Благо можетъ быть замѣнено другими въ потребленіи. Субъективная цѣнность его равна предѣльной полезности наименѣе полезнаго изъ замѣняющихъ другъ друга благъ.

4. Благо можетъ быть замѣнено путемъ производства. Субъективная цѣнность его равна предѣльной полезности средствъ производства, а цѣнность послѣднихъ — полезности предѣльнаго продукта.

5. Благо можетъ быть замѣнено путемъ обмѣна. Субъективная цѣнность его равна предѣльной полезности средствъ обмѣна, а цѣн-

---

[1]) О расцѣнкѣ по подставной полезности (Substitutionsnutzen) см. у *Böhm-Bawerk*'а („Grundzüge", стр. 37—9). Въ литературѣ о предѣльной полезности интереснымъ обобщеніемъ является распространеніе принципа *подставной* полезности съ благъ родственныхъ по производству на блага родственныя по *потребленію*. Это обобщеніе, расширяющее формулу предѣльной полезности, принадлежитъ *Komorzynski*. Онъ говоритъ, что блага потребительныя не стоятъ изолированно, а могутъ замѣнять другъ друга, напримѣръ: отапливать можно каменнымъ углемъ, но также деревомъ и другимъ топливомъ, освѣщать можно газомъ, керосиномъ стеариномъ, воскомъ и пр. (Der Wert in der isolierten Wirtschaft, стр. 78—9). Поэтому при потерѣ каменнаго угля я не потеряю полезности отопленія, а замѣню уголь дровами. Такую замѣнимость, прибавляетъ *Komorzynski*, *Menger* признаетъ при оцѣнкѣ благъ высшаго порядка и благъ родственныхъ по производству, но онъ ничего не говоритъ о ней для потребительныхъ благъ вообще. Между тѣмъ цѣнность ихъ также не всегда опредѣляется потерей той наименьшей полезности, которая вызвана была бы потерей именно этого блага. При потерѣ его

ность послѣднихъ—*полезности* предѣльнаго предмета, получаемаго на эти средства.

Все это частные случаи примѣненія одного общаго принципа *субъективной* расцѣнки. Подробно о нихъ рѣчь будетъ во второй части.

Здѣсь надо остановиться на нѣкоторыхъ возраженіяхъ, сдѣланныхъ по поводу принципа предѣльной полезности. Возраженія эти можно сгруппировать слѣдующимъ образомъ [1]).

1 Возражаютъ противъ термина «предѣльная *полезность*» Указываютъ на то, что при такомъ употребленіи слова «полезность» приходится употреблять его крайне неестественно. Надо, напримѣръ, говорить: желѣзо во всѣхъ странахъ менѣе полезно, нежели золото, вино менѣе полезно во Франціи, чѣмъ въ Англіи, полезность книгъ теперь меньше, чѣмъ въ 16 столѣтіи [2]). По этому поводу надо сказать: если отбросить тѣ возраженія противъ термина «полезность», которыя разобраны нами выше (см. стр. 193 — 4), то врядъ ли можно имѣть что-либо противъ термина «предѣльная полезность». Мы не думаемъ, чтобы порождали какія-либо недоразумѣнія фразы въ родѣ: предѣльная полезность желѣза меньше предѣльной полезности

„подобно тому, какъ если бы потерянное благо представляло средство производства, отпадетъ удовлетвореніе тѣхъ потребностей, которыя до того удовлетворялись другими благами“ (тамъ же, стр. 95). Общая формула *Komorzynski* слѣдующая: „... цѣнность каждаго количества благъ опредѣляется той наименьшей потерей въ общемъ удовлетвореніи потребностей, которая должна была бы получиться въ случаѣ потери блага, несмотря на наиболѣе цѣлесообразныя измѣненія въ назначеніи благъ“ (тамъ-же, стр. 95—6). Эта формула является правильнымъ теоретическимъ обобщеніемъ принципа предѣльной полезности. Но она, на нашъ взглядъ, 1) преувеличиваетъ замѣнимость благъ въ употребленіи, и 2) ничего не колеблетъ изъ сказаннаго *Menger*'омъ, хотя и выставлена авторомъ въ значительной мѣрѣ въ качествѣ возраженія основателю австрійской школы; для того случая, который разсматриваетъ *Menger*, а именно для случая благъ, *незамѣнимыхъ* другъ другомъ въ потребленіи, *Menger* совершенно правъ.

[1]) Кромѣ разобраннаго въ предыдущемъ примѣчаніи возраженія *Komorzynski*.

[2]) Это возраженіе дѣлаетъ *Gide*, замѣчая, что *Jevons* говоритъ объ одной полезности, хотя понимаетъ подъ нею и рѣдкость, а *Walras* говоритъ объ одной рѣдкости, хотя понимаетъ подъ нею и полезность („La théorie de l'économie politique de M Stanley Jevons“ въ Journal des economistes. 4 série Vol. 16. 1881, стр. 187). *W. W. Carlile* также бранитъ экономистовъ австрійской школы и экономистовъ-математиковъ за неясность и двусмысленность ихъ терминологіи („The language of economics“ въ Journal of pol. economy. Vol. XVII. 1909, July, стр. 437—47).

золота или предѣльная полезность вина во Франціи меньше, нежели въ Англіи Для насъ въ этихъ выраженіяхъ не звучитъ ничего неестественнаго, если только игнорировать то, что при этомъ допущено сравненіе предѣльныхъ полезностей для разныхъ лицъ и странъ.

2. Указываютъ на то, что принципъ расцѣнки по *предѣльной* полезности не отличается всеобщностью, такъ какъ, если благо имѣется въ одномъ экземплярѣ, то оно цѣнится просто по его полезности, безъ всякой предѣльной полезности [1]). Возраженіе это не существенно. Для благъ, имѣющихся въ одномъ экземплярѣ, можно, конечно, обходиться и безъ понятія предѣльной полезности. Но распространеніе на такія блага этого понятія является правильнымъ обобщеніемъ изложенія, такъ какъ для этихъ благъ полезность ихъ составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ предѣльную полезность.

3. Указываютъ на то, что расцѣнка по предѣльной полезности предполагаетъ примѣненіе при расцѣнкѣ хозяйственнаго принципа и потребленіе благъ въ порядкѣ падающей интенсивности потребностей въ благахъ. Между тѣмъ «люди стоятъ противъ благъ внѣшняго міра съ самыми различными желаніями, ощущеніями, взвѣшиваніемъ пользы; встрѣчаются раціональныя и нераціональныя, умныя и глупыя, иногда при извѣстныхъ обстоятельствахъ прямо предосудительныя употребленія доходовъ» [2]). Если, говорятъ, отбросить всѣ эти нарушенія хозяйственности, то получится абстракція, совершенно противорѣчащая дѣйствительной жизни. Если же включить ихъ, то нарушается принципъ предѣльной полезности. Мы, однако, понимаемъ слѣдованіе хозяйственному принципу исключительно въ смыслѣ удовлетворенія *наиболѣе интенсивныхъ* потребностей. Если хозяйственность даже въ этомъ смыслѣ иногда все же нарушается, то происходитъ это настолько рѣдко, что построенная на предположеніи ея те-

[1]) Это возраженіе дѣлаютъ: *Lexis* („Grenzuntzen“ въ Hwb. d. Stw 1. Aufl. 1 Splbd.), затѣмъ *Scharling*, приходящій на основаніи этого къ совершенно странному выводу, что, слѣдовательно, теорія предѣльной полезности, какъ и классическая теорія издержекъ производства, примѣнима не ко всѣмъ случаямъ („Grenzuntzentheorie“ въ Jahrb. f. Nök. u. St. XXVII 1904, стр. 24), далѣе *Франкъ* (Теорія цѣнности Маркса, стр 205—6) и *Миклашевскій*, считающій въ виду этого „самый принципъ предѣльной полезности... весьма уязвимымъ и шаткимъ“. (Обмѣнъ и экономическая политика. 1904, стр. 71), наконецъ, *Богровъ* (Критико-историческій очеркъ, стр. 138—9).

[2]) *Diehl* (Sozialwissenschaftliche Erläuterungen. I, стр. 71; см. также стр. 73—4).

орія, хотя и является до извѣстной степени абстракціей, но абстракціей, очень близкой къ дѣйствительности. Что же касается того, разумны эти наиболѣе интенсивныя потребности или нѣтъ, выгодны онѣ вообще для хозяйства или глубоко вредны, не являются ли онѣ даже извращенными и дикими, наконецъ, не представляютъ ли онѣ случайной, минутной потребности—то это все для теоріи расцѣнки совершенно безразлично. Разъ такая-то потребность у даннаго лица въ данную минуту наиболѣе интенсивна и лицо удовлетворяетъ ее—оно слѣдуетъ хозяйственному принципу, и законъ предѣльной полезности находитъ себѣ примѣненіе.

4. Указываютъ на то, что разныя единицы благъ, даже совершенно одинаковыя, расцѣниваются человѣкомъ не всегда одинаково по предѣльной полезности. Такъ, напримѣръ, если охотникъ имѣетъ 2 хлѣба и предназначаетъ одинъ для себя, а другой для своей собаки, то онъ первый хлѣбъ все-таки цѣнитъ выше второго [1]). Это возраженіе покоится на недоразумѣніи, вытекающемъ изъ неопредѣленности того момента, къ которому пріурочена расцѣнка. Расцѣнка по предѣльной полезности предполагаетъ замѣнимость единицъ, поэтому до того момента, пока любой хлѣбъ можетъ быть взятъ охотникомъ себѣ или отданъ собакѣ, субъективная цѣнность каждаго изъ двухъ хлѣбовъ для охотника одинакова, если только они равны другъ другу. Лишь послѣ того, какъ одинъ хлѣбъ отданъ животному, получается различіе въ ихъ цѣнности.

5. Высказано мнѣніе, что всѣ одинаковыя единицы блага цѣнятся людьми одинаково, но не по предѣльной полезности, а „цѣнность каждой единицы блага даннаго рода является абстракціей отъ всѣхъ тѣхъ отдѣльныхъ назначеній, которымъ она можетъ служить въ дѣйствительности, и не стоитъ въ непосредственной зависимости ни отъ одной изъ степеней полезности, которымъ данная единица способна служить, въ частности она не зависитъ и отъ «предѣльной полезности»“ [2]). Съ этимъ также нельзя согласиться. Такая абстрактная средняя цѣнность могла бы возникнуть лишь тогда, если бы отъ каждой единицы блага зависѣло удовлетвореніе, хотя частичное, но

---

[1]) Такое возраженіе дѣлаетъ *H. L. Asser* („Frédéric Bastiat et les Néo-economistes autrichiens“ въ Journal des écon. 5 série. Vol. 13. 1893, стр. 343), а за нимъ *Cornélissen* (Théorie de la valeur, стр, 47—8 и 53—4).

[2]) *Богровъ* (Критико-историческій очеркъ, стр. 149).

всѣхъ потребностей, удовлетворяемыхъ благомъ. Между тѣмъ человѣкъ выбираетъ потребности для удовлетворенія въ порядкѣ ихъ интенсивности. Поэтому отъ любой единицы изъ запаса, взятой порознь, зависитъ удовлетвореніе только наименѣе важной потребности. А это и выражается въ расцѣнкѣ по предѣльной полезности.

6. Наконецъ, сдѣлано замѣчаніе, что субъективная цѣнность измѣряется не одною предѣльной полезностью, вообще не одною полезностью, такъ какъ тогда «предметы, удовлетворяющіе наиболѣе настоятельныя потребности, необходимо должны были бы имѣть и наибольшую потребительную цѣнность. А этого нѣтъ въ дѣйствительности» [1]). Въ этомъ возраженіи взята потребность, какъ родовое понятіе, вмѣсто конкретной потребности [2]). Если взять послѣднюю, то все возраженіе падаетъ. Такъ, напримѣръ, извѣстное количество хлѣба обладаетъ сравнительно низкой субъективной цѣнностью, несмотря на то, что хлѣбъ вообще удовлетворяетъ крайне важную въ родовомъ смыслѣ потребность. Но, вѣдь, послѣдними количествами хлѣба удовлетворяются конкретныя потребности сравнительно очень малой интенсивности. Поэтому никакого противорѣчія между цѣнностью и предѣльной полезностью нѣтъ.

Такимъ образомъ, и послѣ всѣхъ разсмотрѣнныхъ возраженій приходится удержать для субъективной расцѣнки благъ принципъ предѣльной полезности. А вмѣстѣ съ тѣмъ приходится удержать и заключающееся въ этомъ принципѣ расхожденіе между величиной полезности благъ и величиной ихъ субъективной цѣнности.

§ 26. Сила потребностей, сила полезности и сила субъективной цѣнности.

Установленіе факта расхожденія полезности и субъективной цѣнности даетъ возможность оцѣнить справедливость утвержденія нѣкоторыхъ авторовъ, что въ двухъ отдѣльныхъ понятіяхъ—полезности и субъективной цѣнности, а тѣмъ болѣе въ трехъ понятіяхъ — потребности, полезности и цѣнности—экономическая наука не нуждается.

---

[1]) *Scharling* („Werttheorien und Wertgtsetz“ въ Jahrb. f Nök. u. St. N. F. XVI. 1888, стр. 425).

[2]) См. *Dietzel* („Die klassische Werttheorie“ въ Jahrb. f. Nök. u. St N. F. XX. 1890, стр. 573).

Для нея, говорятъ эти авторы, достаточно одного понятія субъективной цѣнности. Полезность, какъ отдѣльное понятіе, не нужна, ибо она тождественна съ цѣнностью. Если же не заниматься выведеніемъ полезности изъ потребностей, то отпадаетъ нужда и въ понятіи потребности, и тогда экономическая наука прямо можетъ отправляться отъ субъективной цѣнности: вмѣсто трехъ понятій можно имѣть дѣло всего съ однимъ [1]).

Такое упрощеніе, на нашъ взглядъ, получается цѣною возврата къ тому смѣшенію понятій, отъ котораго съ такимъ трудомъ освободилась экономическая теорія. Между полезностью, даже въ самомъ конкретномъ смыслѣ, и между субъективною цѣнностью существуетъ принципіальное различіе. Это различіе, какъ мы видѣли въ двухъ

[1]) Къ отождествленію полезности и цѣнности подалъ поводъ еще *Smith*, который, по словамъ *Smart*'а, неудачно смѣшалъ utility и value, введя „гермафродита" въ видѣ „use-value" (Introduction, стр. 18). Такое же отождествленіе полезности и цѣнности, предѣльной полезности и предѣльной цѣнности является характерной чертой воззрѣнія *Gossen*'а, равно какъ *Jevons*'а и *Walras*. Такъ, по *Gossen*'у, не только полезность, но и цѣнность каждой слѣдующей единицы блага меньше, нежели предыдущей (Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs, стр. 33). „Это, говоритъ *Lieffman*, тотъ пунктъ, въ которомъ теорія предѣльной полезности Gossen'а, равно какъ Jevons'а и Walras, отличается отъ австрійской формы теоріи предѣльной полезности. Ибо, согласно послѣдней, цѣнность каждаго отдѣльнаго количества измѣряется цѣнностью послѣдняго частичнаго количества" („Hermann Heinrich Gossen und seine Lehre" въ Jahrb. f. Nök. u. St. III. F. 40. Bd. 1910, стр. 489). Въ этомъ *Liefmann* видитъ между прочимъ „первую основную ошибку теоріи предѣльной полезности, ошибку, которой избѣжалъ Gossen". Что полезность есть сама цѣнность—это говоритъ и *Lehr* („Wert, Grenzwert und Preis" въ Jahrb. f. Nök. u. St. N. F. XIX. 1890, стр. 17 и слѣд.). *Sulzer* считаетъ излишнимъ понятіе субъективной цѣнности и предлагаетъ удержать одно понятіе полезности. „Для обозначенія того, пишетъ онъ, что называютъ субъективной цѣнностью или потребительной цѣнностью, достаточно выраженія полезность, если только мы подъ нею понимаемъ субъективную конкретную полезность" (Die wirtschaftlichen Grundgesetze, стр. 259—60). Такое же отождествленіе цѣнности и полезности мы встрѣчаемъ у *Clark*'а. Субъективная цѣнность, по его словамъ, есть просто мѣра полезности блага (The philosophy of wealth, стр. 74). Онъ проводитъ только различіе между абсолютной и дѣйствительной полезностью. Первая, напримѣръ, у воздуха безконечна велика, а вторая равна нулю. Субъективная цѣнность равна дѣйствительной полезности, подъ которой онъ понимаетъ „способность измѣнять наше субъективное состояніе при данныхъ условіяхъ" (тамъ же, стр. 77—8). Къ *Clark*'у въ этомъ вопросѣ примыкаетъ *Fetter*. Онъ пишетъ: „Цѣнность въ узкомъ, личномъ смыслѣ можетъ быть опредѣлена, какъ значеніе, приписываемое благу человѣкомъ. Туманность и неточность слова «полезность» или слова «благо» исчезаютъ, когда мы произно-

предыдущихъ §§, ясно сказывается на величинѣ той и другой. Частица воздуха, какъ намъ уже приходилось указывать, вдыхаемая человѣкомъ, полезна для него, но цѣнности она не имѣетъ. Вотъ почему попытка считать понятія полезности и цѣнности синонимами не можетъ быть признана удачной. Что же касается понятія потребности, то количественно интенсивность потребности совпадаетъ съ величиной полезности, но доведеніе объясненія до потребностей, какъ мы уже знаемъ, подвигаетъ насъ на шагъ дальше вглубь психологическаго процесса расцѣнки. А потому введеніе и этого третьяго понятія намъ кажется цѣлесообразнымъ.

Соотношеніе потребностей, полезности и субъективной цѣнности видно изъ слѣдующаго примѣра.

Пусть *скала потребностей* въ послѣдовательныхъ единицахъ какого-либо блага будетъ такова:

$$A_1 > A_2 > A_3 > A_4 > A_5 > \ldots$$

Тогда *скала полезности* послѣдовательныхъ единицъ этого блага будетъ также:

$$A_1 > A_2 > A_3 > A_4 > A_5 > \ldots$$

симъ слово «цѣнность»". Послѣдняя есть для *Fetter*'а ничто иное, какъ конкретная полезность данной вещи для даннаго лица и времени, при данныхъ условіяхъ (Principles, стр. 20). Столь же рѣшительно сливаетъ полезность и субъективную цѣнность *Schumpeter* Въ главѣ о потребностяхъ мы уже видѣли, что этотъ авторъ находитъ излишнимъ отправляться отъ потребностей. Что же касается полезности, то онъ по поводу нея пишетъ: „Мы знаемъ, что научное понятіе полезности означаетъ нѣчто отличное отъ цѣнности, а именно способность благъ удовлетворять потребности. Но эта способность, какъ мы видѣли, какъ разъ является источникомъ и мѣрой той величины, которая вмѣстѣ съ предѣльной полезностью направляетъ во всѣхъ случаяхъ хозяйственное дѣйствіе. Разсужденія этого рода побудили меня опустить въ экономической теоріи различіе между цѣнностью и полезностью. Скала полезности, предѣльная полезность и общая полезность опредѣленныхъ количествъ—это единственныя величины, съ которыми считается хозяинъ—практикъ, съ которыми поэтому хотимъ считаться и мы А такъ какъ хозяинъ—практикъ употребляетъ цѣнность и полезность, какъ понятія по существу синонимныя, то и мы хотимъ поступать такъ же" („Zurechnungsproblem" въ Zschr. f. Vw., Sozpol. u. Verw. 18. Bd. 1909, стр. 108). И далѣе онъ добавляетъ: „Очень далекій отъ того, чтобы видѣть въ этомъ возраженіе по адресу создателей теоріи цѣнности, я, напротивъ, полагаю, что такимъ путемъ дѣло послѣднихъ завершается и ихъ основная мысль продумывается до конца. Такимъ путемъ достигается и существенное упрощеніе теоріи цѣнности; она пріобрѣтаетъ бо́льшую ясность До сихъ поръ антиномія между цѣнностью и полезностью являлась нарушающимъ моментомъ. Хозяйственная цѣнность не была равносильна по-

Что же касается субъективной цѣнности. то по принципу предѣльной полезности цѣнность каждой единицы А при запасѣ въ 1А будетъ равна полезности A_1, при запасѣ въ 2А—полезности A_2 и т д. Получается, такимъ образомъ, слѣдующая *скала субъективной цѣнности* 1А:

при запасѣ въ 1А—A_1
« « « 2А—A_2
« « « 3А—A_3
« « « 4А—A_4
« « « 5А—A_5
. . . . . .

Какъ видимъ, полезность каждой единицы при данномъ запасѣ разная, и отъ измѣненія запаса полезность предыдущихъ единицъ не мѣняется. Субъективная же цѣнность каждой единицы, взятой порознь, при данномъ запасѣ, наоборотъ, одна и та же; но вмѣстѣ съ тѣмъ она мѣняется отъ увеличенія или уменьшенія запаса. Это и заставляетъ различать полезность и субъективную цѣнность, и наряду со скалами потребностей и полезностей строить скалу субъективныхъ цѣнностей, подъ которой мы понимаемъ скалу, показывающую порядокъ измѣненія субъективной цѣнности каждой единицы блага при измѣненіи запаса этого блага.

Отличаясь отъ скалы потребностей, скала цѣнностей, однако, заимствуетъ отъ нея значеніе отдѣльныхъ своихъ членовъ (величину полезности A_1, A_2, A_3..), а затѣмъ отъ скалы потребностей переходятъ къ скалѣ цѣнностей и многія основныя свойства. Такъ, скала субъективныхъ цѣнностей такъ же индивидуальна, какъ и скала потребностей. Субъективная цѣнность, далѣе, подобно интенсивности потребности представляетъ величину, но только сравнимую, а не измѣримую. Поэтому величина субъективной цѣнности также не поддается численному выраженію. Между цѣнностями разныхъ благъ, равно какъ между цѣнностями единицы одного и того же блага при разныхъ запасахъ его, могутъ быть установлены лишь соотношенія > и <.

лезности. Эта цѣнность вытекала изъ послѣдней, но была чѣмъ-то другимъ, болѣе или менѣе искусственно выводимымъ изъ полезности. Теперь выводить цѣнности не приходится, и это представляется мнѣ выгодой" (тамъ же, стр. 109). Поэтому въ [illegible] работѣ (Wesen und Aufgaben) *Schumpeter* прямо отправляется отъ скалы, какъ онъ выражается, функціи субъективной цѣнности.

Скала цѣнности даетъ лишь относительныя величины, абсолютной величины субъективной цѣнности мы опредѣлить не можемъ. Поэтому мы не можемъ уловить одновременнаго повышенія или паденія субъективной цѣнности всѣхъ благъ для даннаго лица[1]. Наконецъ, вслѣдствіе тѣхъ же свойствъ, какія отличаютъ потребности, и субъективныя цѣнности сравнимы только для одного и того же лица: мы можемъ сказать, цѣнность какого блага для этого лица больше и какого меньше. Но субъективныя цѣнности однихъ и тѣхъ же благъ для разныхъ лицъ несравнимы. Лишь въ области экономической политики допускается грубое и приблизительное сравненіе высоты цѣнности благъ для разныхъ лицъ, покоющееся на предпосылкѣ равенства людей и ихъ ощущеній. Такъ, напримѣръ, при установленіи прогрессивнаго налога руководятся тѣмъ, что субъективная цѣнность 1 рубля для бѣдняка во много разъ выше, нежели для человѣка богатаго. Но точное сравненіе субъективныхъ цѣнностей благъ для раз-

[1]) Относительный характеръ субъективной цѣнности подчеркиваетъ *Heinrich Cohn*. „Цѣнность вещи, пишетъ онъ, основывается на сравненіи этой вещи съ другою вещью въ смыслѣ способности ихъ удовлетворять наши потребности; цѣнность выражаетъ результатъ этого сравненія и является, поэтому, тѣмъ отношеніемъ, въ которомъ находится расцѣнка нами двухъ предметовъ, какъ средствъ удовлетворенія нашихъ потребностей“ (Die subjektive Natur des Wertes, стр. 10). Точно также *Gide* считаетъ субъективную цѣнность понятіемъ относительнымъ. Она, по его мнѣнію, схожа съ размѣромъ или вѣсомъ тѣла. Если бы существовало всего одно тѣло, нельзя было бы говорить о томъ, велико оно или мало, такъ же нельзя было бы въ этомъ случаѣ сказать, велика или мала его субъективная цѣнность Отсюда же ясна, замѣчаетъ онъ, невозможность одновременнаго повышенія или пониженія всѣхъ субъективныхъ цѣнностей (Principes, стр. 51). Онъ добавляетъ, однако, что все-же можно говорить о всеобщемъ измѣненіи субъективныхъ цѣнностей. Оно обозначало бы, что одновременно упала или выросла интенсивность всѣхъ желаній человѣка. Точно также уменьшился бы вѣсъ всѣхъ тѣлъ, если бы уменьшилась сила земного притяженія. Но на практикѣ такое уменьшеніе всѣхъ субъективныхъ цѣнностей не было бы замѣтно. Оно сказалось бы развѣ въ замедленіи хозяйственной дѣятельности человѣка (тамъ же, стр. 52). По поводу послѣдняго замѣчанія надо сказать, что если бы одновременно съ паденіемъ интенсивности всѣхъ желаній упала въ той же мѣрѣ и отрицательная субъективная цѣнность труда, т. е., его тягость, то и отмѣчаемаго *Gide*'омъ замедленія хозяйственной дѣятельности не произошло бы. А, вѣдь, только тогда мы имѣли бы паденіе *всѣхъ* субъективныхъ цѣнностей. Наоборотъ, *Naumann* считаетъ субъективную цѣнность относительной только въ томъ смыслѣ, что она всегда результатъ сравненія *двухъ состояній* психики человѣка—при условіи обладанія вещью и безъ него. Но субъективная цѣнность, по его мнѣнію, можетъ быть и абсолютной въ томъ смыслѣ, что она можетъ вовсе не являться результатомъ сравненія цѣнности *двухъ* вещей. Мы мо-

ныхъ лицъ невозможно[1]). Теорія расцѣнки должна, поэтому, отправляться отъ несравнимости субъективныхъ цѣнностей для разныхъ лицъ. Такъ и поступаемъ мы въ дальнѣйшемъ. При этомъ, какъ показано будетъ во второй части, для пониманія явленій расцѣнки и обмѣна сравнительная величина субъективныхъ цѣнностей для разныхъ лицъ не нужна, какъ не нужна и сравнительная интенсивность ихъ потребностей. Наконецъ, изъ несравнимости величинъ субъективной цѣнности для разныхъ лицъ вытекаетъ невозможность построенія общей субъективной цѣнности благъ для всего общества. Всѣ разсужденія о *соціальной* предѣльной полезности и *соціальной* цѣнности, столь излюбленныя мно-

---

жемъ и относительно *одной* вещи сказать, имѣетъ она для насъ цѣнность или нѣтъ (Die Lehre vom Wert, стр. 30—1). Мы считаемъ, что относительно *одной* вещи можно сказать только, имѣетъ она вообще для насъ цѣнность или нѣтъ, т. е установить наличность или отсутствіе цѣнности; сказать же, имѣетъ она большую или малую цѣнность, т. е. установить ея *величину*, мы не можемъ. Лишь при сравненіи цѣнностей нѣсколькихъ благъ мы устанавливаемъ ихъ величину, но величину всегда относительную. На это *Heyen* говоритъ, что для такого сравненія необходимо, однако, раньше знать абсолютныя величины обѣихъ субъективныхъ цѣнностей (Theorie des wirtschaftlichen Wertes, стр. 78—9). Это замѣчаніе ничего не доказываетъ. Субъективныя цѣнности, думается намъ, имѣютъ абсолютныя величины. Мы этого не отрицаемъ. Мы говоримъ только, что этихъ величинъ мы не можемъ узнать. Фактъ сравненія также не служитъ доказательствомъ того, что мы знаемъ эти абсолютныя величины. Мы сравниваемъ ихъ въ нашей психикѣ, но до сознанія нашего доходитъ только *результатъ* этого сравненія въ видѣ *сравнительныхъ* величинъ субъективныхъ цѣнностей разныхъ благъ.

[1]) *Ehrenfels*, наоборотъ, находитъ, что можно сравнивать цѣнность благъ для разныхъ лицъ. Цѣнность, говоритъ онъ, измѣряется интенсивностью психическаго переживанія. Сравнивъ переживанія разныхъ лицъ, мы можемъ опредѣлить величину цѣнности даннаго блага для этихъ лицъ (System der Werttheorie. I, стр. 96). Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какъ можно сравнить интенсивность желаній, чувствъ и вообще психическихъ переживаній разныхъ лицъ. Можно дѣлать лишь самые грубые выводы на основаніи внѣшняго поведенія людей, весьма часто совершенно не отвѣчающаго внутреннимъ переживаніямъ. *Ehrenfels* подчеркиваетъ важность сравненія цѣнности разныхъ лицъ и полученія путемъ такого сравненія коллективныхъ цѣнностей для этики и экономики (тамъ-же, стр. 101). Мы не отрицаемъ огромной важности такого сравненія именно для экономической *политики*. Теперь она исходитъ изъ предположеній, что для всѣхъ людей одинаково тягостенъ трудъ, что всѣ одинаково цѣнятъ досугъ, хозяйственную независимость и различныя хозяйственныя блага, что для всѣхъ съ увеличеніемъ количества блага одинаково падаетъ цѣнность этого блага и пр. На самомъ дѣлѣ это навѣрное, не такъ. И вотъ, если бы можно было показать, какъ цѣнятъ все перечисленное разныя группы людей—то это было бы очень важно. До сихъ поръ, однако, наше научное знаніе этого показать не въ состояніи.

гими экономистами, надо признать теоретически ошибочными[1]). Но счастью, эти понятія не нужны для пониманія явленій общественной хозяйственной жизни.

[1]) О коллективной расцѣнкѣ говоритъ *Wieser*. Правда, онъ поясняетъ, что соціальной цѣнности въ смыслѣ расцѣнки „общества, какъ цѣлаго", онъ не признаетъ (Uber den Ursprung, стр. 21—31). Но онъ признаетъ коллективную расцѣнку, какъ расцѣнку вещей отдѣльными лицами съ точки зрѣнія интересовъ общества, т. е съ точки зрѣнія „общаго соотношенія потребностей и владѣнія у этого крупнаго цѣлаго" (тамъ же, стр. 38). Въ своей позднѣйшей статьѣ „Grenznutzen" (Hwb. d. Stw. 3. Aufl. V. Bd.) *Wieser* признаетъ „общественную предѣльную полезность". Интересно отмѣтить, что онъ подымаетъ здѣсь вопросъ о соціальной полезности и соціальной цѣнности въ связи съ вопросами экономической политики, а именно вопросами о выравниваніи рѣзко расходящихся предѣльныхъ полезностей благъ для разныхъ лицъ. Говоритъ о коллективной субъективной цѣнности также *Sax*, но и онъ поясняетъ, что это не расцѣнка общества, какъ какого-то фиктивнаго индивидуума, а лишь учтенная представителями народа расцѣнка отдѣльныхъ индивидуумовъ, входящихъ въ составъ народа (Grundlegung стр. 300). О субъективной цѣнности благъ для общества опредѣленно говоритъ *Clark* Такъ, онъ пишетъ, что послѣдняя предложенная единица каждаго блага прибавляетъ „обществу, какъ цѣлому", равную сумму удовлетворенія (Distribution, стр. 391). Онъ строитъ даже діаграмму, иллюстрирующую равную дѣйствительную полезность для общества различныхъ приращеній разныхъ благъ, потребляемыхъ обществомъ. Эта же діаграмма, по мнѣнію *Clark*'а, иллюстрируетъ то, что предѣльная *соціальная* выгода, доставляемая каждымъ благомъ, равна предѣльному *соціальному* пожертвованію, съ которымъ связано добываніе блага (тамъ же, стр. 387 и 391—2) Съ *Clark*'омъ въ этомъ отношеніи сходится другой американскій экономистъ—*Seligman*. Наряду съ индивидуальной полезностью и цѣнностью онъ говоритъ о соціальной полезности и цѣнности. „Общество, пишетъ онъ, какъ цѣлое, устанавливаетъ цѣнность вещей. Правда, общество состоитъ изъ индивидуумовъ, но цѣнность создается совокупностью индивидуальныхъ желаній" (Principles, стр. 179). „Поэтому, заключаетъ онъ, цѣнность есть не только выраженіе предѣльной полезности: она является выраженіемъ соціальной предѣльной полезности" (тамъ же, стр. 180). Въ другой своей работѣ, посвященной спеціально анализу соціальныхъ элементовъ въ теоріи цѣнности, *Seligman* разсматриваетъ меновую цѣнность, какъ „соціальную предѣльную полезность" и „соціальную потребительную цѣнность" („Social elements in the theory of value" въ Quart. Journal of Econ. Vol. XV 1901. May, стр. 326—7). Индивидуальная полезность, говоритъ онъ, точно такъ же является лишь отраженіемъ соціальной полезности, какъ индивидуальныя издержки производства являются отраженіемъ соціальныхъ издержекъ (тамъ же, стр. 347). Наконецъ, о соціальной предѣльной полезности, какъ предѣльной полезности послѣдняго наименѣе состоятельнаго покупателя, говоритъ *Kalinoff*. Отысканіе такой соціальной полезности онъ считаетъ возможнымъ и правильнымъ. Къ сожалѣнію, онъ не показываетъ, какъ можно находить эту соціальную полезность, если не считать правильнымъ, что полезность пропорціональна количеству денегъ, которое согласны разныя лица платить за предметы. Но весьма показательно, что *Kalinoff*'а очень сильно интересуетъ при-

§ 27 Роль субъективной цѣнности.

По поводу спора о цѣлесообразности введенія трехъ понятій—потребности, полезности и субъективной цѣнности—надо, сверхъ сказаннаго въ предыдущемъ параграфѣ, отмѣтить слѣдующее. Споръ этотъ можетъ быть окончательно замиренъ только тогда, если показана будетъ та самостоятельная роль, которую играютъ всѣ эти три понятія въ хозяйственной жизни. Особый интересъ представляетъ съ этой точки зрѣнія выясненіе роли субъективной цѣнности [1]).

мѣненіе теоріи цѣнности именно къ вопросамъ экономической политики Онъ отмѣчаетъ, что сравненіе предѣльной полезности для разныхъ лицъ и нахожденіе „соціальной предѣльной полезности" важно для рѣшенія проблемъ распредѣленія, для налоговой и хозяйственной политики (Ricardo und Grenzwerttheorie, стр. 65) Всѣ эти попытки построить соціальную предѣльную полезность и соціальную субъективную цѣнность для насъ противорѣчатъ несравнимости абсолютныхъ величинъ интенсивности психическихъ переживаній разныхъ лицъ. При этомъ, когда рѣчь идетъ о *соціальной* полезности и цѣнности, остается совершенно невыясненнымъ вопросъ о томъ, полезность и цѣнность *для кого* принимается за мѣрило соціальной полезности и цѣнности, а если эти послѣднія составляются изъ полезностей и цѣнностей многихъ лицъ, то не выяснено, какимъ путемъ составляется изъ многихъ различныхъ полезностей и субъективныхъ цѣнностей какая-то одна полезность и одна субъективная цѣнность. Внѣ грубыхъ пріемовъ и произвольныхъ масштабовъ, къ которымъ по необходимости приходится въ данномъ случаѣ прибѣгать экономической политикѣ, эти вопросы намъ кажутся пока неразрѣшимыми. И рѣшеніе ихъ, какъ сказано въ текстѣ, не нужно для теоріи расцѣнки.

[1]) Это сознавали уже основатели теоріи субъективной цѣнности. *Wieser*, напримѣръ, прямо говоритъ, что задача теоріи цѣнности не ограничивается объясненіемъ возникновенія и законовъ цѣнности, она должна также выяснить функцію послѣдней въ хозяйственной жизни (Natürl. Wert. стр. 40). Функція эта, по *Wieser*'у, состоитъ въ слѣдующемъ: благодаря понятію цѣнности „интересъ къ полезности благъ такъ тѣсно связывается съ представленіемъ о благахъ. что онъ сознается нами, какъ внѣшнее явленіе" (тамъ же, стр. 96). Этимъ субъективная цѣнность оказываетъ въ высшей степени дѣятельную помощь, такъ какъ вмѣсто неясныхъ внутреннихъ возбужденій наше вниманіе привлекаютъ къ себѣ ощутимые, близкіе объекты дѣйствія (тамъ же, стр. 96). При этомъ *Wieser* отмѣчаетъ особую выгоду, получающуюся при регулированіи потребленія отъ того, что цѣнность каждой единицы блага при данномъ запасѣ его одна и та же. Человѣкъ, говоритъ онъ, устанавливаетъ тотъ уровень субъективной цѣнности, до котораго хозяйственное положеніе каждаго лица позволяетъ ему довести удовлетвореніе его потребностей. И тогда: „всѣ желанія, важность которыхъ выше или равна этой цѣнности, удовлетворяются, всякое же желаніе, важность котораго ниже цѣнности, отклоняется" (тамъ же, стр. 136). Получается значительная экономія силъ. Вмѣсто того, чтобы разбираться во всѣхъ своихъ потребностяхъ.

Потребности въ благахъ, какъ мы знаемъ, составляютъ основную движущую силу хозяйственной дѣятельности. Но, дѣйствуя подъ вліяніемъ потребностей, мы переносимъ эти наши ощущенія на блага и разсматриваемъ ихъ, какъ свойства самихъ благъ. Въ этомъ, какъ мы видѣли, лежитъ сущность полезности. Такое объективированіе потребностей не является чѣмъ-то безцѣльнымъ и ненужнымъ. Оно несетъ съ собою значительное упрощеніе дѣятельности человѣка. Благодаря ему менѣе ясныя субъективныя влеченія замѣняются для человѣка болѣе ясными свойствами благъ, на которыя и обращается вниманіе хозяйствующаго человѣка. Ради этого онъ выработалъ наряду съ понятіемъ потребности понятіе полезности. Однако, одного понятія полезности недостаточно для веденія хозяйства. Во-первыхъ, полезность еще не говоритъ о томъ, удовлетвореніе какой потребности

человѣкъ просто дѣлитъ послѣднія на двѣ группы: выше и ниже цѣнности. Именно такъ происходитъ выборъ предметовъ потребленія (тамъ же, стр. 139—40 и 161—9). *Bohm-Bawerk* также посвящаетъ цѣлую главу своей статьи объ основахъ цѣнности вопросу о роли субъективной цѣнности. Цѣнность, говоритъ онъ, это какъ-бы запись какого-то автоматическаго аппарата, показывающаго отношеніе даннаго блага къ нашему благополучію. Въ виду этого она служитъ компасомъ и универсальнымъ промежуточнымъ мотивомъ хозяйственныхъ дѣйствій: „компасомъ—ибо она показываетъ, въ какомъ направленіи сильнѣе всего напряженъ нашъ интересъ къ благамъ и въ какую сторону должна быть направлена наша хозяйственная дѣятельность; промежуточнымъ мотивомъ—потому что, чувствуя, что цѣнность является вѣрнымъ отраженіемъ нашихъ интересовъ, заключающихся въ стремленіи къ благополучію, мы давно привыкли въ хозяйственной жизни просто слѣдовать за наибольшею цѣнностью“ („Grundzüge“ въ Jahrb. f. Nök. u. St. 1886, стр. 78). Подробныя замѣчанія о роли субъективной цѣнности мы находимъ и у *Sax*'а. Цѣнность, какъ особое свойство человѣка связывать съ вещами значеніе тѣхъ потребностей, которыя ими удовлетворяются—это, по *Sax*'у, особый надежный указатель для хозяйствующаго человѣка въ трудномъ дѣлѣ выбора тѣхъ вещей, которыя изъ пестрой массы предметовъ болѣе всего способствуютъ при данныхъ конкретныхъ условіяхъ благополучію лица (Grundlegung, стр. 115). Цѣнностью руководится человѣкъ при производствѣ, сохраненіи и экономическомъ употребленіи благъ, „предпочитая всегда большія цѣнности меньшимъ“ (тамъ же, стр. 254). Особенныя выгоды представляетъ то, что цѣнность каждой единицы блага одна и та же (тамъ же, стр. 260—1). О томъ же *Sax* говоритъ въ своей другой работѣ (Fortschritte, стр 18—9 и 25—6).

Эти цѣнныя разъясненія теоретиковъ австрійской школы нуждаются, однако, въ болѣе отчетливомъ выдѣленіи особенностей хозяйственной роли субъективной цѣнности по сравненію съ ролью полезности. Кромѣ того, когда приведенные авторы говорятъ о роли цѣнности, они имѣютъ въ виду уже *опредѣленную* цѣнность. Между тѣмъ какъ хозяйственную дѣятельность направляетъ не какая-либо одна опредѣленная цѣнность, а *скала* субъективныхъ цѣнностей.

зависитъ отъ даннаго блага; вслѣдствіе этого полезность еще не можетъ сама по себѣ дать достаточныхъ указаній для направленія хозяйственной дѣятельности лица. Во-вторыхъ, полезность отдѣльныхъ единицъ блага при данномъ запасѣ его остается разной; поэтому, пока человѣкъ знаетъ только полезность благъ, онъ не можетъ не дѣлать различія между разными единицами, и постоянное сохраненіе въ сознаніи этихъ различій сильно понижаетъ достоинство роли полезности, какъ руководителя хозяйственной дѣятельности.

Вотъ почему у хозяйствующаго человѣка вырабатывается понятіе субъективной цѣнности. Цѣнность эта, во-первыхъ, отражаетъ *зависимость* удовлетворенія потребностей отъ данныхъ благъ и, слѣдовательно, даетъ человѣку именно то, что ему надо. Стремясь къ тому, что имѣетъ бо́льшую цѣнность, и избѣгая того, что обладаетъ меньшею, человѣкъ какъ разъ приходитъ къ наиболѣе выгодному удовлетворенію потребностей. Во-вторыхъ, цѣнность всѣхъ единицъ блага при каждомъ данномъ запасѣ его одинакова. Это дальнѣйшій шагъ въ перенесеніи нашихъ потребностей на внѣшніе предметы, въ объективированіи потребностей. Когда одинаковыя единицы одного и того же блага имѣютъ разную полезность, связь этого свойства съ человѣкомъ еще слишкомъ тѣсна. Когда же каждая единица, какую бы потребность она ни удовлетворяла, представляетъ одинаковую цѣнность, и цѣнность эта для даннаго лица мѣняется отъ измѣненія объективнаго условія, т. е. запаса блага, то связь потребности съ человѣкомъ становится еще слабѣе, потребность человѣка еще полнѣе переходитъ въ свойство самой вещи. А это несетъ съ собою новое упрощеніе разрѣшенія сложныхъ задачъ хозяйственной дѣятельности. Вниманіе хозяина не дробится всякій разъ между разной полезностью отдѣльныхъ единицъ, а просто направляется на ту одну цѣнность блага, которою обладаютъ при данномъ запасѣ всѣ его единицы, не смотря на различіе обслуживаемыхъ ими потребностей. Вотъ почему хозяйственная дѣятельность, въ частности выборъ благъ для потребленія и совершенія мѣновыхъ сдѣлокъ[1]), направляется не

[1]) Въ послѣднемъ случаѣ дѣйствуетъ наряду съ субъективной потребительной цѣнностью субъективная мѣновая цѣнность. О роли послѣдней *Wieser* говоритъ: „Безъ нея не могъ бы быть выполненъ правильно ни одинъ расходъ, ни одна покупка, ни одна продажа; бѣдный не могъ бы выступить на рынкѣ въ качествѣ бѣднаго, богатый — въ качествѣ богатаго Каждый отдѣльный мѣновой

непосредственно потребностями, и не полезностью благъ, а ихъ цѣнностью. Но направляетъ хозяйственную дѣятельность, поскольку она зависитъ отъ субъективной цѣнности, не та или иная *опредѣленная* цѣнность блага, а *скала* цѣнностей, являющаяся объективированной скалой потребностей. Цѣнность опредѣленной величины является почти всегда уже продуктомъ хозяйственной дѣятельности. Она получается лишь послѣ того, какъ хозяйственная дѣятельность опредѣлила запасъ даннаго блага. Вотъ почему человѣкъ, приступая къ этой дѣятельности, долженъ все-таки знать не одну какую-либо цѣнность каждаго блага, а скалу его цѣнностей.

Необходимость знать цѣлую скалу субъективныхъ цѣнностей для каждаго блага облегчается, однако, слѣдующимъ. Когда хозяйство не строится все цѣликомъ заново, а продолжается уже разъ заведенное, когда уже имѣются извѣстные запасы благъ и дѣло идетъ лишь о пополненіи или измѣненіи ихъ, когда при этомъ измѣненія запасовъ не выходятъ за обычные узкіе предѣлы—тогда человѣку не надо знать *всей* скалы цѣнности. Человѣкъ прямо отправляется отъ той цѣнности, которую имѣетъ для него благо въ данный моментъ при данномъ запасѣ. И если эта цѣнность выше цѣнности другихъ благъ, онъ расширяетъ запасъ этого блага, если цѣнность его ниже цѣнности другихъ благъ, онъ сокращаетъ его запасъ. При этомъ для выясненія предѣловъ выгоднаго расширенія или сокращенія запаса блага надо знать лишь ближайшія части скалы цѣнности, лежащія по обѣ стороны отъ существующей въ начальный моментъ цѣнности блага. Эти части скалъ цѣнности постоянно вновь вспоминаются, поэтому онѣ хорошо извѣстны хозяйствующему человѣку, и онъ автоматически пользуется ими. Такъ происходитъ обычное теченіе хозяйственной жизни. Но иногда сказывается потребность и въ другихъ болѣе крайнихъ членахъ скалъ субъективной цѣнности. Это бываетъ въ различные необычные моменты, когда глубоко всколыхивается хозяйственное положеніе лица. Таковы случаи быстраго обогащенія или раззоренія,

---

акъ покоится на ней, а этимъ самымъ на ней покоится нѣчто большее, нежели порядокъ веденія отдѣльнаго хозяйства — на нее опирается весь хозяйственный оборотъ" (Natürl. Werth, стр. 48). *Wieser* прибавляетъ къ этому, что безъ субъективной мѣновой цѣнности невозможна была бы сравнительная расцѣнка благъ потребительныхъ съ благами мѣновыми, т. е. благами, назначенными даннымъ лицомъ для обмѣна. См. о роли субъективной мѣновой цѣнности въ статьѣ *Wieser*'а „Grenznutzen" (Hwb d. Stw 3. Aufl V. Bd., стр. 64)

равно какъ случаи рѣзкаго измѣненія цѣнъ товаровъ. Такія событія заставляютъ хозяйство рѣзко перестраиваться. И вотъ тогда-то выростаетъ потребность въ другихъ частяхъ скалъ цѣнности, не замѣчаемая въ обычное время. При этомъ нужны въ такихъ случаяхъ крайнія верхнія или нижнія части скалъ. Части эти обычно недостаточно выработаны человѣкомъ. Отсюда масса ошибокъ, дѣлаемыхъ людьми при такихъ внезапныхъ перестройкахъ хозяйства.

Такими представляются намъ тѣ особенности, которыя отличаютъ роль субъективной цѣнности отъ роли полезности и потребностей. Эта особенность хозяйственной роли является для насъ самымъ сильнымъ доводомъ въ пользу цѣлесообразности сохраненія въ экономической теоріи особаго понятія субъективной цѣнности наряду съ понятіями потребности и полезности.

Однако, среди экономистовъ имѣется цѣлый рядъ такихъ авторовъ, которые, не отрицая самостоятельной роли субъективной цѣнности, не находятъ все-же возможнымъ включать изслѣдованіе этого вида цѣнности въ экономическую науку. Авторы эти говорятъ, что субъективная цѣнность, какъ и полезность, есть явленіе чисто индивидуальное. Она къ соціальной жизни не относится. Притомъ же цѣнность эта вовсе не специфически-экономическое явленіе, а общепсихологическое. Изученіе его, поэтому, должно имѣть мѣсто не въ наукѣ объ общественномъ хозяйствѣ, какою является экономическая наука, а въ общей индивидуальной психологіи. Понятія изъ области расцѣнки, относящіяся къ экономической наукѣ—это лишь ѣна и объективная мѣновая цѣнность. Такая точка зрѣнія требуетъ принципіальнаго исключенія субъективной цѣнности изъ экономической науки. Разберемся въ этой точкѣ зрѣнія [1]).

[1]) Противъ включенія въ экономическую науку субъективной цѣнности, какъ явленія индивидуальнаго, возражаетъ *Lexis* „Чтобы, говоритъ онъ, объяснять хозяйственныя явленія, не нужно точное знаніе индивидуальныхъ элементовъ“ („Grenznutzen“ въ Hwb. d. Stw. 1. Aufl. 1. Splbd., стр. 432). Въ частности, вопросъ о рыночной расцѣнкѣ, по его словамъ, рѣшается при знаніи одной общей величины спроса и предложенія. Знаніе индивидуальныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается общій спросъ и общее предложеніе, не нужно. По этому поводу надо замѣтить, что для построенія эмпирическихъ законовъ рыночной расцѣнки можно отправляться прямо отъ общаго спроса и предложенія. Но это не будетъ доведеніе до конца теоретическаго анализа рыночной расцѣнки. Общій спросъ и предложеніе, какъ мы уже отмѣчали, представляютъ собою еще сложныя хозяйственныя явленія. Экономическая теорія не можетъ считать свою задачу выполненной,

Что субъективная цѣнность не социальное, а индивидуальное явленіе—это вѣрно. Но наука о хозяйствѣ не исчерпывается обще-

если эти явленія не объяснены, т. е. не разложены на простые элементы и не выведены изъ нихъ. Однимъ изъ такихъ элементовъ и является скала субъективной цѣнности, въ свою очередь сводимая на скалу потребностей людей. А если такъ, то безъ привлеченія этихъ скалъ нельзя построить законченной теоріи того массоваго народно-хозяйственнаго процесса, изученіе котораго составляетъ, по *Lexis*'у, задачу экономической науки. *Lexis*, однако, дальше самъ признаетъ значеніе субъективныхъ элементовъ. Онъ говоритъ только, что привлеченіе ихъ было бы тогда необходимо, если бы они „могли дать точныя количественныя нормы для измѣненій общаго предложенія и общаго спроса. Этого, однако, нѣтъ... а потому психологическія разсужденія... не могутъ дать намъ никакого конкретнаго знанія относительно массовыхъ явленій образованія цѣны на большомъ рынкѣ“ (указ. статья, стр 432). Съ этимъ также нельзя согласиться. Если нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что данный элементъ участвуетъ въ качествѣ причины въ образованіи какихъ-либо явленій, то необходимость привлеченія его къ объясненію этихъ явленій не можетъ зависѣть отъ степени точности нашихъ знаній о немъ. То, что мы не можемъ пока точно опредѣлить силу дѣйствія извѣстной причины, еще не основаніе для того, чтобы вообще вычеркнуть эту причину изъ объясненія даннаго явленія. Именно въ такомъ положеніи находимся мы по отношенію къ скалѣ субъективной цѣнности и скалѣ потребностей. Пока мы не будемъ знать точно сравнительной величины отдѣльныхъ членовъ, входящихъ въ составъ этихъ скалъ, мы не въ состояніи будемъ *вычислять* возникающихъ подъ ихъ вліяніемъ явленій обмѣна и рыночной расцѣнки. Но „вычислять“ и „понять“, т. е. построить общую теоретическую схему—это разныя вещи.

Отрицательное отношеніе къ субъективной цѣнности мы встрѣчаемъ также у сторонниковъ трудовой теоріи цѣнности. Такъ, напр., проф. *А. А. Исаевъ* считаетъ, что понятія субъективной цѣнности и предѣльной полезности крайне индивидуальны, различны у разныхъ людей и не общественны, а потому не могутъ быть положены въ основу теоріи общественнаго хозяйства. Онъ пишетъ: „экономистъ долженъ забыть о предѣльной полезности, ибо на ней лежитъ печать индивида, а не общественной среды, долженъ во всѣхъ случаяхъ считаться съ полезностью вообще: именно въ понятіи о ней выражается общественно признанная годность благъ служить для человѣческихъ потребностей“ (Начала политической экономіи. 6 изд. 1905, стр. 417). Дѣло, однако, въ томъ, что явленія общественнаго хозяйства слагаются подъ вліяніемъ не какой-то неясной полезности *вообще*, а подъ вліяніемъ индивидуальныхъ, субъективно приписываемыхъ благамъ, полезностей и индивидуальныхъ же скалъ субъективныхъ цѣнностей. Задача экономической теоріи сводится именно къ тому, чтобы показать, какъ изъ этихъ субъективныхъ, индивидуальныхъ элементовъ слагается общественный хозяйственный процессъ. Съ этой задачей не справилась объективная теорія цѣнности, она не допускаетъ даже самой постановки такой задачи. Такъ, одинъ изъ новѣйшихъ защитниковъ теоріи *Marx*'а, *Hilferding*, пишетъ по адресу психологической школы слѣдующее: „Она пытается прійти къ теоріи экономическихъ явленій, а между тѣмъ исключаетъ изъ своего разсмотрѣнія самую экономію. Вмѣсто экономическаго, общественнаго отношенія она избираетъ исходнымъ пунктомъ своей си-

ственнымъ хозяйствомъ и хозяйственными отношеніями между людьми. Хозяйство изолированное, а въ хозяйствѣ общественномъ индиви-

---

стемы *индивидуальное* отношеніе человѣка къ вещамъ. Она разсматриваетъ это отношеніе съ психологической точки зрѣнія, какъ подчиненное естественнымъ, неизмѣннымъ законамъ. Она исключаетъ общественно-обусловленныя производственныя отношенія, равно какъ ей чужда мысль о закономѣрномъ развитіи хозяйственныхъ явленій. Эта экономическая теорія означаетъ отрицаніе экономіи; послѣднее слово, сказанное буржуазною національной экономіей въ отвѣтъ научному соціализму, представляетъ собою *самоуничтоженіе* (Selbstaufhebung) *національной экономіи*" (Böhm-Bawerks Marx-Kritik, стр. 61). Какъ видимъ, за шаблоннымъ упрекомъ въ буржуазности въ приведенныхъ строкахъ не кроется даже мысли о томъ, что общественное хозяйство все-таки есть созданіе огромнаго числа индивидуумовъ и потому скалы потребностей и субъективныхъ расцѣнокъ этихъ индивидуумовъ не могутъ не быть привлечены наряду съ объективными условіями къ объясненію общественнаго хозяйства. Совершенно ошибочно также мнѣніе *Hilferding*'а, что включеніе субъективныхъ моментовъ дѣлаетъ теорію не только „несоціальной", но и „*неисторичной*", открывающей лишь „естественныя и вѣчныя категоріи" (указ. соч., стр. 11). Такая точка зрѣнія упускаетъ изъ виду, что 1) сами субъективные моменты, т. е. индивидуальныя потребности и индивидуальныя скалы субъективной цѣнности, не представляютъ чего-либо „вѣчнаго", а мѣняются во времени, 2) хотя скала потребительной субъективной цѣнности представляетъ выраженіе отношенія человѣка къ вещамъ, но вырастающія на ней общественныя хозяйственныя явленія вовсе не теряютъ отъ этого своего историко-правового характера; объясняется это тѣмъ, что на однѣхъ и тѣхъ же скалахъ потребностей и субъективныхъ цѣнностей при однихъ историческихъ условіяхъ выростаютъ одни явленія общественнаго хозяйства, а при другихъ — другія. Прибавимъ ко всему этому, что *Hilferding* въ цитируемомъ мѣстѣ напрасно съуживаетъ понятіе экономіи вообще до „національной" экономіи.

Изъ другихъ авторовъ противъ включенія въ ученіе объ общественномъ хозяйствѣ предѣльной полезности и субъективной цѣнности возражаетъ *Oldenberg*. „Ученіе о предѣльной полезности, пишетъ онъ, несомнѣнно имѣетъ важное значеніе, но не для національно-экономической, а для частно-экономической теоріи. Оно представляетъ философію индивидуальнаго хозяйства, производящаго расходы, *vademecum* для теоретизирующихъ домашнихъ хозяевъ и домашнихъ хозяекъ, подобно тому, какъ технологія или ученіе о коммерческой бухгалтеріи является теоріей частнаго промысловаго хозяйства и составляетъ отдѣлъ частной экономіи. Національная же экономія имѣетъ дѣло не съ отдѣльнымъ хозяйствомъ, а съ ихъ народно-хозяйственными связями" (Zur Preislehre, стр. 277). Наконецъ, недавно аналогичное возраженіе сдѣлалъ *Ammon*. „Явленіе субъективной цѣнности, говоритъ этотъ авторъ, вовсе не специфически національно-экономическое и вообще не соціальное, а чисто-индивидуальное, психологическое явленіе" (Objekt und Grundbegriffe, стр. 327). Однако, *Ammon* не отрицаетъ вполнѣ значенія субъективной цѣнности для общественно-экономическаго изслѣдованія, онъ только отводитъ ей служебную роль, что, впрочемъ, не умаляетъ евристическаго значенія субъективной цѣнности. „Она, говоритъ онъ, подлежитъ разсмотрѣнію національной экономіи лишь постолько, посколько субъективная цѣнность

дуальныя хозяйственныя дѣйствія—напримѣръ, выборъ лицомъ предметовъ потребленія—также относятся къ хозяйственнымъ явленіямъ. Между тѣмъ для этихъ индивидуальныхъ хозяйственныхъ явленій субъективная цѣнность такое же основное понятіе, какъ цѣна и объективная-мѣновая цѣнность для явленій общественнаго хозяйства. Далѣе, для объясненія явленій цѣны и объективной мѣновой цѣнности цѣнность субъективная представляетъ необходимое средство. Анализъ ея не можетъ, поэтому, не интересовать живѣйшимъ образомъ науки объ общественномъ хозяйствѣ.

Вѣрно и то, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ субъективная цѣнность представляетъ не специфически хозяйственное, а общее психологическое понятіе, въ которомъ слито экономическое съ неэкономическимъ. Но раньше всего въ хозяйственной жизни въ очень многихъ, и при томъ наиболѣе типичныхъ, случаяхъ субъективная цѣнность выступаетъ въ видѣ хозяйственной цѣнности, представляя такимъ образомъ особый видъ общаго психологическаго явленія субъективной цѣнности. Анализъ его, если и составляетъ предметъ психологіи, то психологіи хозяйственной, проблемы которой практически неотдѣлимы отъ проблемъ экономической науки. А затѣмъ, даже какъ общее психологическое явленіе, субъективная цѣнность разсматривается экономической наукой съ такихъ сторонъ и въ связи съ такими дру-

находится въ причинной связи съ объективнымъ соціальнымъ явленіемъ—цѣной. Субъективная цѣнность сама по себѣ, независимо отъ этой связи, вовсе не составляетъ проблемы соціальной науки и національной экономіи, она чисто-психологическая проблема, въ основѣ которой не лежитъ ничего, кромѣ общихъ предпосылокъ всякаго психологическаго изслѣдованія, проблема, которая просто должна быть включена въ рамки психологіи и должна быть разрѣшена съ помощью средствъ, понятій и методовъ послѣдней. Понятіе субъективной цѣнности является, поэтому, въ національной экономіи не первоначальнымъ, непосредственно даннымъ понятіемъ, оно вовсе не основное понятіе національной экономіи, а второстепенное вспомогательное психологическое понятіе" (тамъ же, стр. 369). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „на фактѣ субъективной цѣнности оканчивается специфически національно-экономическое и начинается область психологіи" (тамъ же, стр. 367). *Amton* прибавляетъ вслѣдъ за этимъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ проникновенія національной экономіи въ эту область. *Психологія*—это одна пограничная область, въ которую національная экономія бросаетъ якорь для закрѣпленія (verankert) своихъ послѣднихъ основъ. Другой такой пограничной областью является *техника*. Изъ за принципа единства науки желательно, чтобы національная экономія вошла въ эти смежныя области и построила въ нихъ свой фундаментъ. Но не надо забывать, что это уже не область національной экономіи (тамъ же, стр. 367). Эти замѣчанія разобраны нами въ текстѣ.

гими явленіями. что общая психологія, въ томъ числѣ и ея ученіе о цѣнностяхъ, пока не устраняетъ необходимости въ самостоятельномъ анализѣ субъективной цѣнности со стороны экономической науки. Пусть это называютъ экскурсомъ въ область психологіи. Важность субъективной цѣнности и неразработанность нѣкоторыхъ вопросовъ, связанныхъ съ нею, являются достаточнымъ оправданіемъ для экономиста. предпринимающаго этотъ не легкій для него экскурсъ. Кто-нибудь эту работу все равно долженъ продѣлать для того, чтобы создана была цѣльная и законченная теорія расцѣнки хозяйственныхъ благъ. Задача критики, поэтому, сводится къ тому, чтобы провѣрять сдѣланную въ этой области работу и указывать допущенныя ошибки, а вовсе не къ непрерывнымъ окрикамъ по адресу каждаго изслѣдователя, который хотя на шагъ ушелъ за предѣлы строго отграниченной области. При такихъ экскурсахъ, конечно, нужна большая осторожность. Но намъ кажется, что экономисты въ этомъ отношеніи гораздо болѣе осторожны, нежели философы, психологи, историки и представители другихъ наукъ въ ихъ экскурсахъ въ область экономическихъ явленій. Вотъ почему мы не видимъ ничего неправильнаго и страшнаго съ точки зрѣнія размежеванія областей, принадлежащихъ отдѣльнымъ наукамъ, въ томъ, что субъективная цѣнность включается въ число явленій, подлежащихъ вѣдѣнію экономической науки. Мало того, мы даже не считаемъ субъективную цѣнность конечнымъ явленіемъ, до котораго доводитъ свое объясненіе экономическая наука и которое уже не подлежитъ объясненію со стороны экономиста. Мы, какъ извѣстно изъ предыдущаго, считаемъ такимъ явленіемъ не субъективную цѣнность, а потребность. Изъ послѣдней экономистъ, пользуясь, конечно, указаніями работъ психологовъ, долженъ самъ выводить сперва полезность, а затѣмъ субъективную цѣнность.

Начало второй части нашей работы, поэтому, и посвящено разбору различныхъ случаевъ образованія субъективной цѣнности, равно какъ анализу тѣхъ моментовъ, подъ вліяніемъ которыхъ складывается опредѣленная величина этой цѣнности для разныхъ благъ.

ГЛАВА III.

Цѣна и объективная мѣновая цѣнность.

§ 28. Цѣна.

Въ современномъ мѣновомъ хозяйствѣ, гдѣ почти всѣ блага являются объектами обмѣна, наряду съ субъективной цѣнностью выступаютъ другія понятія, относящіяся къ расцѣнкѣ хозяйственныхъ благъ. Съ одной стороны, люди, ведущіе мѣновое хозяйство, говорятъ объ объективной мѣновой цѣнности, а съ другой, о цѣнѣ. Постараемся выяснить значеніе этихъ двухъ новыхъ терминовъ. Это необходимо для построенія теоріи расцѣнки въ области мѣноваго хозяйства.

Начнемъ съ простѣйшаго понятія, непосредственно даннаго хозяйственной дѣйствительностью—съ понятія *цѣны*. Цѣна есть основной, центральный фактъ современнаго мѣноваго хозяйства. Все, что человѣкъ имѣетъ, затрачиваетъ и производитъ, исчисляется теперь черезъ посредство цѣнъ. Черезъ посредство цѣнъ устанавливается въ мѣновомъ хозяйствѣ составъ производства такъ-же, какъ въ изолированномъ хозяйствѣ онъ устанавливается въ зависимости отъ субъективной цѣнности. Наконецъ, черезъ посредство цѣнъ устанавливается теперь составъ потребленія каждаго отдѣльнаго мѣноваго хозяйства[1]).

[1]) *Gerlach* по поводу роли цѣны пишетъ: „... гдѣ дѣло идетъ о производствѣ для другихъ или о потребленіи продуктовъ, произведенныхъ другими людьми, тамъ или производство и потребленіе должны окончательно устанавливаться какимъ-либо авторитетомъ, или—въ томъ случаѣ, когда допускается вліяніе на

Въ виду этой роли цѣны теорія расцѣнки хозяйственныхъ благъ въ современномъ хозяйствѣ, равно какъ теорія обмѣна, сводится прежде всего къ установленію законовъ образованія цѣнъ. Найти отвѣты на вопросы: почему цѣна 1 пуда пшеницы равна 1 р. 5 к., т. е. почему 1 пудъ пшеницы продается за 1 р. 5 к., почему цѣна 1 пуда каменнаго угля равна 11 коп., почему цѣна 1 фунта сахара равна 15 коп., 1 фунта мяса—20 коп., костюма—60—80 рублямъ и т. д. и т. д.; найти отвѣты на эти вопросы, густою сѣтью опутывающіе каждаго хозяйствующаго человѣка въ любой день его хозяйственной жизни, вопросы, отъ которыхъ такъ много зависитъ въ хозяйствѣ каждаго человѣка—это и составляетъ одну изъ самыхъ основныхъ задачъ экономическаго познанія, задачу, которая на научномъ языкѣ обычно называется проблемой цѣны и мѣновой цѣнности [1]).

Та форма, въ которой проявляется цѣна при современномъ денежномъ обмѣнѣ, когда единая натуральная сдѣлка мѣны разложена на двойную сдѣлку купли-продажи,—это *цѣна денежная*. Эта цѣна представляетъ реальный фактъ, наблюдаемый нами въ современной дѣйствительности. Наиболѣе доступно ее можно опредѣлить, какъ *то количество денегъ, которое получается въ обмѣнѣ за единицу даннаго блага въ данный моментъ*.

нихъ отдѣльнаго лица—предполагается образованіе цѣны: лишь кладя въ основу объективно созданныя человѣческими дѣйствіями цѣны, отдѣльные индивидуумы могутъ учитывать свое благо, равно какъ опредѣлять въ согласіи съ нимъ свое производство и потребленіе“ (Über die Bedingungen wirtschaftlicher Thätigkeit, стр. 86).

[1]) „Отъ народно-хозяйственной теоріи цѣнности, говоритъ *Böhm-Bawerk*, мы требуемъ, чтобы она объяснила намъ возникновеніе и особенно величину хозяйственной цѣнности“. И, такъ какъ цѣнность бываетъ субъективной и объективной, то и теорія цѣнности распадается на теорію субъективной и теорію объективной цѣнности. Описавъ далѣе задачи теоріи субъективной цѣнности, онъ продолжаетъ: „Теоріи объективной цѣнности, напротивъ, приходится заниматься главнымъ образомъ объясненіемъ объективной мѣновой цѣнности благъ... А такъ какъ послѣдняя проявляется въ цѣнахъ, которыя платятъ за благо, то объясненіе ея совпадаетъ по своему содержанію съ объясненіемъ образованія цѣны или съ теоріей цѣны. Поэтому полное разрѣшеніе теоретическихъ задачъ, относящихся къ явленіямъ цѣнности, требуетъ построенія теоріи субъективной цѣнности и теоріи цѣны („Wert“ въ Hwb. d. Stw. 3 Aufl. VIII. Bd., стр. 760). „Проблема, объясненію которой должно служить понятіе цѣнности, есть принадлежащая къ основнымъ проблемамъ науки—проблема цѣны“, пишетъ по тому же проводу *Ammon* (Objekt und Grundbegriffe стр. 326).

Денежная цѣна это, однако, лишь одна изъ формъ цѣны, и нельзя согласиться съ тѣми экономистами, которые вообще подъ цѣною понимаютъ только денежную цѣну[1]).

[1]) Число такихъ экономистовъ весьма велико. Такъ, еще *T. R. Malthus* во 2-мъ изданіи своихъ „Основаній" подъ номинальной мѣновой цѣнностью или цѣной понимаетъ цѣнность товара въ благородныхъ металлахъ (Grundsätze der politischen Ökonomie mit Rücksicht auf ihre praktische Anwendung. Nach der zweiten sehr vermehrten Auflage des englischen Originals (1836) übersetzt von *V. Marinoff*. 1910, стр. 111 Въ подлинникѣ намъ удалось достать только 1-е изданіе 1820 года) Точно также *J. St Mill* подъ цѣною вещи подразумѣваетъ „ея цѣнность въ деньгахъ" (Principles of political economy with some of their applications to social philosophy. 1865, стр. 265). Такъ же понимаетъ цѣну и *K Marx*. „Выраженіе цѣнности товара въ золотѣ—х товара А=у товара, служащаго деньгами—есть его денежная форма или его цѣна" (Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. I 2. verbesserte Auflage 1872, стр. 73). Но *Marx*, кромѣ простого термина „цѣна", знаетъ еще „цѣну производства"; объ этомъ терминѣ, имѣющемъ у *Marx*'а совершенно особое значеніе, намъ придется говорить дальше. Въ согласіи съ *Mill*емъ понимаетъ цѣну, какъ „цѣнность, выраженную въ деньгахъ", и *A. Marshall* (Principles of economics. I стр. 9), равно какъ французы *Colson* (Cours d'économie politique I. 2 ed., стр. 73) и *Landry* (Manuel, стр. 493). Такого же мнѣнія держится и экономистъ-математикъ *Pareto*. Для него цѣна—это дробь, гдѣ знаменатель 1 (напр. $^2/_1$), т. е. дробь, выражающая мѣновое отношеніе товара къ товару, принятому за единицу (Manuel, стр. 208). То же самое говоритъ и *Fetter*, опредѣляющій цѣну, какъ „цѣнность, выраженную въ формѣ какого-либо блага, получаемаго обыкновенно въ обмѣнѣ" (Principles of economics, стр. 36). Недавно въ экономической литературѣ вновь была подчеркнута денежная форма цѣны. Такъ, *Liefmann* полагаетъ, что о цѣнѣ можно говорить только при денежномъ обмѣнѣ и цѣна можетъ быть только денежной. „Не существуетъ, пишетъ онъ, цѣны безъ общаго мѣноваго средства, безъ денегъ" („Entstehung des Preises" въ Arch. f. Sozwiss. u. Sozpol. XXXIV. Bd. 1912, стр. 13). Или въ другомъ мѣстѣ: „цѣна является понятіемъ оцѣнки, выраженнымъ въ деньгахъ" (тамъ же, стр. 52), Такое опредѣленіе цѣны у *Liefmann*'а вытекаетъ изъ признанія цѣны общимъ мѣриломъ, выполняющимъ функцію измѣренія. Нѣсколько осторожнѣе, но аналогично *Liefmann*'у, опредѣляетъ цѣну и *Zwiedineck* въ своей недавней статьѣ, посвященной разбору упомянутой статьи *Liefmann*'а. „Цѣна товара, пишетъ онъ, есть значеніе его въ мѣновомъ оборотѣ на томъ рынкѣ, гдѣ установилась цѣна, значеніе—выраженное въ единицахъ мѣноваго средства, всѣми одинаково воспринимаемаго и всѣмъ понятнаго („Über den Subjektivismus in der Preislehre. Überlegungen im Anschluss an Liefmanns Preistheorie" въ Arch. f Sozwiss. u. Sozpol XXXVIII Bd. 1914, стр 24). Здѣсь вмѣсто денегъ подъ вліяніемъ книги *Ammon*'а поставлено болѣе расплывчатое понятіе одинаково воспринимаемаго и понятнаго всѣмъ мѣноваго средства. *Zwiedineck* подчеркиваетъ эту поправку и считаетъ свое опредѣленіе благодаря ей болѣе общимъ. Но, что описанное имъ мѣновое средство не далеко отстоитъ отъ обычныхъ денегъ—это видно изъ слѣдующихъ словъ „Единицы мѣноваго средства, благодаря всеобщему признанію и одинаковому пониманію всѣми субъектами мѣноваго оборота, становятся

Денежной цѣны не было до введенія денегъ, хотя цѣна вообще была. Цѣна, слѣдовательно, болѣе широкое понятіе. Такимъ понятіемъ является *цѣна вообще*. Ее можно пока опредѣлить, какъ *то количество другихъ благъ, которое получается въ обмѣнѣ за данное благо на данномъ рынкѣ*; или, говоря иначе, это—тотъ эквивалентъ, который получается при обмѣнѣ за товаръ. Для пріобрѣтающаго это есть та жертва, которою онъ пріобрѣтаетъ товаръ. Для продающаго цѣна является компенсаціей жертвы, состоящей въ отдачѣ товара[1]). Такъ опредѣляетъ цѣну большинство экономистовъ[2]).

социальнымъ мѣриломъ, такъ какъ дѣлаютъ возможнымъ сравненіе цѣнъ различныхъ объектовъ для всѣхъ субъектовъ мѣноваго оборота" (тамъ же, стр. 27). Этимъ общепризнаннымъ мѣриломъ обычно являются деньги, поэтому мы не придаемъ существеннаго значенія тѣмъ тонкостямъ, на которыя такъ много вниманія обращаетъ *Zwiedineck*. По поводу всего этого воззрѣнія на цѣну, развитого двумя изложенными авторами, мы должны замѣтить, что въ современномъ хозяйствѣ деньги, дѣйствительно, являются мѣриломъ мѣновой цѣнности, и хозяйствующіе люди пользуются для сравненія и измѣренія мѣновыхъ цѣнностей денежными цѣнами. Но сравненіе и измѣреніе мѣновыхъ цѣнностей, конечно, можетъ происходить и помимо денегъ. Оно, несомнѣнно, возможно при натуральной мѣнѣ, не знающей денежныхъ знаковъ. Такъ, если 1A обмѣнивается на 2B, а 1B на 2C и 1C на 2D, то этого достаточно для всѣхъ сравненій и измѣреніи Мы знаемъ тогда, что 1A равняется въ обмѣнѣ 4C, 1B = 4D и т. д. Между тѣмъ при такомъ обмѣнѣ нѣтъ еще денегъ, такъ какъ ни одно благо не выступаетъ въ качествѣ всеобщаго орудія обращенія и всеобщаго платежнаго средства. Вотъ почему мы считаемъ нецѣлесообразной новѣйшую попытку возродить узкое денежное понятіе цѣны.

[1]) Въ этомъ смыслѣ цѣна, какъ экономическое понятіе, является частнымъ случаемъ общаго понятія цѣны, употребляемаго также и въ другихъ областяхъ человѣческой жизни. „Подъ цѣной въ широкомъ смыслѣ слова, говоритъ *Lehr*, понимаютъ вообще сумму тѣхъ жертвъ, которыхъ стоитъ добываніе предмета, какого-бы рода эти жертвы ни были. Покупаютъ какое-либо мѣсто цѣною чести, дружбы, или добиваются чего-либо цѣною сильнаго напряженія, равно какъ цѣною своего здоровья" (Grundbegriffe, стр. 222). Это значеніе цѣны подтверждается и филологической природой слова „цѣна". (См. выше примѣч. на стр. 212).

[2]) Это опредѣленіе встрѣчается у *Hermann'a* (Staatswirtschaftliche Untersuchungen. 1870); его же находимъ мы у *Bohm-Bawerk'a*, который подъ цѣной понимаетъ „само количество благъ, получаемое въ обмѣнѣ за данное благо" („Grundzuge" въ Jb. f. Nök. u. St XIII. 1886, стр. 478 и Positive Theorie. 3. Aufl. стр. 217). Такъ же опредѣляютъ цѣну другіе теоретики предѣльной полезности: *Zuckerkandl* (Zur Theorie des Preises, стр. 25) и *Sulzer*. Послѣдній понимаетъ подъ цѣной блага „число единицъ другого блага, данное при обмѣнѣ за единицу перваго въ качествѣ вознагражденія" (Die wirtschaftlichen Grundgesetze, стр. 259). *Diehl* говоритъ, что цѣна товара —это „конкретное количественное опредѣленіе, оно показываетъ намъ количество благъ или количество денегъ, отдаваемыхъ за этотъ товаръ" (Über das Verhältniss vom Wert und Preis im ökonomischen System von K. Marx" въ

Но цѣну можно обозначить и иначе. Ее можно опредѣлить, какъ *то отношеніе, въ которомъ одинъ товаръ обмѣнивается на другой*. или, говоря точнѣе,—отношеніе извѣстнаго количества другого товара къ обмѣнивающемуся на него количеству даннаго товара. Напримѣръ, если 1 баранъ обмѣнивается на 5 пудовъ пшеницы, то цѣна 1 барана въ пшеницѣ можетъ быть обозначена такъ:

$$\frac{5 \text{ пуд. пшеницы}}{1 \text{ баранъ}}$$

или, какъ принято теперь обозначать во всѣхъ наукахъ составныя понятія:

$$5 \frac{\text{пуд. пшеницы}}{\text{баранъ}}.$$

Денежная цѣна тогда будетъ отношеніе извѣстнаго количества денегъ къ обмѣнивающемуся на эти деньги количеству даннаго товара. Напримѣръ, если 1 пудъ пшеницы продается за 1 рубль, то денежная цѣна 1 пуда пшеницы можетъ быть обозначена такъ:

$$\frac{1 \text{ рубль}}{1 \text{ пуд. пшеницы}} \text{ или } 1 \frac{\text{руб.}}{\text{пуд. пш.}}.$$

Это второе опредѣленіе цѣны не является, однако, какимъ-либо инымъ по существу, оно представляетъ, лишь другую форму даннаго ранѣе опредѣленія. Вотъ почему мы встрѣчаемъ у экономистовъ. понимающихъ цѣну въ общемъ одинаково, то первое, то второе изъ двухъ приведенныхъ опредѣленій цѣны [1]).

Festgabe für *J. Conrad* Sammlung nationalokonomischer und statistischer Abhandlungen des staatswissenschaftlichen Seminars zu Halle. Bd. XX 1898, стр 4). *Lehr* подъ цѣной въ экономической жизни понимаетъ: „количество благъ и дѣйствій, служащихъ эквивалентомъ, отдаваемымъ за другіе предметы". Отношеніе, пишетъ онъ дальше, при этомъ взаимно. Получаемое однимъ лицомъ есть цѣна, уплачиваемая другимъ. Если двѣ тонны пшеницы отдаются за 40 гектолитровъ пива, то цѣна 1 тонны пшеницы равна 20 hl пива, и обратно, цѣна 1 hl пива равна 50 kg пшеницы" (Grundbegriffe, стр. 222—3) Такъ же понимаютъ цѣну *Nordenholz* (Produktion, стр. 201) и *Philippovich* (Grundriss I. 8. Aufl. стр. 222) Наконецъ, русскій экономистъ *Жмьзиновъ* также опредѣляетъ цѣну, какъ „эквивалентъ, отданный въ обмѣнъ за данный товаръ" (Очерки 7 изд, стр 440).

[1]) Цѣну, какъ „отношеніе", опредѣляетъ цѣлый рядъ экономистовъ, въ томъ числѣ экономисты-математики. Такъ, напримѣръ *Walras*, обозначая мѣновыя цѣн-

Второе опредѣленіе, помимо большей точности, отличается еще тѣмъ преимуществомъ, что оно 1) выдвигаетъ на первый планъ понятіе отношенія, которое именно важно при обмѣнѣ, 2) подчеркиваетъ то отношеніе, въ которомъ обмѣниваются два *разнородные* предмета, часто измѣряющіеся совершенно различными единицами, наконецъ, 3) показываетъ, что цѣна есть все же нѣчто отличное отъ самого товара или самихъ денегъ, отдаваемыхъ при обмѣнѣ. Физикъ

ности благъ A и B черезъ v_a и v_b и количества этихъ благъ, обмѣнивающіяся другъ на друга, черезъ m и n, пишетъ уравненіе обмѣна (Éléments, стр 48):

$$mv_a = nv_b.$$

откуда получается, что

$$\frac{v_b}{v_a} = \frac{m}{n} \quad \text{и} \quad \frac{v_a}{v_b} = \frac{n}{m}.$$

И вотъ, подъ цѣной онъ понимаетъ „отношеніе мѣновыхъ цѣнностей“, или, что то же, „обратное отношеніе количествъ обмѣнивающихся другъ на друга товаровъ“. Обозначаетъ цѣны онъ такъ: p_b — есть цѣна товара B въ A и p_a — цѣна товара A въ B; т. е.

$$p_b = \frac{v_b}{v_a} = \frac{m}{n}$$

$$p_a = \frac{v_a}{v_b} = \frac{n}{m}$$

„Такимъ образомъ, говоритъ онъ,—цѣны или отношенія мѣновыхъ цѣнностей равны обратнымъ отношеніямъ количествъ, обмѣнивающихся другъ на друга товаровъ“ (Éléments, стр. 49). Изъ русскихъ авторовъ опредѣляютъ цѣну, какъ „отношеніе“: *Исаевъ* (Начала, стр. 8), *Шапошниковъ* (Теорія цѣнности и распредѣленія, стр. 2), *Струве* (Хозяйство и цѣна Критическія изслѣдованія по теоріи и исторіи хозяйственной жизни Часть первая. Хозяйство и общество.—Цѣна-цѣнность. 1913, стр. 88) Интересны разъясненія, даваемыя по этому поводу *Fisher*'омъ „Когда, пишетъ онъ, извѣстное количество богатства одного рода обмѣнивается на извѣстное количество богатства другого рода, мы можемъ раздѣлить каждое изъ этихъ двухъ количествъ на другое и получить то, что называется *цѣной* послѣдняго. Такимъ образомъ, *цѣна богатства одного рода, выраженная въ богатствѣ другого рода, есть мѣновое отношеніе (ratio of exchange) ихъ другъ къ другу, т. е. отношеніе числа единицъ послѣдняго къ числу единицъ перваго, отдаваемыхъ другъ за друга въ обмѣнѣ.* Слѣдовательно, если 200 бушелей пшеницы обмѣнивается на 100 унцій серебра, то цѣна пшеницы въ серебрѣ есть 100 : 200 или полъ унціи серебра за бушель Наоборотъ, цѣна серебра въ пшеницѣ есть 200 : 100 или два бушеля за унцію“ (Elementary principles, стр. 13).

опредѣляетъ скорость словами: отношеніе пути ко времени. Онъ поступаетъ такъ, чтобы показать, что скорость не есть самъ путь. Точно такъ же экономистъ можетъ опредѣлять цѣну, какъ отношеніе, напримѣръ, денегъ къ товару, чтобы подчеркнуть, что цѣна не есть само золото, а понятіе sui generis. Но при этомъ надо замѣтить, что *величина* понимаемой такъ цѣны выражается числомъ, и число это равно числу единицъ другого товара, отдаваемыхъ въ обмѣнъ за единицу даннаго блага, причемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эта единица точно обозначена, напримѣръ, «цѣна 1 пуда пшеницы», или когда она сама собою подразумѣвается, напримѣръ, «биржевая цѣна пшеницы» (подразумѣвается «одного пуда»), знаменатель дроби, выражающей цѣну, можно опустить. Тогда форма цѣны

$$1 \frac{\text{руб.}}{\text{пуд. пш.}}$$

превращается въ сокращенную форму численнаго выраженія цѣны

цѣна 1 пуда пшеницы равна 1 руб.

Это и есть ничто иное, какъ приведенная выше первая форма обозначенія цѣны. Эта форма наиболѣе употребительна въ хозяйственной практикѣ, ибо хозяйствующаго человѣка больше всего интересуетъ результатъ численнаго измѣренія цѣны. Къ этой формѣ цѣны приспособлена вся наша рѣчь. Мы вездѣ въ обыденной рѣчи обозначаемъ цѣну, какъ отдаваемое за данный товаръ количество другого товара, а не какъ отношеніе. Мы всегда говоримъ: «цѣна равна такой-то суммѣ денегъ», «я заплатилъ столько-то» и пр. Въ виду всего этого мы считаемъ одинаково допустимымъ употребленіе экономическою наукой обѣихъ формъ опредѣленія цѣны и въ виду ихъ тождественности по существу не видимъ препятствій для примѣненія любой изъ нихъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ та или иная окажется болѣе цѣлесообразной.

Но, какъ бы мы ни опредѣляли цѣну, какъ эквивалентъ или какъ отношеніе, необходимо обратить вниманіе на слѣдующее. Господствующимъ въ наукѣ является взглядъ на цѣну, какъ на выраженіе или проявленіе мѣновой цѣнности. При этомъ одни авторы говорятъ, что цѣна есть выраженіе мѣновой цѣнности даннаго товара посредствомъ количества другого товара [1]); другіе, что

[1]) Такого мнѣнія былъ уже *A. Smith*, который считаетъ цѣну мѣрой мѣновой цѣнности товаровъ. Онъ говоритъ, напримѣръ: „...дѣйствительная мѣра этой

она есть мѣновая цѣнность, проявившаяся въ дѣйствительномъ обмѣнѣ [1]); наконецъ, третьи просто называютъ ее проявленіемъ цѣнности [2]). При такомъ пониманіи цѣна является понятіемъ производнымъ. Мысль изслѣдователя при такой постановкѣ вопроса направляется отъ мѣновой цѣнности къ цѣнѣ. Между тѣмъ мѣновая цѣнность, какъ мы увидимъ далѣе (§§ 31 и 32), представляетъ собою производное понятіе, цѣна же—это непосредственно наблюдаемый фактъ [3]). Самое понятіе мѣновой цѣнности выросло на почвѣ цѣны, а потому изслѣдованіе должно идти обратнымъ путемъ, отправляясь отъ факта цѣны. Поворотъ на этотъ путь является характернымъ для современнаго

мѣновой цѣнности или, въ чемъ состоитъ дѣйствительная цѣна (real price) товаровъ". (An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations Reprinted from the sixth edition, with an introduction by *Ernest Belfort Bax*, Vol. I 1905, стр. 29). Таково же мнѣніе *Roscher*'а, который цѣнои товара называетъ: „его мѣновую цѣнность, выраженную въ количествѣ опредѣленнаго другого товара. который былъ данъ или долженъ быть данъ за него въ обмѣнѣ" (System der Volkswirtschaft I. 24 Aufl. стр 298). Въ русской литературѣ такъ же опредѣляетъ цѣну *Пихно*, для котораго цѣна есть „обозначеніе одной цѣнности посредствомъ извѣстнаго количества какой-либо другой цѣнности, т. е. количественное выраженіе цѣнности" (Основанія, стр 132) и *Тугань-Барановскій*, опредѣляющій цѣну, какъ „конкретное выраженіе мѣновой цѣнности", проявляющееся въ видѣ „опредѣленнаго количества какого-либо другого товара, требующагося (или дѣйствительно отданнаго) для пріобрѣтенія опредѣленнаго количества даннаго товара" (Основы. 2 изд., стр. 61).

[1]) Такъ понимаетъ цѣну *A. Wagner*. Цѣна блага, пишетъ онъ, есть „количество другихъ благъ, на которое оно дѣйствительно обмѣнивается" (Grundlegung I., стр 339). То же говоритъ *Scharling*, опредѣляющій цѣну, какъ „цѣнность, обнаруженную путемъ дѣйствительнаго обмѣна" („Werttheorien und Wertgesetz" въ Jb. f Nök. u St XVI. 1888, стр. 433).

[2]) Эта точка зрѣнія ярко сказалась у *Marx*'а, для котораго цѣна товаровъ является лишь отраженіемъ ихъ цѣнности: „Независимо отъ подчиненія цѣнъ и ихъ движенія закону цѣнности, совершенно правильно по существу дѣла разсматривать цѣнности товаровъ не только теоретически, но и исторически, какъ *prius* цѣнъ производства" (Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Bd. III. Theil. I. Herausgegeben von *Friedrich Engels*. 1894, стр. 156). Или, какъ *Marx* говоритъ въ I томѣ „Капитала": „цѣность желѣза, холста, пшеницы и т. д., хотя и невидимо, но существуетъ въ самихъ этихъ вещахъ", въ деньгахъ же онѣ лишь „выражаютъ свою цѣнность" (I, стр. 73—4).

[3]) *П. Струве* выражаетъ это слѣдующими словами: „Цѣна есть фактъ Скажемъ такъ: цѣна есть понятіе реальнаго мѣноваго отношенія между обмѣниваемыми благами, есть реализованное мѣновое отношеніе" (Хозяйство и цѣна. I. стр 88). То же *Струве* писалъ еще раньше въ статьѣ „Нѣкоторыя основныя положенія эмпирическаго ученія о цѣнѣ и цѣнности", помѣщенной въ Извѣстіяхъ Спб Политехническаго Инсти-

состоянія ученія о цѣнности [1]). Этотъ поворотъ долженъ сказаться и въ области терминологіи. А именно. понятіе цѣны должно быть самостоятельнымъ и совершенно независимымъ отъ понятія мѣновой цѣнности. Вотъ почему всякія обычныя дополненія къ приведеннымъ выше формамъ обозначенія цѣны въ видѣ: мѣра, выраженіе, дѣйствительное проявленіе или же слѣдствіе мѣновой цѣнности—все это должно быть отброшено [2]).

тута Импер Петра Великаго. Т XVI. Отдѣлъ наукъ экономическихъ и юридическихъ. 1911, стр. 3).

[1]) Въ русской литературѣ этотъ поворотъ связанъ съ именемъ *П. Струве* (указ. выше соч.), но въ міровой литературѣ онъ обозначился еще ранѣе. Относящуюся къ этому вопросу литературу мы приводимъ дальше *Струве* не дѣлаетъ на нее почему-то указаній, несмотря на обиліе въ его книгѣ литературныхъ ссылокъ по другимъ вопросамъ.

[2]) Если указанное въ текстѣ новое теченіе является здоровымъ, свидѣтельствующимъ о наросшей трезвости экономической мысли, то нельзя того же сказать о нѣкоторыхъ другихъ критическихъ замѣчаніяхъ, которыя дѣлаются въ послѣднее время по адресу приведеннаго выше опредѣленія цѣны. Сюда надо отнести раньше всего замѣчанія *Ammon*'а. Онъ соглашается съ тѣмъ, что цѣну можно опредѣлить, какъ „количество благъ, получаемое за благо въ мѣновомъ оборотѣ“ или какъ „то количественное отношеніе, въ которомъ обмѣниваются блага“ (Objekt und Grundbegriffe, стр. 330—1) Но оба эти опредѣленія онъ употребляетъ съ оговоркой: „... цѣна, пишетъ онъ, представляетъ не просто чисто внѣшнее количественное отношеніе, въ которомъ обмѣниваются блага, а общее внутреннее отношеніе обмѣнивающихъ субъектовъ къ обмѣниваемымъ благамъ. Цѣна существуетъ лишь постолько. поскольку дѣло идетъ объ обмѣнивающихъ субъектахъ, и является одинаковой для обоихъ этихъ субъектовъ. Она есть объективное выраженіе одного и того же мысленнаго отношенія субъектовъ обмѣна къ объекту послѣдняго. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ иначе назвать цѣну объективнымъ выраженіемъ или объективаціей индивидуалистическаго отношенія въ мѣновомъ оборотѣ. Цѣна, поэтому, не реальное количество благъ, даваемое въ мѣновомъ оборотѣ за благо, а количественное, числовое и счетное выраженіе индивидуальной власти распоряженія объектами обращенія въ индивидуалистическомъ соціальномъ оборотѣ“ (Objekt und Grundbegriffe, стр. 341—2). Или, какъ онъ говоритъ о томъ же въ другомъ мѣстѣ: „Цѣна вообще не только внѣшнее техническое отношеніе между благами разнаго рода; по настоящему существу своему она есть внутреннее отношеніе обоихъ вступающихъ въ обмѣнъ субъектовъ къ обмѣниваемому объекту Это внутреннее отношеніе и есть то, что является дѣйствительно соціальнымъ и важнымъ для національно-экономической постановки проблемы. Внѣшнее отношеніе обмѣненныхъ объектовъ является лишь выраженіемъ этого внутренняго отношенія“ (тамъ же, стр. 333). Критическая работа *Ammon*'а обращаетъ на себя вниманіе, поэтому мы позволили себѣ привести изъ его книги эти двѣ цитаты. Мы согласны съ тѣмъ, что для экономической науки при изученіи цѣнъ важно не само по себѣ отношеніе благъ или количество ихъ. Для нея, несомнѣнно, важны отношенія, возникающія между людьми по поводу благъ Но облечена эта мысль *Ammon*'омъ въ крайне сложную

§ 29. Виды цѣны.

Единое понятіе цѣны можетъ быть расчленено на виды. Одно дѣленіе уже приведено нами выше. Это дѣленіе цѣны на цѣну вообще или *товарную* цѣну и цѣну *денежную*. Въ классической литературѣ

форму, Если выразить ее просто, то она значитъ слѣдующее. важно не само по себѣ отношеніе 5 пуд. пшеницы къ 1 барану, а то, что пшеница и бараны *обмѣниваются* (разумѣется, людьми!) въ такомъ отношеніи, и что люди согласны обмѣнивать ихъ такимъ образомъ. Но признаніе этого вовсе не требуетъ внесенія какихъ-либо измѣненій въ приведенное выше опредѣленіе цѣны. Замѣчанія *Аттон*'а вносятъ дополненіе къ тому, чѣмъ для экономической науки *важна* цѣна, а не къ тому, что такое *есть* цѣна. Вторымъ критикомъ приведеннаго выше опредѣленія цѣны является *Liefmann*. Онъ считаетъ коренной ошибкой пониманіе подъ цѣною какого-то количества благъ, получаемыхъ въ обмѣнѣ. Такое пониманіе, по его мнѣнію, матеріалистично и носитъ техническій, а не экономическій характеръ. Цѣна, говоритъ онъ, не количество благъ, „она должна быть.., безъ сомнѣнія функціей полезности и издержекъ или разницы между ними, т. е. выручки... она должна быть функціей различныхъ оцѣнокъ полезностей и издержекъ, измѣренной съ помощью общаго масштаба денегъ“ („Entstehung des Preises“ въ Arch f. Sozwiss. u. Sozpol XXXIV. 1912, стр. 13). Мы не думаемъ, чтобы это опредѣленіе цѣны когда-либо могло разсчитывать на признаніе. И не только потому, что оно спутанно и неясно, а потому еще, что оно говоритъ о томъ, *изъ чего получается* цѣна, а не о томъ, *что она есть*. Въ другомъ мѣстѣ *Liefmann*, какъ мы уже указывали (см. стр. 259), коротко опредѣляетъ цѣну, какъ „понятіе оцѣнки, выраженное въ деньгахъ“ По этому поводу надо сказать слѣдующее. Нѣтъ нужды подчеркивать, что цѣна есть понятіе, выражающее оцѣнку. Этого никто не отрицалъ. Важно подчеркнуть другое, а именно то, что оцѣнку она выражаетъ путемъ извѣстнаго отношенія или извѣстнаго эквивалента, отдаваемаго за товаръ. Краткое опредѣленіе *Liefmann*'а говоритъ, поэтому, больше о томъ, для выраженія чего служитъ цѣна, нежели о томъ, что она есть сама по себѣ. Во всякомъ случаѣ, громкія заявленія *Liefmann*'а о „фундаментальной ошибкѣ“, допускаемой нынѣшней теоріей при опредѣленіи цѣны, являются ничѣмъ не вызванными выкриками. Не видимъ мы нужды замѣнять обычное опредѣленіе цѣны и приведеннымъ нами выше (см. стр. 259) опредѣленіемъ *Zwiedineck*'а. Содержащаяся въ этомъ опредѣленіи мысль о томъ, что цѣна есть выраженіе мѣноваго значенія товара, нами уже разобрана выше. Что же касается упрека, сдѣланнаго по адресу обычнаго опредѣленія, въ томъ, что оно матеріалистично, и замѣчанія *Zwiedineck*'а, что „цѣна не количество благъ, а понятіе мѣрила“ („Uber den Subjektivismus in der Preislehre“ въ Arch. f. Sozwiss. u. Sozpol XXXVIII. 1914, стр. 17), то, вѣдь, никто и не понималъ цѣну, какъ голое количество благъ, ее понимали, какъ количество благъ, *отдаваемое въ обмѣнъ* за товаръ. Если же это кажется слишкомъ матеріалистичнымъ, то необходимо только взять вторую изложенную нами въ текстѣ форму обозначенія цѣны. Цѣна, какъ отношеніе, еще болѣе свободна отъ упрека въ матеріалистичности.

цѣна денежная называлась иначе *номинальной* цѣной въ отличіе отъ цѣны *реальной* или *дѣйствительной*, подъ которой понимали получаемое въ обмѣнъ за товаръ количество труда или какого-либо другого блага, напримѣръ, хлѣба, мѣновая цѣнность котораго признавалась болѣе устойчивою [1]). Это раздѣленіе аналогично дѣленію зара-

[1]) Таково раздѣленіе *A. Smith'a*. Дѣйствительной мѣрой мѣновой цѣнности или дѣйствительной цѣной товара онъ считаетъ трудъ, а именно то количество труда, которое можно купить или заказать за него" (An inquiry. I, стр. 30). О трудѣ онъ говоритъ. „онъ—ихъ (товаровъ) дѣйствительная цѣна; деньги же—только номинальная цѣна ихъ" (тамъ же. стр. 33). Трудъ онъ выбираетъ потому, что: „равныя количества труда во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ, можно сказать, представляютъ равную цѣнность для работника. При обычномъ состояніи здоровья, силы и умственныхъ способностей, при обыкновенной степени ловкости и расторопности работникъ долженъ всегда пожертвовать одной и той же долей своего досуга, своей свободы и благополучія" (тамъ же, стр. 33). Но трудъ, продолжаетъ *Smith*, есть абстрактное понятіе, которое, хотя и можетъ быть сдѣлано достаточно понятнымъ, не является „вмѣстѣ съ тѣмъ настолько естественнымъ и очевиднымъ", какъ какой-либо другой товаръ, представляющій „вполнѣ осязаемый объектъ" (тамъ же, стр. 32). Поэтому, хотя „одинъ только трудъ является всеобщимъ и точнымъ мѣриломъ цѣнности, какъ и единственно точнымъ средствомъ для сравненія цѣнностей различныхъ товаровъ во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ" (тамъ же, стр. 37), но *Smith* беретъ другой предметъ, а именно хлѣбъ, цѣнность котораго ближе всего подходитъ къ цѣнности труда. „Равныя количества труда, пишетъ онъ, въ отдаленные другъ отъ друга моменты времени будутъ въ состояніи обмѣняться много ближе въ соотвѣтствіи съ равными количествами зерна, какъ средствомъ существованія рабочаго, чѣмъ съ равными количествами золота или всякаго другого товара" (тамъ же, стр. 35). При этомъ *Smith* прибавляетъ, что, если дѣйствительная цѣна важна для непрерывныхъ доходовъ или найма на продолжительные сроки, то для обычныхъ покупокъ и продажъ она не важна, потому что „въ одно и то же время и въ одномъ и томъ же мѣстѣ дѣйствительная и номинальная цѣна всѣхъ товаровъ точно пропорціональны другъ другу" (тамъ же, стр. 37). Мы привели эти мѣста, какъ классическую попытку отыскать неизмѣнную реальную цѣну. Попытка эта была нѣсколько разъ повторена послѣдующими авторами. Вся теоретическая тщетность ея станетъ ясна лишь послѣ разсмотрѣнія понятія мѣновой цѣнности Здѣсь замѣтимъ лишь, что, какъ субъективныя цѣнности для работника, равныя количества труда не могутъ быть признаны равными величинами всегда, во всѣ времена, для всѣхъ людей, ибо субъективная тягость труда величина несравнимая для разныхъ людей и мѣняющаяся для одного и того же человѣка. Какъ объективная мѣновая цѣнность, трудъ также не можетъ служить неизмѣннымъ мѣриломъ, ибо онъ также мѣняетъ свои мѣновыя отношенія къ другимъ товарамъ, какъ и прочія блага. Критическія замѣчанія по поводу труда, какъ неизмѣннаго мѣрила цѣнности, сдѣланыя въ 1804 году *Lauderdale'*емъ, изложены у *Мануилова* (Понятіе цѣнности, стр. 62—3). То же самое надо сказать и относительно хлѣба. Мысль *Smith'*а, однако, содержитъ въ себѣ долю истины. Дѣло въ томъ, что при рѣшеніи нѣкоторыхъ практическихъ задачъ трудъ и хлѣбъ являются болѣе пригодными

ботной платы на номинальную и реальную. Но если для заработной платы оно имѣетъ опредѣленный смыслъ и весьма цѣлесообразно, то для цѣны цѣлесообразность такого раздѣленія очень проблематична. Установленіе реальной цѣны ставитъ себѣ цѣлью выразить цѣну товаровъ въ такомъ благѣ, которое обладаетъ неизмѣнною абсолютною внутреннею мѣновою цѣнностью. За такое благо принимали то трудъ, то хлѣбъ. Всѣ подобныя попытки, однако, какъ мы увидимъ дальше, по самому своему существу обречены на неудачу. А тогда реальная цѣна теряетъ смыслъ и опредѣленность.

Другимъ дѣленіемъ цѣны является раздѣленіе его на цѣну, устанавливаемую добровольнымъ соглашеніемъ обмѣнивающихся лицъ (*цѣна вольная*), и цѣну, устанавливаемую велѣніемъ той или иной общественной власти (*такса, цѣна указная*)[1]). Въ дальнѣйшемъ, какъ уже сказано нами раньше (см. стр. 19), мы будемъ разсматривать только цѣну вольную.

Цѣна вольная, въ свою очередь, распадается на цѣну *конкурентную* и *монопольную*. Дѣленіе это общеизвѣстно. Цѣна монопольная можетъ быть результатомъ односторонней монополіи на сторонѣ продавца товара или покупателя его и результатомъ двусторонней монополіи.

Наконецъ, въ экономической литературѣ, особенно въ трудахъ классиковъ, различается цѣна *рыночная* и цѣна *естественная*. Это дѣленіе важно для устанавливающихся подъ вліяніемъ конкурренціи цѣнъ такъ называемыхъ свободно воспроизводимыхъ благъ. Подъ рыночной цѣной мы понимаемъ ту постоянно колеблющуюся цѣну, по которой обмѣнивается товаръ на рынкѣ въ каждый данный моментъ. Но наблюденіе надъ колебаніями рыночныхъ цѣнъ издавна показало, что колебанія

средствами, нежели золото и многіе другіе товары, такъ какъ трудъ и хлѣбъ играютъ исключительно важную роль въ созданіи матеріальнаго благополучія людей. Вотъ почему постоянныя ренты, цивиль-листы и различные долговременные доходы и цензы выражались иногда не въ суммахъ денегъ, а въ количествахъ простого труда чернорабочихъ или же въ количествахъ хлѣба. Но для этого, можетъ быть, еще правильнѣе было бы брать совокупность всѣхъ главнѣйшихъ товаровъ подобно тому, какъ это дѣлаютъ при исчисленіи „чиселъ-показателей“.

[1]) Введеніе въ экономическую литературу старыхъ красивыхъ русскихъ терминовъ „вольная“ и „указная“ цѣна принадлежитъ *Струве* (Хозяйство и цѣна. I. стр 99—100), хотя различіе между этими двумя видами цѣны, обозначавшееся прежде словами договорная, свободная рыночная цѣна и такса, конечно, установлено очень давно.

эти обнаруживают извѣстную правильность и имѣется извѣстное средоточіе, вокругъ котораго колеблются рыночныя цѣны. Онѣ постоянно отклоняются отъ него, но столь же постоянно стремятся совпасть съ нимъ. Цѣну, являющуюся такимъ средоточіемъ, къ которому тяготѣютъ рыночныя цѣны, и принято называть естественной цѣной [1]),

[1]) Раздѣленіе цѣны на естественную и рыночную (natural and market price) встрѣчаемъ у *A Smith*'а. „Если, говоритъ онъ, цѣна какого-либо товара не больше и не меньше того, что достаточно для уплаты естественной нормы поземельной ренты, заработной платы и прибыли на капиталъ, употребленный на созданіе сырья, обработку его и доставку на рынокъ, то товаръ продается по цѣнѣ, которая можетъ быть названа его естественной цѣной" (An inquiry. I. стр 55) Или: „Дѣйствительная цѣна, по которой товаръ обыкновенно продается, составляетъ то, что называется его рыночной цѣной. Она можетъ быть выше или ниже его естественной цѣны либо точно совпадать съ нею" (тамъ же, стр. 56). „Естественная цѣна, прибавляетъ онъ, есть какъ бы центральная цѣна, къ которой постоянно тяготѣютъ цѣны всѣхъ товаровъ (тамъ же, стр 58). Вслѣдъ за *Smith*'омъ естественную и рыночную цѣну различаетъ *D Ricardo* „Мы, пишетъ онъ, кладемъ трудъ въ основаніе цѣнности (value) товаровъ и признаемъ сравнительное количество труда, необходимое для ихъ производства, правиломъ, опредѣляющимъ взаимныя количества благъ, даваемыхъ другъ за друга въ обмѣнъ. Но это не даетъ основанія предполагать, что мы отрицаемъ случайныя и временныя отклоненія дѣйствительной или рыночной цѣны (market price) товаровъ отъ ихъ первоначальной и естественной цѣны (natural price)" (Principles of political economy and taxation. Edited with introductory essay, notes and appendices by *E. C. K. Gonner*. 1903, стр. 65). Точно также *Marx* различаетъ рыночную цѣну, которую регулируютъ „спросъ и подвозъ" (Kapital. III, стр. 160), и „цѣны производства". О послѣднихъ онъ говоритъ слѣдующее: „Цѣны, возникающія вслѣдствіе того, что берется средняя изъ различныхъ нормъ прибыли въ разныхъ отрасляхъ производства и эта средняя присоединяется къ цѣнамъ издержекъ производства (Kostpreisen) разныхъ отраслей, суть цѣны производства" (III, стр. 135). Эта цѣна производства, по словамъ *Marx*'а, „въ дѣйствительности есть то же, что A. Smith называетъ natural price, Ricardo—price of production, cost of production, физіократы—prix necessaire" (III, стр. 178). Она представляетъ то средоточіе, около котораго колеблются рыночныя цѣны. Объ этомъ средоточіи, называя его ...че рыночной цѣнностью товаровъ, *Marx* говоритъ: „Признаніе того, что товары различныхъ отраслей производства продаются по ихъ цѣнностямъ, естественно обозначаетъ лишь то, что ихъ цѣнность представляетъ точку тяготѣнія, около которой колеблются ихъ цѣны и на уровнѣ которой выравниваются ихъ постоянныя повышенія и пониженія" (III, стр. 157). Вопросу о „естественной высотѣ товарныхъ цѣнъ" посвящена старая критическая статья *J. Komorzynski*. Въ ней авторъ такъ опредѣляетъ понятіе естественной цѣны: „...отдѣльныя цѣны являются только случайными и произвольными отклоненіями отъ той высоты цѣнъ, которая опредѣляется для каждаго рода благъ хозяйственнымъ закономъ, и эта высота должна образовать для колебаній этихъ цѣнъ тотъ средній пунктъ, отъ котораго онѣ не могутъ отдаляться надолго и значительно. Эта болѣе глубоко обоснованная высота цѣнъ

Задача теоріи цѣны состоитъ раньше всего въ установленіи тѣхъ законовъ, которымъ подчинено образованіе рыночныхъ цѣнъ. Но этимъ

обозначается выраженіемъ „естественная“, равно какъ „необходимая“ и „соразмѣрная“ цѣна и совпадаетъ со средней цѣной, въ которой, однако, согласно сказанному надо видѣть нѣчто большее, чѣмъ одно случайное среднее ариѳметическое изъ ряда отдѣльныхъ цѣнъ“ („ist auf Grundlage der bisherigen wissenschaftlichen Forschung die Bestimmung der natürlichen Höhe der Güterpreise möglich?“ въ Zschr. d ges Stwiss. XXV. Bd. 1869, стр. 189) Естественную и рыночную цѣну различаетъ и американецъ *Clark*, причемъ онъ даетъ очень интересное истолкованіе значенія естественной цѣны. „Терминъ *естественный* (natural), пишетъ онъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляли его классическіе экономисты въ связи съ уровнемъ цѣнности, заработной платы и процента, былъ безсознательно употребляемъ въ качествѣ термина, эквивалентнаго термину *статическій*“ (Distribution, стр. VI). Въ этомъ смыслѣ употребляетъ его *Clark*. Естественная цѣна—это для него рыночная цѣна, устанавливающаяся тогда, если отсутствуютъ всѣ измѣненія хозяйственной жизни (тамъ же; см дальше о понятіи статики и динамики хозяйства въ § 31) Въ своемъ новомъ произведеніи онъ показываетъ, что естественная цѣна устанавливается на фонѣ рыночныхъ цѣнъ путемъ своеобразнаго измѣненія количества товара, вынесеннаго на рынокъ. „Рыночная“ цѣна товара—это цѣна, устанавливающаяся при данномъ количествѣ продаваемаго товара. Цѣна же натуральная или нормальная—это „рыночная цѣна натуральнаго количества товара“ (Essentials, стр. 104). Другой американецъ, *Fetter*, подъ естественной или, какъ онъ говоритъ, *нормальной* цѣной понимаетъ просто устойчивую цѣну, что въ сущности совпадаетъ съ пониманіемъ ея приведенными выше экономистами. „О нормальной цѣнѣ, пишетъ онъ, говорятъ, противопоставляя ее цѣнѣ „рыночной, тогда, если данная рыночная цѣна вызвана исключительными обстоятельствами и, вѣроятно, не продержится долго“ (Principles, стр. 37). Терминъ „нормальная“ цѣна, однако, представляется намъ неудобнымъ, невольно наводящимъ на мысль о моральной оцѣнкѣ. Въ этомъ смыслѣ правиленъ упрекъ, дѣлаемый *N. Pinkus*'омъ: „...проблема нормальнаго въ хозяйственной жизни, пишетъ *Pinkus*, принадлежитъ къ телеологической категоріи“ (Das Problem des Normalen in der Nationalökonomie. Beitrag zur Erforschung der Störungen im Wirtschaftsleben. 1906, стр. 263). Категоріи этой, замѣчаетъ онъ, не слѣдуетъ вычеркивать изъ науки. „Но она никогда и нигдѣ ни implicite, ни explicite не должна выступать тамъ, гдѣ дѣло идетъ о познаніи и объясненіи хозяйственой дѣйствительности, а не объ оцѣнкѣ ея“ (тамъ же). Въ этомъ смыслѣ терминъ „естественная“ цѣна является болѣе цѣлесообразнымъ, но и при немъ надо постоянно имѣть имѣть въ виду, что онъ обозначаетъ не какую-то болѣе нормальную, болѣе свойственную природѣ обмѣна цѣну въ духѣ „естественнаго права“, или же лучшую цѣну, а просто цѣну, съ которой стремятся совпасть для извѣстныхъ благъ, при извѣстныхъ условіяхъ рыночныя цѣны. При такомъ пониманіи естественной цѣны ея совершенно не затрагиваютъ упреки въ оцѣнкѣ дѣйствительности, дѣлаемые *Pinkus*'омъ. Она остается всецѣло въ чисто познавательной сферѣ сущаго, и вовсе не касается сферы должнаго. Цѣна естественная можетъ гораздо сильнѣе рыночной расходиться съ нашимъ представленіемъ о должномъ въ хозяйственной жизни и все таки она можетъ оставаться „естественной“ въ указанномъ выше смыслѣ.

задачи теоріи не исчерпываются. Параллельно теорія должна рѣшить и другую задачу, а именно показать, къ чему тяготѣютъ рыночныя цѣны, т. е. другими словами, установить законы, которымъ подчинено образованіе естественной цѣны товаровъ. Задача эта важна для теоріи расцѣнки воспроизводимыхъ благъ.

При этомъ должно быть установлено правильное соотношеніе между этими двумя задачами теоріи цѣны. Цѣлый рядъ экономистовъ смотрѣлъ на естественную цѣну, какъ на правило, а на рыночныя цѣны, какъ на исключеніе. Исходя изъ этого, экономисты требовали отъ ученія о расцѣнкѣ, главнымъ образомъ, чтобы оно установило законы естественной цѣны, и второстепенной задачей считали выясненіе того, какъ складываются случайныя отклоненія въ видѣ рыночныхъ цѣнъ[1]). Эта точка зрѣнія привела къ тому, что даже строились сразу двѣ теоріи: одна для объясненія естественной цѣны и другая для рыночныхъ цѣнъ, причемъ теоріи эти не были связаны другъ съ другомъ[2]).

Въ настоящее время на естественную и рыночныя цѣны смотрятъ иначе, и эта перемѣна представляетъ важный шагъ впередъ по сравненію съ старой точкой зрѣнія. Нынѣшній взглядъ таковъ. Рыночная цѣна—правило, она наиболѣе общій случай, обнимающій всѣ случайности и разновидности цѣны. задача теоріи состоитъ, поэтому, прежде всего въ объясненіи образованія рыночной цѣны, ибо законы рыночной цѣны являются наиболѣе общими законами рыночной расцѣнки: они обнимаютъ, какъ случай монопольной, такъ и случай конкуррентной цѣны, какъ расцѣнку воспроизводимыхъ, такъ и расцѣнку невоспроизводимыхъ благъ. Наоборотъ, естественная цѣна—это только одинъ изъ частныхъ случаевъ рыночной цѣны, наступающій при наличности извѣстныхъ условій. Задача теоріи расцѣнки состоитъ, поэтому, по отношенію къ естественной цѣнѣ въ томъ, чтобы показать, когда наступаютъ эти условія, каковы они и на какомъ уровнѣ устанавливается при наличности этихъ условій естественная цѣна.

---

[1]) Такъ, между прочимъ, смотрѣлъ *Ricardo*, а позже *Marx* и его послѣдователи. *Marx*, напримѣръ, пишетъ: „Обмѣнъ и продажа товаровъ по ихъ цѣнности представляетъ раціональный естественный законъ ихъ равновѣсія; исходя изъ него, надо объяснять отклоненія, а не, наоборотъ, изъ отклоненій самый законъ“ (Kapital. III, стр. 167).

[2]) Типичнымъ образчикомъ такой бифуркаціи теоріи цѣны является ученіе *Ricardo*

§ 30. Объективная мѣновая цѣнность. Различныя опредѣленія ея.

Второе понятіе, которое наряду съ цѣной употребляется въ мѣновомъ хозяйствѣ—это понятіе *объективной мѣновой цѣнности*. Въ отличіе отъ изученной нами въ предыдущей главѣ субъективной цѣнности—это цѣнность *объективная*, т. е. признаваемое человѣкомъ значеніе предмета *для извѣстной цѣли*. Объективная цѣнность, однако, бываетъ разныхъ видовъ: объективная потребительная цѣнность, напримѣръ, значеніе вещи для питанія, согрѣванія, объективная производственная цѣнность, т. е. значеніе вещи для производства; промысловая цѣнность, т. е. значеніе вещи для полученія дохода. Наконецъ, послѣднимъ видомъ объективной цѣнности является объективная *мѣновая* цѣнность, т. е. признаваемое человѣкомъ значеніе предмета для пріобрѣтенія въ мѣновомъ оборотѣ другихъ предметовъ [1]). Изъ всѣхъ этихъ видовъ объективной цѣнности къ экономической наукѣ относятся лишь два послѣдніе вида, ибо потребительная цѣнность относится къ техникѣ потребленія, а производственная цѣнность къ техникѣ производства, а не къ экономикѣ. Что касается цѣнности промысловой, то она сводится къ мѣновой цѣнности, поскольку доходы образуются черезъ посредство обмѣна. Вотъ почему въ дальнѣйшемъ мы имѣемъ въ виду только объективную мѣновую цѣнность [2]).

По поводу понятія объективной мѣновой цѣнности, ея природы и роли въ хозяйственной жизни, равно какъ по поводу ея значенія для экономической теоріи, въ литературѣ до сихъ поръ ведется незамиренный споръ. Въ послѣднее время намѣчается даже особое критическое теченіе, отрицающее самую необходимость сохраненія помимо понятія цѣны еще второго понятія—мѣновой цѣнности.

Употребляющіе этотъ терминъ авторы понимаютъ подъ нимъ разныя вещи.

---

[1]) См. *Böhm-Bawerk* („Wert“ въ Hwb d. Stw. 3 Aufl. VIII. Bd, стр. 756—8).

[2]) Такъ какъ изъ разныхъ видовъ субъективной цѣнности интересуются главнымъ образомъ одной потребительной, а изъ разныхъ видовъ объективной цѣнности одной мѣновой, то часто считаютъ, что дѣленіе цѣнности на субъективную и объективную совпадаетъ съ дѣленіемъ ея на потребительную и мѣновую. *Böhm-Bawerk* правильно указываетъ на ошибочность такого отождествленія (указ. статья).

Одни понимаютъ подъ объективной мѣновою цѣнностью то *мѣновое отношеніе*, въ которомъ данный товаръ обмѣнивается на другіе товары[1]). Различіе между мѣновой цѣнностью и цѣной тогда

---

[1]) Такъ опредѣляетъ объективную мѣновую цѣнность *Malthus* „Мѣновая цѣнность, говоритъ онъ, это отношеніе одного предмета въ обмѣнѣ къ одному или нѣсколькимъ другимъ предметамъ". При этомъ отношеніе онъ понимаетъ въ смыслѣ „доли одного предмета, отдаваемой за опредѣленную долю другого (Principles of political economy considered with a view to their practical application. 1820. стр 53) Впрочемъ, онъ же опредѣляетъ мѣновую цѣнность, какъ „покупную силу" предмета и на этомъ даже строитъ свое ученіе о внутренней мѣновой цѣнности. Объ этомъ ниже О мѣновомъ отношеніи говоритъ и *Marx*. „Мѣновая цѣнность (Tauschwerth), пишетъ онъ, прежде всего является въ видѣ количественнаго отношенія пропорціи, въ которой потребительныя цѣнности одного рода обмѣниваются на потребительныя цѣнности другого рода"... (Kapital I, стр. 11). При этомъ онъ прибавляетъ, что такое отношеніе есть „отношеніе, постоянно мѣняющееся съ измѣненіемъ времени и мѣста. Мѣновая цѣнность является, поэтому, чѣмъ-то случайнымъ и вполнѣ относительнымъ; присущая товару, имманентная мѣновая цѣнность (valeur intrinsèque) есть, слѣдовательно, contradictio in adjecto" (тамъ же, стр. 11). Но, отрицая „имманентную" мѣновую цѣнность, онъ несмотря на это все же является экономистомъ, признающимъ внутреннюю, присущую предметамъ до обмѣна *цѣнность* Такое кажущееся на первый взглядъ противорѣчивымъ воззрѣніе объясняется тѣмъ, что *мѣновая* цѣнность въ качествѣ мѣноваго отношенія является для *Marx*'а лишь проявленіемъ или формой той цѣнности, которая лежитъ въ вещахъ Что сама цѣнность, по *Marx*'у, существуетъ въ товарѣ и до обмѣна, это ясно видно изъ слѣдующихъ его словъ: „Мы исходили въ дѣйствительности изъ мѣновой цѣнности или мѣноваго отношенія товаровъ, чтобы напасть на слѣдъ скрытой въ нихъ цѣнности" (тамъ же, стр. 23). И далѣе *Marx* даетъ анализъ различныхъ „формъ проявленія цѣнности" (тамъ же, стр 23—47). Яснаго опредѣленія самой цѣнности, кромѣ утвержденія о ея трудовомъ характерѣ, мы у *Marx*'а не находимъ —Рѣшительнымъ сторонникомъ пониманія мѣновой цѣнности въ смыслѣ мѣноваго отношенія (ratio of exchange) является *Jevons* (Theory, стр 83). Такого же мнѣнія держится *Marshall*. „Цѣнность, говоритъ онъ, т. е. мѣновая цѣнность вещи, выраженная въ другой вещи въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время, есть количество этой другой вещи, которое можетъ быть получено тамъ въ это время въ обмѣнъ за первую. Такимъ образомъ выраженіе цѣнность относительно и обозначаетъ отношеніе между двумя вещами въ опредѣленномъ мѣстѣ и въ опредѣленное время" (Principles, стр. 8). Точно также *Scharling* говоритъ: „Цѣнность (въ смыслѣ мѣновой цѣнности) есть отношеніе, въ которомъ блага обмѣниваются другъ на друга" („Werttheorien und Wertgesetz" въ Jb. f. Nok. u. St. XVI. 1888, стр. 433). *Cornélissen* говоритъ: „Я называю мѣновою цѣнностью товара отношеніе его къ другимъ товарамъ въ смыслѣ тѣхъ количествъ, въ которыхъ товары признаются на рынкѣ эквивалентными и пропорціонально которымъ они обмѣниваются" (Theorie de la valeur, стр. 2). Въ русской литературѣ такъ же опредѣляетъ мѣновую цѣнность, напримѣръ. *Франкъ*. Онъ пишетъ: „мѣновая цѣнность блага, т е. та пропорція, въ которой въ процессѣ обмѣна два блага признаются

таково: мѣновая цѣнность—это мѣновое отношеніе, а цѣна—это эквивалентъ, получаемый въ обмѣнѣ за товаръ.

Такое опредѣленіе мѣновой цѣнности мы не считаемъ цѣлесообразнымъ, такъ какъ при опредѣленіи цѣны мы убѣдились, что мѣновое отношеніе—это лишь другая форма цѣны, понимаемой въ смыслѣ эквивалента. Между ними не существуетъ столь глубокаго различія, чтобы можно было оправдать введеніе въ науку второго термина

Даже если понимать подъ объективной мѣновой цѣнностью не всякое мѣновое отношеніе, а лишь какое-либо опредѣленное, напримѣръ, то, около котораго колеблются цѣны и къ совпаденію съ которымъ онѣ стремятся, то и тогда неясно, зачѣмъ понадобилось хозяйственной практикѣ особое понятіе объективной мѣновой цѣнности рядомъ съ понятіемъ цѣны [1]). Различіе между этими разными видами

равными и отдаются другъ за друга". („Психологическое направленіе въ теоріи цѣнности" Рус. Бог. 1898. VIII, стр 83).

[1]) При такомъ пониманіи объективной мѣновой цѣнности она можетъ и не совпадать съ цѣной. Наиболѣе яркимъ представителемъ экономистовъ, допускающихъ такое несовпаденіе, является *Marx*. „Хотя, пишетъ онъ, цѣна, какъ показатель величины цѣнности товара, есть показатель его мѣноваго отношенія къ деньгамъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ обратнаго—что показатель его мѣноваго отношенія къ деньгамъ есть непремѣнно показатель величины его цѣнности. Въ 1 квартеръ пшеницы и въ 2 ф. ст. (приблизительно $^1/_2$ унціи золота) выражается общественно-необходимый трудъ равной величины. 2 ф. ст. являются денежнымъ выраженіемъ величины цѣнности квартера пшеницы или его цѣной. Однако, если обстоятельства позволяютъ установить цѣну въ 3 ф. ст. или принуждаютъ оцѣнить въ 1 ф ст., то 1 ф. ст. и 3 ф. ст. слишкомъ мало или слишкомъ много, какъ выраженіе величины цѣнности пшеницы, и все же они являются цѣнами ея, такъ какъ, во-первыхъ, они представляютъ форму ея цѣнности, деньги, а, во-вторыхъ, они служатъ показателями ея мѣноваго отношенія къ деньгамъ" (Kapital. I. стр 80). Далѣе *Marx* говоритъ, что „возможность количественнаго несовпаденія цѣны съ величиной цѣнности, т е. отклоненія цѣны отъ величины цѣнности, существуетъ въ самой формѣ цѣны" (тамъ же, стр. 81). При этомъ *Marx* признаетъ не только количественное, но и качественное несовпаденіе цѣны и цѣнности, что переноситъ насъ уже въ область какой-то цѣнности, повидимому, ничего общаго не имѣющей съ *мѣновой* цѣнностью. Такое качественное несовпаденіе *Marx* видитъ въ цѣнѣ совѣсти, чести и пр. „Цѣна, говоритъ онъ, въ такомъ случаѣ становится выраженіемъ мнимымъ, подобно нѣкоторымъ величинамъ въ математикѣ" (тамъ же) Такой же мнимый характеръ, хотя и связанный косвенно съ дѣйствительными отношеніями цѣнности, носитъ для *Marx*'а цѣна невоздѣлываемыхъ участковъ земли, которые не имѣютъ никакой цѣнности, такъ какъ въ нихъ не овеществленъ человѣческій трудъ (тамъ же) Сюда же относится приведенное нами ранѣе (см. примѣч

мѣновыхъ отношеній прекрасно выражается терминами естественная и рыночная цѣна. Поэтому, если бы надо было выражать только это различіе, то спокойно можно было бы обойтись однимъ понятіемъ цѣны и избѣгнуть введенія другого понятія, порождающаго такъ много неясностей. Кромѣ того, такое пониманіе мѣновой цѣнности упускаетъ изъ виду, что объективная мѣновая цѣнность есть все-таки видъ цѣнности, т. е. признаваемое человѣкомъ значеніе вещи, тогда какъ цѣну нельзя разсматривать, какъ значеніе вещи, хотя люди и говорятъ. „вещь имѣетъ такую-то цѣну“ [1]).

Другіе авторы, и такихъ большинство, понимаютъ подъ мѣновой цѣнностью предмета его *покупную силу* или *способность обмѣниваться* на другіе предметы [2]) Различіе между мѣновой цѣнностью и

на стр 269) мѣсто изъ III тома „Капитала“, гдѣ цѣнность названа точкой тяготѣнія, около которой колеблются цѣны товаровъ. См объ этомъ статью *K. Diehl*'я. „Uber das Verhaltniss vom Wert und Preis im ökonomischen System von Karl Marx“ въ Festgabe fur *J. Conrad.* Здѣсь, между прочимъ, *Diehl* оспариваетъ произвольныя, не находящія опоры въ текстѣ „Капитала“ попытки *W Sombart*'а объяснить различіе между цѣнностью и цѣной тѣмъ, что цѣнность не имѣетъ по *Marx*'у никакого эмпирическаго значенія и является лишь „вспомогательнымъ средствомъ экономическаго мышленія“, равно какъ попытки *C. Schmidt*'а, называющаго цѣнность „гипотезой для объясненія дѣйствительности“, понятіемъ. необходимымъ для нашего мышленія (указ. соч, стр. 5—7).

[1]) См *Bohm-Bawerk* („Grundzüge“ въ Jb. f Nök u St. XIII, стр. 478).

[2]) *A. Smith* говоритъ, что законы обмѣна опредѣляютъ „относительную или мѣновую цѣнность благъ“ (An inquiry. I стр. 28), и понимаетъ подъ нею „силу покупать“ (power of purchasing) другія блага, доставляемую обладаніемъ даннымъ объектомъ“ (тамъ же) О „покупной силѣ“, какъ мы уже отмѣчали, говоритъ *Malthus* Точно также *Mill* подъ мѣновою цѣнностью вещи понимаетъ „ея общую покупную силу (general power of purchasing): власть, которую даетъ обладаніе вещью вообще надъ продающимися товарами“ (Principles, стр. 265) Но далѣе при перечисленіи основныхъ положеній теоріи цѣнности онъ замѣчаетъ: „Цѣнность есть относительное понятіе. Цѣнность вещи означаетъ количество какой-либо другой вещи или всѣхъ вещей вообще, на какое обмѣнивается первая вещь“ (указ соч., стр 290). Этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ *Mill* опредѣляетъ мѣновую цѣнность такъ, какъ обычно опредѣляется цѣна. Какъ покупную силу понимаетъ мѣновую цѣнность и *K. Diehl.* При этомъ, слѣдуя *Bohm-Bawerk*'у (см. выше, стр 211), онъ даже предлагаетъ вовсе не называть ее „объективной мѣновой цѣнностью“, а просто говорить о „покупной силѣ“ товаровъ Высказывается за это *Diehl* потому, что считаетъ цѣнность по самой природѣ ея чисто субъективной. „Цѣнность, пишетъ онъ нѣчто чисто субъективное, она не можетъ быть объективирована“ Заслугой теоріи предѣльной полезности онъ считаетъ именно то, что „она правильно отыскиваетъ источникъ цѣнности въ субъективныхъ оцѣнкахъ рыночныхъ сто-

цѣной для этихъ авторовъ состоитъ въ томъ, что цѣна представляетъ внѣшнее выраженіе мѣновой цѣнности: мѣновая цѣнность—это спо-

ромъ" (Sozialwissenschaftliche Erläuterungen. I. стр 65). Точно также *J. Wolf* полагаетъ, что мѣновая цѣнность, собственно говоря, не есть цѣнность, ибо „мѣновая цѣнность есть результатъ соглашенія, предметъ договора двухъ сторонъ, а не сужденіе" (Nationalökonomie, стр. 12). Онъ уступаетъ только обычному словоупотребленію, которое, по его словамъ, такъ сильно, что бороться съ нимъ былобы безполезно Мы уже указали разъ на ошибочность этого мнѣнія. Объективная мѣновая цѣнность вполнѣ возможна, если понимать ее, какъ *значеніе* для достиженія объективной цѣли: полученія другихъ предметовъ въ обмѣнъ за данную вещь. При этомъ она есть значеніе, *признанное людьми* за вещью, а, слѣдовательно, даже объективная цѣнность является сужденіемъ. Сужденіе это вырастаетъ на почвѣ обмѣна, который есть результатъ соглашенія двухъ сторонъ, такъ же какъ результатомъ соглашенія является и цѣна; но сама мѣновая цѣнность остается сужденіемъ. Правда, сужденіе это не плодъ учета потребностей даннаго лица оно есть сужденіе объ объективныхъ фактахъ. Въ этомъ лежитъ отличіе объективной цѣнности отъ субъективной. Эту природу оцѣнки, происходящей при образованіи объективной мѣновой цѣнности, такъ описываетъ *Струве*: „Оцѣнка, о которой тутъ идетъ рѣчь, есть оцѣнка объективная, а не «субъективная», есть Schätzung, а не Wertung. Она производится не съ точки зрѣнія потребностей, вкусовъ, интересовъ, мнѣній даннаго оцѣнивающаго субъекта, а съ точки зрѣнія—общаго мнѣнія. Такая оцѣнка есть не субъективное сужденіе, а объективная экспертиза. Она должна выражать или уловлять «всеобщую оцѣнку»" (Хозяйство и цѣна. I, стр. 94). По поводу этого мѣста надо лишь замѣтить, что главный центръ лежитъ въ противоположеніи „субъективное"—„объективное", а не въ противоположеніи „сужденіе"—„экспертиза". Вообще же въ данномъ вопросѣ мы считаемъ болѣе правильной точку зрѣнія *Neumann*'а. Устанавливая различіе между цѣной и мѣновой цѣнностью, онъ говоритъ: „цѣна обычно покоится на одностороннемъ или двустороннемъ установленіи или нормированіи, тогда какъ цѣнность проистекаетъ преимущественно изъ оцѣнокъ или сужденій" („Wirtschaftliche Grundbegriffe" въ Handb d. p. Ök. v. *G Schmberg*. I, стр. 170). И, несмотря на это, онъ признаетъ, какъ субъективную, такъ и объективную цѣнность (тамъ же, стр 151) Что касается пониманія мѣновой цѣнности, какъ „способности обмѣниваться на другія блага", то такъ опредѣляетъ ее *Böhm-Bawerk*, называющій объективную мѣновую цѣнность „способностью блага доставлять при помощи обмѣна другія блага" („Grundzüge" въ Jb. f. Nök. u. St. XIII. 1886, стр. 477—8). Въ другомъ мѣстѣ той же статьи онъ замѣчаетъ, что такъ понимаемая мѣновая цѣнность „разсматривается, какъ сила или свойства, присущія самимъ благамъ" (тамъ же, стр 5). Такого же взгляда на мѣновую цѣнность *Bohm-Bawerk* держится и въ новѣйшей своей работѣ. Подъ объективной мѣновой цѣнностью онъ понимаетъ въ ней: „объективное значеніе благъ въ обмѣнѣ—или, другими словами, покоющуюся на данныхъ фактическихъ отношеніяхъ способность ихъ доставлять въ мѣновомъ оборотѣ въ качествѣ эквивалента опредѣленное количество другихъ благъ" (Positive Theorie. 3. Aufl., стр 214—5). *Philippovich* подъ мѣновой цѣнностью понимаетъ: „способность блага обмѣниваться въ рыночномъ оборотѣ на извѣстное ко-

собность обмѣниваться на извѣстное количество другихъ благъ, цѣна же—само это количество другихъ благъ [1]), или, какъ выражаются другіе, мѣновая цѣнность—это возможность обмѣняться въ извѣстномъ отношеніи на другія блага, цѣна же—это полученный въ дѣйствительномъ обмѣнѣ эквивалентъ или реализованное мѣновое отношеніе [2]).

При этомъ одни изъ авторовъ, понимающихъ мѣновую цѣнность указаннымъ выше способомъ, признаютъ, что цѣна можетъ совпадать съ мѣновою цѣнностью, но можетъ и расходиться съ нею по своей величинѣ. А, слѣдовательно, законы мѣновой цѣнности и цѣны не одни и тѣ же [3]). Другіе, наоборотъ, считаютъ, что цѣна, какъ выра

личество другихъ благъ, и прежде всего общаго мѣноваго блага—денегъ" (Grundriss. I. 8. Aufl., стр. 222). Точно такъ же *Landry* опредѣляетъ мѣновую цѣнность, какъ способность блага обмѣниваться въ опредѣленномъ отношеніи на другія блага (Manuel, стр. 492) Такъ же смотритъ на мѣновую цѣнность авторъ новой критической работы. *Kallenberger* („Kritische Beleuchtung" въ Zschr f d ges Stwiss 68. Jg. 1912, стр 418). Изъ русскихъ авторовъ, держащихся такого же взгляда не мѣновую цѣнность, отмѣтимъ *Пихно*, опредѣляющаго цѣнность, какъ „способность годностей къ обмѣну", или „ихъ покупную силу", получающую выраженіе „въ извѣстныхъ количествахъ всѣхъ другихъ годностей, на которыя она обмѣнивается" (Основанія, стр 132), затѣмъ, *Исаева*, видящаго въ цѣнности „способность блага обмѣниваться на другія блага" (Начала, 6 изд., стр 8), и *Жельзнова*, который опредѣляетъ мѣновую цѣнность, какъ „способность хозяйственныхъ благъ обмѣниваться на другія хозяйственныя блага, ихъ покупательную силу»" „Степень этой способности, прибавляетъ онъ, выразится каждый разъ въ отношеніи, въ какомъ одни блага окажутся къ другимъ при обмѣнѣ" (Очерки. 7 изд., стр. 360)

[1]) Такъ понимаетъ отношеніе цѣны къ объективной мѣновой цѣнности *Bohm-Bawerk* („Grundzüge" въ Jb f. Nok. u St. XIII 1886, стр. 478; см. также Positive Theorie. 3. Aufl., стр. 217). *Zuckerkandl* по этому поводу пишетъ: „Различіе между цѣнностью и цѣной ясно это различіе между величиной и ея выраженіемъ.. между тѣмъ, что хотятъ выразить, и самимъ выраженіемъ, т. е. нѣчто похожее на различіе между мыслью и словомъ" (Zur Theorie des Preises, стр. 25—6)

[2]) „Мѣновая цѣнность, говоритъ *Wagner*, такъ относится къ цѣнѣ, какъ одна лишь возможность блага быть обмѣненнымъ къ дѣйствительному обмѣну" (Grundlegung. I, стр., 339). Точно также *Туганъ-Барановскій* считаетъ. что мѣновая цѣнность—это „абстрактная возможность получить въ обмѣнъ за данный товаръ опредѣленное количество другихъ товаровъ", цѣна же, это „конкретное выраженіе мѣновой цѣнности" (Основы, стр 61).

[3]) Такого мнѣнія вслѣдъ за *Ricardo* и *Marx*'омъ держатся сторонники объективной и, главнымъ образомъ, трудовой теоріи цѣнности. Такъ. напримѣръ, въ русской литературѣ *Исаевъ* по этому поводу замѣчаетъ: „цѣнность постоянно присуща хозяйственнымъ благамъ и не подлежитъ рѣзкимъ и частымъ измѣненіямъ Цѣну же блага имѣютъ не всегда и она часто испытываетъ рѣзкія колебанія По-

женіе мѣновой цѣнности, не можетъ съ нею расходиться количественно, а потому законы мѣновой цѣнности и законы цѣны совпадаютъ другъ съ другомъ, и теорія, установившая законы цѣнъ, тѣмъ самымъ даетъ законы мѣновой цѣнности [1]). Мы считаемъ правильнымъ второе мнѣніе. Если понимать объективную мѣновую цѣнность, какъ покупную силу товара или способность его обмѣниваться на другіе товары, то цѣна и мѣновая цѣнность должны совпадать другъ съ другомъ по величинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если мѣновая цѣнность блага въ данный моментъ такова, то значитъ, оно въ данный моментъ *способно* обмѣняться на другія блага въ такомъ-то отношеніи. А тогда благо и *дѣйствительно* обмѣняется въ этомъ отношеніи, т. е. цѣна его совпадетъ съ мѣновой цѣнностью. Ибо, если бы вслѣдствіе какихъ-либо условій цѣна его оказалась иной, то, значитъ, благо въ силу этихъ условій не обладало въ этотъ моментъ способностью обмѣниваться на другія блага въ данномъ отношеніи.

Если же, несмотря на это, мы въ хозяйственной жизни сплошь и рядомъ встрѣчаемъ выраженіе «этотъ товаръ проданъ или купленъ выше или ниже его цѣнности», причемъ тутъ же указывается денежная цѣна, по какой проданъ или купленъ товаръ, отличающаяся отъ его мѣновой цѣнности [2]), то изъ этого надо сдѣлать иной выводъ. Это вовсе не доказываетъ, что мѣновая цѣнность, понимаемая въ

этому изъ способности блага къ обмѣну нельзя безошибочно заключить ни то, когда совершится обмѣнъ, ни то, въ какомъ отношеніи онъ совершится" (Начала 6 изд., стр. 8).

[1]) Такъ смотритъ *Böhm-Bawerk*. „Если, говоритъ онъ, законъ цѣнъ объясняетъ намъ, почему за какое-либо благо *дѣйствительно платится* извѣстная цѣна, то онъ уже тѣмъ самымъ объясняетъ намъ, почему это благо *способно* быть куплено или продано по опредѣленной цѣнѣ. Законъ цѣнъ содержитъ въ себѣ законъ мѣновой цѣнности". („Grundzüge" въ Jb. f. Nök. u. St. XIII, стр. 480, см. о томъ же Positive Theorie, стр. 217). *Cohn* говоритъ по этому поводу: „такъ какъ цѣна есть лишь внѣшняя форма проявленія цѣнности, то разницы между цѣнностью и цѣною не можетъ быть; вещь не можетъ быть продана ни выше, ни ниже ея цѣнности. Несмотря на это очень часто встрѣчаются обороты рѣчи въ родѣ слѣдующихъ: «за эту вещь заплатили значительно больше ея цѣнности» Но подъ этимъ надо понимать лишь то, что покупатель придалъ данной вещи значительно болѣе высокую цѣнность, чѣмъ это слѣлали бы очень многіе другіе люди" (Die subjective Natur des Wertes, стр. 22).

[2]) При этомъ рѣчь идетъ не о субъективной цѣнности, какъ думаетъ *Cohn* (см. предыдущее примѣчаніе), а объ объективной мѣновой цѣнности, такъ какъ никогда въ такихъ случаяхъ не указываютъ лица, что было бы неизбѣжно, если бы имѣлась въ виду субъективная цѣнность.

смыслъ способности товара обмѣниваться на другіе товары въ извѣстномъ отношеніи, можетъ отклоняться отъ цѣны, т. е. самого этого отношенія. Наоборотъ, отмѣчаемыя людьми отклоненія мѣновой цѣнности отъ цѣны доказываютъ, что мѣновую цѣнность нельзя понимать, какъ покупную силу, проявляющуюся въ цѣнѣ. Мѣновая цѣнность, очевидно, должна быть понимаема какъ-то иначе.

За это говорятъ и другія соображенія.

§ 31. Критика обычнаго пониманія объективной мѣновой цѣнности.

Всѣ изложенныя въ предыдущемъ параграфѣ опредѣленія объективной мѣновой цѣнности исходятъ изъ представленія, что эта цѣнность заложена въ самихъ вещахъ и существуетъ до обмѣна, что она есть присущее вещамъ свойство, существующее въ нихъ до установленія рыночной цѣны, предшествующее цѣнѣ и находящее въ цѣнѣ лишь внѣшнее проявленіе и выраженіе.

Именно съ этимъ нельзя согласиться. Въ подобномъ представленіи содержится слишкомъ много произвольнаго, носящаго метафизическій характеръ. Никакой заложенной въ вещахъ до обмѣна покупной силы или способности, никакого подобнаго, присущаго вещамъ, свойства мы не знаемъ. Говорящіе объ этомъ авторы ничѣмъ не доказали его существованія. Аналогія съ другими науками показываетъ, что онѣ также прежде говорили о такъ понимаемыхъ силахъ или способностяхъ, но позже науки отказались отъ такихъ метафизическихъ понятій. И этотъ отказъ не усложнилъ, а облегчилъ пониманіе явленій. Точно также и экономическая наука не можетъ оставаться при голословныхъ утвержденіяхъ о наличности какой-то мѣновой цѣнности, существующей въ вещахъ до обмѣна и до образованія цѣнъ. Экономическая наука также должна отказаться отъ подобныхъ понятій. Какъ мы увидимъ дальше, и въ области экономики это только облегчитъ пониманіе явленій. Экономическая наука до сихъ поръ неправильно переворачивала понятія и для объясненія явленій обмѣна строила раньше мѣновую цѣнность, а затѣмъ уже изъ нея выводила цѣну, какъ явленіе производное и подчиненное. Въ дѣйствительности происходитъ совершенно обратное. Первичнымъ реальнымъ фактомъ является въ области обмѣна цѣна, т. е. мѣновое отношеніе. Ее должна прежде всего вывести теорія обмѣна. А уже отъ цѣны она должна идти къ мѣновой цѣнности, ибо мѣновая цѣн-

ность есть слѣдствіе цѣны и надстройка надъ ней. Если такъ перемѣстить понятія цѣны и объективной мѣновой цѣнности, то теорія рыночной расцѣнки пріобрѣтаетъ ясность, стройность и простоту. Самое понятіе мѣновой цѣнности изъ таинственнаго *субстанціональнаго* понятія превращается въ реальное, вполнѣ опредѣленное *функціональное* понятіе. На это указало уже новѣйшее критическое теченіе, подвергшее наряду съ другими основными понятіями экономической науки пересмотру и понятіе мѣновой цѣнности

Однако, какъ это часто бываетъ при критическихъ пересмотрахъ, критицизмъ и въ этомъ вопросѣ зашелъ слишкомъ далеко. Экономическая литература можетъ уже насчитать нѣсколько авторовъ, совершенно отвергающихъ необходимость двухъ понятій: цѣны и мѣновой цѣнности. Второе понятіе, по мнѣнію этихъ авторовъ, вовсе не нужно. Для объясненія всѣхъ явленій расцѣнки, говорятъ они, достаточно субъективной цѣнности и цѣны [1]).

---

[1]) Рѣзкія критическія замѣчанія по поводу сохраненія экономической наукой понятія мѣновой цѣнности мы встрѣчаемъ уже въ 1897 году въ статьѣ *Oliver von Gotow*. Даже теоретико-познавательное развитіе, говоритъ онъ,—Васоп, Kant, Comte... привело къ тому, что съ надеждой на успѣхъ мы можемъ изучать явленія—феномены, а не существо вещей—ноумены. Физикъ изучаетъ явленія электричества, а не его сущность Экономическое явленіе обмѣна—это цѣна; мѣновая же цѣнность—это существо. Собственно цѣнность, продолжаетъ онъ,—терминъ, перешедшій въ экономическую науку отъ юристовъ—есть ничто иное, какъ обозначеніе скрытой цѣны. Даже, когда говорятъ: эта лошадь продана выше своей цѣнности, то это значитъ, что она продана выше обычной въ данномъ мѣстѣ цѣны („Der Preis als selbstständige Kategorie“, въ Jb. f. Nök. u. St III. F XIII 1897, стр. 178—80) И далѣе вопреки обычному воззрѣнію онъ не только отрицаетъ то, что мѣновая цѣнность опредѣляетъ цѣну, но полагаетъ, что: „цѣна есть явленіе, совершенно независимое отъ цѣнности и скорѣе даже, наоборотъ,—цѣнность оказывается зависящей отъ цѣны“ (тамъ же, стр 180) Это первый, насколько мы знаемъ, авторъ, рѣшительно перевернувшій обычное соотношеніе цѣны и мѣновой цѣнности Отмѣтимъ при этомъ, что авторъ этотъ подкрѣпилъ свой новаторскій шагъ теоретико-познавательными соображеніями. Какъ видно изъ приведенной цитаты, онъ, однако, все еще не рѣшается окончательно выбросить понятіе мѣновой цѣнности. Но онъ отводитъ ей до того незначительное мѣсто, что это почти равносильно вычеркиванію ея изъ числа тѣхъ понятій, которыя нужны экономической наукѣ. „Задача теоретической экономики, пишетъ онъ, состоитъ, такимъ образомъ, не въ умозрительныхъ разсужденіяхъ относительно понятія цѣнности, а гораздо больше въ открытіи законовъ колебаній цѣнъ“ (тамъ же, стр. 182). Другой авторъ, *Heyn*, вообще отрицаетъ объективную цѣнность. Цѣнность, по его мнѣнію, можетъ быть только субъективная. Понятіе объективной мѣновой цѣнности вводятъ для объясненія обмѣна, поэтому объективная мѣновая цѣнность интересуетъ

Съ такимъ полнымъ выбрасываніемъ понятія объективной мѣновой цѣнности изъ экономической науки мы не можемъ согласиться

экономическую науку вовсе не потому, что она цѣнность, а потому, что она мѣновая, ибо обогрѣвательной, питательной, удобрительной и прочихъ объективныхъ цѣнностей экономическая наука не изучаетъ Однако, именно для объясненія явленій обмѣна, по мнѣнію *Heyn*'а, объективная мѣновая цѣнность не нужна Обычно говорятъ, что „мѣновая цѣнность проявляется въ цѣнахъ", что „мѣновая цѣнность находитъ свое выраженіе въ цѣнахъ", что „цѣна есть реализовавшаяся мѣновая цѣнность", что „цѣна есть денежное обозначеніе мѣновой цѣнности" Всѣмъ этимъ хотятъ сказать, что мѣновая цѣнность есть первичное понятіе, а цѣна производное отъ него. По этому поводу *Heyn* замѣчаетъ. „Этимъ переворачиваютъ дѣйствительное соотношеніе. На самомъ дѣлѣ мѣновая цѣнность въ значительной мѣрѣ является лишь рефлексомъ цѣны. Другими словами, она результатъ цѣнъ. Она прямо получается изъ нихъ" . (Theorie des wirtschaftlichen Wertes, стр 3) Сами же цѣны для своего объясненія нуждаются не въ объективной мѣновой цѣнности, а въ субъективной цѣнности. А если это такъ, то ученіе объ объективной мѣновой цѣнности вообще не нужно Нужна теорія цѣнъ (тамъ же) Излишнимъ считаетъ понятіе объективной мѣновой цѣнности и *Schumpeter*. Признавать ее какой-то „покупной силой" имѣло, по его мнѣнію, смыслъ тогда, когда въ ней видѣли извѣстное количество труда или извѣстную потребительную цѣнность, но не теперь (Wesen, стр. 108—9) Рѣшительно отрицаетъ нужду въ понятіи мѣновой цѣнности и экономистъ-математикъ *Pareto* Часто, говоритъ онъ, подъ мѣновой цѣнностью понимаютъ товарное мѣновое отношеніе въ отличіе отъ денежнаго отношенія, являющагося цѣной. Но такое различіе есть лишь различіе между дробью любой, напримѣръ $^6/_7$ (мѣновая цѣнность) и дробью, у которой знаменатель единица, напримѣръ, $^2{}_1$ (цѣна). Стоитъ ли изъ за такого различія вводить въ науку особое понятіе? (Manuel, стр. 208). По поводу пониманія мѣновой цѣнности въ смыслѣ „способности блага обмѣниваться на другія блага" онъ говоритъ „Это значитъ опредѣлять неизвѣстное черезъ нѣчто другое, еще менѣе извѣстное Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ представлять собою эта «способность», и, что еще важнѣе, какъ ее измѣрять? Мы знаемъ только конкретное проявленіе этой способности» и однозначнаго ей понятія «цѣнности», проявленіе это представляетъ цѣну Но тогда по истинѣ безполезно намъ затруднять себя подобными метафизическими сущностями. Можно ограничиться однѣми цѣнами" (тамъ же, стр. 242—3). Наконецъ, говоритъ онъ, различаютъ цѣнность и размѣръ цѣнности, причемъ подъ послѣднимъ и понимаютъ цѣну На это *Pareto* замѣчаетъ· но развѣ можетъ величина существовать независимо отъ своего размѣра? (тамъ же, стр. 244) Изъ другихъ критиковъ понятія мѣновой цѣнности какъ понятія основного, надо указать на *Allyn A. Young*'а „Понятіе мѣновой цѣнности, пишетъ онъ, есть абстракція. . Конкретнымъ фактомъ въ данномъ случаѣ является обмѣнъ благъ и услугъ на деньги и предметы, замѣщающіе деньги. Цѣны, а не цѣнности, являются первичными элементами, съ которыми приходится имѣть дѣло экономисту-теоретику" („Some limitations of the value concept" въ Quart. Journal of Econ Vol. XXV. May 1911, стр. 410—1). Между тѣмъ экономическая наука всегда считала цѣну понятіемъ, подчиненнымъ цѣнности Это, замѣчаетъ *Young*, вѣрно въ томъ смыслѣ, что цѣнность понятіе болѣе общее и, слѣдовательно, логически болѣе высокое. Но, когда экономическая теорія, соблазняясь

Противъ этого говорить раньше всего то, что вовсе не наука измыслила это понятіе, а выработала его хозяйственная практика, и эта же практика повсемѣстно настойчиво удерживаетъ его. Конечно, для экономической науки не обязательно сохраненіе всѣхъ словъ и понятій, выработанныхъ практикой. Но при такомъ стойкомъ употребленіи термина въ жизни необходима очень большая осторожность въ разрѣшеніи вопроса объ его упраздненіи. И мы дальше увидимъ, что понятіе объективной мѣновой цѣнности выработано жизнью не напрасно. Оно вовсе не второе, ненужное слово для обозначенія того, что понимается обычно подъ цѣной. Понятіе мѣновой цѣнности выполняетъ въ хозяйственной жизни самостоятельную роль и имѣетъ особый смыслъ для хозяйствующаго человѣка.

Болѣе правы, поэтому, тѣ авторы, которые, хотя раздѣляютъ указанный выше критическій пересмотръ понятія объективной мѣновой цѣнности и признаютъ, что она не причина цѣнъ, а слѣдствіе

этимъ, исходила изъ понятія мѣновой цѣнности, то это покупалось цѣной отказа отъ точности и реальности понятій (тамъ же, стр. 413). Столь же критически относится къ понятію объективной мѣновой мѣнности *Amton* „Что такое «объективная мѣновая цѣнность»?, спрашиваетъ онъ, v Philippovich опредѣляетъ ее, какъ «способность блага обмѣниваться въ рыночномъ оборотѣ на извѣстное количество другихъ благъ» Объективная мѣновая цѣнность, какъ обыкновенно говорятъ, «выражается» или «проявляется» въ цѣнѣ. Этимъ признаютъ непосредственное отношеніе понятія цѣнности къ понятію цѣны Но что значитъ: объективная мѣновая цѣнность выражается или проявляется въ цѣнѣ? Очевидно, ничто иное какъ то, что мѣновая цѣнность дана объективно и реально только въ цѣнѣ или черезъ цѣну. Она вообще не существуетъ независимо отъ цѣны и внѣ цѣны Понятіе объективной мѣновой цѣнности, поэтому, предполагаетъ понятіе цѣны и лишь въ связи съ послѣднимъ имѣетъ смыслъ и значеніе Гдѣ немыслима цѣна, тамъ немыслима и объективная мѣновая цѣнность; гдѣ возникаетъ мысль объ объективной мѣновой цѣнности, тамъ должна существовать мысль о цѣнѣ. Въ концѣ концовъ оба понятія просто идентичны по своему содержанію“ (Object und Grundbegriffe, стр 329—30) И далѣе: „Идентичность содержанія обоихъ понятій, объективной мѣновой цѣнности и цѣны, постоянно отрицалась Различіе обозначеній для одной и той же по существу вещи, а именно для факта объективнаго отношенія между количествами разныхъ благъ или предметовъ мѣнового оборота, а слѣдовательно, различіе только въ словахъ, всегда соблазняло искать различіе въ самихъ вещахъ и сообразно съ этимъ подставлять подъ каждое изъ двухъ словъ особое понятіе Повсюду самымъ старательнымъ образомъ искали различія между объективною мѣновою цѣнностью и цѣной, но не находили ничего кромѣ моментовъ, совершенно безразличныхъ для разсмотрѣнія явленій съ національно-экономической точки зрѣнія“ (тамъ же, стр. 330) Вотъ почему *Amton* считаетъ не мѣновую цѣнность, а цѣну „основнымъ національно-экономическимъ понятіемъ“ (тамъ же)

ихъ, не первичное, а производное отъ цѣны понятіе, но, несмотря на это, все-таки сохраняютъ понятіе мѣновой цѣнности. Эти авторы разсматриваютъ объективную мѣновую цѣнность, какъ среднюю типическую цѣну [1]).

[1]) Такой взглядъ на мѣновую цѣнность мы встрѣчаемъ уже у *Hermann'a*, хотя и выраженъ онъ у него въ непривычныхъ для нашего времени терминахъ. „Лишь изъ сопоставленія, говоритъ онъ, большого числа дѣйствительныхъ цѣнъ блага, выраженныхъ въ одномъ и томъ-же другомъ благѣ, получается цѣна, какъ таковая (an sich), средняя цѣна или рыночная цѣна въ узкомъ смыслѣ слова, которую можно такъе назвать возможною цѣною". (Staatsw Untersuchungen, стр. 430). „Сообразно съ нею каждый исчисляетъ дѣйствительную цѣну, которую онъ считаетъ возможнымъ *потребовать* за свои мѣновыя блага. Такъ какъ возможность блага обмѣниваться называютъ его *мѣновою цѣнностью*, то послѣднюю можно принять за равнозначущую со средней величиной его дѣйствительныхъ цѣнъ" (тамъ же, стр. 431) Въ болѣе позднеи литературѣ, а именно у *Wieser'a*, находимъ по этому поводу слѣдующее замѣчаніе Когда, говоритъ онъ, начинаютъ разграничивать мѣновую цѣнность и цѣну, то обычно первую считаютъ присущеи благу, а вторую внѣшнимъ фактомъ и думаютъ, что такая-то цѣна платится потому, что такова цѣнность, а не, наоборотъ, цѣнность такая, потому что такова цѣна. Это, по мнѣнію *Wieser'a*, обозначаетъ, однако, лишь то, что съ благомъ связываютъ и на благо переносятъ только *привычную, установившуюся цѣну*. Воспріятіе послѣдовательности или сосуществованія превращаютъ въ причинную зависимость. Поэтому, если цѣна измѣняется внезапно послѣ того, какъ она долго стояла на извѣстномъ уровнѣ, эта внезапная перемѣна еще не успѣваетъ отразиться на представленіи о цѣнности, и тогда охотнѣе говорятъ, что благо продается не по своей цѣнности. Такъ, когда упало въ цѣнѣ серебро, долгое время обмѣнивавшееся на золото въ отношеніи $15^1/_2$: 1, то говорили не о паденіи цѣнности серебра, а о продажѣ серебра ниже его цѣнности (Uber den Ursprung, стр. 14—5) Въ русской литературѣ критикомъ обычнаго пониманія объективной мѣновои цѣнности выступилъ *Струве* въ цитированной уже нами книгѣ „Хозяйство и цѣна". По поводу „метафизическои идеи цѣнности, какъ сущности и закона цѣны" онъ пишетъ: „Рядомъ съ цѣнои, надъ нею или подъ нею не существуетъ никакого другого реальнаго экономическаго явленія... Цѣнность, какъ нѣчто отличное отъ цѣны, отъ нея независимое, ее опредѣляющее, есть фантомъ... Отношеніе между метафизически-объективнои, субстанціальной теоріеи цѣны-цѣнности и эмпирически-субъективной психологическои теоріей представляетъ съ точки зрѣнія общаго типа научной мысли поразительную аналогію съ отношеніемъ между объясненіемъ горѣнія при помощи знаменитои теоріи флогистона или явленіи теплоты при помощи теплорода, и современными воззрѣніями химіи и физики на процессъ горѣнія и на явленія теплоты (указ. соч. I, стр. 96) „Итакъ, заключаетъ онъ, съ развиваемои нами точки зрѣнія категорія объективнои цѣнности есть лишь, такъ сказать, метафизическое удвоеніе категоріи цѣны" (тамъ же, стр. 97). Эти мысли были изложены *Струве* уже въ 1911 году (см выше примѣч. на стр. 264) Но, какъ показываютъ приведенныя нами въ этомъ и въ предыдущемъ примѣчаніи литературныя справки, тѣ же мысли, подчасъ даже въ тѣхъ же выраженіяхъ, уже раньше высказаны были цѣлымъ

По поводу этого послѣдняго воззрѣнія на объективную мѣновую цѣнность надо замѣтить, что подъ нею люди, дѣйствительно, понимаютъ прежде всего среднюю типическую цѣну. И эта средняя типическая цѣна важна людямъ потому, что на основаніи ея они опредѣляютъ ту наиболѣе вѣроятную цѣну, которую въ ближайшемъ будущемъ они смогутъ получить за свои блага или принуждены будутъ отдать за чужія. Такъ, когда говорятъ, что товаръ проданъ выше или ниже его цѣнности, то этимъ выражаютъ, что онъ проданъ по цѣнѣ, которая выше или ниже средней установившейся передъ тѣмъ цѣны. Вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ обозначаютъ, что товаръ проданъ дороже или дешевле, нежели *можно было ожидать* на основаніи средней типической цѣны, существовавшей передъ тѣмъ.

Къ этому надо прибавить, что такая средняя цѣна-цѣнность для свободно воспроизводимыхъ благъ въ общемъ совпадаетъ съ тѣмъ, что выше названо нами естественной цѣной. Но она можетъ и не совпадать съ послѣдней. Такъ, цѣна воспроизводимаго блага можетъ довольно долго стоять на приподнятомъ по сравненію съ издержками производства уровнѣ и, слѣдовательно, быть выше естественной цѣны, но эта повышенная цѣна, продержавшись извѣстное время, станетъ

рядомъ авторовъ. Однако, отвергая мѣновую цѣнность, какъ субстанцію цѣнъ, *Струве*, все-таки не выбрасываетъ совсѣмъ термина мѣновая цѣнность. Онъ понимаетъ подъ нимъ двѣ вещи и различаетъ поэтому два вида цѣнности: нормативную цѣнность и типическую цѣнность Первая есть норма, покоющаяся на „велѣніи власти о подлежащей реализаціи цѣнѣ“. Вторая есть видъ средней цѣны. Цѣнность, говоритъ онъ, есть либо прямой приказъ о цѣнѣ, т. е. назначенная, „уставная“ или „указная“ цѣна, либо отвержденіе нѣкотораго множества свободныхъ цѣнъ въ оцѣночную среднюю“ (указ. соч., стр. 96) Особенно интересно его ученіе о „типической“ цѣнности. Хотя самый взглядъ на мѣновую цѣнность, какъ на среднюю цѣну, также не новъ, но анализъ природы той средней, которую представляетъ типическая цѣнность является важнымъ взносомъ въ ученіе о мѣновой цѣнности. Типическая цѣнность, говоритъ *Струве*, есть средняя: 1) *субъективная*, т е. полученная изъ ряда наблюденій надъ различными объектами, а именно различными цѣнами, изъ которыхъ каждая есть реальный фактъ, столь же истинный, какъ и всякій другой, 2) *изолированная*, такъ какъ не данъ тотъ рядъ единичныхъ цѣнъ, изъ которыхъ выведена „средняя“, 3) *оцѣночная*, т е. полученная путемъ оцѣнки въ смыслѣ глазомѣрнаго опредѣленія, а не путемъ разсмотрѣнія и обработки ряда, наконецъ, 4) средняя не ариѳметическая, не геометрическая, не медіана, а подходящая ближе всего къ *наиболѣе частой* величинѣ, называемой въ современной статистикѣ „модусомъ“ (указ соч., стр. 91—4) Это ученіе объ объективной мѣновой цѣнности, какъ о типическои цѣнѣ, разобрано нами въ текстѣ, частью въ этомъ, а частью въ слѣдующемъ параграфѣ

средней типической цѣной, т. е. превратится въ мѣновую цѣнность блага. При этомъ важно различать хозяйство *статическое* или *стаціонарное* и *динамическое*. Подъ первымъ мы понимаемъ хозяйство, не развивающееся и не падающее, а повторяющее въ неизмѣнномъ видѣ разъ заведенныя хозяйственныя операціи подобно тому, какъ работаетъ разъ заведенная машина. Такое состояніе не обозначаетъ полнаго покоя. Здѣсь есть движеніе, нѣтъ только измѣненія движенія. Хозяйство идетъ, но не мѣняется, не прогрессируетъ и не регрессируетъ [1]). Этому отвѣчало бы то народное хозяйство, въ которомъ 1) не увеличивалось бы и не уменьшалось населеніе и не измѣнялся его качественный составъ, 2) не измѣнялись бы потребности людей, 3) оставалось бы неподвижнымъ количество капиталовъ и природныхъ факторовъ, 4) не мѣнялась бы техника производства и другихъ отраслей хозяйственной дѣятельности и 5) не подвергались бы измѣненію способы организаціи хозяйственной дѣятельности. Подъ динамическимъ хозяйствомъ мы понимаемъ нестаціонарное хозяйство, хозяйство, развивающееся или падающее, вообще измѣняющееся. Это хозяйство, въ которомъ измѣняется численность населенія, мѣняются потребности людей, измѣняется техника и т. д. [2])

---

[1]) Такое пониманіе хозяйственной статики не совпадаетъ съ тѣмъ значеніемъ, въ какомъ употребляется слово „статика“ въ механикѣ Когда механикъ раздѣляетъ кинетику, т е. ученіе о покоѣ и движеніи матеріальныхъ тѣлъ, на статику и динамику, то подъ первой онъ понимаетъ только ученіе о покоѣ, изученіе же всѣхъ видовъ движенія матеріальныхъ системъ относитъ къ динамикѣ. Поэтому къ хозяйственной статикѣ въ этомъ тѣсномъ смыслѣ можетъ быть отнесено только ученіе о хозяйственномъ равновѣсіи, въ частности о рыночномъ равновѣсіи, и о тѣхъ уровняхъ расцѣнокъ, которые отвѣчаютъ состоянію равновѣсія. Самый обмѣнъ какъ и производство, даже неизмѣнно повторяющіеся, надо отнести тогда уже къ динамикѣ. Но механика различаетъ въ области динамики два случая: 1) случаи неизмѣнно повторяющагося, стаціонарнаго движенія и 2) случаи нестаціонарнаго движенія. И вотъ, ученіе о стаціонарномъ движеніи экономисты относятъ еще къ хозяйственной статикѣ, понимая подъ послѣдней: статику въ тѣсномъ смыслѣ слова+первый случай динамики. Въ этомъ смыслѣ, уступая обычной терминологіи, употребляемъ слово „статика“ и мы, хотя правильнѣе въ такомъ случаѣ говорить о *стаціонарномъ*, а не статическомъ хозяйствѣ. Хозяйственная динамика при такомъ пониманіи обнимаетъ только второй случай динамики по классификаціи механиковъ

[2]) *Marshall* подъ статическимъ или, какъ онъ говоритъ, стаціонарнымъ обществомъ понимаетъ общество, въ которомъ „обычаи жизни, методы и размѣры производства остаются неизмѣнными изъ поколѣнія въ поколѣніе“. (Principles,

Въ статическомъ хозяйствѣ всякая рыночная цѣна будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ средней типической цѣной, а для свободно воспроизводимыхъ благъ она будетъ совпадать съ такъ называемой естественной цѣной [1]. Поэтому въ статическомъ хозяйствѣ рыночная цѣна совпадаетъ съ мѣновой цѣнностью, ибо оставаясь неизмѣнной, эта цѣна отложилась бы въ сознаніи людей въ видѣ мѣновой цѣнности. Это совпаденіе рыночной цѣны и мѣновой цѣнности въ области экономической статики влечетъ за собой то, что для статики теорія рыночныхъ цѣнъ является тѣмъ самымъ теоріей мѣновой цѣнности, и законы, установленные для первыхъ, являются вмѣстѣ съ тѣмъ законами второй [2].

стр 426). Въ такомъ обществѣ, замѣчаетъ онъ, рыночное равновѣсіе устанавливалось бы съ такой же правильной ритмичностью, съ какой колеблется камень, подвѣшенный въ воздухѣ на шнурѣ. Въ дѣйствительности такой ритмичности нѣтъ. Явленія скорѣе похожи на движеніе камня при условіи, что шнуръ виситъ въ бурлящей водѣ мельничнаго шлюза, гдѣ потокъ воды то течетъ свободно, то задерживается (тамъ же, стр 425) *Clark* подъ статическимъ обществомъ понимаетъ то общество, въ которомъ трудъ и капиталъ остаются въ одномъ и томъ же количествѣ, усовершенствованія въ способахъ производства пріостановились, новой консолидаціи капиталовъ не происходитъ и желанія потребителей не мѣняются (Distribution, стр VI—VII; ср. также Essentials, стр 121) „Дѣйствительное общество, замѣчаетъ онъ, всегда динамично .. Измѣненіе и прогрессъ проявляются во всемъ, промышленное общество постоянно принимаетъ новыя формы и развертываетъ новыя функціи". Тѣ уровни заработной платы и процента, которые наблюдаются сегодня, не будутъ такими черезъ десять лѣтъ. „Но среди всѣхъ этихъ измѣненій работаютъ силы, устанавливающія тотъ уровень, съ которымъ въ каждый данный моментъ стремятся совпасть заработная плата и процентъ. Какимъ бы бурнымъ ни былъ океанъ, существуетъ идеальная горизонтальная поверхность, которую можно проэктировать черезъ волны, и дѣйствительная поверхность волнующейся воды колеблется вокругъ нея. Точно также существуютъ статическіе уровни, съ которыми даже на наиболѣе колеблющихся рынкахъ стремятся совпасть дѣйствительные цѣнность, заработная плата и процентъ" (Distribution, стр VI). *Alfred Ammon* подъ статическимъ состояніемъ хозяйства понимаетъ тотъ случай, когда „въ каждый слѣдующій хозяйственный періодъ происходитъ точно *то же*, что уже происходило въ предыдущій періодъ, и не происходитъ ничего иного по сравненію съ тѣмъ, что уже имѣло мѣсто въ этотъ періодъ" („Die Probleme der wirtschaftlichen Dynamik" въ Arch. f Sozwiss. und Sozpol. XXXVIII. Bd. 1914, стр 84). При этомъ *Ammon*, говоря о динамикѣ, поясняетъ, что въ ней „дѣло идетъ не о «движеніи» вообще въ противоположность покою, но объ *особомъ родѣ* движенія въ хозяйственныхъ явленіяхъ .. Движеніе, конечно, существуетъ также и въ статическомъ хозяйствѣ" (указ соч., стр. 107).

[1]) Этимъ и объясняется то, что для *Clark*'а терминъ „статическій" является синонимомъ термина „естественный" (Distribution, стр. VI).

[2]) Когда *Bohm-Bawerk* и другіе австрійскіе экономисты говорятъ о тождественности законовъ цѣны и мѣновой цѣнности, они дѣлаютъ это именно потому, что они заняты исключительно статикой хозяйственной жизни

Наоборотъ, въ динамическомъ хозяйствѣ, вслѣдствіе постоянныхъ колебаній и измѣненій рыночныхъ цѣнъ, неизбѣжно отклоненіе мѣновой цѣнности отъ цѣны. Въ немъ далеко не каждая рыночная цѣна отлагается въ сознаніи людей въ видѣ мѣновой цѣнности. Въ виду этого изученіе того, какъ образуется при мѣняющихся цѣнахъ мѣновая цѣнность, и анализъ отклоненій ея отъ рыночной цѣны составляютъ особую задачу ученія о расцѣнкѣ. Задача эта пока совершенно не разрѣшена и долго еще, вѣроятно, будетъ предметомъ только собиранія относящагося въ ней фактическаго матеріала и индуктивной его обработки. Между тѣмъ задача представляетъ интересъ, потому что именно мѣновая цѣнность, какъ представленіе о средней типической и потому возможной въ ближайшемъ будущемъ цѣнѣ, а не существующая въ данный моментъ конкретная цѣна, часто вліяетъ на хозяйственную жизнь. Человѣкъ по мѣновой цѣнности исчисляетъ ту дѣйствительную цѣну, которую онъ можетъ потребовать за свой товаръ, или цѣну, которую ему придется уплатить за чужія блага. По цѣнностямъ, а не по рыночнымъ цѣнамъ исчисляетъ часто человѣкъ свои доходы и строитъ расходный бюджетъ [1]).

Разрѣшеніе этой задачи составитъ въ будущемъ одинъ изъ вопросовъ экономической динамики—этой вновь возрождающейся важной отрасли экономической теоріи [2]). Надо, впрочемъ, сказать, что, если такой задачи не возникаетъ для хозяйственной статики, то и абстрактная теорія динамики можетъ на первыхъ ступеняхъ своего развитія оставить въ сторонѣ эту задачу. Анализъ вліянія на расцѣнку хозяйственныхъ благъ такихъ динамическихъ факторовъ, какъ ростъ народонаселенія, измѣненіе потребностей и развитіе техники, можетъ производиться такъ. Берутъ одно абстрактное статическое состояніе съ данными: народонаселеніемъ, потребностями и уровнемъ техники, и другое абстрактное статическое состояніе съ иными народонаселеніемъ, потребностями и техникой; устанавливаютъ расцѣнки благъ для перваго и второго состоянія и путемъ сличенія ихъ опредѣляютъ, какъ вліяютъ

[1]) О роли объективной мѣновой цѣнности въ области производства, народнохозяйственнаго обращенія и распредѣленія см у *Wieser*'а (Natürl. Wert, стр. 49 и 55—9)

[2]) Мы говоримъ „возрождающейся“, потому что въ прежнее время вопросы хозяйственной динамики подвергались тщательному изученію и даже выдѣлялись въ особый отдѣлъ. Такъ поступали, напримѣръ, англійскіе классики. У *Smith*'а въ кн. I, гл. VIII приведенъ рядъ замѣчаній о вліяніи накопленія капиталовъ, роста

измѣненія различныхъ наиболѣе важныхъ условій на расцѣнку хозяйственныхъ благъ. При такомъ способѣ возможно изслѣдованіе динамическихъ вопросовъ, относящихся къ явленіямъ мѣновой расцѣнки хозяйственныхъ благъ, безъ проведенія различія между рыночными цѣнами и мѣновой цѣнностью. Для каждаго изъ двухъ сличаемыхъ статическихъ состояній цѣна совпадаетъ съ мѣновой цѣнностью, слѣдовательно, и полученное путемъ сравненія двухъ состояній измѣненіе расцѣнокъ одновременно покажетъ, какъ измѣненіе цѣнъ, такъ и измѣненіе мѣновыхъ цѣнностей. Изученіе отклоненій цѣнности отъ цѣны остается тогда предметомъ дальнѣйшихъ, болѣе детальныхъ изслѣдованій въ области экономической динамики Во второй части нашей работы при построеніи механизма рыночной расцѣнки мы не будемъ касаться этихъ отклоненій. Изслѣдованіе ихъ было бы такой конкретизаціей вопроса, которая совершенно непосильна еще въ настоящее время и притомъ выходитъ за предѣлы общаго ученія о расцѣнкѣ.

и паденія народнаго благосостоянія на высоту заработной платы Въ той же кн. I. въ отд. Ш. гл. XI находимъ отрывки, относящіеся къ динамикѣ народнаго хозяйства; таковы: „Различное вліяніе прогресса народнаго благосостоянія на дѣйствительную цѣну трехъ различныхъ видовъ сырыхъ продуктовъ“ и „Вліяніе прогресса народнаго благосостоянія на дѣйствительную цѣну мануфактурныхъ произведеній“. Наконецъ, рядъ замѣчаній встрѣчается въ исторической Ш кн. „О различномъ прогрессѣ богатства у разныхъ народовъ“. У *Malthus*'а въ 1 изданіи „Principles“ глава VII специально посвящена „непосредственнымъ причинамъ прогресса богатства“, а во второмъ изданіи имѣется особая динамическая книга II, говорящая о „ростѣ богатства“ Здѣсь, между прочимъ, изслѣдуется вліяніе на народное хозяйство увеличенія народонаселенія, накопленія капиталовъ, равно какъ вліяніе техническихъ изобрѣтеній, сберегающихъ трудъ. *Ricardo* меньше занимался вопросами динамики, но и у него находимъ такія главы, какъ XXI: „Дѣйствія накопленія на прибыль и процентъ“ и XXVIII: „О сравнительной цѣнности золота, хлѣба и труда въ богатыхъ и бѣдныхъ странахъ“ Наиболѣе систематично разсматриваетъ вопросы динамики *J. S. Mill.* Этимъ вопросамъ посвящена въ его „Principles“ особая кн. IV:. „Вліяніе прогресса общества на производство и распредѣленіе“ Въ книгѣ этой сдѣлана между прочимъ попытка систематическаго анализа вліянія на разныя стороны народнаго хозяйства измѣненія главнѣйшихъ хозяйственныхъ факторовъ, взятыхъ, какъ порознь, такъ и въ различныхъ комбинаціяхъ (см. его 5 случаевъ въ гл. Ш указанной книги). Такое раздѣленіе статическихъ и динамическихъ вопросовъ характерно для классиковъ. Оно было слѣдствіемъ преобладанія у нихъ абстрактнаго метода. Благодаря этому методу они начинали свои анализъ со статики. Но, такъ какъ они видѣли, что жизнь динамична, то, разсмотрѣвъ статическія проблемы, они вслѣдъ за тѣмъ изслѣдовали проблемы динамики. Вотъ почему, когда англійскихъ классиковъ смѣнила историческая школа, различеніе статики и динамики на долгое время

§ 32 Анализъ понятія объективной мѣновой цѣнности.

Какъ ни важна роль объективной мѣновой цѣнности въ качествѣ средней типической и потому наиболѣе вѣроятной въ ближайшемъ будущемъ цѣны, но значеніе этого понятія, по нашему мнѣнію, не исчерпывается этой ролью. Изъ за нея одной хозяйственная жизнь, можетъ быть, и не выработала бы особаго термина, отличнаго отъ термина «цѣна». Еще менѣе основаній было бы изъ за этого одного

почти совершенно исчезаетъ И это понятно. Историческая школа, для которой существовали, собственно говоря, однѣ динамическія проблемы, изучаемыя ею къ тому же при помощи идіографическаго метода, не могла вводить указаннаго различія. Лишь послѣ возрожденія абстрактной экономики въ лицѣ австрійской школы и примкнувшихъ къ ней экономистовъ начала подготовляться почва для разграниченія статики и динамики, равно какъ для разработки спеціально динамическихъ проблемъ. Однако, австрійскіе экономисты сами заняты были исключительно вопросами статики. Вопросы динамики до послѣдняго времени почти не разрабатывались. „Пока, говоритъ *Pareto*, научно разработана и принесла пригодные результаты только хозяйственная статика" („Anwendungen der Mathematik" въ Encyklopädie der math. Wiss. Bd. I Heft 7, стр. 1120). Тамъ же онъ указываетъ на важность нѣкоторыхъ динамическихъ проблемъ, отмѣчая, что къ числу ихъ относится и проблема кризисовъ (стр. 1119). *Amoroso* обращаетъ вниманіе на то, что экономическая наука должна быть по существу динамической, такъ какъ люди вѣчно движутся и состояніе равновѣсія есть лишь такая же абстракція, какой является уровень океана. Но, говоритъ онъ, динамику еще предстоитъ создать („L'applicazione della matematica" въ Giorn. d. ec. Ser. II. Vol. XLII. 1911, стр. 368) Лишь сравнительно недавно начали вновь отграничивать статику отъ динамики и занялись разработкой динамики. При этомъ характерно, что вопросами динамики заняты главнымъ образомъ англичане и американцы. Въ этомъ сказывается вліяніе англійскихъ классиковъ и особенно *Mill*'я. Такъ, у *Marshall*'я мы находимъ спеціальную динамическую главу (Principles, Книга VI, гл 12: „Вліяніе прогресса на цѣнность"). Точно также у *Nicholson*'а вся IV книга („Экономическій прогрессъ") посвящена динамикѣ, т. е. вліянію хозяйственнаго развитія на цѣны, ренту, прибыль и заработную плату (Principles. III, стр. 1—174). Но особенное вниманіе динамикѣ удѣляютъ американскіе экономисты Изъ нихъ надо указать раньше всего на *Patten*'а (The theory of dinamic economics. 1892). Далѣе въ смыслѣ старательнаго отграниченія статики отъ динамики и анализа динамическихъ вопросовъ выдѣляется уже указанный нами выше *Clark*. Въ статьѣ „о будущемъ экономической теоріи" онъ пишетъ: „крупное грядущее развитіе экономической теоріи, я рѣшаюсь это утверждать, скажется въ постановкѣ и разрѣшеніи динамическихъ проблемъ До сихъ поръ больше всего вниманія привлекали къ себѣ статическія проблемы. То, что въ изслѣдованіяхъ Ricardo фигурировало въ качествѣ естественной цѣнности», есть въ дѣйствительности статическая цѣнность. Это цѣнность, которая реализовалась бы на рынкѣ, если бы были пріостановлены измѣненія, трансформирующія общество, и если бы цѣны

удерживать два слова въ научной терминологіи. Какъ хозяйственная практика, такъ и экономическая наука могли бы оперировать словами «средняя», «типическая» цѣна и совершенно упразднить вызывающій столько недоразумѣній терминъ «мѣновая цѣнность».

благъ могли достигнуть тѣхъ уровней, которые при такихъ условіяхъ установила бы совершенно свободная конкуренція, и удержаться на этихъ уровняхъ. Заработная плата и процентъ, разсматриваемые въ этихъ изслѣдованіяхъ, какъ нормальные, являются тѣмъ самымъ статическими заработной платой и процентомъ. Крупнѣйшія проблемы будущаго касаются динамическихъ цѣнностей, динамической заработной платы и процента" („The future of economic theorie" въ Quart Journ. of econ Vol. XIII № 1. October, 1898, стр. 2). Ученіе о соціальной динамикѣ изслѣдуетъ, по мнѣнію *Clark*'а, двѣ категоріи явленій: 1) реальныя колебанія вокругъ естественныхъ цѣнъ и уровней доходовъ, 2) измѣненія во времени статическихъ состояній, естественныхъ цѣнъ и уровней доходовъ (Distribution, стр. 24—35). Въ своей новой работѣ (Essentials) *Clark* наряду съ экономической статикой даетъ обѣщанную имъ уже въ его первой работѣ (Distribution) „экономическую динамику" или „законы хозяйственнаго прогресса". Пока это, впрочемъ, какъ онъ самъ говоритъ въ началѣ предисловія, „краткое и провизорное изложеніе наиболѣе общихъ законовъ прогресса". Однако, начиная съ главы XII (объ экономической динамикѣ), въ этой работѣ слѣдуетъ рядъ главъ, посвященныхъ вопросамъ динамики. Наконецъ, изъ американцевъ надо указать на *Davenport*'а. Онъ посвящаетъ особую главу динамикѣ (Value and distribution. Гл XXIV: „Динамика цѣнности и распредѣленія", стр. 512—32). При этомъ, дополняя *Clark*'а, онъ, между прочимъ, такъ классифицируетъ „динамическія силы" (стр 514—5)

I Измѣненія въ самихъ людяхъ:
  a) въ числѣ,
  b) въ желаніяхъ { въ общемъ итогѣ ихъ, / въ сравнительной интенсивности ихъ / въ родѣ и направленіи ихъ,
  c) въ способностяхъ { въ трудолюбіи или силѣ, / въ техникѣ, / въ организаціи

II. Измѣненія въ окружающей обстановкѣ:
  a) въ землѣ { въ источникахъ, доставляющихъ пищу, / въ источникахъ сырыхъ матеріаловъ для промышленности,
  b) не въ землѣ, а въ капитальныхъ благахъ,
  c) въ ссудномъ фондѣ и въ институтахъ, регулирующихъ собственность.

Мы думаемъ, поэтому, что понятіе мѣновой цѣнности имѣетъ для хозяйствующихъ людей еще и другой смыслъ. И намъ кажется, что главнымъ образомъ ради этого другого значенія человѣкъ выработалъ второе понятіе и поставилъ его въ своемъ языкѣ рядомъ съ понятіемъ цѣны. Это второе значеніе понятія «мѣновая цѣнность» упускаетъ изъ виду разобранная выше новая критическая литература, касающаяся даннаго вопроса. Состоитъ оно въ слѣдующемъ.

Мѣновое отношеніе (цѣну), представляющее сложное явленіе, слагающееся подъ вліяніемъ силъ, лежащихъ на каждой изъ двухъ участвующихъ въ обмѣнѣ сторонъ, человѣкъ разлагаетъ на двѣ составныя части. Получается разсматриваніе двусторонняго мѣноваго отношенія (цѣны) отдѣльно со стороны каждаго изъ двухъ обмѣниваемыхъ товаровъ. Это помогаетъ людямъ ориентироваться въ постоянно смѣняющихся мѣновыхъ отношеніяхъ [1]).

Изъ нѣмецкихъ экономистовъ можно указать отчасти на *Wagner*'а, который въ своей новѣйшей работѣ перечисляетъ различныя причины измѣненія цѣнъ (Theoretische Sozialökonomik I. стр. 220—1), но главнымъ образомъ на *Schumpeter*'а. Послѣдній уже въ своей первой работѣ (Wesen) отграничиваетъ статику отъ динамики и ставитъ рядъ динамическихъ проблемъ. Вторую же свою работу онъ спеціально посвящаетъ вопросамъ динамики (Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung, 1912). Эта сторона воззрѣній *Schumpeter*'а ясно носитъ на себѣ слѣды вліянія американцевъ, особенно *Clark*'а. Онъ только чрезмѣрно расширяетъ область динамики, относя къ динамическимъ проблемамъ всю проблему прибыли на капиталъ.

Признаніе важности изученія динамики хозяйственной жизни не должно, однако, приводить къ умаленію теоретическаго значенія статической экономики. Нельзя, поэтому, присоединиться къ *Pinkus*'у, когда онъ, перебирая главнѣйшихъ представителей математической и австрійской школы, находитъ ихъ построенія ложными, потому что они отвлеклись въ своихъ „абстрактныхъ экспериментахъ“ отъ изученія „нарушеній“ и движенія, т. е. отъ динамики, и занимаются почти исключительно статикой въ видѣ такъ называемаго ученія о „системѣ равновѣсія“ (Das Problem des Normalen, стр. 71—118). Такія исключительно статическія построенія надо признать не полными, но отнюдь не ложными и не безплодными. По этому поводу *Clark* говоритъ „Міръ, изъ котораго исключено всякое измѣненіе, фиктивенъ, но статическіе законы, которые можно распознать при помощи построенія этого воображаемаго міра, реальны“. Статическіе законы не перестаютъ дѣйствовать при измѣняющихся силахъ, подобно тому какъ дѣйствуютъ статическіе законы въ волнующейся водѣ. „Законы гидростатики такъ же дѣйствуютъ въ водныхъ потокахъ Ніагары, какъ и въ спокойномъ прудѣ“ (Essentials., стр VII; ср. также стр. 556). Прекрасное мѣсто о теоретической важности статики находимъ у того же *Clark*'а въ отдѣлѣ „Значеніе статическаго закона при динамическомъ состояніи“ (Essentials, стр. 130—1).

[1]) Мысль о двусторонности цѣны и разложеніи ея на двѣ составныя части высказана уже *Malthus*'омъ. Наряду съ номинальной мѣновой цѣнностью, обоз-

Какъ происходитъ указанное разложеніе, можно пояснить на слѣдующемъ примѣрѣ:

1 пудъ хлѣба въ среднемъ обмѣнивается на 1 рубль. Значитъ, средняя типическая цѣна хлѣба въ деньгахъ равна

$$1 \frac{\text{руб.}}{\text{пуд.}}$$

Изъ этого факта обмѣна и образованія средней цѣны человѣкъ дѣлаетъ выводъ, что, разъ 1 пудъ хлѣба обмѣнивается на 1 рубль, слѣдовательно:

$$\frac{\text{мѣновая цѣнность 1 пуда хлѣба}}{\text{мѣновая цѣнность 1 рубля}} = \frac{1}{1}$$

начающей цѣну товара или отношеніе его въ обмѣнѣ къ другимъ товарамъ, *Malthus* вводитъ понятіе „внутренней“ мѣновой цѣнности. Отчасти объ этомъ говорится уже въ 1 изданіи его трактата (Principles, стр. 53). Но подробнѣе свою мысль онъ развиваетъ во 2 изданіи, пользуясь въ извѣстной мѣрѣ предшествовавшею работой *Senior*'а. *Malthus* различаетъ двѣ группы причинъ, опредѣляющихъ „способность товара покупать другіе товары“: причины, вліяющія на желаніе владѣть однимъ товаромъ и трудность пріобрѣсти этотъ товаръ, и причины, вліяющія на желаніе владѣть другими товарами и трудность ихъ пріобрѣтенія (Grundsätze der politischen Ökonomie, übersetzt von *V. Marinoff*, стр. 107) Первыя причины онъ называетъ внутренними, вторыя внѣшними причинами покупной силы товара. И подъ внутреннею мѣновою цѣнностью онъ понимаетъ покупную силу товара, вытекающую изъ дѣйствія однѣхъ внутреннихъ причинъ, т. е. мѣновую расцѣнку товара по желанію владѣть *имъ* и по трудности добыть *его* (тамъ же, стр. 111). То же самое имѣетъ въ виду *Ricardo*, когда онъ говоритъ: „Два товара измѣняются въ ихъ относительной цѣнности (relative value), и мы хотимъ знать, въ которомъ изъ нихъ дѣйствительно произошло измѣненіе“ .. (Principles, стр. 12). Та же мысль лежитъ въ основѣ слѣдующаго мѣста у *Mill*'я: „Идея общей мѣновой цѣнности возникаетъ изъ того факта, что дѣйствительно существуютъ причины, содѣйствующія измѣненію цѣнности одной вещи въ обмѣнѣ ея на всѣ вещи вообще, т. е. на всѣ вещи, которыя сами не находятся подъ вліяніемъ аналогично дѣйствующихъ причинъ“ (Principles, стр. 266). Ср. *Roscher* (System der Volkswirtschaft. I, стр. 298). По этому же поводу *Nordenholz* говоритъ, что въ цѣнѣ всегда сказывается соединеніе двухъ противоположныхъ силъ, взаимно уравновѣшивающихся. И вотъ: „Разъясненіе этого составного механизма требуетъ обособленія его причинныхъ элементовъ или изолированія выступающихъ на сторонѣ каждаго изъ обоихъ товаровъ причинъ цѣны. Результатомъ этого метода изолированія является мѣновая цѣнность. Мѣновая цѣнность, такимъ образомъ, такъ относится къ цѣнѣ и пропорціи цѣны, какъ простѣйшее относится къ составному“. „Мѣновая цѣнность товара, продолжаетъ тотъ же авторъ, есть односторонняя мѣра воздѣйствія на цѣну, проявляемая въ обмѣнѣ данныхъ товаромъ. Рѣшающими для мѣновой цѣнности будутъ исключительно причины образованія цѣны, заложенныя въ самомъ товарѣ, при полномъ абстрагированіи отъ однородныхъ, но дѣйствующихъ въ обратномъ направленіи, причинъ, лежащихъ на сторонѣ другого товара“ (Production, стр. 208)

Изъ этого, въ свою очередь, слѣдуетъ, что мѣновыя цѣнности товаровъ обратно пропорціональны обмѣнивающимся количествамъ этихъ товаровъ, если количества ихъ соизмѣримы. Такъ. если обмѣнивающіяся количества пшеницы и каменнаго угля относятся другъ къ другу слѣдующимъ образомъ:

$$\frac{\text{число пуд. камен. угля}}{\text{число пуд. пшеницы}} = \frac{5}{1}$$

то отношеніе мѣновыхъ цѣнностей будетъ таково:

$$\frac{\text{мѣн. цѣн. 1 пуд кам. угля}}{\text{мѣн. цѣн. 1 пуд. пшеницы}} = \frac{1}{5}$$

Здѣсь мѣновая цѣнность выступаетъ не только въ качествѣ средней типической и наиболѣе вѣроятной цѣны, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и главнымъ образомъ, въ качествѣ особаго понятія, которое обыденнымъ хозяйствующимъ человѣкомъ даже разсматривается, какъ свойство товара. Разсматривая такъ мѣновую цѣнность, хозяйствующіе люди переносятъ на товары рыночныя отношенія, проявляющіяся въ цѣнахъ. Они продѣлываютъ при этомъ то же, что дѣлаютъ, когда, разсматривая субъективную цѣнность, какъ свойство самихъ благъ, переносятъ на блага свои потребности въ нихъ.

Вотъ почему объективную мѣновую цѣнность можно опредѣлить, какъ признаваемое людьми на основаніи средней типической цѣны предмета значеніе его для цѣлей обмѣна, разсматриваемое обыденнымъ хозяйствующимъ человѣкомъ, какъ свойство самого предмета. Экономическая наука послѣдній признакъ отбрасываетъ. Тогда объективную мѣновую цѣнность можно опредѣлить просто, какъ *выведенное изъ средней типической цѣны предмета значеніе его для цѣлей обмѣна.*

Разбирая только что сказанное, находимъ слѣдующія черты, характеризующія понятіе объективной мѣновой цѣнности.

1. Человѣкъ приходитъ къ мысли о мѣновой цѣнности только на основаніи совершившагося обмѣна, т. е. логически предшествующимъ является обмѣнъ и цѣна, а послѣдующимъ мѣновая цѣнность. Послѣдняя, слѣдовательно, не есть какая-то способность или сила, существовавшая въ товарѣ до обмѣна и обусловливавшая обмѣнъ, а

является лишь логическимъ выводомъ изъ фактовъ обмѣна, изъ извѣстныхъ мѣновыхъ отношеній и цѣнъ.

2. Наличность объективной мѣновой цѣнности устанавливается на основаніи слѣдующаго положенія.

> мы говоримъ, что товаръ обладаетъ объективной мѣновой цѣнностью, если онъ обмѣнивается на другіе товары.

Это основное положеніе для пониманія объективной мѣновой цѣнности. Оно условно, какъ въ большей или меньшей мѣрѣ условны всѣ опредѣленія. Мы условливаемся при указанныхъ обстоятельствахъ говорить о наличности мѣновой цѣнности. Приведенное положеніе, однако, не измышлено нами, оно непосредственно взято изъ жизни. Ибо именно въ указанномъ выше случаѣ люди говорятъ о наличности у благъ мѣновой цѣнности, какъ значенія ихъ для цѣлей обмѣна. Но такое опредѣленіе не только опирается на обыденное представленіе хозяйствующихъ людей. Оно вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяетъ требованію научной цѣлесообразности. Ибо, какъ мы увидимъ въ слѣдующемъ параграфѣ, такъ понимаемая мѣновая цѣнность помогаетъ уложить въ теоретическую схему расцѣнки многое изъ того, что безъ этого понятія укладывается гораздо труднѣе. Для поясненія прибавимъ, что написанное положеніе до нѣкоторой степени аналогично первому механическому закону *Ньютона*, описывающему признаки существованія силы [1]). Какъ этотъ законъ лишь описываетъ условія, при наличности которыхъ мы говоримъ о существованіи силы, такъ и наше положеніе описываетъ условіе, при которомъ *мы говоримъ* о наличности мѣновой цѣнности.

3. Величина мѣновой цѣнности опредѣляется слѣдующимъ положеніемъ:

> если товары обмѣниваются другъ на друга, то мы говоримъ, что объективныя мѣновыя цѣнности ихъ равны.

Это второе основное положеніе. Оно можетъ быть представлено въ видѣ слѣдующаго равенства:

мѣн. цѣн. 1 пуда хлѣба=мѣн. цѣн. 1 рубля.

---

[1]) Первый законъ *Ньютона* гласитъ: „Всякое тѣло сохраняетъ свое состояніе покоя или прямолинейнаго и равномѣрнаго движенія, если только приложенныя къ нему силы не побуждаютъ его измѣнить свое состояніе“ (См. проф. *Г. К. Суслова*. Основы аналитической механики. Т. I 1900, стр. 153).

Положеніе говоритъ о томъ «равенствѣ товаровъ въ обмѣнѣ», которое издавна признавалось экономической наукой. Устанавливаемое этимъ положеніемъ равенство не касается, однако, товаровъ, какъ таковыхъ [1]). Оно не относится также къ субъективной цѣнности. Субъективная цѣнность двухъ обмѣнивающихся товаровъ для каждаго изъ участниковъ обмѣна разная: отдаваемый предметъ имѣетъ меньшую субъективную цѣнность, получаемый—большую. Въ виду этой разницы и возникаетъ обмѣнъ, продолжающійся до тѣхъ поръ пока она еще существуетъ. Точно также не можетъ быть рѣчи о равенствѣ субъективныхъ цѣнностей получаемыхъ или отдаваемыхъ товаровъ для обоихъ участниковъ обмѣна. О такомъ равенствѣ нельзя говорить уже потому, что, какъ это выяснено нами раньше, субъективная цѣнность индивидуальна и величина ея несравнима для разныхъ лицъ. Вообще написанное выше равенство не представляетъ собою равенства, заложеннаго въ самихъ товарахъ, существующаго *до* обмѣна и въ обмѣнѣ только проявляющагося. Оно есть условное обозначеніе, представляющее нашъ выводъ изъ факта обмѣна, слѣдовательно, устанавливаемое нами лишь *послѣ* обмѣна [2]). Если блага обмѣниваются другъ

[1]) *Вопросы* по поводу изображенія обмѣна въ видѣ равенства, напримѣръ, въ видѣ

1 hl хлѣба=2 hl ржи въ зернѣ.

говоритъ: „Это отношеніе вовсе не представляетъ собою математическаго равенства двухъ величинъ одной и той же природы. Это только констатированіе съ помощью краткой и удобной формулы того факта, что на рынкѣ 1 hl хлѣба обмѣнивается обычно на 2 hl ржи въ зернѣ. Такое отношеніе вовсе, однако, не предполагаетъ существованія у этихъ двухъ товаровъ общаго характера и сходнаго свойства, допускающаго общее мѣрило“ („De la mesure de la valeur“ въ Revue d'écon. pol. X. 1895, стр. 235).

[2]) Эта мысль выражена у *Струве* въ видѣ противопоставленія двухъ тезисовъ: „I. Тезисъ метафизическій, формально идущій еще отъ Аристотеля и матеріально кульминирующій въ ученіи Маркса, гласитъ такъ: блага обмѣниваются и могутъ обмѣниваться потому, что въ нихъ есть нѣчто общее. Эта общая субстанція и есть цѣнность. Обмѣнъ возможенъ благодаря тому, что есть въ товарахъ такая общая субстанція, благодаря нѣкоему равенству, которое *предсуществуетъ* обмѣну. II. Тезисъ эмпирическій гласитъ такъ: равенство между товарами или благами создается въ самомъ процессѣ обмѣна и только въ немъ. Никакой общей субстанціи и никакого равенства, предсуществующаго обмѣну, нѣтъ и быть не можетъ“ (Хозяйство и цѣна. I, стр 91).

на друга, то мы *условливаемся* считать, что ихъ мѣновыя цѣнности равны. И равны именно объективныя мѣновыя цѣнности, являющіяся продуктомъ извѣстныхъ отношеній обмѣна и внѣ ихъ ни въ самихъ товарахъ, ни у самихъ людей не существующія [1]).

§ 33. Измѣреніе объективной мѣновой цѣнности

На разбираемомъ равенствѣ покоится измѣреніе объективной мѣновой цѣнности, которая такимъ образомъ въ отличіе отъ субъективной цѣнности является не только сравнимой, но и измѣримой величиной.

Производится это измѣреніе такъ. Мѣновую цѣнность вѣсовой или счетной единицы какого-либо предмета принимаютъ за *единицу мѣновой цѣнности*. И въ этихъ единицахъ выражаютъ мѣновую цѣнность всѣхъ другихъ предметовъ въ зависимости отъ того, на сколько единицъ избраннаго предмета въ среднемъ обмѣнивается каждое благо. Такъ, если мы примемъ за единицу объективной мѣновой цѣнности мѣновую цѣнность 1 рубля и если въ то же время мы знаемъ, что аршинъ сукна въ среднемъ обмѣнивается на 5 рублей, то мы можемъ сказать, что мѣновая цѣнность этого аршина равна 5 единицамъ мѣновой цѣнности. Такое измѣреніе даетъ возможность выражать величину объективной мѣновой цѣнности въ абсолютныхъ числахъ, хотя по природѣ своей мѣновая цѣнность есть понятіе всегда предполагающее хотя бы два обмѣнивающіеся предмета и извѣстное отношеніе этихъ предметовъ другъ къ другу въ обмѣнѣ [2]).

---

[1]) Это подчеркиваетъ *Ammon*, говоря. „Существуетъ именно соціальная эквивалентность (соціально обусловленная и одинаково относящаяся въ соціальномъ оборотѣ ко всѣмъ субъектамъ оборота, участвующимъ въ обмѣнѣ); но не существуетъ никакой технической эквивалентности (покоющейся на внутреннихъ качествахъ обмѣниваемыхъ объектовъ, какъ, напримѣръ, трудъ и др.) и никакой хозяйственной эквивалентности (относящейся къ субъективному значенію объектовъ обмѣна для субъектовъ послѣдняго)“ (Objekt und Grundbegriffe, стр. 341).

[2]) *Bourguin* въ спеціальной работѣ объ измѣреніи цѣнности приходитъ къ выводу, что вслѣдствіе такого характера мѣновой цѣнности измѣреніе ея, строго говоря, невозможно. Ее нельзя выражать ни въ видѣ абсолютной величины въ родѣ того, какъ выражаютъ вѣсъ въ „динахъ“ (т. е. силахъ, которыя способны сообщить единицѣ массы единицу ускоренія), ни въ видѣ относительныхъ величинъ въ родѣ того, какъ длину выражаютъ въ метрахъ. Свести цѣнность на что-либо иное, какъ это дѣлаютъ для вѣса, сводя его на массу, длину и время, невозможно. Точно также, говоритъ онъ, нельзя мѣрять цѣнность другою цѣнностью

Однако, получающіяся при этомъ абсолютныя числа выражаютъ только относительную величину мѣновыхъ цѣнностей. Такъ, въ приведенномъ выше примѣрѣ мѣновая цѣнность аршина сукна равна 5 единицамъ мѣновой цѣнности лишь при условіи, что мѣновая цѣнность 1 рубля признана равной единицѣ [1]). Цифра 5 показываетъ, такимъ образомъ, лишь то, что мѣновая цѣнность аршина сукна въ 5 разъ больше мѣновой цѣнности рубля. Сказать же, какова абсолютная величина мѣновой цѣнности аршина сукна или рубля, мы не можемъ. Все, что, строго говоря, мы можемъ узнать и исчислить—это относительная величина мѣновой цѣнности [2])

какъ мѣряютъ длину другой длиной. Это, по его словамъ, невозможно потому, что длина есть свойство, присущее вещамъ, мѣновая же цѣнность не есть внутреннее свойство вещи. Можно представить себѣ, говоритъ онъ, длину одного только предмета, но мѣновой цѣнности одного предмета представить себѣ нельзя („De la mesure de la valeur" въ Revue d'éc. pol. X. 1895, стр. 203—8 и 220—1). Въ заключеніе *Bourguin* пишетъ: „строго говоря, мѣрила цѣнности на существуетъ; существуетъ только единица для измѣренія товара, принятаго всѣми въ качествѣ общаго посредника въ обмѣнѣ; то, что называютъ мѣриломъ цѣнности, есть лишь мѣрило монеты, позволяющее обходнымъ путемъ измѣрять цѣнность товаровъ по отношенію къ монетѣ, т. е. цѣны товаровъ, и косвенно служащее измѣренію взаимныхъ цѣнностей товаровъ" (тамъ же, стр. 242). Эта аргументація *Bourguin* представляется намъ мало убѣдительной. Мы согласны съ тѣмъ, что абсолютнаго мѣрила мѣновой цѣнности мы найти не можемъ. Но изъ того, что о мѣновой цѣнности можно говорить только при наличности хотя бы двухъ обмѣнивающихся товаровъ, вовсе не слѣдуетъ, что мы не можемъ измѣрять относительную величину мѣновой цѣнности при помощи мѣновой цѣнности какого-либо блага, принятой нами за единицу.

[1]) „Понятіе мѣновой цѣнности, говоритъ *Young*, представляетъ нѣкоторое сходство съ такими понятіями физической науки, какъ масса, протяженность, энергія и т. п... Подобно цѣнности, эти физическія понятія въ количественномъ смыслѣ чисто относительны Такъ, масса, протяженность или энергія не могутъ быть измѣрены иначе, какъ въ видѣ выраженія ихъ въ единицахъ массы же, протяженности или энергіи" („Some limitations" въ Quart. Journal of Econ. Vol XXV. May. 1911, стр. 410—1) *Young*, однако, отмѣчаетъ, что понятіе мѣновой цѣнности не вполнѣ аналогично перечисленнымъ выше физическимъ понятіямъ; мѣновая цѣнность „является абстракціей болѣе высокаго порядка и болѣе тонкаго свойства" (тамъ же, стр. 411).

[2]) Объ относительной величинѣ мѣновой цѣнности говоритъ уже *Ricardo*. „Такимъ образомъ, пишетъ онъ, я считаю необходимымъ замѣтить, что я не говорилъ, будто потому, что на одинъ товаръ истрачено такое количество труда, которое стоитъ 1000 ф. ст., а на другой такое, которое стоитъ 2000 ф. ст., цѣнность одного товара будетъ 1000 ф. ст., а другого 2000 ф. ст.; но я говорилъ, что ихъ цѣнность будетъ относиться одна къ другой, какъ два къ одному, и что они

Это не устраняетъ возможности суммировать мѣновыя цѣнности и опредѣлять общую ихъ сумму. Такъ, если мѣновая цѣнность 1 A принята за единицу мѣновой цѣнности, если мѣновыя цѣнности 1 B,

будутъ обмѣниваться въ этихъ отношеніяхъ. Для правильности этой теоріи не важно, будетъ ли одинъ изъ этихъ товаровъ продаваться за 1100 ф. ст., а другой за 2200 ф. ст., или одинъ за 1500 ф ст., а другой за 3000 ф. ст; я не изслѣдую въ настоящее время этого вопроса; я только утверждаю, что ихъ относительныя цѣнности управляются относительными количествами труда, затраченнаго на ихъ производство" (Principles, стр. 39) Мы оставляемъ пока въ сторонѣ выраженную въ этой цитатѣ трудовую точку зрѣнія *Ricardo* и отмѣчаемъ только подчеркнутый въ приведенныхъ строкахъ относительный характеръ величины мѣновой цѣнности. Наоборотъ, объ абсолютной величинѣ мѣновой цѣнности говоритъ *W. G. Langworty Taylor* Онъ упрекаетъ классическую школу въ томъ, что она ставила вопросъ только о мѣновыхъ отношеніяхъ, абсолютной же цѣнностью не интересовалась Абсолютныя цѣнности товаровъ, говоритъ *Taylor*, обратно пропорціональны обмѣнивающимся другъ на друга количествамъ этихъ товаровъ. Другими словами, если дано „ratio of commodities", то „ratio of values" обратно. Такъ, если рожь и пшеница обмѣниваются по количеству въ отношеніи 2:1, то абсолютныя цѣнности ихъ относятся, какъ 1:2 („Value, positive and relative" въ Annals of the American Academy of Pol and Soc. Science. Vol. IX. January. 1897, стр. 85—6). Игнорируя это, старая теорія не могла заниматься и вопросомъ объ увеличеніи или уменьшеніи общей суммы цѣнностей у общества, теорія же абсолютной цѣнности можетъ ставить этотъ вопросъ. Съ точки зрѣнія относительной цѣнности общая сумма цѣнности всегда остается постоянной, такъ какъ, насколько увеличивается одна составная часть общей суммы цѣнности, настолько уменьшаются другія. Такъ, если имѣются блага: пшеница, желѣзо, хлопокъ, мясо и сахаръ, то измѣненіе ихъ относительной цѣнности можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ (тамъ же, стр. 88):

Пшеница	Желѣзо	Хлопокъ	Мясо	Сахаръ	Общая цѣнность
5	5	5	5	5	25
9	4	4	4	4	25
8	8	3	3	3	25
7	7	7	2	2	25
6	6	6	6	1	25

Наоборотъ, если говорить объ абсолютной цѣнности, то одна часть общей цѣнности можетъ возрастать, не уменьшая другихъ. Могутъ вырасти абсолютно всѣ части, хотя относительныя величины ихъ останутся прежними Эту мысль *Taylor* иллюстрируетъ графическими изображеніями. По поводу разсужденія *Taylor*'а надо замѣтить, что и при знаніи однѣхъ относительныхъ величинъ мѣновыхъ цѣнностей можно говорить объ общей суммѣ мѣновыхъ цѣнностей и о возрастаніи или уменьшеніи этой суммы. Какъ производится суммированіе мѣновыхъ цѣнностей—показано нами дальше въ текстѣ. Однако, отъ этого суммированія познаваемыя нами величины мѣновыхъ цѣнностей не перестаютъ быть величинами исключительно относительными. Точно также, когда *Taylor* говоритъ, что абсо-

1 C и 1 D равны 2, 3 и 4 единицамъ мѣновой цѣнности, и если мы имѣемъ 40 A, 30 B, 20 C и 10 D, то мы можемъ сказать, что общая сумма мѣновыхъ цѣнностей равна:

$$40\times1+30\times2+20\times3+10\times4=200 \text{ ед. мѣн. цѣн.}$$

Ясно также, что эта сумма можетъ увеличиваться и уменьшаться [1]). Но научное и практическое значеніе такой общей суммы совершенно ничтожно. Мѣновая цѣнность это понятіе, касающееся отношеній однихъ хозяйствъ къ другимъ, она продуктъ этихъ между-хозяйственныхъ отношеній, она крайне важна для отдѣльныхъ мѣновыхъ хозяйствъ. Но въ сферѣ этихъ между-хозяйственныхъ отношеній, въ сущности говоря, и исчерпываются роль и значеніе мѣновой цѣнности. Цифровое выраженіе величины мѣновой цѣнности важно для сравне-

лютныя мѣновыя цѣнности обратно пропорціональны обмѣнивающимся количествамъ благъ, то этимъ онъ все-таки не показываетъ, что мы выходимъ за предѣлы относительныхъ величинъ. Такъ, изъ его примѣра видно лишь то, что мѣновая цѣнность ржи относится къ мѣновой цѣнности пшеницы, какъ 1:2. Объ абсолютной величинѣ мѣновой цѣнности говоритъ также *Anderson*. „Она есть опредѣленная величина, пишетъ онъ, а не одно только отношеніе“ (Social value, стр. 27). Ибо, если мѣновая цѣнность только отношеніе, то получается кругъ: „цѣнность A есть сила его надъ B или отношеніе его къ B, цѣнность B—его отношеніе къ C, цѣнность C... его отношеніе къ Z, а цѣнность Z, какъ послѣдняго въ ряду, должна быть тогда сведена на отношеніе къ одному изъ названныхъ выше благъ“ (тамъ же, стр 18). *Anderson* правъ въ томъ отношеніи, что объективная мѣновая цѣнность обладаетъ извѣстною абсолютной величиной. Но онъ игнорируетъ то, что этой абсолютной величины мы познать и измѣрить не можемъ. Все, что, говоря строго, доступно намъ—это опредѣленіе отношеній этихъ абсолютныхъ величинъ.

[1]) О суммированіи мѣновыхъ цѣнностей говоритъ *Bortkiewicz*. Онъ считаетъ мѣновую цѣнность просто „*показателемъ мѣноваго отношенія*“ (Index des Austauschverhältnisses), т. е. „величиной, показывающей, на сколько единицъ блага, служащаго мѣриломъ цѣнности, обмѣнивается товаръ или, вѣрнѣе, единица количества товара“ („Wertrechnung und Preisrechnung“ въ Archiv f. Sozwiss. u. Sozpol. XXV. 1907, стр. 10). Въ виду этого онъ считаетъ возможнымъ суммированіе мѣновыхъ цѣнностей. „Если, говоритъ онъ, v. Böhm-Bawerk вообще подвергаетъ сомнѣнію возможность оперировать съ общей суммой цѣнности и общей суммой цѣнъ, то это неосновательно. Цѣнность вовсе не мѣновое отношеніе, а только показатель мѣноваго отношенія. И изъ ряда величинъ цѣнности прекрасно можно образовать сумму. То же самое можно сказать относительно цѣны“ (тамъ же, стр. 20). *Bortkiewicz* прибавляетъ, однако, что общая сумма цѣнности, само собой разумѣется, нисколько не выясняетъ мѣновыхъ отношеній, а, слѣдовательно, и величины цѣнности отдѣльныхъ товаровъ (тамъ же). Въ этомъ смыслѣ справедливы упреки, сдѣланные *Böhm-Bawerk*'омъ по адресу III тома „Капитала“ *Marx*'а.

нія одного блага съ другими, для опредѣленія отношенія одного блага къ другимъ. Для всего же народнаго хозяйства общая сумма мѣновыхъ цѣнностей является простой счетной суммой и сама по себѣ ничего не говоритъ. На основаніи ея почти ничего нельзя сказать ни о высотѣ богатства страны въ данный моментъ, ни объ измѣненіи богатства во времени. Такъ, представимъ себѣ, что, благодаря техническому прогрессу въ какой-либо отрасли производства, народное хозяйство создаетъ бо́льшее количество продуктовъ, но мѣновая цѣнность ихъ вслѣдствіе пониженія издержекъ производства и болѣе обильнаго предложенія стала меньше. Тогда легко можетъ получиться пониженіе общей суммы мѣновыхъ цѣнностей, несмотря на возрастаніе богатства націи [1]). Точно также общею суммою мѣновыхъ цѣнностей трудно пользоваться для сравненія положенія разныхъ странъ и одной страны въ разные моменты времени, такъ какъ мы не можемъ сказать, насколько одинакова въ разныхъ странахъ и въ разное время мѣновая цѣнность товара, принятаго за мѣрило цѣнности.

Если суммированіе всѣхъ мѣновыхъ цѣнностей, хотя и возможно, но довольно безцѣльно, то на другой вопросъ, вопросъ о томъ, могутъ ли одновременно подняться или опуститься всѣ числа, выражающія мѣновыя цѣнности отдѣльныхъ товаровъ—надо отвѣтить отрицательно. Познаваемая нами относительная величина мѣновой цѣнности не можетъ одновременно подняться или упасть для всѣхъ благъ, такъ какъ при этомъ все же остается неизмѣнной величина цѣнности того блага, мѣновая цѣнность котораго принята нами за единицу. Такъ,

[1]) О томъ, насколько мало пригодна мѣновая цѣнность для измѣренія народно-хозяйственной производительности, говоритъ *Philippovich* въ спеціальномъ докладѣ, прочитанномъ въ „Verein für Sozialpolitik". „Пригодна ли, спрашиваетъ онъ, мѣновая цѣнность для того, чтобы служить масштабомъ производительности? Можемъ ли мы, въ самомъ дѣлѣ, сказать, что производительность уменьшилась, если количество благъ выросло такъ сильно, что мѣновая цѣнность ихъ падаетъ? Или то выбрасываніе въ море риса въ марсельской гавани, съ которымъ юный Fourier связалъ свои первыя критическія мысли о нынѣшней организаціи народнаго хозяйства—было ли оно дѣйствительно производительнымъ потому, что такимъ путемъ было достигнуто вздорожаніе риса и повышеніе цѣнности запасовъ, находившихся во владѣніи купцовъ? Или обозначаетъ ли приростъ городского населенія повышеніе производительности потому, что при немъ растетъ цѣнность земли?" („Das Wesen der volkswirtschaftlichen Produktivität und die Möglichkeit ihrer Messung" въ Schriften des Vereins für Sozialpolitik. 132. Bd. Verhandlungen des Vereins f. Sozialpolitik in Wien 1909. 1910, стр. 333; ср. также стр. 343).

если мѣновая цѣнность 1 A принята нами за единицу мѣновой цѣнности, а цѣнности 1 B, 1 C и 1 D равны 2, 3 и 4 единицамъ мѣновой цѣнности, то при одновременномъ равномъ повышеніи абсолютной величины мѣновой цѣнности всѣхъ четырехъ благъ относительныя величины цѣнности останутся неизмѣнными, такъ какъ повысится и абсолютная величина измѣряющей единицы. Эти числа могутъ одновременно подняться или опуститься maximum для всѣхъ товаровъ, кромѣ одного. Мѣновая цѣнность B, C и D можетъ, напримѣръ, подняться до 4, 6 и 8 единицъ, но мѣновая цѣнность A при этомъ все же останется прежней, равной 1 единицѣ мѣновой цѣнности. Если же взять взаимныя отношенія приведенныхъ выше относительныхъ величинъ мѣновой цѣнности, то окажется даже слѣдующее. Пусть, напримѣръ, сперва мѣновыя цѣнности 1 A и 1 B будутъ 1 и 2 единицы, а позже, вслѣдствіе вздорожанія B, онѣ станутъ 1 и 4 единицами мѣновой цѣнности. Тогда въ первый моментъ:

мѣн. цѣн. 1 A составляла $^1/_2$ мѣн. цѣн. 1 B
„ „ 1 B „ 2 „ „ 1 A

а во второй моментъ

мѣн. цѣн. 1 A составляла $^1/_4$ мѣн. цѣн. 1 B
„ „ 1 B „ 1 „ „ 1 A.

Какъ видимъ, взаимныя отношенія относительныхъ величинъ мѣновыхъ цѣнностей измѣнились въ обратномъ направленіи. Вотъ эту связь между относительными цѣнностями обычно выражаютъ словами: мѣновыя цѣнности измѣняются въ обратныхъ направленіяхъ—насколько мѣновая цѣнность одного товара повысилась, настолько понизилась цѣнность другого товара, на который обмѣнивается первый[1]).

[1]) Эти относительныя мѣновыя цѣнности имѣетъ въ виду *Mill*, когда онъ говоритъ о невозможности одновременнаго повышенія мѣновыхъ цѣнностей всѣхъ товаровъ. „Всѣ товары, пишетъ онъ, могутъ повыситься въ ихъ денежной цѣнѣ. Но общаго повышенія цѣнностей не можетъ быть. Это было бы логической несообразностью. А можетъ повыситься въ цѣнности, лишь обмѣниваясь на большее количество B и C; въ такомъ случаѣ эти послѣдніе должны обмѣниваться на меньшее количество A. Всѣ вещи не могутъ повыситься относительно другъ друга Если на рынкѣ одна половина товаровъ повышается въ мѣновой цѣнности, то это условіе тѣмъ самымъ предполагаетъ паденіе другой половины; и обратно, паденіе предполагаетъ повышеніе Вещи, обмѣнивающіяся одна на другую, такъ же не мо-

Наоборотъ, денежныя цѣны всѣхъ товаровъ могутъ одновременно повышаться и понижаться. Такъ, если A есть деньги и 1 A есть денежная единица, напримѣръ. 1 рубль, то денежная цѣна B, C и D можетъ съ 2, 3 и 4 рублей подняться до 4, 6 и 8 рублей. Выражая тѣ же цѣны вторымъ изъ описанныхъ выше способовъ, получимъ при измѣреніи B—пудами, C—аршинами и D—штуками, что

$$\text{цѣна } 1\ B = 2 \text{ и } 4\ \frac{\text{руб.}}{\text{пуд.}}$$

$$\text{„ } 1\ C = 3 \text{ и } 6\ \frac{\text{руб.}}{\text{арш.}}$$

$$\text{„ } 1\ D = 4 \text{ и } 8\ \frac{\text{руб.}}{\text{шт.}}$$

Какъ видимъ, всѣ денежныя цѣны одновременно повысились вдвое.

Выше нами было нѣсколько разъ подчеркнуто. что мы узнаемъ лишь отношенія абсолютныхъ величинъ мѣновыхъ цѣнностей, сами же эти величины и ихъ измѣненія нами не могутъ быть уловлены. Изъ этого вытекаетъ слѣдующее. Предположимъ, что въ извѣстное время:

$$\frac{\text{мѣн. цѣн. } 1\ A}{\text{мѣн. цѣн. } 1\ B} = \frac{1}{2}\ ,$$

а позже это отношеніе измѣнилось въ такомъ направленіи:

$$\frac{\text{мѣн. цѣн. } 1\ A}{\text{мѣн. цѣн. } 1\ B} = \frac{1}{1}\ .$$

Мы знаемъ только, что измѣнилось отношеніе мѣновыхъ цѣнностей, но ничего не можемъ сказать о томъ, измѣненіе цѣнности какого блага соотвѣтствуетъ перемѣнѣ отношенія Если при-

---

гутъ всѣ упасть или всѣ повыситься, какъ изъ двѣнадцати бѣгущихъ не можетъ каждый обогнать всѣхъ остальныхъ, или изъ ста деревьевъ каждое перерасти другое" (Principles, стр. 266—7). Указаніе на невозможность одновременнаго паденія или поднятія мѣновой цѣнности всѣхъ товаровъ находимъ также у *Bourguin* („De la mesure de la valeur" въ Revue d'éc. pol. X, 1895, стр. 223), *Nicholson'a* (Principles. II, стр. 17—8) и *Lehr'a* (Grundbegriffe, стр. 149). Наконецъ, то же признаніе находимъ у *Seligman'a*. „Общее повышеніе или паденіе цѣнъ, говоритъ онъ, возможно, такъ какъ мы измѣряемъ цѣны однимъ товаромъ—деньгами; общее же повышеніе или паденіе цѣнностей невозможно. такъ какъ деньги также имѣютъ цѣнность" (Principles, стр. 185)

нять за единицу мѣновую цѣнность 1 А, то перемѣна отношенія будетъ обозначать увеличеніе съ 2 до 4 величины цѣнности 1 В Если, наоборотъ, принять за единицу мѣновую цѣнность 1 В, то приведенное измѣненіе отношенія будетъ обозначать уменьшеніе съ $^1/_2$ до $^1/_4$ цѣнности 1 А И то и другое одинаково мыслимо. Но не оба вывода одинаково цѣлесообразны и не всегда одинаково вѣроятно измѣненіе мѣновой цѣнности каждаго изъ обмѣнивающихся товаровъ. Хозяйственная практика, а за нею и экономическая теорія руководится въ такихъ случаяхъ слѣдующимъ соображеніемъ. Если обмѣнивается другъ на друга много товаровъ и мы замѣчаемъ, что отношенія мѣновыхъ цѣнностей всѣхъ товаровъ, кромѣ одного, другъ къ другу остались прежними, отношеніе же мѣновой цѣнности всѣхъ этихъ товаровъ къ мѣновой цѣнности какого-то одного товара измѣнилось, то больше основанія и цѣлесообразнѣе сдѣлать выводъ, что измѣнилась мѣновая цѣнность этого одного товара, цѣнность же прочихъ товаровъ осталась неизмѣнной. Это вѣроятнѣе, такъ какъ труднѣе предположить, что какія-то условія подѣйствовали на цѣнность всѣхъ товаровъ, кромѣ одного; легче допустить, что причина измѣненія лежитъ на сторонѣ именно этого одного товара. Такой выводъ вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлесообразнѣе. такъ какъ проще измѣнить въ разсчетахъ мѣновую цѣнность одного товара, чѣмъ мѣнять цѣнность всѣхъ [1]. Указанный

[1]) Изложенное въ текстѣ разсужденіе подробно развито *Ricardo*. Взявъ случай измѣненія относительной мѣновой цѣнности двухъ товаровъ, онъ ставитъ затѣмъ вопросъ о томъ, на сторонѣ котораго изъ этихъ товаровъ произошло измѣненіе мѣновой цѣнности. Отвѣчаетъ на этотъ вопросъ онъ слѣдующимъ образомъ: „Если мы сравнимъ настоящую цѣнность одного изъ нихъ съ башмаками, чулками, шляпами, желѣзомъ, сахаромъ и всѣми другими товарами, то найдемъ, что онъ обмѣнивается на точно такое же количество всѣхъ этихъ вещей, какъ и прежде. Если мы сравнимъ съ тѣми же товарами другой, то найдемъ, что онъ измѣнился по отношенію ко всѣмъ этимъ товарамъ: мы можемъ тогда съ большей вѣроятностью заключить, что измѣненіе произошло въ этомъ товарѣ, а не въ тѣхъ, съ которыми мы сравнивали его. Если при еще болѣе детальномъ изслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ, связанныхъ съ производствомъ этихъ различныхъ товаровъ, мы найдемъ, что точно такое же количество труда и капитала необходимо для производства башмаковъ, чулокъ, шляпъ, желѣза, сахара и пр.; но что для производства одного только товара, относительная цѣнность котораго стала иной, необходимо не то же количество, что прежде, то вѣроятность превращается въ достовѣрность, и мы приходимъ къ убѣжденію, что измѣненіе лежитъ въ одномъ только товарѣ: мы открываемъ тогда причину его измѣненія. Если я нашелъ, что унція золота обмѣнивается на меньшее количество всѣхъ выше перечисленныхъ и многихъ другихъ товаровъ; и если, сверхъ того, я нашелъ, что вслѣдствіе открытія новаго

выводъ, однако, можно сдѣлать только тогда, если ничто не говоритъ о противоположномъ. Если же, наоборотъ, на сторонѣ всѣхъ товаровъ, кромѣ одного замѣчено дѣйствіе какой-либо причины, то мы должны были бы признать, что неизмѣнной осталась мѣновая цѣнность именно этого одного товара, цѣнность же всѣхъ другихъ товаровъ измѣнилась. Совершенно такъже поступаемъ мы при разсмотрѣніи движенія Если на обширномъ полѣ лежитъ нѣсколько шаровъ и взаимное расположеніе всѣхъ ихъ другъ къ другу, кромѣ одного, осталось прежнимъ, измѣнилось же расположеніе лишь одного шара относительно всѣхъ прочихъ шаровъ, то мы говоримъ, что двинулся одинъ шаръ. Ибо до тѣхъ поръ, пока ничто не говоритъ о противномъ, вѣроятнѣе всего предположить сдвигъ именно этого одного шара. Но если мы знаемъ, что кто-то передвинулъ на равное разстояніе всѣ шары, кромѣ одного, то мы должны признать, что неподвижнымъ

и болѣе обильнаго рудника, или вслѣдствіе употребленія съ большею выгодою машинъ, данное количество золота можетъ быть получено съ меньшимъ количествомъ труда, то я былъ бы правъ, говоря, что причиной измѣненія цѣнности золота относительно другихъ товаровъ была большая легкость его производства, или меньшее количество труда, необходимаго для его полученія" (Principles, стр. 12—3). Обращаемъ вниманіе на то, что *Ricardo* говоритъ лишь о „большой достовѣрности" и только при наличности ясно установленныхъ причинъ допускаетъ возможность вполнѣ достовѣрнаго пріурочиванія измѣненія мѣновой цѣнности къ той или другой сторонѣ. То, что *Ricardo*, отправляясь отъ своей основной точки зрѣнія, подъ причиной измѣненія мѣновой цѣнности понимаетъ только затрату труда — это здѣсь для насъ не важно. Разсужденіе *Ricardo* повторяетъ *Mill*. Объ измѣненіи мѣновой цѣнности товара онъ также говоритъ тогда, если мѣняется мѣновое отношеніе этого товара ко всѣмъ остальнымъ благамъ. Ибо, замѣчаетъ онъ, это бываетъ тогда, если измѣненіе вызывается причинами, „заключающимися въ самомъ разсматриваемомъ товарѣ" (Principles, стр. 266). Ту же мысль мы встрѣчаемъ у *Roscher'a* (System der Volkswirtschaft. I, стр. 298). При этомъ онъ дѣлаетъ очень мѣткое примѣчаніе: „Такимъ образомъ проблема совершенно сходна съ проблемой, возникающей при движеніи тѣлъ въ пространствѣ" (тамъ же, стр. 299). Къ этой аналогіи прибѣгаетъ также *Bourguin*. Такъ какъ, говоритъ онъ, въ безконечномъ пространствѣ нѣтъ опредѣленной точки, то нельзя сказать, какое тѣло двигалось. Можно говорить лишь объ измѣненіи соотношенія между ними. Но, если измѣнилось положеніе одного тѣла по отношенію ко всѣмъ другимъ, а взаимное положеніе всѣхъ остальныхъ тѣлъ осталось прежнимъ, то, хотя такъ же правильно было бы сказать, что могли двинуться всѣ тѣла, кромѣ одного, но *гораздо вѣроятнѣе*, что двинулось это одно тѣло. То же самое можно сказать относительно мѣновой цѣнности. Когда измѣнились всѣ цѣны, мы говоримъ, что измѣнилась цѣнность денегъ, если же измѣнилась цѣна одного товара, мы говоримъ, что измѣнилась цѣнность этого товара („De la mesure de la valeur" въ Revue d'éc pol. X. 1895, стр. 222)

остался именно этотъ шаръ, хотя онъ всего одинъ. Въ хозяйственной жизни можетъ наблюдаться то же самое. Такъ, на основаніи одновременнаго повышенія цѣнъ всѣхъ товаровъ прежде всего заключаютъ, что не цѣнность всѣхъ товаровъ возросла, а упала мѣновая цѣнность денегъ. Однако, ближайшій анализъ причинъ поднятія цѣнъ товаровъ можетъ открыть рядъ общихъ причинъ, дѣйствовавшихъ на сторонѣ товаровъ. Тогда надо признать повышеніе цѣнности товаровъ, а не денегъ.

Всѣ эти разсужденія представляютъ собою ничто иное, какъ рѣшеніе вопроса объ источникѣ измѣненій, происходящихъ въ мѣновыхъ отношеніяхъ, т. е. вопроса о томъ, на какой сторонѣ произошли явленія, вызвавшія эти измѣненія. Вопросы эти представляютъ огромную важность для хозяйствующихъ людей. Мѣновая же цѣнность есть именно то понятіе, при помощи котораго люди пріурочиваютъ дѣйствіе измѣняющихъ причинъ къ той или иной сторонѣ. Въ этомъ лежитъ второе и, думается намъ, наиболѣе важное значеніе понятія объективной мѣновой цѣнности. Изъ-за него главнымъ образомъ это понятіе было выработано хозяйственной практикой и воспринято у нея экономической наукой. При этомъ вопросъ о томъ, на какой сторонѣ произошло измѣненіе мѣновой цѣнности, очень похожъ на механическій вопросъ объ источникѣ силы. И описанный выше пріемъ опредѣленія подвергшейся измѣненію стороны очень схожъ съ покоющимся на 2-мъ и 3-мъ законахъ *Ньютона* способомъ пріурочивать къ тому или иному тѣлу измѣненіе движенія въ зависимости отъ массы тѣлъ[1]). Въ области механическихъ явленій люди, опираясь на понятіе силы, говорятъ, что не земля качается около качели, а качель около земли и не земной шаръ летитъ на комара, а комаръ опускается на землю.—и это помогаетъ имъ разобраться въ безконечномъ

[1]) Второй законъ *Ньютона* гласитъ: „Измѣненіе движенія пропорціонально приложенной силѣ и происходитъ въ направленіи силы“. Законъ этотъ обозначаетъ, что „двѣ силы, сообщающія равнымъ массамъ равныя ускоренія, мы признаемъ равными“ (*Суслова*. Основы аналитической механики, стр. 153 и 155). Третій законъ *Ньютона* говоритъ: „Дѣйствію всегда соотвѣтствуетъ равное и противоположное противодѣйствіе, или дѣйствія двухъ тѣлъ другъ на друга всегда равны и прямо противоположно направлены“ (тамъ же, стр. 156). На основаніи третьяго закона мы принимаемъ, напримѣръ, что мячъ такъ же притягиваетъ землю, какъ земля притягиваетъ мячъ. Но масса земли неизмѣримо больше массы мяча; по второму же закону при равенствѣ силъ ускореніе обратно пропорціонально массамъ; поэтому мы говоримъ, что мячъ падаетъ на землю, а не наоборотъ.

хаосъ движеній [1]). Точно такъ же хозяйствующіе люди, опираясь на понятіе мѣновой цѣнности, легче оріентируются въ непрерывной смѣнѣ мѣновыхъ отношеній и получаютъ возможность упрощенно обозначать, что причины, вызывающія эту смѣну, дѣйствовали въ данномъ случаѣ на сторонѣ тѣхъ, а не другихъ группъ обмѣниваемыхъ благъ.

Наконецъ, послѣдній вопросъ, относящійся къ измѣренію объективной мѣновой цѣнности, возможно ли неизмѣнное мѣрило мѣновой цѣнности? Все изложенное выше диктуетъ слѣдующій отвѣтъ на этотъ вопросъ. Примѣнивъ только что разобранный нами пріемъ сопоставленія одного товара со всѣми другими товарами, мы увидимъ, что нѣтъ ни одного блага, мѣновое отношеніе котораго ко всѣмъ другимъ благамъ не подвергалось бы замѣтнымъ измѣненіямъ. При наличности же такихъ измѣненій мы говоримъ объ измѣненіи мѣновой цѣнности именно этого одного блага. Вмѣстѣ съ тѣмъ для каждаго блага можно въ разное время подмѣтить рядъ причинъ, дѣйствующихъ на измѣненіе мѣновыхъ отношеній со стороны именно этого блага. Вотъ почему надо сказать, что нѣтъ ни одного блага, мѣновая цѣнность котораго могла бы быть признана нами абсолютно неизмѣнной, могущей служить неизмѣннымъ масштабомъ для измѣренія мѣновой цѣнности другихъ благъ. Золото, хлѣбъ и трудъ—эти привилегированныя блага, издавна останавливавшія на себѣ вниманіе экономистовъ въ ихъ поискахъ неизмѣннаго мѣрила цѣнности, дѣлятъ въ этомъ отношеніи общую участь со всѣми другими благами.

На этомъ мы заканчиваемъ анализъ понятія объективной мѣновой цѣнности.

---

[1]) См. *Сусловъ*. Основы аналитической механики, стр. 542—3.

Списокъ авторовъ и указатель литературы.

(Цифры въ скобкахъ указываютъ страницы, на которыхъ упоминается данный авторъ или данная работа)

Арнольдъ В. Ф. Политико-экономическіе этюды. Одесса. 1904 (167).

Бемъ-Баверкъ Е. Теорія Карла Маркса и ея критика. Рус. пер. подъ ред. П. И. Георгіевскаго. Спб. 1897 (66).

Богровъ В. Критико-историческій очеркъ теоріи цѣнности. Спб. 1911 (200—201, 229, 239, 240).

Буше Н. Х. Основанія политической экономіи. Кіевъ. 1870 (41, 44. 193).

Винярскій Л. Математическій методъ въ политической экономіи. Научное Обозрѣніе. 1897. XII, стр. 1—25 (167).

Войтинскій Вл. Рынокъ и цѣны. Теорія потребленія рынка и рыночныхъ цѣнъ. Спб. 1906 (5, 56, 57, 83. 91, 106, 108, 148, 152, 167, 171).

Георгіевскій П. И. Политическая экономія. 3 изд. Спб. 1901 (32).

Гобсонъ Дж. I. Экономика распредѣленія. II. Наука соціальнаго прогресса. Пер. съ англ. М. 1903 (74).

Грассманъ Г. Чистая математика и ученіе о протяженности. Перевелъ П. С Юшкевичъ. Новыя идеи въ математикѣ. Сборникъ № 1. Спб. 1913, стр. 65—81 (115).

Дмитріевъ В. К. Экономическіе очерки Серія 1-ая: Опытъ органическаго синтеза трудовой теоріи цѣнности и теоріи предѣльной полезности. М. 1904 (76—77, 91, 129, 167, 186, 194, 232).

Жельзновъ В. Я. Очерки политической экономіи. 7 изд. М. 1912 (261, 277).

Зальскій В. Ф. Ученіе о происхожденіи прибыли на капиталъ. Отдѣлъ 1. Ученіе о цѣнности. Вып. II. Часть критическая. Казань. 1893 (78, 126, 149. 195).

Зигвартъ Христофъ. Логика. Пер. съ 3-го посмертнаго нѣмецкаго изданія І. А. Давыдова. Томъ II. Вып. 1-й. Ученіе о методѣ. Спб. 1908 (107, 115. 191).

Исаевъ А. А. Начала политической экономіи. 6 изд. Спб. 1905 (253, 262. 277, 277—278)

Коперникъ (174).

Макфэрленъ Ч. В. Критика теоріи цѣнности и ученіе о рентѣ. Пер. съ англ. Спб. 1907 (233).

Мануиловъ А. Понятіе цѣнности по ученію экономистовъ классической школы. М. 1901 (232, 267).

Масловъ Петръ. Теоріи народнаго хозяйства. Введеніе въ соціологію и политическую экономію. Спб. 1910 (29).

Менгеръ Карлъ. Изслѣдованія о методахъ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. Гурьева. Спб. 1894 (11).

Миклашевскій Александръ. Обмѣнъ и экономическая политика. Юрьевъ-Дерптъ 1904 (4. 232).

Миллъ Джонъ Стюартъ. Основанія политической экономіи. Пер. Е. И. Остроградскои подъ ред. О. И. Остроградскаго. Кіевъ-Харьковъ. 1896 (22).

Ньютонъ (174, 294. 305).

Орженцкій Р. Полезность и цѣна. Политико-экономическій очеркъ. Одесса. 1895 (42, 45, 167).

— Ученіе объ экономическомъ явленіи. Введеніе въ теорію цѣнности. Одесса. 1903 (42. 71, 74. 76, 107. 127. 167. 214. 217).

Пилио Д. И. Законъ спроса и предложенія. Къ теоріи цѣнности. Кіевъ. 1886 (31).

— Основанія политической экономіи Вып. I-ый. Кіевъ. 1890 (41—42. 43, 264. 277).

Принсгеймъ Альфредъ. Цѣнность и мнимая не-цѣнность математики. Новыя идеи въ математикѣ. Сборникъ № 1. Спб. 1913. стр. 106—149 (168).

Прокоповичъ С. Н. Бюджеты петербургскихъ рабочихъ. По данным анкеты, произведенной ХП (содѣйствія труду) Отдѣломъ И. Р. Т. О. Оттискъ изъ «Записокъ И. Р. Т. О.» Февраль, Мартъ, Апрѣль 1909 г. Спб. 1909 (162).

Рикардо Давидъ Начала политической экономіи. Гл. VII. Пер. Н. Зибера. Спб. 1882 (22, 84).

Риккертъ Генрихъ Границы естественно-научнаго образованія понятій. Пер. съ нѣм. А. Водена. Спб. 1904 (11, 12).

Слуцкій Е. Е. Теорія корреляціи и элементы ученія о кривыхъ распредѣленія. Пособіе къ изученію нѣкоторыхъ важнѣйшихъ методовъ современной статистики. Кіевъ. 1912 (171).

Столяровъ Николай. Аналитическое доказательство предложенной М. Туганъ-Барановскимъ политико-экономической формулы: предѣльныя полезности свободно произведенныхъ продуктовъ пропорціональны ихъ трудовымъ стоимостямъ. Кіевъ. 1902 (167).

Струве Петръ. Экономическая система М. И Туганъ-Барановскаго. Русская Мысль 1910 I, стр. 115—128 (28).

— Нѣкоторыя основныя положенія эмпирическаго ученія о цѣнѣ и цѣнности. Извѣстія Спб. Политехническаго Института Имп. Петра Великаго. Т. XVI. Отдѣлъ наукъ экономическихъ и юридическихъ. Спб 1911, стр. 1 — 16 (264—5).

— Хозяйство и цѣна. Критическія изслѣдованія по теоріи и исторіи хозяйственной жизни. Часть первая. Хозяйство и общество —Цѣна-цѣнность. М. 1913 (262, 264, 268, 276, 283—284, 295).

Сусловъ Г. К. Основы аналитической механики. Т. I Кіевъ 1900 (294. 305, 306)

Туганъ-Барановскій М. И. Ученіе о предѣльной полезности хозяйственныхъ благъ, какъ причинѣ ихъ цѣнности. Юридич. Вѣстникъ. Октябрь. 1890. стр. 192—230 (76).

— Основы политической экономіи 2 изд. Спб. 1911 (29, 69, 76, 197, 215, 219. 223. 264. 277).

Франкъ С. Психологическое направленіе въ теоріи цѣнности. Русское Богатство. 1898. VIII, стр. 60—110 (83).

— Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе. Критическій этюдъ. Спб. 1900 (219—220, 230, 236, 239)

Чичеринъ Б. Н. Нѣмецкіе соціалисты. 2. Карлъ Марксъ. Сборникъ государственныхъ знаній. Подъ ред. В. П. Безобразова. Спб. 1878 (65—66).

Чупровъ А. И. Политическая экономія. 2-ое изданіе, подъ редакціей В. А. Косинскаго. 1907 (66, 195).

Чупровъ А. А. Очерки по теоріи статистики. Спб. 1909 (11).

Шапошниковъ Н. Н. Теорія цѣнности и распредѣленія. М. 1912 (28, 29, 78, 83, 91, 95, 101, 126—127, 167, 262).

Щербина Ф. А. Крестьянскіе бюджеты Воронежъ. 1900 (159, 160—161, 162).

— Потребности, какъ предметъ научнаго изученія и бюджеты рабочихъ семей. Народное Хозяйство. 1900. V, стр. 7—33 (32—33).

Эббингаусъ Г. Основы психологіи. Пер. съ 2-го нѣм изд Г. А. Котляра подъ ред. проф. В. С. Серебренникова и Э. Л. Радлова. Томъ. I. Вып. 2-й. Спб. 1911 (76).

Ammon Alfred (259).

— Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalokonomie. Wien u. Leipzig. 1911 (5, 49—50, 203, 205, 254—255, 258, 265—266, 282, 296).

— Die Probleme der wirtschaftlichen Dynamik. Archiv fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 38. Bd. 1914, стр. 83—114 (286).

Amoroso L. La theoria dell equilibro economico secondo il Prof. Vilfredo Pareto. Giornale degli economisti. Vol. XXXIX. 1909, стр. 352—367 (167)

— L'applicazione della matematica alla economia politica. Тамъ же Vol. XL. 1910, стр 57—63 (167).

— L'applicazione della matematica allo studio dei fenomeni economici e sociale. Тамъ же. Vol. XLII. 1911, стр. 349—370 (167, 169, 171, 181, 190—191, 289).

Anderson B. M. Social value. A study in economic theory critical and constructive. Boston and New-York. 1911 (58, 83, 215, 299).

Apelt. Die Konsumtion der wichtigsten Kulturlander der letzten Jahrzehnte. Berlin. 1899 (131, 162, 163).

Asser H. L. Frédéric Bastiat et les Neo-économistes autrichiens. Journal des économistes. Vol. 13. 1893, стр. 337—346 (240).

Auspitz Rudolf (171, 172, 176).

— und *Lieben Richard.* Untersuchungen uber die theorie des Preises. Leipzig. 1889 (166).

Banfield (75).

Barone Enrico. A proposito delle indagini del Fisher. Giornale degli economisti. Vol. VIII. 1894. стр. 413—439 (171).

— Principi di economia politica. Rome. 1913 (167).

Bastiat Frédéric (240).

Bauer Stephan. Konsumtion nach Sozialklassen. Handworterbuch der Staatswissenschaften. 3 Aufl. VI Bd. 1910, стр. 123—151 (156, 160, 163).

Beaujon A. A propos de la théorie du prix. Revue d'économie politique. Vol. IV. 1890, стр. 16—43 (234).

Bentham (52 59, 61, 74—75, 193, 227).

Berardi D. La legge del valore secondo la dottrina della utilità limite. Giornale degli economisti. Vol. XI. 1895. стр. 269—315 и 367—399 (104).

Bernulli Daniel (75, 231).

Bertolini A. Cenni sul concetto di massimi edonistici individuali e collettivi. Giornale degli economisti. Vol. IV. 1892, стр. 285—324 (48).

Bohm-Bauerk Eugen von (5, 48, 57, 61, 128, 140, 176, 186, 235, 275, 286, 299).

— Rechte und Verhältnisse vom Standpunkte der volkswirtschaftlichen Guterlehre. Insbruck. 1881 (196, 206).

— Grundzuge der Theorie des wirtschaftlichen Guterwerts. Jahrbucher fur Nationalokonomie und Statistik. N. F. XIII. 1886, стр. 1—82 и 477—541 (6, 9, 73, 109, 112, 201, 211, 222, 227, 228, 235. 237. 249, 260, 275, 276, 277, 278).

— The austrian economists. Annals of the American Academy of Politikal and Social Science. Vol. I. January. 1891 (235).

Böhm-Bawerk Eugen von Замѣтка о книгѣ Wicksell'я: Über Wert, Kapital und Rente Zeitschrift für Volkswirtschaft. Sozialpolitik und Verwaltung. III Bd. 1894, стр. 162—165 (172).

— Einige strittige Fragen der Kapitalstheorie. Drei Abhandlungen. Wien u. Leipzig. 1900 (102).

— Wert. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 3. Aufl VIII Bd. 1911, стр. 756—774 (211, 218—219, 227, 228, 235, 258, 272).

— Kapital und Kapitalzins. 2. Abteilung. Positive Theorie des Kapitales. 2. Aufl. Insbruck. 1902 (6). то же 3. Aufl. Insbruck. 1912 (36, 45, 46, 54, 62, 62—63, 97, 105, 108—109, 110. 110—111, 227, 236, 260, 276. 277. 278).

Bohmert W. W. Stanley Jevons und seine Bedeutung für die Theorie der Volkswirtschaftslehre in England. Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich. XV. Jrg. 1891, стр. 711—758 (104—105).

Bonar James. The austrian economists and their view of value. Quarterly Journal of Economics. Vol. III. № 1. October. 1888, стр 1—31 (70)

Bortkiewitsch Ladislas von. Отзывъ о 2-мъ изд. книги L. Walras. Eléments d'économie politique pure. Revue d'économie politique. IV. Vol. 1890, стр. 80—86 (166).

— Wertrechnung und Preisrechnung im Marx'schen System. I—II—III. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik 23. Bd. 1906, стр. 1—50: 25. Bd. 1907, стр. 10—51: 25. Bd. 1907. стр. 445—488 (166, 299).

Bourguin. De la mesure de la valeur. Revue d'économie politique. X. 1895. стр. 201—242 и 405—417 (104. 295, 296—297, 302. 304).

Bouvier E. La méthode mathématique en économie politique. Paris 1901 (167, 168. 170, 173, 181, 189).

Boven Pierre. Les applications mathématiques à l'économie politique. Lausanne. 1912 (121, 165).

Brentano Lujo (76).

— Versuch einer Theorie der Bedürfnisse. Sitzungsberichte der Königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-philologische und historische Klasse. Jahrgang 1908. 10. Abhandlung. München. 1908 (31. 39—40. 43. 46, 52, 71. 74. 75)

Broda E. Die Losungen des Zurechnungsproblems. Zeitschrift fur Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. XX. Bd. 1911, стр. 352—401 (109—110).

Bücher Karl. Haushaltungsbudgets oder Wirtschaftsrechnungen? Zeitschrift fur die gesamte Staatswissenschaft. 62. Jahrg. 1906. стр. 686—700 (160).

— Zur Frage. Haushaltungsbudgets oder Wirtschaftsrechnungen. Тамъ же. 63. Jahrg. 1907, стр. 142—153 (161).

Burlamaqui (234).

Canard (166).

Carlile William Warrand. The language of economics Journal of Political Economy. Vol. XVII July. 1909, стр. 434—447 (238)

Carver Thomas Nixon (236).

— The place of the theory of value in economics. Quarterly Journal of Economics. Vol. XVII. November. 1902 (8).

— The distribution of wealth. New-York. 1908 (8).

Cassel Georg (71, 98, 101, 176 185, 236)

— Grundriss einer elementaren Preislehre. Zeitschrift fur die gesamte Staatswissenschaft. 55. Bd. 1899, стр. 395—458 (94, 100, 107—108, 127—128, 130, 131, 164, 167, 172, 175).

— Die Productionskostentheorie Ricardo's und die ersten Aufgaben der theoretischen Volkswirtschaftslehre. Тамъ же. 57. Bd. 1901, стр 68—100 (7, 94).

Ceva Jean (166).

Cheysson E. et *A Toqué.* Les budgets comparés des cent monographies de familles publiees d'apres un cadre uniforme dans «Les ouvriers europeens» et «Les ouvriers des deux mondes». Bulletin de l'Institut International de Statistique. T. V. Rome. 1890, стр. 1—158 (159).

Clark John Bates (82, 83, 84, 85, 97, 144—145, 232, 291).

— The future of economic theory. Quarterly Journal of Economics. Vol. XIII. № 1. October. 1898, стр. 1—14 (289—290).

— The distribution of wealth. New York. 1899 (7, 81, 82, 126, 147, 247, 270, 286, 290).

— The philosophy of wealth. Economic principles newly formulated. Boston. 1904 (204, 242).

Clark John Bates. Essentials of economic theory. New-York. 1909 (4, 17, 83, 270, 286, 290—291).

Cohn Heinrich. Die subjective Natur des Wertes. Berlin. 1899 (229, 245, 278).

Colson C. Cours d'économie politique. I Théorie générale des phénomenes économiques. 2-e éd. Paris. 1907 (259).

Cornélissen Christian. Théorie de la valeur. Réfutation des théories de Rodbertus, Karl Marx, Stanley Jevons et Bohm-Bawerk. Paris. 1903 (67, 103—104, 126, 240, 273).

Cournot Augustin (166, 173).

— Recherches sur les principes mathématiques de la théorie des richesses. Paris. 1838 (97, 99, 166, 185); англ. пер.: Researches into the mathematical principles of the theory of wealth. 1838. Translated by Nathaniel T. Bacon with a bibliography of mathematical economics by Irving Fisher. New-York. 1897 (168).

Croce B. Sul principio economico. Giornale degli economisti. Vol. **XXI.** 1900, стр. 15—26 и Vol. XXII. 1901, стр. 121—130 (45).

Cühel Franz (110—111).

— Zur Lehre von den Bedurfnissen. Theoretische Untersuchungen uber das Grenzgebiet der Ökonomik und der Psychologie. Insbruck. 1907 (31, 39, 46—47, 52, 60—61, 71, 76, 78, 79, 89, 105, 109, 117, 128, 129, 131).

Cunynghame H. (171).

— A geometrical political economy. Being an elementary treatise on the method of explaining some of the theories of pure economic science by means of diagrams. Oxford. 1904 (167).

Davenport H. J. Value and Distribution. Chicago. 1908 (31, 128, 129, 290).

Diehl Karl. Über das Verhaltniss vom Wert und Preis im okonomischen System von K. Marx. Festgabe fur Julius Conrad. Sammlung nationalokonomischer und statistischer Abhandlungen des staatswissenschaftlichen Seminars zu Halle. Bd. XX. Jena. 1898 (260—261, 275).

— Sozialwissenschaftliche Erläuterungen zu David Ricardo's Grundgesetze der Volkswirtschaft und Besteuerung. I Leipzig. 1905 (5, 34, 69, 239, 275—276).

Dietzel Heinrich. Die klassische Werttheorie und die Theorie vom Grenznutzen. Jahrbücher für Nationalokonomie und Statistik. N. F. XX. 1890, стр. 561—606 (71, 79, 241).

— Theoretische Sozialokonomik. I. Bd. Einleitung. Allgemeiner Theil, Buch I. Leipzig. 1895 (66, 236).

Douney E. H. The futility of marginal utility. Journal of Political Economy. Vol. XIII. 1910. April, стр. 253—268 (57—58, 60).

Dubois A. Les théories psychologiques de la valeur au XVIII-e siècle. Revue d'économie politique. Vol. XI. 1897, стр. 849—864 и 917—930 (232).

Dupetiaux (153, 159)

Dupuit (186, 232).

Eckstein Gustav. Die vierfache Wurzel des Satzes vom unzureichenden Grunde der Grenznutzenlehre. Eine Robinsonade. Neue Zeit. XX. Jg. Bd. II. 1902. стр. 810—816 (103).

Edgeworth F. Y (119, 121, 169, 186, 234).

— Mathematical psychics. An essay on the applications of mathematics to the moral sciences. London. 1881 (75, 107, 112, 166, 170, 189—190).

— The theory of international values. The Economic Journal. Vol. IV. 1894 (22).

— Замѣтка по поводу англійскаго перевода Cournot, вышедшаго подъ редакціей Fisher'a. Тамъ же. Vol. VIII. 1898, стр 111—114 (166).

— Curves. Dictionary of political economy by R. H. J. Palgrave. London. 1899. Vol. I, стр. 473—474 (171).

— Exchange, Value in. Тамъ же. Vol I, стр. 759—762 (10).

— Functions. Тамъ же. Vol. II, стр. 167—169 (171).

— Mathematical method in political economy. Тамъ же. Vol. II, стр. 711—713 (171).

— The theory of distribution. The Quarterly Journal of Economics. Vol. XVIII. 1904. February, стр. 159—219 (7).

— Appreciations of mathematical theories. The Economic Journal. Vol. XVII. 1907. June (118).

Ehrenfels Christian von. Werttheorie und Ethik. Vierteljahrsschrift fur wissenschaftliche Philosophie. Jg. VII и VIII. 1893—1894 (44, 53, 71, 210 213 215).

Ehrenfels Christian von. Von der Wertdefinition zum Motivationsgesetze. Archiv für systematische Phylosophie. Bd II. 1896. стр. 102—122 (215).

— System der Werttheorie. Bd. I. Allgemeine Werttheorie. Psychologie des Begehrens. Leipzig. 1897 (44, 193. 215. 230 246).

Engel Ernst (160)

— Die Lebenskosten belgischer Arbeiter-Familien früher und jetzt Ermittelt aus Familienhaushaltsrechnungen und vergleichend zusammengestellt Bulletin de l'Institut International de Statistique. T. IX. Rome. 1895. 1-re livraison, стр 1—124 и Anlage I, стр. 1—54 (30. 157. 159)

Engels Friedrich (264)

Fechner (106).

Feig J. Statistik des Arbeitslohnes und der Lebenshaltung. II. Statistik der Lebenshaltung. Die Statistik in Deutschland nach ihrem heutigen Stand. Georg von Mayr bei der Feier seines 70. Geburtstages am 12. Februar 1911. als Ehrengabe dargebracht. Herausgegeben von F. Zahn. 1911. Bd. II. стр 812—826 (161).

Fetter Frank (236).

— The principles of economics with applications to practical problems. New-York. 1904 (8. 30, 45. 77, 242—243. 259, 270).

Fisher Irving (186).

— Mathematical investigations in the theory of value and prices. Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences. Vol. IX. Part I. New-Haven. 1892 (86, 88, 89, 90, 108, 129, 167, 170, 171, 193).

— Библіографія математической экономической литературы (см. *Cournot*) (168)

— Cournot and mathematical economics. Quarterly Journal of Economics. Vol. XII. January. 1898. стр. 119—138 (166).

— Davenport's Value and distribution. Journal of Political Economy Vol XVI. 1908. December, стр. 661—679 (52).

— A brief introduction to the infinitesimal calculus designed especially to aid in reading mathematical economics and statistics. Third edition. New-York. 1909 (167).

— Elementary principles of economics. New-York. 1911 (167, 193, 194. 234, 262).

Fisher Irving. The equation of exchange. 1896—1910. Cambridge. Mass. 1911. Оттискъ изъ The American Economic Review. June. 1911 (171).

Flatow G. Studie uber den Werthbegriff. Zeitschrift fur die gesamte Staatwissenschaft. 45. Bd. 1889, стр. 261—298 (39).

Furlan V. Wirtschaftliches Gleichgewicht. Mathematische Darstellung. Handworterbuch der Staatswissenschaften. 3. Aufl. VIII. Bd. 1911, стр. 825—831 (3, 18. 121, 166, 168. 170, 171).

Galiani Ferdinando (51, 194. 232).

Genovesi (234).

Gerlach Otto. Über die Bedingungen wirtschaftlicher Thatigkeit. Kritische Erorterungen zu den Wertlehren von Marx. Knies, Schaffle und Wieser. Jena 1890 (69. 257—258).

Gide Charles. La théorie de l'économie politique de M. Stanley Jevons. Journal des économistes. Vol. 16. 1881. стр 179—191 (173—174. 238).

— Principes d'économie politique. 10-me éd. Paris. 1906 (52. 79. 86. 193, 245).

— et *Ch. Rist.* Histoire des doctrines économiques depuis les physiocrates jusqu'a nos jours. Paris. 1909 (59, 128. 168. 174, 232, 236).

Gomöry Olivier von. Der Preis als selbstständige Kategorie. Jahrbucher fur Nationalokonomie und Statistik. III. F. XIII. 1897, стр. 177—192 (280).

Gossen Hermann Heinrich (67, 74, 79. 88. 92, 93. 94, 95, 96, 97, 100. 101, 110. 133—136. 140—141, 166, 186. 232).

— Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs und der daraus fliessenden Regeln fur menschliches Handeln. Neue Ausgabe. Berlin. 1889 (59, 75, 90—91, 131. 151, 166. 187. 242).

Gottl Friedrich. Der Wertgedanke. ein verhulltes Dogma der Nationalokonomie. Kritische Studien zur Selbstbestimmung des Forschers im Bereiche der sogenannten Wertlehre. Jena. 1897 (211).

Graziani Augusto. Storia critica della teoria del valore in Italia. 1889 (4. 51. 232).

Green T. H. (60).

Gurewitsch B. Die Entwicklung der menschlichen Bedürfnisse und die soziale Gliederung der Gesellschaft. Schmollers Staats- und Sozialwissenschaftliche Forschungen. XIX. 4. Leipzig. 1904 (40, 54).

Hadley (60, 61).

Hampke Carl. Das Ausgabebudget der Privatwirtschaften. Jena. 1888 (159)

Haret Sp. C. Mécanique sociale. Paris-Bucarest 1910 (168)

Hasbach Wilhelm. Güterverzehrung und Güterhervorbringung. Jena. 1906 (33—34).

Haushaltungsrechnungen (320) von Metallarbeitern. Bearbeitet und herausgegeben vom Vorstand des Deutschen Metallarbeiter-Verbandes. Stuttgart. 1909 (161).

Heber E. A. Die Lausanner Schule der politischen Ökonomie. Zeitschrift für Sozialwissenschaft. N. F. Jg. I. Heft 11. 1910 (166).

Hegel (121).

Hermann Friedrich Bened. Wilh. von (31, 39, 42, 43).

— Staatswirtschaftliche Untersuchungen. 2-te nach dem Tod des Verfassers erschienene Auflage. München. 1870 (38, 42, 260 283).

Hertz (121).

Heyn Otto. Theorie des wirtschaftlichen Wertes. Der Begriff des Wertes. Berlin. 1899 (217, 246, 280—281).

Hildebrand Bruno. Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft. Frankfurt a. M. 1848 (232).

Hilferding Rudolf. Böhm-Bawerk's Marx-Kritik. Marx-Studien. Bd. I. 1904, стр. 1—61 (66, 253—254).

Hobson John A. The economics of distribution. New-York. 1900 (7).

Isnar A.-N. (166).

Jennings (75)

Jevons W. Stanley (58, 62, 91, 104—105. 166, 173, 176, 177, 186, 232, 234, 235, 238, 242).

— The theory of political economy. London and New-Jork. 1871 (45. 52, 75, 98, 106, 112. 131, 142, 151—152, 164, 166. 187—189, 192, 193, 232. 273): франц. перев.: La théorie de l'économie politique Traduit par H E. Farrault, M. Alfassa. Avec préface de P. Painlevé Paris. 1909 (118, 128. 129. 183).

Jodl (60).

Joung Allyn A. Some limitations of the value concept. Quarterly Journal of Economics. Vol. XXV May. 1911, стр. 409—428 (281, 297).

Kalenberger Ed. Kritische Beleuchtung der modernen Wert- und Preistheorie. Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 68. Jg. 3. Heft. 1912, стр. 397—451 (54. 180. 277).

Kalinoff Dimitri. David Ricardo und die Grenzwerttheorie. Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. XXII. Erganzungsheft. Tübingen. 1907 (31, 45, 46, 48, 49, 196, 247—248).

Kant (69).

Kaulla Rudolf. Die geschichtliche Entwicklung der modernen Werttheorien. Tubingen. 1906 (75. 76, 231—232).

King Gregory (171).

Kluge Friedrich. Etymologisches Worterbuch der deutschen Sprache. 3. Abdruck. Strassburg. 1884 (201).

Knies Karl. Die nationalokonomische Lehre vom Wert. Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. I. Bd. 1855 (232).

— Geld und Kredit I. Abtheilung. Das Geld. Darlegung der Grundlehren von dem Gelde mit einer Vorerorterung uber das Kapital und die Übertragung der Nutzungen. Berlin. 1873 (65, 66).

Komorzynsky Johann von. Ist auf Grundlage der bisherigen wissenschaftlichen Forschung die Bestimmung der naturlichen Hohe der Guterpreise moglich? Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. XXV. Bd. 1869, стр. 189—238 (269—270).

— Der Wert in der isolirten Wirtschaft. Wien. 1889 (5, 86, 237—238).

Kraus Oscar. Das Bedürfniss. Ein Eintrag zur beschreibenden Psychologie. Leipzig. 1894 (5, 39, 42—43, 46, 63).

— Zur Theorie des Wertes. Eine Benthamstudie. Halle. 1902 (74, 227, 236).

— Zur Lehre von den Bedurfnissen. Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. 17. Bd. 1908, стр. 499—516 (39, 47).

Kraus Siegfried. Ein Beitrag zu Erkenntniss der sozialwissenschaftlichen Bedeutung des Bedurfnisses. Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie und Soziologie. XXX. Jg. 1906, стр. 1—48 (38, 43. 53. 55).

Kreibig Josef. Psychologische Grundlegung eines Systems der Wert-Theorie Wien. 1902 (213. 214, 219).

Kriess J. von. Über die Messung intensiver Grossen und über das sogenannte psychophysische Gesetz. Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie VI. Jg. 1882 (115).

Lagrange (121).

Landolt Ch. Directions sur la manière de dresser les budgets d'ouvriers industriels et d'artisans. Bulletin de l'Institut International de Statistique. T. VI. Rome. 1892. 2-me livraison стр. 289—304 (159—160).

— Methode und Technik der Haushaltstatistik (nebst dem Budget einer St. Galler Arbeiterfamilie etc.). Freiburg i. B. und Leipzig 1894 (160).

Landry A. Manuel d'économique. A l'usage des Facultés de Droit. Paris. 1908 (8, 54, 167, 174. 175. 176 178. 259, 277).

Lange Fr. (76).

Lauderdale (267).

Launhardt Wilhelm (186).

— Mathematische Begründung der Volkswirtschaftslehre. Leipzig. 1885 (91, 128, 142, 166, 234).

Laurent H. Petit traité d économie politique mathématique. Redigé conformément aux preceptes de l'école de Lausanne. Paris. 1902 (167).

Lehr Julius. Wert, Grenzwert und Preis. Jahrbücher für Nationalokonomie und Statistik. N. F. XIX 1889. стр. 17—56 (242).

— Grundbegriffe und Grundlagen der Volkswirtschaft. Leipzig. 1893 (19, 166); также Die Grundbegriffe der Nationalokonomie. Zur Einfuhrung in das Studium der Staatswissenschaften. 2 Aufl. Herausgegeben von M. von Heckel. Leipzig. 1901 (42. 77, 93, 142—143, 151. 166, 189, 200, 234, 260. 261, 302).

— (aus dem Nachlasse von..., herausgegeben und vollendet von Kuno Frankenstein) Produktion und Konsumtion in der Volkswirtschaft. Leipzig. 1895 (54, 58).

Lenoir Marcel. Etudes sur la formation et le mouvement des prix. Thèse. Paris. 1913 (164, 167, 171).

Leroy-Beaulieu Paul (181).

— Traité théorique et pratique d'économie politique. 3-e éd. T. I. Paris. 1900 (179)

Lexis Wilhelm. Grenznutzen. Handworterbuch der Staatswissenschaften. 1. Auflage. I. Supplementband. 1895 (68, 86, 90. 92. 103. 149. 150, 177. 239, 252—253).

— Die volkswirtschaftliche Konsumtion. Handbuch der politischen Ökonomie, herausgegeben von G. Schonberg. 4 Aufl. I. Bd. Tübingen. 1896 (80, 156).

— Wert. Wörterbuch der Volkswirtschaft. 2. Aufl. 1907. Bd. II. (68).

— Bedurfniss. Handworterbuch der Staatswissenschaften. 3. Aufl. II. Bd. 1909 (32. 41, 43, 47, 77, 149. 150).

— Konsumtion (Allgemeine Verhaltnisse). Тамъ же. VI. Bd. 1910 (32. 33, 67—68. 92, 163).

— Haushaltung. Тамъ же. V. Bd. 1911 (153)

— Allgemeine Volkswirtschaftslehre. Die Kultur der Gegenwart, ihre Entwicklung und ihre Ziele. Herausgegeben von Paul Hinneberg. Teil II. Band X. 1. Berlin u. Leipzig. 1910 (157).

Lieben Richard (171, 172, 176, а также см. *Auspitz*).

Liefmann Robert. Hermann Heinrich Gossen und seine Lehre. Zur hundertsten Wiederkehr seines Geburtstages am 7. September 1910. Jahrbucher fur Nationalokonomie und Statistik. III. F. 40. Bd. 1910, стр. 483—498 (166, 242).

— Die Entstehung des Preises aus subjektiven Wertschatzungen. Grundlagen einer neuen Preistheorie. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 34. Bd. 1912, стр. 1—54 и 406—469 (28. 259, 266).

Lifschitz F. Zur Kritik der Bohm-Bawerkschen Werttheorie. Leipzig. 1908 (57).

Lipschütz A. Das Budget des deutschen Arbeiters. Eine Statistik des Elends. Neue Zeit. 28. Jahrg 1910 (161).

Love (118).

Malthus T. R (275).

— Principles of political economy considered with a view to their practical application. London-Murray. 1820 (273, 288, 291—292); нѣм. пер. Grundsatze der politischen Ökonomie mit Rucksicht auf ihre praktische Anwendung. Nach der

zweiten sehr vermehrten Auflage des englischen Originals. 1836. Übersetzt von V. Marmoff. Berlin. 1910 (259 292).

Mangoldt H. v. Grundriss der Volkswirtschaftslehre. 2., nach dem Tode des Verfassers umgearbeitete Auflage. Bearbeitet von F. Kleinwachter. Wien und Pest 1871 (227).

Marshall Alfred (58. 99. 171, 176. 177, 185).

— Principles of economics. Vol. I. Third edition. London. 1895 (77. 78, 98 142, 148. 162. 166. 170. 259, 273, 274—275, 285—286, 289).

Marx Karl (202, 233. 253. 260. 278, 299).

— Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. I. Bd. 2. verbesserte Aufl. Hamburg. 1872. III. Bd. Herausgegeben von Friedrich Engels. Hamburg. 1894 (64—65, 259 264. 269, 273).

Matan Victor. Die Reclame. Eine Untersuchung über Auskundigungswesen und Werbetatigkeit im Geschaftsleben. Leipzig. 1910 (57).

— La réclame au point de vue économique et social. Revue d'économie politique. Vol XXV. 1911. стр. 587 и сл. (57).

Mayer Hans. Eine neue Grundlegung der theoretischen Nationalökonomie. Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik u. Verwaltung. 20. Bd. 1911, стр. 181—209 (36, 48, 95).

Meinong Alexius (215, 216, 217)

— Psychologisch-ethische Untersuchungen zur Wert-Theorie. Graz. 1894 (213, 214. 217).

— Über Werthaltung und Wert. Archiv für systematische Philosophie. I. Bd. 1895, стр. 327—346 (213—214).

Menger Carl (5, 51. 70, 86, 149, 176, 177, 180, 182, 186, 210, 232, 236, 237, 238).

— Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. Erster, allgemeiner Theil. Wien. 1871 (6, 9, 39, 48, 62. 63, 73. 75, 80, 192, 195—196, 201, 202, 209, 215, 221—222, 227, 235).

Meyer Robert. Die zunehmende Mannigfaltigkeit der Consumtion. Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. II. Bd. 1893. стр. 385—418 (55, 153, 156).

Mill John Stuart (172, 289).

— Principles of political economy with some of their applications to social philosophy. London. 1865 (259, 275. 288, 292. 301—302. 304).

Moffat Robert Scott. The economy of consumtion: an omitted chapter in political economy. London. 1878 (31).

Mohs (117).

Molinari G. de (232).

Moore Henry L. The personality of Antoine Augustin Cournot. Quarterly Journal of Economics. Vol. XIX. 1905 (166).

— The statistical complement of pure economics. Тамъ же. Vol. XXIII. November. 1908, стр. 1—33 (171).

Münsterberg Hugo. Philosophie der Werte. Grundzüge einer Weltanschauung. Leipzig. 1908 (215, 218).

Naumann Moritz. Die Lehre vom Wert. Leipzig. 1893 (3, 44, 73, 214, 245—246).

Neumann Friedrich Julius. Zur Revision der Grundbegriffe. Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. Jahrg. 25. и 28. 1869 и 1872 (211).

— Die Begriffe Gut, Wert, Preis, Vermögen, Wirtschaft, Ertrag, Einnahme und Einkommen. Handbuch der politischen Ökonomie herausgegeben von G. Schönberg. 2. Auflage. Tubingen. 1885. Bd. I. (104); Wirtschaftliche Grundbegriffe. Тамъ же. 4. Aufl. 1896. Bd. I. (102—3, 203, 204, 206, 211, 276).

— Grundlagen der Volkswirtschaftslehre. I. Tubingen. 1889 (211).

Neurath Otto. Zur Theorie der Sozialwissenschaften. Jahrbucher für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im D. R. 34. Jahrg. 1910, стр. 37—67 (105—106).

— Nationalökonomie und Wertlehre, eine systematische Untersuchung. Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. 20. Bd. 1911, стр. 52—114 (21, 88, 117, 126, 178).

Nicholson J. Shield. Principles of political economy. Vol. I. London. 1893 (52, 109, 202, 289, 302).

Nordenholz A. Allgemeine Theorie der gesellschaftlichen Production. München. 1902 (18, 19. 261, 292).

Oldenberg K. Zur Preistheorie. Festgaben für Adolf Wagner. Leipzig. 1905 (6, 254).

Oppenheimer Fr. Theorie der reinen und politischen Ökonomie. Berlin. 1910 (43).

Painlevé Paul. См. *Jevons* (183).

Palgrave R. H. J. Dictionary of political economy. London. 1899 (157, 162, 167 171).

Pantaleoni M. (167).

— Cenni sul concetto di massimi edonistici individuali et collettivi. Giornale degli economisti. Serie II. Vol IV. 1892 (48).

Pareto Vilfredo (58. 166, 171, 176, 186).

— Considerationi sui principi fondamentali dell'economia politica pura. Giornale degli economisti Serie II. Vol. IV. 1892, стр. 389—420 и 485—512 (98, 234).

— Teoria matematica dei cambi forestieri. Тамъ же Vol. VIII. 1894 (22).

— Teoria matematica del commercio internazionale. Тамъ же. Vol. X. 1895 (22).

— La legge della domanda. Тамъ же. Vol. X. 1895, стр. 59—69 (171).

— Sunto di alcuni capitoli di un nuovo trattato di economia pura del Prof. Pareto. Тамъ же. Vol. XX 1900, стр. 216—235 и 511—549 (118—119).

— Cours d'économie politique. Lausanne. 1896 (3. 53. 102, 118, 128, 167, 234).

— La méthode mathématique. Revue d économie politique. 1901 (181).

— Anwendungen der Mathematik auf Nationalökonomie. Encyklopädie der mathematischen Wissenschaften. Bd. I. Leipzig. 1902, стр. 1094—1120 (20, 119. 167. 169. 170, 184, 190, 193, 289).

— Manuel d'économie politique. Traduit sur l'édition italienne par A. Bonnet (revue par l'auteur). Paris. 1909 (15, 18, 30. 204, 227, 261, 276—277)

Patten Simon N. Die Bedeutung der Lehre vom Grenznutzen. Jahrbücher fur Nationalökonomie und Statistik III. F. II. Bd. 1891. стр. 481—534 (32, 154—156).

— The theory of dynamic economics. Publications of the University of Pennsylvania. Series in Political Economy and Public Law. № 11 Philadelphia. 1892 (32, 78—79, 88, 155. 289).

Patten Simon N. The consumtion of wealth. Тамъ же. № 4. Second edition. Philadelphia. 1901 (54—55, 131. 137—138).

— The economic causes of moral progress. The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. III. 1892 (58).

— Cost and utility. Тамъ же. Vol. III. January. 1893 (87)

Philippovich Eugen von (282).

— Grundriss der politischen Ökonomie. I. Bd. Allgemeine Volkswirtschaftslehre. Achte, revidierte Auflage. Tübingen. 1909 (15, 18, 30. 204, 227, 261, 276—277).

— Das Wesen der volkswirtschaftlichen Produktivität und die Möglichkeit ihrer Messung. Schriften des Vereins für Sozialpolitik. 132. Bd. Verhandlungen des Vereins für Sozialpolitik in Wien 1909. Leipzig. 1910, стр. 329—370 (300).

Pierson N. G. Principles of economics. Translated from the dutch by A. Wotzel. Vol. I. 1902 (7, 200, 222).

Pigou A. C. Some remarks of utility. The Economic Journal. Vol. XIII. March. 1903, стр. 58—68 (60, 87, 126).

Pinkus N. Das Problem des Normalen in der Nationalökonomie. Beitrag zur Erforschung der Störungen im Wirtschaftsleben. Leipzig. 1906 (270 291).

Play Le F. (153, 160)

— Les ouvriers européens; études sur les travaux, la vie domestique et la condition morale des populations ouvrières de l'Europe d'après les faits observés de 1829 à 1879. 2-me éd. T. I. La méthode d'observations. Paris. 1879 (159).

Poincaré H. La science et l'hypothèse. Paris. 1908 (113).

Quesney François (29).

Ricardo David (154. 177, 269, 278. 288, 289)

— Principles of political economy and taxation. Edited by Gonner. London. 1903 (84, 269, 297—298, 303—304).

Ricci Umberto. Curve crescenti di ofelimità elementare e di domanda. Giornale degli economisti. Vol. XXIX. 1904, стр. 112—138 (77—78).

— La misurabilità del piacere e del dolore. Тамъ же. Vol. XXX. 1905. стр. 15—36 (64, 89, 107, 121, 131, 148, 167).

Rist Charles. См. *Gide.*

Rodbertus (223).

Roscher W. (38).

— System der Volkswirtschaft. I. Bd. Grundlagen der Nationalökonomie. 24. vermehrte u. verbesserte Auflage, bearbeitet von R. Pöhlmann. Stuttgart. 1906 (195. 227. 264, 292, 304).

Rossi (232).

Rost Bernhard. Die Wert- und Preistheorie mit Berücksichtigung ihrer dogmengeschichtlichen Entwickelung. Leipzig. 1908 (5, 63).

Ruggiero Guido de. L'economia e la meccanica. Giornale degli economisti. Vol. XLII. 1911, стр. 218—247 (121. 167, 168, 190).

Samsonoff B. Esquisse d'une théorie générale de la rente, suivie d'une critique des principales opinions émises sur le même sujet. Lausanne. 1912 (168).

Sax Emil. Grundlegung der theoretischen Staatswissenschaft. Wien. 1887 (47, 51—52, 70, 247, 249).

— Die neuesten Fortschritte der nationalökonomischen Theorie. Leipzig. 1889 (42. 51, 249).

Schäffle A. E. F. (31, 70).

— Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirtschaft. 3. Aufl. I. Bd. Tübingen 1873 (227).

Scharling William. Werttheorien und Wertgesetz. Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. N. F. XVI. 1888, стр. 417—437 и 513—562 (149—150, 193, 241, 264, 273).

— Grenznutzentheorie und Grenzwertlehre. Fragmentarische Bemerkungen. Тамъ же. III. F. XXVII. Bd. 1904, стр. 1—32 и 145—168 (103, 235, 239).

Schelwien R. Die Arbeit und ihr Recht. Rechtlich volkswirtschaftliche Studien zur sozialen Frage. Berlin. 1882 (65).

Schmidt Conrad (275).

— Die psychologische Richtung in der neueren Nationalökonomie. Neue Zeit. Bd. X. 1891—1892, стр. 421—459 (55).

Schmoller Gustav. Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre. I—II. Leipzig. 1900—1904 (15, 16, 154).

Schnapper-Arndt Gottlieb. Zur Theorie der Privatwirtschafts-Statistik. Bulletin de l'Institut International de Statistique. T. XIII. 2-me livraison. Budapest. 1902, стр. 284—321 (160).

— Sozialstatistik (Vorlesungen uber Bevölkerungslehre, Wirtschafts- und Moralstatistik). Leipzig. 1908 (160).

Schor Alexander. Kritik der Grenznutzentheorie. Jahrbucher fur Nationalökonomie und Statistik. III. F. XXIII. Bd. 1902, стр. 227—255 (228—229).

Schubert H. Grundlagen der Arithmetik. Encyklopädie der mathematischen Wissenschaften. I. Bd. Leipzig 1902 (114).

Schubert-Soldern R. von. Das menschliche Glück und die soziale Frage. Sonderabdruck aus der Zeitschrift fur die gesamte Staatswissenschaft. 1896. Mit Anmerkungen und Ergänzungen. Tübingen. 1896 (59. 78, 112).

Schumpeter Joseph (35).

— Über die mathematische Methode der theoretischen Ökonomie. Zeitschrift fur Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. 15. Bd. 1906, стр. 30—49 (105—106, 152, 166, 170, 175, 176, 182, 190—191).

— Bemerkungen uber das Zurechnungsproblem. Тамъ же. Bd. 18. 1909, стр 79—132 (8, 37. 96, 243—244. 281, 291).

— Marie Esprit Léon Walras. Тамъ же Bd. 19. 1910 (166).

— Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie Leipzig. 1908 (4, 8, 16, 34. 36, 73, 244, 281, 291).

— On the concept of social value. Quarterly Journal of Economics. Vol. XXIII. 1909 (48, 59).

— Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung. Leipzig. 1912 (291).

Seligman Edwin R. A. (236).

— Social elements in the theory of value Quarterly Journal of Economics. Vol. XV. 1901, стр. 321—347 (247).

— Principles of economics. With special reference to american conditions. 2-d ed. 1906 (8. 83, 126, 247, 302).

Senior (75, 232. 234. 292).

Seval Hannan Robie. The theory of value before Adam Smith. Publications of the American Economic Association. Vol. II. New Jork. 1901 (232).

Sidgwick (60)

Simiand François. La méthode positive en science économique. Paris. 1912 (174, 175, 179, 183).

Simmel G. Philosophie des Geldes. Leipzig. 1900 (3—4, 228).

Smart W. An introduction to the theory of value. London. 1910 (31, 73, 242).

Smith Adam (172, 194, 232, 242, 288).

— An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. Reprinted from the sixth edition with an introduction by Ernest Belfort Bax. London. 1905 (263—264, 267—268, 269 275)

Sombart Werner (275).

Stolzmann Rudolf. Die soziale Kategorie in der Volkswirtschaftslehre. Berlin. 1896 (3).

Stuart Henry W. The hedonistic interpretation of subjectiv value Journal of Political Economy. Vol. IV. December 1895, стр. 64—84 (59, 60, 61).

Sulzer Georg. Die wirtschaftlichen Grundgesetze in der Gegenwartsphase ihrer Entwicklung. Zürich 1895 (9, 53, 77. 91, 242, 260).

Tarde G. (86, 107, 154).

— Les deux sens de la valeur. Revue psychologique. II. 1888, стр. 526—540 и 561—576 (31).

— Psychologie économique. Vol. I. Paris. 1902 (58).

Taylor Lanworthy W. G. (60, 61).

— Value, positive and relative. Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. IX. 1897, стр. 70—106 (298—299).

Trivero C. (45).

Tuttle Ch. A. The wealth concept. A study in economic theory. Annals of American Academy of Political and Social Science Vol. I. April. 1891 (128).

Urban W. M. (216).

— Valuation, its nature and laws being an introduction to the general theory of value. London. 1909 (211, 214).

Valenti (78).

Voigt Andreas (118).

— Der Begriff der Dringlichkeit Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 47. Bd. 1891, стр. 372—377 (44, 52).

— Der ökonomische Wert der Güter. Тамъ же. 48. Bd. 1892, стр. 193—250 (3, 71, 86, 94, 102).

— Zahl und Maas in der Ökonomie. Eine kritische Untersuchung der mathematischen Methode und der mathematischen Preistheorie Тамъ же. 49 Bd. 1893 стр. 577—609 (104, 117, 173).

Volterra Vito. L'economia matematica ed il nuovo manuale del Prof. Pareto. Giornale degli economisti. Vol. XXXII. 1906. стр. 296—302 (167).

— Les mathématiques dans les sciences biologiques et sociales. La revue du mois. 1906. № 1 (167).

Wagner Adolf (171, 222).

— Grundlegung der politischen Ökonomie. I. Theil. I. Halbband. 3. Aufl. Leipzig. 1893 (15, 18, 39, 42, 196, 197, 198, 202, 203, 206, 264. 277).

— Theoretische Sozialökonomik oder allgemeine und theoretische Volkswirtschaftslehre. I. Abt. Leipzig. 1907 (202, 291).

Walras Auguste (234).

Walras Léon (22, 118, 121, 166. 167. 172, 173, 176 177, 186, 232, 234, 238, 242).

— Un économiste inconnu. Hermann Heinrich Gossen. Journal des économistes. 30. Vol. 1885, стр. 68—90 (166).

— Eléments d'économie politique pure ou théorie de la richesse sociale. 4 éd. Lausanne-Paris. 1900 (75, 91, 170, 174, 177, 233—234, 261—262).

Weber Alfred. Über den Standort der Industrien. I. Teil. Reine Theorie des Standorts. Mit einem mathematischen Anhang von Georg Pick. Tubingen. 1909 (171).

Weber Max (61).

- Die Grenznutzenlehre und das psichophisische Grundgesetz. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 27. Bd. 1908, стр. 546—558 (54. 76).

Weber. См. *Fechner.*

Wernicke Johann. Der objektive Wert und Preis. Grundlegung einer realen Wert- und Preislehre Jena. 1896 (152).

Wicksell Knut. Über Wert, Kapital und Rente nach den neueren nationalökonomischen Theorien. Jena. 1893 (167, 170).

— Zur Verteidigung der Grenznutzenlehre. Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. Bd. 56. 1900, стр. 577—591 (71, 109).

Wicksteed Philipp H. The alphabet of economic science. Part I. Elements of the theory of value and worth. London. 1888 (70, 93, 128, 167).

Wieser Friedrich von (5, 61, 74, 186, 214, 221 235, 236).

— Über den Ursprung und die Hauptgesetze des wirtschaftlichen Werthes. Wien. 1884 (44, 51, 53, 74. 75, 92—93, 104, 213, 231. 232, 247, 283).

— Der natürliche Wert. Wien. 1889 (10, 51, 196, 201, 211, 213, 217. 218, 222. 235. 248—249. 250—251, 287).

— The theory of value A reply to professor Macvane Annals of the Amerikan Academy of Political and Social Science. Vol. II. March. 1892 (228).

— Gut. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 3. Aufl. V. Bd. 1910 (196, 204, 206).

— Grenznutzen. Тамъ же. V. Bd 1910 (74, 75, 125, 227, 247, 251).

— Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie (Kritische Glossen). Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung u. Volkswirtschaft im D. R. 35. Jahrg. 1911, стр. 909—931 (36).

Winarski Leon. Versuch einer sozialen Mechanik. Sozialistische Monatshefte. III. Bd. 1899, стр. 21—30, 434—445 и 566—571 (167—168).

Wirtschaftsrechnungen (Erhebung von) minderbemittelter Familien im Deutschen Reiche. Bearbeitet im Kaiserlichen Statistischen Amte. Abteilung für Arbeitsstatistik. 2. Sonderheft zum Reichs-Arbeitsblatte. Berlin. 1909 (161).

Wirtschaftsrechnungen (Zwei) von Familien höherer Beamten. Bearbeitet im Kaiserlichen Statistischen Amte. Abteilung für Arbeitsstatistik. 3. Sonderheft zum Reichs-Arbeitsblatte. Berlin. 1911 (158).

Wolf Julius. Zur Lehre vom Wert. Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 42. Bd. 1886, стр. 415—463 (104).

— Nationalökonomie als exacte Wissenschaft. Ein Grundriss. Leipzig. 1908 (22, 43, 276).

Workmen's Budgets. Dictionary of political economy by R. H. J. Palgrave. London. 1899. Vol. III (157, 162).

Zoretti L. La méthode mathématique et les sciences sociales. La Revue du mois. 1906 № 9 (167).

Zuckerkandl Robert Zur Theorie des Preises mit besonderer Berücksichtigung der geschichtlichen Entwicklung der Lehre. Leipzig. 1889 (9, 222, 232, 260, 277).

— Preis (Theorie). Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 3. Aufl. VI. Bd 1910 (18, 19, 20, 21, 22, 153).

Zwiedineck Otto von. Kritisches und Positives zur Preislehre. Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 64. Bd. 1908, стр. 587—654; 65 Bd. 1909, стр. 78—128 (13, 15, 16, 47—48, 56, 57).

— Über den Subjektivismus in der Preislehre. Überlegungen im Anschluss an Liefmann's Preistheorie. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik 38. Bd. 1914, стр. 1—57 (259—260, 266).

Замѣченныя ошибки и главнѣйшія опечатки.

СТРАНИЦА	СТРОКА	НАПЕЧАТАНО	НАДО ЧИТАТЬ
15	14 снизу	1892	1893
19	6 „	1893.	1893, стр. 230, 2 изд. 1901,
23	9 „	ростетъ	растетъ
24	18 „	ихъ	его
39	8 „	1892	1893
41	21 „	при томъ	притомъ
52	23 сверху	наростаніе	нарастаніе
„	2 снизу	fruitfull	fruitful
53	5 сверху	вправѣ	въ правѣ
58	9 „	они	онѣ
60	12 „	вродѣ	въ родѣ
67	1 снизу	ни коимъ	никоимъ
74	8 „	Теорія	Экономика
98	13 сверху	Considerationi	Consideratione
131	20 снизу	Appelt	Apelt
140	1 „	Bd.	Bd 20.
152	10 сверху	)	[1])
155	20 снизу	6666	66 6
161	10 „	упло	упла-
163	4 сверху	бютжетной	бюджетной
164	12 снизу	цѣнъ.	цѣнъ, у
181	8 „	представляемъ	представляетъ
193	14 „	вродѣ	въ родѣ
194	9 „	Galliani	Galiani

СТРАНИЦА	СТРОКА	НАПЕЧАТАНО	НАДО ЧИТАТЬ
214	8 снизу	или	или потребность
232	4 сверху	Galliani	Galiani
„	18 снизу	1881	въ The New Englander. July. 1881.
244	2 „	позднѣйшей	другой
„	„ „	Aufgaben	Hauptinhalt
254	24 „	выростающія	вырастающія
270	6 сверху	Jst	Ist